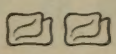
3 1761 08820951 5

LR
S6396

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В.В.ВЕРЕСАЕВА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА



3

ТОМЪ ТРЕТІЙ

A 60104
1.4.47

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. 1913.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1913 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ЗВѢЗДА.

Восточная сказка.

Это случилось въ давнія времена, въ далекомъ, невѣдомомъ краю.

Надъ краемъ царила вѣчная, черная ночь. Гнилые туманы поднимались надъ болотистою землею и стлались въ воздухѣ. Люди рождались, росли, любили и умирали въ сыромъ мракѣ.

Но иногда дыханіе вѣтра разгоняло тяжелыя испаренія земли. Тогда съ далекаго неба на людей смотрѣли яркія звѣзды. Наступалъ всеобщій праздникъ. Люди, въ одиночку сидѣвшіе въ темныхъ, какъ погреба, жилищахъ, сходились на площадь и пѣли гимны небу. Отцы указывали дѣтямъ на звѣзды и учили, что въ стремленіи къ нимъ—жизнь и счастье человѣка. Юноши и дѣвушки жадно вглядывались въ небо и неслись къ нему душою изъ давившаго землю мрака. Звѣздамъ молились жрецы. Звѣзды воспѣвали поэты. Ученые изучили пути звѣздъ, ихъ число, величину, и сдѣлали важное открытіе: оказалось, что звѣзды медленно, но непрерывно приближаются къ землѣ. Десять тысячъ лѣтъ назадъ, — такъ говорили вполнѣ достовѣрные источники, — съ трудомъ можно было различить улыбку на лицѣ ребенка за полтора шага. Теперь же всякій легко различалъ ее за цѣлыхъ три шага. Не было никакого сомнѣнія, что черезъ нѣсколько милліоновъ лѣтъ небо засіяетъ яркими огнями, и на землѣ наступитъ царство вѣчнаго, лучезарнаго свѣта. Всѣ терпѣливо ждали блаженнаго времени и съ надеждою на него умирали.

Такъ долгіе годы шла жизнь людей, тихая и безмятежная, и согрѣвалась она кроткою вѣрою въ далекія звѣзды.

Однажды звѣзды на небѣ горѣли особенно ярко. Люди толпились на площади и въ нѣмомъ благоговѣніи возносились душою къ вѣчному свѣту.

Вдругъ изъ толпы раздался голосъ:

— Братья! Какъ свѣтло и чудно тамъ, въ высокихъ небесныхъ равнинахъ! А у насъ здѣсь какъ сыро и мрачно! Томится душа моя, нѣтъ ей жизни и воли въ вѣчной тьмѣ. Что до того, что черезъ милліоны лѣтъ жизнь нашихъ дальнихъ потомковъ озарится непреходящимъ свѣтомъ? Намъ, намъ нуженъ этотъ свѣтъ. Нуженъ больше воздуха и пищи, больше матери и возлюбленной. Кто знаетъ,—быть-можетъ, есть путь къ звѣздамъ. Быть-можетъ, мы въ силахъ сорвать ихъ съ неба и водрузить здѣсь, среди насъ, на радость всей землѣ! Пойдемте же искать пути, пойдемте искать свѣта для жизни!

Въ собраніи было молчаніе. Шопотомъ люди спросили другъ друга:

— Кто это?

— Это—Адеилъ, юноша безразсудный и непокорный.

Опять было молчаніе. И заговорилъ старый Тсуръ, учитель умныхъ, свѣтъ науки:

— Милый юноша! Всѣмъ намъ понятна твоя тоска. Кто въ свое время не болѣлъ ею? Но невозможно человѣку сорвать съ неба звѣзду. Край земли кончается глубокими провалами и безднами. За ними крутыя скалы. И нѣтъ черезъ нихъ пути къ звѣздамъ. Такъ говорятъ опытъ и мудрость.

И отвѣтилъ Адеилъ:

— Не къ вамъ, мудрые, и обращаюсь я. Вашъ опытъ бѣльмами покрываетъ глаза ваши, и мудрость ваша ослѣпляетъ васъ. Къ вамъ взываю я, молодые и смѣлые сердцемъ, къ вамъ, кто еще не раздавленъ дряхлою старческою мудростью!

И онъ ждалъ отвѣта.

Одни сказали:

— Мы бы рады пойти. Но мы—свѣтъ и радость въ очахъ родителей нашихъ и не можемъ причинить имъ печали.

Другіе сказали:

— Мы бы рады пойти. Но мы только-что начали строить наши дома, и намъ нужно достроить ихъ.

Третьи сказали:

— Привѣтъ тебѣ, Адеилъ! Мы идемъ съ тобою!

И поднялись многіе юноши и дѣвушки. И пошли за Адеиломъ. Пошли въ темную, грозную даль. И тьма поглотила ихъ.

Прошло много времени.

Объ ушедшихъ не было вѣсти. Матери оплакали безразсудно погибшихъ дѣтей, и жизнь потекла попрежнему. Опять въ сыромъ мракѣ родились, росли, любили и умирали люди, съ тихою надеждою, что черезъ тысячи вѣковъ на землю низойдетъ свѣтъ.

Но вотъ однажды надъ темнымъ краемъ земли небо слабо освѣтилось мелькающимъ, трепетнымъ свѣтомъ. Люди толпились на площади и удивленно спрашивали:

— Что это тамъ?

Небо съ каждымъ часомъ свѣтлѣло. Голубые лучи скользили по туманамъ, пронизывали облака, широкимъ свѣтомъ заливали небесныя равнины. Угрюмыя тучи испуганно клубились, толкались и бѣжали вдаль. Все ярче разливались по небу торжествующіе лучи. И трепетъ небывалой радости пробѣгалъ по землѣ.

Пристально вглядывался въ даль старый жрецъ Сатзой. И сказалъ задумчиво:

— Такой свѣтъ можетъ быть только отъ вѣчной небесной звѣзды.

И возразилъ Тсуръ, учитель умныхъ, свѣтъ науки:

— Но какъ могла звѣзда спуститься на землю? Нѣтъ намъ пути къ звѣздамъ, и нѣтъ звѣздамъ пути къ намъ.

А небо свѣтлѣло, свѣтлѣло. И вдругъ надъ краемъ земли сверкнула слѣпяще-яркая точка.

— Звѣзда! Идетъ звѣзда!

И въ бурной радости побѣжали люди навстрѣчу.

Яркіе, какъ день, лучи гнали передъ собою гнилые туманы. Разорванные, взлохмаченные,—туманы металисъ и приникали къ землѣ. А лучи били по нимъ, рвали на части и вгоняли въ землю. Освѣтилась и очистилась даль земли. Люди увидѣли, какъ широка эта даль, сколько вольнаго простору на землѣ, и сколько братьевъ ихъ живетъ во всѣ стороны отъ нихъ.

И въ бурной радости бѣжали они навстрѣчу свѣту.

По дорогѣ тихимъ шагомъ шелъ Адеилъ и высоко держалъ за лучъ сорванную съ неба звѣзду. Онъ былъ одинъ.

Его спросили:

— Гдѣ же остальные?

Обрывающимся голосомъ онъ отвѣтилъ:

— Всѣ погибли. Прокладывали пути къ небу сквозь провалы и бездны. И погибли смертью храбрыхъ.

Ликующія толпы окружили звѣздоносца. Дѣвушки осыпали его цвѣтами. Гремѣли клики восторга:

— Слава Адеилу! Слава принесшему свѣтъ!

Онъ вошелъ въ городъ и остановился на площади, и высоко въ рукѣ держалъ сіявшую звѣзду. И по всему городу разлилось ликованіе.

Прошли дни.

Попрежнему ярко сіяла на площади звѣзда въ высоко под-

нятой рукѣ Адеила. Но давно уже не было въ городѣ ликованія. Люди ходили сердитые и хмурые, потупивъ взоры, и старались не смотрѣть другъ на друга. Когда имъ приходилось итти черезъ площадь, глаза при видѣ Адеила загорались мрачною враждою. Не слышно было пѣсенъ. Не слышно было молитвъ. На мѣсто разогнанныхъ звѣздою гнилыхъ тумановъ надъ городомъ невидимымъ туманомъ сгущалась черная, угрюмая злоба. Сгущалась, росла и напрягалась. И подъ гнетомъ ея нельзя было жить.

И вотъ съ воплемъ выбѣжалъ на площадь человѣкъ. Горѣли глаза его, лицо исказилось отъ разрывавшей душу злобы. Въ безуміи бѣшенства онъ кричалъ:

— Долой звѣзду! Долой проклятаго звѣздоносца!.. Братья, развѣ не души всѣхъ васъ вопятъ моими устами: долой звѣзду, долой свѣтъ,—онъ лишилъ насъ жизни и радости! Мы мирно жили во мракѣ, мы любили наши милыя жилища, нашу тихую жизнь. И смотрите, — что такое случилось? Пришелъ свѣтъ,—и нѣтъ ужъ отрады ни въ чемъ. Грязными, уродливыми кучами тѣснятся дома. Листья деревьевъ блѣдны и склизки, какъ кожа на брюхѣ лягушки. Посмотрите на землю,—она вся покрыта кровавою грязью. Откуда эта кровь, кто знаетъ? Но она липнетъ къ рукамъ, ея запахъ преслѣдуетъ насъ за ѣдою и во снѣ, онъ отравляетъ и обезсиливаетъ наши смиренныя молитвы къ звѣздамъ. И нигдѣ нѣтъ спасенія отъ дерзкаго, всепроникающаго свѣта! Онъ врывается въ наши дома, и вотъ мы видимъ: всѣ они облѣплены грязью; грязь въѣлась въ стѣны, затянула окна, вонючими кучами громоздится въ углахъ. Мы больше не можемъ цѣловать нашихъ возлюбленныхъ: при свѣтѣ Адеиловой звѣзды онѣ стали отвратительнѣе могильныхъ червей; глаза ихъ блѣдны, какъ мокрицы, мягкія тѣла покрыты пятнами и отливаютъ плѣсенью. И другъ на друга ужъ не можемъ мы больше смотрѣть,—не человѣка видимъ мы передъ собою, а поруганіе человѣка... Каждый нашъ тайный шагъ, каждое скрытое движеніе освѣщаетъ неумолимый свѣтъ... Невозможно жить! Долой звѣздоносца, да погибнетъ свѣтъ!

И подхватили другіе:

— Долой! Да живетъ тьма! Только горе и проклятье приноситъ людямъ свѣтъ звѣздъ... Смерть звѣздоносцу!

И грозно заволновалась толпа. И бѣшенымъ ревомъ старалась опьянить себя, задушить ужасъ передъ великою хулою своею на свѣтъ. И двинулась на Адеила.

Но смертельно-ярко сіяла звѣзда въ рукѣ звѣздоносца, и люди не смогли подойти къ нему.

— Братья, стойте!—вдругъ раздался голосъ стараго жреца

Сатзоя.—Тяжкій грѣхъ берете вы на душу, проклиная свѣтъ! Чему мы молимся, чѣмъ мы живемъ, какъ не свѣтомъ? Но и ты, сынъ мой,—обратился онъ къ Аденлу:—и ты совершилъ не меньшій грѣхъ, снесши звѣзду на землю. Правда, великій Брама сказалъ: «Блаженъ, кто стремится къ звѣздамъ». Но дерзкіе своею мудростью люди неправильно поняли слово Всемірно-чтимаго. Ученики учениковъ его растолковали истинный смыслъ темнаго слова Всемудраго: къ звѣздамъ человѣкъ долженъ стремиться лишь помыслами, а на землѣ тьма столь же священна, какъ на небѣ—свѣтъ. И вотъ эту-то истину презрѣлъ ты своимъ вознесшимся умомъ. Раскайся же, сынъ мой, брось звѣзду, и да воцарится на землѣ прежній миръ!

Усмѣхнулся Аденлъ.

— А ты думаешь, если я ее брошу, — миръ на землѣ не погибъ уже навѣки?

И съ ужасомъ почуяли люди, что правду сказалъ Аденлъ, что прежній миръ ужъ не воротится никогда.

Тогда выступилъ впередъ старый Тсуръ, учитель умныхъ, свѣтъ науки.

— Безразсудно поступилъ ты, Аденлъ, и самъ видишь теперь плоды твоего безразсудства. По законамъ природы жизнь развивается медленно. И медленно приближаются къ жизни далекія звѣзды. При ихъ постепенно-приближающемся свѣтѣ постепенно перестраивается и жизнь. Но ты не захотѣлъ ждать. Ты на свой страхъ сорвалъ звѣзду съ неба и ярко освѣтилъ жизнь. Что же получилось? Вотъ она кругомъ передъ нами, — грязная, жалкая и уродливая. Но развѣ мы раньше не догадывались, что она такова? И развѣ въ этомъ была задача? Не велика мудрость сорвать съ неба звѣзду и освѣтить ею уродства земли. Нѣтъ, возьмись за черную, трудную работу переустройства жизни. Тогда ты увидишь, легко ли очистить ее отъ накопившейся вѣками грязи, можно ли смыть эту грязь хотя бы цѣлымъ моремъ самаго лучезарнаго свѣта. Сколько въ этомъ дѣтской неопытности! Сколько непониманія условій и законовъ жизни! И вотъ вмѣсто радости ты принесъ на землю скорбь, вмѣсто мира—войну. А ты могъ бы и теперь можешь быть полезнымъ жизни: разбей звѣзду, возьми изъ нея лишь маленькій осколокъ, — и осколокъ этотъ освѣтитъ жизнь какъ разъ настолько, сколько нужно для плодотворной и разумной работы надъ нею.

И отвѣтилъ Аденлъ:

— Ты вѣрно сказалъ, Тсуръ! Не радость принесла сюда звѣзда, а скорбь, не миръ, а войну. Не этого ждалъ я, когда по крутымъ скаламъ карабкался къ звѣздамъ, когда вокругъ

меня обрывались и падали въ бездну товарищи... Я думалъ: хоть одинъ изъ насъ достигнетъ цѣли и принесетъ на землю звѣзду. И въ яркомъ свѣтѣ наступитъ на землѣ яркая, свѣтлая жизнь. Но когда я стоялъ на площади, когда я при свѣтѣ небесной звѣзды увидѣлъ вашу жизнь, я понялъ, что безумны были мои мечты. Я понялъ, — свѣтъ нуженъ вамъ лишь въ недосягаемомъ небѣ, чтобъ преклоняться передъ нимъ въ торжественныя минуты жизни. На землѣ же вамъ всего дороже мракъ, чтобъ прятаться другъ отъ друга и, главное, радоваться на себя, на свою темную, проѣденную плѣсенью жизнь. Но еще больше, чѣмъ прежде, почуялъ я, что невозможно жить этою жизнью. Каждою каплею своей кровавой грязи, каждымъ пятномъ сырой плѣсени она немолчно вопіетъ къ небу... Впрочемъ, могу васъ утѣшить: свѣтить моей звѣздѣ недолго. Тамъ, въ далекомъ небѣ, висятъ звѣзды и свѣтятъ сами собою. Но, сорванная съ неба, снесенная на землю, звѣзда можетъ свѣтить, лишь питаясь кровью держащаго ее. Я чувствую, жизнь моя, какъ по свѣтильнѣ, поднимается по тѣлу къ звѣздѣ и сгораетъ въ ней. Еще немного, и жизнь моя сгоритъ цѣликомъ. И нельзя никому передать звѣзды: она гаснетъ вмѣстѣ съ жизнью несущаго ее, и каждый долженъ добывать звѣзду вновь. И къ вамъ обращаюсь я, честные и смѣлые сердцемъ. Познавъ свѣтъ, вы ужъ не захотите жить во мракѣ. Идите же въ далекій путь и несите сюда новыя звѣзды. Дологъ и труденъ путь, но все-таки для васъ онъ будетъ ужъ легче, чѣмъ для насъ, впервые погибшихъ на немъ. Тропинки проложены, пути намѣчены. И вы воротитесь со звѣздами, и не изсякнетъ больше ихъ свѣтъ на землѣ. А при неугасающемъ ихъ свѣтѣ невозможною станетъ такая жизнь, какъ теперь. Высохнутъ болота. Исчезнутъ черные туманы. Ярко зазеленѣютъ деревья. И тѣ, которые теперь въ ярости кидаются на звѣзду, волею-неволею возьмутся за переустройство жизни. Вѣдь и вся злоба ихъ теперь оттого, что при свѣтѣ — они чувствуютъ—имъ невозможно жить такъ, какъ они живутъ. И жизнь станетъ великою и чистою. И прекрасна будетъ она при лучезарномъ свѣтѣ питаемыхъ нашею кровью звѣздъ. А когда наконецъ спустится къ намъ звѣздное небо и освѣтитъ жизнь, то застанетъ людей достойными свѣта. И тогда ужъ ненужна будетъ наша кровь, чтобъ питать этотъ вѣчный, непреходящій свѣтъ...

Голосъ Аѳенла оборвался. Послѣднія кровинки сбѣжали съ блѣднаго лица. Подогнулись колѣни звѣздоносца, и онъ упалъ. Упала вмѣстѣ съ нимъ звѣзда. Упала, зашипѣла въ кровавой грязи и погасла.

Рinулась со всѣхъ сторонъ черная тьма и замкнулась надъ погасшею звѣздою. Поднялись съ земли ожившіе туманы, заклубились въ воздухѣ. И жалкими, робкими огоньками свѣтились сквозь нихъ на далекомъ небѣ далекія, безсильныя и неопасныя звѣзды.

Прошли годы.

Попрежнему въ сыромъ мракѣ родились, росли, любили и умирали люди. Попрежнему мирною и спокойною казалась жизнь. Но глубокая тревога и неудовлетворенность подтачивали ее во мракѣ. Люди старались и не могли забыть того, что̀ освѣтила мимолетнымъ своимъ свѣтомъ яркая звѣзда.

Отравлены были прежнія тихія радости. Ложь въѣлась во все. Благоговѣйно молился человѣкъ на далекую звѣзду и начиналъ думать: «А вдругъ найдется другой безумецъ и принесетъ звѣзду сюда, къ намъ?» И языкъ заплетался, и благоговѣйное пареніе смѣнялось трусливою дрожью. Отецъ училъ сына, что въ стремленіи къ звѣздамъ—жизнь и счастье человѣка. И вдругъ мелькала мысль: «А ну, какъ въ сынѣ и вправду загорится стремленіе къ звѣздному свѣту, и, подобно Адеилу, онъ пойдетъ за звѣздою и принесетъ ее на землю!» И отецъ спѣшилъ объяснить сыну, что свѣтъ, конечно, хорошъ, но безумно пытаться низвести его на землю. Были такіе безумцы, и они безславно погибли, не принесши пользы для жизни.

Этому же учили людей жрецы. Это же доказывали ученые. Но напрасно звучали проповѣди. То и дѣло разносилась вѣсть, что нѣкій юноша или нѣкая дѣвушка ушли изъ родного гнѣзда. Куда? Не по пути ли, указанному Адеиломъ? И съ ужасомъ чувствовали люди, что, если опять засіяетъ на землѣ свѣтъ, то придется волею-неволею взяться наконецъ за громадную работу, и нельзя будетъ уйти отъ нея никуда.

Со смутнымъ безпокойствомъ вглядывались они въ черную даль. И казалось имъ, что надъ краемъ земли ужъ начинаетъ мелькать трепещущій отсвѣтъ приближающихся звѣздъ.

1903.

МАТЬ.

Изъ записной книжки.

Сегодня утромъ я шелъ по улицамъ Стараго Дрездена. На душѣ было непріятно и неловко: шелъ я смотрѣть ее, прославленную Сикстинскую Мадонну. Ею всѣ восхищаются, ею стыдно не восхищаться. Между тѣмъ безчисленные снимки съ картины, которые мнѣ приходилось видѣть, оставляли меня въ совершенномъ недоумѣніи, чѣмъ тутъ можно восхищаться. Мнѣ нравились только два ангелочка внизу. И вотъ,—я зналъ, — я буду почтительно стоять передъ картиною, и всматриваться безъ конца, и стараться натащить на себя соотвѣтственное настроеніе. А задорный бѣсенокъ будетъ подсмѣиваться въ душѣ и говорить: «ничего я не стыжусь, — не нравится, да и баста!..»

Я вошелъ въ Цвингеръ. Большія залы, съ верху до низу увѣшанныя картинами. Глаза разбѣгаются, не знаешь, на что смотрѣть, и ищешь въ путеводителѣ спасительныхъ звѣздочекъ, отмѣчающихъ «достойное». Вотъ небольшая дверь въ угловую сѣверную комнату. Передъ глазами мелькнули знакомые контуры, яркія краски одеждъ... *Она!* Съ непріятнымъ, почти враждебнымъ чувствомъ я вошелъ въ комнату.

Одиноко, въ большой, идущей отъ пола золотой рамѣ, похожей на иконостасъ, высилась у стѣны картина. Слѣва, изъ окна, полузавѣшаннаго малиновою портьерою, падалъ свѣтъ. На диванчикѣ и у стѣны сидѣли и стояли люди, тупо-почтительно глазѣя на картину. «Товарищи по несчастью!»—подумалъ я, смѣясь въ душѣ. Но сейчасъ же я поспѣшилъ задушить въ себѣ смѣхъ и съ серьезнымъ, созерцающимъ видомъ остановился у стѣны.

И вдругъ — незамѣтно, нечувствительно—все вокругъ какъ будто стало исчезать. Исчезли люди и стѣны. Исчезъ вычур-

ный иконостасъ. Все больше затуманивались, словно стыдясь себя и чувствуя свою ненужность на картинѣ, старикъ Сикстъ и кокетливая Варвара. И среди этого тумана ярко выдѣлялись два лица,—Младенца и Матери. И передъ Ихъ жизнью все окружающее было блѣднымъ и мертвымъ... Онъ, поджавъ губы, большими, страшно-большими и страшно-черными глазами пристально смотрѣлъ поверхъ головъ вдаль. Эти глаза видѣли вдали все: видѣли вставшихъ на защиту порядка фарисеевъ, и предателя-друга, и умывающаго руки чиновника-судью, и народъ, кричащій: «распни Его!». Да, Онъ видѣлъ этимъ проникающимъ взглядомъ, какъ будетъ стоять подъ терновымъ вѣнцомъ, исполосованный плетьми, съ лицомъ, искаверканнымъ обидною, животною мукою, какъ тамъ, черезъ нѣсколько залъ, на маленькой картинѣ Гвидо Рени...

И рядомъ съ Нимъ—Она, серьезная и задумчивая, съ круглымъ дѣвическимъ лицомъ, со лбомъ, отуманеннымъ дымкою предчувствія. Я смотрѣлъ, смотрѣлъ, и мнѣ казалось, — Она живая, и дымка то надвигается, то сходитъ съ Ея молодого, милаго лица... А въ умѣ безсмысленно повторялось начало прочитанной внизу подписи:

„Fece Raffaello a'monaci neri...“

Изъ мертваго тумана женскій голосъ спрашивалъ по-нѣмецки:
— Что это тамъ внизу, яйцо?
Мужской голосъ отвѣчалъ:
— Это папская тіара.

А дымка проносилась и снова надвигалась на чистый дѣвическій лобъ. И такая вся Она была полная жизни, полная любви къ жизни и землѣ... И все-таки — Она не прижимала Сына къ Себѣ, не старалась защитить отъ будущаго. Она, напротивъ, грудью поворачивала Его навстрѣчу будущему. И серьезное, сосредоточенное лицо Ея говорило: «Настали тяжелыя времена, и не видѣть намъ радости. Но нужно великое дѣло, и благо Ему, что Онъ это дѣло беретъ на Себя!» И лицо Ея свѣтилось благоговѣніемъ къ Его подвигу и величавою гордостью. А когда свершится подвигъ... когда онъ свершится, — Ея сердце разорвется отъ материнской муки и изойдетъ кровью. И Она знала это...

Вечеромъ я сидѣлъ на Брюлевской террасѣ. На душѣ было такъ, какъ будто въ жизни случилось что-то очень важное и особенное. Въ воздухѣ вѣяло апрѣльскою прохладою, по ту сторону Эльбы береговой откосъ зеленѣлъ весеннею травкою. Западъ былъ затянутъ оранжевою дымкою, городъ окутывался голубоватымъ туманомъ. По мосту черезъ Эльбу, высоко, какъ

будто по воздуху. пронесся поѣздъ, выдѣляясь чернымъ силуэтомъ на оранжевомъ фонѣ зари.

Я сидѣлъ, и вдругъ свѣтлая, поднимающая душу радость охватила меня,—радость и гордость за человѣчество, которое сумѣло воплотить и вознести на высоту *такое* материнство. И пускай въ мертвомъ туманѣ слышатся только робкія всхлипыванія и слова упрека,—есть Она, есть тамъ, въ этомъ фантастическомъ четырехугольникѣ Цвингера. И пока Она есть, жить на свѣтѣ весело и почетно. И мнѣ, невѣрующему, хотѣлось молиться Ей.

Темнѣло. Я шелъ черезъ площадь. На небѣ рисовались два черные, какъ будто закоптѣлые шпица церкви св. Софіи. Вотъ онъ и молчаливый Цвингеръ. Окна темны, внутри тишина и безлюдье. И мнѣ стало странно,—неужели и въ той комнатѣ можетъ быть темно, неужели Ея лицо не свѣтится?

1902.

ПЕРЕДЪ ЗАВѢСОЮ.

Началось это подъ вечеръ, послѣ обѣда. На террасѣ дачи играли квартетъ Гайдна «Семь послѣднихъ словъ Христа». Мы сидѣли на скамейкѣ подъ соснами. Пахло смолою. Боръ тихо шумѣлъ, и, казалось, надъ головами медленно волнуется огромное сухое море. За поляною, на крутомъ берегу Оки, сѣрѣлъ въ дымкѣ городокъ. Надъ скученными маленькими домиками высоко поднимались бѣлыя церкви.

Въ звукахъ, несшихся съ террасы, росла и развертывалась огромная драма. Чуялось близкое вѣяніе смертныхъ мукъ. Великая душа боролась съ ихъ унижающею силою, побѣждала ее и вновь изнемогала. На фонѣ сухихъ, колющихъ звуковъ пиччикато звучало скорбное: «жажду!»—и послѣдній смертный вопль тонулъ въ грохотѣ землетрясенія, и въ ужасѣ содрогалась природа передъ гибелью творящей жизнь силы, которую жизнь же уничтожала.

— Еще! Еще разъ!

Они начали снова. И снова развертывалась жуткая драма, и казалась теперь еще глубже и значительнѣе. Кругомъ становилось все тише. Сухое море въ вершинахъ сосенъ волновалось все медленнѣе. Стало странно-тихо. Какъ будто воздухъ съ растущимъ вниманіемъ вслушивался въ то, что разсказывали звуки.

Скрипки начали:

«Истинно говорю тебѣ: нынѣ же будешь со Мною въ раю!..»

И вдругъ какіе-то чуждые, широкіе звуки стройно и торжественно влились со стороны въ мелодію. Это было неожиданно и удивительно. Что это, откуда? Какъ будто воздухъ вдругъ таинственно ожилъ и откликнулся и, пораженный тѣмъ, что услышалъ, заговорилъ, самъ не замѣчая, въ одно со скрипками. «Бо-омъ! Бо-омъ!»—звучалъ воздухъ. И только теперь

становилось понятнымъ: въ городкѣ зазвонили къ вечернѣ, и это звучалъ колоколъ. Звучалъ мѣрно, увѣренно, какъ разъ въ тактъ и въ тонъ музыкѣ.

На террасѣ засмѣялись, музыка оборвалась. Гимназистъ Сережа, игравшій вторую скрипку, въ восторгѣ хохоталъ.

— Замѣтили, господа?.. Прямо, прямо въ тактъ! Бо-омъ, бомъ, ра-бомъ, та-ра... Бомъ!..

— И въ тонъ тебѣ, какъ разъ въ ми-бемоль!.. Маша, слышала?

Кругомъ смѣялись. А колоколъ вдали сосредоточенно звенѣлъ. Онъ какъ будто гнушался этимъ смѣхомъ и — серьезный, строгій — одинъ продолжалъ то дѣло, которое началъ вмѣстѣ со скрипками. Другіе колокола подхватили его голосъ и понесли вдаль, черезъ рѣку и боры.

И вотъ странное что-то произошло со мною. Передъ глазами какъ будто распахнулась невидимая завѣса. Все кругомъ вдругъ одухотворилось. Природа и люди слились въ единую жизнь. И огромная тайна почуялась въ этой общей, все проникающей жизни. Звуки колоколовъ, дрожа, плыли въ даль. Тихое, просторное небо наклонялось къ нимъ и ласково принимало въ себя. Даль тянулась навстрѣчу. Въ чащѣ бора что-то прислушивалось и пряталось въ зеленую тьму. Люди смѣялись и пошло острили, но на ихъ лицахъ тоже лежалъ отсвѣтъ этой одухотворившейся общей жизни.

Играть кончили. Мы сидѣли на террасѣ за самоваромъ. Разговаривали, смѣялись. Я тоже болталъ и смѣялся. А въ душѣ было прежнее необычное ощущеніе, что все кругомъ живо, и что передо мною начинаетъ раскрываться большая, радостная тайна этой всеединой жизни.

Пора было итти. Я простился, переѣхалъ на паромѣ Оку и вышелъ на большую дорогу. Широкая и прямая, заросшая муравкою, она тянулась межъ старыхъ ивъ и, казалось, вела куда-то безконечно далеко. Былъ конецъ августа. Жнивья стояли голыя. Густая сѣроватая дымка затягивала даль. Съ запада дулъ сильный, сухой, удивительно теплый вѣтеръ. Онъ рвался къ тѣлу и мягко охватывалъ его, хотѣлось сбросить одежды, всѣмъ тѣломъ отдаться его мягкимъ, теплымъ ласкамъ. И теперь вокругъ еще сильнѣе чувствовалась эта близкая, всеобщая и необычная своею одухотворенностью жизнь. Ивы грустно бросали вѣтру свои желтые листья. Полынь на межахъ билась и дрожала, охваченная смутнымъ предчувствіемъ. Глупыя сухія былинки на краю дороги весело и шаловливо изгибались. А вѣтеръ въ безумной тоскѣ припадалъ къ нимъ и цѣловалъ безъ конца. Чувствовалось прощаніе надолго. Это лѣто прощалось

со всѣмъ, что̀ оно родило и вырастило, съ чѣмъ сжилось и на что надвигалась убивающая зима.

Въ разсказѣ это было бы, можетъ-быть, недурнымъ «поэтическимъ образомъ». Но я не могъ теперь принять этого, какъ образъ. Такъ несомнѣнно-ясно ощущалось живое, дѣйствительное чувство въ безумныхъ ласкахъ вѣтра. Такъ ясно чуялась живая жизнь въ природѣ, — совсѣмъ, какъ тогда, когда вечеръ всею своею глубокою тишиною вдругъ откликнулся на то великое, о чемъ важно и сосредоточенно зазвонилъ колоколъ. И опять за всѣмъ, что̀ жило вокругъ, смутно чувствовалась какая-то другая жизнь—непостижимо-огромная, таинственная и единая. Изъ нея исходило все. Все ею объединялось. И передъ нею смущенно отступало сознаніе, потому что эта жизнь была совершенно чужда его мѣркамъ.

Все жило вокругъ. Но что̀ было мучительно,—этой ключомъ забившей отовсюду жизни я не могъ серьезно принять ни умомъ ни чувствомъ. А между тѣмъ что-то въ глубинѣ души страстно тянулось къ ней и принимало ее жадно, всю цѣликомъ. Стремленіе это росло изъ глубины, вздымалось, какъ дымъ изъ расщелины скалы, пьянило и властно охватывало душу... Да почему я долженъ принимать то, что̀ мнѣ предписываетъ умъ? Пусть онъ бунтуетъ, пусть разъѣдаетъ все. Его трезвая правда,—это лживая правда бѣлаго дня. Есть высшая правда, ею жива вѣчно обманывающая и вѣчно чарующая ночь. Умъ холодно говоритъ:

— Нѣтъ живой цѣлости и общности. Все раздѣльно и самостоятельно. Только мертвая, слѣпая энергія переливается въ безконечныхъ пространствахъ и творитъ разнообразныя формы жизни. Живое же единство міра—лишь въ твоей головѣ. Оно—лишь отвлеченіе и комбинированіе полученныхъ ощущеній.

И завѣса запахивается. Міръ обезцвѣчивается и распадается на милліоны отдѣльнаго. Тускнѣютъ люди и природа.

Но почему же такъ неудержимо рвется къ этому единству душа? Почему хочется широко раскрыть руки передъ міровымъ просторомъ и сказать: да, ты живъ! Живъ не собраніемъ жизней, а единою, могучею жизнью, способною на великую мысль, на великую радость и скорбь. Въ этой общей жизни братья мои—и мужикъ, который пашетъ тамъ за погостомъ, и его лошадь, и дубъ надъ оврагомъ, и облачко въ небѣ. Въ этой общей жизни — оправданіе жизни и ея цѣль. Падаютъ, сами собою рѣшаясь, самыя ея непонятныя и тяжкія загадки. Какъ можно принять настоящее во имя далекаго будущаго? Чѣмъ можетъ быть искуплено калѣченіе или гибель хоть одной жизни? Какъ не отчаяться, видя, что твоя «свободная душа»—только

тѣнь, бросаемая на землю неподвластною тебѣ жизнью? Все становится радостно-понятнымъ, потому что нѣтъ ничего отдѣльнаго, нѣтъ прошедшаго и будущаго, все заключается въ каждомъ и каждое во всемъ... Да, здѣсь, и только здѣсь правда, потому что она дастъ душѣ жизнь.

Огненно-красное солнце уходило въ буро-сѣрую муть горизонта, эта муть клочьями въѣдалась снизу въ ясный дискъ. Съ сѣвера медленно росла желто-сѣрая туча,—странная, сверху рѣзко отчерченная отъ неба, а сама вся ровная, безъ тѣней, безъ контуровъ внутри, какъ усыпанная желтоватымъ пепломъ пустыня. Солнце скрылось. Въ сухомъ, темнѣвшемъ воздухѣ носился вѣтеръ и покрывалъ теплыми поцѣлуями травку, жнивья, деревья и меня. Я стоялъ, охваченный раскрывшимся передо мною таинствомъ, чувствомъ великой общности со всѣмъ, всѣмъ, что было кругомъ.

И какъ могъ я раньше быть такъ слѣпъ, чтобъ не видѣть этой проникающей все жизни? А въ дѣтствѣ я ее чувствовалъ. Я тогда подходилъ ночью къ окну и смотрѣлъ въ садъ. Въ смутномъ сумракѣ таинственно дремали кусты сирени, на блѣдномъ фонѣ неба шевелились странно-живыя вѣтки, и все жило своею особенною, загадочною жизнью. Отбившійся, забредшій въ сторону, я теперь возвращался къ ней, къ этой недоступной уму, но покорявшей душу свѣтлой тайнѣ жизни.

Туча на сѣверѣ росла, захватывала западъ и востокъ. Вверху ея, какъ жало змѣи, быстро и зловѣще трепыхнулась молнія. Становилось все темнѣе. И вѣтеръ затихалъ, и туча росла, мигала тусклыми молніями и глухо ворчала. Вѣтеръ украдкою осыпалъ въ темнотѣ землю послѣдними поцѣлуями,—подъ замутившимися звѣздами и почернѣвшею, тупою, злобно-ворчащею тучею. Пушистыя былинки дѣтски-весело трепетали подъ поцѣлуями, не чуя ихъ прощальной тоски. И теплыя капли медленно падали съ неба.

Великое свершилось въ душѣ. Міръ коснулся ея своею безконечною душою и поглотилъ, какъ свѣтъ солнца поглощаетъ дневной свѣтъ звѣзды. И не было уже между ними границы. Всѣ мы, съ нашими разными мыслями и чувствами, были одно.

Утромъ я вышелъ на крыльцо постоялаго двора. Изъ сѣраго неба лилъ холодный дождь. У канавы болѣзненно-ярко зеленѣли мокрые лопухи. Два мужика въ намокшихъ зипунахъ угрюмо шли къ конопляникамъ. Поля и небо вдали сливались въ сырую муть, далеко на дорогѣ бились подъ вѣтромъ придорожныя ивы. Я смотрѣлъ и, какъ проспавшійся пьяный,

съ чуждымъ, отказывающимся чувствомъ вспоминалъ вчерашняго себя. Что это вчера было?..

Дождь тупо и однообразно шумѣлъ по травѣ, по листьямъ и по моему клеенчатому плашу. Я шелъ по разсклизшей, глинистой дорогѣ, скользилъ сапогами на промоинахъ. Въ дали дороги, въ просвѣтахъ полуоголенныхъ ивъ, надъ полями, — вездѣ шевелилась та же сырая муть. Гдѣ она здѣсь, вчерашняя таинственная общая жизнь? Вѣтеръ съ мертвымъ шумомъ проносился по жнивьямъ. Иззябшія ивы клонились подъ нимъ,— чуждыя ему, ушедшія въ себя. Мокрыя, порыжѣлыя былинки на краю дороги были такія явно-мертвыя. Ничему ни до чего нѣтъ дѣла. И мнѣ нѣтъ дѣла до этого мертваго, сырого простора, охватывающаго милліоны маленькихъ, одинокихъ, ушедшихъ въ себя жизней...

И глаза съ враждебнымъ вызовомъ устремлялись въ мутную пустоту дали. Да, я сумѣю ее принять такою, какая она есть. Не сумѣю, — умру. Но не склонюсь передъ правдою, которая только потому правда, что жить съ нею легко и радостно.

1903.

ПАУТИНА.

I.

Въ верхнемъ этажѣ академіи изящныхъ искусствъ, во Флоренціи, стояли передъ картиною помощникъ присяжнаго повѣреннаго Готовцевъ, его жена Елена Николаевна и ихъ знакомый, князь Салмановъ. На картинѣ была изображена лежащая въ могилѣ женщина; блѣдный мужчина на колѣняхъ въ ужасѣ простиралъ къ ней руки.

Елена Николаевна настойчиво спрашивала:

— Что это значитъ? Кто это изображенъ?

Готовцевъ, засунувъ руки въ карманы, внимательно перечитывалъ подпись подъ картиною: «Pia de'Tolomei riconosciuta innocente de nello della Pietra suo marito».

— Нѣкоторыя слова не совсѣмъ понятны, но смыслъ ясенъ,—слегка конфузясь, говорилъ князь, котораго Готовцевы считали хорошо знающимъ итальянскій языкъ.—Смыслъ тотъ, что мужъ узнаётъ, что жена его невинна.

— Нѣтъ-съ, молодой человѣкъ, вы скажите, что такое: «de nello», — сдерживая улыбку, сказалъ Готовцевъ. — И что это за «della Pietra»? Если мужа этого зовутъ Петръ, то будетъ «Pietro», а не «Pietra».

— Конструкція фразы, дѣйствительно, не совсѣмъ ясная.

Салмановъ съ извиняющимся видомъ пожалъ плечами и слегка покраснѣлъ. Лицо его, съ чуть пробивающеюся бородкою, было дѣтски-бѣло и чисто, и краснѣлъ онъ нѣжно-розовымъ румянцемъ, какъ дѣвушка.

— Ну, а что же, что же все это значитъ? — повторяла Елена Николаевна.

Вѣжливо и предупредительно Салмановъ сталъ объяснять:

— Очевидно, это жена его. Она въ чемъ-то передъ нимъ

провинилась; вѣроятно, онъ ее убилъ, отравилъ; а теперь узнаётъ, что она невинна.

— «Очевидно»... Нѣтъ, хочется знать навѣрное... Очень интересно,—что это такое? Гдѣ бы это узнать?

Готовцевъ съ усмѣшкою пожалъ плечомъ.

— Ну, да не все ли равно!

— Мнѣ не все равно!—вызывающе отвѣтила Елена Николаевна.—Тебѣ не интересно, и не узнавай!

Готовцевъ потемнѣлъ и молча сталъ перелистывать Бедекера. Салмановъ осторожно напомнилъ:

— Намъ пора итти. Нужно еще поспѣть сегодня въ Санто-Лоренцо, осмотрѣть гробницы Медичей.

— Только зайдемте на минутку внизъ, мнѣ бы хотѣлось еще разъ посмотрѣть на Давида,—сказалъ Готовцевъ.—Пойдемъ, Леля!

— А какъ же съ этой картиной? — огорченно проговорила Елена Николаевна. — Воля, спиши, пожалуйста, подпись, я попрошу кого-нибудь точно перевести.

— Когда же теперь списывать!—холодно возразилъ Готовцевъ. Онъ начиналъ раздражаться.

Елена Николаевна громко разсмѣялась.

— Господи, неужели это такъ долго? Вынуть изъ записной книжки карандашъ и написать одну строчку!.. Князь, ничего, если мы на тридцать секундъ опоздаемъ въ Санто-Лоренцо?

Готовцевъ прикусилъ губу, молча вынулъ записную книжку и списалъ подпись.

Они спускались по каменной лѣстницѣ внизъ. Князь шелъ впереди.

— Чего ты на меня дуешься?—невинно и довольно громко спросила Елена Николаевна.

Готовцевъ посмотрѣлъ на нее останавливающимъ взглядомъ.

— Слушай, Леля, я тебя прошу: ради Бога, не дѣлай ты мнѣ сценъ хоть при другихъ! — вполголоса произнесъ онъ, и въ глазахъ его мелькнула глухая ненависть.

Елена Николаевна быстро взглянула на него, хотѣла что-то сказать, опустила голову и молча пошла внизъ.

Въ концѣ широкаго коридора ярко бѣлѣла огромная фигура Давида. Готовцевъ подошелъ и сѣлъ на скамейку.

Онъ смотрѣлъ, не отрываясь, на это лицо, полное такой удивительной правды борьбы. Въ согнутой лѣвой рукѣ Давидъ держалъ камень, вложенный въ пращу, отъ камня по спинѣ шелъ ремень къ правой рукѣ. Лицо было грозное, рѣшительное и взволнованное. Казалось, вотъ идетъ на него этотъ чудовищный великанъ, и Давидъ самъ не вѣритъ своей рѣши-

мости. Пройдетъ минута, камень опишетъ дугу, съ страшною силою вылетитъ изъ пращи, и блѣдное лицо озарится торжествующею улыбкою побѣды...

Готовцевъ смотрѣлъ и думалъ: зачѣмъ всѣ эти мелочи, дрязги, ссоры, когда на землѣ столько красоты и величія? Ему вспомнилась видѣнная вчера Мадонна del Granduca Рафаэля, съ лицомъ, полнымъ такой милой дѣвической прелести. И его охватило сознаніе глубокой унизительности его жизни. Въ мірѣ такъ хорошо и вольно, а онъ для чего-то связалъ себя съ человѣкомъ, переплетши свою жизнь съ его. И вотъ жизнь обратилась во что-то мелкое, сѣрое, и, какъ сальными пятнами, покрылась этими оскорбительными ссорами изъ-за пустяковъ, которыя женатыхъ людей дѣлаютъ похожими на дѣтей.

Онъ всталъ и пошелъ назадъ. Салмановъ ходилъ по коридору, разсматривая статуи. Елена Николаевна, блѣдная и усталая, сидѣла въ креслѣ около выхода; она уронила Бедекера на колѣни и безучастно смотрѣла на висѣвшіе на стѣнѣ гобелены.

Готовцевъ кротко спросилъ:

— Ну, что, пойдемъ?

— Пойдемъ,—такъ же кротко отвѣтила Елена Николаевна и встала.

Подошелъ Салмановъ съ беззаботнымъ видомъ, стараясь показать, что не замѣтилъ происшедшей вспышки.

— Я бы вамъ, Елена Николаевна, не совѣтовалъ итти въ Санто-Лоренцо. Вы очень устали.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего! Мнѣ хочется еще разъ посмотрѣть на «Ночь»,—поспѣшно возразила Елена Николаевна.

Готовцевъ видѣлъ, что она это дѣлаетъ для него,—онъ вчера высказалъ намѣреніе передъ отъѣздомъ еще разъ взглянуть на «Ночь» Микель-Анджело.

— Вы какъ хотите, а я не пойду,—лѣниво сказалъ онъ.— Правду говоря, мнѣ теперь гораздо пріятнѣе сѣсть обѣдать чѣмъ тащиться по жарѣ смотрѣть еще что-нибудь.

Елена Николаевна испытующе взглянула на него:

— Ну, тогда пойдемте обѣдать.

Они вышли на улицу, прошли мимо собора и повернули на узкую via Calzaioli. Было жарко, на улицахъ стоялъ гамъ. Отовсюду слышалось пѣніе, свистъ; бичи извозчиковъ оглушительно хлопали. Вдоль панели бѣжалъ старикъ съ пачкою газетъ и вопилъ, какъ оглашенный:

— Seconda edizione della «Nazione»!.. «Nazione», seconda edizione!..

Встрѣчные мужчины, съ черными глазами и закрученными въ стрѣлку усиками, внимательно оглядывали Елену Николаевну. Она шла, одною рукою придерживала юбку, а другою закрывалась отъ солнца зонтикомъ. Готовцеву было пріятно, что она такая стройная и изящная, и онъ самъ старался держаться прямѣе и изящнѣе.

На via Calzaioli они вошли въ ресторанъ, гдѣ всегда обѣдали. И здѣсь всѣ мужчины внимательно оглядѣли Елену Николаевну, а подошедшій кельнеръ съ особенною любезностью сказалъ имъ: «buon giorno!». Они сѣли за столикъ.

За обѣдомъ Елена Николаевна лукаво трунила надъ Салмановымъ, что онъ не сумѣлъ перевести подписи подъ картиной. Салмановъ, высокій и тонкій, со своимъ дѣтски-нѣжнымъ лицомъ, смѣялся и оправдывался, радуясь разговору съ Еленой Николаевной.

Готовцевъ слушалъ и смотрѣлъ на почтительное, влюбленное лицо князя, на улыбающуюся Елену Николаевну. Когда она улыбалась, глаза ея дѣлались свѣтлыми и задушевными. Готовцевъ смотрѣлъ на эту улыбку, на розовое ухо, чуть прикрытое темными, пушистыми волосами. Елена Николаевна держалась такъ, какъ будто совсѣмъ не замѣчала или не знала своей красоты, и это неуловимою прелестью ложилось на всю ея фигуру. Готовцевъ смотрѣлъ на нее глазами посторонняго и думалъ,—какою поэзіею должно отъ нея вѣять на всѣхъ.

Послѣ обѣда Салмановъ распрощался. Готовцевы пошли въ свою гостиницу, около площади Синьоріи. Обоимъ не хотѣлось говорить, оба чувствовали другъ къ другу холодъ и отчужденность. Обмѣнивались незначащими замѣчаніями, и голоса звучали неестественно.

Пришли въ номеръ. Раскрыли путеводитель, стали искать, съ какимъ поѣздомъ завтра ѣхать въ Венецію. Готовцевъ сказалъ:

— Вотъ, лучше всего! Direttissimo, курьерскій: отходитъ въ одиннадцать часовъ дня, приходитъ въ Венецію въ восемнадцать часовъ, т.-е. въ шесть вечера. Самое удобное.

— Нѣтъ, нѣтъ, съ курьерскимъ дорого! Поѣдемъ лучше вотъ съ этимъ, № 6,—diretto.

— Слушай, Леля, вѣдь онъ выходитъ въ шесть утра. Значитъ, въ пятомъ часу вставать. Опять весь день у тебя будетъ болѣть голова.

— Не будетъ болѣть, вотъ увидишь.

— Да для чего это, ну, скажи,—для чего? Весь разговоръ изъ-за какихъ-то десяти-двадцати лиръ. Охота обращать путешествіе въ какую-то муку!

— Зачѣмъ напрасно бросать двадцать лиръ!

— Затѣмъ, чтобъ тебѣ не пришлось два дня лежать съ головною болью... Э, да, впрочемъ, не все ли мнѣ равно! Мнѣ самому ничего не стоитъ встать рано... Твое дѣло!

— Ну, и хорошо!

Готовцевъ сѣлъ къ окну и сталъ читать купленный имъ номеръ «Nazione». Елена Николаевна переодѣлась въ блузу и легла на кровать. Усталымъ голосомъ она спросила:

— Ты сегодня еще пойдешь куда-нибудь?

— Пойду черезъ полчаса, похожу по городу, — неохотно отвѣтилъ Готовцевъ.

— А я сегодня больше не буду выходить...—Елена Николаевна помолчала.—Попробую заснуть.

II.

Вечерѣло. Готовцевъ на электрическомъ трамваѣ поднимался къ площадкѣ Микель-Анджело. Вагончикъ съ гудящимъ стономъ бѣжалъ въ гору по дорогѣ, обсаженной акаціями и миртами. Кругомъ зеленѣли сады, на холмахъ бѣлѣли подгородныя виллы. Съ запада дулъ теплый, легкій вѣтерокъ.

Вагончикъ остановился.

— Piazzale Michel-Angelo!—весело, словно играя, крикнулъ молодой кондукторъ съ черными усиками.

Готовцевъ вышелъ. Среди большой, чистой площадки на высокомъ пьедесталѣ высился слѣпокъ могучей фигуры Давида. Дѣти играли у пьедестала. Сзади, около портика съ колоннами, темные кипарисы слабо клонили подъ вѣтромъ гибкія вершины, и было похоже на картину Бёклина.

Готовцевъ сѣлъ на мраморную скамейку около обрыва. Внизу, за рѣкою, глухо шумѣла Флоренція, надъ моремъ красныхъ крышъ тускло сѣрѣлъ огромный куполъ собора. На горизонтѣ тянулись Аппенины, окутанныя голубымъ туманомъ.

Недѣлю назадъ Готовцевъ сидѣлъ на этомъ же мѣстѣ и такъ же смотрѣлъ съ обрыва на глухо-шумѣвшій городъ. Завтра должна была пріѣхать изъ Монтрё Елена Николаевна, у него сладко сжималось сердце, и все кругомъ дышало счастьемъ. Она стояла передъ нимъ, любящая и ласковая. Онъ, казалось, видѣлъ и ея ясные глаза, беззаботные къ производимому на людей впечатлѣнію, и улыбку, и шею сбоку, подъ угломъ челюсти, такую бѣлую и трогательно-дѣтскую... На душѣ было чувство виновности передъ нею и безконечной нѣжности, и онъ думалъ: съ этихъ поръ,—съ этихъ поръ ничего ужъ больше не можетъ происходить между ними, ни

ссоръ ни охлажденія. Потому что онъ видитъ, какъ одиноко и сиротливо жить безъ нея, какъ ея любовь освѣщаетъ ему всю его жизнь.

Теперь Готовцевъ старался возстановить въ душѣ это настроеніе, старался представить себѣ,—отчего же это ему было безъ нея плохо, и что̀ тянуло его къ ней? Старался и не могъ. А между тѣмъ онъ чувствовалъ, что любитъ ее, и что она его любитъ. Но все было скучно, сѣро, и его брала тоска, когда онъ представлялъ себѣ свой номеръ. На комодѣ шпильки и булавки. Въ шкапу женскія ночныя кофточки. Въ этомъ было что-то оскорбительное и унижающее, какъ и вообще въ томъ, что въ одной комнатѣ съ нимъ жила и спала женщина.

А кругомъ пахло лавромъ. Электрическій вагончикъ съ гудящимъ стономъ бѣжалъ въ гору и сверкалъ межъ темныхъ деревьевъ ярко-синими искрами. Во Флоренціи зажигались огоньки. Тамъ, въ этихъ узкихъ, таинственныхъ улицахъ, каждый камень, каждое окно, — все дышитъ воспоминаніями. Черные глаза сверкали изъ-за полуоткрытаго ставня, и за блескъ этихъ глазъ лилась кровь, люди шли на смерть, вызывали на бой міръ со всѣми его силами и предразсудками.

Вспомнилась Готовцеву прочитанная недавно новая драма Метерлинка. Красавица Ванна, по требованію побѣдоноснаго флорентинскаго вождя, приходитъ къ нему ночью въ палатку, нагая, въ одномъ плащѣ, и узнаётъ, что онъ ужъ давно безнадежно любитъ ее. Она отвѣчаетъ:

— «Я не люблю васъ. Но въ сердцѣ моемъ громко возмущается самая душа любви, при мысли, что человѣкъ, любившій меня, не нашелъ въ себѣ смѣлости передъ лицомъ любви!.. Любовь не уступаетъ. Когда она ничего не ждетъ, она все еще надѣется. Если бы я любила такъ, какъ вы, я... Ахъ, трудно сказать, что̀ можно бы сдѣлать! Я стремилась бы къ надеждѣ день и ночь, я сказала бы судьбѣ: «посторонись, я иду!» Я принудила бы камни помогать мнѣ...»

Ну, а потомъ? Готовцеву хотѣлось смѣяться: потомъ наступило бы «вѣчное соединеніе»— и ссоры изъ-за того, сколько взять съ собою въ дорогу ботинокъ, одну или двѣ пары. И отъ этого ничего бы не спасло,—ни «общіе умственные интересы», ни «общая духовная жизнь», ни сама любовь. Потому что любовь прежде и послѣ всего есть поэзія жизни. А «вѣчное соединеніе» есть проза, и проза самая претенціозная, воображающая себя поэзіей.

Готовцевъ воротился въ отель. Елена Николаевна, въ широкой красной блузѣ, укладывала въ дорожную корзину принесенное отъ прачки чистое бѣлье. Она была оживлена и свѣжа.

— Ну, что, Воликъ, погулялъ?—ласково спросила она.—А я выспалась, отлично себя чувствую.

— Удивительно, какъ хорошо на площадкѣ Микель-Анджело!.. А ты ужъ укладываешься? Что жъ ты меня не подождала?—Онъ положилъ ладони на ея плечи.

Елена Николаевна подняла обнажившіяся выше локтя руки, обняла его за шею и прижала голову къ своей груди.

— Я хотѣла, чтобъ, когда ты придешь, ужъ все было уложено,—шепнула она.

— И очень нехорошо,—опять устанешь. Давай укладываться вмѣстѣ.

Подъ фланелью блузы онъ ощущалъ тѣло Елены Николаевны, голова прижималась къ мягкой, свободной подъ блузою, груди. Пробуждалось темное, мутно-животное чувство къ красивому тѣлу, такому доступному подъ легкой одеждой. И росло отвращеніе: ничего не было, кромѣ тѣла, попрежнему они были чужды-чужды другъ другу. И руки его цѣпенѣли.

Елена Николаевна прижимала его голову къ упруго двигавшейся груди, какъ будто надѣялась, что тѣлесная близость разбудитъ въ нихъ то нѣжное, мягкое чувство, котораго между ними не было.

Ну, нѣтъ его,—и нужно кончить. А она продолжала прижимать его голову къ груди, нагая рука лежала на его вискѣ. Готовцеву было неловко и непріятно, поднималось враждебное чувство.

— Осторожнѣе, Лелечка, давишь на пенснэ. — Онъ мягко высвободилъ голову.

Елена Николаевна пристально заглянула ему въ глаза, быстро отвернулась и наклонилась надъ ящикомъ комода.

Готовцевъ вытащилъ изъ-подъ кровати чемоданъ.

— Мои сѣрыя брюки ты въ корзину уложишь?

Не оборачиваясь, она коротко отвѣтила:

— Да.

Стали укладываться. Готовцевъ видѣлъ, какъ въ Еленѣ Николаевнѣ все кипѣло, но оба старались показать, что ничего не произошло, и мягко переговаривались дѣланными, неестественными голосами.

На кроватяхъ и столахъ лежали стопки мужского и женскаго бѣлья. На полу валялись бечевки, измятыя газеты. Комодъ весь былъ заставленъ какими-то коробочками, баночками, картонками... Какая у женщинъ страсть набирать въ дорогу ни на что ненужныя вещи, и какъ скучно возиться на станціяхъ съ этими баулами и необъятными корзинами!..

Елена Николаевна старалась завязать разговоръ. Обычнымъ голосомъ она заговорила:

— Помнишь, прошлымъ лѣтомъ у насъ былъ одинъ споръ? Марья Алексѣевна сказала, что Соня ни въ умственномъ ни въ нравственномъ отношеніи не представляетъ ничего выдающагося, а я отвѣтила, что этимъ еще нечего огорчаться, что есть еще много другого, что̀ можетъ возвышать человѣка... Помнишь?

— Ну?—неохотно спросилъ Готовцевъ.

— «Ну»...—Елена Николаевна раздраженно замолчала.

— Въ чемъ же дѣло?

— Ты не хочешь разговаривать, лучше не надо!

Онъ вздохнулъ.

— О, Господи!.. Что̀ же мнѣ, стать на вытяжку и напряженно слушать? Я только и могу повторить: ну?

Елена Николаевна помолчала, стараясь побороть себя.

— Ну, все равно!.. Такъ вотъ я послѣ думала: есть все-таки много и другого, что̀ краситъ человѣка. Напримѣръ, Соня можетъ быть неразвитой, неумной, но можетъ, напримѣръ, тонко чувствовать красоту музыки.

— Ну, и что̀?

Елена Николаевна кипѣла, но сдержалась.

— Ну, и вотъ, съ ней объ этомъ все-таки очень интересно будетъ разговаривать, слушать ее... Ты помнишь этотъ разговоръ?

— Нѣтъ, не помню, да, впрочемъ, теперь вижу, въ чемъ дѣло. Мнѣ кажется, вопросъ поставленъ тобою очень странно. Если человѣкъ въ какомъ-нибудь отношеніи интересенъ, то, конечно, онъ въ этомъ отношеніи интересенъ. Это тавтологія.

— Ну, не будемъ лучше говорить!—оборвала Елена Николаевна и кинула на Готовцева враждебный взглядъ.

То, что̀ она хотѣла сказать, представлялось ей значительнымъ и заслуживающимъ вниманія, а Готовцевъ упорно придавалъ ея мысли безнадежно-плоскій видъ. Лицо ея, съ тонкой линіей сжатыхъ губъ, стало сѣрымъ и красивымъ. Готовцевъ молча пожалъ плечами.

«Какъ дѣтски-элементарны всѣ ея мысли!» — подумалъ онъ, стягивая ремни пледа.

Вещи были уложены. Пришелъ Салмановъ проститься. Они спустились въ обѣденную залу и вмѣстѣ поужинали. За ужиномъ князь не спускалъ съ Елены Николаевны почтительнаго, влюбленнаго взгляда. Уходя, онъ поцѣловалъ ея руку и пожелалъ счастливаго путешествія.

Готовцевы вернулись въ номеръ. Попрежнему обоихъ давила томящая скучность всего, а въ душѣ кипѣло скрытое раздраженіе. Елена Николаевна сказала:

— Пора спать, завтра рано вставать.

Она стала раздѣваться. Готовцевъ не любилъ раздѣваться и спать при свѣтѣ. Онъ взялся за газету, старался не смотрѣть на жену, а самъ думалъ: почему это распространенъ такой предразсудокъ, что женщина стыдливѣе мужчины? Дѣвушка — да, она стыдливѣе; но, ставъ женщиной, она удивительно быстро теряетъ стыдъ и не стѣсняется держаться въ присутствіи мужчины такъ, какъ будто она одна въ комнатѣ.

Елена Николаевна, въ нижней юбкѣ и ночной кофточкѣ, расчесывала передъ зеркаломъ свои длинные, темные волосы.

«Какъ женщина некрасива въ ночной кофтѣ»,—подумалъ Готовцевъ и заговорилъ обычнымъ, ласковымъ голосомъ: — Удивительно интересная фигура этотъ бандитъ Музолино! Всѣ газеты только и говорятъ, что объ его процессѣ. Какъ будто сказочная средневѣковая легенда вдругъ живьемъ ворвалась въ прозаическій двадцатый вѣкъ.

Онъ свернулъ газету и положилъ на столъ. Елена Николаевна наклонила голову набокъ и, держа въ горсти пукъ волосъ, расчесывала ихъ гребнемъ. Готовцевъ, стараясь продолжить непринужденный разговоръ, улыбнулся.

— Передъ отъѣздомъ изъ Россіи мнѣ попался номеръ «Осколковъ». Тамъ иногда встрѣчаются очень остроумныя вещи. Между прочимъ, такая карикатура. Первая картина,— за десять дней до свадьбы; *онъ* стоитъ передъ *нею* на колѣняхъ: «Дорогая моя, полжизни бы я отдалъ, чтобъ имѣть прядь твоихъ волосъ». Вторая картина,—черезъ десять лѣтъ послѣ свадьбы; онъ, — толстый, лысый, въ жилеткѣ и туфляхъ, — разъяренный, протягиваетъ ей гребень съ висящими на немъ женскими волосами: «Если вы берете мой гребень, то, по крайней мѣрѣ, снимайте съ него ваши волосы... Что за гадость! Въ руки взять противно гребенку!»...

Елена Николаевна перестала чесать волосы и насторожилась.

— Почему ты это сейчасъ вспомнилъ?

Готовцевъ опѣшилъ: онъ сообразилъ, что вспомнилъ-то онъ это, дѣйствительно, потому, что смотрѣлъ на Елену Николаевну.

— Странно! Просто пришло въ голову!—отвѣтилъ онъ, пожавъ плечами.

Елена Николаевна помолчала, закусивъ губу ровными, бѣлыми зубами.

— Можешь быть покоенъ, я своей гребенкой чешусь! — рѣзко сказала она.

Готовцевъ страдальчески поморщился и провелъ рукою по волосамъ.

— О, Г-господи!.. Слушай, Леля, вѣдь это невозможно! Тебѣ какъ будто все время непремѣнно хочется сдѣлать мнѣ сцену. Положительно, съ тобою ни о чемъ нельзя разговаривать.

— Ну, и не разговаривай, пожалуйста!

Она поспѣшила раздѣться, погасила электричество и легла въ постель. Готовцевъ гадливо передернулъ въ темнотѣ плечами и молча сталъ раздѣваться. Тупое, тяжелое отвращеніе давило его. «Убить бы себя!»—думалъ онъ.

III.

Готовцевы подъѣзжали въ гондолѣ къ мраморнымъ ступенямъ набережной Скіавони, въ Венеціи. Елена Николаевна, блѣдная и осунувшаяся, сидѣла, стараясь не шевелиться; у нея отчаянно болѣла голова.

Рано утромъ они выѣхали изъ Флоренціи. Первую половину дороги, до Болоньи, Елена Николаевна была весела и оживлена. Вагонъ колыхался, наклоняясь изъ стороны въ сторону, поѣздъ бѣшено мчался, врывался въ темные, душные тунели и снова вылеталъ на просторъ. Елена Николаевна улыбалась и дышала полной грудью, глядя на синеву неба, на дикія громады Аппенинъ съ ползущимъ по ихъ отрогамъ утреннимъ туманомъ. Но вскорѣ у нея разболѣлась голова, и она сидѣла, закрывъ глаза и прижавшись головою къ боковому выступу спинки сидѣнья.

Готовцевы сошли съ гондолы, вошли въ сопровожденіи портье въ отель и выбрали комнату.

— Я сейчасъ лягу.—устало сказала Елена Николаевна.

— Позавтракать не хочешь? — сдержанно и кротко спросилъ Готовцевъ, глядя на нее холодными глазами. Вотъ результатъ, который онъ и предвидѣлъ: добилась своего, съэкономила десять лиръ...

— Нѣтъ, не хочу. Я только умоюсь и лягу. Пожалуйста, будь добръ, достань мнѣ лѣкарства.

Онъ хмуро распаковалъ чемоданъ. Не глядя, подалъ коробку съ лѣкарствами.

— Спасибо!.. Волечка, пожалуйста, закрой еще ставни, а то солнце прямо бьетъ въ глаза.

Каждая ея просьба звучала въ его душѣ почти личною обидою. Готовцевъ закрылъ ставни и остановился у дверей.

— Чего-нибудь еще не надо?

— Нѣтъ, благодарю, больше ничего.

— Такъ я пойду, пройдусь.

Готовцевъ вышелъ на набережную, прошелъ къ площади св. Марка и тамъ позавтракалъ въ кафе-ресторанѣ. Потомъ, съ Бедекеромъ въ карманѣ, пошелъ бродить по городу.

Онъ шелъ по темнымъ, сырымъ переулкамъ, похожимъ на норы, въ которыя никогда не проникаетъ свѣтъ. Изъ дверей лавчонокъ несло запахомъ овощей и апельсиновъ. По узкимъ каналамъ скользили черныя гондолы со стальными зубчатыми носами. Было фантастично и странно, въ каждомъ изъ мрачныхъ, высокихъ домовъ съ узкими окнами чудилась красивая тайна. Отблескъ той же тайны лежалъ на встрѣчныхъ женщинахъ,—стройныхъ, съ пышными, тускло-черными волосами и оригинальными лицами, широкими у лба и суживающимися къ подбородку. Казалось, жизнь здѣсь непремѣнно должна быть какая-то особенная, она не можетъ быть такою же, какъ на Мясницкой или Остоженкѣ. Все, все здѣсь такъ красиво и необычно, и такою благородною, изящною музыкою звучитъ эта милая итальянская рѣчь. «Tante grazie, signore!»—повторялъ про себя Готовцевъ слова, которыми поблагодарилъ его каменщикъ, прикурившій у него папироску.,. Ему было бы совсѣмъ хорошо, если бы не мысль о той кислой скукѣ, которая ждала его въ номерѣ.

Солнце клонилось къ западу, стало не такъ жарко. Готовцевъ воротился въ гостиницу. Онъ осторожно открылъ дверь въ номеръ. Было темно и душно, пахло ментоломъ. Елена Николаевна зашевелилась на кровати. Готовцевъ тихо спросилъ:

— Ты не спишь?

— Поспала немного, только голова еще больше разболѣлась... Тутъ такъ жарко, душно!—въ тоскѣ сказала она.

Готовцевъ повѣсилъ на крючокъ шляпу и подошелъ къ ней.

— Господи, Господи, какъ голова болитъ! Какъ будто черепъ внутри раскалывается!

У него сжалось сердце.

— Бѣдная ты моя дѣвочка!

Онъ сѣлъ къ ней на кровать и нѣжно положилъ руку на ея плечо.

Она слабо всхлипнула и порывисто, горячо прижалась щекою къ его боку,—обрадованная его ласкою, изголодавшаяся по ней.

Готовцевъ тихо гладилъ ее по волосамъ.

— На дворѣ уже стало свѣжѣть. Дай, я открою ставни.

— Открой... Только погоди, не уходи. Мнѣ такъ хорошо, когда ты гладишь меня по головѣ—такъ нѣжно, нѣжно...

— Я только открою и ворочусь.

Онъ раскрылъ ставни и опять сѣлъ на кровать. Въ окна потянуло прохладою.

— Ѣсть хочется.

— Я позвоню, скажу, чтобъ принесли.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Знаешь, что? Лучше пойдемъ куда-нибудь въ ресторанъ. Мнѣ кажется, мнѣ будетъ легче, если я пройдусь.

Елена Николаевна одѣлась. Они пошли на площадь св. Марка и тамъ пообѣдали.

— Мнѣ теперь немножко лучше. То-есть, пожалуй, еще не лучше, но знаю, что скоро будетъ лучше. Полежу часокъ-другой, и все пройдетъ.

Готовцевъ проводилъ ее до подъѣзда отеля. Она вошла въ подъѣздъ. Онъ снова отправился бродить.

Совсѣмъ стемнѣло. На Canale Grande давали серенаду. Съ большой, увѣшанной цвѣтными фонариками гондолы неслась струнная музыка, сильный теноръ пѣлъ арію изъ «Трубадура»:

Sconto col sangue mio
L'amor che posi in te!
Non ti scordar di me!
Leonora, addio, addio!..

Вокругъ тѣснились гондолы со слушателями. Вдали, около таможни, показалась новая расцвѣченная фонариками гондола; хоръ пѣлъ пѣсню, и слышался припѣвъ: «Viva Venezia!». Пѣсня становилась все слышнѣе, гондола быстро проплыла мимо въ глубь канала, звуки пѣсни смѣшались съ аріей тенора. Съ противоположной стороны показалась третья гондола... Со всѣхъ сторонъ неслись звуки, они мѣшались и покрывали другъ друга. Здѣсь сильною нотою закончилъ баритонъ, а вдали, какъ эхо, звучало женское сопрано, и казалось, это пѣлъ самъ воздухъ. И въ этомъ трепетавшемъ отъ звуковъ воздухѣ величественно и молчаливо высилась надъ каналомъ церковь della Salute, съ ея круглымъ куполомъ и сбѣгавшими къ водѣ широкими ступенями.

Былъ одиннадцатый часъ, когда Готовцевъ воротился къ себѣ. По длинному коридору онъ подошелъ къ двери своего номера, взялся за ручку. Дверь не подавалась, въ окошечкѣ надъ дверью было темно: очевидно, Елена Николаевна заперлась изнутри: нужно стучать, будить ее...

Въ концѣ коридора показалась стройная женская фигура. Она медленно приближалась по ковру. Готовцевъ невольно остановилъ на ней взглядъ, любуясь ею, невольно пріоса-

нился,—и вдругъ въ фигурѣ, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на чужую, Готовцевъ узналъ Елену Николаевну.

— Леля, ты откуда?

Елена Николаевна слабо улыбнулась.

— Ты же унесъ съ собою ключъ отъ номера.

Готовцевъ хватился за боковой карманъ, — ключъ былъ тамъ.

— Такъ ты и не была въ номерѣ? Гдѣ же ты была все время?

— Такъ, по улицамъ ходила... Въ залѣ тутъ сидѣла...

Готовцевъ отперъ номеръ, они вошли.

— Отчего же ты не взяла другого ключа у оберъ-кельнера?— спросилъ онъ, виноватый и сконфуженный.

— Спрашивала,—нѣту. Ключъ у нихъ одинъ, оставляется на доскѣ... И ни одного номера нѣтъ свободнаго.

— Бѣдная ты моя, бѣдная!.. Это съ головною-то болью!

— Ничего, голова прошла. Только устала я.

Готовцеву было мучительно-стыдно: ни одного слова упрека ему! А онъ-то,—какъ старательно онъ давалъ ей сегодня понять своимъ поведеніемъ, что она сама виновата въ своей головной боли...

Елена Николаевна сѣла въ кресло.

— Уу, какіе всѣ эти мужчины самцы... брр!—съ отвращеніемъ сказала она. — Пошла здѣсь въ залу, сѣла, — всѣ косятся, поглядываютъ. Одинъ подсѣлъ, заговорилъ,—и такіе масляные-масляные глаза!.. Встала, вышла на улицу. Идешь,— вдругъ недалеко отъ тебя господинъ. То съ одной стороны обойдетъ, то съ другой, и все ближе, ближе... Совсѣмъ, какъ ястребъ, дѣлаетъ круги... Потомъ что-то начинаетъ говорить...

— Вотъ мерзавцы!—Готовцевъ стиснулъ зубы.

— И какіе все почтенные, изящные господа!.. Два патера,—одинъ молодой, а другой старый, толстый, оба бритые...

Готовцевъ цѣловалъ пальцы Елены Николаевны. Онъ представлялъ себѣ, какъ она — беззащитная, больная—одиноко бродила по темнымъ улицамъ, не зная, гдѣ найти пріютъ.

— А, Богъ съ ними!—Елена Николаевна встала и подошла къ окну.—Воликъ, пойди сюда, посмотри!

Освѣщенная мѣсяцемъ, передъ глазами широко раскинулась даль Адріатики. На островкѣ Санто-Джіорджіо рѣзко чернѣли профили узкой колокольни и маленькаго купола церкви. Около свѣтились два огонька и отражались въ водѣ. Ближе море дробилось подъ мѣсяцемъ серебряными змѣйками. Воздухъ былъ темно-синій, прозрачный, и все въ этомъ воздухѣ казалось воздушнымъ.

— Какъ хорошо! Правда?—шопотомъ спросила Елена Николаевна и прижалась къ Готовцеву.

Онъ молча кивнулъ головою.

Внизу, на набережной, смутно шумѣла толпа, гдѣ-то пѣлъ женскій голосъ, и слышались серебряные звуки двухъ мандолинъ. На колокольнѣ Санто-Джіорджіо пробило одиннадцать, сейчасъ же за этимъ звонко пробило гдѣ-то справа, потомъ, немного погодя, глухо и медленно—сзади, за домами.

Елена Николаевна сказала:

— А помнишь, въ Тиролѣ, въ горахъ? Когда тамъ ударитъ колоколъ, звукъ сначала зазвучитъ такъ широко, вольно,—и вдругъ забьется, зазвенитъ, какъ будто ему тѣсно въ горахъ, и замираетъ такъ грустно-грустно...

Готовцевъ стоялъ, обнявъ жену, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на красивое, блѣдное лицо, освѣщенное мѣсяцемъ. Что такое вдругъ случилось? Почему исчезла преграда, которая такъ мучительно отдѣляла ихъ другъ отъ друга всѣ эти дни, которую они оба всѣми силами старались разрушить и не могли? Теперь Елена Николаевна была ему дорога и близка, и можно было свободно говорить обо всемъ, и можно было свободно обнимать ее, не испытывая мутно-темнаго ощущенія.

Онъ взялъ въ руки ея голову и долго, крѣпко поцѣловалъ въ високъ. Елена Николаевна заглянула ему въ глаза и тихо сказала:

— Правда, теперь легко?

— Что легко?

Она удивилась.

— Стало легко разговаривать, любить другъ друга.

— Я какъ разъ объ этомъ думалъ,—улыбнулся Готовцевъ.

Елена Николаевна прижалась щекою къ его щекѣ и задумчиво сказала:

— Отчего не всегда такъ?

Готовцевъ молча гладилъ ее по волосамъ.

— А дѣвушками мы думаемъ, что такъ и должно быть, что иначе и не можетъ быть...—Елена Николаевна помолчала.— Какъ тогда было хорошо и странно! Когда еще не знаешь, что такое съ тобою, а только такъ хорошо-хорошо и свѣтло... Я помню, въ Кунцевѣ, въ *то* лѣто, ты разъ проводилъ меня вечеромъ на нашу дачу. Ты ушелъ, я вышла на террасу; отъ цвѣтниковъ пахнетъ тяжелою росою, резедою и еще чѣмъ-то; Соня сидитъ на ступенькѣ... Она никогда меня не любила, а я ее,—а тутъ у меня къ ней явилось тихое, хорошее чувство. Она сидитъ,—одинокая, молчаливая. Я подошла къ ней, прижалась лицомъ къ ея головѣ. А волосы у нея были такіе мягкіе-мягкіе...

Голосъ ея оборвался.

— Что такое тогда было? Отчего больше никогда ужъ не переживалось такое чувство? Такое чистое и свѣжее, какъ ландышъ... Я помню, ты меня тогда въ лѣсу поцѣловалъ въ голову, — такъ робко, нѣжно. Я потомъ лежала въ постели и все время улыбалась. Я спрашивала себя, что это у меня,— любовь? И мнѣ казалось,—когда окажется, что это ужъ, правда, любовь, что это ужъ можно будетъ назвать любовью, тогда будетъ такое громадное, безконечное счастіе!.. Ну, а потомъ—это *стало* настоящею любовью. И ужъ такого счастья не было. Почему?

Она задумалась и широко раскрытыми глазами глядѣла вдаль.

— Господи, какъ сложна жизнь, какъ сложна! И какъ всѣ мы мелочны и нервны!

Готовцевъ молчалъ. Потомъ заговорилъ:

— Мнѣ кажется, дѣло тутъ не въ нервахъ. А въ чемъ? Я это часто спрашиваю себя. Мы любимъ другъ друга, и намъ хорошо, когда мы любимъ. И вотъ какая-то пошлость и скучность, словно липкая паутина, ложится на нашу любовь: и мы, какъ двѣ запутавшіяся мухи, бьемся въ этой паутинѣ, не можемъ скинуть ея и начинаемъ другъ друга ненавидѣть... Гдѣ же этотъ проклятый паукъ, который насъ опутываетъ, какъ его найти? Какъ могутъ люди мириться съ нимъ и покорно переносить его власть?..

— А сейчасъ паутина порвалась, — шопотомъ сказала Елена Николаевна и, какъ ребенокъ, припала головою къ его груди.

IV.

Назавтра Готовцевъ проснулся раньше Елены Николаевны. Съ молодымъ, счастливымъ чувствомъ въ душѣ, онъ тихонько одѣлся и вышелъ вонъ. Ему хотѣлось купить цвѣтовъ. Онъ обошелъ залитую солнцемъ набережную, площадь св. Марка. Наконецъ за площадью, въ одномъ изъ темныхъ, тѣнистыхъ переулковъ, встрѣтилъ цвѣточницу и купилъ большой букетъ ландышей.

Онъ воротился въ номеръ. Въ комнатѣ отъ закрытыхъ ставней было темно, въ узкія щели пробивались полоски солнечнаго свѣта. Елена Николаевна еще спала. Готовцевъ подошелъ къ ней и брызнулъ въ лицо свѣже-обмытымъ букетомъ. Она, улыбаясь, открыла глаза, закинула нагія руки за голову и потянулась. Готовцевъ сѣлъ къ ней на постель.

— Вставай, Лелька, пора!

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало...

Черезъ одѣяло онъ обнялъ ее и, наклонившись, охваченный несшимъ отъ нея тепломъ сна, продолжалъ шопотомъ:

Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,
Что душа все такъ же счастью
И тебѣ служить готова...

Елена Николаевна охватила его шею и прижала къ себѣ.

— Милый мой, милый!.. — И покрыла его лицо поцѣлуями...

Готовцевъ раскрылъ ставни, распахнулъ окна. Веселое, яркое утро ворвалось въ комнату. Освѣщенная солнцемъ, далеко тянулась матово-зеленая водная гладь, и съ покрытыхъ приливомъ мелей въ нее входили нѣжно-лиловыя полосы.

— Одѣвайся, Лелька, скорѣй! Напьемся кофе и поѣдемъ въ Лидо, къ открытому морю... Видишь, вонъ оно темнѣетъ Лидо, на горизонтѣ.

Черезъ часъ Готовцевы отъѣхали въ гондолѣ отъ набережной. Они сидѣли рядомъ, откинувшись на мягкую спинку сидѣнія. Гондольеръ, стоя сзади, ловко гребъ веслом. Отовсюду еще вѣяло утреннею прохладою. Вокругъ гондолы поднимались и опускались тяжелыя, прозрачно-зеленыя массы воды, на нихъ мелькали стебли водорослей и корки апельсиновъ. Сзади сверкали подъ солнцемъ окутанные дымкою дворцы Венеціи.

Елена Николаевна заглянула Готовцеву въ глаза.

— Хорошо, да?

Съ медленною улыбкою онъ отвѣтилъ:

— Д-да, въ этотъ моментъ...

— «Въ э-этотъ моме-ентъ...»—передразнила она.—Господи, каждую минуту думать о всѣхъ прошлыхъ и будущихъ моментахъ! Развѣ такъ можно жить? Знаешь, я вчера думала... Вѣдь какой, собственно, скверный городъ эта Венеція. Помнишь, мы вчера ѣхали съ вокзала: каналы узкіе, съ вонючею, зеленою водою, въ водѣ плаваютъ картофельные обрѣзки, солома, всякая дрянь; дома грязные, съ облупившейся штукатуркой, на окнахъ сушится бѣлье, фундаменты скользкіе, въ зеленой плѣсени. А эти узкіе переулки,—въ нихъ никогда не загля-

дываетъ солнце, въ домахъ мрачно, сыро и скучно... Вѣдь такъ? А вотъ—какая-то общая красота все покрываетъ, и все-таки Венеція хороша, хороша, хороша!... Вотъ такъ и мы. Пускай мы недолго будемъ вмѣстѣ жить; а пока живемъ,—пусть будетъ твоя паутина, пусть будетъ все,—жить все-таки хорошо!

Готовцевъ удивленно взглянулъ на нее.

— Отчего мы долго не будемъ вмѣстѣ жить?

— Ну, что объ этомъ говорить!.. Мнѣ иногда кажется, ты тяготишься мною, жалѣешь, что женился... Ухъ, а я гордая! Если я только убѣждусь, что это такъ, мы сейчасъ же разъѣдемся.

— Леля, Леля, съ чего это тебѣ пришло въ голову?—съ упрекомъ сказалъ онъ.

— Можетъ-быть, ты это самъ не сознаёшь. Ты любишь жить, какъ всѣ. А у всѣхъ принято стонать, жаловаться, проклинать свою жизнь и все-таки не рѣшаться сбросить цѣпи... А только не нужно теперь объ этомъ думать, пока и такъ хорошо.

Отъ Лидо прошелъ большой пароходъ. Волны набѣжали на гондолу, она дрогнула, поднялась на шипящій гребень волны и ухнула внизъ. Готовцевъ вцѣпился пальцами въ край сидѣнія и опасливо крикнулъ гондольеру:

— Prenez garde!.. Мм... Badate (поосторожнѣе)!

Волны побѣжали дальше. Елена Николаевна задумалась, потомъ вдругъ разсмѣялась.

— Знаешь, ты иногда мнѣ представляешься: весь—совсѣмъ, какъ человѣкъ, а ноги тонкія-тонкія, какъ ниточки, и ты не можешь на нихъ ходить.

Готовцевъ поднялъ брови и изобразилъ на лицѣ обиду.

— Гм!.. Почему такъ?

— Тебѣ нужна какая-то особенная жизнь, чтобъ все кругомъ было тонко и нѣжно, какъ папиросная бумага. И если кто порветъ эту бумагу, тебѣ ужъ больно... А по-моему, гораздо все лучше такъ, какъ есть.

Они подъѣхали къ Лидо. По длинной, усыпанной хрящомъ аллеѣ съ подстриженными деревьями подошли къ купальнямъ. И вдругъ обоихъ какъ будто что-то толкнуло. Прямо передъ ними былъ купальный ресторанъ, въ квадратѣ раскрытыхъ дверей виднѣлась широкая терраса, а за нею—нѣжно-лазурная даль свободнаго моря.

— Смотри, смотри!—въ восторгѣ воскликнула Елена Николаевна.

Они вошли на террасу, сѣли за столикъ. Подъ синимъ-синимъ небомъ безконечно-широко тянулось сказочно-лазурное

море. Его лазурный просторъ отражался на террасѣ, на всемъ окружающемъ, даже на двухъ надутыхъ англичанахъ съ дамой, ѣвшихъ за столикомъ артишоки. Къ Готовцевымъ подошелъ кельнеръ. Чтобъ отвязаться, Готовцевъ заказалъ кофе.

Елена Николаевна стояла у перилъ, упоенно глядѣла на море и твердила:

— Смотри, смотри! Это не правда, это—сказка!

Вдали сверкали оранжевые паруса шлюпокъ. Внизу, у террасы, волны съ нѣжнымъ шумомъ набѣгали на песокъ.

Наскоро они выпили кофе. Черезъ пустыя еще купальни сошли къ берегу и пошли по сырому песку, изъ котораго выступала вода.

Елена Николаевна взяла Готовцева подъ руку и жадно глядѣла въ морскую даль.

— Хочется крылья имѣть и улетѣть туда, далеко... Какая разница! Въ горахъ — тамъ тоже хочется имѣть крылья, но на душѣ тоскливо и грустно. А тутъ хочется крылья имѣть, а на душѣ такъ смѣло, бодро и весело!..

Готовцевъ шелъ молча, поднявъ брови. Его удивило, какъ вѣрно схватила Елена Николаевна разницу во впечатлѣніи отъ горъ и отъ моря. Вотъ ея душа свободно принимаетъ впечатлѣнія и свободно выливаетъ ихъ, а онъ способенъ только удивленно сказать: «а вѣдь это совершенно вѣрно!». То же самое было и съ знаменитыми картинами, которыя они видѣли. Въ ея душѣ есть что-то чуткое и честное, само собою звучащее...

Волны одна за другою непрерывно бѣжали къ берегу. Бѣлая, пѣнистая гряда вдругъ вскипала, наклонялась, съ шумомъ ухалась на песокъ и тонкимъ слоемъ ползла полукругомъ впередъ. Потомъ, остановившись, медленно стекала назадъ, какъ кружевомъ, покрытая пѣной. И слѣдующая волна подхватывала ее. Стоялъ непрерывный, раскатывающійся шумъ, онъ то нарасталъ, то ослабѣвалъ, и при закрытыхъ глазахъ казалось, будто слѣва направо проносятся громадныя птицы.

Елена Николаевна сказала:

— И какая музыка, вслушайся. У каждой волны свой звукъ, своя душа... Вотъ, видѣлъ, сейчасъ разбилась? Какъ бёклиновская наяда,—помнишь, въ «Игрѣ волнъ», которая въ коралловомъ вѣнкѣ,—болѣзненно-страдальческая, испуганная... А вотъ эта—шумная, животно-веселая...

Она остановилась и задумчиво смотрѣла на набѣгавшія волны.

— Должно-быть, можно цѣлыми часами стоять здѣсь, стоять и слушать, и онѣ будутъ что-нибудь разсказывать...

Готовцевъ смотрѣлъ на ея задумчивое, милое лицо. Ему было свѣтло и радостно, что она и ея душа принадлежатъ ему. И онъ думалъ: неужели онъ забудетъ нынѣшнее чувство, и оба они опять безсильно и озлобленно начнутъ биться въ липкой паутинѣ, опутанные невѣдомымъ и неуловимымъ пауком?

1902.

ПРОѢЗДОМЪ.

— Ну, еще разъ, прощай!.. Прощай, моя милая, милая!..

И Ширяевъ прижималъ къ груди голову Катерины Николаевны и цѣловалъ ее въ лобъ, гдѣ отъ него отходили мягкіе волосы. Въ просвѣтѣ между старыми березами, надъ пчельникомъ, свѣтилъ мѣсяцъ. Березы передъ мѣсяцемъ казались черными, а воздухъ за ними—прозрачно-синимъ и очень глубокимъ. Пахло спѣлою рожью.

Катерина Николаевна подняла голову и шепнула:

— Погоди, идетъ кто-то!

Они осторожно подались въ темноту. Но въ саду стояла глухая іюльская тишина, и ничего не было слышно. Изъ темноты высовывались лапчатыя вѣтви липоваго куста, отъ луннаго свѣта онѣ казались сѣрыми.

Ширяевъ громко сказалъ:

— Э, трусиха! Никто не идетъ.

И обнялъ ее за плечи. Они стояли такъ въ темнотѣ. Онъ чувствовалъ сквозь сукно студенческой тужурки, какъ она прижалась къ нему. Обоимъ было необычно, слегка стыдно и сладко отъ этой близости.

Катерина Николаевна медленно отстранилась.

— Ну, ждутъ чай пить, пойдемъ! А то хватятся насъ. — И тихо шепнула на ухо: — Завтра утромъ я встану тебя провожать.

Улыбаясь, онъ повторилъ:

— *Тебя.*

— Ты, тебя, тобою, о тебѣ...—раздѣльно сказала Катерина Николаевна и съ шаловливымъ вызовомъ глядѣла ему въ глаза. Оба чувствовали себя, какъ дѣти. Хотѣлось говорить глупости. И Ширяеву радостно было видѣть этотъ дѣтски-

шаловливый блескъ въ ея глазахъ, всегда серьезныхъ и какъ будто вслушивающихся.

Въ концѣ темной липовой аллеи ярко свѣтились окна дома, слышался говоръ, смѣхъ, звяканье чайной посуды. Ширяевъ и Катерина Николаевна медленно шли въ темнотѣ, прижавшись другъ къ другу. И Ширяеву казалось, — никогда еще ни у кого не было такого счастья, какъ у нихъ.

Они вошли въ залу. Онъ—плотный и слегка сутуловатый, съ большою головою. Она—тонкая и гибкая, казавшаяся отъ этого выше его. Всѣ мелькомъ внимательно взглянули на нихъ. Они думали, никто ничего не замѣчаетъ, а любовь и счастье такъ и сіяли на ихъ лицахъ.

Студентъ Алексѣй Болотовъ, братъ Катерины Николаевны и товарищъ Ширяева, разговаривалъ съ земскимъ врачомъ Кореневымъ. Алексѣй говорилъ быстро, слегка запинаясь и размахивая руками. А докторъ, съ загорѣлымъ лицомъ и взглядомъ исподлобья, лѣниво курилъ папиросу за папиросой и ворчащимъ голосомъ задавалъ вопросы.

Ширяевъ прихлебывалъ изъ стакана чай и прислушивался къ разговору. Докторъ разспрашивалъ Алексѣя съ интересомъ, но за всѣми его разспросами и возраженіями чувствовалось что-то тускло-сѣрое и бездѣятельно-скептическое. Было странно слушать его, какъ будто въ яркій весенній день онъ доказывалъ, что небо обложено тучами и мороситъ вялый, безсильный осенній дождь. Жена доктора—худая, съ узкимъ, болѣзненнымъ лицомъ—поддерживала Алексѣя противъ мужа. Но все, что она говорила, было шаблонно и неинтересно.

Въ разговоръ втянулись Катерина Николаевна и Ширяевъ. И у нихъ и у доктора, казалось, были одинаковыя желанія, одинаковыя цѣли. Но, когда о нихъ говорилъ докторъ, его слова были похожи на сухіе червивые орѣхи. А въ устахъ его противниковъ эти же слова становились живыми и горячими, полными волнующаго смысла. И двумъ слушавшимъ гимназисткамъ, сестрамъ Катерины Николаевны, тоже стало странно отъ осенне-вялаго настроенія доктора.

Ширяевъ большими шагами расхаживалъ по залѣ. Въ раскрытыя окна тянуло все тѣмъ же широкимъ, сухимъ запахомъ спѣлой ржи. Мѣсяцъ свѣтилъ сквозь липы, за ними чувствовался вольный, далекій просторъ. Докторъ, сгорбившись, пилъ крѣпкій, какъ темное пиво, чай, непрорывно курилъ и затушивалъ папиросы въ блюдечкѣ. Отъ окурковъ на блюдечкѣ стояла коричневая слякоть. Загорѣлое лицо доктора было темно, какъ будто отъ табачной копоти. И такъ весь онъ казался чуждымъ широкому простору, который тянулся за окнами...

Марья Сергѣевна, жена доктора, сказала:

— Коля, пора ѣхать.

Докторъ покосился на нее.

— Сейчасъ.

На помолодѣвшемъ и оживившемся лицѣ Марьи Сергѣевны играла легкая улыбка побѣдительницы. И докторъ самолюбиво чувствовалъ, что его возраженія оказались въ глазахъ всѣхъ пустыми и ничтожными.

Онъ вздохнулъ и обратился къ матери Катерины Николаевны:

— Что жъ, Анна Павловна, налейте на прощаніе еще стаканчикъ.

— Да куда вамъ спѣшить, посидите еще!

Чтобы не дать доктору времени согласиться, Марья Сергѣевна поспѣшно отказалась.

— Нельзя, Анна Павловна, дѣтишки дома ждутъ. У Ѳеди второй день жарокъ, мнѣ и то не по себѣ.

Докторъ не спѣша помѣшивалъ ложечкою въ стаканѣ и курилъ. Онъ лѣниво сказалъ Ширяеву:

— А я къ вамъ какъ-то, Викторъ Михайловичъ, заходилъ въ Томилинскѣ. Въ концѣ іюня.

— Это... Позвольте! — вспомнилъ Ширяевъ: — послѣ обѣда вы зашли, сказали кухаркѣ, что будете вечеромъ?

— Да, да.

— Такъ это вы были... Отчего жъ вы меня не вызвали? Вѣдь я дома былъ.

— На дворъ нужно было заходить, а кухарка у воротъ сидѣла.

Ширяевъ засмѣялся.

— А вечеромъ такъ и не зашли! Я весь вечеръ просидѣлъ, ждалъ. — Онъ не прибавилъ: и ругался, потому что нужно было уйти по дѣлу.

— У пріятеля, знаете, засидѣлся. Члена управы. То, се, спохватился, — одиннадцать часовъ... А вы скоро назадъ въ Томилинскъ?

— Завтра утромъ.

Докторъ оживился.

— Съ пассажирскимъ? Слушайте, такъ поѣзжайте съ нами сейчасъ! Вѣдь мы въ четырехъ верстахъ живемъ отъ станціи. Поѣдемъ вмѣстѣ, переночуете у насъ, а утромъ ровно къ десяти я васъ доставлю на станцію. Завтра у меня пріема нѣтъ, какъ разъ въ ту сторону нужно ѣхать къ больному.

Ширяевъ въ замѣшательствѣ крутилъ бородку.

— Не знаю, право...

Ему было куда пріятнѣе провести вечеръ съ Катериной Николаевной. Марья Сергѣевна очень обрадовалась.

— Нѣтъ, правда, Викторъ Михайловичъ, поѣдемте! Отлично проѣдемся. Попьемъ чайку у насъ...

Катерина Николаевна возразила:

— Да у васъ и сѣсть-то негдѣ. Вѣдь вы на маленькой телѣжкѣ пріѣхали.

— Ну, пустяки какіе! На козлахъ можно, — сказалъ докторъ.—Хотите, я сяду? А тутъ, навѣрно, лошади нужны рожь возить. Что ихъ напрасно за пятнадцать верстъ гонять! Вѣрно вѣдь?—обратился онъ къ Аннѣ Павловнѣ.

— Лошади-то тутъ, положимъ, ни при чемъ, — сдержанно отвѣтила Анна Павловна, но Ширяевъ уловилъ въ ея голосѣ, что она не противъ предложенія доктора

Онъ беззаботно сказалъ:

— Ну, ладно, все равно!

Марья Сергѣевна попросила, чтобы велѣли запрягать телѣжку. Катерина Николаевна вышла на балконъ. Слѣдомъ незамѣтно вышелъ и Ширяевъ. Они близко другъ отъ друга облокотились о рѣшетку. Онъ въ темнотѣ положилъ руку на ея руку и тихо гладилъ.

— Зачѣмъ ты согласился ѣхать?

— Какъ было отказаться? Неловко... Эхъ, хорошо у васъ тутъ. Какъ хорошо!

Ширяевъ глубоко дышалъ. И отъ запаха ржи въ саду и отъ садившагося за рѣкою мѣсяца, — отъ всего несло счастьемъ и полною, радостною жизнью.

Лошадей подали. Съ шутками и смѣхомъ всѣ вышли на крыльцо. И Катерина Николаевна улыбалась, но лицо было затуманено.

Телѣжка проѣхала спящую деревню, покатила по накатанному проселку. Пыль поднималась изъ-подъ колесъ и стояла въ воздухѣ. По звѣздному небу безшумно скользили падающія звѣзды. Марья Сергѣевна оживленно разсказывала Ширяеву про время, когда она служила библіотекаршей въ воронежской библіотекѣ. Ширяевъ, съ тѣмъ же ощущеніемъ молодости и счастья, слушалъ ее, оглядывался вокругъ и вспоминалъ, какъ съ крыльца на него смотрѣло изъ темноты отуманенное лицо Катерины Николаевны. Въ низинахъ стоялъ влажный холодокъ, а когда телѣжка выѣзжала на открытое мѣсто, изъ ржи тянуло широкимъ тепломъ. И звѣзды сыпались, сыпались.

Была поздняя ночь, когда они пріѣхали. Марья Сергѣевна поспѣшила въ дѣтскую, докторъ съ Ширяевымъ вошли въ

кабинетъ. На письменномъ столѣ были навалены медицинскія книги, пачками лежали номера «Врача» въ блѣдно-зеленыхъ обложкахъ. Ширяевъ, потирая руки, прошелся по кабинету. Остановился передъ большою фотографіей надъ диваномъ.

— Кто это? — спросилъ онъ.

На фотографіи было снято нѣсколько студентовъ и дѣвушекъ. Ширяевъ узналъ доктора въ студенческомъ мундирѣ, съ чуть пробивающеюся бородкою, и его жену. Студенты смотрѣли открыто и смѣло. Дѣвушки, просто одѣтыя, были съ тѣми славными лицами, гдѣ вся жизнь уходитъ въ глаза,— глубокіе, ясные. Поразило Ширяева лицо одной дѣвушки съ нависшими на лобъ волнистыми, короткими волосами; изъ-подъ сдвинутыхъ бровей внимательно смотрѣли сумрачные глаза.

Докторъ отвѣтилъ:

— Это на голодѣ мы снимались, въ девяносто первомъ году.

Ширяевъ указалъ на дѣвушку.

— А это кто?

— Сестра Марьи Сергѣевны... Не правда ли, замѣчательное лицо?

— Гдѣ она теперь?

— Отравилась... Въ Якутской области... Да вы, навѣрно, слышали про нее...

Докторъ разсказалъ мрачную исторію, отъ которой вѣяло безысходнымъ ужасомъ. Ширяевъ вглядывался въ непреклонно-гордое, суровое лицо дѣвушки, и ему казалось, — она и не могла кончить добромъ; тѣнь глубокаго трагизма лежала на этомъ лицѣ. Докторъ разсказывалъ про другихъ участниковъ группы...

Ширяевъ отъ глубины души сказалъ:

— Ей-Богу, много на свѣтѣ хорошихъ людей!

— Много, — согласился докторъ.

Вошла Марья Сергѣевна.

— Господа, идите, чай готовъ. Что это вы смотрите? А... Это мы всѣ на голодѣ снимались. Сестру видѣли?

— Видѣлъ.

— Ну, пойдемте!

Они вошли въ узенькую залу съ бревенчатыми, неоклеенными стѣнами. Марья Сергѣевна сѣла за самоваръ. Ширяевъ смотрѣлъ на ея болѣзненно-темное, нервное лицо, слушалъ ея шаблонныя фразы. Вспоминалъ ея молодое лицо на карточкѣ, съ славными, ясными глазами. И казалось ему,—что-то тутъ погибло, что не должно было погибнуть.

Докторъ непрерывно курилъ и пилъ стаканъ за стаканомъ очень крѣпкій чай. Марья Сергѣевна разсказывала о про-

шломъ времени, о работѣ на голодѣ и холерѣ, о своихъ занятіяхъ въ воскресной школѣ. И лицо ея все больше свѣтлѣло и молодѣло. Выраженія переставали быть шаблонными.

Во второмъ часу они разошлись. Ширяева положили на маленькой террасѣ, выходившей въ цвѣтникъ. Въ темномъ небѣ попрежнему безшумно мелькали падающія звѣзды. Тамъ, далеко наверху, какъ будто шла какая-то большая, спѣшная жизнь, чуждая и непонятная землѣ. Отъ пруда тянуло запахомъ тины, изрѣдка квакали лягушки. Было душно.

Ширяевъ раздѣлся и легъ. Ему постелили на полу, положивъ, вмѣсто тюфяка или сѣна, свернутое вдвое зимнее одѣяло. Онъ лежалъ, и въ головѣ его проходили образы хорошихъ людей, и ярче ихъ всѣхъ—образъ дѣвушки, которую онъ сегодня цѣловалъ въ саду, средь сумрака, пахнувшаго рожью. Въ ушахъ стоялъ тонкій звонъ вившихся вокругъ головы комаровъ. То тамъ, то здѣсь кожа начинала горѣть, какъ будто къ ней прикладывали тлѣющую спичку. Ширяевъ теръ шею и лицо. Комары не унимались. Къ уху приближался тонкій, уныло-сосредоточенный звонъ. Ближе, ближе. Замолкалъ. И Ширяевъ злобно хлопалъ себя по виску.

— Черти проклятые! — ворчалъ онъ и кутался съ головою въ простыню.

Отъ подстеленнаго одѣяла пахло нафталиномъ. Въ дѣтской плакалъ ребенокъ. Лягушки на прудѣ квакали громко и непрерывно, какъ весною. И сквозь дремоту это кваканье вырастало во что-то громадное и близкое. Ширяевъ тяжело думалъ:

«Чего онѣ раскваклись? Должно-быть, къ дождю. А можетъ-быть, потому, что лошадь ходитъ около пруда...»

Комаръ съ злобно-унылымъ звономъ, какъ будто исполняя надоѣвшую обязанность, приближался къ лицу. Ширяевъ рѣшительно сбросилъ одѣяло и сѣлъ. Свѣтало. Надъ постелью колыхалось прозрачно-сѣрое облако комаровъ. За ивами, надъ прудомъ стоялъ туманъ. Ширяевъ нащупалъ портсигаръ и закурилъ папиросу.

Было очень тихо. Далеко на востокѣ запѣли пѣтухи. Имъ откликнулись ближе, шѣніе росло и медленно, плавно приближалось. На деревнѣ звонко запѣлъ молодой пѣтухъ. Гдѣ-то близко, за домомъ, какъ будто запоздавъ и испуганно встрепенувшись, хрипло заоралъ совсѣмъ, должно-быть, старый пѣтухъ. Отовсюду кругомъ въ перебой неслось:

— Кикики-ки-и-и!.. Кикики-ки-и-и!..

И дальше, къ западу, откликались и начинали пѣть новые пѣтухи. Какъ будто невидимый духъ плавно летѣлъ въ тьму

запада съ вѣстью объ утрѣ, и, почуявъ надъ собою его властный полетъ, встрепенувшіеся пѣтухи привѣтствовали вѣстника. На востокѣ пѣніе смолкло. Замолкали пѣтухи кругомъ. Теперь то же напряженное, непрерывное пѣніе было слышно на западѣ. Оно удалялось и затихало за горизонтомъ. И представлялось Ширяеву, какъ эта широкая, предутренняя волна звуковъ катится по землѣ все дальше, дальше. И слѣдомъ за нею плыветъ тихое утро.

Въ дѣтской опять заплакалъ ребенокъ. Былъ слышенъ голосъ Марьи Сергѣевны. Ширяевъ побоялся, какъ бы Марья Сергѣевна не увидѣла въ окно, что онъ не спитъ. Онъ легъ. Всходило солнце, начинало припекать. Комаровъ стало меньше, но было жарко. Въ залѣ на часахъ жидкимъ жестянымъ звономъ пробило четыре.

Ширяевъ неожиданно заснулъ. Проснулся онъ въ восьмомъ часу, съ тяжелою, мутно-горячею головою. Солнце пекло прямо въ лицо. Онъ сходилъ къ пруду и выкупался.

На террасу выглянула Марья Сергѣевна, въ блузѣ, съ блѣднымъ, измятымъ лицомъ.

— Вы уже встали? Ну, какъ вамъ было спать?

— Спасибо, очень хорошо!

— Идемте въ залу, сейчасъ подадутъ самоваръ... А я всю ночь не спала.—Она устало сѣла за чайный столъ.—Сначала долго не могла заснуть,—вчерашніе разговоры взволновали. Потомъ Ѳедя не давалъ спать. Голова болитъ теперь.

Съ террасы съ плачемъ вошла пятилѣтняя дочка Марьи Сергѣевны, Аня. Она морщила пухлыя щеки и тянула:

— Ма-амъ, меня Костя ущипну-улъ!

Марья Сергѣевна нетерпѣливо сказала:

— Ахъ, Господи! Ну, не плачь!.. Не играй съ нимъ, и не будетъ щипать. Вотъ на тебѣ печеньица.

Она дала ей изъ сухарницы альбертинку. Вошелъ докторъ.

— А-а, чай сейчасъ?.. Здравствуйте!.. Я сейчасъ приду, только на минуту сбѣгаю въ больницу.

Онъ вышелъ черезъ террасу. Подали самоваръ. Небо нахмурилось, дверь террасы хлопнула. Марья Сергѣевна поморщилась.

— Господи, какъ голова болитъ!

Ширяевъ участливо спросилъ:

— Часто она болитъ у васъ?

— Э, почти всегда!.. Съ нянькою боюсь на ночь дѣтей оставлять, самой приходится возиться. Встанешь ночью къ ребенку, потомъ два часа не можешь заснуть. Утромъ съ шести часовъ въ домѣ начинаютъ подниматься, шумѣть,—я ужъ не

могу спать. Не помню даже, когда это было, чтобъ я выспалась.

Со двора раздался обиженно-негодующій голосъ Кости:

— Мама, не вели Анѣ дражниться!

Марья Сергѣевна засмѣялась и взглянула на Ширяева.

— Боже мой, какой ужасъ! Восьмилѣтній малый,—и его Аня обижаетъ!.. Какъ же она тебя дразнитъ?

— Говоритъ: у тебя черный хлѣбъ, а у меня печеньице!

— Ты лучше скажи мнѣ, зачѣмъ ты ее щипалъ?

— Я ее не щипалъ! Она съ палочкой играла, палочка сломалась и, навѣрное, ее ущипнула.

— Вотъ какъ! Ну, пожалуйста, чтобъ палочка больше не щипалась!

— Пускай она съ палочкой не играетъ, а я тутъ ни при чемъ.

Ширяевъ спросилъ:

— У васъ четверо дѣтокъ?

— Четверо. И, къ сожалѣнію, три мальчика... Я бы хотѣла, чтобъ у меня однѣ только дѣвочки были. Мужчины всегда гораздо эгоистичнѣе. Въ дѣтствѣ за ними ухаживаютъ сестры, мать. Женятся,—жены. Для нихъ женщины только для того и существуютъ, чтобъ ухаживать за ними.—Въ голосѣ Марьи Сергѣевны звучало тайное раздраженіе.—Главное, чтобъ не заботиться самимъ о житейскихъ мелочахъ,—о топкѣ печей, о провизіи, о пеленкахъ... Право, удивляете вы меня всѣ. Говорили бы прямо, когда женитесь, что вамъ нужна экономка и нянька. Вѣдь въ этомъ для васъ вся суть. А между тѣмъ вы всегда говорите: мы будемъ вмѣстѣ съ тобою работать на благо людей, развиваться, читать...

Воротился докторъ. Онъ усѣлся за столъ, положилъ въ свой чай сахаръ и медленно улыбнулся.

— Приходила сейчасъ баба одна, старуха. Я, говоритъ, у тебя вчера была, ты мнѣ поворожилъ. А назадъ пошла я и потеряла твою ворожбу. Это про рецептъ. Вмѣсто того, чтобъ въ аптечку нашу снесть, понесла съ собой... Ворожбу!.. До чего дики, Бо-оже мой! Бьешься, бьешься,—силъ нѣтъ. Въ родѣ какъ бы гнусъ какой виситъ надъ тобою эта баба, и притомъ въ огромномъ количествѣ. Сотню лѣтъ надо поработать, чтобъ привыкли. Спасибо еще, земство наше хорошее, не скупится на врачебное дѣло. Вотъ больничку новую намъ выстроили на восемь коекъ. На Успеніе освященье будетъ. Пріѣзжайте...—Онъ взглянулъ на жену.—Не забыть бы генеральшу на освященіе пригласить, княгиню Медынскую.

Марья Сергѣевна пренебрежительно повела плечами.

— Для чего этихъ дамъ-аристократокъ приглашать? Очень нужно съ ними знаться!

Раздражаясь, докторъ сказалъ:

— Какъ ты этого не понимаешь? Она жертвовала!

Марья Сергѣевна вспыхнула.

— Ну, не понимаю!.. Что жъ такого? Почему я не имѣю права высказать свое мнѣніе? Вотъ либеральная привычка,— злиться, когда съ нимъ не соглашаются!

Докторъ съ затаенною враждою взглянулъ на нее, поспѣшно сдѣлалъ безразличное лицо и обратился къ Ширяеву:

— Вотъ вамъ и хорошая погода! Посмотрите-ка, какія тучи собираются.

Ширяевъ осторожно спросилъ:

— А не пора намъ ѣхать?

Докторъ взглянулъ на часы.

— Скоро нужно выѣзжать. Вели, Маша, запрягать лошадь,— сумрачно обратился онъ къ женѣ.

Вошелъ фельдшеръ.

— Николай Петровичъ, извините, забылъ спросить. Нужно Гаврилѣ клизму ставить?

— Погодите, я самъ схожу. Нужно еще посмотрѣть, не промокла ли повязка у Груньки.

Онъ ушелъ съ фельдшеромъ. Полилъ дождь, капли зашумѣли по листьямъ деревьевъ. Вѣтеръ рванулъ въ окно и обдалъ брызгами лежавшую на столикѣ книжку журнала. Марья Сергѣевна заперла окна и дверь на террасу. Шумъ дождя по листьямъ сталъ глуше, и теперь было слышно, какъ дождь барабанилъ по крышѣ. Вода струилась по стекламъ, зелень деревьевъ сквозь нихъ мутилась и теряла очертанія.

Въ головѣ у Ширяева было тяжело. Въ комнатѣ потемнѣло. Лицо Марьи Сергѣевны стало еще блѣднѣе, болѣзненнѣе и раздраженнѣе. Ширяевъ видѣлъ, какъ все въ ней кипитъ, словно кто-то ушибъ ей постоянно болящую язву. Онъ взялъ со столика книжку журнала, сталъ перелистывать. Чтобъ отвлечь Марью Сергѣевну отъ ея настроенія, спросилъ:

— Видѣли вы книгу: «Проблемы идеализма»?

— Не видѣла.—Марья Сергѣевна помолчала.—И ничего даже не слышала про нее. Гдѣ мнѣ теперь читать... А что, интересная?

— Объ ней много этотъ годъ было разговоровъ. Мнѣ не нравится...

Онъ сталъ говорить о книгѣ.

На дворѣ дулъ вѣтеръ. Дождь хлесталъ въ стеклянную дверь террасы. За дверью появилась темная фигура доктора

съ зонтикомъ. Онъ постучалъ въ стекло. Ширяевъ отперъ дверь. Марья Сергѣевна сердито сказала:

— Что ты все черезъ террасу ходишь? Черезъ каждыя пять минутъ отпирать тебѣ!

Докторъ рѣзко и нетерпѣливо отвѣтилъ вполголоса:

— Ну, хорошо!

— Что—«хорошо»? Вовсе не хорошо! Ходи кругомъ, черезъ крыльцо... Сыро, сквозитъ, а ты постоянно черезъ балконъ. Только и знай, что вставай, отпирай тебѣ...

Она продолжала говорить, а докторъ съ неестественно-безразличнымъ лицомъ обратился къ Ширяеву:

— Да, я вотъ думалъ, что хорошая погода надолго установилась. Барометръ вчера показывалъ beau temps. А изволите видѣть, что на дворѣ дѣлается!

Марья Сергѣевна замолчала и стала перетирать стаканы. Ширяевъ смотрѣлъ на нее и думалъ: «Вѣдь были же, были у нея эти ясные, славные глаза, съ какими она снята на группѣ... Обманывала ли ими жизнь, какъ она обманываетъ людей мимолетною дѣвическою прелестью? Или тутъ погибло то, что не могло и не должно было погибнуть? И почему тогда оно погибло такъ легко и такъ безвозвратно?»

Марья Сергѣевна спросила доктора:

— Скажи, пожалуйста, ты видѣлъ книгу... Какъ ее, Викторъ Михайловичъ?.. Да, «Проблемы идеализма»... Видѣлъ ее?

Докторъ неохотно пробурчалъ:

— Видѣлъ.

Она нервно засмѣялась.

— Удивительное дѣло! А я даже ничего и не знала, ничего даже не слышала про нее!

— Кто жъ въ этомъ виноватъ!—Докторъ пожалъ плечами.

— Вотъ и подумай, кто въ этомъ виноватъ... Отъ кого я что-нибудь могу услышать, кромѣ тебя? Весь день торчу въ кухнѣ и дѣтской, забочусь, чтобъ тебѣ обѣдъ былъ во-время, и чтобъ тебѣ дѣти не мѣшали спать послѣ обѣда... Откуда же я могу узнать?

Докторъ нахмурился и тяжело вздохнулъ.

— Ну, пошло!

— Да, пошло!.. «Общеніе», «совмѣстная духовная жизнь»... Какія красивыя слова, какъ пріятно употреблять ихъ въ умныхъ разговорахъ! Со стороны можно подумать, какой новый человѣкъ, съ какими новыми требованіями отъ брака! А на повѣрку выходитъ,—обыкновенный мягкотѣлый интеллигентъ, нужно только все прежнее.

Она говорила нервнымъ, спѣшащимъ голосомъ, какъ будто

нарочно старалась не дать себѣ времени одуматься. Ширяеву было неловко. Въ глазахъ доктора загорался мрачный, неврастеническій огонекъ. Онъ тоже терялъ уже желаніе замять ссору и не дать ей разгорѣться хоть при чужомъ человѣкѣ. Враждебно глядя на жену, онъ спросилъ:

— Скажи, пожалуйста, при чемъ тутъ мягкотѣлость?

— Нужно только все прежнее. Чтобъ жена рожала дѣтей, заботилась о провизіи, о дровахъ и устраивала уютъ. А чтобъ самому спокойно пользоваться жизнью... Господи, настоящіе пауки, право! Приникнутъ къ женщинѣ и сосутъ. И высасываютъ умъ, запросы, всю духовную жизнь. И остается отъ человѣка одна родильная машина.

Докторъ еще разъ раздѣльно спросилъ:

— Ты скажи мнѣ,—при чемъ тутъ мягкотѣлость? Ну, укажи мнѣ,—вотъ я спрашиваю тебя: какъ иначе устроить нашу жизнь? Самъ я не могу заботиться объ обѣдѣ, потому что мнѣ до обѣда нужно принять сто человѣкъ больныхъ. Послѣ обѣда мнѣ нужно поспать, а то я вечеромъ не въ состояніи буду ѣхать къ больнымъ. Если я вздумаю слѣдить за дровами и провизіей, то не въ состояніи буду зарабатывать на дрова и провизію. Ребятъ мнѣ няньчить тоже некогда... Въ чемъ же я могу тебя облегчить? Ну, скажи, укажи,—въ чемъ?

Марья Сергѣевна разсмѣялась и торжествующе взглянула на Ширяева.

— Вотъ, вотъ! Это самое и выходитъ: будь экономкой, нянькой, и больше ничего!

Докторъ съ угрюмымъ вызовомъ подтвердилъ:

— Это самое и выходитъ: будь экономкой и нянькой! Оно такъ въ дѣйствительности и есть въ каждой семьѣ. Да и не можетъ быть иначе. Только интеллигентный человѣкъ стыдится этого и старается скрыть отъ постороннихъ, какъ какую-то дурную болѣзнь. Почему же этого прямо не признать? Если люди женятся для бездѣтнаго разврата, то вопросъ, конечно, рѣшается легко. Но тогда зачѣмъ жениться? А въ противномъ случаѣ женщина только и можетъ быть матерью и хозяйкой.

Марья Сергѣевна насмѣшливо протянула:

— Вотъ какъ!.. Я это отъ тебя въ первый разъ слышу.

— Да. И всѣ нынѣшнія... общественныя формы, что ли, таковы, что иначе и не можетъ быть. Мы теоретически выработали себѣ идеалъ, который соотвѣтствуетъ совсѣмъ другому общественному строю, болѣе высокому. И идемъ съ этимъ идеаломъ въ настоящее. А въ настоящемъ онъ непримѣнимъ. И всѣ только мучатся, надсаживаются, проклинаютъ свою жизнь.

Ширяевъ осторожно спросилъ:

— Почему же вы думаете, что въ настоящемъ этотъ идеалъ непримѣнимъ?

— Ну, вотъ научите меня,—какъ его примѣнить? Я не знаю. Хотѣлъ самымъ искреннимъ образомъ, а изволите видѣть,—жизнь устроила по-своему. Разъ есть семья, необходимъ свой отдѣльный уголъ. Уголъ, очень сложно управляющійся! Этого только не видно со стороны... Настолько сложно, что нуженъ одинъ руководитель. Попробуйте-ка, вмѣшайтесь въ распоряженія хозяйки! Что жъ выходитъ? Выходитъ,—весь вопросъ только объ обмѣнѣ ролями между мужемъ и женой. Потому что одному-то изъ нихъ, все равно, нужно сидѣть въ этомъ углѣ. Ну-съ, а что же это за рѣшеніе? Я, по крайней мѣрѣ, такого рѣшенія не принимаю. Не умѣю ухаживать за дѣтьми. Не умѣю няньчить ихъ и варить кашки. Не умѣю и не хочу. Инстинктовъ соотвѣтственныхъ, что ли, нѣтъ у мужчины. Но только и мать-то ни одна, если въ ней есть хоть капля материнскаго чувства, не согласится на это... Отдѣльные мужчины, пожалуй, есть такіе. Но всѣ они, сколько я ихъ ни видалъ, съ совершенно бабьей натурой, безвольные и бездѣятельные... Такъ вотъ-съ, я и спрошу: какъ же тутъ быть женщинѣ? Либо смотрѣть на дѣтей въ семьѣ, какъ на какія-то злокачественныя образованія, либо... старая исторія: не выходить замужъ и не имѣть дѣтей.

Докторъ пожалъ плечами и взялся за свой стаканъ. Онъ лѣниво глоталъ крѣпкій чай. Въ маленькой залѣ сгущался сѣрый сумракъ. Ширяевъ думалъ: «ужъ давно бы пора ѣхать».

Своимъ ворчащимъ голосомъ докторъ нехотя заговорилъ:

— Въ будущемъ, тамъ другое дѣло. Тамъ рѣшеніе вопроса ясно. И ужъ теперь жизнь даетъ намеки на это рѣшеніе, особенно за границей. Сложное, трудное управленіе собственнымъ угломъ становится ненужнымъ. Въ домахъ—центральное отопленіе. На каждомъ перекресткѣ — Дюваль или Ашингеръ, гдѣ вы безъ всякихъ хлопотъ имѣете сытный, здоровый столъ. Все больше развиваются всякія ясли, дѣтскіе сады. Все больше сознаётся, что не мать — лучшая воспитательница ребенка, что для воспитанія нужно умѣніе и призваніе...

Ширяевъ рѣшительно сказалъ:

— Николай Петровичъ, какъ хотите, мнѣ нужно на станцію!

Докторъ усмѣхнулся.

— Гос-споди, какъ онъ безпокоится!—Онъ не спѣша взглянулъ на часы. — Чего вы боитесь? Поспѣете... Вотъ еще по стаканчику выпьемъ и поѣдемъ... — Онъ угрюмо покосился на жену.—Маша, скажи, чтобъ подавали лошадь.

Ширяевъ съ враждою подумалъ:

«Почему онъ самъ не можетъ сказать? Разсѣлся тутъ, куритъ и болтаетъ, а у нея голова болитъ...» Онъ сумрачно оглядѣлъ доктора и всталъ.

— Я сейчасъ скажу.

Лошадь подали. Докторъ набивалъ портсигаръ папиросами. Лицо Марьи Сергѣевны стало еще блѣднѣе и болѣзненнѣе. Она пожала Ширяеву руку.

— Ну, прощайте!.. Вотъ, вы теперь видѣли, во что обращается черезъ десять лѣтъ русскій радикальный интеллигентъ.

Докторъ исподлобья оглядѣлъ ее и сталъ надѣвать пальто.

Сѣли и поѣхали. Изъ низкихъ тучъ моросилъ дождь. Колеса телѣжки скользили по размокшей, глинистой дорогѣ. Докторъ сидѣлъ въ телѣжкѣ, сгорбившись подъ зонтикомъ. Зонтикъ трясся, и тряслась спина доктора.

Изъ-за рощи выглянули красно-коричневыя станціонныя зданія съ зелеными крышами. Надъ ними взвился бѣлый дымокъ. Слабо донесся свистокъ поѣзда. Ширяевъ спросилъ:

— Это не нашъ поѣздъ?

— Нѣтъ, товарный...

Подъѣхали къ станціи. Докторъ крикнулъ сторожу:

— Пассажирскій скоро придетъ?

— Сейчасъ ушелъ.

— Да-а, изволите видѣть... Вотъ она какая штука! — Докторъ помолчалъ. — Что жъ теперь дѣлать? Придется вамъ съ почтовымъ ѣхать, въ десять вечера. А пока идите къ намъ,— пообѣдаете, чайку попьете.

Ширяевъ холодно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я ужъ тутъ подожду. Можетъ-быть, удастся уѣхать съ товарнымъ.

— Ну, какъ хотите. До свиданія!

Кучеръ повернулъ лошадь. Надъ забрызганнымъ грязью кузовомъ телѣжки опять затряслась сгорбившаяся подъ зонтикомъ спина доктора. Ширяевъ подумалъ:

«Русакъ проклятый!»

Онъ сидѣлъ на платформѣ, поднявъ воротникъ пальто. На зеленомъ фонѣ деревьевъ сѣяли мелкія капли дождя. Было холодно, сыро. Въ душѣ лежалъ противный, мутный осадокъ, не хотѣлось вспоминать и думать о видѣнномъ... Въ жизни обычной, ровной, какъ во всемъ, къ чему не приглядываешься,— вдругъ разсѣлась широкая щель. Изъ нея пахнуло тупымъ нагаромъ. Зашевелились темные вопросы... Ширяевъ старался не замѣчать ихъ. Въ памяти вставали мягкіе волосы надъ лбомъ, тихій шопотъ средь сумрака, пахнувшаго

рожью. И онъ думалъ: *съ ними*, — съ ними этого не повторится. Люди ищутъ новаго счастья и ждутъ, что къ нему прійти такъ же легко, какъ къ старому. А жизнь густа, дремуча, и не раздвигается сама собою въ гладкую дорожку. Кто хочетъ новыхъ путей, долженъ выходить не на прогулку, а на работу.

Съ неба сѣялъ мелкій дождь. Сырой вѣтеръ дулъ съ полей.

1903.

ВЪ ПУТАХЪ.

Лозинскій шелъ изъ Публичной библіотеки, сильно задумавшись. Вдругъ до его сознанія дошло, что онъ только-что, секунду назадъ, смотрѣлъ на милое, близко знакомое женское лицо, что внимательный взглядъ украдкою остановился на немъ и быстро скользнулъ въ сторону. Лозинскій поспѣшно обернулся. Она переходила на другую сторону улицы, низко наклонивъ голову.

У Лозинскаго стѣснилось дыханіе.

— Тоня!—крикнулъ онъ, спѣша слѣдомъ.

Она остановилась и въ замѣшательствѣ повернулась къ нему лицомъ. Лозинскій видѣлъ, какъ румянецъ заливалъ ея щеки, а глаза какъ будто вспыхнули радостнымъ свѣтомъ.

Онъ подошелъ, взволнованно поправляя на носу очки.

— Ты... ты здѣсь, въ Петербургѣ?—спросилъ онъ.

— Да.

И они продолжали растерянно смотрѣть другъ на друга, и она краснѣла все сильнѣе.

— А... а вы вѣдь все въ Москвѣ живете?—наконецъ сказала она, не глядя на него.

Лозинскій слегка покраснѣлъ и сконфуженно задергалъ свою бородку.

— Да... Сюда я пріѣхалъ на нѣсколько дней, — отвѣтилъ онъ упавшимъ голосомъ.— А вы совсѣмъ здѣсь поселились?— спросилъ онъ, переходя на «вы».—Отчего вы мнѣ цѣлый годъ не писали?

— Я уже годъ здѣсь живу,—сказала она, а на второй вопросъ не отвѣтила.

Они замолчали, стѣсняясь другъ друга, не зная, о чемъ заговорить. Глаза Лозинскаго стали еще болѣе сконфуженными и жалкими. Онъ нерѣшительно сказалъ:

— Вы простите меня, Антонина Николаевна... Если нельзя, вы прямо скажете. Я здѣсь всего на нѣсколько дней. Можно какъ-нибудь зайти къ вамъ?

Она быстро отвѣтила:

— О, да! Я очень буду рада!—И снова глаза ея засвѣтились ласкою.

Лозинскій просіялъ.

— Голубушка, спасибо вамъ!—Онъ хотѣлъ протянуть руки, чтобъ пожать руки ей, но спохватился и сдержался. — Когда же можно? Можетъ-быть, вы сейчасъ свободны?

— Да, я... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — вдругъ испугалась она. — Сейчасъ я занята. Лучше вечеромъ сегодня.

— Чудесно! Такъ я приду... Вы меня и съ Петромъ Петровичемъ познакомите?.. Я внимательно слѣжу за его литературною дѣятельностью. Молодчина, широко шагаетъ!

По ея лицу пробѣжала тѣнь.

— Я съ нимъ разошлась,—коротко отвѣтила она.

— Разошлись... — повторилъ онъ и замолчалъ; потомъ робко, боясь сдѣлать ей больно, спросилъ:—Такъ вы одна живете?

— Да... То-есть, конечно, съ сыномъ... Я уроки музыки даю... Такъ вы сегодня придете?—прервала она себя.

— Обязательно приду.

— Я буду ждать. До свиданія!

Она крѣпко пожала его руку, и ему опять почудилась теплая ласка въ ея глазахъ, на минуту остановившихся на немъ.

Весь день Лозинскій проходилъ по городу, охваченный свѣтлою радостью. Вечеромъ онъ звонился къ Антонинѣ Николаевнѣ на Васильевскомъ островѣ, и его сердце замирало, какъ у влюбленнаго мальчика.

Она встрѣтила его сдержанно и холодно. Они сѣли въ кресла у гостинаго стола и, какъ мало-знакомые, разговаривали о пустякахъ. Лозинскій присматривался къ ней, и ему было странно: онъ такъ близко зналъ ея душу, ея чувства и думы, и она знала его, а оба они, съ вѣжливыми, дѣланно-безразличными лицами, разговаривали, какъ чужіе. Его давило это, хотѣлось разорвать ложь, хотѣлось сказать: «Тоня, ну, полно же! Вѣдь между нами было такъ много, — развѣ мы послѣ этого можемъ быть чужими?»

Но ея глаза смотрѣли намѣренно-чуждо, вся она была настороженъ, словно боялась, какъ бы онъ не вздумалъ переступить черезъ преграду, которая отдѣляла ее отъ ихъ общаго прошлаго. Лозинскій видѣлъ, что нельзя ее спрашивать и про Петра Петровича, и про то, какъ она жила эти два года...

Въ печальномъ недоумѣніи онъ поправилъ на носу очки и сталъ крутить свою рѣдкую черную бородку.

Стоялъ рояль, черный и блестящій, надъ нимъ висѣлъ портретъ Чайковскаго. Лозинскій мелькомъ взглянулъ на рояль, но сейчасъ же ея глаза сказали ему, что и играть она тоже не будетъ. И все болѣе чуждымъ становилось ея лицо, и онъ ужъ съ трудомъ, какъ сквозь запотѣлое стекло, различалъ въ немъ прежнія милыя черты.

Лозинскій взялъ себя въ руки и оживился.

— А что, сынокъ вашъ уже спитъ?—спросилъ онъ тономъ, какимъ полагается задавать подобные вопросы добрымъ знакомымъ.

— Спитъ.

— Вы мнѣ позволите посмотрѣть на него?

Она вспыхнула и растерянно взглянула на Лозинскаго. Но его лицо было равнодушно-любезно, и въ голосѣ не слышно было волненія.

— Пожалуйста..... Пойдемте!—отвѣтила она.

Они вошли въ сосѣднюю комнату. Мальчикъ спалъ въ желѣзной кроваткѣ, рядомъ съ ея постелью. Лозинскій съ острымъ, болѣзненно-жаднымъ любопытствомъ смотрѣлъ на ребенка и старался различить въ его лицѣ черты ея—и того, кого онъ никогда не видѣлъ и кто раздѣлилъ ее отъ него. И ему вспоминалось, какъ когда-то онъ такъ же стоялъ съ нею надъ другою кроваткою, которую сдѣлала пустою смерть.

Лозинскій забылъ, что доброму знакомому слѣдовало съ любезною улыбкою сказать: «какой хорошенькій мальчикъ!». Молча, съ понурою головою, онъ вышелъ изъ спальни.

Скуластая чухонка съ рѣдкими волосами подала самоваръ. Антонина Николаевна заварила чай. И такъ же, какъ когда-то, она заботливо перетирала посуду, и такъ же протягивалась къ нему со стаканомъ ея красивая рука съ тонкими пальцами.

— Вамъ вѣдь два куска сахару, да?—спросила она; что-то теплое улыбающееся мелькнуло въ ея глазахъ, и у него на душѣ вдругъ стало, какъ весною,—и оттого, что она помнила, сколько кусковъ, и оттого, что не скрывала этого.

Но погасла въ ея глазахъ улыбка, и опять все стало холодно и чужо.

И весь остальной вечеръ прошелъ натянуто; разговоръ совсѣмъ не клеился. Лозинскій становился все задумчивѣе и печальнѣе.

Антонина Николаевна вышла провожать его въ переднюю.

— Вы когда ѣдете въ Москву?—безучастно спросила она.

— Черезъ четыре дня.

— Такъ скоро?.. Ну, счастливаго пути!

Она протянула ему руку. Глубокая тѣнь легла на лобъ Лозинскаго: она его больше не приглашала...

— Прощайте!—отозвался онъ, пожимая ея руку. И помолчалъ, нерѣшительно поправляя на носу золотыя очки. — Все-таки, Антонина Николаевна... Простите меня, но я васъ не могу понять. Любовь прошла,—хорошо; но неужели поэтому и *все* должно пройти? Вѣдь мы были и друзьями, близкими, тѣсными. Неужели любовь, сгорая сама, выжигаетъ въ душѣ и всякое другое чувство къ человѣку, котораго мы любили? Я этого не могу понять.

Она опустила голову, теребя свѣсившійся съ вѣшалки шарфъ; брови ея поднялись, и лицо отъ этого стало дѣтскимъ.

— Нѣтъ, я... Вы невѣрно думаете,—смущенно произнесла она.—Я буду очень рада, если вы будете ко мнѣ приходить, когда бываете въ Петербургѣ.

— Я буду приходить,—медленно отвѣтилъ Лозинскій.—До свиданія

Она какъ будто еще что-то хотѣла сказать, но ничего не сказала.

Придя къ себѣ въ номеръ, Лозинскій прижался лбомъ къ стѣнѣ и плакалъ, какъ плакалъ два года назадъ. И чувствовалъ онъ, что его любовь сильна и глубока, и что онъ любитъ въ ней все; хотѣлось слушать ее и разсказывать ей, и ласкать ея сына, хотѣлось въ темнотѣ цѣловать ея плечи и чувствовать вокругъ шеи ея теплыя руки, и чтобъ она гладила его по волосамъ... И все это ушло навсегда.

Лозинскій за зиму нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и два раза былъ у нея, стѣсняясь бывать чаще. Въ маѣ онъ опять пріѣхалъ и пошелъ къ ней, мучаясь за свою навязчивость; дружба ихъ не возстановлялась, Антонина Николаевна держалась отдаленно, и онъ рѣшилъ: если и теперь не исчезнетъ ея странное отчужденіе, то дѣло, очевидно, кончено, и онъ больше не станетъ съ нею видѣться.

Когда онъ вошелъ къ ней, Антонина Николаевна, какъ всегда, вспыхнула и, стараясь не дать замѣтить этого, пошла ему навстрѣчу; но глаза ея на этотъ разъ смотрѣли радушно и мягко. Она быстро спросила:

— Скажите, правда это,—я вчера случайно узнала,—вамъ запрещено читать лекціи въ университетѣ?

— Да.

— И «Московское Обозрѣніе» закрыто...

— Закрыто,—подтвердилъ Лозинскій, и въ его глазахъ загорѣлись мрачные огоньки.

Онъ положилъ на полку вѣшалки свою мятую фетровую шляпу и медленно снималъ пальто. Пальто было выцвѣтшее, отрепанное, и двухъ пуговицъ на немъ не доставало. Антонина Николаевна, колеблясь, украдкою оглядывала пальто. Она спросила:

— Чѣмъ же вы теперь живете?

— Э, есть о чемъ думать! Всегда найду... Въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» тутъ предлагаютъ работу...

Она продолжала смотрѣть на его пальто и вдругъ, пересиливъ себя, словно разорвавъ что-то, рѣшительно сказала:

— Дайте пальто, я вамъ пришью пуговицы!

Лозинскій удивленно поднялъ голову и взглянулъ на ея покраснѣвшее лицо.

— О, Марѳа, Марѳа, узнаю тебя!—сказалъ онъ, улыбаясь. Она еще больше покраснѣла и разсмѣялась, и онъ разсмѣялся. И вдругъ, сразу, разрушилась преграда, и обоимъ перестало быть неловко.

— Ну, давайте, нечего!—И, какъ будто оправдываясь, она добавила:—Вѣдь, правда, стыдно смотрѣть. Все-таки вы бывшій приватъ-доцентъ... Съ вами стыдно по улицѣ итти.

Радостно смѣясь, Лозинскій вошелъ въ комнату и сѣлъ ужъ не въ кресло, а на стулъ къ окну. Она принесла свой круглый рабочій ящичекъ и сѣла въ кресло шить. Ящичекъ былъ знакомый Лозинскому,—ярко-красный и немного облупившійся, съ нарисованными на крышкѣ темно-зелеными листьями и травами.

Антонина Николаевна всплеснула руками.

— Подкладка вся порвана, и вотъ карманъ одинъ протерся, дырявый...

Лозинскій рѣшительно сказалъ:

— Ну, это не стóитъ!

— Нѣтъ ужъ!—упрямо возразила она.

Обоимъ было теперь легко и просто. Лозинскій оживленно разсказывалъ, что на Пасхѣ онъ двѣ недѣли работалъ въ деревнѣ въ архивѣ князей N. и нашелъ много цѣнныхъ матеріаловъ къ исторіи декабристовъ. Онъ разсказывалъ и смотрѣлъ на Антонину Николаевну, какъ она обрѣзывала ножницами нитку и, переставъ шить, поднимала на него глаза и слушала.

Потомъ они пили чай, и она кормила манной кашей мальчика. Лозинскій игралъ съ нимъ, нѣжные, маленькіе пальчики скользили по его лицу и неувѣренными движеніями старались захватить очки. Цѣломудренно избѣгая прикосновенія къ Антонинѣ Николаевнѣ, Лозинскій наклонялся къ животику маль-

чика, рычалъ и какъ будто кусалъ его. Мальчикъ смѣялся неожиданно начинавшимся, перекатистымъ смѣхомъ.

Былъ десятый часъ. Антонина Николаевна уложила ребенка и снова сѣла шить. Въ раскрытыя окна несло изъ нижнихъ этажей кухоннымъ запахомъ и варенымъ масломъ, но все-таки чувствовалось чистое дыханіе весны. Съ тихаго неба лился сумеречный, задумчивый свѣтъ. Глубоко внизу, на дворѣ, играли ребятишки, сбоку у открытаго окна сидѣла горничная и вполголоса пѣла:

Въ небѣ чисто, въ небѣ ясно,
Въ небѣ звѣздочка горитъ...

Лозинскій прошелся по комнатѣ. Антонина Николаевна сказала:

— Готово ваше пальто.

Онъ, нерѣшительно улыбаясь, взглянулъ на нее.

— Теперь вамъ не будетъ стыдно пройтись со мною по улицѣ?

Она засмѣялась.

— Тогда пойдемте, пройдемся,—предложилъ онъ.—Вечеръ такой хорошій.

Они вышли, прошли на набережную. Все вокругъ выглядѣло странно: сѣверъ неба сіялъ широко и мягко, было совсѣмъ свѣтло, а жизнь затихала, улицы были безлюдны; черные пароходы на рѣкѣ неподвижно спали. Лозинскій и Антонина Николаевна дошли до Горнаго института, потомъ повернули назадъ. Они говорили,—и все говорилось легко, и все, что говорилъ одинъ, было для другого важно и интересно. Иногда Лозинскій, неожиданно обернувшись, вдругъ ловилъ на себѣ ея взглядъ, сіявшій лаской и любовью. И душа его закипала радостью, и сейчасъ же ему становилось стыдно за это: она сломила свое недовѣріе, просто и свободно пошла къ нему навстрѣчу, какъ къ товарищу, а въ немъ, какъ въ пошломъ самцѣ, тотчасъ же загораются ожиданія. Но опять свѣтлою, сдерживаемою лаской сіяли ея глаза, и ликующая радость охватывала его, и чувствовалъ онъ, боясь вѣрить и все-таки вѣря, что она снова любитъ, любитъ,—можетъ-быть, еще сильнѣе прежняго.

Они прошли мимо Николаевскаго моста. Гранитные сфинксы смотрѣли въ смутномъ, радостномъ ожиданіи чего-то, громадныя зданія стояли тихо, словно насторожившись. И въ теплой, ласковой бѣлой ночи было то же радостное ожиданіе. Антонина Николаевна сказала:

— Сядемъ гдѣ-нибудь, я устала... Дайте мнѣ руку.

— Зайдемъ въ Румянцевскій садъ,—предложилъ Лозинскій.

Ея рука опиралась на его руку, они чувствовали другъ друга и стыдливо старались держаться дальше. Въ темной боковой аллеѣ пахло сиренью и душистымъ тополемъ.

— Сядемъ,—сказала она.

Они опустились на скамейку. И вдругъ, — Лозинскій самъ не зналъ, какъ это случилось,—онъ наклонился къ ея уху и съ счастливою улыбкою прошепталъ:

— Тоня, Тоня, вѣдь ты меня попрежнему любишь!

Она отшатнулась и испуганно взглянула на него.

— Тонечка, погоди!.. Родная!—заторопился онъ.—Ты любишь, это несомнѣнно, но для чего-то ты считаешь нужнымъ скрывать это... Для чего?—я не могу понять, но это такъ... Разорви эту ложь, стань выше ея...

Она отвернулась и припала лицомъ къ спинкѣ скамейки. Ея плечи тряслись и вздрагивали.

— Ну что? Что? — взволнованно спрашивалъ Лозинскій, и страхъ охватывалъ его, что онъ ошибся.

Антонина Николаевна порывисто двинулась, хотѣла подняться и уйти, и вдругъ обернулась къ нему, — блѣдная, съ текущими по лицу слезами.

— Господи, какъ мучительно!.. Да! Да!—съ надсадомъ крикнула она.—Люблю!.. Давно ужъ опять люблю,—въ сущности, никогда и не переставала... Я тебѣ послѣдній годъ не писала, ты спрашивалъ, почему... Вотъ почему: я боялась, что не выдержу, что у меня сорвется съ пера: приди ко мнѣ, мой любимый, мой хорошій, свѣтлый!..

Лозинскій, охваченный счастьемъ и недоумѣніемъ, всталъ.

— Почему же ты этого не написала?—спросилъ онъ, разводя дрожащими руками.

Она продолжала:

— Ты знаешь, когда мы тогда въ первый разъ встрѣтились... Ты хотѣлъ сейчасъ же зайти ко мнѣ... Я испугалась и отказала. Знаешь, почему? У меня висѣлъ твой портретъ, я боялась, что ты увидишь его и догадаешься. Къ вечеру я его спрятала...

Онъ медленно сѣлъ и, сдвинувъ брови, внимательно слушалъ.

— И потомъ, когда ты ушелъ вечеромъ, я плакала и цѣловала твой портретъ, и въ сотый разъ перечитывала *то* твое письмо, — помнишь, которое ты написалъ мнѣ, когда я тебя извѣстила, что сошлась съ нимъ... Ты писалъ: «Дай Богъ, чтобъ у тебя съ нимъ было прочное, хорошее счастье. Если же это окажется увлеченіемъ, то во всякомъ случаѣ знай, что я попрежнему люблю тебя»... И еще ты писалъ, что, конечно, все это не помѣшаетъ намъ остаться друзьями...

Какъ все это было поразительно! И какъ сдержанно, любовно, — съ любовью даже къ нему!.. И всегда, всегда ты стоялъ передо мной, съ серьезнымъ, грустнымъ и вдумчивымъ лицомъ... Вотъ такой, какъ сейчасъ! — въ опьянѣніи счастья улыбнулась она, взявъ его руку въ свои.

Лозинскій машинально высвободилъ руку и, засунувъ руки въ карманы, заходилъ около скамейки.

— Господи, если бы я зналъ!.. Если бы я зналъ! — повторялъ онъ. — Но для чего же, скажи, для чего ты все это скрывала?

Онъ остановился передъ нею въ ожиданіи отвѣта, который былъ ему уже ясенъ. Она въ удивленіи всплеснула руками.

— Гриша, неужели же ты этого не понимаешь? Гордость есть у меня, гордость!.. Разбить твое счастье, насмѣяться надъ твоею любовью, а потомъ съ легкимъ сердцемъ воротиться: ну вотъ, я опять пришла... Да еще съ ребенкомъ отъ другого...

— А теперь ты свою гордость переломила,—медленно произнесъ Лозинскій. Въ его глазахъ мелькнула жесткая, колющая насмѣшка.—Кающаяся грѣшница возвращается въ семейное лоно, преступная жена смиренно припадаетъ къ ногамъ своего оскорбленнаго владѣльца... А владѣлецъ — такой порядочный и великодушный, онъ не лакей, чтобы мстить... Онъ поднимаетъ грѣшницу и, къ обоюдному умиленію, даетъ ей прощающій поцѣлуй... Тоня, Тоня, что же это?!

Лозинскій быстро сѣлъ на скамейку и засунулъ руки межъ колѣнъ.

— Какъ же мы теперь сможемъ жить?—продолжалъ онъ.— Я правду скажу тебѣ: гдѣ-то въ душѣ, внѣ сознанія, мнѣ все время чувствовалось, что ты любишь меня, что ты опять придешь ко мнѣ... Но не какъ рабыня придешь, подавленная своимъ «позоромъ»,—Господи, гадость какая!.. Придешь, какъ товарищъ, гордо поднявъ голову, свободная и чистая: «вотъ, я ошиблась, я попрежнему люблю тебя»... А теперь—какъ же ты сможешь жить со мною подъ постояннымъ гнетомъ моего великодушнаго «прощенія»?

Его голосъ обрывался. Антонина Николаевна, припавъ подбородкомъ къ спинкѣ скамейки, горящими, думающими глазами смотрѣла въ чащу сада.

— Господа, запирается садъ. Не слыхали, что ль, звонковъ?—угрюмо сказалъ подошедшій въ темнотѣ сторожъ съ бляхою.

Они пошли къ выходу. Антонина Николаевна шла, опустивъ голову, глубоко и медленно дыша.

— Какъ странно!.. Какъ все это странно! — тихо сказала она.

Они повернули на Вторую линію.

— Ты знаешь,—медленно, все думая, заговорила Антонина Николаевна: — я припоминаю, ты и прежде нѣсколько разъ высказывался такъ. Но я тогда это право свободы относила къ тебѣ — и возмущалась. Мнѣ казалось, — просто ты разсуждаешь умомъ, не справляясь съ чувствомъ, и все это было бы грязно, гнусно, если бы не было у тебя только отвлеченными разсужденіями. А теперь... Господи, какъ странно!..

Съ легкимъ, счастливымъ вздохомъ она просунула руку за его локоть.

— Гриша, ты понимаешь, что ты меня дѣлаешь человѣкомъ? — прошептала она и, стиснувъ его руку, крѣпко прижала ее къ груди.

— Тонечка! Дѣлайся, дѣлайся имъ! — радостно заговорилъ онъ, наклоняясь къ ней. — Вѣдь только тогда и жизнь можетъ быть, и счастье... Къ чорту рабскую гордость, пусть лучше будетъ гордость свободнаго человѣка!.. Да?.. Да?.. — И онъ съ настойчивою, зовущею радостью заглядывалъ ей въ лицо.

— Да... — отвѣтила она съ медленною улыбкою и еще крѣпче прижала его руку къ груди, глядя въ землю широкими, неподвижными глазами.

Они долго ходили по улицамъ и говорили, говорили... Въ колдовскомъ сумеречномъ свѣтѣ тянулись пустынные бульвары, неугасающій сѣверъ свѣтился мягко и радостно. Было тепло, пахло душистымъ тополемъ. Они шли, садились на скамейки, опять шли дальше. Антонина Николаевна разсказывала:

— Это былъ какой-то чадъ, угаръ, какое-то опьяненіе... Какъ это случилось? Я теперь не могу понять. Но только, знаешь?... Нѣтъ, но все-таки все это мнѣ такъ чуждо... Я вотъ вспоминаю: нѣтъ у меня любви къ нему, это былъ какой-то чувственный ураганъ; онъ мелокъ и полонъ только собою, своею славою; скромничаетъ, потому что это выгодно, а самъ украдкою слѣдитъ, оглядываются ли на него на улицахъ, и въ скольких позахъ выставлены его портреты на открыткахъ... Такъ вотъ: я не люблю его, въ душѣ—сознаніе, что это была горькая ошибка; но нѣтъ стыда, который бы жегъ за это, нѣтъ чувства позора, гадости случившагося. А между тѣмъ, если бы *ты* что-нибудь такое сдѣлать, мнѣ кажется, я бы тебѣ никогда не простила. Т.-е., можетъ-быть, простила бы, но въ душѣ все-таки такъ бы презирала тебя...

Онъ молча цѣловалъ ее въ ладонь руки.

— Куда мы зашли, смотри! — вдругъ засмѣялась Антонина Николаевна.

Тянулись заборы, какіе-то пустыри, заросшіе лопухомъ; роса сѣрѣла на травѣ. Небо свѣтлѣло и становилось золотистымъ, вдали сквозь дымку сіялъ золотой куполъ Исакія.

— Помнишь,—сказала она:—шесть лѣтъ назадъ, когда мы полюбили... Мы такъ же всю ночь проходили по Москвѣ.

Вдали по проспекту ѣхалъ сонный извозчикъ. Лозинскій кликнулъ его, они сѣли въ пролетку.

Колеса на резинахъ мягко покатили по мостовой. Лозинскій тихонько обнялъ Антонину Николаевну, она ласкающе подалась къ нему.

— Какъ странно!.. Все-таки—какъ это странно!.. — повторяла она, улыбаясь, какъ въ счастливомъ снѣ.

Май 1904 г.

НА ВЫСОТѢ.

I.

Парный извозчикъ ѣхалъ по шоссе въ гору. За черными садами море смутно сверкало подъ звѣздами. Ордынцевъ упорно молчалъ. Вѣра Дмитріевна осторожно просунула руку подъ его локоть и съ ласкою заглянула въ глаза.

— Боря, ты за что-то сердишься на меня.

Ордынцевъ пожалъ плечами.

— Нѣтъ... За что сердиться?—Онъ въ нерѣшительности помолчалъ.—Я только немножко удивленъ. Ну, какъ ты, Вѣрочка, до сихъ поръ не знаешь, что̀ значитъ «пойти въ Каноссу»?

Вѣра Дмитріевна медленно высвободила руку и со сдержаннымъ вызовомъ отвѣтила:

— Что̀ жъ дѣлать, не знаю!

— Не знаешь,—ну, спросила бы меня потомъ. А то при всѣхъ.

— Я вовсе не стыжусь показать, чего не знаю. Мнѣ интересно было, что̀ говорилъ профессоръ Богдаровъ. А онъ все поминалъ эту Каноссу. Я и спросила... Очень мнѣ нужно, что̀ подумаютъ!

— Оно такъ, но я не понимаю,—для чего выставлять передъ всѣми свое невѣжество? Какая въ этомъ нужда?

Пролетка катилась. Вѣра Дмитріевна молча смотрѣла въ сторону. Вдругъ она быстро сказала:

— Лучше я никогда не буду ѣздить съ тобою къ твоимъ знакомымъ.—И голосъ ея задрожалъ.

— Ну, Вѣра, зачѣмъ ты это говоришь?—мягко возразилъ Ордынцевъ.—Я сказалъ, что думалъ. Если тебѣ обидно, прости. Я не хотѣлъ задѣвать тебя.

— Вовсе не обидно. А только я чувствую, что тебѣ неловко

бывать со мною у твоихъ знаменитыхъ знакомыхъ, стыдно. Я тебя постоянно компрометирую... Да и зачѣмъ мнѣ тамъ бывать? Ты имъ интересенъ, а я,—что я для нихъ такое? Просто жена Ордынцева, больше ничего.

Ордынцевъ ласково гладилъ ея руку въ перчаткѣ, какъ будто возражалъ этою лаской.

— Ты сильно ошибаешься, если такъ думаешь. Я объ тебѣ слышалъ здѣсь уже нѣсколько отзывовъ... Въ тебѣ есть что-то удивительно честное, юношески-чистое. Это вызываетъ недоумѣніе—и привлекаетъ. Потому что сами мы слишкомъ сжились со всякими условностями. Да взять, наконецъ, хоть бы какъ разъ эту самую «Каноссу». Изъ насъ никто бы не спросилъ, если бы и не зналъ. Стыдно было бы. А ты спросила. И видѣла ты, какъ глаза у Богодарова засмѣялись мягко и ласково?

Ордынцевъ больше старался утѣшить Вѣру Дмитріевну. Но отъ его словъ въ немъ самомъ исчезла досада за «Каноссу», и она стала мила ему, съ ея открытою душою и юнымъ, дѣвическимъ взглядомъ. Вѣра Дмитріевна молча и съ затуманившимся лицомъ смотрѣла на море.

Извозчикъ остановился. Въ заросшей плющомъ каменной оградѣ была рѣшетчатая калитка. Они поднялись по каменнымъ ступенькамъ и пошли вверхъ по кипарисовой аллеѣ. Было темно и очень тихо. Въ воздухѣ стоялъ теплый, пряный ароматъ глицинiй. Ордынцевъ поднесъ къ губамъ руку Вѣры Дмитріевны и тихонько цѣловалъ ея ладонь въ разрѣзъ перчатки.

Убѣждающимъ голосомъ, мягко и виновато, онъ сказалъ:

— Ну, дѣвочка моя, ты не сердись на меня!

Въ обрывистомъ шопотѣ слышалась загорающаяся страсть. Вѣра Дмитріевна грустно опустила голову.

— Я не сержусь.

Будетъ нервная, мучительная и ненужная для нея ночь. Онъ будетъ предупредительно-нѣженъ и виновато-благодаренъ. А потомъ—черезъ силу сдерживаемая грубость, непонятное, обидное отвращеніе на лицѣ и холодная скука.

Но теперь онъ,—такой большой, съ серьезнымъ, думающимъ лбомъ,—былъ покоренъ и ласковъ, какъ маленькій мальчикъ. И въ душѣ поднималось что-то тихое, матерински-нѣжное. Хотѣлось сдѣлать ему пріятное. Она сняла перчатку и ласково провела рукою по его щекѣ.

— Мнѣ очень нравится, какъ ты сегодня говорилъ. Столько у тебя всегда новаго, неожиданнаго. По лицамъ видно, какъ твои слова все ворошатъ въ душахъ, все ставятъ вверхъ

днемъ, заставляютъ надъ всѣмъ думать... А ты замѣтилъ, вѣдь Завьяловъ угощалъ тобою гостей?

Ордынцевъ пренебрежительно улыбнулся.

— Ну, угощалъ!

— Конечно!.. И ужасно былъ радъ, что угощеніе вышло такое хорошее,—прошептала она и съ гордостью погладила его волосы.

Ордынцевъ отперъ ключомъ дверь дачи, они вошли въ комнаты. Въ широкія окна было видно, какъ изъ-за мыса поднимался мѣсяцъ и чистымъ, робко-дробящимся свѣтомъ ласкалъ теплую поверхность моря. Вѣра Дмитріевна вышла на балконъ, за нею Ордынцевъ. Здѣсь, на высотѣ, море казалось шире и просторнѣе, чѣмъ внизу. Въ темныхъ садахъ соловьи щелкали мягко и задумчиво. Хотѣлось тихаго, задушевнаго разговора.

Странно-низко, почти въ уровень съ крышею, по небу плыло отъ горъ къ морю воздушное бѣлое облачко. Вѣра Дмитріевна сказала:

— Посмотри наверхъ, какъ низко облачко!

На глазахъ облачко блѣднѣло, растягивалось и растаяло въ воздухѣ. Ордынцевъ разсѣянно отвѣтилъ:

— Клочокъ тумана съ горъ.

Онъ тихонько разстегнулъ у кисти ея рукавъ и скользнулъ рукою по тонкой, голой рукѣ къ плечу. Она, все съ тою же материнскою нѣжностью, гладила его курчавую голову, прижавшуюся къ ея груди. И въ темнотѣ лицо ея становилось все грустнѣе и покорнѣе.

II.

Когда Вѣра Дмитріевна проснулась, Ордынцевъ давно уже, обложенный книгами, сидѣлъ на балконѣ своей комнаты и писалъ. Вѣра Дмитріевна чесала передъ зеркаломъ волосы. На душѣ было тяжело, одиноко. Въ зеркалѣ отражались ея плечи и шея. Съ враждою смотрѣла она на свою наготу и на невидимые слѣды его поцѣлуевъ на ней. Почему, почему онъ—такой любящій, тихо-нѣжный, когда хочетъ ея, а въ другое время почти ея даже не замѣчаетъ? Какъ возможны такія рѣзкія измѣненія, и почему этого нѣтъ у нея? Почему у нея горитъ къ нему постоянно-ровное, нѣжное чувство? И вотъ, эти оскорбительныя батистовыя рубашки, эта декаденткая прическа,—всего этого хочетъ онъ... Гадость, гадость!

На балконѣ, на лазурномъ фонѣ моря, рисовалась наклоненная надъ столомъ, красивая голова Ордынцева. Вѣра Дмитріевна съ враждою вглядывалась въ него. Вотъ—грубый

и хищный самецъ. Удовлетворилъ свой голодъ по самкѣ и теперь себялюбиво-безразличенъ ко всему, что не онъ.

Вѣра Дмитріевна одѣлась, заварила для Ордынцева кофе и сѣла читать статью въ журналѣ о послѣдней книгѣ Ордынцева. Статья была злобная и плоская. Цитаты, вырванныя изъ книги безъ связи, пестрѣли нелѣпыми вопросительными и восклицательными знаками. И все-таки, даже изуродованныя, цитаты эти сіяли въ сѣрой статьѣ, какъ лучи весенняго солнца въ неубранной и грязной мѣщанской спальнѣ. И на душѣ стало хорошо, серьезно. Вѣра Дмитріевна вошла въ комнату Ордынцева, какъ будто чтобы положить на мѣсто журналъ. Молча подошла и съ тихой лаской поцѣловала его въ затылокъ. Ордынцевъ поморщился и, не оборачиваясь, нетерпѣливо замахалъ рукою.

Въ двѣнадцать часовъ Вѣра Дмитріевна позвала его пить кофе. Онъ вошелъ, и въ медленно двигавшихся глазахъ глубоко свѣтилась еще продолжавшая работать мысль. Вѣра Дмитріевна спросила:

— Писалось тебѣ?

Довольно потирая руки, онъ сѣлъ за кофе.

— Чудесно писалось! Этотъ крымскій воздухъ, онъ положительно вдохновляетъ.

— А я сейчасъ прочла статью Коробкова. Какъ глупо! Боже мой, какъ все глупо!

Ордынцевъ улыбнулся.

— Да-а... И главное, злость-то беззубая, не задѣваетъ. Ругаютъ тебя, а читать скучно.

— А знаешь, въ одномъ я все-таки согласна съ нимъ, а не съ тобой,—гдѣ онъ защищаетъ утилитаризмъ. Я не понимаю, почему ты утилитаризмъ находишь пошлымъ. Вѣдь его не нужно непремѣнно понимать въ смыслѣ «моральной ариѳметики» Бентама: хочу поступить хорошо—и высчитываю, что для меня же это будетъ выгодно и пріятно. Такъ никогда это не дѣлается. Просто, я поступаю хорошо, потому что мнѣ было бы противно поступить иначе.

Онъ неохотно протянулъ:

— Ну да... Дѣло въ томъ, что наши такъ называемыя нравственныя дѣйствія вообще внѣразумны, и здѣсь не можетъ быть самаго вопроса объ ихъ выгодности или пріятности.

Вѣра Дмитріевна встрепенулась и придвинулась къ нему.

— Погоди, почему? Вѣдь чувство голода тоже внѣразумно, а оно въ то же время непріятно, и я ѣмъ. Ѣмъ, потому что я голодна, потому что мнѣ хочется ѣсть, потому что я испытываю ощущеніе голода...

Ордынцевъ лѣниво потянулся и шутливо похлопалъ ее по рукѣ.

— «Голодна», «хочется ѣсть», «испытываю ощущеніе голода»,—вѣдь это все одно и то же!.. Ахъ, Вѣрка!—Онъ добродушно засмѣялся.

Вѣра Дмитріевна нетерпѣливо возразила:

— Ну, это не важно! Я только хочу сказать...

Онъ сталъ серьезенъ.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Пожалуй, въ этомъ смыслѣ ты права.

Вѣра Дмитріевна быстро взглянула на него, закусила губу и молча наклонилась надъ чашкою. Она видѣла, Ордынцевъ соглашался просто потому, что ему было неинтересно спорить. Чувствовалось, онъ уже сотни разъ слышалъ всѣ эти возраженія, и ихъ скучно было опровергать.

Она молча пила кофе. Ордынцевъ не замѣтилъ, почему она замолчала, и сталъ говорить о томъ, что сегодня писалъ. Онъ любилъ излагать Вѣрѣ Дмитріевнѣ свои новыя мысли. При этомъ онѣ становились и для него самого яснѣе и отчетливѣе.

И опять ее сталъ захватывать тотъ живой, сіявшій мыслью огонь, которымъ были полны его слова. Она оживилась, спрашивала, возражала. Ордынцевъ легко, походя, отстранялъ ея возраженія, какъ гибкіе прутики, и велъ ея мысль за своею, какъ послушнаго ребенка.

III.

Вечеромъ они пили чай у матери Ордынцева. Она жила съ двумя дочерьми въ Чукурларѣ. Ордынцевъ посѣщалъ ее аккуратно каждую субботу, былъ предупредителенъ къ матери, болталъ и смѣялся съ курсистками-сестрами. Вѣра Дмитріевна чувствовала себя тамъ хорошо и свободно, но ее стѣснялъ Ордынцевъ: она видѣла, что онъ здѣсь только исполняетъ свой долгъ. Часто, когда всѣ онѣ, и Ордынцевъ съ ними, смѣялись и дурачились, въ его глазахъ вдругъ мелькала только ей замѣтная скука и усталость. Чувствовалось, какъ всѣ онѣ чужды ему. Было неловко за себя и за всѣхъ. Какъ будто большой человѣкъ, согнувшись, ходилъ среди нихъ на корточкахъ, чтобы быть одинаковаго роста съ ними, и она видѣла, какъ отъ этого у него ноетъ все тѣло.

Такъ было и теперь. Но Вѣра Дмитріевна не чувствовала неловкости за себя. Ей вдругъ стало вызывающе-странно,— почему это обыкновенная, живая жизнь такъ непереносима для него? Вотъ, даже эти кипарисы, дымчатая даль моря,

горы,—все какъ будто немножко конфузится передъ нимъ оттого, что не думаетъ о критеріяхъ познанія... Съ какой стати всѣмъ имъ конфузиться?

Они вдвоемъ возвращались домой по набережной. Ордынцевъ былъ вялъ и блѣденъ. Онъ потеръ високъ.

— Голова начинаетъ болѣть... Проѣдемся на лодкѣ, я погребу.

— Поѣдемъ... Тогда туда пойдемъ, лодки тамъ отдаются.

Вѣра Дмитріевна указала рукою по направленію къ молу. Ордынцевъ поморщился и украдкою поглядѣлъ по сторонамъ.

— Ну, Вѣра!..

— Ахъ, да! Неприлично пальцемъ показывать... Хорошо, не буду!

Она усмѣхнулась про себя и пошла, глядя въ землю.

Вотъ тоже. Онъ по натурѣ боецъ, смѣлый и дерзкій. Его веселитъ, когда на него набрасываются орды защитниковъ шаблона, когда его имя заливаютъ грязью. Но это въ области мысли. А въ жизни онъ трусливъ и косенъ. Онъ двадцать разъ оглянется въ обѣ стороны, прежде чѣмъ перейти улицу, и приходитъ въ ужасъ, если она рѣжетъ котлету ножомъ... Она отыскивала въ немъ темное и нехорошее и старалась этимъ закрыть отъ себя тоску, которая была въ ней отъ его холодности и отчужденности.

Солнце сѣло. Все было въ какой-то бѣлой, тихой, раздражающей дымкѣ. Тускло-бѣлесое, лѣнивое море сливалось съ бѣлесымъ небомъ, нельзя было различить дали. Два черныхъ судна неподвижно стояли на якоряхъ, и казалось, они висятъ въ воздухѣ.

Ордынцевъ молча гребъ. Вѣра Дмитріевна думала и не могла разобраться въ той враждѣ и любви, которыя владѣли ею. И было у нея въ душѣ такъ же раздраженно-смутно, какъ кругомъ. Волны широко поднимались и опускались, молочно-бѣлыя полосы перебивались темно-серебряными, въ глазахъ рябило. Кружили чайки, и ихъ рѣзкіе крики звучали, какъ будто несмазанное колесо быстро вертѣлось на деревянной оси.

Вѣра Дмитріевна злыми, вызывающими глазами посмотрѣла на Ордынцева и спросила:

— Скажи, Боря, ты сейчасъ любишь меня?

Онъ удивленно оглядѣлъ ее и пожалъ плечами.

— Что за вопросъ!

— Ну, скажи, любишь?

Онъ неохотно отвѣтилъ:

— Люблю, конечно.

Вѣра Дмитріевна нервно разсмѣялась и замолчала. Ордынцевъ, нахмурившись, продолжалъ грести. Она опять заговорила:

— Вѣдь любовь вообще бываетъ разная. Человѣкъ любитъ своего ребенка,—любитъ и карася, жаренаго въ сметанѣ. Но своего ребенка онъ не станетъ жарить въ сметанѣ.

Ордынцевъ пересталъ грести, внимательно посмотрѣлъ на нее и мягко сказалъ:

— Вѣрочка, зачѣмъ этотъ тонъ? У тебя что-то есть на душѣ. Почему этого не высказать просто? Вѣдь гораздо легче все выяснить, когда не сердишься. Что съ тобою?

Его простыя, ласковыя слова оборвали ея ненавидящее настроеніе.

— Что со мной?..—Она помолчала, чтобъ онъ не замѣтилъ подступавшихъ къ ея горлу слезъ.—Что со мной... Боря, мнѣ странно; ты ничего не замѣчаешь, а вѣдь я ужъ сколько недѣль мучаюсь... И съ каждымъ днемъ больше...

Ордынцевъ широко раскрылъ глаза, какъ будто очнулся отъ глубокой задумчивости.

— Это правда, ничего не замѣтилъ,—наивно согласился онъ.

— Ну, вотъ...—Она еще помолчала.—Развѣ я не вижу, что ты меня совсѣмъ не любишь, что мы съ тобой не пара? Ты живешь своею отдѣльною внутреннею жизнью, и до меня тебѣ нѣтъ совсѣмъ никакого дѣла. Тебѣ скучно со мной говорить. Все, надъ чѣмъ я думаю, для тебя старо, банально, ужъ давно передумано... И ты любишь только мое тѣло, одно тѣло... Господи, какъ это оскорбительно!

Ордынцевъ страдальчески нахмурился и вздохнулъ.

— Погоди, Вѣра. Согласись, вѣдь, напримѣръ, Марья Александровна въ двадцать разъ красивѣе тебя. А ты знаешь, я ея не выношу. Зачѣмъ же такъ говорить?.. Дѣло очень просто. Ты удивительно романтична и все хочешь какой-то «общности душъ». Сколько ужъ у насъ объ этомъ было разговоровъ. Ея у насъ, конечно, нѣтъ и не будетъ. Люди съ каждымъ поколѣніемъ становятся все сложнѣе и разнообразнѣе. Теперь никогда уже два человѣка не смогутъ «слиться душами». Я думаю, скоро даже простая дружба будетъ становиться все труднѣе.

— Боря, да вѣдь у насъ съ тобою даже и этой простой дружбы нѣтъ, между нами нѣтъ *ничего*!.. Вспомни, о чемъ мы съ тобою говоримъ. Чтобъ кофе тебѣ во-время приготовить, чтобъ переписать на ремингтонѣ твою статью,—больше ни о чемъ! Что же у насъ общаго, что насъ связываетъ? Только то, что ты—мой господинъ, а я—твоя раба.

— Во-отъ какъ!..—Ордынцевъ замолчалъ и съ выжидающимъ вниманіемъ уставился на Вѣру Дмитріевну.

— Да!.. А ты этого совсѣмъ даже не замѣчаешь. Ты, какъ большое колесо, свободно вертишься, а меня захватилъ въ свои спицы и вертишь съ собою. Я постоянно смотрю на тебя снизу вверхъ, мѣряю себя твоими глазами. Твой тонъ, взглядъ, улыбка, — все дѣйствуетъ на меня неотразимо, я постоянно насторожѣ, какъ ты взглянешь на мое слово или поступокъ... А я привыкла быть сама собою, отдавать отчетъ только своей душѣ и никому другому. Со всѣми людьми я чувствую себя увѣренно, независимо, чувствую себя полнымъ человѣкомъ. А теперь, съ тобою, все это разметывается, все мѣшается, и я никакъ не могу отыскать почву подъ ногами...

Она говорила, торопясь и волнуясь, подъ его спокойно-выжидающимъ, внимательнымъ взглядомъ. И она знала,—на всѣ ея слова у него найдутся неопровержимыя возраженія, и все-таки отъ этихъ возраженій все останется въ душѣ, какъ было. И она продолжала:

— Помнишь, мы недавно видѣли по дорогѣ въ Алупку плющъ на сухомъ деревѣ. Ты душишь меня, какъ этотъ плющъ. Дерево мертво, сухо, но плющъ украшаетъ его пышною, густою, чужою зеленью. Такъ и со мною: меня нѣтъ, вмѣсто меня—ты. Я принимаю все, что ты думаешь, ты ведешь меня за собою, куда хочешь. Ты можешь дойти до самыхъ противныхъ для меня взглядовъ,—и я окажусь въ ихъ власти незамѣтно для себя самой...

Ордынцевъ наконецъ заговорилъ:

— Вѣра, но развѣ же я требую отъ тебя какого-нибудь подчиненія? Подумай, въ чемъ ты меня обвиняешь!.. Я начитаннѣе,—можетъ-быть, развитѣе тебя. Безъ меня ты рѣшила бы такой-то вопросъ такъ-то. Я тебѣ прибавляю рядъ данныхъ, и благодаря имъ ты,—совершенно свободно,—приходишь къ болѣе обоснованному выводу. Вѣдь вотъ и вся моя роль.

Онъ говорилъ, и какъ будто большой корабль увѣренно рѣзалъ носомъ мелкія, безсильно вздымавшіяся волны. Вѣра Дмитріевна взволнованно возразила:

— Нѣтъ, ты не просто даешь данныя. Ты меня направляешь, прямо ведешь на буксирѣ!

Ордынцевъ нетерпѣливо потеръ руки.

— Я никакъ не могу понять,—чего же ты отъ меня хочешь? Чтобъ я ни о чемъ не говорилъ съ тобою, чтобы не возражалъ тебѣ, если не согласенъ съ твоими мнѣніями? Но вѣдь сама же ты сейчасъ только упрекала меня, что я, будто бы, говорю съ тобою только о кофе и пишущихъ машинахъ.

Вѣра Дмитріевна тоскливо повела плечами и быстро двинулась на скамейкѣ. Какъ будто птичка забилась, запутавшаяся въ сѣти.

Ордынцеву вдругъ стало ее горько-жалко. Онъ пересѣлъ къ ней и мягко сказалъ:

— Въ одномъ ты, можетъ-быть, права: я, дѣйствительно, слишкомъ занятъ собою, своими мыслями. Ты часто должна получать впечатлѣніе, будто мнѣ до тебя нѣтъ дѣла. Но только,— дѣвочка моя, не будь ко мнѣ слишкомъ строга! Я, можетъ-быть, уродъ, люблю какъ-то особенно. Но все-таки очень люблю тебя... А ужъ насчетъ «тѣла» ты такъ несправедлива,— мнѣ даже дико слышать. Я помню, когда ты курсисткою въ первый разъ пришла ко мнѣ, я потомъ три дня ходилъ подъ впечатлѣніемъ твоихъ ясныхъ, тревожно - спрашивающихъ глазъ. И ты для меня—въ этихъ глазахъ, въ славной, удивительно-честной душѣ, но не въ тѣлѣ же! Вѣрочка, вѣдь ты сама же не можешь этого не чувствовать!

Вѣра Дмитріевна, уткнувшись лицомъ въ ладони, плакала, стыдясь своихъ слезъ и не въ силахъ ихъ сдержать. А онъ нѣжно гладилъ ее по волосамъ. Бѣлый сумракъ спускался на море. Бултыхала вода, надъ тихою поверхностью кувыркались выгнутыя, черныя спины дельфиновъ съ торчащими плавниками. И все кругомъ было смутно и бѣло.

Къ ночи Ордынцевъ лежалъ въ сильной мигрени. Вѣра Дмитріевна ухаживала за нимъ, клала на голову горячіе компрессы. Съ бережной любовью она вглядывалась въ полумракѣ въ его блѣдный, холодный лобъ и думала, какой это хрупкій и тонкій инструментъ—сильно работающій мозгъ, и какъ нужно его лелѣять.

IV.

И всѣ слѣдующіе дни Ордынцевъ былъ хмуръ и нервенъ. Ему не работалось. Онъ читалъ только беллетристику. Въ душѣ онъ винилъ въ своемъ настроеніи Вѣру Дмитріевну, былъ скученъ и болѣе обычнаго холоденъ съ нею. Глаза смотрѣли на нее съ легкимъ удивленіемъ, какъ на незвано-пришедшую чужую. Говоря съ нею, онъ зѣвалъ.

Вѣру Дмитріевну это еще сильнѣе мучило, и черныя подозрѣнія роились въ душѣ.

Съ ранняго утра съ горъ подулъ на городъ бѣшеный вѣтеръ. Надъ улицами и домами взымались тучи сѣрой пыли. Деревья бились подъ вѣтромъ. Гибкіе кипарисы гнулись въ стройныя дуги.

Вѣра Дмитріевна встала грустная, заплаканная. Ордынцевъ сидѣлъ у себя въ креслѣ и читалъ Кнута Гамсуна. Она робко сказала:

— Хотѣлось тебя увидѣть. Я на минутку... Не помѣшаю тебѣ?

Онъ вяло отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Я не работаю.

Вѣра Дмитріевна горячо поцѣловала его въ голову и сѣла.

— Мнѣ сегодня ночью снилось. Вхожу я къ твоей матери на балконъ. Ты сидишь съ нею. Когда я вошла, вы замолчали, ты вышелъ. А она странно взглянула на меня и говоритъ: «мнѣ нужно съ тобою поговорить»,—и смотритъ такъ серьезно!.. «Борѣ очень тяжело жить съ тобою. Все, что ты ни скажешь, все такъ банально, неинтересно. Все такъ его раздражаетъ... Неужели ты сама не чувствуешь, что ты ему не пара?» И во снѣ мнѣ такъ тяжело стало, такъ обидно-обидно... Я проснулась и плачу... Зачѣмъ, зачѣмъ ты мнѣ этого прямо самъ не сказалъ?

Такая вся она была жалкая, блѣдная, съ синими кругами у глазъ... Ордынцевъ взялъ ея руки въ свои и улыбнулся.

— Дѣточка моя! Вѣдь не отвѣтственъ же я за то, что говорю тебѣ въ твоихъ сновидѣніяхъ!

— Я должна отказаться отъ тебя, я объ этомъ все время думала. Но я не *могу*!.. Я такъ тебя люблю!—Она прижалась головою къ его плечу и зарыдала.

— Вѣрочка, да ты съ ума сошла!—всполошился онъ, пораженный ея словами.—Какія у тебя мысли! Что съ тобой? «Отказаться»! Да пойми, что ты тогда со мною сдѣлаешь!

Онъ сталъ говорить, какъ она необходима ему, какъ скрашиваетъ его жизнь своими заботами и любовью, какъ ему дорого ея мнѣніе объ его работахъ. Вѣра Дмитріевна рыдала, прижавъ къ лицу носовой платокъ. Потомъ вдругъ быстро встала.

— Прости, все нервничаю!.. Зачѣмъ я объ этомъ заговорила? Такъ глупо!

И ушла. Ордынцевъ думалъ и скучливо морщился... Къ чему это все? Какъ было легко и хорошо раньше, когда она съ раскрытою душою шла ему навстрѣчу, дышала имъ, какъ цвѣтокъ солнечнымъ свѣтомъ. А теперь... Ну, да! Въ ней нѣтъ ничего особеннаго. Пора бы ужъ самой понять это и не требовать отъ жизни невозможнаго, и отдать силы на выращиваніе того, что есть у *него*...

Вечеромъ они отправились въ городской садъ на симфоническій концертъ. Темнѣло, вѣтеръ крѣпчалъ. Навстрѣчу по дорожкѣ

шелъ плотный и высокій профессоръ Богодаровъ, съ сѣдоватыми волосами до плечъ, въ сѣрой крылаткѣ. Онъ издалека улыбался имъ, любовно и дружески глядя на Ордынцева.

— Здравствуйте! Симфоническій концертъ пришли слушать? Отмѣненъ. По случаю вѣтра... Сядемъ все-таки, послушаемъ хоть садовую музыку.

Въ тонѣ его голоса чувствовалось, какъ онъ любитъ и цѣнитъ Ордынцева. Они сѣли на скамейку передъ ротондой.

Публики было мало. Оркестръ игралъ «Шествіе гномовъ», попурри изъ «Фауста». Вѣтеръ бушевалъ и трепалъ на пюпитрахъ ноты. Богодаровъ оживленно говорилъ съ Ордынцевымъ. Вскорѣ они вполголоса горячо заспорили о чемъ-то.

Вѣра Дмитріевна сидѣла молча, кутаясь въ накидку. На душѣ было одиноко. Въ груди тонко и быстро какъ будто дрожали натянутыя струны. Послѣ утренняго разговора Ордынцевъ опять сталъ съ нею нѣженъ-нѣженъ. Это было сладко и обидно. Хотѣлось плакать и отъ этого, и отъ музыки, гдѣ скрипки пѣли о любви Маргариты къ Фаусту. А въ воздухѣ кругомъ дрожала жуткая тревога. Вѣтеръ шипѣлъ въ деревьяхъ. Электрическіе фонари мерцали и качались. Вправо на аллеѣ, въ тучахъ пыли, бились, изгибаясь, кипарисы. Изъ-за хребта Яйлы выглядывали черныя, растрепанныя тучи, какъ будто подстерегали что-то.

Вѣтеръ бѣшено рванулъ, пюпитры на эстрадѣ опрокинулись, и ноты, какъ стадо чаекъ, заметались въ воздухѣ. Музыка оборвалась. Дирижеръ сказалъ что-то музыкантамъ. Всѣ ушли. Вышелъ человѣкъ и объявилъ, что по случаю вѣтра музыка совсѣмъ отмѣняется. Служители подбирали на дорожкахъ ноты.

Ордынцевы и Богодаровъ отправились въ садовый ресторанъ. Они сѣли въ стеклянной галлереѣ и пили чай. Мимо прошелъ студентъ въ потертой сѣрой тужуркѣ. Вдругъ онъ нерѣшительно остановился, подошелъ и сказалъ, улыбаясь:

— Здравствуйте, Вѣра Дмитріевна!

Вѣра Дмитріевна взглянула и просіяла.

— Бездѣтновъ! Здравствуйте! Вы какъ здѣсь въ Ялтѣ?

Онъ отвѣтилъ.

— Садитесь къ намъ чай пить, знакомьтесь! Это — профессоръ Богодаровъ, это — мой мужъ.

Студентъ почтительно поздоровался и сѣлъ. Вѣра Дмитріевна радостно и оживленно заговорила съ нимъ, онъ отвѣчалъ, и они бесѣдовали, какъ давнишніе друзья.

Вѣтеръ завылъ въ саду и ударилъ пескомъ въ стекла

галлереи. Всѣ оглянулись. Ордынцевъ нервно повелъ плечами.

— Вотъ, въ этакую погодку на морѣ очутиться!

Бездѣтновъ отозвался:

— Подъ вечеръ сегодня я былъ на набережной. Какое-то парусное судно ужъ совсѣмъ входило въ гавань. Вдругъ его понесло вѣтромъ въ море. Выкинули красный флагъ о помощи. Ихъ уноситъ, а въ гавани никто и не двинулся на помощь. Такъ и исчезло за горизонтомъ!

— Парового катера здѣсь нѣтъ, а въ лодкѣ помочь невозможно,—вздохнулъ Богодаровъ, помолчалъ и спросилъ:— Вы, коллега, какого университета?

— Въ московскомъ былъ... Теперь ужъ не состою.

— По студенческимъ вылетѣли?

— Нѣтъ, не по студенческимъ.

Богодаровъ сталъ разспрашивать, и вскорѣ заспорили. Богодаровъ съ Ордынцевымъ были противъ Бездѣтнова. Но Бездѣтновъ держался и не уступалъ, И все, что онъ говорилъ, было для Вѣры Дмитріевны яснымъ, близкимъ и роднымъ.

Подошли знакомые Ордынцева. Споръ прекратился. Вѣра Дмитріевна оживленно встала и вышла съ Бездѣтновымъ въ садъ. Ордынцевъ видѣлъ въ окно, какъ они быстро ходили по аллеѣ, жмурясь отъ вѣтра, и горячо разговаривали.

V.

Въ одиннадцатомъ часу Ордынцевы возвращались домой. Въ воздухѣ все чувствовалась та же тревога. Вѣтеръ съ протяжнымъ свистомъ проносился черезъ сады. Телефонныя проволоки жалобно гудѣли. Надъ головою съ востока на западъ неподвижно тянулась черная гряда тучъ. И что-то зловѣщее было въ ея неподвижности, когда внизу все выло и билось. Горизонтъ надъ моремъ слабо сіялъ отъ невзошедшаго еще мѣсяца.

На душѣ у Вѣры Дмитріевны было свѣтло. Противъ окружавшей тревоги росло бодрое, вызывающее чувство... И вдругъ ей такимъ маленькимъ показался шедшій рядомъ Ордынцевъ, опять ставшій хмурымъ и нервнымъ отъ окружавшей жуткой тревоги. Онъ заговорилъ:

— Славное лицо у этого студента... Но какой типично-студенческій способъ мыслить!

Вѣра Дмитріевна сдержанно спросила:

— Что же это за особенный студенческій способъ мыслить?

— Ты замѣтила, онъ все превращаетъ въ прямоугольные

четыреугольники? Въ сложное, загадочно-неправильное жизненное явленіе вколачивается желѣзная рамка, и все становится удивительно простымъ и легко измѣримымъ.

— Не знаю... А только я съ нимъ была гораздо больше согласна, чѣмъ съ вами.

— Кстати, кто онъ такой? Откуда ты его знаешь?

— Я съ нимъ познакомилась въ прошломъ году, лѣтомъ, когда гостила у подруги.—Вѣра Дмитріевна улыбнулась своимъ воспоминаніямъ и прибавила:—Такія странныя у насъ были отношенія!

— Какія же?

Она помолчала.

— Я думаю, онъ меня любилъ... Въ первый разъ меня поразило его поведеніе, когда мы ѣздили на мельницу. Тамъ была надъ самымъ омутомъ узенькая, гнилая дощечка... Ты сердишься, я при тебѣ не дѣлаю, а вообще меня такъ и тянетъ ко всему опасному. Я хотѣла пройти по этой дощечкѣ, онъ вдругъ страшно поблѣднѣлъ, схватилъ меня за руку. «Вѣра Дмитріевна, я вамъ не позволю итти!» Я засмѣялась:—«Вотъ еще!»—и, конечно, все-таки пошла. И весь вечеръ онъ былъ блѣденъ, задумчивъ. И мнѣ въ первый разъ стало странно. И потомъ вообще, когда мы бывали одни, вдругъ начинало чувствоваться что-то особенное, не всегдашнее.

Вѣра Дмитріевна разсказывала, мечтательно улыбаясь. Она шла на сочувственное вниманіе Ордынцева, какъ будто разсказывала своей подругѣ. А онъ слушалъ, поднявъ брови, и соображалъ: это было прошлымъ лѣтомъ, значитъ, за мѣсяцъ, за два до ихъ свадьбы...

Они пришли домой, вошли въ комнаты. Вѣра Дмитріевна, охваченная воспоминаніями, опять заговорила:

— И много, много было... Разъ мы всѣ поѣхали на пикникъ къ шлюзамъ. Мы съ нимъ спустились по лѣсенкѣ въ одинъ изъ ящиковъ, гдѣ шлюзы были опущены. Стоимъ,—по обѣимъ сторонамъ ревѣтъ вода, склизкія стѣны дрожатъ, и изъ щелей бѣгутъ струйки. Опять почувствовалось что-то не всегдашнее, значительное. Онъ говоритъ: «Давайте, разскажемъ другъ другу, когда и кого мы любили».—«Хорошо». Онъ сталъ разсказывать. Десяти лѣтъ влюбился въ дѣвочку Таню, на елкѣ, она была въ розовомъ платьѣ и розовыхъ туфелькахъ. А съ тѣхъ поръ, кажется, не любилъ... А у самаго голосъ дрожитъ, блѣдный... И еще сильнѣе почувствовалось это важное. Я сказала, что люблю тебя, я ему объ этомъ раньше говорила. И вдругъ онъ вспыхнулъ, нахмурился и рѣзко сталъ

мнѣ доказывать, что я тебя совсѣмъ не люблю, что я люблю тебя только какъ писателя, а это совсѣмъ другое.

Ордынцевъ коротко сказалъ:

— Я думаю, онъ былъ правъ.

Вѣра Дмитріевна не замѣтила скрытой вражды въ его голосѣ, не замѣтила напряженно-безразличнаго выраженія его глазъ, и горячо возразила:

— Нѣтъ, совсѣмъ не правъ! Я для тебя дала бы себя на куски разрѣзать, а не сдѣлала бы этого даже для Толстого. Тутъ совсѣмъ другое. Къ тебѣ любовь была какая-то шероховатая, съ сомнѣніями и мученіями. Мнѣ всегда казалось,— за что ты меня можешь любить? То гордилась тѣмъ, что ты, такой умный и талантливый, любишь меня, то плакала. И всегда при тебѣ я чувствовала себя какъ будто немножко связанною. А съ нимъ какъ-то странно было, но удивительно хорошо. Я знала, что люблю тебя, но съ нимъ мнѣ было такъ тепло-тепло и, главное, свободно. Я какъ будто грѣлась въ его отношеніяхъ. Не было чувства снизу вверхъ, мы были во всемъ равны, какъ товарищи. Вмѣстѣ читали, спорили. Мнѣ были полезны его возраженія, ему—мои. Говорю—и не боюсь, знаю, что мои слова не покажутся ему скучными. И стремленія у насъ тогда были общія, и дѣло... Скоро пришла телеграмма, ему пришлось уѣхать въ Петербургъ, — и вотъ только теперь увидѣлись.

Ордынцевъ тяжело дышалъ. Вѣра Дмитріевна стояла, облокотившись о спинку кресла, вся отдавшись воспоминаніямъ. И онъ смотрѣлъ на нее,—молодую, дѣвически-стройную, опять желанную.

— Да-а... Значитъ, если бы не телеграмма, ты бы со мною разорвала, это вполнѣ очевидно,—медленно заговорилъ Ордынцевъ, и глаза его были холодны и злы.—Твое отношеніе ко мнѣ и теперь осталось прежнимъ. Вина моя, значитъ, въ томъ, что я слишкомъ уменъ для тебя...

Вѣра Дмитріевна, пораженная его тономъ, быстро подняла голову. Онъ продолжалъ медленно и безпощадно-мстительно, съ разрѣшившеюся тревогою, которая была въ немъ отъ тревоги кругомъ:

— Что же мнѣ теперь дѣлать? Я тебя люблю, потерять тебя мнѣ было бы очень тяжело... Случается, что женщина разрываетъ съ близкимъ человѣкомъ потому, что онъ опошлѣетъ, опускается умственно и нравственно. Но разрывать изъ-за обратнаго,—на это, я думалъ, способны только мопассановскія «pouppées de chair, faites pour les baisers»... Я стремился развиваться, стремился стать умнѣе, шире. Оказы-

вается, въ этомъ, какъ разъ, и былъ мой промахъ. Нужно, наоборотъ, стараться попридерживать себя, не итти впередъ, а, если можно, пятиться назадъ...

Онъ вдругъ замолчалъ. Вѣра Дмитріевна стояла, страшно блѣдная, съ широко открытыми, огромными глазами. И Ордынцевъ съ ужасомъ почувствовалъ, что теперь все пропало, и сказаннаго не воротишь ничѣмъ.

— Охъ, Боря, что̀ ты сказалъ...—тускло произнесла она, вдругъ вздрогнула, издала горломъ странный, глухой звукъ и быстро ушла къ себѣ.

Замо̀къ щелкнулъ.

Ордынцевъ дрожащими шагами нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, потомъ подошелъ къ двери и постучалъ:

— Вѣрочка!

Она властно отвѣтила:

— Нельзя!

И стало тихо.

Ордынцевъ серьезно и настойчиво сказалъ:

— Ну, Вѣра, отвори, мнѣ необходимо съ тобой поговорить.

— Боря, я сейчасъ не могу. Потомъ.

Онъ растерянно повернулся, вышелъ на балконъ. Надъ моремъ стоялъ мѣсяцъ, широко окруженный зловѣщимъ зеленовато-синимъ кольцомъ. По чистому небу были разсѣяны маленькія, плотныя и толстыя тучки, какъ будто черные комки. Ордынцевъ постоялъ, воротился въ комнату, сѣлъ на диванъ. За дверью было тихо. Онъ съ тревогою думалъ: что̀ она дѣлаетъ? И не зналъ, что̀ предпринять. И чуждыми, глупо-ненужными казались ему сложенныя на столѣ папки съ его работами.

Черезъ часъ Вѣра Дмитріевна вышла, съ сухими, большими и радостными глазами. Новымъ, не боящимся его возраженій голосомъ она сказала:

— Я утромъ уѣзжаю.

Ордынцевъ внимательно посмотрѣлъ на нее и молча забарабанилъ пальцами по ручкѣ дивана.

— Вѣра... Я глупо погорячился и наговорилъ непозволительныхъ пошлостей,—черезъ силу произнесъ онъ.

— Боря, нѣтъ, я не изъ-за этого... Но теперь я ужъ всегда буду думать, что камнемъ вишу на тебѣ. А потомъ... Я много сейчасъ передумала. Полезной я тебѣ никогда не буду. И вотъ, странно,—когда я это поняла, я вдругъ почувствовала радость. Вдругъ почувствовала, что хочу жить сама. Не тебя лелѣять хочу, а хочу жить на собственный

рискъ... Да, я не такъ умна, не такъ развита. А все-таки жить должна своимъ умомъ. И пусть будетъ, что̀ будетъ!..

Она подошла къ двери балкона и жадно дышала свѣжимъ вѣтромъ. И стояла она, радостно и чутко насторожившись, какъ серна, почуявшая свободу.

Ордынцевъ чувствовалъ, что теперь всѣ его уговоры окажутся безсильными. Онъ угрюмо и неподвижно смотрѣлъ на Вѣру Дмитріевну и думалъ: любила ли она его хоть когда-нибудь, или нѣтъ?

1904.

КЪ ЖИЗНИ.

Повѣсть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Алексѣя выпустили.

Мы съ нимъ поселились на краю города. Сняли у вдовы мелочного лавочника Окороковой двѣ переднія комнаты ея ветхаго домика. Алеша сильно осунулся, но отъ побоевъ совсѣмъ оправился. Онъ по-всегдашнему молчаливъ, не смотритъ въ глаза и застѣнчиво принимаетъ мои заботы о немъ.

У меня много бѣготни и хлопотъ по району, рѣдко приходится бывать дома. Алексѣй меня ни о чемъ не разспрашиваетъ, съ смѣшнымъ, почтительнымъ благоговѣніемъ относится къ тому таинственному, что я дѣлаю; съ суетливою предупредительностью встрѣчаетъ приходящихъ ко мнѣ. Что-то есть въ немъ странно-дѣтское, хоть онъ мнѣ ровесникъ. Когда я иду куда-нибудь, гдѣ есть хоть маленькій рискъ, онъ молча провожаетъ меня любящими, безпокойными глазами. Очень мы разные люди, а ужасно я его люблю.

Выпустили также многихъ товарищей. Выпустили, говорятъ, и Иринарха. Попался въ сѣти, какъ лягушка среди карасей, а просидѣлъ три мѣсяца.

Всегда мнѣ странно и смѣшно бываетъ, когда приходится зайти къ Катрѣ. Каждый разъ въ другомъ платьѣ, необычномъ, какихъ никто не носитъ, какъ будто въ маскарадѣ, а между тѣмъ странно идетъ къ ней. И прическа и все. И думаешь: «Эге! Вотъ еще какая у тебя красота!». И думаешь: «Господи! Сколько на это трудовъ кладется! Вотъ тоже—труженица!».

У нея сидѣлъ за кофе Принархъ. Расцѣловались съ нимъ. Онъ разсѣянно положилъ себѣ горку сухарей и продолжалъ говорить.

— Да, такъ вотъ... Ужасно было интересно въ тюрьмѣ. Я прямо жалѣлъ, когда выпустили. Эти мужички съ недоумѣвающею мыслью въ глазахъ. Рабочіе, какъ натянутыя струны... Огромнѣйшая книга жизни. Евграфову видѣлъ, — интересно. Блѣдная, съ горящими глазами, настоящая христіанская мученица, съ огромною трагическою жизнью въ душѣ. А заговоритъ, — Боже мой! Любовь къ людямъ, избавленіе ихъ отъ страданій, соціалистическій строй... И чѣмъ бы она жить стала въ этомъ будущемъ благолѣпіи!.. Удивительно, какъ люди не умѣютъ жить настоящимъ! Такое яркое, интересное время, никогда лучше не бывало. А они все о какомъ-то будущемъ. Хорошо у Ибсена сказано: «Ненавижу я это вялое слово—будущее!..»

Что-то въ Принархѣ было новое, какая-то найденная идея. Глаза свѣтились твердымъ, увѣреннымъ отвѣтомъ; а раньше они смотрѣли выжидающе, со смѣющимся безъ вѣры вопросомъ.

Но я спѣшилъ.

— Катерина Аркадьевна, можно васъ попросить на пару словъ?

Мы вышли съ нею въ гостиную. Наединѣ обоимъ было неловко, — встало то странное и жуткое, что̀ недавно такъ тѣсно на минуту соединило насъ. Какъ тогда, ее чуть слышно окутывалъ весенне-нѣжный, задумчивый запахъ тѣхъ же духовъ. И въ воспоминаніи запахъ этотъ мѣшался съ запахомъ керосина и пыли.

— Можете вы намъ дать послѣзавтра квартиру?

Въ ея глазахъ мелькнули усталая скука и насмѣшка.

— Опять будете препираться о «текущемъ моментѣ»?.. Хорошо.

— Благодарю васъ.

Товарищи расходились. Окурки торчали въ землѣ цвѣточныхъ горшковъ; въ тонкомъ ароматѣ гостиной стоялъ запахъ сквернаго табаку. Оставались только я съ Алексѣемъ, Турманъ и Дядя-Бѣлый.

Вдругъ вошла Катра, — любезная, радушная. Она поздоровалась и стала звать насъ ужинать. Турманъ и Дядя-Бѣлый съ недоумѣніемъ оглядѣли ее, стали отказываться. Катра настаивала. Они усмѣхнулись, пожали плечами и пошли въ столовую.

Тамъ опять сидѣлъ Иринархъ. Какъ всегда, онъ сейчасъ же овладѣлъ разговоромъ. И у него былъ всегдашній странный его видъ: на губахъ улыбка какого-то безсознательнаго юродства, въ наклоненной впередъ крутолобой головѣ что-то бычачье и какъ будто придурковатое, а умные глаза наблюдающе приглядываются.

— Въ воздухѣ носится это рѣшеніе — любовь къ жизни. Ницше, Гюйо, Бёклинъ, Григъ, Гамсунъ, Толстой, Достоевскій,—съ разныхъ концовъ, мыслью, художественнымъ чутьемъ,—всѣ приходятъ къ тому же: къ пониманію громадной цѣнности жизни, какъ она есть. Особенно въ этомъ отношеніи великолѣпенъ Лассаль. Онъ впиталъ въ себя всѣ разрозненные элементы, носившіеся въ воздухѣ, и выросъ въ истиннаго человѣка. Мы наивно ищемъ блага въ будущемъ, ищемъ въ религіи вѣры въ сохраненіе цѣнности жизни,—это вѣрно опредѣляетъ Геффдингъ. А цѣнность-то жизни, а благо-то это—кругомъ. Нужно только протянуть руку и брать полными горстями.

Турманъ молча сидѣлъ, заложивъ руку за поясъ блузы, непрерывно курилъ и своимъ темнымъ взглядомъ смотрѣлъ на Иринарха. Дядя-Бѣлый внимательно слушалъ.

Иринархъ обратился къ нимъ:

— Скажите, пожалуйста: вы вотъ боретесь. Много терпите въ борьбѣ. Стремитесь къ чему-то... За что вы боретесь? Къ чему стремитесь?

Дядя-Бѣлый поднялъ брови и слегка усмѣхнулся:

— Къ чему? Вамъ бы это должно быть извѣстно.

— Простите, я совершенно серьезно говорю: мнѣ неизвѣстно.

— Къ тому, чтобъ всѣмъ было хорошо.

— А зачѣмъ нужно, чтобъ всѣмъ было хорошо?

Дядя-Бѣлый съ удивленіемъ смотрѣлъ. Иринархъ ждалъ со скрытою улыбкою, какъ будто онъ зналъ что-то важное, чего никто не знаетъ.

— Не понимаю васъ.

— Что значитъ «хорошо»? Чтобъ была свобода, чтобъ люди были сыты, независимы, могли бы удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, чтобъ были «счастливы»?

— Ну да!

— Гм! «Счастливы»!.. Шелъ я какъ-то, студентомъ, по Невскому. Морозный вѣтеръ, мятель,—сухая такая, колющая. Иззябшій мальчуганка красною ручонкою протягиваетъ измятый конвертъ —«Баринъ, купите!» — «Что продаешь?»— «С...сча...астье!». Самъ дрожитъ и плачетъ, лицо раздулось отъ холода. Гаданіе какое-то, печатный листокъ съ предсказаніемъ судьбы.—«Сколько твое счастье стоитъ»?—«П-пятачо-окъ!..»

Иринархъ удивительно изобразилъ мальчика, — такъ и зазвенѣлъ плачущій, застуженный дѣтскій голосокъ.

Турманъ шевельнулся на стулѣ и враждебно оглядѣлъ Иринарха.

— Онъ на этотъ пятачокъ сыть сталъ!

— Вѣрно. А все-таки цѣна-то его счастью—«п-пя-та-чо-окъ»! Сыть — развѣ же это счастье?.. А что дастъ будущее, если оно, Боже избави, придетъ? Вотъ этотъ самый пятачокъ. Развѣ же за это возможна борьба? Да и какъ вообще можно жить для будущаго, бороться за будущее? Вѣдь это нелѣпость! Жизнь тысячъ поколѣній освящается тѣмъ, что какимъ-то тамъ людямъ впереди будетъ «хорошо жить». Никогда никто серьезно не жилъ для будущаго, только обманывалъ себя. Всѣ жили и живутъ исключительно для настоящаго, для блага въ этомъ настоящемъ.

Я сдержанно спросилъ:

— Въ чемъ же это благо?

— Въ чемъ!.. Оно такъ ясно, такъ очевидно, — его можно опредѣлить строго-математически, какъ звукъ или свѣтъ. Чѣмъ опредѣляется звукъ, свѣтъ? Числомъ и размахомъ колебаній въ секунду. Цѣликомъ такъ же опредѣляется и благо. Радость— великолѣпно! Страданіе — великолѣпно! Радость — страданіе! Радость—страданіе! Быстрѣе, ярче, сильнѣе! Разъ-разъ-разъ!.. А мы страданія боимся, проклинаемъ его. Утѣшаемся будущимъ, когда страданія не будетъ... Какъ вѣрно Шопенгауэръ сказалъ: «Послѣ того, какъ человѣкъ всѣ страданія и муки перенесъ въ адъ, для рая осталась одна скука».

Катра слушала и внимательно наблюдала товарищей. Раза два она искоса взглянула на меня, какъ будто вызывала: «ну-ка, возразите!».

Иринархъ говорилъ, словно пророкъ, только-что осіянный высшею правдою, въ неглядящемъ кругомъ восторгѣ осіянія. Да, это было въ немъ ново. Раньше онъ раздражалъ своимъ пытливо-недовѣрчивымъ копаніемъ во всемъ рѣшительно. Пришли великіе дни радости и ужаса. Съ смѣющимися чему-то глазами онъ совался всюду, смотрѣлъ, все глоталъ душою. Попалъ случайно въ тюрьму, просидѣлъ три мѣсяца. И вотъ вышелъ оттуда съ сложившимся ученіемъ о жизни и весь былъ полонъ бурлящею радостью.

Онъ продолжалъ:

— О-охъ, это будущее!.. Слава Богу, теперь сами всѣ въ душѣ чувствуютъ, что оно никогда не придетъ. А какъ раньше-то, въ старинныя времена: Liberté! Egalité! Fraternité! Сытость всеобщая!.. Ждали: вотъ-вотъ сейчасъ всѣ начнутъ цѣло-

ваться обмякшими ртами, а по землѣ полетятъ жареныя индюшки... Нѣ-ѣтъ-съ, не такъ-то это легко дѣлается! По-прежнему пошла всеобщая буча. Сколько борьбы, радостей, страданій! Какая жизнь кругомъ прекрасная! Весело жить.

Турманъ опять двинулся на стулѣ. Онъ тяжело бросилъ на Иринарха свой темный взглядъ и злобно усмѣхнулся.

— «Ве-есело»... Очень весело! Спасибо вамъ, господинъ, за такую веселость! Не весело, а скверно жить! Тяжело жить!

— Тяжело? Боритесь! Подымайтесь выше!

Турманъ въ изумленіи и негодованіи смотрѣлъ на него.

— Индюшки полетятъ?.. Полетятъ индюшки?.. Пятачокъ будетъ?.. Говорите: «Боже избави»?

— Боже избави!—твердо и рѣшительно отвѣтилъ Иринархъ.

— Не надо этого?

— Не надо.

— Надо!—крикнулъ Турманъ. Онъ, задыхаясь, наклонился надъ столомъ и пристально смотрѣлъ въ глаза Иринарху.— Вотъ что я вамъ заявляю: надо, чтобъ это пришло черезъ десять-пятнадцать лѣтъ. Слышите? — Турманъ грозно постучалъ ладонью по столу. — *Черезъ десять-пятнадцать лѣтъ*, не дольше!

Онъ всталъ и оглядывалъ всѣхъ, какъ будто вдругъ проснулся и увидѣлъ кругомъ незнакомыхъ людей.

— Вы, господа, — интеллигенція, вы понимаете соціологію. Мы ее мало понимаемъ. Можетъ-быть, по научнымъ тамъ всякимъ законамъ мы людьми станемъ черезъ сотню лѣтъ... Такъ врите намъ, а говорите, что это близко. А то слишкомъ скверно жить. Намъ скверно жить, невозможно жить, а не «весело»!

Дядя-Бѣлый все время съ недоумѣніемъ слушалъ Иринарха, — слушалъ, мучительно наморщивъ брови, стараясь понять. Онъ раздумчиво заговорилъ:

— Вы мало знаете нашу жизнь. Ничего въ ней веселаго нѣту. Все время отъ всѣхъ зависишь,—рабъ какой-то. Сегодня на работѣ, а завтра сокращеніе, завтра не потрафилъ мастеру, шепнули изъ полиціи, — и ступай за ворота. А дома ребята ѣсть просятъ... Унижаютъ эти страданія, подлецомъ дѣлаютъ человѣка...

Иринархъ просіялъ торжествомъ.

— Вотъ, вотъ это самое!.. Есть страданія, которыя унижаютъ, и изъ нихъ рвется человѣкъ къ другимъ страданіямъ, къ тѣмъ страданіямъ, которыя...

Турманъ не слушалъ. Онъ взволнованно метался по комнатѣ, отыскивая свою фуражку. Отыскалъ, остановился бокомъ

и тѣми же проснувшимися глазами окинулъ богатую сервировку стола, изящную Катру, внимательно наблюдавшую его изъ кресла.

— «Что будетъ!» — прервалъ онъ Иринарха. — Въ морду всѣмъ можно будетъ засвѣтить! Всѣмъ, кто того стоитъ! Вотъ что будетъ!.. Сенька, пойдемъ! Пойдемъ, Сенька, не оставайся!

— Да, пора итти.—Дядя-Бѣлый грустно поднялся.

Турманъ искоса бросилъ на меня выжидающій взглядъ. Они ушли.

Иринархъ ходилъ по комнатѣ и въ восторгѣ потиралъ руки.

— Но вѣдь этотъ черный — это великолѣпнѣйшій хищный звѣрь! Какая ненависть въ глазахъ!.. Погодите, онъ еще всѣмъ вамъ покажетъ свои коготки! Ну, и что, что такому дѣлать при всеобщемъ благополучіи? Вѣдь именно ненависть-то эта и наполняетъ его жизнь огромнѣйшимъ содержаніемъ! Ужасно онъ мнѣ много далъ для моей мысли... И какъ характерно: люди стремятся—и совершенно не понимаютъ, къ чему! Теряются, не могутъ отвѣтить. Огромное стремленіе, а впереди— только какой-то смутно-золотистый свѣтъ. Удивительно, какъ это у васъ нѣтъ пророковъ. Вѣдь именно при такихъ-то условіяхъ они и должны бы гремѣть.

Мы съ Алешей уходили. Катра съ скрытою насмѣшкою слѣдила за мною. Въ передней она спросила:

— Отчего вы ничего не возражали Иринарху Ильичу?

Я насупился.

— Развѣ можно было отвѣтить лучше, чѣмъ отвѣтилъ Турманъ?

— А я думаю, вамъ просто нечего было возразить, — презрительно и устало сказала Катра.

Я пожалъ плечами.

Мы шли домой. На душѣ было весело. Не люблю я Катры,— и какъ она бѣсится, что на всѣ ея вызовы я отвѣчаю вѣжливымъ молчаніемъ!

Алексѣй всѣ споры слушалъ съ странно-пристальнымъ, принимающимъ къ свѣдѣнію вниманіемъ. Мы шагали по тропинкѣ среди сугробовъ. Онъ сдержанно спросилъ:

— А какой же ты смыслъ видишь въ настоящемъ? Оно имѣетъ значеніе только въ виду будущаго.

— Да какъ это можно раздѣлять?! Будущее, настоящее... Все равно, что стараться ножомъ отдѣлить въ организмѣ жизнь отъ матеріи. Жизнь радостна, прекрасна, потому что освѣщена будущимъ, и, конечно, дай Богъ, чтобы будущее какъ можно скорѣе пришло... Какой-то развратъ душевный

копаться въ этомъ. Болтунъ! Почему же онъ ничего не дѣлаетъ?

Алексѣй замолчалъ и не возражалъ.

Какъ огромныя струны, еще пѣли приводные ремни. Подрагивали стѣны, и быстрые отсвѣты мелькали по стальнымъ рычагамъ. Но люди толпились въ серединѣ, и подходили все новые изъ другихъ мастерскихъ.

Въ замасленной блузѣ рабочаго, я говорилъ, стоя на табуретѣ. Кругомъ бережнымъ кольцомъ тѣснились свои. Началъ я вяло и плоско, какъ заведенная шарманка. Но это море головъ подо мною, горящіе глаза на блѣдныхъ лицахъ, тяжелые вздохи вниманія въ тишинѣ. Колдовская волна подхватила меня, и творилось чудо. Былъ кругомъ какъ будто волшебный садъ; я разбрасывалъ горсти сухихъ, мертвыхъ сѣмянъ, — и на глазахъ изъ нихъ вырастали пышные цвѣты братской общности и молодой, творческой ненависти.

Когда приходишь домой, — изъ большого, яркаго міра вдругъ попадаешь во что-то маленькое, узенькое, смирное. Алеша сидитъ въ своей накуренной комнатѣ, сгорбившись надъ столомъ. Моя комната большая, а его — очень маленькая. Онъ ее выбралъ себѣ, — увѣряль, что любитъ тепло. Но сдѣлалъ онъ это по своей обычной упорной деликатности.

Сидитъ онъ за маленькой лампочкой съ бумажнымъ колпакомъ и старательно пишетъ. Красиво пишетъ своимъ аккуратнымъ почеркомъ конспектъ прочитанной книжки. Если что нужно вычеркнуть, онъ вырываетъ изъ тетрадки всю страницу и переписываетъ. Конспектируетъ и ничтожнѣйшія брошюрки.

Часто мнѣ въ голову приходитъ вопросъ: чѣмъ онъ живетъ? Застѣнчивый, молчаливый, нелюдимый. Никогда онъ не смотритъ въ глаза — даже мнѣ, двоюродному своему брату, а мы съ дѣтства росли вмѣстѣ. Ничѣмъ особенно не интересуется. Читаетъ мало, принуждая себя, то, что я ужъ очень расхвалю. Въ комнатѣ у него все такъ аккуратно разложено, такъ чисто. Это всегда признакъ бѣдной духовной жизни.

Пьемъ съ нимъ чай. Своимъ всегда неестественнымъ голосомъ онъ говоритъ, не глядя въ глаза:

— Ходилъ сейчасъ ко всенощной къ Спасу, слушалъ шестопаловскихъ пѣвчихъ. Вотъ здорово поютъ! Особенно «Свѣте тихій». Чудная у нихъ новая октава. Шестоповъ недавно привезъ изъ Мценска... Послѣ всенощной зашелъ

къ Машѣ. Нѣтъ, она дѣйствительно ненормальна, это несомнѣнно.

— Опять тетя Юля ваша мутитъ?

— Заявила, что Маша ей мѣшаетъ спать по утрамъ, когда встаетъ. И Маша изъ большой комнаты перебралась въ переднюю. Тамъ спитъ. Говоритъ, великолѣпно. А отъ двери дуетъ чортъ знаетъ какъ!.. Положительно, сама себя она валитъ въ могилу.

Алеша украдкою глядитъ на меня и осторожно спрашиваетъ:

— Ты не зайдешь къ ней?

Охъ, эти родственныя обязательства! Я морщусь.

— Да некогда, дѣла много.

Алеша темнѣетъ. Въ немъ вообще очень силенъ семейный патріотизмъ, а сестру Машу онъ любитъ съ какимъ-то восторженнымъ умиленіемъ. Перемогая себя, самъ тяготясь своею настойчивостью, онъ говоритъ коротко:

— Шестого ея рожденіе.

— Ну, зайду тогда.

Алеша благодарно глядитъ.

Въ освѣщенныхъ, завѣшанныхъ тряпками оконцахъ флигелька метались тѣни. Мы съ Алешею стояли на крыльцѣ двора.

— Ты вѣрно видѣлъ, пьянъ онъ?

— Пьянъ.

— Ну, значитъ, бьетъ.

Когда Гольтяковъ пьянъ, его охватываетъ буйная одержимость, онъ звѣрски колотитъ Прасковью. Она — худенькая, стройная, какъ дѣвочка, съ дикими, огромными глазами. У меня и у Алеши какая-то жалостливая влюбленность въ нее. Мучатъ и волнуютъ душу ея прекрасные, прячущіе страданіе глаза. Горда она безмѣрно. Всѣ на дворѣ знаютъ, что съ нею дѣлаетъ мужъ, а она смотритъ съ суровымъ недоумѣніемъ и рѣзко обрываетъ сочувственные вопросы.

Мы растерянно стояли. Трепала дрожь. Въ флигелькѣ звучали заглушенные стоны, отчаянно плакалъ ребенокъ... И нельзя ничего сдѣлать, нельзя броситься на помощь!

Да, учитъ жизнь! Сколько разъ за этотъ годъ, въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, приходилось переживать вотъ это самое: стой, стиснувъ зубы, когда душа тянетъ броситься впередъ, — гнусно кипи и перекипай внутри себя.

Взмываютъ волны все выше. Весело жить! Работы страшно много, бѣготня съ утра до вечера. Къ циглеровцамъ присоединяются все новые и новые заводы.

Вчера примкнули староносовцы, гдѣ Дядя-Бѣлый. Черезъ три дня предстояла получка. Дядя-Бѣлый предложилъ присоединиться послѣ получки. Поднялись крики, упреки:

— Трусъ! Предатель!.. Сейчасъ же всѣ бросай работу!

И съ пѣснями ушли изъ мастерскихъ. А присоединились только изъ сочувствія.

Забѣжалъ къ Катрѣ, попросилъ вызвать ее. Горничная сказала, что выйти она не можетъ, а проситъ къ себѣ.

Въ «будуарѣ» — кажется, такъ это называется — сидѣли толстый адвокатъ Баяновъ и пріѣзжій изъ столицы юноша. Катра съ радостной улыбкой встала навстрѣчу. Какая-то особенная у нея улыбка—медленная и яркая; всю ее эта улыбка освѣщаетъ изнутри.

Я сказалъ, что спѣшу. Она какъ будто не слышала, усадила меня. Почему она не могла ко мнѣ выйти?

Юноша неестественно-поющимъ голосомъ читалъ стихи. Гибкіе, пѣвучіе звуки баюкали вниманіе, трудно было понять, о чемъ рѣчь.

Я пересидѣлъ стихи, подошелъ къ Катрѣ. Смѣясь глазами, она взяла меня за локоть и сказала:

— Пожалуйста, посидите четверть часа; мнѣ нужно съ вами поговорить.

Юноша еще читалъ стихи. Шла рѣчь о какихъ-то неслыханыхъ «дерзаніяхъ», о голыхъ женскихъ тѣлахъ, о громовыхъ бесѣдахъ съ «братомъ-солнцемъ»:

Братъ мой солнце! Ясный, ярый,
Пьяный жаромъ старшій братъ!..

Тонкая шея туго была стянута высокимъ крахмальнымъ воротничкомъ. Неврастеническое лицо, длинные, влажные пальцы. На что, кромѣ пакости, способенъ «дерзнуть» этотъ заморышъ! Дѣвочку растлить, обольстить и бросить съ ребенкомъ горничную, — другого никакъ я не могъ себѣ представить.

— Извините, я не понимаю. Что такія за дерзанія?

Вышелъ споръ. Я говорилъ о громадности и красотѣ дерзаній, которыми полна дѣйствительная жизнь. Онъ неохотно возражалъ, что да, конечно, но гораздо важнѣе дерзаніе к самоосвобожденіе духа. Говорилъ о провалахъ и безднахъ души, о Божествѣ и сладости борьбы съ нимъ.

А Катра замѣтно увиливала отъ разговора наединѣ. Ея глаза почти нахально смѣялись надо мною. Мнѣ стало досадно,—чего я жду? Всталъ и пошелъ вонъ.

Катра вышла слѣдомъ. Я молча надѣвалъ пальто.

— Погодите, вѣдь вамъ что-то было нужно?

Я презрительно отвѣтилъ:

— Вамъ, я вижу, это неудобно. Тогда не надо... До свиданія.

Катра вспыхнула:

— Вы воображаете, я боюсь... Что̀ вамъ нужно?

Я сказалъ.

— Хорошо, я согласна.

— Такъ я пришлю Алешу.

Катра съ враждебной и вызывающей насмѣшкой взглянула на меня:

— Знайте, Константинъ Сергѣевичъ: я согласна только потому, чтобы вы не воображали, будто я боюсь... А все это до тошноты противно, скучно и пошло. «Транспортъ»... Зачѣмъ цѣлый транспортъ, когда всю вашу литературу можно пронести въ жилетномъ карманѣ? «Эксплуатація», «классовая борьба», «организація», «предательство буржуазіи»... Господи, и неужели кто-нибудь читаетъ это!..

Много шелухи поднялось въ воздухъ съ ураганомъ, грозно загудѣло въ немъ—и безсильно упало наземь, когда ураганъ стихъ. Я думалъ, Катра не изъ этихъ. Но и она, какъ большинство. Ее радостно и жутко ослѣпилъ яркій огонь, на минуту вырвавшійся изъ-подъ земли, и она поклонилась ему. Теперь огонь опять пошелъ темнымъ подземнымъ пламенемъ,— и она брезгливо смотритъ, зѣвастъ и съ вызовомъ рветъ то, чѣмъ связала себя съ жизнью.

А былъ мигъ. Я его не забуду. Сквозь мою вражду къ ней, сквозь презрѣніе къ ея переметчивости этотъ странный мигъ свѣтится въ воспоминаніи, какъ вечерняя звѣзда въ узкомъ просвѣтѣ межъ тучъ.

Толпы дико побѣжали по Большой Московской. Всѣ ворота и калитки были предательски заперты. Падали люди. Я вырвалъ Катру изъ топочущаго, мчащагося человѣческаго потока, мы прижались къ углубленію запертой двери.

Блѣдный мальчикъ, прижимая руку къ боку, набѣжалъ на насъ.

— Ай-ай-ай-ай!.. Настоящія пули!..

— Мальчикъ! Сюда иди, сюда!

Онъ непонимающими глазами оглядѣлъ меня и побѣжалъ дальше, и повторялъ:

— Настоящія пули!

Наискосокъ черезъ улицу, наклонившись, бѣжалъ подъ пулями Иринархъ и закрывалъ голову поднятымъ локтемъ, какъ

будто надъ нимъ вился рой пчелъ. Изъ Ломовскаго переулка, какъ шакалы, выглядывали молодцы лабазника Судоплатова съ дубинками.

Подбѣжалъ студентъ съ прострѣленной рукой. Эсъ-эръ,—онъ не разъ выступалъ противъ меня на митингахъ. Ухватившись за косякъ, онъ безумно смотрѣлъ, какъ судоплатовцы съ воемъ и свистомъ ринулись наперерѣзъ бѣжавшимъ, какъ замелькали въ толпѣ ихъ дубинки.

Сзади насъ была желѣзная дверь какого-то подвала. Висѣлъ замокъ. Я дернулъ, — онъ не былъ запертъ. Быстро я отодвинулъ засовъ.

— Товарищи! Сюда!

Мы съ Катрою проскользнули въ дверь. Но студентъ стоялъ, какъ околдованный, и все смотрѣлъ.

— Да идите же, товарищъ! Скорѣе, а то увидятъ!

Я втащилъ его въ подвалъ, замкнулъ дверь. Крутыя каменныя ступеньки шли внизъ. Громоздились до потолка пыльныя бочки, деревянная скамейка пахла керосиномъ. Странно-тихо золотились пылинки въ узкомъ лучѣ солнца. На улицѣ трещали револьверные выстрѣлы, и молніями прорѣзывали воздухъ вопли избиваемыхъ.

По рукаву студента текла кровь.

— Вы ранены. Садитесь, перевяжемъ.

Какъ въ гипнозѣ, онъ сѣлъ. Катра засучила ему рукавъ, стала перевязывать носовымъ платкомъ рану. Въ замершемъ порывѣ студентъ безумными глазами смотрѣлъ на дверь, и душа его была не здѣсь.

Затопали ноги, со стономъ грохнулся кто-то за дверью.

— За что бьете?.. Злодѣи!.. Ааа-аа!!..

Студентъ рванулся, роняя на полъ окровавленный платокъ.

— Боже мой, а я здѣсь сижу!.. Пустите меня!

— Сидите, товарищъ!

— Пустите! Господи, какіе мы подлецы! Мы ихъ звали, мы вмѣстѣ съ ними должны и погибнуть!

— Вы съ ума сошли! Какой въ этомъ смыслъ?

Онъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ меня и бросился по крутымъ ступенькамъ къ двери.

— Вѣдь вы безъ оружія! У васъ помутилось въ головѣ, очнитесь!

— Мы должны съ ними умереть!

Я его удерживалъ, но душу съ дрожью вдругъ охватилъ стыдъ и горькій восторгъ. Лязгалъ подъ руками студента отодвигаемый ржавый засовъ. Смерть медленно накладывала свою печать на его блѣдное лицо. И вдругъ преобразилось

это лицо и вспыхнуло живымъ, сіяющимъ свѣтомъ. Онъ выбѣжалъ на улицу.

Громкій, вызывающій крикъ, полный восторга и муки:

— Да здравствуетъ...

И топотъ ногъ. Ревъ человѣческихъ гіэнъ. И глухіе удары.

Я неподвижно стоялъ. Міръ преобразился въ безуміи муки и ужаса. Весь онъ былъ здѣсь, гдѣ золотой лучъ тихо вонзался въ груду пыльныхъ бочекъ, гдѣ пахла керосиномъ жирная скамейка. Кругомъ — кровавое, ревущее кольцо, а дальше ничего нѣтъ.

Изъ полумрака на меня смотрѣли огромные глаза съ блѣднаго, прекраснаго, восторженнаго лица. Охватывалъ душу безумный восторгъ отъ какой-то чудовищной, недоступной уму правды. Я взглянулъ на Катру.

Все было сказано безъ словъ.

— Идемъ!

Огромные глаза ея все смотрѣли на меня. Грудь вздымалась, какъ будто не могла вмѣстить того, что открылось душѣ.

— Да. Идемъ... Погодите. Прощайте, товарищъ!

Въ первый разъ она сказала это слово: «товарищъ».

Руки раскрылись, мы обнялись и крѣпко поцѣловались. Въ запахѣ пыли, керосина и кроваваго ужаса отъ свѣжаго лица пахнуло весеннимъ запахомъ духовъ.

Улица была уже пуста. Ее опять откуда-то обстрѣливали. Валялся у дверей аптекарскаго магазина пыльный трупъ въ кроваво-черныхъ обрывкахъ студенческой тужурки.

Мы медленно шли вдоль улицы. Пули жужжали, съ визгомъ рикошетировали отъ камней.

— Товарищи!.. О, Боже мой... Товарищи!..

Ерзая руками по мостовой, у тумбы лежалъ рабочій съ прострѣленною ногою.

— Товарищи!.. Не бросайте меня!.. О, Боже мой!.. Жена у меня, четверо ребятъ...

Я схватилъ его подъ мышки, приволокъ къ ближайшему крыльцу. Отъ соборной площади бѣжали съ дубинками пьяные молодцы изъ холодныхъ лавокъ. Катра метнулась къ двери. Она была старая, на старомъ, непрочномъ замкѣ.

— Смотрите! Можно выдавить!

Я ударилъ плечомъ, дверь распахнулась. Мы втащили раненаго. Въ концѣ старенькой галлерейки чернѣла обитая клеенкой дверь.

Раненый стоналъ. Перебитая нога моталась.

— Товарищъ, тише! Сберите всѣ силы, молчите!.. Услышатъ

черносотенцы или изъ квартиры выйдутъ. А Богъ вѣсть, кто тамъ живетъ...

— Ооо... Погодите!.. Ну... Ну, вотъ!

Онъ вцѣпился зубами въ полу пальто и замеръ, дрожа и всхлипывая.

Но клеенчатая дверь уже раскрывалась. Выглянулъ сѣдой, полный господинъ въ тужуркѣ отставного полковника.

— Это что такое?!

Онъ вышелъ и, блѣднѣя, оглядывалъ насъ.

— Сейчасъ же уходите! Что вамъ тутъ нужно?.. Уходите, уходите! Я не сочувствую революціонерамъ!

Катра выпрямилась и смотрѣла на него темными, презирающими глазами.

— Здѣсь, полковникъ, не революціонеръ, а раненый, вы сами видите. Пьяные дикари будутъ его сейчасъ добивать.

— Господа, господа... Это меня не касается... Сейчасъ же уходите, я не могу.

Полковникъ волновался и прислушивался къ крикамъ на улицѣ. Катра въ упоръ смотрѣла на него.

— Храбрый вы человѣкъ!.. Мы не пойдемъ. Вытолкайте насъ.

Хороша она была въ этотъ мигъ! Полковникъ сконфузился.

— Но согласитесь, господа .. Ну, хорошо! Несите его скорѣе въ квартиру!

Онъ суетливо заперъ наружную дверь на крюкъ. Мы потащили раненаго въ переднюю.

Грозно и властно зазвенѣлъ звонокъ. Въ дверь посыпались удары. Слышались крики. Полковникъ поблѣднѣлъ, оправилъ тужурку и пошелъ по галлереѣ.

Дверь затрещала и распахнулась. Мы замерли.

Слышно было, какъ полковникъ кричалъ и топалъ ногами.

— Не видите, кто я?.. Чтобъ я у себя кого прятать сталъ? Вонъ!.. По телефону губернатору... Всѣхъ васъ въ тюрьмѣ перегною!

Задыхаясь и отдуваясь, полковникъ воротился къ намъ.

— Негодяи этакіе!.. Понесемъ его въ спальню, тамъ перевяжемъ.—Онъ съ гордостью остановился передъ Катрой и развелъ руками.—Ну-съ! Надѣюсь, вы меня теперь ни въ чемъ не можете упрекнуть!

Катра удивленно взглянула на него.

— Но вѣдь вы были бы подлецъ, если бы поступили иначе!

Попалъ я къ Машѣ на рожденіе только въ десятомъ часу вечера. Алеша былъ тамъ уже съ обѣда.

Маша радостно встрѣтила меня, поцѣловала долгимъ, умиленнымъ поцѣлуемъ и благодарно прошептала:

— Спасибо, что пришелъ!

Большіе, кроткіе глаза, и, какъ изъ прожекторовъ, изъ нихъ льются снопы свѣта. Алеша называетъ ее «Мадонна».

Сидѣла, приторно улыбаясь, ихъ тетка Юлія Ипполитовна. Она обратилась ко мнѣ:

— Костя, скажите вы,—ну, развѣ идетъ Машѣ эта голубенькая кофточка?

— Очень идетъ.

Юлія Ипполитовна съ снисходительною насмѣшкою пожала плечами.

— Не понимаю ея! Нарядилась, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка. Нужно же помнить свой возрастъ! Тридцать шесть лѣтъ исполнилось, сѣдина въ волосахъ—и свѣтлыя кофточки! Напоминаетъ маскарадъ.

Маша добродушно улыбнулась и не отвѣтила. Она угощала насъ закусками, чаемъ, быстро говорила своими короткими, обрывающими себя фразами. Юлія Ипполитовна брезгливо шевелила вилкой кусочки нарѣзанной колбасы.

— Маша, гдѣ ты брала эту колбасу? Шпекъ ужасно скверно пахнетъ.

Алеша угрюмо и рѣзко возразилъ:

— Никакого запаху нѣтъ.

— Ну, можетъ-быть, мнѣ кажется... Почему ты не берешь у Рейнвальда? Только тамъ колбасы хорошія.

Она концами пальцевъ отодвинула тарелку и обиженно стала пить чай. Какъ удушливое облако, ея присутствіе висѣло надъ всѣми. Ждали, когда же она пойдетъ спать.

Пошла наконецъ. Маша зашептала:

— Господа, перейдемте въ переднюю, поставимъ тамъ столикъ. Ну, тѣсно будетъ, а зато такъ хорошо! И тетѣ не будемъ мѣшать.

Мы перенесли въ переднюю столъ, самоваръ. Я съ упрекомъ спросилъ:

— Ты здѣсь и спишь?

Маша поморщилась и быстро заговорила:

— Ну, господа, все равно... Не будемъ объ этомъ говорить... Это мое дѣло... Все равно...

— Маша, да вѣдь ты губишь себя! Сама нервная, болѣзненная, весь день на урокахъ,—и даже отдохнуть негдѣ въ своей же квартирѣ! Смѣшно: двѣ комнаты на двоихъ, а ты живешь въ передней.

— Ну, все равно... Господа, не говорите... Тетѣ мѣшаетъ утромъ спать, когда я встаю, а мнѣ все равно...

— Мѣшаетъ спать!

— У нея все время то мигрени, то невралгіи. Трудно заснуть, и необходима тишина... А мнѣ пріятно, что я хоть что-нибудь могу для нея сдѣлать. Только жалко, что приходится отъ васъ жить отдѣльно.

— Да, намъ бы еще тутъ съ этимъ сокровищемъ жить! Я понимаю, что всѣ ближайшіе родственники открещиваются отъ нея... Какая безцеремонность! «Шпекъ пахнетъ». Никто не проситъ, не ѣшь!

Маша умоляюще сказала:

— Оставимъ... Ну, пускай... Нужно либо все принять, либо совсѣмъ ужъ отказаться...—Она покраснѣла.—Своей семьи у меня нѣту. Вы выросли. А я чувствую такую потребность любить, всю себя отдать... Мнѣ кажется, если бы тетя меня била, я бы еще нѣжнѣе ухаживала за нею.

— Чортъ знаетъ что̀ такое! Какой-то садизмъ филантропіи!.. И для кого! Маша, ну, развѣ ты не вдаешь кругомъ жизни? Вѣдь выше и нужнѣе всю себя отдать ей, а не какой-то Юліи Ипполитовнѣ!

Мы ужъ не разъ спорили объ этомъ

— Ну, оставимъ, все равно... Я къ вамъ не могу пойти. Вы слишкомъ наружу смотрите. Подъ этимъ, глубже, у васъ ничего нѣту. Поэтому все строите на ненависти. А нужно всѣхъ любить. И потомъ у васъ—безъ Бога.

— Этого бы еще недоставало!

И сейчасъ же я въ ней почувствовалъ тотъ странный внутренній трепетъ, который часто въ ней замѣчалъ. Когда мы, еще гимназистами, начинали спорить съ ней о Богѣ, Маша быстро говорила, съ испуганно вслушивающимися во что-то глазами: «Не надо объ этомъ говорить. Объ этомъ нельзя спорить».

Она перевела разговоръ на другое.

Мы пили чай съ миндальнымъ печеньемъ, разговаривали и смѣялись тихонько, чтобъ не разбудить Юлію Ипполитовну. По отставшимъ отъ стѣнъ обоямъ тянулись зубчатыя трещины. Задумчиво сидѣли, неожиданно явившись оттуда-то, черные тараканы.

Понемножку со мною произошло обычное: я не могу безъ скуки и колючаго раздраженія думать о Машѣ; а побудешь съ нею—и вдругъ мягко начинаешь принимать всю ее, съ ея чуждою, но большою и серьезною душевною жизнью. Бѣдно одѣтая, убивать себя на урокахъ, чтобъ Юлія Ипполитовна

могла ѣсть виноградъ и принимать лактобациллинъ. И какое-то свѣтящееся оправданіе жизни, съ терпимымъ и любовнымъ уваженіемъ ко всему.

Мы чуть слышно пѣли втроемъ пѣсни, которыя пѣли съ Машею давно, еще мальчиками. Вспоминали, смѣялись, говорили тѣми домашними словами, которыхъ посторонній не поймет. Было по-дѣтски чисто въ душѣ и уютно.

Алеша всегда чувствуетъ себя у Маши тепло и свободно. Но сегодня онъ былъ необычно веселъ, острилъ, смѣялся. Какъ будто тайно радовался чему-то своему. А въ Машиныхъ глазахъ, когда она смотрѣла на Алешу, была горячая любовь и всегдашній скрытый, болѣзненный ужасъ, — какой-то разъ навсегда замершій ужасъ ожиданія. Вотъ уже два года она смотритъ такъ на Алешу. Это для меня загадка.

Когда мы шли домой, я спросилъ Алешу:

— Отнесъ къ Катрѣ?

— Отнесъ, конечно.

— Что она, не фыркала?

— Н-нѣтъ...—Алеша помолчалъ.—Ужасная чудиха! Вдругъ спрашиваетъ меня: «Отчего вы, Алексѣй Васильевичъ, никогда не смотрите въ глаза?» И засмѣялась. Очень весело и добродушно. Звала чаю напиться.

Онъ говорилъ небрежно, а весь сіялъ, вспоминая. Катра и его околдовала своею красотою. Бѣдный, какъ ему мало надо!

И нѣсколько разъ еще Алеша возвращался къ своему визигу. Объяснялъ мнѣ, почему онъ отказался напиться чаю, разсказывалъ, какъ она пожала ему руку.

На дворѣ, въ бѣломъ сумракѣ ночи, у флигелька виднѣлась тонкая фигура. Мы вглядѣлись. Въ одномъ платьѣ стояла иззябшая Прасковья. Она метнулась, хотѣла спрятаться, но какъ будто что вспомнила. Остановилась и недобрыми глазами смотрѣла на насъ.

— Чего это вы на холоду стоите, Прасковья Вонифатьевна?

Она оборвала:

— Такъ.

Гольтяковъ пьетъ запоемъ. Ясно: пьяный, онъ выгналъ ее на морозъ и заперъ дверь.

Мы стали звать ее зайти къ намъ напиться чаю. Она сердито отказывалась, бросала пугливые взгляды на темныя оконца флигеля. И вдругъ быстро пошла къ нашему крыльцу, все не говоря ни слова.

Поставили самоваръ. Съ полчаса онъ нагрѣвался. Прасковья сидѣла на уголкѣ стула, худенькая, тонкая, и насторо-

женно молчала. Чувствовалось,—заговори съ нею, она сейчасъ же вскочитъ и убѣжитъ.

Мы предложили ей переночевать въ Алешиной комнатѣ, а онъ перейдетъ ко мнѣ.

— Нѣтъ. Я въ кухнѣ посижу.

Всю ночь она просидѣла на табуреткѣ въ нашей кухонкѣ, Иногда выходила, поглядывала на безпощадно-молчащія окна флигелька и возвращалась.

Мнѣ плохо спалось. Завтра—большая массовка за гастѣевской рощей, мнѣ говорить. Нервно чувствовалась въ кухнѣ Прасковья съ настороженными глазами. Тяжелыя предчувствія шевелились,—сойдетъ ли завтра? Все усерднѣе слѣжка... Волею подавить мысли, не думать! Но смутныя ожиданія все бродили въ душѣ. Отъ каждаго стука тѣло вздрагивало. Усталъ я, должно-быть, и изнервничался!—такая тряпка!

———

Не могу разсказывать. Сжимаются кулаки...

А когда я возвращался, я столкнулся въ калиткѣ съ Гольтяковымъ. Мутно-грозными глазами онъ оглядѣлъ меня, погрозилъ кулакомъ и побѣжалъ черезъ улицу. На дворѣ была суетня. Въ снѣгу полусидѣла Прасковья въ разорванномъ платьѣ. Голова безсильно моталась, косы волосъ были перемѣшаны со снѣгомъ. Изъ разбитой каблукомъ переносицы капала кровь на отвисшіе, худые мѣшки грудей. Хозяйка и Ѳеня ахали.

Я остановился и смотрѣлъ, безсмысленно и неподвижно. Было въ душѣ только тупое отвращеніе и какая-то тошнота. Странно запомнились, вытѣсняя чудные глаза Прасковьи, эти жалкіе мѣшки ея грудей, въ страдальческомъ безразличіи открытые взорамъ.

Страшно усталый, я лежалъ на кровати. Въ душу въѣдался оскоминный привкусъ крови. Жизнь кругомъ шаталась, грубопьяная и наглая. Спадали покровы. Смерть стала простою и плоскою, отлетало отъ крови жуткое очарованіе. На муки человѣческія кто-то пошлый смотрѣлъ и тупо смѣялся. Непоправимо поруганная жизнь человѣческая,—въ самомъ дорогомъ поруганная, въ таинствѣ ея страданій.

И вѣчно, вѣчно сжимайся, жди безъ конца, дави желаніе бѣшено броситься навстрѣчу!

Пришелъ Морозъ. Возбужденный, съ вздувшеюся багровою полосою поперекъ лица. Онъ пилъ чай, жадно жевалъ булку. И, смѣясь, разсказывалъ:

— Вьется надо мною, все хочетъ достать нагайкою. А я въ канавку втиснулся и лежу. Видитъ, не выходитъ его дѣло,—

хочетъ лошадью затоптать. А живая тварь лошадь-то, не желаетъ ступать на живого. Сталъ онъ меня тогда съ лошади пашкой тыкать,—прокололъ бокъ. Пальто вотъ все изрѣзалъ. Ну, да не жалко: старое.

— Что̀ старое?

— Пальто.

— Пальто?.. Морозъ, голубчикъ!

Я расхохотался, вскочилъ и сталъ цѣловать его милое, скуластое лицо.

— И сильно онъ вамъ пальто попортилъ? Вотъ негодяй! Давайте, посмотримъ. Да кстати и бокъ.

Глубоко изнутри взмылъ смѣхъ и свѣтлыми струями побѣжалъ по тѣлу. Что̀ это? Что̀ это? Все происшедшее было для него не больше, какъ лишь смѣшною дракою! Что̀ въ этихъ удивительныхъ душахъ? Волны кошмарнаго ужаса перекатываются черезъ нихъ и оставляютъ за собою лишь бодрость и смѣхъ!

На боку оказалась царапина. Морозъ сѣлъ зашивать просѣченное пальто.

Пришли Наташа, Дядя-Бѣлый, другіе. Кой-кого не хватало. Пили чай. Разсказывали о пережитомъ. Что-то крѣпкое и молодо-бодрое вырастало изъ ужаса. То черное, что̀ было въ моей душѣ, таяло, расплывалось, недоумѣвая и стыдясь за себя.

Отъ хохота было тѣсно въ комнатѣ. Осетинъ Хетагуровъ разсказывалъ своимъ смѣшнымъ восточнымъ говоромъ, какъ онъ изъ чащи вскочилъ на лошадь къ стражнику, выбросилъ его изъ сѣдла въ спѣгъ и ускакалъ. Желтоватые бѣлки ворочались, ноздри раздувались. Странно было на его гибкой, хищной фигурѣ горца видѣть студенческую тужурку.

— Пачыму вы смэетесь?

Онъ съ недоумѣніемъ оглядывалъ насъ, и глаза при воспоминаніи загорались дикимъ, зеленоватымъ огнемъ. Милый Али! Я помню, какъ въ октябрѣ онъ одинъ съ угла площади велъ перестрѣлку съ цѣлою толпою погромщиковъ. И всѣ какіе милые, свѣтлые! Въ одно сливались души. Начинала свѣтиться жизнь.

Вышелъ изъ своей комнаты Алеша, сидѣлъ и почтительно слушалъ.

Я написалъ воззваніе. Наташа и Морозъ ушли печатать. Уходя, Морозъ улыбнулся и крѣпко тряхнулъ мою руку.

— А что̀, Сергѣичъ! Скучно будетъ жить на свѣтѣ, когда придетъ этотъ самый нашъ соціализмъ!

Пріѣхалъ докторъ Розановъ. Сразу все оживилось. Почувствовалась властная, увѣренная рука.

Его усиленно разыскиваютъ, грозитъ ему недоброе. Но онъ пріѣхалъ. Только бороду сбрилъ и покрасилъ волосы. Это смѣшно: огромная голова на широкихъ плечахъ, глубоко сидящіе зеленоватые глаза, давняя хромота отъ копыт казацкой лошади,—кто его у насъ не узнаетъ? Онъ двѣ недѣли владѣлъ городомъ. Черносотенцы называли его: «ихній царь».

Раньше онъ мнѣ мало нравился. Чувствовался безмѣрно-деспотичный человѣкъ, сектантъ, съ головою утонувшій въ фракціонныхъ кляузахъ. Но въ *тѣ* дни онъ выросъ вдругъ въ могучаго трибуна. Душа толпы была въ его рукахъ, какъ буйный конь подъ лихимъ наѣздникомъ. Поднимется на ящикъ, махнетъ карандашикомъ,—и бушующее митинговое море замираетъ, и мертвая тишина. Брови сдвинуты, глаза горятъ, какъ угли, и гремитъ властная рѣчь.

Я не могъ рѣшить, правильно ли онъ дѣйствуетъ, я ничего не понималъ въ закрутившемся вихрѣ. Но его стальная воля покорила меня, какъ и всѣхъ, я слѣпо шелъ за нимъ. Спокойно и властно онъ могъ всѣхъ насъ послать на смерть,—и мы пошли бы, и вѣрили бы, что такъ нужно.

И вотъ онъ теперь пріѣхалъ.

— Иванъ Николаевичъ, это безуміе!

— Скажите-ка лучше, что у васъ тамъ въ комитетѣ нагрундили? Совсѣмъ меньшевистскія повадки. Это все васъ Наташа мутитъ.

Съ ночевками его вышла исторія. Рѣшили помѣстить его у Катры и поручили мнѣ попросить ее. Но что лѣзть къ человѣку, который отбивается и руками и ногами? Я рѣшительно отказался. Тогда пошелъ къ ней Перевозчиковъ. Навязчивостью и ложью онъ многаго достигаетъ,—тою фальшивою «пролетарскою моралью», которую культивируютъ какъ разъ интеллигенты. Въ Ромодановскѣ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ; послѣ долгихъ хлопотъ удалось уговорить одного адвоката внести за него залогъ; Перевозчиковъ сейчасъ же скрылся: «У этихъ буржуевъ денегъ хватитъ!». Въ квартирѣ, данной намъ буржуемъ, онъ пачкаетъ сапогами диваны изъ презрѣнія къ буржую.

Катра приняла Перевозчикова высокомѣрно, высокомѣрно отказала, а въ заключеніе прибавила:

— Пусть попроситъ Чердынцевъ,—тогда я подумаю.

Съ хохотомъ Перевозчиковъ разсказалъ это. Всѣ хохотали, поздравляли меня съ побѣдою надъ сердцемъ декадентки. Ужасно было глупо, и я-то понималъ, что тутъ вовсе не «побѣда».

Переспилъ себя, пошелъ. Катра встрѣтила меня очень любезно, въ недоумѣніи пожимала плечами, сказала, что тутъ какое-то недоразумѣніе. А глазами нагло смѣялась. И отказала рѣшительно.

Почуетъ Розановъ тамъ и сямъ. Раза два даже у Маши ночевалъ, въ передней.

Есть люди, есть странныя условія, при которыхъ судьба сводитъ съ ними. Живой, осязаемый человѣкъ, съ какимъ-нибудь самымъ реальнымъ шрамомъ на лбу,—а впечатлѣніе, что это не человѣкъ, а призракъ, какой-то миѳъ. Таковъ Турманъ. Темною, зловѣщею тѣнью онъ мелькнулъ передо мною въ первый разъ, когда я его увидѣлъ. И съ тѣхъ поръ каждый разъ, какъ онъ пройдетъ передо мною, я спрашиваю себя: кто это былъ,—живой человѣкъ или странное испареніе жизни, сгустившееся въ человѣческую фигуру съ наивно-реальнымъ шрамомъ на лбу?

Въ первый разъ я его увидѣлъ на митингѣ, въ аломъ отблескѣ знаменъ, средь плеска и шума неудержимо нараставшей потребности въ дѣйствіи. Блѣдный полицеймейстеръ пытался говорить:

— Граждане! Чтобъ избѣжать напраснаго кровопролитія...

— Долой! Не мы крови хотимъ, а вы!..

— ...чтобъ напрасно не полилась человѣческая кровь, я умоляю васъ...

— Вонъ его!.. Долой!..

Полицеймейстеръ измученно махнулъ рукою и сошелъ съ ящика. Кипѣли рѣчи. Около полицеймейстера стояла Наташа. Мелькнула темная фигура,—это былъ Турманъ. Задыхаясь, онъ остановился передъ полицеймейстеромъ, потоптался. Странно наклонившись, шагнулъ въ сторону. Опять воротился. Какъ будто сновала зловѣщая ночная птица. Въ одно время полицеймейстеръ и Наташа вдругъ поняли,—понялъ вдругъ и Турманъ, что они поняли. И стояли всѣ трое, охваченные кровавою смертною дрожью, и молча смотрѣли другъ на друга. Наташа заслонила полицеймейстера рукою и властно крикнула:

— Товарищъ, уйдите!

Турманъ крѣпко сжатою рукою что-то держалъ въ карманѣ пальто. Онъ топтался на мѣстѣ, дрожалъ и впивался взглядомъ въ глаза Наташи.

— Уйти?.. Наташа!..

— Сейчасъ же уйдите! Слышите?

— Такъ уйти?.. Ната... Наташа?..

Я рѣшительно обнялъ его за плечи.

— Пойдемте, товарищъ! Вамъ тутъ нечего дѣлать!

Все еще дрожа, онъ покорно, какъ въ гипнозѣ, пошелъ со мною въ толпу... Черезъ минуту, все забывъ, Турманъ жадно слушалъ несшіеся въ толпу призывы.

Сегодня онъ опять темнымъ призракомъ прошелъ передъ душою, и опять я спрашиваю себя: живой это человѣкъ? Или сгустилась какая-то дикая, темная энергія въ фигуру человѣка съ шрамомъ на лбу?

Спокойно глядя на него, Розановъ безпощадно говорилъ:

— Въ профессіоналы вы не годитесь. Никакого дѣла мы вамъ дать не можемъ. Вы не умѣете сдерживать себя, когда нужно. Вы весь отдаетесь порыву. Вы не ведете толпу, а сами несетесь съ нею...

Турманъ дрожащими руками закуривалъ папиросу и никакъ не могъ закурить.

— Какъ же это не можетъ мнѣ дѣло найтись? Я ни отъ чего не откажусь. Давайте, что знаете. Что жъ мнѣ, сложа руки сидѣть? И это тоже: съ голоду издыхать? Сами знаете, я теперь безработный. За общее дѣло пострадалъ, никуда не принимаютъ.

— Жалко васъ, но партія не богадѣльня.

— Да я у васъ не милостыни и прошу, а дѣла... Гм! Ну, па-артія! Жалуются, людей нѣтъ, а людей гонятъ. Жалуются, денегъ нѣтъ, кругомъ всѣ добываютъ деньги—на пьянство, на дебошъ... А они на дѣло не могутъ!

Розановъ быстро поднялъ голову:

— Какъ это деньги добываютъ?

— Какъ! Сами знаете!

Они молча смотрѣли другъ другу въ глаза.

— Вы говорите про экспропріаціи. Запомните, Турманъ, хорошенько: партія запрещаетъ ихъ.

— Я вамъ подъ чужимъ флагомъ устрою. Наберу молодцовъ. Никто не узнаетъ.

— Что такое?—Розановъ всталъ.—Намъ съ вами разговаривать больше не о чемъ.

— Та-акъ...—Турманъ взялся за шапку. Онъ задыхался.—Значитъ, окончательно за хвостъ и черезъ заборъ? Благодаримъ!.. Рѣчи болтать, звать на дѣло, а потомъ: «Стой! Погоди! Ты только, знай, *организуйся!..*» Спасибо вамъ за ласку, господа добрые!

Собраніе происходило въ народномъ театрѣ. На эстрадѣ возсѣдалъ весь ихъ комитетъ,—предсѣдатель земской управы Будиновскій, помощникъ директора слесарско-томилинскаго

банка Токаревъ и другіе. Пріѣзжій изъ столицы профессоръ долженъ былъ читать о правыхъ партіяхъ.

Ходили слухи, что на собраніе явится со своими молодцами лабазникъ Судоплатовъ — мѣстный «Мининъ» и кулачный боецъ. Лица смотрѣли взволнованно и тревожно.

Въ первомъ ряду сидѣла жена Будиновскаго, Марья Михайловна, рядомъ съ Катрою. Марья Михайловна поманила меня.

— Скажите, вы слышали, что будутъ судоплатовцы?

— Слышалъ.

— Неужели ваши будутъ такъ безтактны, что выступятъ?

— Обязательно.

— Ну, да! Вы хотите сорвать собраніе... Господи, положительно, я не понимаю. Сами бойкотируете выборы,—зачѣмъ же другимъ мѣшать? Вѣдь Богъ знаетъ что̀ можетъ произойти. Катерина Аркадьевна, не пойти ли намъ за кулисы? Мужъ мнѣ совѣтовалъ лучше тамъ сѣсть: если что̀ выйдетъ, легче будетъ уйти.

— Конечно, пойдите,—оно безопаснѣе.

Катра вспыхнула, высокомѣрно оглядѣла меня и отвернулась. Марья Михайловна взволнованно двинулась на стулѣ.

— Боже мой! Смотрите,—вѣрно!.. Онъ!

Въ публикѣ произошло движеніе. Отъ входа медленно шелъ между стульями лабазникъ Судоплатовъ въ высокихъ, блестящихъ сапогахъ и свѣтло-сѣрой поддевкѣ, какъ будто осыпанной мукой. Сухой, мускулистый, съ длинною сѣдою бородою. Изъ-подъ густыхъ бровей маленькіе глаза смотрѣли привычно-грозно.

Говорятъ, у него дружина въ сто человѣкъ, вооруженныхъ револьверами. Онъ входитъ къ губернатору безъ доклада. Достаточно ему кивнуть головою, чтобъ полиція арестовала любого. Онъ открыто хвалится вездѣ, что въ дни свободы собственноручно ухлопалъ пять забастовщиковъ.

Прошелъ онъ и сѣлъ во второмъ ряду. И замеръ, прямо глядя передъ собою. Какъ будто удавъ приползъ и легъ. Жуткій, гадливый трепетъ пронесся по рядамъ. Слухи становились грозящей дѣйствительностью.

Наши заняли правую сторону амфитеатра. Морозъ шепнулъ мнѣ на ухо:

— Ну, значитъ, быть бою!

Весело блестя прищуренными глазами, онъ вынулъ изъ кармана кастетъ и показалъ мнѣ его изъ-подъ полы.

Вышелъ докладчикъ-профессоръ. Оглядѣлъ толпу близорукими глазами въ очкахъ и началъ.

Говорилъ онъ мягко, красиво и задушевно. Правыя партіи объявляютъ себя опорою Россіи; при каждомъ удобномъ случаѣ твердятъ о своей готовности всѣмъ пожертвовать для царя и отечества. На-дняхъ еще это говорилъ въ Дворянскомъ Собраніи глава истинно-русской партіи, графъ фонъ-Ведеръ-Нохъ. Изслѣдуемъ же ихъ программу, посмотримъ, чѣмъ они готовы жертвовать. Вотъ, напримѣръ, аграрный вопросъ. Беру программу, ищу и нахожу: первымъ дѣломъ рекомендуется переселеніе. Спору нѣтъ, это дѣло не безполезное, хотя статистикою доказано, что свободныхъ земель для заселенія у насъ весьма недостаточно. Но я спрошу: гдѣ же тутъ жертва?.. Рабочій вопросъ. Рекомендуется государственное страхованіе рабочихъ. Опять противъ этого ничего нельзя возразить. Но жертва-то, господа, жертва гдѣ же?..

Профессоръ улыбался близорукими глазами и разводилъ руками.

Ярко вскрылъ онъ узкое своекорыстіе разбираемой партіи, широко и красиво набросалъ собственную программу и кончилъ напоминаніемъ, что на насъ смотритъ исторія.

— Въ вашихъ рукахъ, граждане, дальнѣйшая судьба Россіи, и строго допросите вашу совѣсть раньше, чѣмъ пойти къ избирательнымъ урнамъ!..

Захлопали—громко и настойчиво, но не густо. Большинство загадочно молчало.

Предсѣдатель объявилъ перерывъ.

Настроеніе становилось все тревожнѣе. Дамы со страхомъ косились на Судоплатова. Онъ сидѣлъ на подоконникѣ и сонно-равнодушными, загадочными глазами смотрѣлъ передъ собою.

Я пошелъ на эстраду записаться. Будиновскій растерянно взглянулъ на меня. Сталъ убѣждать не выступать.

— Толпа самая ненадежная,—приказчики, мелкіе лавочники, мѣщане. А мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, что въ публикѣ до полусотни переодѣтыхъ судоплатовцевъ. Вы вѣдь знаете, спеціальное назначеніе этихъ молодцовъ—въ нужные моменты изображать «возмущенный народъ». Ваше выступленіе дастъ имъ возможность увлечь толпу на самыя неожиданныя выходки.

— Ну, а все-таки, пожалуйста, запишите меня.

Я воротился на мѣсто. Дыханіе слегка стѣснилось, сердце вздрагивало отъ ожиданія. Море головъ двигалось внизу. Огромная душа, чуждая и темная. Кто она? Врагъ? Другъ?.. Кругомъ были свои, съ взволнованными, рѣшительными лицами. О, милые!..

Зазвенѣлъ предсѣдательскій звонокъ. Начали разсаживаться. Часть нашихъ стала около эстрады, чтобы, въ случаѣ чего, быть поближе.

Будиновскій поднялся изъ-за стола, взволнованно поглядѣлъ въ мою сторону.

— Слово принадлежитъ г. Чердынцеву. Г. Чердынцевъ, пожалуйте на эстраду!

Алеша любящимъ, безпокойнымъ взглядомъ слѣдилъ за мною.

Головы, головы передъ глазами. Внимательныя, чуждо-настороженныя лица. Поднялась изъ глубины души горячая волна. Я былъ въ себѣ не я, а какъ будто кто-то другой пришелъ въ меня, — спокойный и хладнокровный, съ твердымъ, далеко звучащимъ голосомъ.

— Господа! Столичный профессоръ очень жестоко нападалъ здѣсь на правыя партіи. Позвольте заявить прямо и откровенно: я принадлежу къ самой правой партіи. Я — черносотенецъ. Тѣмъ не менѣе я отъ души привѣтствую докладъ г. профессора, привѣтствую тѣ основныя мысли, на которыхъ онъ строитъ свою критику. Для разныхъ соціалъ-демократовъ и забастовщиковъ программы ихъ партій опредѣляются тѣмъ, чего они *требуютъ*. Вооруженный наукою профессоръ доказалъ намъ: достоинство серьезной политической партіи опредѣляется не тѣмъ, чего она требуетъ, а тѣмъ, чѣмъ она жертвуетъ. Чѣмъ жертвуемъ мы, кого вы называете черносотенцами, — это я послѣ скажу. А раньше спрошу васъ, г. профессоръ, — чѣмъ же жертвуете вы и ваша партія?

Разобравъ ихъ программу, опредѣливъ составъ партіи, я сталъ доказывать, что всевозможныя свободы и конституціи имъ выгодны, сокращеніе рабочаго дня безразлично, надѣленіе крестьянъ землею «по справедливой оцѣнкѣ» диктуется очень разумнымъ и выгоднымъ инстинктомъ классоваго самосохраненія.

— Чѣмъ же, господа, вы-то жертвуете? Всякіе революціонеры, — они, по крайней мѣрѣ, жизнью своею жертвовали, а вы тогда сидѣли въ вашихъ норкахъ и болтали на разныхъ съѣздахъ. Но вы спрашиваете, чѣмъ жертвуемъ мы? Извольте, я скажу. Вы все говорили о графахъ и богачахъ, — вѣрно: имъ жертвовать нечѣмъ. Но вотъ тутъ мы сидимъ, бѣдняки и не графы. Мужики, рабочіе, ремесленники, приказчики. Да мы всѣмъ жертвуемъ для порядка отечества! Мы женъ и дѣтей готовы заложить, какъ великій нашъ патріотъ Мининъ!.. (Я съ пафосомъ повысилъ голосъ). И заложимъ, и всѣмъ пожертвуемъ... Жизнь отдадимъ за могущество и славу матушки-Россіи!..

Раздались хлопки, крики «ура!». Судоплатовъ, подпявъ бороду, все время пристально смотрѣлъ на меня, но тутъ тоже захлопалъ. Тогда въ разныхъ концахъ захлопали еще настойчивѣе. Совы, шныряющія только въ темнотѣ, привѣтствовали сову, смѣло вылетѣвшую на солнце.

— Чѣмъ мы жертвуемъ! И вы можете это спрашивать! Да что же вы думаете, мужикъ нашей партіи слѣпъ, что ли? Не видитъ онъ, что рядомъ съ его куринымъ клочкомъ тянутся тысячи десятинъ графскихъ и монастырскихъ земель? Вѣдь куда пріятнѣе подѣлить межъ собой эти земли, чѣмъ ѣхать на край свѣта и ковырять мерзлую глину, гдѣ посѣешь рожь, а родится клюква. А мужикъ нашей партіи говоритъ: «Ну что жъ! И поѣдемъ! Или тутъ будемъ землю грызть! Зато смирно сидимъ, начальство радуемъ, порядка не нарушаемъ»... Развѣ же это не жертва?!

Пронесся недоумѣвающій ропотъ. Раздались смѣшки. Судоплатовъ еще выше поднялъ бороду и пристальными, загорающимися глазами смотрѣлъ на меня.

— Про неприкосновенность личности вы говорили... На мнѣ вотъ, г. профессоръ, потрепанная блуза, а на васъ тонкій сюртукъ. Если я попаду въ каталажку, мнѣ тамъ пропишутъ такую неприкосновенность, какой вамъ никогда не видать. Всякій околоточный или урядникъ надо мною все равно, что царь. А повѣрьте, г. профессоръ, я тоже человѣкъ, я тоже хотѣлъ бы, чтобъ меня никто не смѣлъ хватать за шиворотъ. Но я говорю: «Это нужно для высшаго порядка. Не моего ума дѣло соваться въ политику. Господину полицеймейстеру лучше видно»... Да неужели же и это не жертва?

Меня прервалъ взрывъ рукоплесканій и хохотъ. Судоплатовъ вскочилъ и опять сѣлъ. Перекатывался хохотъ, кричали «браво», повсюду трепыхали хлопающія руки, даже на эстрадѣ и въ первыхъ рядахъ.

Я восхвалялъ рабочихъ, для порядка голодающихъ и работающихъ безъ конца. Средь хохота и плеска Судоплатовъ всталъ и медленно, ни на кого не глядя, пошелъ вонъ.

Потомъ говорили Морозъ, Перевозчиковъ. Опять я говорилъ, уже безъ маскарада. Меня встрѣтила буря овацій. И говорилъ я, какъ никогда. Гордыя за меня лица нашихъ. Жадно хватающее вниманіе сѣрыхъ слушателей. Какъ морской приливъ, сочувствіе сотенъ душъ поднимало душу, качало ее на волнахъ вдохновенія и радости. Съ изумленіемъ слушалъ я самъ себя, какъ бурно и ярко лилась моя рѣчь, какъ увѣренно и властно.

Говорили, конечно, и съ эстрады, — профессоръ, Будиновскій, Токаревъ. Но было у нихъ, какъ обычно теперь: имъ

наносились удары слѣва, они стыдливо чуть-чуть защищались, а свои удары направляли вправо, въ пустоту.

Трогательно было, когда собраніе кончилось. Тѣсною, заботливою толпою меня окружили товарищи-рабочіе, и я вышелъ въ густомъ кольцѣ защитниковъ.

Стояла въ проходѣ Катра и скучающе слушала госпожу Будиновскую. Мелькомъ Катра взглянула на меня, и въ ея взглядѣ мелькнула на мигъ сиротливая зависть и горячая нѣжность. А можетъ-быть, это мнѣ показалось.

— Слышалъ, слышалъ, какъ вы отличались! Вездѣ только о васъ и говорятъ! — Докторъ Розановъ смѣялся зеленоватыми глазами и съ горделивою нѣжностью смотрѣлъ на меня. — Вотъ что: знаете вы нѣкоего человѣка, котораго зовутъ Иринархъ?

Я пренебрежительно отвѣтилъ:

— Знаю.

Разсказалъ о его разговорѣ съ Турманомъ и Дядей-Бѣлымъ. Я ждалъ, что глаза Розанова вспыхнутъ презрѣніемъ. Но онъ выслушалъ внимательно и очень спокойно, съ тѣмъ взглядомъ глазъ, который я знаю у него, — выше людей смотрящимъ, гдѣ каждый человѣкъ — лишь матеріалъ.

— Онъ можетъ намъ пригодиться.

— Сомнѣваюсь. Это одиночка до мозга костей и гастрономъ жизни.

— Мы ему сколько угодно поднесемъ пикантныхъ блюдъ.

Мнѣ хотѣлось знать, какъ относится Розановъ къ его разговору съ Турманомъ.

Розановъ уклончиво отвѣтилъ:

— Въ сущности, онъ во многомъ правъ. Только ошибка его, что онъ мыслитъ не діалектически. Въ процессѣ своемъ жизнь выработала изъ человѣка типъ, для котораго борьба стала фетишемъ. Но нельзя же, напримѣръ, агитатору говорить такія вещи передъ толпой!.. Нашелъ, кого просвѣщать, — Турмана! Этакій болванъ!

Вчера вечеромъ Алексѣй нажарилъ печку, въ низкой комнатѣ было жарко и душно, я долго не могъ заснуть. Всталъ поздно, въ двѣнадцатомъ часу. Наставилъ въ кухнѣ самоваръ и сталъ чистить свои штиблеты.

Въ наружную дверь постучались.

— Кто тамъ?

Отвѣтилъ голосъ Катры. Что это значитъ? Я надѣлъ штиблеты и пиджакъ, отперъ дверь.

Она вошла, румяная отъ холода, немного смущаясь.

— Здравствуйте! Пришла къ вамъ въ гости,—сказала она недомашнимъ, застѣнчиво-тихимъ голосомъ и улыбнулась.

Улыбкою, какъ медленною зарницею, освѣтилось ея лицо, и освѣтилось все кругомъ.

— Чудесно! Сейчасъ поспѣетъ самоваръ, будемъ чай пить.

По-обычному я враждебно насторожился, стараясь не поддаться ея красотѣ и свѣту ея улыбки.

Катра, наклонившись, снимала съ ноги сѣрый мѣховой ботикъ и съ любопытствомъ оглядывала убогую, обмазанную глиною кухню.

— Какъ къ вамъ трудно пройти! Сугробы горами и узенькія-узенькія тропинки... Что это вонъ на полу лежитъ, письмо? Кажется, нераспечатанное.

Около моей двери лежалъ большой сѣрый конвертъ. Я поднялъ его.

— Должно-быть, въ щель вашей двери былъ засунутъ, вы открыли дверь, онъ выпалъ.

На конвертѣ рукою Алексѣя было четко написано: «Его Высокоблагородію Константину Сергѣевичу Чердынцеву. *Весьма нужное*». Въ конвертѣ оказался другой конвертъ, поменьше, бѣлый, и на немъ стояло:

«Костя! Пожалуйста, *ради всего тебѣ дорогого*, прежде чѣмъ предпринимать что-нибудь, прочти *все* мое письмо возможно спокойнѣе, дабы не сдѣлать ложнаго шага».

Я дрожащими руками разорвалъ конвертъ. Было написано много, на двухъ вырванныхъ изъ тетради четвертушкахъ линованой бумаги. Передъ испуганными глазами замелькали отрывки фразъ: «Когда ты прочтешь это письмо, меня ужъ не будетъ въ живыхъ... Открой дверь при Өенѣ... Скажи ей, что я самоубійца... согласится дать показаніе... Вчера воротился сильно пьяный и, должно-быть, закрылъ трубу, когда еще былъ угаръ».

Изъ смутнаго тумана быстро выплыло вдругъ поблѣднѣвшее лицо Катры. Какъ въ зеркалѣ, въ немъ отразился охватившій меня ужасъ. Я бросился мимо нея къ двери Алексѣя.

Дверь была заперта изнутри,—крѣпкая, въ крѣпкихъ косякахъ. Я бѣшено дернулъ за ручку. Что-то затрещало и подалось, я дернулъ еще разъ, радостно и удивленно чувствуя, что силы хватитъ. Правый косякъ подался, дверь съ вывернувшимся замкомъ распахнулась, и штукатурка въ облакахъ бѣлой пыли посыпалась сверху. Охватило душнымъ, горячимъ чадомъ.

Съ кровати, придвинутой изголовьемъ къ открытой печкѣ,

полусидя и странно скорчившись, Алексѣй неподвижно смотрѣлъ въ просвѣтъ взломанной двери.

Я бросился къ нему.

— Алеша!.. Голубчикъ!..

Блѣдный, онъ перевелъ на меня, не узнавая, огромные, чуждые, смертно-серьезные глаза. Смотрѣлъ и безсмысленно бормоталъ:

— Что такое?.. Что такое?..

Я раскрылъ форточку, вынулъ изъ трубы горячія вьюшки. Въ мутныхъ глазахъ Алексѣя мелькнуло сознаніе. Онъ медленно спустилъ ноги съ кровати и вздохнулъ.

— Родной мой, Алеша!..

Задыхаясь, съ дрожащими губами, я сѣлъ рядомъ съ нимъ, обнялъ его плечи. Онъ сидѣлъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, вытаращивъ глаза, и медленно оглядывался—съ пристальнымъ, испытующимъ любопытствомъ.

— Какъ глупо! Какъ нелѣпо!

Онъ съ отвращеніемъ передернулъ плечами и продолжалъ украдкой оглядываться, какъ будто выискивалъ, отчего не удалась попытка.

Я что-то говорилъ, а онъ безучастно молчалъ. Въ дверяхъ показалась Катра и, увидѣвъ его раздѣтымъ, отошла. Алексѣй равнодушно проводилъ ее глазами. Бѣлый, уныло-трезвый свѣтъ наполнялъ комнату. У кровати стоялъ тазъ, полный коричневой рвоты, на полу была натоптана известка, вдоль порога кучею лежало грязное бѣлье, которымъ Алексѣй закрылъ щель подъ дверью.

И онъ сидѣлъ понурившись, съ вырисовывавшимся подъ бѣльемъ крѣпкимъ, мускулистымъ тѣломъ, сложивъ на колѣняхъ большія, какъ будто рабочія руки.

— Что у меня такое съ языкомъ? Посмотри, пожалуйста, у меня ощущеніе, какъ будто кончика нѣтъ. — Еще сильнѣе обычнаго его голосъ звучалъ неестественно и дѣлано.

Онъ высунулъ распухшій, толстый языкъ. На языкѣ темнѣли глубокіе отпечатки зубовъ, какъ на тѣстѣ. Я отвѣтилъ:

— Распухъ языкъ. Ты его себѣ прикусилъ.

Не глядя на меня, онъ легъ въ постель и укрылся одѣяломъ. Я осторожно и любовно спросилъ:

– Какъ ты себя чувствуешь?

Алексѣй равнодушно отвѣтилъ:

— Ничего. Голова только отчаянно болитъ... Попробую заснуть.—Онъ помолчалъ.—Вотъ что, Костя: пожалуйста, никому не говори. Такъ глупо!

Онъ отвернулся къ стѣнѣ и закутался съ головою. Я вы-

шелъ. Катра стояла въ моей комнатѣ у окна. Она торопливо стала спрашивать:

— Ну что? Какъ онъ?

— Повидимому, ничего, все благополучно. Должно-быть, поздно печку закрылъ, мало было угару, а организмъ здоровенный... Пожалуйста, Катерина Аркадьевна, никому не разсказывайте.

— Ну, да конечно же!.. Скажите, вѣдь при угарѣ помогаетъ нашатырный спиртъ? Вамъ нужно здѣсь остаться, я схожу въ аптеку.

Она поспѣшно одѣлась и ушла. Я поднялъ съ пола письмо, сталъ читать:

«15 февраля, 2 ч. ночи.

«Когда ты прочтешь это письмо, меня ужъ не будетъ въ живыхъ. Пожалуйста, поступи такъ: открой дверь при Оенѣ (ключъ подъ дверью на порогѣ), скажи, что я самоубійца, что я буду горѣть въ вѣчномъ огнѣ, и что помочь мнѣ могутъ только панихиды. Она дѣвушка добрая и согласится дать такое показаніе: «Алексѣй Васильевичъ часто топилъ печку на ночь; вчера вечеромъ онъ воротился сильно пьяный и, должно-быть, закрылъ трубу, когда еще былъ угаръ»... Только бы Маша не узнала настоящей причины! Голубчикъ, дорогой, прими къ этому всѣ мѣры!.. Я больше мѣсяца мучился, старался побороть себя, но *не могу*, и даже мысль о Машѣ не можетъ меня удержать. Бѣдная, бѣдная мадонна! Я любилъ ее больше всѣхъ на свѣтѣ!..

«А причины? Что же я не пишу о причинахъ моей смерти? Я чувствую себя *черезчуръ* ужъ «маленькимъ человѣкомъ». Я думаю, больше нечего объ этомъ писать, ты меня поймешь. Прощай, мой хорошій, смѣлый, умный! Если я на что шелъ, то только потому, что ты велъ меня. Завтра вы будете пить чай, ходить по улицамъ, а меня *совсѣмъ не будетъ*... Чудно!»

«8 час. утра.

«Проснулся,—голова болитъ, но живъ; пошелъ и взялъ назадъ это письмо. Какъ глупо! Видно, пяти полѣньевъ мало. Позкономничалъ, жалко было тратить много дровъ. Все моя глупая деликатность. Сегодня положу въ печку десять».

«4 часа утра. 16 февраля.

«Вчера ночью я плакалъ, волновался, уходилъ изъ дому, а теперь чувствую такое спокойствіе и рѣшимость! Печка натоплена жарко, углей масса, и жаръ валитъ въ комнату. Теперь мнѣ такими маленькими-маленькими кажутся всѣ люд-

скія страданія и печали. И знаешь? Такою маленькою кажется мнѣ и твоя радость жизни, освѣщенная будущимъ. Неужели ты вправду вѣришь въ нее? Ну, не сердись, прости меня. Ты, конечно, вѣришь, иначе какъ бы ты могъ жить? Но это вѣра, и не больше. А я къ своему выводу пришелъ разумомъ, неопровержимою логикою: жизнь человѣческая есть отрицательная величина, а смерть — нуль; нуль же больше всякой отрицательной величины, это говоритъ математика. И если даже правъ Иринархъ относительно размаха въ положительную и отрицательную сторону, то и тутъ я, столь же строго-математически, извлекаю среднее и получаю тотъ же молчаливо-выразительный нуль... Прощай!»

Онъ пытался, значитъ, двѣ ночи подъ рядъ! Я смотрѣлъ на ровныя, четкія строки, на эти два сѣроватыхъ листика съ школьною голубою линовкою... А вчера вечеромъ онъ со мною пѣлъ, дурачился. Это, имѣя позади одну ночь и въ ожиданіи другой! У меня захолонуло въ душѣ.

Я вышелъ въ кухню, заглянулъ въ его комнату. Алексѣй лежалъ лицомъ къ стѣнѣ и — притворяясь?—ровно и громко дышалъ, какъ будто крѣпко спалъ. Я сѣлъ къ нему на постель, обнялъ черезъ одѣяло и припалъ къ нему.

Алексѣй вздрогнулъ, раскрылъ глаза и, тряхнувъ головою, сталъ оглядываться, какъ человѣкъ, разбуженный послѣ крѣпкаго сна. И нельзя было разобрать, притворяется онъ или нѣтъ. Я сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Алеша, Алеша, что ты хотѣлъ сдѣлать!

Онъ старался не встрѣтиться со мною глазами. Взглядъ его былъ чуждый и отдаленный; на блѣдномъ, страшно осунувшемся лицѣ темнѣли глубоко впавшіе, окаймленные синевою глаза. Онъ какъ будто смотрѣлъ изъ другого міра, неподвижно прислушиваясь къ чему-то внутри себя. Я продолжалъ:

— И почему? Какія причины? То, что ты пишешь,—развѣ это основаніе? «Маленькій человѣкъ»... А развѣ мы всѣ не маленькіе? Неужели право на жизнь имѣютъ только Лассали и Гарибальди? Да и не въ этомъ все дѣло: ты просто изнервничался въ тюрьмѣ, ослабѣлъ.

Алексѣй слушалъ, заложивъ руки за голову, и смотрѣлъ въ потолокъ. На губахъ его мелькнула усмѣшка. Онъ удивленно сказалъ:

— Чудакъ ты! Вотъ я не думалъ, что ты будешь такъ держаться! Что тюрьма? Посмотри, какой я крѣпкій. Дѣло вовсе не въ этомъ. Ты отлично долженъ бы все понять.

— А потомъ—Маша. Какъ можно было бы это скрыть отъ

нея? Конечно, Ѳеня разболтала бы, да и вообще то, что̀ ты придумалъ, слишкомъ невѣроятно... А что̀ бы съ нею тогда сталось?

— По-твоему, это, значитъ, главная причина? А если бы Маши не существовало?—съ страннымъ любопытствомъ спросилъ Алексѣй. Онъ поднялъ голову и облокотился о подушку.— Для чего мнѣ, собственно, продолжать жить? Неумѣлый. За что ни возьмусь, получается ерунда. Вотъ два раза подъ рядъ даже убить себя не сумѣлъ. И ты отлично знаешь мою судьбу: ворочусь въ университетъ, кончу, — сѣренькій, аккуратный; поступлю на службу... А страданія меня вовсе не прельщаютъ... Для чего же все?

Онъ теперь прямо смотрѣлъ мнѣ въ глаза, и глубоко въ его зрачкахъ свѣтилась добродушная, прощающая усмѣшка.

Я растерянно молчалъ. Этотъ взглядъ, смотрѣвшій на меня изъ другого міра, принялъ бы одну только глубокую правду. И все, что̀ я могъ бы сказать, чувствовало себя ненужнымъ, фальшивымъ, все безсильно спадалось, обвисало и сморщивалось. Радость жизни, радость борьбы, — но онъ ихъ не ощущалъ. Жизнь для другихъ,—но какъ будто объ этомъ можно случайно забыть и, при напоминаніи, убѣдиться... А между тѣмъ душа громко, настойчиво кричала, всѣмъ существомъ кричала, что должно быть что-то,—громадное, полное, могучее по своей неоспоримой убѣдительности. Но что̀?

Я молча прошелся по комнатѣ, сѣлъ къ столу. Около склянки съ чернилами аккуратною стопочкою были сложены всѣ конспекты, записная книжка, потертый кожаный портсигаръ. Паспортъ былъ раскрытъ. Въ рубрикѣ: «Перемѣны, происшедшія въ служебномъ, общественномъ или семейномъ положеніи владѣльца книжки», рукою Алеши четко было вписано:

«Волею космическаго разума обратился въ ничто 16 февраля 1906 г., въ 6 часовъ утра».

Алексѣй увидѣлъ, что я читаю, и поморщился.

— Э, это я такъ, дурачился.

Я перевернулъ страницу. Всѣ рубрики были заполнены его старательнымъ, аккуратнымъ почеркомъ.

«*Приметы*: *ростъ*.—Такъ себѣ. *Цвѣтъ волосъ*.—Неопредѣленный. *Особыя приметы*.—Конечно, нѣту».

Алексѣй неестественнымъ голосомъ сказалъ:

— Слушай, Коська, я спать хочу. Голова болитъ.

— Я уйду. Только вотъ что̀... Голубчикъ!—Я нерѣшительно подошелъ.—Дай мнѣ слово, что больше не будешь пытаться.

— Не буду. Не сумѣлъ,— самъ виноватъ. Теперь бы это было свинствомъ.

— Правду только говоришь, Алеша?

Любовь и горькая жалость были во мнѣ. Я обнялъ его и цѣловалъ—нѣжно, какъ маленькаго, беззащитнаго брата. Алексѣй вдругъ всхлипнулъ, обнялъ мою шею и тоже крѣпко поцѣловалъ меня. И я чувствовалъ, какъ страшно пусто и какъ страшно холодно въ его душѣ.

— Алешка, Алешка, тяжело тебѣ! Нужно, братъ, встряхнуться, нужно перестроить жизнь... Мы поищемъ...

Онъ усмѣхнулся.

— Теперь только и остается. Отказался отъ смерти, приходится что-нибудь поискать въ жизни.

— Найдемъ, братъ, найдемъ!.. Ей-Богу, найдемъ!

Стало легко и близко, разрушилась преграда. Мы нѣсколько времени сидѣли молча. Я участливо спросилъ:

— Голова болитъ?

— Ужасно!—поморщился онъ.

— Сейчасъ Катерина Аркадьевна принесетъ нашатырнаго спирта. Ты его нюхай, легче будетъ.

— Слушай, зачѣмъ она здѣсь?

— Случайно зашла, и какъ разъ попала.

— Ну, ладно, буду спать...

Я ушелъ въ свою комнату, подошелъ къ окну. На улицѣ сѣрѣли сугробы хрящеватаго снѣга. Суки ветелъ надъ заборомъ тянулись, какъ окаменѣвшія черныя змѣи. Было мокро и хмуро. Старуха съ надвинутымъ на лобъ платкомъ шла съ ведромъ по грязной, скользкой тропинкѣ. Все выглядѣло спокойно и обычно, но было то и не то, во всемъ чувствовался скрытый ужасъ.

Сегодня утромъ такъ же чуть таяли хрящеватые сугробы, такъ же проходили по тропинкѣ женщины къ обледянѣлому колодцу. А въ это время онъ, со смертью и безнадежностью въ душѣ и со страшною рѣшимостью, валялся, головою къ печкѣ, въ горячемъ угарномъ чадѣ, съ судорожно-закушеннымъ языкомъ.

И мнѣ вспомнилось: въ первую изъ этихъ ночей я долго слышалъ сквозь сонъ, какъ онъ двигался въ своей комнатѣ, слышалъ скрипъ наружной двери и шаги за окномъ. А вчера вечеромъ мы пѣли вдвоемъ, боролись, и онъ смѣялся. Потомъ, ночью, я читалъ Макса Штирнера, а тамъ, за тонкою стѣною, совершалось въ человѣческой душѣ самое страшное, что есть на свѣтѣ. Страшное—и одинокое, глубоко, непостижимо одинокое. И если бы онъ тогда вошелъ ко мнѣ и сказалъ: — «Отбросимъ всѣ условности, поговоримъ по душѣ, не прячась другъ отъ друга: скажи по совѣсти, для чего мнѣ продолжать жить?» — то я все равно ничего не могъ бы ему

отвѣтить. И онъ, стоя обѣими ногами въ могилѣ, смотрѣлъ бы на мою растерянность съ тою же добродушною насмѣшкою...

Извозчикъ подъѣхалъ къ воротамъ. Торопливо вошла Катра съ нашатырнымъ спиртомъ. Я пошелъ со склянкою къ Алексѣю. Опять онъ встряхнулся и удивленно раскрылъ глаза, и опять нельзя было понять,—спалъ ли онъ, или притворялся и думалъ о чемъ-то.

Какъ будто для моего удовольствія, онъ понюхалъ раза два изъ бутылочки и завернулся съ головою въ одѣяло. Я тихонько вышелъ. Катра задумчиво ходила по моей комнатѣ.

— Константинъ Сергѣевичъ, можетъ-быть, можно ему что-нибудь сдѣлать, помочь ему... Отчего это онъ, отчего?

Я устало сѣлъ на постель. Недоумѣніе и растерянность были въ душѣ, и что-то, какъ будто помимо сознанія, напряженно думало все надъ одною мыслью.

— Вотъ вплотную подойдетъ къ вамъ человѣкъ, подойдетъ и спроситъ: «не хочу я жить, — почему мнѣ не умереть?» И отвѣтьте ему такъ, чтобы это не было фразой. На что же мы вообще можемъ отвѣтить, если не можемъ отвѣтить на это? А вѣдь, казалось бы, отвѣтить нужно такъ, чтобъ ясная убѣдительность отвѣта покоряла легко и сразу, нужно отвѣтить съ недоумѣвающимъ смѣхомъ, — какъ можно было объ этомъ даже спрашивать...

Катра, наморщивъ брови, смотрѣла мимо меня въ окно, какъ будто намѣреннымъ непониманіемъ отгораживалась отъ моихъ вопросовъ. Она сказала:

— Можетъ-быть, это временное? Нужно отвлечь его отъ его мыслей и настроеній, разсѣять...

Сидѣла она, облокотившись о столъ, и была это не запершаяся въ себѣ красавица, лелѣющая свою красоту, а прежняя Катра, съ гладкими волосами, простая и отзывчивая. Стало близко, какъ съ товарищемъ. Мы долго сидѣли и разговаривали вполголоса.

Я наставилъ давно выгорѣвшій и остывшій самоваръ. Рѣшили, что Алексѣю хорошо бы выпить чаю съ коньякомъ. Катра осталась дежурить, а я пошелъ въ городъ за виномъ и тихонько захватилъ свои часы, чтобъ заложить.

Спускались сумерки. Мелкій, сухой снѣгъ суетливо падалъ съ неба. Я остался одинъ съ собою, и въ душѣ опять зашевелился притихшій въ разговорахъ ужасъ. На Большой Московской сіяло электричество, толпы двигались мимо освѣщенныхъ магазиновъ. Люди для чего-то гуляли, покупали въ магазинахъ, мчались куда-то въ гудящихъ трамваяхъ. Лохма-

тый часовщикъ, съ лупою въ глазу, сидѣлъ, наклонившись надъ столикомъ. Зачѣмъ все?

Такъ огромно было то, передъ чѣмъ сегодня ночью стоялъ Алексѣй. Такъ ничтожна была суетня кругомъ. И не только она. Мельнувшее въ темнотѣ румяное личико дѣвушки, перебитая каблукомъ переносица Прасковьи, стачка циглеровцевъ, вопросы о будущемъ, исканія мысли и творчество генія,—все одинаково было ничтожно и мелко.

И опять мнѣ вспоминалось, какъ, съ темною безнадежностью въ душѣ, онъ валялся съ закушеннымъ языкомъ въ жаркомъ угарномъ чадѣ. И губы начинали прыгать, и въ темнотѣ слезы лились изъ глазъ.

Идутъ дни. Снова все обычно. Снова мы разговариваемъ, шутимъ, какъ будто ничего не случилось. Но онъ смотритъ на меня изъ другого міра и только скрываетъ это. Когда я осторожно пытаюсь заговорить о томъ, что у него въ душѣ, онъ морщится и отвѣчаетъ:

— Ну, оставь, пожалуйста! Я далъ тебѣ слово, что больше не буду повторять,—чего же тебѣ еще?

Что-то глухо огородило его душу. Хочется разорвать, раскидать руками преграду, вплотную подойти къ его душѣ, горячо приникнуть къ ней и сказать...

Но что сказать?!

Въ душѣ моей ужасъ. И не потому, что Алеша стоитъ передъ смертью. На моихъ глазахъ его били дубинками и рукоятками револьверовъ, залитая кровью голова безчувственно моталась. Я шелъ мимо, одѣтый деревенскимъ парнемъ, съ гирляндою револьверовъ подъ полушубкомъ. И тогда было не то. Я шелъ—и не мозгомъ, а всѣмъ существомъ въ лихорадочномъ смятеніи ощущалъ одно: Алеша, Розановъ, я, другіе,—все это совсѣмъ ничто, есть что-то огромное и общее, а это пустяки. Сейчасъ избиваютъ Алешу, — пускай! Завтра меня самого, раненаго, будутъ топтать лошадью, — пускай! И это думалось безъ смиренія и безъ гордаго вызова, а просто, какъ что-то естественное и само собою понятное.

Тогда было совсѣмъ не то.

Топится печка. Въ ея пасти—куча раскаленныхъ, мигающихъ углей, по нимъ колышутся синіе огоньки. Алексѣя нѣтъ дома. Я сижу съ кочергою передъ печкой въ его комнатѣ. Мнѣ кажется, въ воздухѣ слабо еще пахнетъ угаромъ, и смутный ужасъ вьется въ темнотѣ.

Передъ тою ночью, вечеромъ, мы пѣли дуэтомъ: «Не шуми ты, рожь»... Онъ однообразно и размѣренно гудѣлъ своимъ

басомъ, и я возмущался, дирижировалъ, замедлялъ темпъ. Тамъ есть слова:

Тяжелѣй горы, темнѣй полночи,
Легла на сердце дума лютая...

Я морщился и останавливалъ его.

— Ну, Алешка, вѣдь *дума лютая*, — ты пойми, представь ее себѣ!.. Тоски побольше, грусти безнадежной... Давай еще разъ!

Онъ конфузился, и мы начинали снова. И онъ безплодно старался вложить безнадежную тоску въ «думу лютую»... А у самого въ это время—какая лютая-лютая дума была въ душѣ!

Отъ печки жарко. Темные налеты, мигая, проносятся по раскаленнымъ углямъ. Синіе огоньки колышутся медленнѣе. Ихъ зловѣщая, уничтожающая правда—ложь, я это чувствую сердцемъ, но она глубока, жизненна и серьезна. А мнѣ все нужно начинать сначала, все, чѣмъ я жилъ. У меня, — о, у меня «дума лютая» звучала такою захватывающею, безнадежною тоскою! Самому было пріятно слушать. И теперь мнѣ стыдно за это. И такъ же стыдно за всѣ мелкіе, безъ корней въ душѣ отвѣты, которыми я до сихъ поръ жилъ.

Все нужно начинать сначала.

Жизнь неслась, какъ будто летѣлъ вдаль остроконечный снарядъ, со свистомъ разрѣзая замутившійся воздухъ. Такъ неслась жизнь, и мы въ ней. Голова кружилась, некогда было думать. И вдругъ, какъ клубокъ гадовъ, зашевелились теперь вопросы. Зашевелились, поднимаютъ свои плоскія, колеблющіяся головы.

И я читаю, читаю. И я думаю, думаю. И самому смѣшно: мнѣ поскорѣе, пока Алеша не убилъ себя, нужно узнать вновь, и уже въ серьезъ, зачѣмъ жить.

Зачѣмъ жить?

Я смотрю на эти два написанныхъ слова. Чего-то стыдно. Они глядятъ такъ наивно-банально, такъ по-гимназически. И это особенно страшно. Смѣшно глядятъ они не потому, что только гимназистъ не знаетъ отвѣта на странно-простой вопросъ, а потому, что только еще гимназистъ можетъ ждать возможности отвѣта.

Отвѣта нѣтъ нигдѣ. А люди живутъ.

Гольтяковъ все пьетъ. Пропилъ инструменты, пропилъ тальму Прасковьи. Вчера вечеромъ пришелъ, рванулъ себя зубами за руку, оторвалъ лоскутъ кожи.

— Вотъ! Себя не жалѣю!.. То ли съ тобой сдѣлаю!

Ночью за нами прибѣжалъ Гаврикъ, братишка Прасковьи.

Гольтяковъ накинулся на избитую до безчувствія Прасковью и сталъ ее душить. Мы оттащили его и связали. Онъ щелкалъ зубами, катался по кровати и хрипѣлъ:

— Доберусь до тебя, шлюха проклятая, погоди!.. Къ студентамъ бѣгаешь ночевать,—думаешь, не знаю!.. Нашла заступниковъ... Погоди!..

Гнусность, гнусность!

Зашелъ Иринархъ, передалъ мнѣ просьбу Катры прійти къ ней. И, какъ маніакъ, опять заговорилъ о радости жизни въ настоящемъ, о безсмысленности жизни для будущаго. Возражаешь ему,—онъ смотритъ со скрытою улыбкою, какъ будто тайно смѣется въ душѣ надъ непонятливостью людей.

Я разспрашивалъ, подходилъ съ разныхъ сторонъ. Я хотѣлъ узнать, можно ли хоть что-нибудь извлечь изъ его осіянія для того, что̀ мнѣ было теперь такъ важно. Но, занятый своимъ, Иринархъ не замѣчалъ кровавой жизненности моихъ вопросовъ. Глядя изъ-подъ крутого лба, онъ съ увлеченіемъ разматывалъ клубокъ своихъ мыслей.

— Всѣ уныло копошатся въ постылой жизни, и себѣ противны и другъ другу. Время назрѣло, и предтечъ было много. Придетъ пророкъ съ могучимъ словомъ и крикнетъ на весь міръ: «Люди! Очнитесь же, оглянитесь кругомъ! Вѣдь жизнь-то хороша!». Какъ Іезекіиль на мертвое поле: «Кости сухія! Слушайте слово Господне!».

Я съ ненавистью расхохотался.

— «Жизнь хороша»!.. Сотни вѣковъ люди ломаютъ себѣ голову, какъ умудриться принять эту загадочную жизнь. Обманываютъ себя, создаютъ религіи, философскія системы, сходятъ съ ума, убиваютъ себя. А дѣло совсѣмъ просто: жизнь, оказывается, хороша! Какъ же люди этого не замѣтили?

— Потому не замѣтили, что хотятъ «счастья», что задушены мертвымъ утилитаризмомъ. Что не настоящимъ живутъ, а ждутъ всего отъ будущаго — либо въ этомъ, либо въ томъ мірѣ...

Я уходилъ съ нимъ. На крылечкѣ подъ февральскимъ солнышкомъ сидѣла дрябло-жирная Пелагея Ѳедоровна и кормила манною кашею любимаго внучка. Сытый мальчишка черезъ силу глоталъ кашу.

— Кушай, золотце мое!.. Вонъ Гаврюшка смотритъ... Нѣ-ѣтъ, мы тебѣ не дадимъ, мы сами хотимъ! Ну, кушай, раскрой ротикъ! Ишь, какой Гаврюшка! Смотритъ!.. А вотъ дяди подошли, говорятъ: «дай намъ!»—Нѣ-ѣтъ, не дадимъ, ишь какіе ловкіе! Вы пойдите, у себя покушайте, а это мнѣ!

Иринархъ смѣющимися глазами смотрѣлъ и жадно любовался. Мальчонка холоднымъ взглядомъ враждебно косился на насъ и сквозь набитый кашею ротъ повторялъ:

— Это мнѣ!

Прошла Прасковья съ неподвижными, сурово-страдальческими глазами. Пелагея жалостливо спросила:

— Ну что, милая? Гдѣ злодѣй твой?

Прасковья слегка покраснѣла и съ сумрачнымъ вызовомъ отвѣтила:

— Гдѣ! На работу пошелъ!

Иринархъ, пораженный, смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Кто это? Какіе глаза замѣчательные!

Мы шли къ воротамъ. Я разсказывалъ ему про Прасковью, про недавнюю ночь. Онъ разсѣянно слушалъ и вдругъ сказалъ:

— Вотъ, если бы не было страданій у нея, если бы мужъ ея хорошо зарабатывалъ, не билъ бы ее, холилъ... Была бы она, какъ эта вотъ хозяйка твоя, — жирная, заплывшая, съ свинымъ взглядомъ.

Я, задыхаясь, остановился.

— Уходи! Уходи отъ меня!.. Я не хочу съ тобой итти, иди одинъ!

Иринархъ очнулся отъ своихъ мыслей и съ недоумѣніемъ взглянулъ на меня.

— Что такое?

— Вонъ!!. Выкидышъ засохшій!

Я въ бѣшенствѣ хлопнулъ на него калиткою, она вышибла его на улицу, и я задвинулъ засовъ.

Нехорошо и глупо. Но ужъ больно нервы растрепались за послѣдніе дни. Вспомнишь,—и опять сжимаются кулаки, и охватываетъ кипящая злоба.

Но не только за Прасковью. Я вслушиваюсь въ себя,— да, давно уже въ проповѣдяхъ Иринарха что-то вызывало во мнѣ растерянную досаду, я не могъ себѣ опровергнуть у него какого-то неуловимаго пункта и растерянность свою прикрывалъ разжигаемымъ презрѣніемъ къ Иринарху.

Довольно вилять передъ собою. Въ одномъ, самомъ существенномъ и важномъ, Иринархъ правъ: жизнь оправдывается только настоящимъ, а не будущимъ. А теперь, — и теперь особенно,—я не знаю и не понимаю, какъ это возможно.

Пришла Катра. Робкая, застѣнчивая. Украдкою приглядывается ко мнѣ. Своимъ тихимъ, недомашнимъ голосомъ сказала съ упрекомъ:

— Отчего вы за это время ни разу не зашли ко мнѣ?

Вѣдь вы же понимаете, мнѣ хочется знать, какъ Алексѣй Васильевичъ.

— Ничего. Совсѣмъ попрежнему. Ходитъ на урокъ.

— Я сейчасъ съ нимъ встрѣтилась на улицѣ, разговаривала. Вы знаете, у него въ глазахъ какъ-будто какая-то темная, мертвая вода. И онъ боится чужихъ глазъ. Онъ все равно скоро убьетъ себя.

Теплымъ участіемъ звучалъ ея голосъ. Но вдругъ что-то во мнѣ дрогнуло: глубоко въ зрачкахъ ея прекрасныхъ глазъ, какъ длинный и холодный слизнякъ, проползло выжидающее, осторожно-жадное вниманіе.

Что такое было, я не знаю. Но не вѣрю я теперь ея участію къ Алешѣ. И когда она ушла, я злобно погрозилъ ей вслѣдъ кулакомъ.

Плохо идутъ у насъ дѣла. Настроеніе неудержимо падаетъ. Ничего не добившись, заводъ за заводомъ становятся на работу. И совсѣмъ другое теперь, когда передъ тобою то же море головъ. Не волшебный садъ, а безплодная пустыня. Живыя, рвущіяся къ жизни сѣмена безсильно стукаются о холодные камни.

Староносовцы чуть вчера не избили Дядю-Бѣлаго.

— Три дня до получки оставалось,—что было подождать? Нѣтъ,—«пристанемъ, ребята»!.. А жрать намъ тоже надо, не снѣгомъ кормимся!

Дядя-Бѣлый смотрѣлъ, остолбенѣвъ отъ неожиданности.

— Товарищи, вспомните: я какъ разъ васъ удерживалъ. Какъ разъ я говорилъ: подождемъ до получки. Вы же меня тогда обругали трусомъ и предателемъ.

— За другихъ влетѣли въ кашу!.. Мы отъ хозяевъ обиды не знали!

Согнулись спины, потухли глаза. Въ темнотѣ сонно и уныло, какъ невыспавшіеся рабы, ноютъ гудки. И идутъ въ холодѣ угрюмыя вереницы сѣрыхъ людей. А Морозъ и другіе въ тюрьмѣ.

Жадно я вглядываюсь во встрѣчныя лица. Меня узнаютъ. Глаза однихъ со стыдомъ отворачиваются, глаза другихъ загораются враждою

Что-то у меня въ душѣ перестраивается, и какъ будто пленка сходитъ съ глазъ. Я вглядываюсь въ этихъ сгорбленныхъ, сѣрыхъ людей. Какъ могъ я видѣть въ нихъ носителей какой-то правды жизни? Какъ могъ думать, что души ихъ живутъ красотою огромной, трагической борьбы со старымъ міромъ?

Свѣтятся въ сырой соломѣ отдѣльные люди-огоньки, краса людей по непримиримости и отвагѣ. А я отъ нихъ заключалъ ко всѣмъ. Налетитъ вѣтеръ, высушитъ солому, раздуетъ огоньки,—и на мигъ вспыхнетъ все вокругъ яркимъ пламенемъ, какъ вспыхиваетъ закрученная лампа. А потомъ опять прежнее.

Помню я незабываемое время. Сотни тысячъ людей слились въ одно, и все трепетало небывало-полною, быстрою жизнью. Сама на себя была непохожа жизнь,—новая, большая, паливша души живящимъ огнемъ. И никто не былъ похожъ на себя. Весь цѣликомъ жилъ каждый, до ногтя ноги, до кончика волоса, — и жилъ въ общемъ. Отдѣльная жизнь стала ничто, человѣкъ отдавалъ ее радостно и просто, какъ пчела или муравей.

Но упалъ вѣтеръ, полилъ дождь,—и гдѣ они, сотни тысячъ? Мокрая солома. А Морозъ, Дядя-Бѣлый—неизмѣнно тѣ же.

Не теперешняя наша мелкая неудача надѣла на меня темныя очки. Давно уже мнѣ начинаетъ казаться, что мы обманываемъ себя и не видимъ кругомъ того, что̀ есть. Повторяемъ грозныя фразы о своей силѣ и непримиримости, а волны спадаютъ, спадаютъ, и скоро мы будемъ на мели.

О, я вѣрю и знаю: воротятся волны, взмоютъ еще выше, и надутъ наконецъ проклятыя твердыни міра. Я не объ этомъ. Но я ясно вижу теперь, — не тѣмъ живутъ эти люди, чѣмъ живутъ Морозъ, Розановъ, Дядя-Бѣлый. Тогда иначе было бы все, и больше было бы побѣдъ. Не въ борьбѣ ихъ жизнь и не въ процессѣ достиженія, не въ широкомъ размахѣ напрягшихся силъ.

А въ чемъ?

Мнѣ неинтересны десятки. Вотъ эти сотни тысячъ мнѣ важны,—стихія, только мгновеніями способная на жизнь. Чѣмъ они могутъ жить въ настоящемъ?.. А подумаешь о будущемъ, представишь ихъ себѣ, — осѣвшихъ духомъ, съ довольными глазами. Никнетъ умъ, гаснетъ восторгъ. Тупо становится на душѣ, сытно и противно, какъ будто собралось много родственниковъ, и всѣ ѣдятъ блины.

У Катры постоянно пріѣзжіе гости. Особенная атмосфера тамъ,—пряная и слегка пьянящая. Чувствуется всеобщая тайная влюбленность въ Катру. Я нѣсколько разъ былъ у нея. Тамъ говорятъ о томъ, что̀ мнѣ теперь такъ важно.

Но мало дастъ.

Говорятъ, что міръ плохъ, нужно его въ своей головѣ сотворить другимъ, заслонить жизнь измышленною красотою. Что

смыслъ жизни откроется людямъ въ какихъ-то вакхическихъ хороводахъ. Объ искусствѣ говорятъ такъ, какъ мы говоримъ о борьбѣ. Много о Богѣ говорятъ, очень умно и красиво. Но не чувствуется того смятеннаго трепета, который я чую въ Машѣ. И понимаю я, что, разъ побывавъ тутъ, Маша грустно ушла и больше не бывала. Не Богъ у нихъ, а «Бо-огъ». Не огонь души, а гимнастика для ума. Величественный на видъ, но удивительно покладистый и нетребовательный.

А сегодня читалъ свою странную драму Ивашкевичъ.

Я смѣялся про себя необычнымъ образамъ и оборотамъ, непонятнымъ разговорамъ, какъ будто записаннымъ въ сумасшедшемъ домѣ. Не дурачитъ ли онъ всѣхъ насъ пародіей?.. И вдругъ медленно и увѣренно въ непривычныхъ формахъ зашевелилось что-то чистое, глубокое, неожиданно-свѣтлое. Оно ширилось и свободно развертывалось, божественно-блаженное отъ своего возникновенія. Свѣтлая задумчивость была въ душѣ и грусть,—сколько въ мірѣ красоты, и какъ немногимъ она раскрываетъ себя...

Онъ кончилъ, взволнованно ждалъ сужденій. Быстро вышелъ безъ цѣли въ столовую, опять воротился и непрерывно курилъ. Пряча самолюбіе, впился въ заговорившаго глазами, приготовившимися къ отрицающей оцѣнкѣ.

И ребячески-суетною радостью загорѣлись настороженные глаза отъ похвалъ. Губы неудержимо закручивались въ самодовольную улыбку, лицо сразу стало глупымъ. Я вглядывался: мелкій, тщеславный человѣкъ; а глубоко внутри, тамъ строго свѣтится у него что-то большое, серьезное; широко живетъ собою,—такое безучастное къ тому, что̀ скажутъ. Таинственная, завидно-огромная жизнь. Ужасъ міра и зло, скука и пошлость,—все перерабатывается и претворяется въ красоту.

Какая ошибка! Я искалъ отвѣта на свой вопросъ у мыслителей, у творцовъ. Что̀ я могъ у нихъ найти?

Благоухающіе цвѣты человѣчества ищутъ смысла жизни и дѣлаютъ открытіе: смыслъ въ томъ, чтобъ благоухать. А крапива, репей, бурьянъ поучаются, вздыхаютъ и повторяютъ: «да, наше призваніе—благоухать!». Орлы рвутъ ураганъ стальными крыльями и кричатъ сверху: «жизнь въ томъ, чтобъ бороться съ грозами!». А козявки цѣпляются за бьющіеся подъ вѣтромъ листья и пищатъ: «да, жизнь въ борьбѣ съ грозами!».

Мнѣ нѣтъ дѣла до орловъ и цвѣтовъ человѣчества. Борцы, подвижники, творцы, они всегда жили и будутъ жить, — въ исканіяхъ и мукахъ, въ восторгѣ побѣдъ и трагизмѣ пораженій. А эти вотъ,—сѣренькіе, маленькіе? Этотъ бурьянъ чело-

вѣческій? Вѣдь здѣсь-то именно и нужно знать, для чего жизнь. Всѣ люди живутъ. И для всѣхъ должно быть что-то общее. Не можетъ смыслъ жизни разныхъ людей быть несоизмѣримымъ.

Эти, вотъ эти,—сѣрые, безцвѣтные. Съ какой стороны къ нимъ подойти? Если они живутъ и довольны жизнью, меня злость беретъ и негодованіе. Хочется толкать ихъ, трясти, чтобъ они очнулись и взглянули кругомъ: вы не живете, вы обманываете себя жизнью! А очнутся, взглянутъ,—вотъ Алеша. И охватываетъ ужасъ. И кричитъ душа, что есть, есть и должно быть что-то для всѣхъ.

Но что,—я не знаю. Строго, пристально вглядываюсь я въ себя. Чѣмъ я живу? И честный отвѣтъ только одинъ: не хочу быть и никогда не стану человѣческимъ бурьяномъ. Стану Розановымъ, Лассалемъ. Иначе не понимаю жизни... Собраніе враговъ волнуется и бушуетъ, предсѣдатель говоритъ: «Господа, дайте же г. Чердынцеву возможность оправдаться!». И съ гордымъ удивленіемъ орла среди галокъ я въ отвѣтъ, какъ Лассаль: «Оправдаться?.. Я пришелъ сюда *учить* васъ, а не оправдываться!»

Царственная, увѣренная въ себѣ сила, неотвратимо покоряющая людей и жизнь. Трепетъ враговъ при одномъ моемъ имени. Глаза дѣвушекъ, съ сіяющимъ восторгомъ устремленные на меня.

И можетъ-быть... Я все больше начинаю подозрѣвать,—можетъ-быть, ничего этого не будетъ. Я тоже бурьянъ. Когда Ивашкевичъ читалъ свою драму и я, всей душой противясь, невольно покорялся вставшей красотѣ,—я почувствовалъ себя передъ нимъ такимъ мелкимъ и плоскимъ. А вчера,—ну, ужъ разскажу и это,—вчера у Будиновскихъ меня срѣзали позорно, какъ мальчишку.

Былъ споръ о недавнихъ событіяхъ. Я привелъ слова Маркса, что въ іюньскіе дни въ Парижѣ былъ разбитъ не пролетаріатъ, а была разбита его вѣра въ буржуазію. И Шевелевъ—кадетъ!—съ вѣжливою улыбкою, даже бережно какъ-то, возразилъ, что не помнитъ такихъ словъ у Маркса; если же они и есть, то согласиться съ ними трудно: въ лучшемъ случаѣ тогда были разбиты *и* пролетаріатъ *и* его вѣра въ буржуазію. Я почувствовалъ, что краснѣю: я не могъ, я не могъ увѣренно сказать, говорилъ ли что подобное Марксъ, или это я сейчасъ самъ придумалъ въ расчетѣ на незнакомство противника съ Марксомъ. И на возраженіе его я не умѣлъ отвѣтить. А Шевелевъ не счелъ нужнымъ закрѣплять свою побѣду и съ тою же вѣжливою, бережною улыбкою искусно затушевалъ мою растерянность.

Сидѣлъ я на крылечкѣ двора. По обледяпѣлой тропинкѣ, подъ веревками съ развѣшаннымъ бѣльемъ, катался на одномъ конькѣ Гаврикъ, братишка Прасковьи. Осня надрала ему вихры,—всѣ тесемки на бѣльѣ онъ завязалъ узлами, и такъ онѣ замерзли. Онъ катался,—худой, съ остренькимъ, вынюхивающимъ носомъ, и плутовскіе глаза выглядывали, гдѣ бы опять наколобродить.

Изъ-подъ крылечка Гольтяковыхъ вылѣзъ на изуродованныхъ ногахъ худой, облѣзлый щенокъ Волчокъ. Съ мѣсяцъ назадъ пьяный Гольтяковъ, когда Прасковья убѣжала отъ него, со злобы вывернулъ щенку всѣ четыре ноги и забросилъ его въ снѣгъ на крышу сарая.

Волчокъ ковылялъ и повизгивалъ, сѣрая шерсть вихрами торчала на ввалившихся ребрахъ. Но глаза смотрѣли весело и дѣтски-довѣрчиво. Онъ вилялъ хвостомъ. Подошелъ къ сугробу у помойки, сталъ взрывать носомъ снѣгъ. Откопалъ бумажку, задорно бросился на нее, началъ теребить. Откинется, смотритъ съ приглядывающеюся усмѣшкою, поднявъ свисающее ухо,—заластъ и опять накинется на бумажку.

— Волчокъ!

Онъ повернулся ко мнѣ, а лапою прижималъ къ снѣгу бумажку. Задорно-приглядывающіеся глаза смотрѣли на меня, и въ нихъ читалось, что жизнь—это очень веселая и препотѣшная штука.

Съ улицы дѣловито забѣжалъ на дворъ большой, мрачный песъ и сталъ обнюхивать сугробъ у воротъ. Волчокъ, ковыляя и махая хвостомъ, кинулся къ нему, хотѣлъ шутливо куснуть его. Песъ хрипло огрызнулся и быстро хватилъ его зубами. Волчокъ завизжалъ и покатился въ снѣгъ.

Я крикнулъ на пса, онъ убѣжалъ. Гаврикъ смотрѣлъ — и вдругъ изо всей силы пхнулъ конькомъ визжавшаго щенка.

— Гаврикъ, ну какъ же тебѣ не стыдно! Собака его укусила, а ты на него же!

Волчокъ спасался къ себѣ подъ крыльцо. Гаврикъ въ негодованіи смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Пускай не резонится, что я, такая, кусаюсь... Букашка этакая!..

Черезъ десять минутъ опять вылѣзъ Волчокъ изъ-подъ крыльца. И опять въ его приглядывающихся глазахъ была та же веселая усмѣшка.

Я пришелъ за Дядей-Бѣлымъ. Онъ живетъ въ Собачьей слободкѣ. Кособокіе домики лѣпятся другъ къ другу безъ улицъ, слободка кажется кладбищемъ съ развороченными мо-

гилами. Вяло бѣгаютъ ребята съ прозрачными лицами. Въ воздухѣ виситъ каменноугольный дымъ отъ фабрикъ.

Дяди-Бѣлаго еще не было. Въ тѣсной каморкѣ возилась у печки его беременная жена, Марья Егоровна. Трое ребятъ всѣ лежали въ кори. Нечѣмъ было дышать. Отъ одиночной двери несло снаружи холодомъ.

Мы сидѣли съ Марьей Егоровной у столика. Щеки ея осунулись, натянулась кожа на скулахъ; но глаза, прислушиваясь, спрашивали о чемъ-то невѣдомомъ. Такъ смотрятъ глаза у дѣвушекъ-курсистокъ, у молодыхъ работницъ.

Она разсказывала:

— Это вѣдь ужъ четвертый ребенокъ будетъ, что же это?.. Какъ цѣпь какая тянется. Я, когда почуяла, всю ночь проплакала. Утромъ набралась духу, говорю ему... А онъ... Вдругъ вижу,—вся его рожа такъ и просіяла! Есть съ чего, подумаешь! Вы только представьте себѣ,—сіяетъ, какъ будто я ему невѣсть какой подарокъ объявила. Потираетъ руки, ухмыляется. Поглядѣла я на его рожу глупую—и тоже засмѣялась. Сидимъ, какъ дураки, смотримъ другъ на друга и смѣемся...

Она улыбнулась воспоминанію, покраснѣла. Изнутри идущая радость засвѣтилась въ глазахъ.

— Ну, хорошо. А все-таки... — Марья Егоровна задумалась.—Четвертый родится, что же потомъ? Потомъ — пятый...

Глаза широко раскрылись, обтянутыя скулы выдались сильнѣе.

— А потомъ... Что же это? Потомъ — шесто-ой?..

Пришелъ Дядя-Бѣлый.

— Запоздалъ я. Идемъ?

— Да, нужно торопиться.

— Такъ идемте. Егорка, прощай!

Онъ потрепалъ по шелушащейся щекѣ исхудалаго мальчика съ боязливыми красными глазами.

— Вотъ, какъ въ котлѣ всѣ кипятъ... Изъ болѣзни въ болѣзнь. Только-что коклюшъ перенесли, корь напала... — Съ своею медленною улыбкою онъ добавилъ:—Зато, какіе выживутъ, закаленные будутъ люди.

Мы вышли. Изголодавшіяся легкія жадно вдыхали свѣжій воздухъ.

— Очень мало вы теперь зарабатываете?

— Мало... Расцѣнки понижаютъ. Что осенью у хозяевъ отвоевали, все теперь отбираютъ назадъ. Каждую недѣлю народъ разсчитываютъ.

— Тяжело жить?

Съ блѣдною улыбкою онъ отвѣтилъ:

— Тяжело.

Смотрѣлъ я на него: и никогда-то онъ не горитъ; всегда спокоенъ, ясенъ; упорно и безъ порыва смотритъ въ будущее. Нужно, — съ холодною отвагою броситься въ огонь. Не нужно,—съ вѣрою ждать будетъ годы.

Мы молча шли. Я украдкою приглядывался къ нему.

— Да, въ будущемъ всѣмъ будетъ хорошо. А все-таки... Семенъ Иваповичъ! Теперь-то,—зачѣмъ теперь жить?

Дядя-Бѣлый съ недоумѣніемъ взглянулъ на меня.

Я упорно говорилъ:

— Ну, что кому до того, что въ будущемъ будетъ хорошо? Вѣдь кругомъ-то отъ этого не легче. А живутъ для чего-то... Зачѣмъ?—Я повелъ кругомъ рукою.

Дядя-Бѣлый поднялъ брови. Лукавое что-то и хитрое мелькнуло въ его наивно-чистыхъ глазахъ.

— Да, норы собачьи... — Онъ оглядѣлся вокругъ, улыбнулся.—Тяжело, невозможно жить. А мы-то все-таки живы!... Вотъ. Можетъ, черезъ мѣсяцъ всѣ съ голоду подохнемъ. На ниточкѣ висимъ, вотъ-вотъ сейчасъ оборвемся, — а мы живы! Въ вонючихъ своихъ углахъ, подъ грязными одѣялами ситцевыми,—а мы живы!

Я остановился и молча смотрѣлъ на него. Онъ все улыбался.

Крутился Волчокъ на изуродованныхъ ногахъ. Смотрятъ съ безкровнаго лица дико-испуганные, мучительные глаза Прасковьи. Радостно краснѣетъ осунувшееся лицо Марьи Егоровны. Дядя-Бѣлый лукаво улыбается. И одинъ крикъ несется,—вызывающій, мистически-непонятный:

— А мы живы! А мы живы!

Свиваются всѣ въ одинъ сѣрый клубокъ, втягивается въ него вся жизнь кругомъ. Вьется, крутится, — вся непріемлемая, непонятная,—и, смѣясь надъ чѣмъ-то, выкрикиваетъ на разные голоса:

— А мы живы! А мы живы!

Какое-то въ этомъ самоосворбленіе жизни. Слѣпота какая-то, остатокъ умирающаго недоразумѣнія.

И все-таки упрямо и торжествующе звучитъ голосъ Ириарха:

«Человѣкъ живетъ для настоящаго...»

Какъ все это понять, какъ согласить?

Я жилъ. Я опьянялся бодрящими, поверхностными разгадками. Теперь мнѣ совсѣмъ ясно: я могъ такъ жить только потому, что глубоко внизу лежала другая, всеисчерпывающая

разгадка. Да, несомнѣнно, она всегда была у меня, и вотъ она: «А все-таки лучшій выходъ — взять всѣмъ людямъ да умереть. Настоящее рѣшеніе всей жизненной чепухи—смерть, и только смерть»...

И никогда я не могъ понять, какъ люди могутъ бояться смерти, какъ могутъ проклинать ее. Всегда ужасъ безсмертія былъ мнѣ болѣе понятенъ, чѣмъ ужасъ смерти. Мнѣ казалось: въ мукахъ и скукѣ жизни люди способны жить только потому, что у всѣхъ въ запасѣ есть милосердная освободительница — смерть. Чего же торопиться, когда конечное разрѣшеніе всегда подъ рукою? И всякій носитъ въ душѣ это радостное знаніе, но никто не высказываетъ ни себѣ ни другимъ, потому что есть въ душѣ залежи, которыхъ не называютъ словами.

Но вотъ Алеша взялъ да и назвалъ. И тогда меня охватилъ ужасъ. Алексѣй вырвалъ изъ мрака таинственное, неназываемое. Назвавъ, сорвалъ съ него покровы. И лежитъ оно на свѣту, — обнаженное, простое, ужасное въ своей простотѣ и невиданомъ уродствѣ. И я не могу принять его.

Не могу принять этого,—не могу принять и противоположнаго. Алеша стоитъ съ темными глазами. Дядя-Бѣлый лукаво улыбается.

Розановъ увидѣлъ у меня на столѣ «Происхожденіе трагедіи» Ницше. Онъ поднялъ брови и съ скрытою усмѣшкою протянулъ:

— Вотъ вы чѣмъ начинаете интересоваться!

Мнѣ вдругъ вздумалось спросить его. И я спросилъ.

Въ отвѣтъ звучали мертвыя, чуждыя мнѣ теперь слова, а зеленоватые глаза съ изучающимъ вниманіемъ смотрѣли на меня. И все больше въ нихъ проступало жесткое презрѣніе. Какъ будто быстро шелъ человѣкъ къ спѣшной, нужной цѣли, а другой пристаетъ къ нему: какъ это люди ходятъ? Почему? Почему мы вотъ идемъ на двухъ ногахъ и не падаемъ?

И мнѣ странно стало, зачѣмъ я его спросилъ. У него только одно: «Кто не за насъ, тотъ противъ насъ». И не надъ чѣмъ задумываться, можно только съ насмѣшкою и презрѣніемъ отмести мои вопросы въ сторону.

Но я вдругъ вспомнилъ, что Розановъ—врачъ, и какъ разъ психіатръ. Можетъ-быть, онъ что̀ посовѣтуетъ относительно Алеши. И я все разсказалъ ему про Алешу.

Розановъ сразу измѣнился. Съ горячимъ участіемъ сталъ разспрашивать, справлялся о всѣхъ подробностяхъ.

— Такъ, такъ... Это очень важно. Такъ. Дома онъ?.. Я пойду, поговорю съ нимъ.

Розановъ просидѣлъ съ Алексѣемъ болѣе часу. Его голосъ звучалъ мягко и задушевно. Алеша, по-обычному, не смотрѣлъ въ глаза, былъ взволнованъ и застѣнчивъ, держался съ странною, подчиненною почтительностью подпоручика къ генералу.

Они вышли пить чай. Маленькіе, зеленоватые глаза Розанова нѣжно и ободряюще смѣялись на Алешу, властно-увѣреннымъ голосомъ онъ говорилъ:

— Вы подержитесь съ полгода, сами тогда увидите, какая это все ерунда! А бромъ принимайте аккуратно, слышите? И обтирайтесь холодною водою.

— Обязательно, конечно! — поспѣшно отвѣчалъ Алеша, конфузясь.

Розановъ былъ доволенъ собою. Изъ подчиненной конфузливости Алеши онъ заключалъ о силѣ своего вліянія на него. А я видѣлъ, что Алеша только еще глубже спрятался въ себя.

Я провожалъ Розанова. Съ серьезнымъ лицомъ онъ ковылялъ, опираясь на палку, и говорилъ:

— Штука, въ общемъ, очень скверная. Важно тутъ не то, что онъ сейчасъ хандритъ. А вообще на всей ихъ семьѣ типическая печать вырожденія: старшій братъ—пропойца; Марья Васильевна — съ нелѣпо-неистовымъ стремленіемъ распинать себя; другой братъ, приватъ-доцентъ этотъ, отравился...

— Какъ отравился?! Евгеній Васильевичъ?

— А вы не знали? Это, впрочемъ, скрываютъ. Но въ литературныхъ кругахъ всѣмъ извѣстно, да и Марьѣ Васильевнѣ. Отравился ціанистымъ каліемъ... Вотъ эта-то гниль въ крови и опасна.

Я жадно разспрашивалъ, и въ душѣ у меня холодѣло.

Обреченный...

Внутри его—власть сильнѣе разума, отъ нея спасенія нѣтъ! Незнаемое отмѣтило его душу своимъ знакомъ, онъ рабъ и съ непонимающею покорностью идетъ, куда предназначено. А въ запискѣ своей онъ писалъ:

«Къ своему выводу я пришелъ разумомъ, неопровержимою логикою»...

И я помню его брата Евгенія. Блестящимъ молодымъ ученымъ онъ пріѣзжалъ къ Машѣ; его книга: «Міръ въ аспектѣ трагической красоты» сильно нашумѣла; въ ней черезъ край била напряженно-радостная любовь къ жизни. Самъ онъ держался самоувѣренно-важно и высокомѣрно, а въ глаза его

было тяжело смотрѣть: медленно двигающіеся, странно-свѣтлые, какъ будто пустые, — холодною, тяжелою пустотою. Два года назадъ онъ скоропостижно умеръ... Отравился, оказывается.

Невѣдомыя наукѣ измѣненія въ мозговомъ веществѣ, въ нервахъ. Оттуда измѣненія вползли въ душу, цѣпкими своими лапами охватили «свободный духъ». Алексѣй и не подозрѣваетъ предательства. Воспринимаетъ жизнь искалѣченнымъ отъ рожденія духомъ и на этомъ строитъ свое отношеніе къ жизни, ея оцѣнку.

«Гниль въ крови»... А у другихъ, у меня, — что тамъ въ крови, что въ нервахъ, что подъ разумомъ? Какъ оно мѣняетъ мое воспріятіе и оцѣнку жизни, какъ дурачитъ разумъ?

А я тоже довѣрчиво искалъ «разумомъ» — для себя и для Алеши. И надѣялся найти что-нибудь не пустяковое.

Утромъ я сидѣлъ за книгою. Потомъ пересталъ читать и задумался—безъ мыслей въ головѣ, какъ всегда, когда задумаешься. За стѣною у хозяйки торопливо пробили часы... Сколько? Я очнулся, часы кончили бить. Было досадно, — не успѣлъ сосчитать, а своихъ часовъ нѣтъ.

Не шевелясь, я осторожно придержалъ сознаніе, придержалъ память, прислушался къ себѣ. И случилось удивительное. Гдѣ-то глубоко-глубоко во мнѣ мѣрно и отчетливо повторился бой:

— Тумъ-тумъ-тумъ-тумъ-тумъ-тумъ-тумъ-тумъ!

Восемь ударовъ.

Я былъ пораженъ. Я вышелъ въ сѣни и открылъ дверь къ хозяйкѣ.

— Пелагея Ѳедоровна, который часъ?

— Сейчасъ восемь пробило.

Я воротился и взволнованно остановился у окна. Глубоко внутри все слышался этотъ отдѣльный, независимый отъ меня бой:

— Тумъ-тумъ-тумъ...

Тамъ, глубоко подъ сознаніемъ, есть что-то свое, отдѣльное отъ меня. Оно вспоминаетъ, пренебрежительно отбрасывая мою память... Я сейчасъ читалъ книгу, думалъ надъ нею, все понималъ. А теперь почувствовалъ, что все время внизу, подъ сознаніемъ, тяжело думалось что-то свое, независимое отъ книги, думалось не словами и даже не мыслями, а такъ какъ-то. И потомъ, когда я задумался безъ мыслей, тамъ все продолжалась та же сосредоточенная работа.

— Тумъ-тумъ-тумъ-тумъ... — звучало въ душѣ что-то слѣпое и живое.

Какъ будто въ гладкомъ полу освѣщенной залы открылся люкъ, и ступеньки шли внизъ, — тумъ-тумъ-тумъ! — и я спускался все глубже, и въ смятеніи вглядывался въ просторную темноту, полную живой тайны.

Алеша въ своей комнатѣ обливался холодною водою, потомъ внесъ ко мнѣ самоваръ. Мы сѣли пить чай. Не глядя мнѣ въ глаза, дѣлано-веселымъ голосомъ онъ разсказывалъ что-то про хозяйку и Ѳеню. А я украдкою вглядывался въ его осунувшееся лицо, въ низкій, отлогій лобъ...

«Онъ къ своему выводу пришелъ *разумомъ*, *разумомъ*»...

Зашла Маша. Кроткими своими глазами, въ которыхъ глубоко былъ запрятанъ болѣзненный ужасъ, она радостно смотрѣла на Алешу и говорила быстро-быстро, сыпля и обрывая слова. Знаю теперь, отчего этотъ ужасъ...

Я для разговора спросилъ Машу:

— Мнѣ говорили, ты отказалась отъ урока у Саюшкиныхъ?

Она вдругъ оборвала себя, замолчала и стала смотрѣть въ уголъ.

— Да... все равно...

— Отчего ты отказалась?

— Ну, все равно... Такъ... Это не важно...—Она покраснѣла и страдальчески наморщилась. — Я вообще уроковъ музыки больше не буду давать.

— Почему?

На ея чистомъ лбу появилась жалкая, упрямая складка.

— Господа, это безполезно... Это, все равно, безполезно... Вы будете спорить, а все равно, меня не убѣдите... Я... не имѣю права давать уроковъ музыки...

Мы съ изумленіемъ слушали: на-дняхъ она при Катрѣ играла Шопена, и Катра мелькомъ сказала, что въ ея музыкѣ нѣтъ души. Маша два дня мучилась, думала и рѣшила: если это такъ, то она не имѣетъ права обманывать непонимающихъ и брать деньги за преподаваніе музыки.

Маша доказывала это, волнуясь и торопясь, и противъ воли въ ея голосѣ зазвучали слезы отчаянія: она теряла почти всѣ свои заработки.

Алеша спорилъ, возмущался.

— Это ерунда, но если это даже такъ?.. Подумаешь! Этимъ купеческимъ дочкамъ вѣдь только и нужно выучиться играть на-д'эспань и матчишъ... При чемъ тутъ душа!

— Ну, все равно... Алеша, оставь, не надо... Я не найду, что возразить, мнѣ это будетъ тяжело, а все-таки я останусь при своемъ...

Я молчалъ и смотрѣлъ. Къ чему она ни подойдетъ, она

изъ всего извлекаетъ для себя страданіе. Остается только наморщиться, прикусить губу и смотрѣть на ея лучистые, живущіе страданіемъ глаза, и понять, что иначе для нея не можетъ быть.

Они спорили. Слова крутились, сталкивались и безсильно падали. Я пристально смотрѣлъ на лица. Пусть спорятъ, о чемъ хотятъ, пусть спорятъ о самомъ важномъ. Пусть говорятъ другъ другу слова о жизни, о Богѣ, — она, отрывающаяся отъ земли, и онъ, уходящій въ землю. Къ чему тутъ слова и споры?

И пусть еще явятся люди, и пусть всѣ спорятъ, — Розановъ, Катра, Окорокова. Мнѣ представлялось: Розановъ убѣдилъ Машу, — и ея глаза засвѣтились хищнымъ пламенемъ, она познала смыслъ жизни въ борьбѣ, она радуется, нанося и получая удары. И мнѣ представлялось,—Маша убѣдила Розанова: онъ въ молитвенномъ экстазѣ упалъ на колѣни, простеръ руки къ небу и своимъ свободнымъ духомъ узрѣлъ невидимый, таинственно-яркій свѣтъ сверхчувственнаго...

Да, да! Отчего же это невозможно? Хотѣлось смѣяться. Отчего это невозможно? Вѣдь одними и тѣми же законами живетъ разумъ, — строгій, безстрастный, самъ себя направляющій...

— Тумъ-тумъ-тумъ...—шли звучащія ступеньки въ темную глубину.

Спорятъ. А въ глубинѣ души у каждаго лежитъ, клубкомъ свернувшись въ темнотѣ, безформенный хозяинъ; какъ будто спитъ и не слышитъ стучащихся снаружи словъ и мыслей.

Ирнарха дома не было, были только старики. Славно у нихъ всегда,—бѣдно, но уютно и оживленно, хочется чему-то улыбаться. Въ уголкѣ сидитъ молчаливый Илья Ильичъ и куритъ. Шумитъ старенькій, ярко вычищенный самоваръ. Анна Ивановна сыплетъ словами, и лицо у нея такое, какъ будто она сейчасъ радостно ахнетъ чему-то. И свѣтлые голубенькіе обои съ бѣлыми цвѣточками.

Сидѣла въ гостяхъ Юлія Ипполитовна, вѣчно больная тетка Маши. На губы она нацѣпила улыбку, а холодно-злые глаза смотрѣли по-всегдашнему обиженно. Анна Ивановна разсказывала про какую-то знакомую.

— Двѣ недѣли цѣлыхъ мучится. Кричитъ безъ перерыву. Морфій впрыскиваютъ, ничего не помогаетъ. У меня до сихъ поръ въ ушахъ стоитъ ея крикъ... Какъ мучится человѣкъ!.. Вчера ухожу отъ нея,—она поманила, я наклонилась. Шепчетъ мнѣ въ ухо: «Анна Ивановна, милая! Попросите

доктора, — пусть онъ меня отравитъ. Нѣтъ моихъ силъ терпѣть!..»

Ея голосъ задрожалъ, и легко выступающія слезинки заблестѣли на глазахъ. Юлія Ипполитовна думала о себѣ, она забыла держать на губахъ улыбку и измученно сказала:

— Господи, Господи, зачѣмъ столько страданій дано человѣку? Пускай бы умереть,—я всегда говорю: что въ смерти страшнаго? Но только бы безъ страданій.

Анна Ивановна на секунду задумалась, какъ будто споткнулась, и одушевленно заговорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, Юлія Ипполитовна! Нѣтъ! А по-моему, ужъ лучше пусть страданія. Какія угодно страданія, только бы жить! Только бы жить! Умрешь,—Господи, ничего не будешь видѣть! Хоть всю жизнь готова вопить отъ боли, только бы жить!—Она засмѣялась.—Нѣтъ, и думать не хочу о смерти! Такъ непріятно!

Илья Ильичъ курилъ въ сторонкѣ, слушалъ и игралъ бровями. Беззвучно смѣясь, онъ наклонился ко мнѣ.

— А мнѣ это все равно, совсѣмъ спокойно слушаю! До меня это дѣло не касается!

— Что не касается?

— Вотъ, о смерти эти разговоры. Я не вѣрю, что умру.

Юлія Ипполитовна посмотрѣла на него со своею внѣшнею улыбкою.

— То-есть какъ не вѣрите?

— Такъ-съ, не вѣрю! Какъ это можетъ быть? Что всѣ другіе умрутъ, — я понимаю, а что я? Не можетъ этого быть... Знаю, что умру, а не вѣрю.

Пришелъ Иринархъ съ братьями-гимназистами. Они бѣгали на пожаръ.

— Ну что? Ну что?

— Да ничего не было! Просто, изъ трубы выкинуло.

Иринархъ смѣялся и теръ озябшія руки.

— Полное, всеобщее разочарованіе!.. Бѣгутъ всѣ, толпятся, напираютъ. Ужъ личности какія-то появились, подсолнухи продаютъ, сбитень... Жадно всѣ суются впередъ, ворочаютъ головами.—«Гдѣ, гдѣ горитъ?»—Городовой стоитъ, осаживаетъ публику. Претъ какой-то въ широкихъ штанахъ. — «Куда, эй?»—«Да я вотъ только сюда».—«А въ морду не желаешь получить?»—«Въ морду?»—Подумалъ, почесалъ, въ затылкѣ.—«Нѣтъ, чтой-то сейчасъ не хочется...»—«Да гдѣ же горитъ-то?..» Два пожарныхъ по крышѣ ходятъ... Ждала, ждала публика. Ужъ пожарные уѣхали. Все стоятъ, прижидаются: «а можетъ-быть!..»

Юлія Ипполитовна снисходительно замѣтила:

— Толпа ужасно падка на такія зрѣлища.

— Я и самъ падокъ! Мнѣ кажется, изъ меня могъ бы выработаться профессіональный зѣвака. Какъ интересно! Ухъ, люблю пожары! Пламя шипитъ, люди борются, публика глазѣетъ!

Анна Ивановна замахала на него руками.

— А ну тебя! Есть что любить! А я ужасно боюсь... Батюшки, да что же это я? Вы всѣ убѣжали, а наверху, должно-быть, свѣтъ остался... Захарушка, пойди, посмотри, что тамъ наверху горитъ?

Захаръ пошелъ, воротился и торжественно доложилъ:

— Двѣ лампы и одна штора.

Анна Ивановна ринулась наверхъ. Всѣ захохотали.

— Дуракъ! Какъ ты смѣешь? Я тебѣ мать, а ты надо мною шутки шутить?

— «Мать»... Ты до ста лѣтъ будешь жить, а все будешь мать?

Анна Ивановна хотѣла еще больше разсердиться, но разсмѣялась.

— Вы знаете, это тутъ рядомъ въ богадѣльнѣ двѣ старушки, мать и дочь. Одной девяносто лѣтъ, другой семьдесятъ. Дочь начнетъ мать ругать, та ей: «Ты бы постыдилась, вѣдь я тебѣ мать».—«Да-а, мать! Вы до ста лѣтъ будете жить, а все будете мать?»

Иринархъ, не слушая, пилъ чай и говорилъ:

— Эта потребность возбужденія, возбужденія! Горчицы, перцу, чтобъ ротъ обжигало... На-днихъ какъ-то взяла меня тоска, пошелъ я пройтись. Балаганчикъ, надпись: «Визоріумъ изъ Парижа». Зашелъ. Восковыя фигуры во фронтъ съ выпученными глазами,—Бисмаркъ, президентъ Крюгеръ, Момзенъ... «Разбойница Милла, наводившая *панъку* (черезъ *ять*) *не только на людей, но и на правительство*»... И какъ полиція позволила!.. «Штейнъ, для личной выгоды убившій адскою машиною двѣсти человѣкъ»... И тутъ же эта адская машина,—ящичекъ какой-то изъ-подъ стеариновыхъ свѣчей, скобочки ни къ чему ненужныя, винты, гайки,—подлинная! И совсѣмъ цѣленькая! «Любимая жена марокканскаго султана»,—глаза открываются и закрываются, грудь дышитъ: турръ-турръ!.. турръ-турръ!.. Подходитъ рябой мужчина съ двумя другими. «А гдѣ тутъ болѣзни показываютъ?»—«Не знаю... Да нѣту тутъ».—«Е-есть! Какъ нѣту? Должны быть!» Полѣзъ подъ какую-то рогожу, его оттуда турнули... Ужъ требуется болѣе острое ощущеніе! Разбойница Милла и жена

марокканскаго султана пріѣлись!.. Вышелъ я, всю дорогу хохоталъ...

Въ жестахъ Иринарха, въ ворочаніи глазъ, въ интонаціяхъ голоса живьемъ вставало то, о чемъ онъ разсказывалъ, и всѣ видѣли жизнь сквозь наблюдающе-смѣющуюся, все глотающую душу Иринарха.

Стоялъ смѣхъ. Гимназисты острили. Была та уютная, радующаяся жизни, поверхностная веселость, какою полны всѣ они. Анна Ивановна снова и снова наливала Иринарху чай. Иринархъ жадно пилъ и жадно говорилъ:

— Послѣ обѣда сегодня шатался я по городу. Лампадки въ воротахъ Кремля. Узкія улицы, пахнетъ мятою и пеклеванками, мужики у лабазовъ. Каменные купеческіе дома, бѣлые, съ маленькими окнами, какъ бойницы. И соборъ. Кажется, Гёте сказалъ, что архитектура есть окаменѣвшая музыка. Въ такомъ случаѣ нашъ соборъ есть окаменѣвшій вой: такъ ровно, прямо,—ууу!.. (Онъ медленно повелъ ладонями вверхъ). И вдругъ—стой:—купола! Широкія луковицы—и коротенькіе, узенькіе хвостики къ небу. Дескать, тамъ, наверху, много дѣлать нечего. Не то, что въ готикѣ. Сколько тамъ порыва къ небу. Дунь на миланскій соборъ,—онъ полетитъ на воздухъ. А въ нашихъ куполахъ сколько тяжелой массы, сколько земли! Выть — вой, а все-таки цѣпляйся за-земь. И этотъ соборъ нашъ прекраснъ, всегда скажу! Почему? Потому что онъ на своемъ мѣстѣ, выражаетъ свою сущность. А въ мірѣ все прекрасно, если оно проявляется изъ себя, если не косится по сторонамъ...

Саша серьезно спросилъ:

— Ира, ты ужъ сто стакановъ выпилъ?

— Сто, сто,—разсѣянно отвѣтилъ Иринархъ.

— Что ты врешь?—возразилъ Захаръ.—Двѣсти пятьдесятъ, я же считалъ... Ира, вѣдь двѣсти пятьдесятъ?

— Двѣсти пятьдесятъ, да.

Всѣ хохотали. Иринархъ кротко оглядѣлся.

— Я не разслышалъ, что вы меня спрашивали. — И продолжалъ говорить: — Кругомъ одна громадная, сплошная симфонія жизни. Могучіе перекаты смѣняются еле слышными біеніями, большіе размахи переходятъ въ маленькіе, благословенія обрываются проклятіями, но, пока есть жизнь, есть и музыка жизни. А она прекрасна и въ гармоніи и въ диссонансахъ, черезъ то и другое одинаково прозрѣвается радостная первооснова жизни...

Иринархъ помолчалъ и задумчиво прибавилъ:

— Тепло становится въ головѣ, когда мысли эти прихлынутъ

Кипѣлъ самоваръ. Весело улыбались голубенькіе обои съ бѣлыми цвѣточками. Анна Ивановна умиленно слушала, хоть мало понимала, и въ ея полномъ, кругломъ лицѣ удивительное было сходство съ бородатымъ, продолговатымъ лицомъ Иринарха. На меня нашло странное настроеніе. Я смотрѣлъ,— и мнѣ казалось: одно и то же существо то вдругъ расплывается въ круглую женскую фигуру, то худѣетъ, вытягивается, обрастаетъ бородою и говоритъ о симфоніи жизни... Потомъ вдругъ перекинется старенькимъ, ярко вычищеннымъ самоваромъ и весело бурлитъ про какую-то бездумную радость. Молчаливо скользнетъ голубымъ свѣтомъ по стѣнамъ. И вотъ опять сидитъ съ бородою, съ крутымъ, нависшимъ лбомъ, въ тихомъ восторгѣ вслушивается въ себя и говоритъ умныя слова о жизни.

Ну да! Вѣдь въ этомъ же все и дѣло. Что̀ мысли Иринарха сами по себѣ? Дѣло вотъ въ этомъ неуловимомъ, что̀ здѣсь разлито кругомъ, что̀ у всѣхъ у нихъ въ душахъ. Иринархъ нечаянно позналъ самого себя, нащупалъ умомъ точку, съ которой они здѣсь принимаютъ жизнь. Вотъ отчего онъ и живетъ въ такомъ непрерывномъ, непонятномъ со стороны восторгѣ. Это восторгъ отъ открытой истины. И онъ вправду открылъ истину,—для себя, для этого вотъ дома на Съѣзженской улицѣ въ городѣ Томилинскѣ. Открылъ свою истину. И свою-то истину, пожалуй, открылъ не цѣликомъ,—не можетъ же даже его истина быть такою смѣющеюся. А онъ радъ, и думаетъ, что нашелъ истину вообще, для всѣхъ людей: убѣжденъ, что даже Юлія Ипполитовна, съ ея брезгливыми къ жизни глазами, должна бы только постараться *понять*...

И такъ для всѣхъ. Да, такъ для всѣхъ. Каждый спустись въ глубь своей души и ищи тамъ свою истину. И только для тебя она и годна. Но что̀ же это? Искать и рѣшать, каковъ параллаксъ Сиріуса, каковы электрическія свойства нерва, — это мы можемъ всѣ вмѣстѣ. А зачѣмъ жизнь, въ чемъ она,— это рѣшай каждый, запершись въ себѣ?

Если я стану самостоятельно искать разумомъ,—это будутъ построенія, годныя для книги, для кабинета, для спора, но не для жизни. Если я познаю то, что̀ во мнѣ, — это годится только для меня. И тамъ нѣтъ ничего для Алеши. Мы, живущіе рядомъ, чужды другъ другу и одиноки. Общее у насъ— только параллаксъ Сиріуса и подобный же вздоръ.

Но что̀ же тамъ у меня? Тамъ, въ этой таинственной, недоступной мнѣ глубинѣ? Я не знаю, не вижу въ темнотѣ, я только чувствую,— тамъ власть надо мною, тамъ истина для

моей жизни. Все остальное напосно, безсильно надо мною и лживо. Какъ та «дума лютая»,—я пѣлъ про нее, вкладывалъ въ нее столько задушевной тоски, а самой-то «думы лютой» никакой во мнѣ и не было.

Что же тамъ у меня?

Я чувствую трепетъ, я вижу сквозь темноту, — въ глубинѣ моей души лежитъ невѣдомый мнѣ хозяинъ. Онъ все время тамъ лежалъ, но только теперь я въ смятеніи начинаю чуять его. Что онъ тамъ въ моей душѣ дѣлаетъ, я не знаю... И не хочу я его! Я раньше посмотрю, принимаю ли я ту истину, которую онъ въ меня вложилъ. Но на что же мнѣ опереться противъ него?

— Костя, что съ Алешей? Онъ такъ страшно измѣнился! У него какая-то темнота въ глазахъ... Что съ нимъ?

Маша жадно смотрѣла на меня, въ ея глазахъ замеръ ужасъ. Душою своею она видѣла, какъ неотвратимо надвигается что-то, чего другіе не видятъ. Я успокаивалъ ее. У нея лились слезы, она быстро бормотала, какъ будто молилась про себя:

— Если бы онъ повѣрилъ!.. Если бы онъ повѣрилъ!..

— Маша, Маша! Развѣ это такъ просто? Что для этого нужно?

— Это такъ легко,—если бы вы знали!.. Нужно только въ себя слушать... Въ себя смотрѣть... Вы слишкомъ смотрите наружу, отъ этого и все...

Такъ мнѣ это теперь странно! Какъ всѣ легко заключаютъ отъ себя къ другимъ...

Маша говорила:

— Я это только ему разсказала. И тебѣ разскажу, ты не будешь смѣяться... Ты вѣдь знаешь, какая я была раньше. Цѣлыя ночи плакала отъ тоски, никакое лѣченіе не помогало... Разъ я читала жизнь Франциска Ассизскаго. Какъ онъ радостно и солнечно жилъ Христомъ и всѣмъ міромъ. Я легла, задумалась. Отчего я такая черствая и темная душой? Отчего для меня ужасенъ міръ? И я такъ никогда не испытывала,— я вся сжалась въ одну молитву. И вдругъ въ комнату вошелъ Христосъ. Я не видѣла Его лица, ничего не видѣла. Но все во мнѣ затрепетало. Онъ медленно приблизился, медленно вошелъ въ меня, — и я почувствовала, что все во мнѣ тихо, свѣтло и твердо, и что теперь всѣ ужасы навсегда кончились... Потомъ мнѣ разсказывала тетя Юля. Она вошла въ комнату, подумала, я умираю. Бросилась ко мнѣ. Я вся свѣтилась.— «Что съ тобой, Маша?» Я встала, обняла ее и заплакала.

Было это глухою ночью, передъ разсвѣтомъ. Я стоялъ на пустынной улицѣ передъ высокимъ, молчаливымъ трехъэтажнымъ домомъ. Вдругъ съ его фасада безшумно взвилось подъ крышу огромное, сплошное жалюзи. Ярко сверкнули ряды освѣщенныхъ оконъ, въ домѣ шумѣли и кричали. Изъ окна верхняго этажа внизъ головою полетѣлъ на мостовую человѣкъ, слѣдомъ за нимъ упалъ тяжелый письменный столъ. Изъ окна нижняго этажа тоже вылетѣло человѣческое тѣло и тяжело ударилось о мостовую. Въ окнахъ появились пьяные офицеры въ разстегнутыхъ сюртукахъ и угрожающе крикнули:

— Мы сейчасъ будемъ стрѣлять!

Жалюзи быстро и безшумно опустилось, въ домѣ все смолкло, погасло, и изъ-за жалюзи затрещали частые выстрѣлы. Всѣ побѣжали, а я прилегъ за угломъ и выглядывалъ на пустынную улицу, по которой свистали пули.

Потомъ что-то я дѣлалъ дома вмѣстѣ съ людьми, которыхъ нельзя было различить. Въ окна залетали пули. Было очень жарко, кажется, кругомъ все горѣло. По изразцамъ печи, въ пазухахъ комода и стола дрожали какіе-то свѣтлые, жаркіе налеты, и странно было: дунешь, — налетъ слетитъ, но сейчасъ же опять начинаетъ свѣтиться и дрожать. Алеша, съ прикушеннымъ, распухшимъ языкомъ, жался въ темный уголъ и притворялся, что не видитъ меня.

И я вышелъ къ перекрестку, гдѣ стояли извозчики, сталъ нанимать сани, но извозчики только смѣялись надо мною. Тогда, уже не собираясь ѣхать, я сѣлъ въ сани самаго задняго извозчика, онъ мнѣ что-то сказалъ, я кротко возразилъ, и вдругъ онъ, не торгуясь, поѣхалъ. Насъ обгоняли на тройкахъ пьяные офицеры изъ дома съ завѣшеннымъ фасадомъ. Я боялся: вдругъ они замѣтятъ меня на темномъ извозчикѣ и зарубятъ шашками.

Лучше ужъ проснуться!

Но я ѣхалъ не одинъ. Рядомъ сидѣла Катра. Скорбная, она смотрѣла на меня огромными страдающими глазами и умоляюще шептала что-то, и меня охватывала безконечная тоска. И вдругъ оказалось, что она полураздѣта, мы кутаемся вмѣстѣ въ пушистую, теплую шубу, ко мнѣ невинно прижимается дѣвичья грудь подъ тонкой рубашкой. Я знаю, ей теперь не уйти, и тайная, жестокая радость закипаетъ въ душѣ. Никто объ этомъ не узнаетъ, и она боится офицеровъ. Прячась отъ себя, я обнимаю ее; подъ безстыдною рукою—горячее нагое тѣло. Она выгибается; алыя, словно напившіяся крови губы озаряютъ лицо странной усмѣшкой, и безстыдные глаза пристально смотрятъ въ мои зрачки... О, я давно зналъ, что она

безстыдная! И только бы не проснуться теперь, только бы не проснуться!

Но я неловко повернулся. Она была еще здѣсь, но и не здѣсь. Ея не было. Въ пустой, высокой каморкѣ съ побѣленными стѣнами я цѣплялся за карнизъ подъ потолкомъ, а въ каморку на корточкахъ впрыгнулъ студентъ, и на головѣ онъ держалъ огромный четырехугольный коровай ситнаго хлѣба. Ужаснѣе ничего не могло быть. Студентъ, какъ тушканчикъ, прыгалъ съ короваемъ по каморкѣ и что-то бормоталъ, не видя меня; и, если бы онъ меня увидѣлъ,—кончено!.. Съ боку чернѣла въ полу четырехугольная ямка глубиною въ аршинъ; студентъ впрыгивалъ въ нее и старался изнутри закрыть отверстіе своимъ короваемъ, какъ камнемъ, — потомъ выскакивалъ и опять прыгалъ, какъ тушканчикъ. Я цѣплялся за карнизъ, подбиралъ полы пальто, чтобъ студентъ меня не задѣлъ. А онъ вдругъ остановился, снялъ съ головы коровай и, все сидя на корточкахъ, медленно сталъ поднимать голову. Онъ поднималъ, все поднималъ. Я увидѣлъ напруженное, мясистое лицо съ бородкою клинышкомъ. Маленькіе, мутные глаза взглянули изъ-подъ лба вверхъ и остановились прямо на мнѣ...

Испугъ юркнулъ въ душу.—«Пора проснуться!». Я быстро разбудилъ себя и открылъ глаза. Чуть свѣтало. Сердце билось медленными, сильными ударами. Я сѣлъ на постели и вслушивался въ туманный ужасъ въ своемъ тѣлѣ.

Въ чемъ ужасъ? Въ чемъ ужасъ?

Пьяные офицеры и выстрѣлы, Алеша и свѣтлые налеты,— все это было такъ себѣ. А ситный коровай на головѣ студента и его прыжки—это былъ ужасъ безмѣрный... Въ чемъ же онъ?

Я вглядывался, какъ выходилъ изъ тѣла мутный ужасъ и очищалъ душу. Хотѣлось оглядываться, искать его, какъ что-то чужое,—откуда онъ проползъ въ меня? Куда опять уползаетъ? Казалось мнѣ, я чувствую въ своемъ тѣлѣ тайную жизнь каждой клѣточки-властительницы, чувствую, какъ онѣ втянули въ себя мою душу и теперь медленно выпускаютъ обратно.

Ужъ было смѣшно вспоминать прыгающаго студента съ нелѣпымъ короваемъ. Смѣшно было, что вѣдь и въ жизни, наяву, онъ прыгаетъ, — такой же ничтожный и условно-ужасный. Нужно только разбудить себя, нужно понять, что ужасъ не въ немъ, а во мнѣ. Ужасъ, скука, радость ясная, — ничего нѣтъ въ мірѣ, все только во мнѣ.

И что это у меня сейчасъ было съ Катрой? Въ душѣ темно плескались безстыдныя, жестоко-сладкія воспоминанія и сожалѣнія. И мутный ужасъ, ослабѣвая, еще шевелился тамъ. А

сознаніе какъ будто выбралось на какой-то камешекъ, высоко надъ плещущей темнотой, и, подобравъ ноги, съ тупымъ любопытствомъ смотрѣло внизъ.

Нѣтъ, бояться за Алексѣя нечего. Онъ, не унывая, лѣчится. Дѣлаетъ гимнастику, гуляетъ, обливается холодною водою. Стѣны домика трясутся отъ его прыжковъ; за стѣною—плескъ воды, фырканье, топотъ, какъ будто бегемотъ борется тамъ съ какимъ-то врагомъ.

Но я ужъ не могу успокоенно воротиться къ прежнему. Что-то во мнѣ сорвалось, выскочилъ какой-то задерживающій винтикъ. Такъ у меня было разъ съ часами: треснуло что-то,— и вдругъ весь механизмъ заработалъ съ неудержною быстротою...

Я потерялъ себя. Совсѣмъ, совсѣмъ потерялъ себя, какъ иголку въ густой травѣ. Гдѣ — я? Что — я? Я чувствую, моя душа куда-то ушла. Она оторвалась отъ сознанія, ушла въ глубину, невидимыми щупальцами охватываетъ изъ темноты мой мозгъ, — мой убогій, безсильный мозгъ, неспособный ни на что живое. И тѣло мое стало для меня чуждымъ, не моимъ.

Гдѣ я, я самъ? Свободный, самопричинный? Въ томъ, что думаетъ, сознаётъ себя,—въ моемъ «разумѣ»? Но почему же всѣ самостоятельныя мысли его такъ тощи и безжизненны, почему рождаемыя имъ слова такъ сухи и ограничены? Лишь когда его захватятъ изъ темной глубины эти странныя щупальца, онъ вдругъ оживаетъ. И чѣмъ тѣснѣе охваченъ щупальцами, тѣмъ больше оживаетъ и углубляется. Мысли становятся яркими, творчески-сильными, слова свѣтятся волнующимъ смысломъ.

Значитъ, тамъ я, въ этой глубинѣ, откуда мнѣ таинственно зазвучалъ бой часовъ? Но вѣдь тамъ лежитъ темный рабъ, я это теперь ясно чувствую. Могучій Хозяинъ моего сознанія, онъ рабъ невѣдомыхъ мнѣ силъ. Неотступно силы эти стоятъ надъ нимъ, — надъ нимъ, надъ человѣчествомъ, надъ всею жизнью. И сколько этихъ силъ, — не перечесть и не учесть! Я могу возмущаться, противиться, проклинать, — все равно: мои мысли, мои исканія были бы совсѣмъ другія, если бы только мнѣ было сейчасъ не двадцать четыре года, а пятьдесятъ. Все было бы другимъ, если бы я былъ рабочимъ, если бы я былъ китайцемъ, если бы моими родителями были родители Иринарха. Даже если бы солнце у насъ свѣтило ярче и дольше, я бы, можетъ-быть, искалъ и нашелъ другое!.. Покорно плетусь я, куда ведетъ меня мой темный Хозяинъ-рабъ,

и высшее, до чего можетъ подняться мой умъ, — это сознать зависимость себя, свободнаго и безсильнаго.

Но я не хочу, я этого не могу принять!

Въ опоркахъ на босу ногу и въ мокромъ пиджакѣ, накинутомъ на плечи, Гольтяковъ стоялъ на углу Кривоноговскаго переулка. Трезвый, жалкій, трясущійся.

— Четыре дня не жрамши путаюсь, самъ не знаю, гдѣ... Всякая сволочь пальцемъ показываетъ, говорятъ: онъ пьяница, бездѣльникъ... Жену бьетъ... А нешто я дурѣе ихъ, дураковъ? Меня вонъ хозяинъ въ Серпуховъ зоветъ, чайникъ дѣлать на выставку. Никто не можетъ, а я вотъ взялся... И въ Москвѣ тоже, на Покровкѣ... А между прочимъ, — что жъ я тутъ?.. Го-осподи!..

Сѣяла мга изъ мокраго неба, сѣяла на желтоватое, опухшее лицо, на открытую голову съ торчащими вихрами. И сочились слезы изъ жалкихъ, добрыхъ глазъ.

— Вотъ онъ, пинжакъ. На этомъ пинжакѣ несчастномъ весь день я проспалъ вонъ тамъ, подлѣ колодца. Поднялъ голову, — на пинжакѣ собака лягавая лежитъ. Лысая. А такой собаки у насъ во всей округѣ нѣтъ. Что же это? Всѣ смотрятъ, смѣются... «Ишь, говорятъ, собаку свелъ!» Откуда собака взялась? Поглядѣлъ, — нѣту ничего!.. Вотъ какую кару терплю черезъ вино!..

И слезы лились, и посинѣлою рукою онъ утиралъ всхлипывающій носъ. Что это,—тотъ человѣкъ, или другой? Онъ придетъ домой, слезами обольетъ колѣни Прасковьи. Будетъ работать по двадцать часовъ, — ласковый, виновато-тихій, просвѣтленный. Я смотрѣлъ на него, смотрѣлъ. Тѣни не было того Гольтякова. А взять стаканъ водки,—осязаемый чайный стаканъ, съ осязаемою жидкостью, которую можно купить за пятнадцать копеекъ,—и сотворится въ человѣкѣ другая душа. Безумiемъ захлебывающейся злобы вспыхнутъ добрые, плачущіе глаза, тихая душа закрутится въ кровавой жаждѣ истязаній, и будетъ другой человѣкъ...

Гольтяковъ всхлипывалъ и бормоталъ:

— Пойду къ Парашѣ... Дастъ она мнѣ чайку, подлецу проклятому?.. Параша, ангелъ мой!.. Касатка!..

На толкучкѣ топчутся люди. Кричатъ, божатся, надуваютъ. Глаза безпокойно бѣгаютъ, высматривая копейку. Въ разнообразіи однообразные, съ глазами гіенъ, съ жестокимъ и окоченѣлымъ богомъ въ душѣ, цыкающимъ на все, что рвется изъ настоящаго. Какъ изъ другого міра, проѣзжаютъ на

дровняхъ загорѣлые мужики въ рваныхъ полушубкахъ, и угрюмо свѣтится въ ихъ глазахъ общая тайна, тихая и крѣпкая тайна земли. Среди нихъ хожу я, съ мозгомъ, обросшимъ книжными мыслями.

А когда задрожатъ въ воздухѣ гудки, по мосткамъ тянутся вереницы еще новыхъ людей. На масляно-сѣрыхъ лицахъ — неуловимый отсвѣтъ благородства, даваемаго трудомъ, въ глазахъ—пробуждающаяся, свободная отъ путъ сила. Чѣмъ, кѣмъ она разбужена? Огнемъ ненависти, рвущимся изъ сдавленной жизни? Вотъ этими кирпичными зданіями съ высокими трубами?.. Идутъ вереницами, стучатъ по мосткамъ. Если бы они сидѣли въ тѣхъ холодныхъ лавочкахъ на толкучкѣ, то и ихъ лица горѣли бы блудящими огоньками гіенъ. Будущее они несутъ? А что съ ними, творцами будущаго, сотворитъ будущее?

Въ сумеркахъ шелъ я вверхъ по Остроженской улицѣ. Таяло кругомъ, качались подъ ногами доски черезъ мутныя лужи. Подъ свѣтлымъ еще небомъ черною и тихою казалась мокрая улица; только обращенныя къ западу стѣны зданій странно бѣлѣли, какъ будто свѣтились какимъ-то тихимъ свѣтомъ. Фонари еще не горѣли. Стояла тишина, какая спускается въ сумеркахъ на самый шумный городъ. Неслышно проѣхали извозчичьи сани. Какъ тѣни, шли прохожіе.

И вдругъ ясно, очевидно мнѣ стало, что это вовсе не люди идутъ, — это медленно движутся молчаливые силуэты-маріонетки. И это была правда. Все на свѣтѣ могло быть ложью, но это была правда. Что думалось до сихъ поръ мыслью, теперь вдругъ открылось душѣ. Міръ на мгновеніе распахнулся и явилъ свою тайную, скрытую жизнь.

И страшно-молчаливо проходили люди-силуэты, придавленные великою, вслушивающеюся въ себя тишиною.

Маріонетки, рабы Невѣдомаго, тѣни темнаго... Ходятъ, слѣпо живутъ своимъ маленькимъ сознаніемъ, и не видятъ огромной, клубящейся внизу темноты. И къ нимъ обращаться съ вопросами!..

Спуститься въ темноту, откуда встаютъ тѣни. Тамъ что-то всѣхъ должно объединить. Тамъ, гдѣ хаосъ, — измѣнчивый, прихотливый, играющій темною радугою и неотразимый въ постоянствѣ своего дѣйствія на насъ. Туда спуститься къ людямъ, тамъ крикнуть свой вопросъ о жизни. Если бы оттуда раздался отвѣтъ,—о, это была бы покоряющая, все разрѣшающая разгадка. Какъ молніей, широко и радостно освѣтилась бы жизнь.

По тамъ молчаніе. Ни звука, ни отклика. Только смутно копошатся вѣчно-нѣмые, темные Хозяева.

Мѣрное, слабое потрескиваніе сзади. И, порывисто дергаясь, быстро двигаются фигуры по экрану кинематографа. Всплескиваютъ руками, бросаются въ окна. Патеръ благочестиво слушаетъ лукаво улыбающуюся испанку, возводитъ очи къ небу и, жуя губами, жадно косится на полуобнаженную грудь. Мчится по улицѣ автомобиль, опрокидывая все встрѣчное.

Вотъ гдѣ—голо вскрытая сущность жизни! Люди смотрятъ и безпечно смѣются, а сзади мѣрно потрескиваетъ механизмъ. Придешь на завтра. Опять совсѣмъ такъ же, не мѣняя ни жеста, бросается въ окно господинъ передъ призракомъ убитой женщины, патеръ жадными глазами заглядываетъ въ вырѣзъ на груди испанки. И такъ же, совсѣмъ такъ же мчится опалѣвшій автомобиль, опрокидывая бебе въ колясочкѣ, столы съ посудою и лотокъ съ гипсовыми фигурами. А сзади чуть слышно потрескиваетъ механизмъ.

Потомъ выходишь на улицу. Бѣгутъ извозчичьи лошади. Гимназистъ съ криво сидящимъ ранцемъ покупаетъ у грека халву, похожую на замазку. Идетъ господинъ, блестя новымъ цилиндромъ. И кажется, всѣ они тоже чуть-чуть дергаются; всѣ чужды душѣ, мертвы и плоски. И невыразимо смѣшна ихъ серьезная самоувѣренность, ихъ невѣдѣніе о безвольномъ своемъ участіи въ міровомъ кинематографѣ.

Слякоть, сырость. Люди забыли, есть ли на свѣтѣ солнце. Тихо таетъ внутри сугробовъ.

А сегодня съ утра вдругъ повалилъ молодой, осенне-пахучій снѣгъ, и настала мягкая зима.

Отъ Катры получилъ странную записку, гдѣ настойчиво она звала меня прійти вечеромъ. Пришелъ я поздно. Было много народу. Кончали ужинать, пили шампанское. По-обычному пряно чувствовалась тайная влюбленность всѣхъ въ Катру. Катра была задорно-весела, смѣялась заражающимъ смѣхомъ, глаза горячо блестѣли. Каждый разъ она другая.

Сидѣлъ пріѣхавшій изъ Москвы Крахтъ, маленькій человѣкъ съ огромнымъ лбомъ и мясистымъ носомъ. Всѣ почтительно его слушали. Говорилъ онъ какъ разъ о какой-то высшей свободѣ. Я яро сцѣпился съ нимъ.

Онъ снисходительно возражалъ. Сознаніе рабства, о которомъ я говорю,—это естественная стадія. Конечно, со временемъ и я превзойду ее. Эмпирическая необходимость вовсе не противорѣчитъ высшей, трансцендентальной свободѣ.

Я же говорилъ: никого до сихъ поръ я не знаю, кто бы честно «превзошелъ» эту стадію. Съ тайнымъ страхомъ ее обѣгаютъ обходными путями,—такъ сдѣлали и Кантъ и Фихте. Видно, слишкомъ невыносимо для человѣческаго духа ощущеніе великаго своего рабства.

Катра внимательно слушала. Звенѣли у крыльца бубенчики троекъ. Крахтъ сталъ возражать болѣе серьезно. Говорилъ онъ очень умно и учено. Я же замолчалъ: вдругъ я ясно увидѣлъ сидѣвшаго въ немъ его Хозяина.

И мнѣ стало смѣшно: да, велика сила Невѣдомаго, если высшее рабство оно способно претворять въ сознаніи людей въ высшую свободу!

Я прихлебывалъ шампанское. Молчаливыя золотыя искорки крутились за хрустальными стѣнками. Звенящія искорки со смѣхомъ крутились въ головѣ. Крахтъ говорилъ. Его тусклые глаза медленно мигали, губы шевелились. Я пряталъ подъ ладонью улыбку... Потихоньку подойти сзади къ многоумному этому человѣку, незамѣтно запустить въ него руку, нащупать въ глубинѣ его Хозяина. Хорошенько притиснуть Хозяина, потомъ встряхнуть и опрокинуть на спину. Отойти и посмотрѣть, — что станется съ свободнымъ духомъ г. Крахта? Со смѣхомъ смотрѣть, какъ съ тою же эрудиціей, съ тою же неопровержимою логикою духъ его затанцуетъ совсѣмъ другое.

И пусть бы начался общій танецъ. Танцовали бы всѣ стройныя міросозерцанія, всѣ неопровержимыя логики, всѣ объясненія смысла жизни. Танцовали бы, крутились и сшибались, какъ золотыя искорки въ бокалѣ, сходились бы и расходились. А я бы смотрѣлъ и смѣялся...

Толстый адвокатъ Баяновъ разливалъ по бокаламъ шампанское. Катра вскочила.

— Господа, кончайте! Ѣдемъ!

Стояли у подъѣзда трое троечныхъ саней и легкія санки для двоихъ, безъ козелъ. Катра быстро сѣла въ санки и крикнула мнѣ:

— Константинъ Сергѣевичъ, садитесь со мною!

Санки мчались по пустыннымъ улицамъ. Звеня бубенцами, слѣдомъ неслись тройки. Тускло свѣтились у домовъ рѣдкіе фонари, а небо полно было звѣздъ.

— Весна, весна скоро!.. Константинъ Сергѣевичъ, видите небо? Завтра солнце будетъ... Солнце! Господи, какая мутная была темнота! Какъ люди могутъ жить въ ней и не сойти съ ума отъ тоски и злости! Я совсѣмъ окоченѣла душой... Все время мнѣ одного хотѣлось: чтобъ пришелъ ко мнѣ кто-нибудь тихій, сѣлъ, положилъ мнѣ руки на глаза и все бы говорилъ

одно слово: Солнце! Солнце! Солнце!.. И никого не было! Хотѣла сегодня закрутиться, закутить во-всю, чтобы забыть о немъ, а вотъ оно идетъ. Будетъ завтра. Любите вы солнце?

Горячіе глаза заглядывали мнѣ въ лицо и упоенно смѣялись.

— Но вы-то, вы-то!.. Константинъ Сергѣевичъ, что вы такое сейчасъ говорили? Всегда я въ душѣ чувствовала, что вы не такой, какимъ кажетесь. Вотъ вы спорили съ Крахтомъ о рабствѣ, о вашихъ невѣдомыхъ силахъ,—и мнѣ казалось, вы говорите изъ моей души, отливаете въ слова то, что въ ней. Такъ было странно!

Я съ любопытствомъ оглядѣлъ ее.

— Вы тоже чувствуете эти силы?

Катра задушевно спросила:

— А скажите, вамъ страшно? Страшно отъ того, что онѣ надъ вами?

Вдругъ она стала мила мнѣ. Хотѣлось говорить по душѣ.

— Прежде всего, обидно очень, Катерина Аркадьевна. И пусто... Да! И страшно.

— А скажите еще...—Она лукаво вглядывалась въ меня.— Кружится у васъ сейчасъ голова? Отъ шампанскаго?

Недоумѣвая, я отвѣтилъ:

— Да. Немножко...

Катра сильно ударила вожжой лошадь. Санки понеслись. Она разсмѣялась.

— Смотрите, какъ странно! Гдѣ-то во Франціи люди поймали золотистаго, искрящагося духа, закупорили его въ бутылку, переслали намъ. И вотъ онъ пляшетъ въ насъ и мчитъ куда-то. Говоритъ за насъ и дѣлаетъ, въ чемъ, можетъ-быть, мы завтра будемъ раскаиваться. Развѣ сейчасъ это мы съ вами? Это онъ. А какая воля, какой просторъ въ душѣ! Жутко, такая воля. А это не мы, а онъ.

Я наморщилъ брови и соображалъ.

— И сколько надъ душою стоитъ другихъ духовъ, — могучихъ, темныхъ, обольстительныхъ. Куда до нихъ французскому чертенку! И всѣмъ имъ — власть. И вамъ только страшно, больше ничего?

Она наклонилась, заглядывала мнѣ въ лицо странно-смѣющимися глазами.

— И Алексѣя Васильевича вамъ только жалко, больше ничего? Только жалко?

Дикіе глаза были. Трепетало и билось въ нихъ дерзкое, радостно безумствующее пламя. И въ пламени этомъ вдругъ мнѣ почуялась какая-то особенная, жутко захватывающая правда.

Катра шаловливо разсмѣялась, близко наклонилась къ моему уху и прошептала:

— И будете, какъ я.

Горячею змѣйкою юркнулъ въ меня ея шопотъ. Съ золотистымъ звономъ все закружилось въ головѣ.

Мягкій воздухъ обвѣвалъ лицо. Городъ былъ назади. Въ снѣжной мглѣ темнѣли голые лѣса. Мчались мы, какъ въ воздухѣ на крыльяхъ, тройки звенѣли сзади.

Что-то мы говорили безсвязное, но разговоръ шелъ помимо словъ. Молчаливо свивались души въ весело-безумномъ вихрѣ, радовавшемся на себя и на свою волю.

Я что-то хотѣлъ сказать, Катра нетерпѣливо прервала:

— Не говорите. Дайте руку... Да снимите ваши варежки нелѣпыя. Видите, я сняла перчатку...

Въ Гастѣевской рощѣ сдѣлали привалъ. На тихой, бѣлой полянѣ, подъ яркими звѣздами, громко говорили, смѣялись, пили вино.

Иринархъ увлеченно спорилъ съ Крахтомъ. Катра, не стѣсняясь, стояла со мною подъ руку и слегка прижималась къ моей рукѣ. Лукаво смѣясь, она наклонилась и прошептала:

— Вы знаете, вотъ эти двое. Совсѣмъ разные люди. А отнять у нихъ слова,—оба они стали бы совсѣмъ пустые. Оба думаютъ мыслями, выражаемыми словами.

Подошелъ Иринархъ. Онъ улыбался, но глаза смотрѣли грустно и ревниво.

— Видѣли, господа, звѣзды какія? Ѣхалъ,—все время глазъ не сводилъ. Люблю на звѣзды смотрѣть: сколько жизни запасено во вселенной! Мы умремъ, всѣ умруть, земля разобьется въ дребезги, а жизнь все останется. Весело подумать!

— А звѣзды—это все солнца! Огромныя, горячія! Андрей Андреевичъ, налейте мнѣ еще! — Катра протянула Баянову стаканъ.—Господа, тостъ: за громадныя, яркія солнца и за... еще за... Нѣтъ, больше ничего!

Мы катили назадъ. Катра нетерпѣливо твердила:

— Гоните скорѣе! Скорѣе! Ухъ, какъ будто въ воздухѣ летишь!

Она крикнула во весь голосъ. Эхо покатилось за боръ.

— За солнца пили... Хотѣла я еще сказать,—знаете, что? «За рабство!» Да они бы не поняли. Вы знаете, я когда-то... Да бросьте вожжи, она сама будетъ бѣжать... Дайте руку..

Лошадь ровно побѣжала. Горячая рука говорила въ моей рукѣ. Глаза мерцали и блуждали.

— Вы знаете, я когда-то была восточной царевной. Царь-солнце взялъ меня въ плѣнъ и сдѣлалъ рабыней. Я познала

блаженную муку насильническихъ ласкъ и бича... Какой онъ жестокій былъ, мой царь! Какой жестокій, какой могучій! Я ползала у ступеней его ложа и цѣловала его ноги. А онъ ругался надо мною, хлесталъ бичомъ по тѣлу. Мучительно ласкалъ, и потомъ отталкивалъ ногою. И евнухи уводили меня, опозоренную и блаженную. Съ тѣхъ поръ я полюбила солнце... и рабство.

Я слушалъ, раскрывая глаза. Гдѣ это уже было? Гдѣ была эта странная, блуждающая усмѣшка, эти безстыдные глаза? Да. И санки даже были тогда.

— Я часто васъ ненавижу, Константинъ Сергѣевичъ. Но было между нами что-то, и мы тайно связаны. Помните, въ подвалѣ... Пахло керосиномъ...

Я рѣзко прервалъ:

— Не говорите про это!

— Помните, вы тогда меня вырвали изъ бѣгущей толпы... Ухъ, какую я въ васъ тогда почувствовала силу. Какъ волна, она обвила меня и вынесла...

— Да замолчите вы! Слышите?!—грубо крикнулъ я.

Катра осѣклась и взглянула мнѣ въ лицо впивающимися глазами. И вдругъ въ нихъ мелькнула ненависть. Она быстро отвернулась.

Съ чуждымъ удивленіемъ, какъ очнувшійся лунатикъ, я оглядывалъ то, что̀ создалось между нами. Французскій чертенокъ. Красивое тѣло человѣческой самки. Предательскіе инстинкты собственнаго тѣла, — и изволите видѣть, «правда» какая-то открывается! А эта склизкая болотная змѣйка вьется въ темной водѣ и на всемъ оставляетъ свою ядовитую слюну,— на самыхъ чистыхъ бѣлыхъ лиліяхъ... Бррр!..

— Простите, что я такъ крикнулъ. Но я слишкомъ иначе отношусь къ тому, что̀ намъ тогда пришлось вмѣстѣ пережить.

Катра беззаботно разсмѣялась, взяла вожжи и погнала лошадь.

Холодно, холодно въ нашемъ домишкѣ. Я послѣ обѣда читалъ у стола, кутаясь въ пальто. Ноги стыли, холодъ вздрагивающимъ трепетомъ проносился по кожѣ, глубоко внутри все захолодѣло. Я подходилъ къ теплой печкѣ, грѣлся, жаръ шелъ черезъ спину внутрь. Садился къ столу,—и холодъ охватывалъ нагрѣтую спину, вялая теплота безсильно уходила изъ тѣла, и становилось еще холоднѣе.

Алексѣй, скорчившись подъ пальто, лежалъ у себя на кровати.

Я взялъ лопату и пошелъ въ садъ чистить снѣгъ. На дворѣ

меня увидѣла Жучка и радостно побѣжала впередъ. Она обнюхивала сугробы, съ ожиданіемъ поглядывала на меня. Я потравилъ ее въ чащу сада. Жучка съ готовностью залаяла, бросилась къ забору, волнисто прыгая по проваливавшемуся снѣгу. Полаяла, потомъ воротилась и заглянула мнѣ въ глаза:

— Видишь? Я сдѣлала, что̀ надо!

Робко начала ласкаться. Я погладилъ ее. Она обрадовалась и бросилась лапами на пальто.

— Ну, будетъ!.. Пшолъ!

Жучка отошла.

Я долго чистилъ снѣгъ. Прозрачно сѣрѣла чаща голыхъ сучьевъ и прутьевъ. Надъ березами кружились галки и вороны. Вдали звонили къ вечернѣ. Солнце сѣло.

Вдругъ я замѣтилъ, что я давно уже безъ варежекъ, вспомнилъ, что ужъ полчаса назадъ скинулъ пальто. Изнутри тѣла шла крѣпкая, защищающая теплота. Было странно и непонятно,—какъ я могъ зябнуть на этомъ мягкомъ, ласкающемъ воздухѣ. Вспомнилась противная, внѣшняя теплота, которую я вбиралъ въ себя изъ печки, и какъ эта чужая теплота сейчасъ же выходила изъ меня, и становилось еще холоднѣе. А Алешка, дурень, лежитъ тамъ, кутается, придвинувъ кровать къ печкѣ...

Темнѣло. Къ вечернѣ перестали звонить. Въ калиткѣ показалась Ѳеня и тихимъ, ласкающимъ голосомъ крикнула:

— Степочка!

Узнала меня, ахнула и скрылась. Сучья тихо шумѣли подъ вѣтеркомъ, поскрипывалъ стволъ ели. На самой ея верхушкѣ каркала старая ворона, какъ будто заливался плачемъ охрипшій новорожденный ребенокъ. Жучка ткнула мордою въ мою руку.

— Ты что̀?

Смѣшно было, какъ она говоритъ глазами. Я опять поуськалъ ей на заборъ. Она опять съ готовностью залаяла. Лаяла и поглядывала на меня, и говорила взглядомъ:

— Вотъ, я дѣлаю, что̀ тебѣ нужно. И даже не спрашиваю себя, есть ли въ этомъ смыслъ..

Я подозвалъ ее и пристально заглянулъ въ глаза. Жучка покорно изогнулась, робко завиляла хвостомъ. Я улыбнулся и продолжалъ смотрѣть. Она радостно засмѣялась глазами, хотѣла-было броситься ласкаться; но не бросилась, а медленно опустилась на заднія лапы.

И мы смотрѣли другъ другу въ глаза.

Долго смотрѣли. И вдругъ я почувствовалъ,—мы съ нею разговариваемъ! Не словами, а тѣмъ, что̀ лежитъ въ темнотѣ

подъ словами и мыслями. Да, это есть въ ней такъ же, какъ во мнѣ. Такое же глубокое, такое же важное. Только у меня надъ этимъ еще блѣдныя слова-намеки, несамостоятельная мысль, растущая изъ той же темноты. Но суть одна.

И сквозь темноту, въ которой шелъ нашъ разговоръ, вдругъ мнѣ почудился какой-то тихій свѣтъ.

Нѣжно и ласково я погладилъ Жучку по головѣ. Она прижалась мордой къ моему колѣну, и я любовно гладилъ ее, какъ ребенка. Все кругомъ незамѣтно сливалось во что-то цѣлое. Я смотрѣлъ раскрывающимися, новыми глазами. Эти деревья, галки и вороны на голыхъ вѣтвяхъ, въ сѣрѣющемъ небѣ... Въ нихъ тоже есть это? Это—несознаваемое, невыразимое ни словомъ ни мыслью? И, главное, — общее, единое?

Птицы притихли на вѣтвяхъ, охваченныя сумеречнымъ небомъ. Небо впитывало въ себя и ихъ и деревья... Мнѣ показалось, что я къ чему-то подхожу. Только проникнуть взглядомъ сквозь темный коконъ, окутывающій душу. Еще немножко,—и я что-то пойму. Обманчивый ли это призракъ, или открывается большая правда?

Или только кажется? Или все узнаётся?

Но все потерялось. Что-то важное и рѣшающее скрылось.

Я воротился домой. Алеша, заспанный и озябшій, несъ изъ сѣней охапку дровъ. Онъ угрюмо сказалъ:

— Хочу еще разъ печку протопить... Какъ холодно!

Было странно смотрѣть на него. Холодно!..

— Да пойди лучше, Алешка, поработай въ саду. Я весь горю жаромъ!

Онъ вяло отвѣтилъ:

— Ну, не хочется.

Въ кухнѣ на остывающей плитѣ лежала и мурлыкала сѣрая хозяйская кошка. Съ незнакомымъ раньше любопытствомъ я подошелъ къ ней со свѣчкою и тоже заглянулъ въ глаза.

— Кс-кс-кс!

Она взглянула прямо въ мои зрачки, потомъ прищурилась. Внутри ея глазъ какъ будто что-то закрылось, и она снова начала мурлыкать. Теперь узкія щелки зрачковъ въ прозрачно-зеленоватыхъ глазахъ смотрѣли на меня, но смотрѣли мимо моей души. И я жадно вглядывался въ эти глаза. — какъ будто слѣпые и въ то же время безконечно-зрячіе. Я засмѣялся. Она не приняла моего смѣха и продолжала смотрѣть тѣми же серьезно-невидящими глазами. Что-то въ нихъ было отъ меня закрыто, но *было закрыто*, въ нихъ не было пу-

стоты. Было что-то важное, и я чувствовалъ, — это возможно было бы понять.

Что такое творится?

Отъ Дяди-Бѣлаго вышла молодая женщина. Красивая, одѣтая усиленно-пышно, какъ одѣваются женщины, вдругъ получившія возможность наряжаться.

Съ страдальческой насмѣшкой Дядя-Бѣлый спросилъ меня:

– Видѣли, какая графиня прошла?

— Кто это?

— Вы ее встрѣчали. Сестра моя. Она съ Турманомъ живетъ.

Онъ взволнованно теребилъ курчавую бородку.

— Кутятъ съ Турманомъ. Деньги расшвыриваютъ, какъ купцы. Откуда у нихъ деньги? Слыхали вы, на той недѣлѣ артельщика ограбили за вокзаломъ на пять тысячъ? Думаю, не безъ Турмана это дѣло.

— Константинъ, дай-ка мнѣ опія: второй день животъ болитъ.

— Вотъ, на!.. Да дай, я тебѣ накаплю.

— Я самъ. — Алексѣй нетерпѣливо тянулъ къ себѣ бутылочку и не смотрѣлъ мнѣ въ глаза. — Вѣдь нѣсколько разъ придется принимать, что же каждый разъ къ тебѣ ходить!

Наши глаза встрѣтились. Я поблѣднѣлъ и, задыхаясь, схватилъ его за руку.

— Алеша!

— Да что ты? Что съ тобою?

Мы молча смотрѣли другъ другу въ глаза. Алексѣй удивленно пожалъ плечами и пустилъ бутылочку.

— Ну, бери, накапай самъ!

Вздоръ! Мнѣ это только показалось! Онъ такъ старательно лѣчится! Сначала должна бы пропасть вѣра въ лѣченіе, онъ долженъ бы бросить свою гимнастику и обливанія.

Но ночью я вдругъ проснулся, какъ будто въ меня вошло что-то чужое. Изъ комнаты Алексѣя сквозь тонкую перегородку что-то тянулось и приникало къ душѣ.

Ясно, все ясно! Какъ я могъ сомнѣваться?.. Недавно къ намъ зашла Катра, и меня тогда поразило: Алексѣй равнодушно разговаривалъ съ нею, и откуда-то изнутри на его лицѣ отразилась удовлетворенная, ласковая снисходительность. Какъ будто онъ былъ доволенъ, что можетъ смотрѣть на нее съ высокой высоты, до которой ея чарамъ не достать.

И съ Машею онъ такъ нѣженъ-нѣженъ, и такой онъ весь ясный, тихій, хотя и не смотритъ въ глаза...

Да, конечно, такъ! Онъ попрежнему носитъ свою мысль, прочно сжился съ нею и утихъ въ ней. Но силы ушли на *ть* двѣ ночи, онъ копитъ новыя силы, и вотъ почему лѣчится. Вѣдь невозможно человѣку черезъ каждую недѣлю приговаривать себя къ смертной казни.

Сквозь перегородку все шло въ душу что-то напряженное и гнетущее. Какъ будто упорно лилось какое-то черное электричество. Вся комната заполнялась тупою, властною силою, она жизненно чувствовалась въ темнотѣ. Неподвижно и скорбно вставало Невѣдомое. Некуда было отъ него дѣться.

Я поднялся на рукахъ, оглядѣлся. Исчезла перегородка. И я увидѣлъ: Алеша лежитъ на спинѣ, съ пустыми, остановившимися глазами. А Хозяинъ его, какъ вывалившійся изъ гнѣзда гадъ, барахтается на полу возлѣ кровати; въ ужасѣ барахтается, вьется и мечется, чуя надъ собою недвижную силу Невѣдомаго. Заражаясь, затрепеталъ и мой Хозяинъ. И я чувствовалъ: въ судорогахъ своихъ онъ сейчасъ тоже выбросится на полъ, а я съ пустыми глазами повалюсь навзничь...

Я вскочилъ, разрывая очарованіе. Прислушался. За перегородкою было тихо,—какъ-то особенно тихо. Я зажегъ свѣчу и пошелъ къ Алексѣю. Дверь не была заперта. Алексѣй быстро поднялъ отъ подушки чуждое лицо. И опять нельзя было узнать, спалъ онъ или думалъ.

— Что ты?—спросилъ онъ.

— Мнѣ не спится, а всѣ папиросы вышли... Можно у тебя взять?

— Возьми, конечно...

Я пристально смотрѣлъ на него.

— Ты спалъ?

Онъ недовольно нахмурился:

— Спалъ, конечно.

Никогда я этого раньше не представлялъ себѣ: душа одного человѣка можетъ войти въ душу другого и смѣшаться съ нею. Я теперь не знаю, гдѣ Алексѣй, гдѣ я. Онъ вселился въ меня и думаетъ, бьется, мучится моею душою; ища для себя, я какъ будто ищу для него. А самъ онъ, уже мертвый, неподвижно лежитъ во мнѣ и разлагается, и неподвижнымъ, мутнымъ взглядомъ смотритъ мнѣ въ душу.

Охватываетъ жуткая дрожь и раздражительное нетерпѣніе. Я смотрю на его осунувшееся лицо съ остановившеюся въ глазахъ мыслью. Ну, ну!.. Чего жъ ты ждешь?

Я долго сегодня бродилъ за городомъ. Небо сіяло. Горячіе лучи грызли почернѣвшіе, хрящеватые бугры снѣга въ отрогахъ лощинъ, и неуловимый зеленый отблескъ лежалъ на блеклыхъ лугахъ. Я ходилъ, дышалъ, перепрыгивалъ черезъ бурлящіе ручьи. Вольный воздухъ обвѣвалъ лицо. Лучи сквозь пригрѣтую одежду пробирались къ кожѣ, все тѣло напитывалось ликующимъ, звенящимъ свѣтомъ... Какъ хорошо! Какъ хорошо!

Небо безмѣрное отъ сверкающаго свѣта. Солнце смѣется и колдуетъ. Очарованно мелькаютъ у кустовъ ярко-зеленые мотыльки. Сорока вспорхнетъ, прямо, какъ стрѣла, летитъ въ голую чащу лѣса и безсмысленно-весело стрекочетъ. Чужды липкіе вопросы, которые ткалъ изъ себя сморщившійся, затемнѣвшій Хозяинъ. Гдѣ они? Таютъ, какъ испаренія этой земли, замершей отъ невѣдомаго счастья. Отчего въ душѣ такая широкая, такая чистая радость?

Отчего... Я не могу не подчиняться, но меня свѣтлый колдунъ не обманетъ. О, я знаю: весеннее солнце коснулось крови, воздухъ чистаго простора влился въ легкія; въ корѣ мозговыхъ полушарій расширились артеріи, къ ней прихлынуло много горячей крови, много кислорода,—и вотъ всѣ безысходные вопросы стали смѣшно-легкими и нестрашными. Хороша жизнь, хорошъ я, дороги и милы братья-люди.

Ну, вотъ оно и рѣшеніе! Какъ просто,—словно настоящее! Потянуло въ городъ, гдѣ суетятся братья-люди.

И я ходилъ по сверкающимъ улицамъ съ поющими ручьями, залитымъ золотымъ солнцемъ. Что это? Откуда эти новые, совсѣмъ другіе люди? Я ли другой? Они ли другіе? Откуда столько милыхъ, красивыхъ женщинъ? Ласково смотрѣли блестящіе глаза, золотились нѣжные завитки волосъ надъ мягкими изгибами шей. Шли гимназистки и гимназисты, свѣтясь молодостью. И она! Катра. Вотъ вышла изъ магазина, щурится отъ солнца и рукою въ свѣтлой перчаткѣ придерживаетъ юбку... Царевна! Рабыня солнца! Теперь твой праздникъ!

Мускулистые плотники съ золотыми бородами тесали блестящія бревна. Старикъ-нищій, щурясь отъ солнца, сидѣлъ на сухой приступочкѣ запертаго лабаза, кротко улыбался и говорилъ съ извозчикомъ.

— Табачку понюхалъ, да и пошелъ въ казенку... Бабка подсмотритъ: «Ишь, старый чортъ, опять въ кабакъ? Пойдемъ домой!..»—Ну, ладно, по-ойдемъ!.. Ха-ха-ха!

— А жива у тебя бабка-то?—лѣниво спросилъ извозчикъ.

Старикъ радостно отвѣтилъ:

— Жива, жива, милый!.. Жива, слава Тебѣ, Господи!

Онъ снялъ облѣзлую шапку и сталъ креститься. И голова его была благообразная, строгая.

Звенѣли дѣтскіе голоса. Спѣшили люди, смѣялись, разговаривали, напѣвали. Никто не обманывалъ себя жизнью, всѣ жили. И ликовали пропитанныя свѣтомъ прекрасныя тѣла въ ликующемъ, золотисто-лазурномъ воздухѣ.

Черезъ два дня.

Въ Кремлѣ звонили ко всенощной. Туманная муть стояла въ воздухѣ. Ручейки вяло, будто засыпая, ползли среди грязнаго льда. И проходили мимо темные, сумрачные люди. Мнѣ не хотѣлось возвращаться домой къ своей тоскѣ, но и здѣсь она была повсюду. Тупо шевелились въ головѣ обрывки мыслей, грудь болѣла отъ табаку, и все-таки я курилъ непрерывно; и казалось, легкія насквозь пропитываются тою противною коричневою жижею, какая остается отъ табаку въ сильно прокуренныхъ мундштукахъ.

Изъ-подъ воротъ текли на улицу зловонные ручьи. Всѣ накопившіеся за зиму запахи оттаяли и мутнымъ туманомъ стояли въ воздухѣ. Въ гнилыхъ испареніяхъ улицы, около бѣлой, облупившейся стѣны женскаго монастыря, сидѣлъ въ грязи лохматый, угрюмый нищій и смотрѣлъ исподлобья. Черная монашенка смиренно кланялась.

— Во имя скорой послушницы Царицы Небесной пожертвуйте, благодѣтели!

И шли по слякоти скучные люди съ сѣрыми лицами, полные мрака и смраднаго тумана.

Блестѣли желтые огоньки за рѣшетчатыми окнами церквей. Въ открывавшіяся двери доносилось пѣніе. Тянулись къ притворамъ черныя фигуры. Туда онѣ шли, въ каменныя зданія съ придавленными куполами, чтобъ добыть тамъ оправданіе непонятной жизни и смыслъ для безсмысленнаго.

Въ лужахъ отражались освѣщенныя окна низкаго трактира. Я подумалъ и вошелъ. Въ дверяхъ столкнулся съ Турманомъ. Онъ выходилъ съ молодой черноволосой женщиной. Турманъ прямо мнѣ въ лицо взглянулъ своимъ темнымъ взглядомъ, вызывающе взглянулъ, не желая узнавать, и прошелъ мимо.

Я сѣлъ къ столику и спросилъ водки. Противны были люди кругомъ, противно ухалъ органъ. Мужчины съ развязными, землистыми лицами кричали и вяло размахивали руками; худыя, некрасивыя женщины смѣялись зеленовато-блѣдными губами. Какъ будто всѣ надолго были сложены кучею въ сыромъ подвалѣ, и вотъ вылѣзли изъ него,—помятые, слежавшіеся,

заплѣсневѣлые... Какими кусками своихъ изхохмоченныхъ душъ могутъ они еще принять жизнь?

Вездѣ пили, курили. Глотали ѣдкую влагу, втягивали въ легкія ядовитый дымъ... Ну, да. Вѣдь праздникъ! Надо же радоваться! А развѣ это легко?

Блѣдный парень, заломивъ шапку на затылокъ, быстрымъ говоркомъ пѣлъ подъ гармонику:

Сидѣлъ милый на крыльцѣ
Съ выраженьемъ на лицѣ...

Половой поставилъ передо мной полубутылку. Я смотрѣлъ въ зеленовато-ясную жидкость, смотрѣлъ кругомъ на людей и думалъ:

— Погодите вы всѣ,—вы, противные! И ты, мутная, рабская жизнь! Вотъ сейчасъ я буду всѣхъ васъ любить. Въ отвѣтъ поганымъ звукамъ органа зазвенятъ въ душѣ манящіе звуки, дороги станутъ братья-люди, радостно улыбнется жизнь,—улыбнется и засвѣтится собственнымъ, ни отъ чего не зависимымъ смысломъ!

Я вышелъ изъ трактира съ двумя фабричными парнями. Они любовно-почтительно слушали меня и кивали головами, а я съ пьянымъ, фальшиво-искреннимъ одушевленіемъ говорилъ о завоеваніи счастья, о свѣтломъ будущемъ.

Голова шумѣла, въ душѣ былъ смѣхъ. Люди орали пѣсни, блаженно улыбались, смѣшно цѣловались слюнявыми ртами. Мужикъ въ полушубкѣ стоялъ на-корачкахъ около фонарнаго столба и никакъ не могъ встать. Съ крыльца кто-то крикнулъ:

— Ванька!

Мужикъ сосредоточенно отвѣтилъ:

— Былъ Ванька, да уѣхалъ.

Поднялъ ко мнѣ лохматое лицо, лукаво подмигнулъ и засмѣялся. Кто-то пробѣжалъ мимо въ темноту.

— Ванька-а-а!!

— Былъ Ванька, да уѣхалъ!

Лохматое лицо подмигивало мнѣ и радостно смѣялось.

Отовсюду звучали пѣсни. Въ безмѣрномъ удивленіи, съ новымъ, никогда не испытаннымъ чувствомъ я шелъ и смотрѣлъ кругомъ. Въ этой пьяной жизни была великая мудрость. О, они всѣ поняли, что жизнь принимается не пониманіемъ ея, не нахожденіями разума, а таинственною настроенностью души. И они настраивали свои души, дѣлали ихъ способными принять жизнь съ радостностью и блаженствомъ!.. Мудрые, мудрые!..

Я звонилъ къ Катѣ.

— Дома Катерина Аркадьевна?

Горничная удивленно оглядѣла меня.

— Сейчасъ доложу.—Сходила и воротилась.—Пожалуйте!

Катра вышла со свѣчкою въ темную гостиную. Лицо у нея было странное и брезгливо-враждебное.

— Вы одна... Я боялся, что у васъ народъ будетъ! Хотите,—пойдемте, погуляемъ?.. Чудная погода!

Катра пристально, серьезно вглядывалась въ меня. Вдругъ она расхохоталась, какъ дѣвочка.

— Знаете, который часъ?

— Н-нѣтъ.

— Двѣнадцатый!.. И на дворѣ сырость, туманъ... Ха-ха-ха!.. Пойдемте... Только за городъ пойдемъ, тамъ туманъ чистый...

Она смѣялась и не могла остановиться, и, смѣясь, поспѣшно одѣвалась.

— Только вы мнѣ много-много говорите и не смотрите на меня. Слышите,—не смотрите! Я сейчасъ всѣхъ выгнала отъ себя. Боже мой, какіе скучные люди!.. И какая тоска!.. Вы много будете говорить?

— А вамъ развѣ словами нужно много говорить? Мы все время много разговариваемъ, только не словами,—вдругъ сказалъ я.

Она перестала смѣяться, быстро взглянула на меня.

— Да-а?..—И широко открыла глаза.—Идемте!

Мутный туманъ затягивалъ поля, но на шоссе было сухо. Надъ городомъ тускло бѣлѣло мертвое зарево отъ электрическихъ фонарей. Низомъ отъ лѣса слабо тянуло запахомъ распускающихся почекъ.

И я говорилъ, говорилъ.

— ... Алексѣя я нисколько теперь не жалѣю, его я почти не чувствую. Но я весь охваченъ запахомъ трупнаго разложенія, я никуда не могу уйти отъ него. И не могу уйти отъ вставшихъ отовсюду силъ. Невѣдомыя, онѣ вездѣ кругомъ,—въ лучѣ солнца, въ гнили тумана, въ моемъ тѣлѣ. Въ душѣ темнота, наверху безсильною змѣйкою крутится сознаніе, и я съ презрѣніемъ смѣюсь надъ нимъ. Но сейчасъ,—вотъ передъ тѣмъ, какъ прійти къ вамъ, — вдругъ въ этой темнотѣ заполыхалъ странный, мелькающій свѣтъ. Съ замираніемъ я вспомнилъ о васъ и пошелъ къ вамъ... Катра! Есть жизнь и для отверженныхъ,—для васъ, для Алеши, для меня! Вашею мутною душою вы почуяли путь. Пусть сознаніе вздымается на дыбы и бросается назадъ, пусть гадливо трепещетъ, презираетъ и ужасается... Впередъ, hollá! Подъ ногами обрывъ и черная ночь? Ну что жъ! Впередъ съ зажмуренною душою. Тамъ радости, которыхъ не знаютъ сидячія души. И мигъ полета стоитъ десятка лѣтъ.

Я не замѣчалъ, что называю ее Катра.

Большіе глаза улыбались нѣжно и радостно. Пьяно-веселымъ вихремъ все крутилось во мнѣ, и я чувствовалъ,—этому вихрю звучитъ въ отвѣтъ странно настороживпшаяся душа.

— Я скажу, Катра. Мы очень мало съ вами говоримъ, мы все время на ножахъ. Но что̀ это такое? Уже давно я чувствую, что вы во мнѣ, и я... да, и я въ васъ. И мы играемъ въ прятки.

Что̀ еще говорилось? Не помню. Безсвязный бредъ въ неподвижномъ туманѣ, гдѣ низомъ шелъ ласкающій запахъ весенпихъ почекъ, и мертво стояло вдали бѣлое зарево. Не важно, что̀ говорилось,—разговоръ опять шелъ помимо словъ. И не только я чувствовалъ, какъ въ отвѣтъ мнѣ звучала ея душа. Была странная власть надъ нею,—покорно и беззащитно она втягивалась въ крутящійся вихрь.

Я, задыхаясь, сказалъ:

— Темно. Дайте вашу руку.

И мы шли.

— Все еще нельзя смотрѣть вамъ въ лицо? А я буду.

Я взглянулъ въ ея огромные, настороживпіеся глаза. И темнота не мѣшала. Въ нихъ мерцала радость покорной, отдающейся очарованности. Какъ будто я несъ ее на рукахъ, а она, прижавшись ко мнѣ щекой, блаженно закрыла глаза.

Я близко наклонился къ ней. Вдругъ Катра вздрогнула и быстро выдернула руку.

— Послушайте, вы пьяны! Отъ васъ пахнетъ водкой!..— Она съ отвращеніемъ отшатнулась.—Какая гадость!

Я смотрѣлъ на нее. Она повторяла:

— Какая гадость!

Злоба и гадливое отвращеніе вдругъ охватили меня. Я пристально все смотрѣлъ на нее.

— И вы раньше не знали, что я пьянъ? Неправда! Вы знали ужъ тогда, когда пошли со мною!—Я злорадно добавилъ:— Вы даже были этому очень рады, вы поэтому именно и пошли!

— Гадость, гадость какая!

Мнѣ казалось,—всѣмъ напряженіемъ воли Катра взмучиваетъ въ себѣ содрогающееся отвращеніе. Она отбросила взглядомъ мой презирающій взглядъ и высокомѣрно сказала:

— Проводите меня домой!

И повернула назадъ.

Мы шли и молчали.

Было глухо. Было очень тихо отъ тумана. Катра быстро шла, опустивъ голову. Въ чащѣ лѣса что-то коротко ухнуло,

рванулось болѣзненно и оборвалось, задушенное туманомъ. Вздрогнувъ, Катра пугливо оглянулась и пошла еще быстрѣе.

Вдругъ жалующимся голосомъ она сказала:

— Я не могу такъ скоро итти!

Какъ будто это я ее заставлялъ.

Пошли медленнѣе. Катра робко вглядывалась въ туманъ. Жалкимъ, дѣтскимъ голосомъ она проговорила:

— Дайте вашу руку. Мнѣ страшно!

Оперлась на мою руку и все съ бо̀льшимъ страхомъ оглядывалась.

— Тутъ вдоль шоссе трактиры, тутъ часто рѣжутъ людей... Вездѣ безработные, грабежи... У насъ ночью по всей улицѣ сняли мѣдныя дощечки съ дверей и дверныя ручки... Вчера опять была экспропріація на механическомъ заводѣ...

Я злился. Катра вздрагивала, пугливо прижималась ко мнѣ и дѣланымъ голосомъ повторяла:

— Мнѣ стра-ашно!

Было неестественно. И все-таки дѣлалось жутко. Теперь что-то изъ ея души заражало меня. Мертво выдвигались изъ тумана пригородные кусты, бѣлесые отъ далекаго зарева. Вздрагивали искривленныя губы, бѣгали глаза.

— Мнѣ стра-ашно!

Комедіантка! Все въ ней дѣлано и преувеличено,—и боящійся голосъ и вздрагиванія. Она нарочно вздрагиваетъ, чтобы крѣпче прижаться ко мнѣ. Это все она мститъ мнѣ за тогдашнюю поѣздку на тройкахъ.

— Что̀ это?.. Аа... Аааа!!.

Съ воплемъ Катра метнулась въ сторону. Споткнулась о кучу шоссейнаго щебня и упала. Я бросился къ ней. Корчась въ усиліяхъ воли, она глушила вопль, впивалась пальцами въ осыпавшіеся камни.

Вдругъ голова неестественно согнулась. Подбородокъ впился въ грудь. Тѣло медленно изогнулось дугою въ сторону, скорченныя руки дернулись и замерли. Вотъ такъ исторія! Она была безъ чувствъ.

Я старался приподнять ее. Тѣло было странно-негибкое, глаза закрыты.

— Катерина Аркадьевна! Катерина Аркадьевна!

Она неподвижно лежала съ закрытыми глазами и вдругъ тихо всхлипнула. Сильнѣе, все сильнѣе. Грудь дышала съ хриплымъ свистомъ, какъ туго работающіе мѣхи. Катра раскрыла глаза, въ тоскѣ сѣла.

— Боже мой, у меня все тѣло распухаетъ!.. Нѣтъ воздуху, нечѣмъ дышать!.. Кто тутъ? Разстегните мнѣ платье!

Я неумѣло попробовалъ. Крючечки какіе-то, кнопки... Она нетерпѣливо оттолкнула мою руку, захватила воротъ и дернула его, обрывая.

— Куда воздухъ дѣлся?.. Боже мой! О, Боже мой!

На первомъ встрѣчномъ извозчикѣ я довезъ ее до дому. Слабая, разбитая и жалкая, она сидѣла молча.

Пролетка остановилась у крыльца. Катра съ ненавистью взглянула на меня и съ колюще-холоднымъ вызовомъ сказала:

— Вы думали, я чего-нибудь испугалась? Вовсе нѣтъ. Ничего я не боялась.

И, не простившись, пошла къ крыльцу.

Ну, да! Вѣдь я же ждалъ, давно ждалъ этого! Я ждалъ—и нечего ужасаться. Ужъ два мѣсяца назадъ я похоронилъ его. О, Господи!..

Ремонтные рабочіе рано утромъ подобрали на рельсахъ за сахарнымъ заводомъ его раздавленный трупъ. Голова нетронута, только съ одной ссадиной на лбу, въ рѣдкой бородкѣ песокъ и кровь. И на блѣдномъ, спавшемся лицѣ все было это странное выраженіе, какъ будто онъ притворяется. Хотѣлось растолкать его, сказать:

— Ну, будетъ же, Алеша! Перестань! Вѣдь это слишкомъ мучительно!

И онъ быстро поведетъ головою и, притворяясь, будто вправду былъ мертвъ, съ дѣланымъ удивленіемъ раскроетъ глаза.

Но средь лохмотьевъ пальто, въ черно-кровавой массѣ легкихъ, бѣлѣли и выпячивались лопнувшія ребра, изъ срѣзанныхъ наискось бедеръ сочилась ярко-алая, уже мертвая кровь, и пахло сырымъ мясомъ.

Вечеромъ, воротившись отъ Мапши, я сидѣлъ въ темнотѣ у окна. Тихо было на улицѣ и душно. Надъ заборомъ сада, какъ окаменѣвшія черныя змѣи, темнѣли средь дымки молодой листвы извилистые суки ветель. По небу шли черныя облака странныхъ очертаній, а надъ ними свѣтились отъ невидимаго мѣсяца другія облака, блѣдныя и легкія. Облака все время шевелились, ворочались, куда-то двигались, а на землѣ было мертво и тихо, какъ въ глубокой могилѣ. И тишина особенно чувствовалась оттого, что облака наверху непрерывно двигались.

Опять все кругомъ было необычно, опять давно приглядѣвшееся выглядѣло новымъ и страннымъ. Отъ поля медленно шла по улицѣ темная фигура, смутныя тѣни скользили по

землѣ, въ тепломъ воздухѣ пахло распускавшимися березовыми листочками... Вотъ: этотъ человѣкъ идетъ, охваченный думами, и не спрашиваетъ себя,—его ли это думы въ его головѣ? И тѣни сосредоточенно ползутъ и не подозрѣваютъ, что онѣ—только безвольное отраженіе облаковъ. Скромно-горделиво стоятъ березы, окутанныя свѣжимъ и чистымъ ароматомъ молодости. Чего гордиться?.. И только въ тишинѣ кругомъ чуялось сознанное міромъ безмѣрное, несверженное рабство свое.

— Константинъ Сергѣевичъ, вы?—нерѣшительно спросилъ изъ тишины женскій голосъ.

Я вздрогнулъ. Посреди улицы неподвижно стояла Катра.

— Какъ вы здѣсь? Катерина Аркадьевна!

Она медленно подошла къ окну. Лицо подъ широкими полями шляпки казалось блѣднымъ.

— Это отъ поля *вы* сейчасъ шли?

— Да, я въ полѣ гуляла... За архіерейской дачей...

Катра облокотилась о подоконникъ, подперла щеку рукою въ свѣтлой перчаткѣ. Она была сосредоточенно-задумчива, глаза свѣтились.

Я пристально смотрѣлъ на нее.

— Вамъ странно?—Она равнодушно помолчала.—Я хотѣла послѣ тогдашняго провѣрить, трусиха я или нѣтъ... Ничего. Только заблудилась... Охъ, не люблю трусовъ!.. Ямы какія-то пошли, сваленныя бревна. У меня револьверъ съ собою. Удивительно, тишина какая. Жутко, слышно, какъ тишина звенитъ въ ушахъ. Иду я за казачьими казармами,—въ полыни кто-то слабо и глухо ворчитъ, кто-то пищитъ жалобно. Остановилась. Въ темнотѣ черезъ дорогу проползло что-то черное, пушистое, длинное, и все ворчитъ, и ушло въ крапиву. И тамъ долго еще ворчало и жалобно пищало. Что это?

Она нервно повела плечами.

— Хорекъ, должно-быть. Мышь поймалъ.

— Если ужъ правду говорить, я ужасно испугалась!—Она довѣрчиво улыбнулась и съ дѣтскою гордостью прибавила:—А все-таки овладѣла собою, даже шагу не ускорила...

— Вы знаете, Алешу поѣздъ раздавилъ.

— Что-о?

Катра быстро подняла голову. Она молча смотрѣла на меня большими, спрашивающими глазами, и мои глаза отвѣтили ея взгляду.

— Такъ вотъ что...

Катра понурилась и стала ворошить концомъ зонтика осколокъ кирпича. Вдругъ она рѣшительно и взволнованно сказала:

— Константинъ Сергѣевичъ, откройте мнѣ дверь, я зайду.

Я отперъ калитку. Освѣщая сѣнцы спичками, ввелъ Катру въ комнату. Она нетерпѣливо смотрѣла, какъ я зажигалъ лампу.

— Разскажите, какъ случилось... Поподробнѣй!..

— Что разсказывать? Я ничего не знаю. Позвали къ куску растерзаннаго мяса, спросили:—«Узнаёте?» — «Узнаю...» Сказалъ:—«Онъ поѣхалъ съ пассажирскимъ поѣздомъ № 8, любилъ стоять на площадкѣ, должно-быть, свалился...» И сошлись съ нимъ ложью,—въ жилетномъ карманѣ у него нашли билетъ. Машѣ онъ еще третьяго-дня сказалъ, что ѣдетъ въ Пыльскъ.

Катра, наклонившись впередъ, въ ужасѣ слушала.

Я сѣлъ на кровать и стиснулъ голову руками.

— О, Господи, пускай, пускай! Слава Богу, наконецъ кончилось!.. Какая мука!..

Я замолчалъ. Катра не шевелилась и все какъ будто слушала.

— Вы знали его старшаго брата?—спросилъ я.—Онъ тоже убилъ себя, отравился піанистымъ каліемъ. Проповѣдывалъ міровую душу, трагическую радость познанія этой души, великую красоту человѣческаго существованія. Но глаза его были водянисто-свѣтлые, двигались медленно и были какъ будто пустые. И въ нихъ была та же жизненная пустота. И онъ умеръ,—*долженъ былъ умереть.* Докторъ Розановъ говоритъ, — на всей ихъ семьѣ типическая печать вырожденія... Встало Невѣдомое и ведетъ людей, куда хочетъ... Страшно, страшно!

Какъ будто въ какомъ-то снѣ, Катра глухо отозвалась:

— Страшно!

Она подошла къ окну. По серебристо-свѣтящемуся небу попрежнему ползли черныя облака, и удивительна была эта сосредоточенная жизнь на небѣ надъ глухо молчащею землею.

— Забытая небомъ земля, — сказала Катра.

Мы долго молчали. Катра повернулась спиною къ окну. Отъ полей шляпки падала тѣнь на ея лицо, но мнѣ казалось, я вижу его, съ широко открытыми, свѣтящимися глазами. Какъ будто она, насторожившись, жадно прислушивалась къ чему-то внутри себя, чего не могла разслышать. Мнѣ вдругъ стало страшно,—зачѣмъ она здѣсь и зачѣмъ молчитъ?

Катра безсознательно застонала слабымъ, протяжнымъ стономъ, — смутнымъ и тоскливымъ, какъ стонутъ спящіе люди. Она вздрогнула отъ своего стона, очнулась и презрительно повела плечами.

— Пойдемте въ его комнату... Я хочу посмотрѣть, — коротко сказала она.

Мы вошли. Катра съ острымъ любопытствомъ медленно оглядывала кровать Алексѣя, печку съ полуоткрытою заслонкою, за которою виднѣлся соръ и бумага. На гвоздѣ у двери висѣлъ старый пиджакъ Алексѣя, теперь сиротливо-ненужный. Катра смотрѣла на дверь.

— А вокругъ косяковъ вся штукатурка осыпалась... Такъ все и осталось, какъ вы тогда дверь выломали... Стоялъ синій угаръ...

Она говорила, какъ въ бреду. Она какъ будто тянулась душою въ этотъ воздухъ, насыщенный смертью, — тянулась жадно, извилисто-страстно. И замолчала.

И я замолчалъ. За окнами была та же тишина. До меня донесся странно-тихій шопотъ:

— Вамъ не кажется, что сейчасъ все кругомъ умерло?

Сердце стучало, въ груди была дрожь. Я нахмурился и рѣзко отвѣтилъ:

— Не понимаю, что̀ вы говорите.

Катра медленно подошла къ окну и стала смотрѣть на улицу.

— Какъ тихо! Какъ тихо! И ни одного огонька нигдѣ... Смерть разлилась на все и все охватила, и только мы одни. Это удивительно... Можно кричать, вопить, стрѣлять,—никто не услышитъ... И умереть...

Она счастливо вздохнула. У меня сердце стучало все сильнѣе. Я смотрѣлъ на нее. На серебристомъ фонѣ окна рисовались плечи, свѣтъ лампы игралъ искрами на серебряномъ поясѣ, и черная юбка облегала бедра. Со смертью и тишиною мутно мѣшалось молодое, стройное тѣло. Оно дышитъ жизнью, а каждую минуту можетъ перейти въ смерть. И эта осѣненная смертью жизнь сіяла, какъ живая бѣлизна тѣла въ темномъ подземельѣ.

Мы молчали. Мы долго молчали, очень долго. И не было странно. Мы все время переговаривались, только не словами, а смутными, пугавшими душу ощущеніями, отъ которыхъ занималось дыханіе. Кругомъ становилось все тише и пустыннѣе. Странно было подумать, что гдѣ-нибудь есть или когда-нибудь будутъ еще люди. У блѣднаго окна стоитъ красавица-смерть. Передъ нею падаютъ всѣ обычныя человѣческія пониманія. Нѣтъ преградъ. Все разрѣшающая, она несетъ безумное, небывалое въ жизни счастье.

Душный туманъ поднимался и пьянилъ голову. Что-то въ отчаяніи погибало, и изъ отчаянія взвивалась дерзкая радость.

Да, пускай. Если нѣтъ спасенія отъ темныхъ, непонятныхъ силъ души, то выходъ — броситься имъ навстрѣчу, свиться, слиться съ ними цѣликомъ — и въ этой новой, небывало-полной цѣльности закрутиться въ сумасшедшемъ вихрѣ.

Прерывисто дыша, я подошелъ къ окну. Я близко подошелъ къ ней и тяжело, рѣшительно сказалъ:

— Катра! Сейчасъ же уходите отсюда! Слышите?

Катра повернулась ко мнѣ. Она беззвучно смѣялась, счастливо смотрѣла и качала головою. Въ тѣни шляпки глаза мерцали смутными, далекими огоньками, какъ свѣтляки въ лѣсномъ оврагѣ.

Я быстро охватилъ ея плечи и крѣпкимъ поцѣлуемъ припикъ къ щекѣ. Катра слабо вскрикнула и рванулась.

— Константинъ Сергѣевичъ, что это вы?

Я хищно цѣловалъ ее, я ломалъ ей руки и отводилъ ихъ отъ тѣла.

— Константинъ Сергѣевичъ!.. Боже мой!.. Конста...

Была нѣмая борьба. Гибкое, сильное тѣло извивалось, пуговицы и застежки трещали. Вдругъ Катра перестала биться. Она слабо застонала — тѣмъ же тоскливымъ стономъ бредящаго человѣка. Жестокимъ поцѣлуемъ я припалъ къ нагому плечу.

Катра рванулась.

Вихремъ взвилась острая, безумная радость. Никогда нигдѣ ничего не было, было только дерзкое, непозволенное, неслыханное въ человѣческой жизни счастье.

— Погоди, что это?.. Ахъ, да!

Катра вынула изъ кармана револьверъ. Она обняла мою шею рукою, крѣпко прижала къ себѣ. Другой рукой покрыла плоскій, блестящій револьверъ. Грозно-веселый свѣтъ безумно лился изъ ея глазъ въ мои.

— А если я сегодня же убью тебя и себя?

— Пускай!

Въ комнатѣ еще чувствуется весенне-нѣжный запахъ ея духовъ. Воспоминаніе о безумной ночи мѣшается съ мыслью о растерзанномъ трупѣ Алеши... Ну что жъ! Ну, и пускай!

У косяка двери съ осыпавшеюся штукатуркою виситъ на гвоздѣ старый пиджакъ Алеши. Запошенный, съ отрепанными рукавами. Рыданія горькой жалости схватываютъ грудь.

Здѣсь стояла и она, — прекрасная, охваченная смутнымъ бредомъ смерти. Но она не вспомнила о револьверѣ. Ушла, и даже забыла его на столикѣ. Лежитъ онъ, тускло поблески-

вая, грозный и безвредный. Обманомъ была украдена радость, кончилась мелко и неполно.

А Алеша вчера утромъ стоялъ въ кустахъ за сахарнымъ заводомъ. Чуть брезжила зеленоватая заря. Блестящія струи рельсовъ убѣгали въ сумракъ. Со впавшими, рѣшительными глазами онъ стоялъ и вслушивался, какъ рельсы тихо рокотали отъ далекаго поѣзда, несшаго ему смерть.

Тщательно и горячо они обсуждали содержаніе завтрашнихъ рѣчей. Наташа всю ночь съ женою Дяди-Бѣлаго вышивала майскіе флаги. Ея безкровное лицо посѣрѣло, но глаза свѣтились еще ярче. Я рѣшительно отказался выступать завтра; очень разстроенъ смертью Алексѣя, въ головѣ каша, не сумѣю связать двухъ словъ. И было мнѣ безразлично, что Перевозчиковъ иронически улыбался и ясно выказывалъ подозрѣніе, не попросту ли я трушу.

Съ смутною завистью я прислушивался. Что-то важное для нихъ, огромное и серьезное. А у меня въ душѣ все ссохлось, и жизнь отлетѣла отъ того, о чемъ они говорили. Были только истрепанныя слова, возбуждавшія тошнотную скуку.

Я увидѣлъ подъ сознаніемъ непроглядную темноту, и увидѣлъ мои мысли — призраки, рожденные испареніями тьмы. Некуда уйти отъ нея. И призраки меня не обманутъ — темные ли они или свѣтлые. Не обманутъ, и теперь уже не испугаютъ.

Пускай мутный сумракъ души, пускай ночные ужасы и денная тоска. Зато въ полумертвомъ сумракѣ — слѣпящеяркія, испепеляющія душу вспышки. Перенасыщенная мука, недозволенное счастье. Исчезаютъ время и міръ. И отлетаютъ заслоняющіе призраки. Смѣйся надъ ними и весело бросайся въ темноту. Только тамъ правда, — невѣдомая и державная.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

За обѣдомъ, за чаемъ, за ужиномъ, — все время Анна Петровна непрерывно кричитъ на скуластую Аксютку. Это здѣсь необходимая приправа къ ѣдѣ.

— Да гдѣ она опять, эта рыжая дурища?.. Аксютка! Пойди сюда! Гдѣ ты была,—въ ригѣ, на скотномъ, что не слышишь, какъ зовутъ?

— Я въ кухнѣ была.

— А я тебѣ десять тысячъ разъ говорила, — когда мы за столомъ, чтобъ ты тутъ была... Гдѣ вилки?

— Вотъ, на столѣ лежатъ.

— *Гдѣ вилки?..* Чѣмъ у тебя голова набита, — навозомъ? Пойди сюда, считай, — сколько насъ? Теперь сообрази, — сколько вилокъ надо?

Ѳедоръ Ѳедоровичъ кряхтитъ и пьетъ много квасу.

Оба они то и дѣло шпыняютъ Борю за то, что ему назначена переэкзаменовка: малый въ пятомъ классѣ, а вотъ пришлось взять репетитора.

Анна Петровна приправляетъ салатъ и поучающе говоритъ:

— Ты долженъ хорошо учиться. Видишь, какъ хозяйство идетъ. Все ползетъ, все разваливается. Мы съ отцомъ ничего въ хозяйствѣ не понимаемъ...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ широко раскрываетъ глаза.

— Кто это не понимаетъ?.. Парлэ пуръ ву!.. Зачѣмъ вы меня сюда припутали? Я отлично понимаю.

— «Отлично»... Почему же у насъ никакія машины не идутъ?

— Какія машины не идутъ?

— Всѣ, какія есть. Сѣялка, косилка, молотилка. Свидерскій говоритъ, — сѣялка у насъ очень хорошая, только управлять не умѣютъ.

— Глупости говоритъ Свидерскій.

— Почему же у насъ, какъ посѣютъ овесъ просто, безъ сѣялки...

— Почему... Почему... Э... э... Почему у оленя во рту не растутъ лимоны?

Ѳедоръ Ѳедоровичъ сопитъ и наливается кровью, рачьи глаза смотрятъ злобно. Анна Петровна презрительно пожимаетъ плечомъ.

— Это что значитъ?

— Почему этотъ стаканъ стеклянный, а не деревянный? Почему сейчасъ дождь идетъ? Это глупые вопросы, на нихъ нельзя отвѣтить. Почему не родилось? Урожаю не было!

— Почему же у насъ урожай бываетъ тамъ, гдѣ сѣютъ безъ сѣялки?

— Го-го!.. Уд-дивительно!

— Очень удивительно. Посѣютъ просто, отъ руки, — и растетъ себѣ великолѣпно. А выѣдутъ съ сѣялкой, — стучитъ, трещитъ, звенитъ, а толку нѣту!

— У-удивительно! Х-хе-хе-хе!.. Суперфлю! Суперфлю!..

— И во всемъ такъ. Все дуромъ идетъ, черезъ пень-колоду...

Курсистка Наталья Оедоровна, съ темнымъ, болѣзненнымъ лицомъ, страдальчески морщится.

— Ну, мама, будетъ!

Но Анна Петровна безудержно сыплетъ:

— Вотъ, скотникъ Петръ. Три недѣли лошадей не распутывалъ, лошади всѣ ноги себѣ протерли. Скотину домой гонитъ за два часа до заката, кнутомъ хлещетъ. Стадо мчится, какъ съ пожара, половина овецъ хромая,—лошади подавили. А прогнать скотника нельзя,—«гдѣ я другого найду?».

— Ну да,—гдѣ я другого найду? Нѣтъ народа!

— Свѣтъ не клиномъ сошелся. Можно пока поденно взять.

Оедоръ Оедоровичъ наливается темною кровью, на лбу вспухаютъ синія жилы.

— Поденно!.. Умное слово услышалъ!.. Поденно!..

Онъ, шатаясь, поднимается и поспѣшно уходитъ въ кабинетъ. Анна Петровна ему вслѣдъ:

— Вотъ, когда правду заговорятъ,—сейчасъ же бѣжитъ!

— Да будетъ тебѣ, мама! Ну что это!.. Противно слушать.

— Не слушай, пожалуйста!

— Вѣдь опять у него кровь прилила къ головѣ.

Анна Петровна осѣкается. Она сидитъ молча, подергиваетъ плечами, безъ нужды передвигаетъ тарелки. Потомъ говоритъ:

— Пойди, Боря, посмотри, не нужно ли чего отцу... Да вотъ творожники отнеси ему,—ушелъ отъ третьяго.

— Сказалъ: не хочетъ.

И изо дня въ день такъ. О чемъ ни заговорятъ, — вдругъ изъ разговора высовываются острые крючечки, цѣпляются, колются. Ссоры, дрязги, попреки. Мой ученикъ Боря — славный мальчикъ, наединѣ съ нимъ пріято быть Но когда они вмѣстѣ, — всѣ звучатъ въ одинъ раздраженно злой, осиный тонъ.

Весна въ разгарѣ. Воздухъ поетъ, стрекочетъ, жужжитъ. Цвѣтетъ сирень. И державно плыветъ надъ землею солнце.

Но душа на все смотритъ, какъ изъ глубокой черной дыры. Далеко гдѣ-то звенятъ ласточки. Равнодушно проходятъ цвѣты,—распускаются, теряютъ уборы... А! И сирень уже закоричневѣла, сморщилась. А я все собирался почувствовать ее. Ну, все равно.

Я ничего не читаю и не хочу думать. Довольно играть мячиками-мыслями. Второстепенное мнѣ теперь совсѣмъ не интересно, — всѣ эти параллаксы Сиріусовъ и тактика кадетовъ. А въ самомъ важномъ, что такъ необходимо для жизни, — тутъ цѣну исканіямъ мысли я знаю. Мячики, которые подсовываетъ Хозяинъ. Не хочу.

И странно мнѣ смотрѣть на Наталью Ѳедоровну. Сутулая, съ желто-темнымъ лицомъ. Черезъ бѣгающіе глаза изъ глубины смотритъ растерянная, съежившаяся печаль, не вѣдающая своихъ истоковъ. И всегда подъ мышкой у нея огромная книга: «Критика отвлеченныхъ началъ» Владимира Соловьева. Сидитъ у себя до двухъ, до трехъ часовъ ночи; согнувшись крючкомъ, впивается въ книгу. Часто лежитъ съ мигренями. Отдышится—и опять въ книгу. Сосетъ, сосетъ, и думаетъ,—что-нибудь высосетъ.

Живетъ здѣсь еще жена старшаго ихъ сына-чиновника, Агрипина Алексѣевна. Молодая, очень полная, всегда въ тугомъ корсетѣ; сильно скучаетъ въ деревнѣ. У нея мальчикъ Воля. Вѣчно онъ ноетъ и капризничаетъ; съ воскового, спавшагося личика смотрятъ злые глаза. Какой-то кишечный катарръ у него. Агрипина Алексѣевна ставитъ ему клизмочки и готовитъ кашки.

Кругомъ все разрушается. Амбары покосились, крыша риги провисла. Старенькій старичокъ Степанъ Рытовъ ведетъ на поводу слѣпого мерина, запряженнаго въ бочку, и шамкающимъ голосомъ повторяетъ:

— Тпру!.. Тпру!..

По запущенному саду ходитъ, еле двигая ногами, дряхлый жеребецъ. Вокругъ глазъ большіе сѣдые круги, какъ будто очки. На ночь его часто оставляютъ въ саду. Онъ неподвижно стоитъ, широко разставивъ ноги, съ безсильно отвисшей губой. И въ лунныя ночи кажется, — вотъ призракъ умирающей здѣсь жизни.

А иногда другой является призракъ. Приходитъ изъ деревни пьяный Гаврила Мохначевъ. Огромный, лохматый и оборванный, онъ бродитъ по саду, шагая черезъ кусты и грядки, бродитъ подъ балкономъ. Грозитъ кулакомъ на окна и зловѣще трясетъ головой.

— У-у, дармоѣды проклятые! Настроили хоромъ... Погодите, дайте срокъ!..

Зато сегодня вечеромъ увижу Катру.

Имѣніе ея матери въ пяти верстахъ отъ Сеянова, гдѣ я. Мать — сухая, энергичная дама съ хищными, тоскливыми глазами. Она сама управляетъ имѣніями, носится въ платочкѣ по амбарамъ и скотнымъ дворамъ. Копитъ, копитъ для Катры и совсѣмъ не интересуется, какъ и чѣмъ она живетъ.

Катра властвуетъ. Ея три комнаты — изящная сказка, перенесенная въ старинный помѣщичій домъ. Подъ окнами огромные цвѣтники, какъ будто эскадроны цвѣтовъ внезапно

остановились въ стремительномъ бѣгѣ и вспыхнули цвѣтными, душистыми огнями. Бельведеръ на крышѣ, какъ башня, съ винтовой лѣстничкой. Тамъ мы скрыты отъ всего міра.

Среди ароматовъ и цвѣтовъ — она, прекрасная, хищная. И она моя. Буйно-грѣшный сонъ любви и красоты, вѣчной борьбы и торжествующаго покоренія. Все время мы другъ противъ друга, какъ настороживщіеся враги. Мнѣ кажется, мы больше другъ друга презираемъ и ненавидимъ, чѣмъ любимъ. Смѣшно представить себѣ, чтобъ сѣсть съ нею рядомъ, какъ съ подругою, взять ея руку и легко говорить о томъ, что въ душѣ. Я смотрю, — и побѣдно-хищно горятъ глаза:

«Да! Ты, — гордая, недоступная, всѣмъ желанная, — ты моя, съ твоими презрительными глазами и руками Діаны».

А она смотритъ:

«Ты, съ твоими звонкими словами о широкомъ и большомъ, — ты увидѣлъ въ этомъ пустоту. Я буду при тебѣ смѣяться надо всѣмъ, ты можешь бѣситься, а я знаю: встану, подниму изъ широкихъ рукавовъ нагія руки, потянусь къ тебѣ, — и пусть ты не говоришь, а пьянящая тайна моихъ объятій для тебя глубже и прекраснѣе скучныхъ дѣлъ міра».

Ну да: глубже и прекраснѣе. Она торжествуетъ. А я злорадно смѣюсь въ душѣ. Съ предательски-внимательнымъ взглядомъ она подноситъ мнѣ пьяный напитокъ; кажется, вся страсть и острая радость ея въ томъ, что я хватаюсь за него. А мнѣ его-то и нужно.

Кружится голова. Какъ темно, какъ жарко! Гибкая змѣя вьется въ темнотѣ. Ядъ сочится изъ скрытыхъ зубовъ, и смотрятъ въ душу мерцающіе, зеленые глаза. Темнота разсѣивается, глубоко внизу мелькаетъ таинственный свѣтъ. Все кругомъ измѣняется въ жуткомъ преображеніи. Грозное веселье загорается въ ея глазахъ, какъ въ первый разъ, когда она ласкала рукою сталь револьвера. И вдругъ мы становимся неожиданно-близкими. И идетъ безмолвный разговоръ.

— Ты помнишь, — помнишь, что смерть насъ вѣнчала?

И безумные глаза отвѣчаютъ:

— Помню!

Шевелятся волосы отъ близкаго дыханія божественной вѣнчательницы. Вотъ она. Какая великая власть у насъ! Только шагъ шагнуть — и ухъ! Оборваться и полетѣть, и забиться въ безумно-сладкихъ судорогахъ. Свѣтлый смѣхъ надъ темною жизнью. И молнія. И свѣтлый, торжествующій конецъ.

Это писалось всего нѣсколько часовъ назадъ? Читаю, перечитываю, — какъ будто писано на незнакомомъ языкѣ. Свѣтъ

какой-то, пьянящая тайна объятій... Какого тутъ чорта «тайна»?.. Бррр!..

Въ душѣ смрадъ. Противны воспоминанія. Все такъ плоско и убого. Какъ будто вышелъ я изъ спальни проститутки. «Бездна»? Грязное болото въ ней, а не бездна... Ко всему она спускается сверху, изъ головы, съ холодомъ ставитъ опыты тамъ, гдѣ ждешь всесжигающаго огня. И никакой нѣтъ надъ нами «вѣнчательницы». Не ужасъ между нами, а развратно-холодная забава.

Хозяинъ слѣпыми глазами смотритъ на меня изъ глубины моей. И я твержу себѣ:

— Помни, помни, что̀ ты теперь испытываешь!

Но со злобою я чую: захочетъ онъ, слѣпой мой владыка,— и опять затрепещетъ душа страстно-горячею жаждою, и опять увижу я освѣщающую міръ тайну въ томъ, отъ чего сейчасъ въ душѣ только гадливый трепетъ.

Идутъ дни, какъ медленныя капли падаютъ. Съ тупымъ отвращеніемъ я наблюдаю моего Хозяина. Онъ, этотъ слѣпой и переметчивый тупица, — онъ долженъ рѣшать для меня загадку жизни! Какое униженіе! И какая глупость ждать чего-нибудь!

Конечно, я боленъ. Слишкомъ много всего пришлось пережить за этотъ годъ. Истрепались нервы, закачались настроенія, душа наполнилась дрожащею сѣрою мутью. Но этому я радъ. Именно текучая измѣнчивость настроеній и открыла мнѣ моего Хозяина. Какъ безпокойный клещъ, онъ ворочается въ душѣ, ползаетъ, то тамъ вопьется, то здѣсь, — и его все время ощущаешь. А кругомъ ходятъ люди. Хозяева-клещи вцились въ нихъ неподвижною, мертвою хваткою, а люди ихъ не замѣчаютъ; увѣренно ходятъ — и думаютъ, что сами они себѣ причина.

А сегодня я посмѣялся.

Лежалъ послѣ обѣда подъ кленомъ въ концѣ сада, читалъ газету. Часа черезъ два послѣ обѣда меня часто охватываетъ тупая, мутящая тоска. Причину я знаю. Не осіянное проникновеніе духа сквозь покровъ Маіи, — о, нѣтъ! Обычный студенческій катарръ желудка.

Я лежалъ, смотрѣлъ, какъ свѣтило солнце сквозь сѣтку травъ на валу канавы. Душа незамѣтно заполнялась тяжелымъ, душнымъ чадомъ. Что-то приближалось къ ней, — медленно приближалось что-то небывало-ужасное. Сердце то вздрагивало рѣзко, то замирало. И вдругъ я почувствовалъ — смерть.

Я почувствовалъ: она здѣсь. Подползла откуда-то, — уплая,

тусклая, — обвилась, сунула носъ въ мою душу и нюхаетъ. Она не собиралась сейчасъ взять меня, только приползла взглянуть на будущую добычу. И все внутри затрепетало въ понятой вдругъ обреченности своей на уничтоженіе.

Не умомъ я понялъ. Всѣмъ тѣломъ, каждою его клѣточкою я въ мятущемся ужасѣ чувствовалъ свою обреченность. И напрасно умъ противился, упирался, смотрѣлъ въ сторону. Мутный ужасъ смялъ его и втянулъ въ себя. И все вокругъ втянулъ. Безсмысленна стала жизнь въ ея краскахъ, борьбѣ и исканіяхъ. Я уничтожусь, и это неизбѣжно. Не черезъ недѣлю, такъ черезъ двадцать лѣтъ. Разсклизну, начну мѣшаться съ землей, все во мнѣ начнетъ сквозить; пусто станетъ межъ ребрами, на дно пустого черепа мозгъ ляжетъ горсточкою чернаго перегноя...

Нѣсколько разъ за этотъ годъ я лицомъ къ лицу сталкивался со смертью. Конечно, было очень страшно. Но совсѣмъ было не то, и не могъ я понять, что̀ это за ужасъ смерти. А теперь, въ полной безопасности, на мягкой травѣ подъ кленомъ, — я вдругъ заметался подъ негрозящимъ взглядомъ смерти, какъ загнанная въ уголъ собачонка.

Хотѣлось перестать метаться, свиться душою въ клубокъ, покорно лечь и въ неподвижномъ ужасѣ чувствовать, что вотъ она, вотъ она надъ тобою, несвержимая владычица...

Но я вскочилъ на ноги.

Съ разбѣгу перепрыгнулъ черезъ канаву и побѣжалъ навстрѣчу вѣтру къ лощинѣ. Продираясь сквозь кусты, обрываясь и цѣпляясь за вѣтки, я скатился по откосу къ ручью, перескочилъ его, полѣзъ на обрывъ. Осыпалась земля, обвисали вѣтви подъ хватающимися руками. Я представлялъ себѣ, — иду въ атаку во главѣ революціонныхъ войскъ. Выкарабкался на ту сторону, вскочилъ на ноги.

Моремъ лился свѣтъ на широкіе луга. Весело билось сердце, грудь, задыхаясь, алчно вбирала свѣжій воздухъ, насытившіеся мускулы играли.

Гдѣ, гдѣ то̀, что̀ сейчасъ клубкомъ обвивалось вокругъ души? Тамъ осталось, внизу. Вонъ за канавой, подъ кленомъ.

А, подлый рабъ! Ты думалъ, — ты мой Хозяинъ, и я все приму, что̀ ты въ меня вкладываешь? А я вотъ стою, дышу радостно и смѣюсь подъ тобою. Стараюсь, добросовѣстно стараюсь — и не могу понять: да что̀ же такого ужаснаго было въ томъ, что̀ думалось подъ кленомъ? Я когда-нибудь умру. Вотъ такъ новость ты мнѣ раскрылъ!

— Воля, пойди-ка сюда! Пойди, пойди сюда! — Агриппина Алексѣевна сердито ждала, пока онъ не подошелъ. — Скажи, пожалуйста, кто это у тети Наташи въ комнатѣ разбилъ синій кувшинчикъ изъ-подъ цвѣтовъ?

Воля насупился, поджалъ губы и вызывающе уставился на нее.

— Ты это разбилъ, да?

Онъ, не спуская съ нея взгляда, кивнулъ головой.

— Сколько же разъ я тебѣ говорила: не смѣй никогда трогать ничего безъ спросу! Тетя Наташа такъ любитъ синій кувшинчикъ, а ты разбилъ. Никогда больше не ходи одинъ въ комнату тети Наташи, понялъ?

Воля робко взглянулъ исподлобья и неожиданно отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

— Не понялъ? Я тебѣ говорю: ты все трогаешь безъ спросу, все портишь. И не смѣй ходить, куда тебя не зовутъ. Понялъ теперь?

Робко, жалобно и настойчиво Воля повторилъ:

— Нѣтъ.

— Ну, голубчикъ мой, если не понимаешь, то тебя никуда нельзя выпускать. Пойдемъ, я тебя запру наверху.

Она взяла Волю за руку. Онъ сморщился и судорожно сталъ всхлипывать.

— А-а! Видишь? Не хочется наверхъ? Понялъ теперь, что нельзя трогать чужихъ вещей?

Крупныя слезы прыгали по желтовато-прозрачнымъ щекамъ. Воля вызывающе взглянулъ и жалобно-дрожащимъ, упрямымъ голосомъ опять отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

— Ахъ, дрянной мальчишка!.. Ну, посиди наверху, тогда поймешь!

Она потащила его изъ столовой. Воля вдругъ закатился голосистымъ ревомъ, какъ будто плачъ долго накоплялся въ немъ и теперь упоенно вырвался наружу. Анна Петровна сказала:

— Вотъ характерецъ!.. Какой упрямый мальчишка!

— Боленъ онъ.

— И въ кого онъ такой уродился? Отецъ здоровый, мать вонъ какая! — Анна Петровна улыбнулась. — Сегодня утромъ Окла мнѣ говоритъ: удача нашему молодому барину, — какая тѣлистая жена попалась.

Боря лѣниво возразилъ:

— Она сказала: «тѣльная».

— Ну, что ты! «Тельная»! Тельною корова называется, когда ждетъ теленка.

— «Тѣльная», черезъ *ять*, отъ «тѣло».

— Я сама слышала, она сказала: тѣлистая.

— А я слышалъ, сказала: тѣльная.

— Ну, не ври, пожалуйста!

Раздражаясь, вмѣшалась Наталья Ѳедоровна:

— Отчего онъ долженъ врать? Ты такъ слышала, онъ такъ.

— Ничего онъ не слышалъ. Всегда вретъ.

— Никогда не вру! По себѣ судишь.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ крикнулъ:

— Какъ ты смѣешь говорить такъ матери?!

Заварилась каша.

— Сейчасъ же проси у матери прощенія!

— Не стану просить. Пусть она раньше у меня попроситъ!

— Она — у тебя?!

Ѳедоръ Ѳедоровичъ поспѣшно ушелъ въ кабинетъ. Когда онъ волнуется, у него приливы крови къ головѣ, и онъ страшно боится удара.

Приказъ изъ кабинета черезъ Аксютку:

— Пусть Борисъ Ѳедоровичъ не попадается барину на глаза.

Раньше, чѣмъ выйти къ обѣду или ужину, Ѳедоръ Ѳедоровичъ высылаетъ теперь Аксютку справиться, въ столовой ли Боря. Кормятъ Борю отдѣльно.

— Тпру!.. Тпру!..

Чалый, слѣпой меринъ спокойно шагаетъ. Заложивъ руки за спину и держа въ нихъ поводъ, впереди идетъ дѣдушка Степанъ. Старая гимназическая фуражка на головѣ. Маленькій, сгорбленный, съ мертвенно-старческимъ лицомъ, онъ идетъ, какъ будто падаетъ впередъ, и машинально, самъ не замѣчая, повторяетъ:

— Тпру!.. Тпру!..

Меринъ возитъ воду изъ колодца, траву для конюшенныхъ лошадей. И круглый день на дворѣ или въ саду слышится отрывистое, сурово-дѣловитое:

— Тпру!.. Тпру!..

Тяжело и жалко смотрѣть на старика. Такой онъ маленькій, дряхлый, сгорбленный. Ему бы давно лежать на печи и грѣться на солнышкѣ. А онъ убираетъ пять лошадей на конюшнѣ, обслуживаетъ дворъ и кухню.

На-дняхъ косилъ онъ въ саду траву для конюшенныхъ лошадей. Коса рѣзала медленно и увѣренно, казалось, она движется сама собою, а дѣдка Степанъ безсильными руками прилипъ къ косью и тянется слѣдомъ. Лицо его было совсѣмъ, какъ у трупа.

— Дай-ка, дѣдка, я покошу.

Онъ остановился,—скрывая тяжелую одышку, оглядѣлъ меня.

— Съ чего это? Ну, ну, побалуйся. Дай, поточу тебѣ.

Я косилъ. Степанъ съ добродушно-снисходительною усмѣшкою смотрѣлъ и училъ:

— Пяткой больше налегай!.. Та-акъ!.. Много концомъ забираешь, ты помаленечку. Она ровнѣй пойдетъ...

Я докосилъ до канавки. Степанъ подошелъ.

— Будя, малый! Уморился.

— Нѣтъ, я на весь возъ накошу.

— О-о?.. Ну, покосись еще.

Я рядъ за рядомъ продвигался мимо. Степанъ стоялъ, разставивъ ноги въ огромныхъ лаптяхъ; съ узкихъ, сгорбленныхъ плечъ руки прямо свѣшивались впередъ, какъ узловатыя палки. А глаза слѣдили за мной и въ глубинѣ своей мягко смѣялись чему-то.

— Ну, я, значитъ, за телѣгой побѣгу... А ты еще рядочка два пройди, и ладно.

Теперь я каждый день кошу для него траву.

— Дѣдушка Степанъ, гдѣ косить сегодня?

— Ай опять охота нашла?.. Ну-ну! Низкомъ нынче коси, за малиной. Гдѣ кленочки-то насажены-ы? Пройди рядокъ-другой, а тамъ я подъѣду, подсоблю тебѣ.

Я кошу. Онъ подъѣзжаетъ. Каждый разъ пытается взять косу и продолжать самъ. Но я не даю. И онъ вилами начинаетъ накладывать траву въ телѣгу.

Слѣпой меринъ съ таинственными, мутно-синеватыми зрачками ѣстъ съ рядовъ траву, медленно продвигаясь впередъ. Степанъ свирѣпо кричитъ:

— Ну, ну, куда прешь?.. Тпру-у!.. Ходитъ кругомъ, полверсты бѣжать за нимъ съ вилками... Стой ты, дьяволь нехорошій!.. Тпру!..

И все время слышатся его шамкающіе, грозные окрики. Но сморщенная рука тянетъ за узду, не дергая. Но лошадь не вздрагиваетъ при его приближеніи.

Накосили травы, навили возъ. Степанъ стоитъ съ тавлинкою изъ бересты и медленно нюхаетъ табачокъ. Украдкою онъ киваетъ мнѣ на Слѣпого и вполголоса говоритъ:

— Эхъ, малый, хорошъ конекъ! Кабы еще зрячій былъ, цѣны бы ему не было.

Слѣпой смотритъ невидящими глазами и притворяется, что не слышитъ. Степанъ подтягиваетъ черезсѣдельникъ, вздохнувъ, взглядываетъ на Слѣпого.

— Ну что жъ? Трогай, что ли!

Руки за спину, поводъ въ рукахъ,—и идетъ впереди дряхлымъ, падающимъ шагомъ, и опять слышится:

— Тпру!.. Тпру!..

Жалко Степана.

Онъ изъ Щепотьева, верстъ за пять отсюда. Хозяйство ведетъ его сынъ Алексѣй, большой, вялый мужикъ съ рыжею бородою. Горе ихъ дома,—что жена Алексѣя родитъ ему все однѣхъ дѣвокъ. Семь дѣвокъ въ семьѣ, а желаннаго мальчика все нѣтъ. Нужда у нихъ жестокая.

Степанъ получаетъ жалованья три рубля и цѣликомъ отдаетъ ихъ сыну. Отдастъ и свою мѣсячину—два пуда муки. А самъ подбираетъ со стола за работниками обгрызанныя корочки и мочитъ ихъ въ водѣ. Работники за обѣдомъ смѣются:

— Ну, дядя Степанъ, до смерти теперь мягкаго хлѣба не видать тебѣ!

Степанъ тискаетъ беззубыми деснами размоченныя корочки и тихо улыбается.

Ужасно его жалко. Хочется сдѣлать ему что-нибудь пріятное. Я подарилъ ему свои большіе сапоги. Дѣдка былъ очень доволенъ, осматривалъ сапоги, щелкалъ по нимъ пальцами. Приглядываюсь, — Степанъ все въ лаптяхъ, какъ ни мокро на дворѣ.

— Что жъ ты, дѣдка, сапогъ не носишь?

Онъ хитро улыбнулся:

— Да ихъ, малый, ужъ давно Алёха трепле!

Боря привезъ ему изъ города четвертку чаю и два фунта сахару. Степанъ сейчасъ же переслалъ ихъ своимъ.

Удивительное дѣло: самому ему *ничего не нужно!* И все время мягко и радостно смѣются чему-то тусклые глаза. Сгорбившись дугою, онъ стоитъ у конюшни, съ наслажденіемъ поглядываетъ на далекіе луга.

— Эхъ, парень, рѣсы нонѣ больно хороши! На зорькѣ два шага по травѣ пройдешь, — весь мокрый. На большомъ лугу, чай, стоговъ шесть смечутъ.

Къ себѣ домой его совсѣмъ не тянетъ. Онъ сжился съ сеяновской усадьбою, съ конюшней, съ лошадьми, болѣетъ душою за разрушающуюся хозяйственную жизнь. Домой же ходитъ только по очень большимъ праздникамъ, изъ вѣжливости. И скучаетъ тамъ.

Изрѣдка придетъ къ нему сынъ Алексѣй, принесетъ осьмушку табачку или лычка на лапти. Въ окно увидитъ это Анна Петровна и раскудахчется:

— Зачѣмъ ты ему, Алексѣй, лыка принесъ? И такъ онъ

весь день ничего не дѣлаетъ. А теперь и вовсе: знай, сиди себѣ на солнышкѣ да плети лапти!

Степанъ равнодушно уходитъ съ Алексѣемъ въ конюшню. Тамъ онъ ворчитъ:

— Раскричалась!.. Небось, не на работѣ, а на полдняхъ урвешь времечко лапти поковырять. Али послѣ ужина. На твое жалованье сапоги нешто купишь? «Не дѣлаешь ничего»!.. Однѣхъ лошадей сколько въ конюшнѣ! На этакую артель отдѣльнаго бы человѣка нужно. Всѣхъ почистить, навозъ выгрести, травы накосить лошадёмъ... Бра-ать!

Но чувствуетъ Степанъ, что силы у него мало, и что его скоро прогонятъ. Онъ самому себѣ старается доказать, что не хуже онъ другихъ, и надсаживается безъ отдыха.

Мужики при встрѣчахъ смотрятъ угрюмыми, презирающими глазами и отворачиваются. Каждый вечеръ за ужиномъ идутъ ярые споры, убирать ли дальніе покосы. Возить оттуда, — перевозка станетъ дороже сѣна; тамъ метать стога, — мужики ихъ растащутъ или подожгутъ.

По вечерамъ то здѣсь, то тамъ дрожатъ на горизонтѣ зарева горящихъ усадебъ. Дѣдушка Степанъ нюхаетъ табачокъ и съ лукавою усмѣшкою говоритъ:

— Ребята самовары ставятъ!

Недавно подъ вечеръ Степана нашли за конюшней на навозной кучѣ, а рядомъ валялись вилы. Онъ лежалъ и не могъ встать. Правая нога и рука отнялись, лицо дергалось. Онъ ворочалъ глазами и говорилъ непонятныя слова:

— Марый, овса запусай кленочку... Овса, говорю... запусай!

Его перенесли въ рабочую избу.

А черезъ два дня слышу на дворѣ:

— Тпру!.. Тпру!..

И опять падающимъ своимъ шагомъ Степанъ идетъ передъ бочкою, волоча правую ногу.

За ужиномъ онъ жевалъ деснами размоченную въ щахъ хлѣбную корку и хвастливо говорилъ:

— Я почему держусь? Другой въ мои годы на печи лежитъ, а я все работаю. Почему? Потому, что за меня семь душъ Богу молятся. Богъ мнѣ здоровья и дастъ. Я всегда работать буду. Здѣсь прогонятъ, въ пастухи пойду, а на печь не лягу!

По винтовой лѣстничкѣ спускалась мать Катры, разстроенная, раздраженная. Катра стояла у окна бельведера и сума-

сшедшими глазами смотрѣла передъ собой. Она съ отвращеніемъ пробормотала:

— Броситься сейчасъ въ окно!

Вдругъ вздрогнула и очнулась. Оглядѣла меня неузнающими глазами.

— Кто тутъ?.. Это вы... ты?

— Я стучался, ты сказала: войдите.

— Я не слыхала, какъ сказала...

Она медленно сѣла на кушетку и изо всѣхъ силъ сдерживала порывистыя вздрагиванія тѣла. Пересиливая себя, задала нарочно банальный вопросъ:

— Ну, какъ поживаешь?

Вдругъ она испуганно вздрогнула и быстро провела руками по плечамъ и груди.

— Что съ тобой?

— Мнѣ кажется, по всему тѣлу у меня ползаютъ пауки... Щекочутъ. Бѣгаютъ... Это ничего...

Ея взглядъ двигался, ни на чемъ не останавливаясь. Она тяжело дышала. Подошла къ окну и жадно стала вслушиваться. Съ задняго крыльца доносился грубоватый голосъ ея матери и галдѣнье мужиковъ.

Катра повела плечами и снова сѣла на кушетку.

— Э, наплевать!.. Не все мнѣ равно!

Съ выжидающимъ, злымъ вызовомъ она поглядѣла на меня.

— Сейчасъ побранилась съ мамой... Зимой мужики взяли у насъ хлѣба подъ отработку, вязать рожь. По два рубля считая за десятину. А теперь объявили, что за десятину они кладутъ по два съ полтиной; пусть имъ доплатитъ мама, а то не вышлютъ бабъ вязать. Почувствовали свою силу. Мама хочетъ уступить, находитъ, что выгоднѣе. А по-моему, это трусость. Скверная, поганая трусость!.. Какъ и въ этомъ тоже: мама потихоньку продастъ имѣніе и боится сказать объ этомъ мужикамъ.

Я молча ходилъ по комнатѣ. Катра слѣдила за мною.

— Что жъ ты не возмущаешься?.. Бѣдные мужички, помѣщичья дочка-эксплуататорша...

— Вотъ что, Катра. Я уйду. Я не во-время пришелъ.

Катра встрепенулась.

— Костя!.. Не уходи!..

Она вдругъ всхлипнула и прижалась къ моему плечу. Жалкое что-то и безпомощное было въ ней.

— Господи! Какъ все тяжело, какъ противно! Всѣ эти мелочи, эти дрязги мѣщанскія, — какъ онѣ отравляютъ жизнь! И солнца давно уже нѣту, опять лѣто будетъ холодное, мокрое... Посмотри. Ты только вглядись въ эту тусклость...

Цвѣты бились подъ холоднымъ вѣтромъ, текла вода съ деревьевъ. Катра сѣла въ уголъ и все вздрагивала рѣзкими, короткими вздрагиваніями. Какъ будто каждый нервъ въ ней былъ насыщенъ электричествомъ, и происходили непрерывные разряды. Лицо было сѣрое, некрасивое. И сѣро смотрѣли изъ-за нея золотистыя японскія ширмы съ волшебно вышитыми орлами и змѣями.

— И потомъ — слова. Они надо мною имѣютъ какую-то странную власть. Я скажу слово, — такъ себѣ, безъ всякаго соотвѣтственнаго настроенія,—и слово уже овладѣваетъ мною и создаетъ свое настроеніе. И я злюсь, для меня вся жизнь въ томъ, чтобъ отстоять это наносное... Вотъ такъ и съ мужиками этими. Я мелькомъ сказала, мама стала возражать...

И вдругъ глаза ея сверкнули.

— А все-таки я мамѣ не позволю уступить имъ!

Скорчившись, она съ ногами сидѣла на кушеткѣ, охвативъ колѣни, и злыми, задирающими глазами смотрѣла на меня.

— Костя!.. Да что жъ ты все молчишь?.. Научи меня, какъ мнѣ жить. Спаси меня, вѣдь я гибну!.. Да гдѣ тебѣ!.. Ты не знаешь, самъ ничего не знаешь и не умѣешь! Ты даже Алексѣя Васильевича не сумѣлъ удержать отъ смерти. На твоей совѣсти лежитъ его смерть!..

— Ого!..

Начинало вскипать въ отвѣтъ злое, враждебное нетерпѣніе. Прижавшись подбородкомъ къ колѣнямъ, Катра ненавидящими глазами впилась въ меня и выискивала, гдѣ бы побольнѣе уколоть.

— Да! Это правда! Его нужно было лѣчить, куда-нибудь въ санаторію отправить въ Швейцарію. А ты книжками его отчитывалъ да разныхъ Хозяевъ какихъ-то открывалъ... Деньги бы всегда нашлись. Ты отлично знаешь, я съ удовольствіемъ дала бы тебѣ, сколько бы ты ни попросилъ...

Сдержанность меня покидала. Глаза загорались. И въ наступавшихъ сумеркахъ какъ будто два отравленныхъ клинка скрещивались. Или,—что тамъ! — вѣрнѣе: какъ будто Ѳедоръ Ѳедоровичъ и Анна Петровна злобно шипѣли другъ другу.

— ...Только два мгновенія въ жизни я была счастлива, и оба эти мгновенія я пережила съ тобою. И вотъ я не могу оторвать себя отъ тебя. А ты такъ противно-элементарень душою, ты мѣщанинъ до мозга костей!

— А скажи ты мнѣ, сложная, немѣщанская душа. Я давно хотѣлъ тебя спросить. Почему,—помнишь, въ одно изъ этихъ двухъ твоихъ «мгновеній», — почему ты... забыла о револьверѣ? Это у тебя только красивая фраза была для украшенія мгновенія?

Катра вздрогнула и поблѣднѣла. И еще пристальнѣе впились въ меня ненавидящіе, сумасшедшіе глаза.

Крики были. И плачъ. И эонрно-валеріановыя капли.

Потомъ — тихія, всхлипывающія рѣчи. Горячечно-быстрый шопотъ, поцѣлуи и приникающая близость. Ласки, пьяныя отъ пронесшагося мучительства. Огромные, грозные, полубезумные глаза. И все кругомъ зажигалось странною, безумною красотою.

Степанъ, въ рваномъ зипунѣ, стоялъ, сгорбленною спиною прислонясь къ стѣнѣ конюшни. Онъ смотрѣлъ довольными глазами, какъ нависали съ неба мутно-шевелившіяся тучи, какъ вездѣ струилась и капала вода.

— Благодать Господь посылаетъ... Гляди-ка, парень, какъ теперь трава подымется, какъ овсы пойдутъ... Ко времени дождикъ пришелся!

Онъ медленно поднесъ къ носу щепоть табаку и нюхалъ, и вбиралъ глазами насыщенныя влагою дали полей.

— Теперь бы недѣльки на двѣ этакой погодки, — лучше не надо...

Изъ конюшни пахнуло влажнымъ тепломъ лошадей и навоза. Степанъ вздохнулъ.

— Пойти, овса засыпать лошадёмъ.

Онъ вошелъ въ сумрачную конюшню, подошелъ къ ящику съ овсомъ. Лошади насторожились и радостно заволновались.

— Тпру!.. Тпру!.. Стой ты, дьяволъ! И-ишь! Не дождется!

Съ нетерпѣливымъ, взволнованнымъ ржаніемъ Нежданчикъ повернулъ къ Степану голову. Сверкали въ сумракѣ прекрасные глаза. Онъ хваталъ овесъ изъ мѣрки, не дожидаясь, чтобъ Степанъ высыпалъ въ кормушку. Степанъ съ упрекомъ смотрѣлъ и не высыпалъ мѣрки.

— Ужъ утромъ мѣрку засыпалъ,—съѣлъ... А засыпать все не даешь? Чего жадобишься?.. Вотъ ужъ свинья!

Въ заднемъ стойлѣ, не загороженный и не привязанный, стоялъ, разставивъ ноги, дряхлый гнѣдой жеребецъ. Мягкая губа отвисла, глаза въ очкахъ изъ сѣдины грустно думали о чемъ-то своемъ, въ терпѣливомъ ожиданіи забывчивой смерти.

— У-у, костякъ старый! Зажился!.. Поглядывай у меня!.. Въ кормушку сталъ гадить, старый чортъ! Вчера весь вечеръ выгребалъ.

И всыпалъ ему овса. Ѳедоръ Ѳедоровичъ запретилъ тратить овесъ на гнѣдого жеребца, но Степанъ всегда дастъ и ему.

Весело и мѣрно хрустѣло въ сумракѣ отъ дружнаго жеванія пяти лошадей. Въ пустомъ стойлѣ поблескивала золотистая

солома. Въ соломѣ пищали и шевелились розовые мышата, захваченные съ омета вмѣстѣ съ соломою.

Степанъ стоялъ въ проходѣ, — сгорбленный, съ висящими внизъ руками. Онъ слушалъ, какъ дружно жевали лошади, и скрытая улыбка свѣтилась въ глазахъ. Вмѣстѣ съ радостно топотавшими лошадьми онъ, тайно отъ меня, какъ будто тоже радостно переживалъ что-то.

Была старая, низкая конюшня. Съ темнаго потолка свѣшивались пыльныя лохмотья паутины, пахло навозомъ. Но стоялъ здѣсь этотъ оборванный старикъ, — и все странно просвѣтлѣвало. Все становилось таинственно-радостнымъ—какою-то особенною, тихою и крѣпкою радостью. Что-то поднималось отовсюду, сливалось въ одно живое и общее.

Все еще хотѣлось жалѣть его, этого дряхлаго, нищаго старика. Но въ душѣ не жалость шевелилась, а какая-то свѣтлая отвѣтная радостность. И жалость вдругъ поднялась, презрительная и насмѣшливая, когда мнѣ вспомнились японскія ширмы и пряные запахи никтиній и туберозъ. Ходитъ тамъ и тоскуетъ мутная душа, какъ пластырями облѣпляетъ себя красотами жизни. Но сѣрымъ пепломъ осыпано все вокругъ. И только судорожными вспышками мгновеній освѣщается мертвая жизнь. И можно горами громоздить вокругъ утонченнѣйшія красоты міра, — это будетъ только вареньемъ къ чаю для человѣка, осужденнаго на казнь.

Здѣсь же вотъ—теплый запахъ навоза, хрустѣніе жующихъ лошадей, пыльная паутина и писк мышат. А все претворяется въ такую красоту, передъ которой тусклы и смѣшны безцѣнныя японскія ширмы. Яснымъ, идущимъ изнутри свѣтомъ озаряется вся жизнь сплошь, — радостная и неожиданно-значительная.

Степанъ задумчиво смотрѣлъ на чернаго, блестящаго мерина и скорбно качалъ головою.

— Эхъ, малый! Не Мальчикомъ бы коня этого звать, а Грачикомъ. Говорилъ я барину сколько разъ, — не слушаетъ...

Я случайно открылъ ее, эту лощинку.

Вчера днемъ шелъ по тропинкѣ среди полей и справа, надъ матово-зеленою рожью, увидѣлъ темно-кудрявые дубовые кусты. Пробрался по межѣ. Средь свѣтлой ржи лощина тянулась къ рѣчкѣ темно-зеленымъ, извилистымъ проваломъ. Чувствовалось, давно сюда не заглядывалъ человѣкъ.

Былъ полдень, стояла огромная тишина, когда земля замолкаетъ, и только въ просторномъ небѣ безмолвно поетъ жгучій свѣтъ. И тихо самъ я шелъ поверху мимо нависавшей ржи,

по поясъ въ буйной, истоптаной травѣ. На поворотѣ мелькнула вдали полоса рѣчки. Зеленъ былъ лугъ на томъ берегу, зеленъ былъ лѣсъ надъ нимъ, все было зелено и тихо. И синяя рѣчка подъ синимъ небомъ была, какъ скважина въ небо сквозь зеленую землю.

Тишина жила. Я тихо выкупался въ рѣчкѣ, и вода мягко сдерживала всплески. Не одѣваясь, я сѣлъ на берегу. Сидѣлъ долго.

Свѣтъ горячо приникалъ къ кожѣ, пробирался сквозь нее глубоко внутрь и тамъ, внутри, радостно смѣялся чему-то, чего я не понималъ. Шаловливымъ порывомъ вылеталъ изъ тишины вѣтерокъ, ласково задѣвалъ меня теплымъ, воздушно-прозрачнымъ своимъ тѣломъ, легко обвивался и уносился прочь. Яснѣло въ темной глубинѣ души. Слѣпой Хозяинъ вбиралъ въ себя щупальца и, ковыляя, уползалъ куда-то въ уголъ.

Я одѣлся. Средь той же большой тишины медленно пошелъ вверхъ по дну лощины, вдоль ручейка.

Маленькая бурая лягушка бултыхнулась изъ осоки въ ручей и прижалась ко дну. Я видѣлъ ее сквозь струисто-прозрачную воду. Она полежала, прижавшись, потомъ завозилась, ухватилась переднею лапкою за стебель и высунула носъ изъ воды. Я неподвижно стоялъ. Неподвижна была и лягушка. Выпуклыми шариками глазъ надъ вдавленнымъ черепомъ она молча и пристально смотрѣла, всего меня захватывая въ свой взглядъ. Я смотрѣлъ на нее.

Все тише становилось кругомъ. И мы все смотрѣли.

И вдругъ изъ немигающихъ, вытаращенныхъ глазъ звѣрушки медленно глянула на меня вся жизнь кругомъ, — вся таинственная жизнь притихшей въ прохладѣ лощины. Я оглянулся.

Средь темной осоки значительно и одухотворенно чуть шевелилась кудряво-розовая дрема. И все въ ней было жизнь. И всюду была жизнь въ свѣжей тишинѣ, пропитанной серьезнымъ запахомъ дуба и ароматами травъ. Какъ будто лощинка не замѣтила, какъ я вошелъ въ нее, не успѣла притвориться безжизненной и — все равно ужъ — зажила на моихъ глазахъ, не скрываясь. Всѣмъ нутромъ я почуялъ вдругъ эту чуждую, таинственно молчащую жизнь. Жутко становилось. И что-то радостное дрогнуло внутри и жадно потянулось навстрѣчу.

Въ запахѣ клевера и зацвѣтающей ржи я пошелъ вдоль откоса. Сапоги путались въ густой травѣ. Захотѣлось ближе быть къ этой душистой жизни. Я разулся, засучилъ брюки выше колѣнъ и пошелъ. Мягко обнимала и обвивала ноги трепетно-живая, млѣющая жизнью трава. За пригоркомъ мелькъ-

нулъ золотисто-огненный хвостъ лисицы. Цѣплялись за дубовые кусты лѣсные горошки съ матовыми, плоскими стеблями.

Разбѣгались глаза. Хотѣлось искать путей, чтобъ добраться до вскипавшей кругомъ жизни. Отыскать у нея глаза и смотрѣть, смотрѣть въ нихъ, и безмолвно переговариваться тѣмъ могучимъ и огромнымъ, чему путь только черезъ глаза. Но не было глазъ. И слѣпо смотрѣла трепетавшая кругомъ жизнь, неуловимая и вездѣсущая.

Я прилегъ подъ колебавшуюся рожь. Межъ рыхлыхъ, сухихъ калмыжекъ шевелился цвѣтущій кустикъ: продолговатые, густо посаженные цвѣточки, какъ будто тонко вырѣзанные изъ розоваго коралла, въ матово-зеленой дымкѣ кружевныхъ листьевъ.

Ну!.. Ну!.. И радостно, призывно что-то смѣялось въ душѣ.

Но слѣпо качались кружевные листья, налитые зеленымъ свѣтомъ, и жадно пили солнце, и не чувствовали моего взгляда. Но было въ нихъ что-то единое со всѣмъ, что̀ кругомъ.

Съ тѣмъ же радостно-недоумѣвающимъ смѣхомъ въ душѣ я воротился домой. Шелъ мимо террасы. Тамъ пили чай. Сидѣлъ въ гостяхъ земскій начальникъ. И медленно ворочались сухія, какъ пустышки, слова для разговора. Ѳедоръ Ѳедоровичъ пилъ холодный квасъ, кряхтѣлъ и говорилъ:

— Даже на мертвыя существа жара дѣйствуетъ... Возьмите дерево, цвѣтокъ, траву,—и тѣ вянутъ отъ жары...

И еще нѣсколько разъ издали я слышалъ: «мертвыя существа».

Мертвыя существа!.. Мелькнула надъ террасой ласточка, съ радостно звенящимъ смѣхомъ вильнула въ воздухѣ и понеслась прочь отъ жирно потѣвшихъ на террасѣ живыхъ существъ.

— — —

Въ кухнѣ ставили хлѣбы. И съ ранней зари на весь домъ звучалъ пронзительный, ругающійся голосъ Анны Петровны.

Невозможно было спать. Потомъ стали подавать чай. Хлынули крики на горничную.

— Аксютка, да гдѣ же ложки? Зачѣмъ я тебѣ ихъ отдала,— для потѣхи? Для удовольствія? Поиграть ими? Я тебѣ ихъ вымыть дала!.. Куда ты идешь?

— Я черезъ кухню иду.

— И тутъ широкая дорога... Аксютка!.. Ульяна, скажи ты этой рыжей дряни, чтобъ сейчасъ же шла сюда!..

Угрюмый, невыспавшійся, я сидѣлъ на постели. Жарко было въ комнатѣ и душно. Изъ залы, изъ кухни, изъ коридора непрерывно несся захлебывающійся криками голосъ Анны Петровны. Въ тонъ ему истерично заливались-кудахтали куры въ курятникѣ.

Что это вчера со мною было? Вспоминалась идіотская радость въ лощинѣ... Съ чего она? Жизнь какая-то въ лягушкѣ и въ травѣ! Ну да, — жизнь. А раньше не зналъ я, что въ нихъ жизнь и свои физіологическіе процессы? Что же меня привело въ восторгъ?

Подъ одичавшими кустами смородины бродили средь лопуховъ куры. Шевелились налитые солнечнымъ свѣтомъ листья бузины. Вотъ и здѣсь вездѣ жизнь. Что же дальше?..

Я чуждо смотрѣлъ въ окно.

— Ты не кричи такъ, ты не кричи, какъ пьяная баба! Тебѣ коломъ въ голову не вдолбишь, все на своемъ будешь стоять! Я тебѣ десять тысячъ разъ говорила, чтобъ ты въ кухню не брала серебряныхъ ложекъ.... Ахъ, «я-а», «я-а»... Поменьше бы языкомъ молола! Корова рыжая!

Хотѣлось бѣшено выскочить и стукнуть старуху по шеѣ. И все какъ скверно, какъ противно... И этотъ нелѣпый романъ съ Катрой. Непрерывный отъ него чадъ въ душѣ. Неужели не хватитъ воли разорвать съ нею? Два болота, раздѣленныя высокою горою, соединились на вершинѣ гнилыми испареніями... Гадость, гадость!

Мутно вздрагивало въ душѣ угрюмое, брезгливое отвращеніе и выискивало, къ чему бы прицѣпиться. Я сидѣлъ и вслушивался въ себя.

Вотъ онъ, въ темной глубинѣ, — лежитъ, распластавшись, слѣпой Хозяинъ. Сѣрый, плоскій, какъ клещъ, только огромный и мягкій. Онъ лежитъ на спинѣ, тянется вверхъ цѣпкими щупальцами и смотритъ тупыми, незрячими глазами, какъ двумя большими мокрицами. И пусть изъ чащи сада несетъ росистою свѣжестью, пусть въ небѣ звенятъ ласточки. Онъ лежитъ и погаными своими щупальцами скользитъ по мнѣ, схватываетъ, присасывается...

Погоди ты, подлый рабъ!

Сверкалъ солнцемъ тихій прудъ. Сверкали листья мать-мачехи. Въ травѣ пряталась прохлада утра. Бухъ!.. Брызги. Вода съ стремительною ласкою охватываетъ тѣло, занимается дыханіе.

Медленно плыву на спинѣ, чуть двигая руками. Холодныя струйки пробѣгаютъ по кожѣ, радостно вздрагиваетъ тѣло. Синее-синее небо, въ него уносятся верхушки березъ, все улыбается. Таетъ и разсѣивается въ душѣ мутная темнота.

Я вытирался на берегу. Солнце ласково грѣло кожу, мускулы напрягались. Глубоко въ тѣлѣ вздрагивалъ смѣхъ.

Ну, Хозяинъ, что? Непрерывно и упорно я тебѣ буду доказывать на дѣлѣ, что ты подлый рабъ. Ты хозяинъ мой, —

знаю. Но вотъ я тебя заставилъ, и ты уже радостно трепещешь жизнью и свѣтомъ. И это я тебя заставилъ. Потому что ты мой хозяинъ, но я свободенъ, а ты рабъ.

Стрекотали о чемъ-то дрозды въ березахъ, качалась осока на верховьяхъ пруда. Какъ на проявляемой фотографической пластинкѣ, изъ всего кругомъ медленно опять выявлялась жизнь, которую я вчера почуялъ. И опять ей навстрѣчу радостно забилось сердце. И ощутилась важность того, что̀ открывалось.

Тихо звеня, пролетѣлъ зеленоватый комаръ съ пушистыми сяжками. Вчерашній радостно-недоумѣвающій смѣхъ охватилъ душу. И звучало къ комару изъ глубины:

— И ты живешь?.. Э, братъ, какъ насъ много!

Когда я воротился домой, завтракали. Воля сидѣлъ за манной кашей, около стояла няня Матрена Михайловна.

— Хо-хо-хо!..

Воля держалъ въ рукѣ ложку съ кашей, поглядывалъ кругомъ и безсмысленно-радостно смѣялся.

— Воля, чего это вы?

— Хо-хо!.. Хо-хо-хо!..

Глазенки блестѣли. И онъ все смѣялся безпричиннымъ, идущимъ изъ нутра, заражающимъ смѣхомъ. И всѣ засмѣялись, глядя на него.

— Ну, смотрите, дурень какой. Чего смѣется?

Сила жизни безудержно вскипала въ немъ, радуясь на себя и играя.

Гдѣ, гдѣ эти робко-злые, упрямые глаза, этотъ ноющій голосъ? Животикъ поправился у мальчика. Клизмочки помогли и манныя кашки. И вотъ переметнулся его маленькій Хозяинъ. Безсмысленною радостью заливаетъ тѣльце, яснымъ свѣтомъ зажегъ глазенки, неузнаваемо перестроилъ всю душу...

О, рабъ! О, подлый, переметчивый рабъ!

Гнѣдой жеребецъ издохъ. Вечеромъ Степанъ пошелъ за нимъ въ садъ, а онъ лежитъ на боку мертвый.

За ужиномъ работники смѣялись и говорили:

— Ну, дѣдушка Степанъ, теперь твой чередъ помирать. Самый ты теперь старый остался.

— А неужто въ холщевой рубахѣ и въ гробъ ляжешь? Ты бы на это дѣло ситцевую завелъ.

Степанъ тихо, про себя, улыбнулся.

— У меня есть. Синта. Синяя съ крапушками, молодая барыня подарила. Какъ помру, наказалъ Алехѣ въ нее одѣть.

— А, небось, ждешь смерти? Ишь, старый какой! Болѣзнь

какая, али убьешься,—молодой переможется, а тебѣ гдѣ ужъ! Сразу свернетъ.

— Ты, дѣдушка Степанъ, вели табачку себѣ побольше въ гробъ положить. Да тавлинокъ. Сломается, ай потеряешь,—новой тамъ не купишь. Весь табакъ растрясешь.

Степанъ открылъ тавлинку, съ хитрою улыбкою заглянулъ въ нее, встряхнулъ.

— Тамъ даду-утъ...

— Деньжатъ съ собой захвати,—можетъ, даромъ-то не дадутъ... Хо-хо хо!..

Слава Богу, наконецъ-то! Такъ, иначе,—но это должно было случиться. И по той радости освобожденія, которая вдругъ охватила душу, я чувствую,—возврата быть не можетъ. Произошло это вчера, въ воскресенье. Мы съ Катрою собирались кататься.

Вышли на крыльцо, а шарабана еще не подали. На ступенькѣ, повязанная ситцевымъ платочкомъ, сидѣла мать Катры, Любовь Александровна, а кругомъ стояли и сидѣли мужики, бабы. Многіе были подвыпивши. Дѣловые разговоры кончились, и шла просто бесѣда, добродушная и задушевная.

Бородатый мужикъ, скрывая усмѣшку подъ нависшими усами, спрашивалъ:

— Ты, барыня, вотъ что намъ объясни. Какъ это такъ? Вонъ ты какая,—маленькая, сухонькая, въ родѣ какъ куличокъ на болотѣ. А у тебя двѣ тысячи десятинъ. А насъ эва сколько,—а земли по полсажени, всю на одномъ возу можно увезть.

— Отчего? Я тебѣ прямо скажу: сила моя.

— Сила? Правильно. Ну, а какъ сговоримся мы, какъ пойдемъ всѣмъ россійскимъ міромъ, то сила наша будетъ. Гдѣ жъ вамъ противъ насъ!

Другой мужикъ прибавилъ:

— Какъ насѣдокъ, съ гнѣздъ сымемъ.

— А правду, скажи, болтаютъ,—продаешь ты землю?

Любовь Александровна посмѣивалась.

— Слыхалъ, какъ говорится? Не всякому слуху вѣрь. А дѣло это мое: захочу—продамъ, не захочу—не продамъ.

— Нѣтъ, барыня, ты жди, не продавай,—рѣшительно сказалъ бородатый мужикъ.

— У тебя тогда спроситься?

— Не позволимъ тебѣ. Намъ она опредѣлена.

— Вотъ какъ!

— Да-а... Сколько лѣтъ на тебя работали, всю ее потомъ нашимъ полили.

— Какъ же это вы мнѣ не позволите?

— Окончательный тогда сдѣлаемъ тебѣ конецъ.

Любовь Александровна засмѣялась.

— Убьете? Ну, братъ, за это тоже по головѣ тебя не погладятъ.

— Знаю. Что жъ, на каторгу пойду. А сколько за меня народу положить поклонъ.

Баба въ заднихъ рядахъ подперла щеку рукою и глубоко вздохнула:

— Да какой еще поклонъ положишь!

— Э, батюшка! Такіе поклоны тамъ не принимаются!.. Они въ зачетъ не идутъ.

— Вашъ Богъ не зачтетъ, а нашъ зачтетъ.

Катра, потемнѣвъ, пристально смотрѣла на мужика. Она рѣзко спросила:

— Какъ тебя звать?

— Ай, барышня, не знаешь?—Мужикъ посмѣивался.—Арсентіемъ звать меня, Арсентій Поддугинъ, потомственный почетный земледѣлецъ. Запиши въ книжку.

Въ толпѣ засмѣялись. Любовь Александровна поспѣшно сказала:

— Погоди, хорошо. Говоришь, пойдете вы на насъ всѣмъ россійскимъ міромъ. Ну, подѣлили вы землю нашу. Сколько на душу придется?

— Расчеты намъ, барыня, извѣстны. По четыре десятины.

— Нѣтъ, погоди! А изъ города, ты думаешь, на даровую-то землю не налетятъ? Себѣ не потребуютъ? Давать, такъ ужъ всѣмъ давать, почему вамъ однимъ?.. А что тогда по Россіи пойдетъ?

— Э, что ни пойдетъ! А васъ снять нужно первымъ долгомъ. Тогда дѣло увидится.

Мы ѣхали съ Катрой. Противна она мнѣ была. А она смотрѣла на меня со злымъ вызовомъ.

— Эти самые мужики пожгли у насъ зимою всѣ стога въ Антоновской дачѣ. А мама передъ ними плящетъ, увивается... У-у, интеллигенты мяклые!.. Вотъ мнѣ разсказывали: въ Екатеринославской губерніи молодые помѣщики образовали летучія дружины. Сторѣло что у помѣщика,—сейчасъ же загорается и эта деревня.

— Ого!

— Да. Это честно, смѣло и красиво... Пожимай плечами,

иронизируй... «Обездоленные», «страдающіе»... Эти самые упаковщы, которые сейчасъ съ мамой говорили,—вся земля, по ихъ мнѣнію, обязательно должна перейти къ нимъ однимъ. Какъ же, вѣдь ихняя барыня! А сосѣднимъ деревнямъ они ужъ отъ себя собираются перепродавать. Изъ-за журавля въ небѣ теперь уже у нихъ идутъ бои съ опасовскими и архангельскими. Жадные, наглые кулаки, больше ничего. Разгорѣлись глаза.

Мы проѣхали большое торговое село. Дѣвки водили хороводы. У казенки сидѣли на травкѣ пьяные мужики.

Свернули въ боковой переулокъ. Навстрѣчу шли три парня и пьяными голосами нестройно пѣли:

Отречемся отъ стараго міра,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ...

Замѣтивъ насъ, они замолчали. Насмѣшливо глядя, сняли шапки и поклонились. Я отвѣтилъ. Мы медленно проѣхали.

— Ишь, съ пищи барской,—гладкіе какіе да румяные! Знай, гуляй и въ будни и въ праздникъ!

— Сейчасъ вотъ въ лѣсокъ заѣдутъ, завалятся подъ кустикъ... Эй, баринъ! Хороша у твоей дѣвочки...?

Долетѣлъ грязный, похабный вопросъ, и всѣ трое нарочно-громко засмѣялись.

Мы медленно продолжали ѣхать. Катра—блѣдная, съ горящими глазами—въ упоръ смотрѣла на меня.

— И ты за меня не заступишься?

— Стрѣлять въ нихъ прикажешь?

— Да! Стрѣлять!

Я растерянно усмѣхнулся и пожалъ плечами. Сзади донеслось:

Голодай, чтобъ они пировали...

— Ну, хорошо!..—Она съ ненавистью и грознымъ ожиданіемъ все смотрѣла на меня.—А если бы они остановили насъ, стащили меня съ шарабана, стали насиловать? Тогда что бы ты дѣлалъ?

— Не знаю я... Катра, довольно объ этомъ.

— Тоже нашелъ бы вполнѣ естественнымъ? Ну, конечно! Законная ненависть къ барамъ, дикость, въ которой мы же виноваты... У-у, доктринеръ! Обкусокъ поганый!.. Я не хочу съ тобой ѣхать, слѣзай!

— Тпру!

Я остановилъ лошадь, передалъ вожжи Катрѣ и сошелъ съ шарабана.

— До свиданія,—сказалъ я.

— Не до свиданія, а прощайте!

Она хлестнула лошадь вожжой и быстро покатила.

Покосъ кипитъ. На большомъ лугу косятъ щепотьевскіе мужики, изъ Песочныхъ Вершинокъ возятъ сѣно наши, сеяновскіе. За садомъ сегодня сметали четыре стога.

Подъѣзжали скрипящіе возы. Ѳедоръ Ѳедоровичъ сидѣлъ въ тѣнечкѣ на складномъ стулѣ и записывалъ имена подъѣзжавшихъ мужиковъ. Около стоялъ десятскій Капитонъ,—высокій, съ выступающими подъ рубахой лопатками. Плутовато смѣясь глазами, онъ говорилъ Ѳедору Ѳедоровичу тономъ, какимъ говорятъ съ малыми ребятами:

— Пишите въ книжку себѣ: Иванъ Колесовъ, въ третій разъ.

— Погоди, любезный! А гдѣ же во второй было?

— Второй возъ онъ ужъ, значитъ, склалъ, у васъ прописано... Лизаръ Пеценковъ. Алексѣй Косаевъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ подозрительно оглядывалъ возы, но ничего не видѣлъ близорукими глазами. Постепенно онъ все больше входилъ во вкусъ записыванія, все рѣже глядѣлъ кругомъ и только старательно писалъ, что̀ ему выкрикивалъ въ ухо Капитонъ. Ждавшій очереди Гаврила Мохначевъ съ угрюмымъ любопытствомъ смотрѣлъ черезъ плечо Ѳедора Ѳедоровича на его письменныя упражненія.

— Пишите теперя въ книжку: Петръ Караваевъ, въ четвертый разъ.

— Гдѣ же онъ? Петръ Караваевъ!

— А онъ, значитъ, сейчасъ подъѣдетъ... Вонъ онъ возъ, подъ яромъ!

Ѳедоръ Ѳедоровичъ строго сказалъ:

— Такъ, братъ, нельзя. Когда пріѣдетъ, тогда нужно записывать.

Капитонъ смѣялся глазами.

— Такъ, такъ!.. Понимаю-съ!.. Когда, значитъ, пріѣдетъ, вы въ книжку и запишете его.

Кипѣла работа. Охапки сѣна обвисали на длинныхъ вилахъ, дрожа, плыли вверхъ и, вдругъ растрепавшись, летѣли на стогъ. Пахло сѣномъ, человѣческимъ и конскимъ потомъ. Отъ крѣпко сокращавшихся мускуловъ бодрящею силою насыщался воздухъ, и весело было. И раздражительное пренебреженіе будилъ сидѣвшій съ тетрадкою Ѳедоръ Ѳедоровичъ—бездѣятельный, съ жирною, сутулою спиною.

Авторитетнымъ тономъ, щеголяя знаніемъ нужныхъ словъ, онъ дѣлалъ замѣчанія:

— Послушай, Тимоѳей! Вы рано стогъ начали заклубничивать.

— Рано! И то сле вилами достанешь!

— Есть вилы длинныя.

— И то не короткими подаемъ... Эй, дядя Степанъ! Принимай!

Солнце садилось. Нѣжно и сухо все золотилось кругомъ. Не было хмурыхъ лицъ. Свѣтлая, пьяная радость шла отъ красивой работы. И пьянѣла голова отъ запаха сѣна. Оно завоевало все: сѣно на укатанной дорогѣ, сѣно на вѣтвяхъ березъ, сѣно въ волосахъ мужчинъ и на платкахъ бабъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ смотрѣлъ близорукими глазами и улыбался.

— Сѣнная вакханалія... Ххе-хе!

Довершили послѣдній стогъ. Мужики связывали веревки, курили. Дѣдка Степанъ очесывалъ граблями сѣро-зеленый стогъ. Старикъ былъ блѣднѣе обычнаго и больше горбился. Глаза скорбно превозмогали усталость, но все-таки, щурясь, радостно свѣтились, глядя, какъ закатъ нѣжно-золотымъ сіяніемъ возвѣщалъ прочное ведро.

Сѣло солнце.

На Большомъ лугу въ таборѣ щепотьевцевъ задымились костры. Мы шли съ Борей по скошеннымъ рядамъ. Сѣрые мотыльки мелькающими облаками вздымались передъ нами и сзади опять садились на ряды. Жужжали въ воздухѣ рыжіе іюньскіе жуки. Лягавый Аяксъ очумѣло-радостно носился по лугу.

По дорогѣ среди желтѣющей ржи яркими красками запестрѣла толпа дѣвокъ съ граблями. Неслась пѣсня.

Онѣ приближались, въ пьяно-веселомъ ураганѣ пѣсенъ и пляски. Часто и дробно звучалъ припѣвъ:

Въ саду мято, рожь не жата,
Некошеная трава!..

Высокая дѣвка, подпоясанная жгутомъ изъ сѣна, плясала впереди идущей толпы. Склонивъ голову съ строгимъ, прекраснымъ профилемъ, она вздрагивала плечами, кружилась, притопывала. И странно-красивое несоотвѣтствіе было между ея неулыбавшимся лицомъ и разудалыми движеніями.

Выдвинулась изъ ало колыхавшейся толпы другая дѣвка, приземистая и скуластая. Широко улыбаясь, она заплясала рядомъ съ высокою дѣвкою. Онѣ плясали, подталкивали другъ друга плечами и кольцомъ сгибали руки.

Въ саду мято, рожь не жата,
Некошеная трава!..

— Эй, барчуки! Идите къ намъ!.. Зацѣлуемъ!

Румяныя женскія лица маняще улыбались. Неслись шутливо-безстыдные призывы. И не было отъ нихъ противно, хотѣлось улыбаться въ отвѣтъ свѣтло и пьяно.

Онѣ прошли мимо. Слѣдомъ проплылъ запахъ кумача и горячаго человѣческаго тѣла.

Аяксъ издалека залаялъ на толпу. Высокая дѣвка съ гикомъ побѣжала ему навстрѣчу. Аяксъ удивленно замолкъ и съ испуганнымъ лаемъ бросился прочь. Она за нимъ, по буйнымъ рядамъ скошенной травы. Аяксъ убѣгалъ и лаялъ. Въ толпѣ дѣвокъ захохотали

Вдругъ высокая дѣвка бросилась головою въ сѣно и перекувыркнулась. Ноги высоко дрыгнули въ воздухѣ надъ рядами. Аяксъ удивленно сѣлъ и поднялъ уши.

— Хо-хо-хо!—загрохотали въ таборѣ мужскіе голоса.

Боря покраснѣлъ и отвернулся.

Темнѣло. Перепела перекликались въ теплой ржи. Громче неслись изъ росистыхъ лощинъ дергающіе звуки коростелей. Въ сѣрой, душистой тьмѣ съ барскаго двора шли мужики, выпившіе водки.

Послѣ ужина я сидѣлъ на ступенькахъ крыльца. Была глубокая ночь, всѣ спали. Но я не могъ. Чистыя, свѣтлыя струи звенѣли въ душѣ, свивались и пѣли, радостно пѣли все объ одномъ и томъ же.

Поднялся поздній мѣсяцъ.

У конюшни чернѣла телѣга, фыркала жевавшая лошадь. Щепотьевцы кончили отработку и уѣхали; Алексѣй Рытовъ заѣхалъ на дворъ проститься съ отцомъ, и они заговорились. Большой, плечистый Алексѣй сидѣлъ, понурившись, на чекѣ телѣги и курилъ. Степанъ радостно и любовно смотрѣлъ на него.

— Эхъ, Алеха, пора тебѣ, малый! Поѣзжай. Ребята вонъ ужъ кэгда уѣхали. Завтра-то на зорькѣ вставать тебѣ, а ночи нонѣ короткія.

И опять они медленно говорили. Степанъ трогалъ руками телѣгу, гладилъ лошадь.

— Хорошъ мериноkъ!.. Его бы, малый, овсецомъ кормить,— сіе бы сталъ глаже.

— Да... Гнѣдчикъ былъ,—не прохлестишь! А этотъ идетъ, все равно, что играетъ...—Алексѣй устало зѣвнулъ и, зѣвая, кивнулъ на конюшню.—Въ конюшнѣ спишь?

— А то гдѣ же?

— Вотъ тутъ бы тебѣ спать, на вольномъ воздухѣ. Жарко, чай, въ конюшнѣ.

— Ну... Въ конюшнѣ надо спать. Почью, бываетъ, заболтаютъ лошади. Крикнешь,—стихнутъ...

Мѣсяцъ свѣтилъ изъ-за липъ. За угломъ дома, въ саду, одиноко и тоскующе завылъ Аяксъ.

— А со своимъ покосомъ все еще не убрались?

— Нѣтъ, не косилъ еще. Завтра на уборку къ нашему барину выѣзжать.

Степанъ вздохнулъ.

— Вотъ, парень, горе твое,—все дѣвки у тебя. Мальчонка былъ бы,—вонъ еще какой, а по нонѣшнему времени и за такого тридцать рублей даютъ. А отъ дѣвокъ какой прокъ?.. Тоже про себя скажу: помру я скоро, Алеха. Ослабъ! Намедни вонъ какое круженіе сдѣлалось,—два дня безъ языка лежалъ. А нынче на стогу стоялъ, вдругъ опять въ головѣ пошло, какъ колеса какія... Не продержусь долго. А еще бы годочка два протянуть,—тебѣ за моей спиной вотъ бы какъ хорошо было!

Алексѣй молчалъ.

Дулъ легкій вѣтерокъ. Широкимъ, прочнымъ тепломъ несло съ полей. Степанъ стоялъ, свѣсивъ руки, и смотрѣлъ въ теплый сумракъ.

— Погодка-то, малый! Погодка! Весь покосъ теперь простоитъ. Гляди, и рожь захватитъ.

И какъ будто что-то неслышно говорилъ ему этотъ мягкій сумракъ, пропитанный призрачнымъ, все сливавшимъ луннымъ свѣтомъ. И какъ будто онъ радостно прислушивался къ этой тайной рѣчи. Подумалъ, медленно поднесъ къ носу щепоть табаку.

— А что, малый... Ничего тамъ не будетъ, какъ помрешь. Вотъ, какъ жеребецъ гнѣдой сдохъ,—то же и мы.

Сливалась со свѣтящимся сумракомъ сгорбленная фигурка съ дрожащею головою. Кто это? Человѣкъ? Или что-то другое, не такое отдѣленное отъ всего кругомъ? Казалось,—вотъ, только пошевельнись, моргни,—и расплывется въ лунномъ свѣтѣ этотъ маленькій старикъ; и ужъ будетъ онъ не отдѣльно, а вездѣ кругомъ въ воздухѣ, и благодатною росою тихо опустится на сѣрую отъ мѣсяца траву.

Уѣхалъ Алексѣй. Степанъ постоялъ, поглядѣлъ ему вслѣдъ и ушелъ въ конюшню.

Аяксъ за угломъ все вылъ. Переставалъ на минуту, прислушивался, начиналъ лаять и кончалъ жалующимся воемъ.

Въ домѣ звякнуло окно, раскрылось. Высунулась всклокоченная голова Ѳедора Ѳедоровича. Хрипло и сердито онъ крикнулъ:

— Пошелъ ты!.. Аяксъ!

Вой замолкъ.

— А-аяксъ!

Было тихо. Окно медленно закрылось.

Аяксъ въ саду вдругъ завылъ громко, во весь голосъ, какъ будто вспомнилъ что-то горькое. И вылъ, вылъ, звалъ и искалъ кого-то тоскующимъ воемъ.

За темными окнами засвѣтился огонекъ. Въ халатѣ, со свѣчкою въ рукахъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ пошелъ въ залу. Онъ раскрылъ окно и злобно крикнулъ въ росистую темноту сада:

— Аяксъ! Пошелъ!.. Вотъ я тебѣ!

Аяксъ на минуту смолкъ и завылъ снова.

Тускло горѣла свѣчка на обѣденномъ столѣ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ, взлохмаченный и сгорбленный, медленно ходилъ по темной залѣ, останавливался у запертыхъ оконъ, опять ходилъ.

Изъ того свѣтлаго, что было во мнѣ, въ томъ свѣтломъ, что было кругомъ, темнымъ жителемъ чужого міра казался этотъ человѣкъ. Онъ все ходилъ, потомъ сѣлъ къ столу. Закутался въ халатъ, сгорбился и тоскливо замеръ подъ звучавшими изъ мрака напоминаніями о смерти. Видѣлъ я его взъерошеннаго, оторваннаго отъ жизни Хозяина, видѣлъ, какъ въ одинокомъ ужасѣ ворочается онъ на днѣ души и ничего, ничего не чуетъ вокругъ...

Пьянѣетъ голова. Пронизывается все существо крѣпкою, радостною силою. Все вокругъ скрытно свѣтится.

А на берегу рѣчки, въ моей лощинкѣ, — тамъ творится и тонко мною воспринимается огромное таинство жизни. Колдовскими чарами полна лощина. Тамъ я ощущаю все какимъ-то особеннымъ чувствомъ,—о немъ не пишутъ въ психологіяхъ; мыслю какимъ-то особеннымъ способомъ,—его нѣтъ въ логикахъ. И мнѣ не нужны теперь звѣриные глаза, я не томлюсь тѣмъ, что полуоткрывается въ нихъ, загадочно маня и скрываясь. Не черезъ глаза я теперь говорю со всѣмъ, что кругомъ. Какъ будто тѣло само перестраивается и вырабатываетъ способность къ невѣдомому людямъ разговору, безъ словъ и безъ мыслей,—таинственному, но внятному.

Садилось солнце. Неподвижно стояла на югѣ синеватая муть, слабо мигали далекіе отсвѣты. Трава въ лощинѣ начинала роситься. Мягкимъ тепломъ томилъ воздухъ, и раздражала одежда на тѣлѣ. Буйными, кипучими ключами била кругомъ жизнь. Носились птички, жужжали мошки. Травы выставляли свои цвѣты и запахами, красками звали насѣкомыхъ. Чуялась частая, безсознательная душа деревьевъ и кустовъ.

Я раздѣлся и съ одеждой на рукѣ пошелъ. Тепло-влажная трава ласкалась ко мнѣ, нахуче обнимала тѣло,—такое про-

тивно-нѣжное, всему чуждое, забывшее и свѣтъ и воздухъ. Обнимала, звала куда-то. Настойчиво говорила что-то, чего недостойно вмѣстить человѣческое слово, чего не понять мозгу, сдавленному костяными покрышками.

На югѣ росли черно-синія тучи. Съ трепетомъ перебѣгали красноватые взблески. Я выкупался и остался сидѣть на берегу.

Все кругомъ жило сосредоточенно и быстро. Стрекоза торопливыми кругами носилась надъ гладью рѣчки и хватала мошекъ. Мошки весело рѣяли надъ рѣкою, ползали, щекоча кожу, по моимъ голымъ ногамъ. И онѣ не думали, что я сейчасъ могу прихлопнуть ихъ рукою, что сейчасъ ихъ схватитъ стрекоза.

Ухъ, какъ все жило кругомъ! Любило, боролось, отдыхало, помогало другъ другу, губило другъ друга, — и жило, жило, жило!

И захотѣлось мнѣ вскочить, изумленно засмѣяться своему калѣчеству и, выставляя его на позоръ, крикнуть человѣчески-нелѣпый вопросъ:

— Зачѣмъ жить?..

Гордымъ франтомъ, грудью впередъ, летѣлъ надъ осокою комаръ съ тремя длинными ниточками отъ брюшка. Это, кажется, поденка... Эфемерида! Она живетъ всего одинъ день и нынче съ закатомъ солнца умретъ. Жалкій комаръ. Всѣхъ онъ ничтожнѣе и слабѣе, смерть на носу. А онъ, танцуя, плыветъ въ воздухѣ, — такой гордый жизнью, какъ будто передъ нимъ преклонились міръ и вѣчность.

Розово-желтый закатъ помутнѣлъ. Я шелъ домой по тропинкѣ среди гибко-живыхъ стѣнъ цвѣтущей ржи. Подъ босыми ногами утоптанная тропинка была гладкая и влажно-теплая, какъ разомлѣвшееся отъ сна человѣческое тѣло.

Не хотѣлось уходить, я все останавливался. Изъ ржи тянуло широкимъ тепломъ, въ чащѣ зеленовато-блѣдныхъ стеблей непрерывно звучалъ тонкій звонъ мошкары. Черезъ голыя ноги отъ теплой земли шла какая-то чистая ласка, и все было близко, близко...

Гдѣ былъ я? Гдѣ было что̀ кругомъ? Повсюду широкими волнами необозримо колебалась огромная, безсознательная жизнь. И изъ темной глубины моей, гдѣ хаосъ и слѣпой Хозяинъ, — я чувствовалъ, какъ оттуда во всѣ стороны жадно тянулись щупальца и пили, пили изъ напиравшей кругомъ жизни ея торжествующую, несознанную правду.

И какъ вся жизнь вокругъ томилась этою несознанностью! Она тянулась и приникала ко мнѣ, черезъ меня хотѣла осо-

знать себя, ползла по раскинутымъ щупальцамъ. И чувствовалось,—тѣсны были пути и прерывисты, какъ завядшіе, подгнившіе корни. Только малыя капли доходили до меня.

Но пусть! И этихъ капель было довольно.

Хотѣлось упасть колѣнями на гладко-теплую землю, и воздѣть руки, и въ восторгѣ молиться... Кому? Какъ будто солнечно-горячій и яркій свѣтъ хлынулъ въ душу, прорвалъ окутывавшій ее туманъ... Жизнь! Жизнь!

Сила великая. Сила всесвятая и благая. Все, что̀ пропитывалось ею, освѣщалось изнутри и возвеличивалось, все начинало трепетать какими-то быстрыми внутренними біеніями. Темнѣлъ вдали огромный дубъ, сѣрѣлъ на тропинкѣ пыльный подорожникъ, высоко въ небѣ летѣла цапля, вяло выползалъ изъ земли дождевой червь. Все и всѣхъ жизнь принимала въ себя, властительница свѣтлая. Сколько я думалъ, сколько искалъ — и ничего не могъ понять ни своими мыслями ни мыслями другихъ людей. А здѣсь теперь было все такъ ясно и просто, такъ неожиданно-понятно. И если бы Алеша понялъ хоть на мигъ...

Понялъ... Что-то больно кольнуло въ душу. Этого понять нельзя. Можетъ понять только просвѣтлѣвшій Хозяинъ. А онъ предатель и рабъ, ему нельзя довѣрять. И по-обычному я враждебно насторожился. Я искалъ,—гдѣ онъ, вѣчный клещъ души? Но не было его. Онъ исчезъ, слился со мною, слился со всѣмъ вокругъ. Не было разъединенія, не было рабства,—была одна только безмѣрная радость. Радость пониманія, радость освобожденія.

Я вышелъ на дорогу къ усадьбѣ. Тамъ, гдѣ была на небѣ муть, теперь шевелились и быстро росли лохматыя тучи. Непрерывно трепетали красноватые взблески, сдержанно рокоталъ громъ.

На краю дороги шевелился подъ налетавшимъ вѣтеркомъ кустъ полыни. Былъ онъ весь покрытъ сѣдою пылью, средь желтоватыхъ цвѣтковъ ползали остренькія, черныя козявки. Со смѣхомъ въ душѣ я остановился, долго смотрѣлъ на кустъ.

— Ты! Сбрось свою безсознательную мудрость. Думай! Отвѣть,—для чего ты живешь? Осыпаетъ тебя придорожная пыль, ползаютъ по тебѣ козявки. Сосешь ты соки изъ земли, лелѣешь свою жизнь,—для чего? Подумай,—для чего?

И сразу обмякла душа куста, какъ будто смрадомъ его обвѣяло. Сталъ онъ жалокъ и ничтоженъ. Задумался скорбно, наконецъ отвѣтилъ:

— Да, такая жизнь безсмысленна... А вотъ что̀: нужно

жить для всѣхъ этихъ другихъ полынныхъ кустовъ. Прикрывать ихъ отъ пыли, переманивать на себя вредныхъ козявокъ...

— Ну, а имъ что отъ того, что меньше ихъ будетъ осыпать пыль и меньше будутъ точить козявки?

Все шире растекался сумракъ. Сѣрый, вялый сумракъ вставалъ изъ земли. Все вокругъ, — все дѣлалось ничтожнымъ и презрѣннымъ. Ласточки остановили свой летъ въ воздухѣ, растерянно и недоумѣло трепыхали крылышками.

— Для чего наша жизнь? Ну, будемъ ловить мошекъ, выведемъ птенцовъ. Осенью летѣть за море, потомъ возвращаться. Опять лѣпить гнѣздо, опять выводить птенцовъ, и такъ каждый годъ. А потомъ—смерть.

И повсюду кругомъ зашелестѣло, запыло, зашипѣло, застонало. Дождевые черви обезпокоенно выползали ихъ своихъ ходовъ, никла колосьями рожь, очумѣло метались мошки.

— Зачѣмъ жизнь?..

Нетерпѣливо вдругъ сверкнулъ воздухъ, и гнѣвный, негодующій грохотъ покатился по небу. Бѣшено рванулъ вѣтеръ. Черное и грозное быстро мчалось поверху.

Хотѣлось смѣяться, хотѣлось протягивать руки.

— Не гнѣвись, великая! Я только шутилъ,—шутилъ пошлою человѣческою шуткою... Жизнь! Жизнь! Не оскорблю я тебя, не вложу въ тебя вопросовъ подгнивающей собственной души. Я далекъ отъ тебя, трудно различаю тебя сквозь мутный туманъ,—но я теперь знаю! Я знаю!

Перекатывался громъ. Вылъ сухой вѣтеръ, захватывалъ дыханіе, трепалъ одежду. И вся жизнь вокругъ завилась вольнымъ, радостно-пьянымъ ураганомъ.

1908.

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ.

I.

„ЧЕЛОВѢКЪ ПРОКЛЯТЪ“.

(О Достоевскомъ).

Тутъ иронія, тутъ вышла злая иронія судьбы и природы! Мы прокляты, жизнь людей проклята вообще!.. Смѣлѣй, человѣкъ, и будь гордъ! Не ты виноватъ!

„Кроткая“.

I.

«Одни только люди, а кругомъ нихъ молчаніе».

Туманъ, слякоть. Изъ угрюмаго, враждебнаго неба льетъ дождь, или мокрый снѣгъ падаетъ. Вѣтеръ воетъ въ темнотѣ. Лѣтомъ, бываетъ, свѣтитъ и солнце, — тогда жаркая духота стоитъ надъ землею, пахнетъ известкою, пылью, особенною лѣтнею вонью города... Вотъ міръ, въ которомъ живутъ герои Достоевскаго. Описываетъ онъ этотъ міръ удивительно.

«— Любите вы уличное пѣніе? — спрашиваетъ Раскольниковъ. — Я люблю, какъ поютъ подъ шарманку, въ холодный, темный и сырой осенній вечеръ, непремѣнно въ сырой, когда у всѣхъ прохожихъ блѣдно-зеленыя и больныя лица; или, еще лучше, когда снѣгъ мокрый падаетъ, совсѣмъ прямо, безъ вѣтру, знаете? А сквозь него фонари съ газомъ блистаютъ...»

И такъ вездѣ у Достоевскаго. Живою тяжестью давятъ читателя его туманы, сумраки и моросящіе дожди. Мрачная, отъединенная тоска заполняетъ душу. И вмѣстѣ съ Достоевскимъ начинаешь любить эту тоску какою-то особенною, болѣзненною любовью.

Въ душѣ художника вѣчная, безпросвѣтная осень. Онъ какъ будто съ большимъ только напряженіемъ можетъ представить себѣ, что есть на свѣтѣ радостный блескъ солнца, синее небо, могучія грозы, манящіе полусвѣты ночи. Онъ мучительно знаетъ, что все это есть, но все это безнадежно-далеко. Воспоминанія тусклы и безжизненны, какъ будто онъ смотритъ на нихъ сквозь запотѣлое отъ тумана стекло. Только изрѣдка вдругъ ярко мелькнетъ въ памяти обрывокъ образа,—какой-нибудь «листъ зеленый, яркій, съ жилками, и солнце блеститъ»,—и сердце сожмется въ тоскѣ по далекому и недостижимому.

Прямо удивительно, какъ неузнаваемо тускнѣетъ волшебникъ Достоевскій, когда ему приходится описывать природу радостную и прекрасную.

Свидригайловъ послѣднюю ночь передъ самоубійствомъ проводитъ въ дрянненькомъ номерѣ на Петербургской Сторонѣ. Холодно, сыро, вѣтеръ бьетъ въ окно брызгами. Навсегда врѣзывается въ память картина холоднаго отчаянія одинокой человѣческой души среди холоднаго равнодушія бушующей осенней ночи. И вотъ Свидригайлову снится сонъ:

«Ему вообразился прелестный цвѣтущій пейзажъ: свѣтлый, теплый, почти жаркій день, праздничный день, Троицынъ день. Богатый, роскошный деревенскій коттеджъ, въ англійскомъ вкусѣ, весь обросшій душистыми клумбами цвѣтовъ, обсаженный грядами, идущими кругомъ всего дома; крыльцо, увитое вьющимися растеніями, заставленное грядами розъ; свѣтлая, прохладная лѣстница, устланная роскошнымъ ковромъ, обставленная рѣдкими цвѣтами въ китайскихъ банкахъ» и т. д.

Что это? Да Достоевскій ли написалъ это? Вѣдь передъ нами начало банальнѣйшаго англійскаго романа, сочиненнаго какою-нибудь миссъ или миссисъ. Вотъ сейчасъ по лѣстницѣ поднимется благородный Артуръ и изящно поклонится прелестной Мэри.

Сонъ Версилова:

«Голубыя, ласковыя волны, острова и скалы, цвѣтущее прибрежье, волшебная панорама вдали,—словами не передашь... О, тутъ жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные, луга и рощи наполнялись ихъ пѣснями и веселыми криками. Солнце обливало ихъ теплomъ и свѣтомъ, радуясь на своихъ прекрасныхъ дѣтей».

Со стеклянными этими описаніями неловко даже ставить рядомъ описанія природы, напр., у Толстого или Тургенева. Вотъ пара строкъ изъ небрежнаго частнаго письма Толстого: «Гомеръ только изгаженъ нашими съ нѣмецкаго образца переводами,

Пошлое, но невольное сравненіе: дистиллированная вода и *вода изъ ключа, ломящая зубы, съ блескомъ и солнцемъ и даже соринками, отъ которыхъ она еще чище и свѣжѣе»*. Вѣдь вся душа вздрагиваетъ отъ этой «пошлой» пары строкъ. А что могутъ шевельнуть въ душѣ тѣ «прелестные пейзажи», «волшебныя панорамы» и «ласковыя голубыя волны»?

Лексиконъ Достоевскаго поразительно богатъ. Но при описаніи радующейся природы онъ какъ будто теряетъ собственныя слова. Либо «волшебныя панорамы» и «ласковыя волны», либо еще... цитаты!

Легенда о Великомъ Инквизиторѣ: «Настаетъ темная, горячая и *«бездыханная севильская ночь»*. Воздухъ *«лавромъ и лимономъ пахнетъ»*... Юноша Инполитъ въ «Идіотѣ» говоритъ: «Какъ только солнце покажется и *«зазвучитъ»* на небѣ (кто это сказалъ въ стихахъ: «на небѣ солнце зазвучало»? Безсмысленно, но хорошо!),—такъ мы и спать». И нѣсколько разъ онъ повторяетъ этотъ образъ: «когда солнце взойдетъ и «зазвучитъ» на небѣ».

Но только вступитъ Достоевскій въ область мрака, тумановъ и дождей, — и чуждый пришелецъ мгновенно превращается въ державнаго владыку. Каждое слово его звучитъ здѣсь властно и самостоятельно; здѣсь ему не нужны ни «пейзажи» и «панорамы» ни цитаты.

Глядя на радость и ликованіе природы, самые разнообразные герои Достоевскаго испытываютъ странное, самимъ имъ непонятное чувство какой-то мрачной отъединенности.

Раскольниковъ стоитъ на Николаевскомъ мосту. «Небо было безъ малѣйшаго облачка, а вода почти голубая, что на Невѣ такъ рѣдко бываетъ. Одна безпокойная и не совсѣмъ ясная мысль занимала теперь Раскольникова исключительно. Ему случалось, можетъ-быть, разъ сто останавливаться именно на этомъ самомъ мѣстѣ, пристально вглядываться въ эту дѣйствительно великолѣпную панораму и каждый разъ почти удивляться одному неясному и неразрѣшимому своему впечатлѣнію. *Необъяснимымъ холодомъ вѣяло на него всегда отъ этой великолѣпной панорамы; духомъ тѣмымъ и глухимъ полна была для него эта пышная картина...* Дивился онъ каждый разъ своему угрюмому и загадочному впечатлѣнію»

Юноша-нигилистъ Инполитъ («Идіотъ») пишетъ въ своей исповѣди:

«Для чего мнѣ ваша природа, ваши восходы и закаты солнца, ваше голубое небо, когда весь этотъ пиръ, которому нѣтъ конца, началъ съ того, что одного меня счелъ за лишняго? Что мнѣ во всей этой красотѣ, когда я каждую минуту, каж-

дую секунду долженъ и принужденъ теперь знать, что вотъ даже эта крошечная мушка, которая жужжитъ теперь около меня въ солнечномъ лучѣ, и та даже во всемъ этомъ пирѣ и хорѣ участница, мѣсто знаетъ свое, любитъ его и счастлива, а я одинъ выкидышъ и только по малодушію моему до сихъ поръ не хотѣлъ понять это!»

Князь Мышкинъ ходитъ раннимъ утромъ по парку, вспоминаетъ чтеніе Ипполита. «Одно давно забытое воспоминаніе зашевелилось въ немъ и вдругъ разомъ выяснилось. Это было въ Швейцаріи, въ первый годъ его лѣченія. Онъ разъ зашелъ въ горы, въ ясный, солнечный день, и долго ходилъ съ одною мучительною, но никакъ не воплощавшеюся мыслью. Предъ нимъ было блестящее небо, внизу — озеро, кругомъ — горизонтъ, свѣтлый и безконечный. Онъ долго смотрѣлъ и терзался. Ему вспомнилось теперь, какъ простиралъ онъ руки свои въ эту свѣтлую, безконечную синеву и плакалъ. Мучило его то, что всему этому онъ совсѣмъ чужой. Что же это за пиръ, что же это за всегдашній великій праздникъ, которому нѣтъ конца и къ которому тянетъ его давно, всегда, съ самаго дѣтства, и къ которому онъ никакъ не можетъ пристать. Каждое утро восходитъ такое же свѣтлое солнце, каждое утро на водопадѣ радуга; каждая «маленькая мушка во всемъ этомъ хорѣ участница: мѣсто знаетъ свое, любитъ его и счастлива»; каждая-то травка растетъ и счастлива! И у всего свой путь, и все знаетъ свой путь, съ пѣснью отходитъ и съ пѣснью приходитъ; одинъ онъ ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ, ни людей ни звуковъ, всему чужой и выкидышъ. О, онъ, конечно, не могъ говорить тогда этими словами и высказать свой вопросъ; онъ мучился глухо и нѣмо; но теперь ему казалось, что онъ все это говорилъ и тогда».

Далека отъ человѣка жизнь природы; «духомъ нѣмымъ и глухимъ» полна для него эта таинственная жизнь. Далеки и животныя. Ихъ нѣтъ вокругъ человѣка, онъ не соприкасается душою съ ихъ могучею и загадочною, не умомъ постигаемою силою жизни. Лишь рѣдко, до странности рѣдко является близъ героевъ Достоевскаго то или другое животное,—и, Боже мой, въ какомъ видѣ! Искалѣченное, униженное и забитое, полное того же мрака, которымъ полна и природа.

Дрянной трактирчикъ на Петербургской Сторонѣ. «Пахло пригорѣлымъ масломъ. Гадко было. Надъ головой моей тюкалъ носомъ о дно своей клѣтки безголосый соловей, мрачный и задумчивый».

Собака Азорка въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ»: «Шерсть на ней почти вся вылѣзла, тоже и на хвостѣ. Длинноухая

голова угрюмо свѣшивалась внизъ. Въ жизнь мою я не встрѣчалъ такой противной собаки. Казалось, она цѣлый день лежитъ гдѣ-нибудь мертвая и, какъ зайдетъ солнце, вдругъ оживаетъ».

Перезвонъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»,—«мохнатая, довольно большая и паршивая собака... Правый глазъ ея былъ кривъ, а лѣвое ухо почему-то съ разрѣзомъ. Она взвизгивала и прыгала, служила, ходила на заднихъ лапахъ, бросалась на спину всѣми четырьмя лапами вверхъ и лежала безъ движенія, какъ мертвая... Коля, выдержавъ Перезвона опредѣленное время мертвымъ, наконецъ-то свистнулъ ему: собака вскочила и пустилась прыгать отъ радости, что исполнила свой долгъ».

Мелькомъ является еще въ «Бѣсахъ» «скверная, старая, маленькая собачонка Земирка», въ «Двойникѣ»—паршивая уличная собачонка. Вотъ чуть ли и не всѣ животныя, которыхъ мы встрѣчаемъ въ чисто-художественныхъ произведеніяхъ Достоевскаго.

Правда, есть еще въ «Неточкѣ Незвановой» невѣроятно-свирѣпый и невѣроятно-умный бульдогъ Фальстафъ, есть въ «Маленькомъ героѣ» столь же свирѣпый и дикій конь Танкредъ (который однако ухитрится не сбросить съ себя взобравшагося на него одиннадцатилѣтняго мальчика). Но оба животныя въ этихъ раннихъ произведеніяхъ Достоевскаго слишкомъ явно сочинены, слишкомъ художественно-мертвы, чтобы брать ихъ въ счетъ. Такихъ псовъ и коней можно рисовать, ни разу въ жизни не видавши собаки и лошади,—достаточно только прочесть нѣсколько французскихъ романовъ тридцатыхъ годовъ.

Высшихъ животныхъ почти нѣтъ вокругъ героевъ Достоевскаго. Зато въ невѣроятномъ количествѣ встаютъ передъ нами всякаго рода низшія животныя, гады и пресмыкающіяся,—наиболѣе дисгармоничныя, наибольшій ужасъ и отвращеніе вселяющія человѣку. Тарантулы, скорпіоны, фаланги—и науки, науки безъ числа. Они непрерывно снятся и представляются чуть ли не всѣмъ безъ исключенія героямъ Достоевскаго. Какъ холодъ, мракъ и туманы неодушевленной природы, такъ эти уроды животной жизни ползутъ въ душу человѣческую, чтобъ оттолкнуть и отъединить ее отъ міра, въ которомъ свѣтъ и жизнь.

И міръ мертвѣетъ для души. Вокругъ человѣка—не горячій трепетъ жизни, а холодная пустота, «безгласіе косности».

«Косность! О, природа! Люди на землѣ одни — вотъ бѣда! «Есть ли въ полѣ живъ человѣкъ?» — кричитъ русскій бога-

тырь. Кричу и я, не богатырь, и никто не откликается. Говорятъ, солнце живитъ вселенную. Взойдетъ солнце и—посмотрите на него, развѣ оно не мертвецъ? *Все мертво и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругомъ ихъ молчаніе,—вотъ земля!*» («Кроткая»).

II.

«Сатана sum et nihil humanum a me alienum puto».

И одиноко,—сами, какъ пауки, — сидятъ люди въ глухихъ углахъ и смотрятъ оттуда на міръ.

Мелкіе разсказы Достоевскаго. Основа всѣхъ ихъ одна: въ мрачной, безлюдной пустынѣ, именуемой Петербургомъ, въ угрюмой комнатѣ-скорлупѣ ютится безконечно-одинокій человѣкъ и въ одиночку живетъ напряженно-фантастическою, сосредоточенною въ себѣ жизнью.

«Смеркалось, накрапывалъ дождь. Ордыновъ сторговалъ первый встрѣчный уголъ и черезъ часъ переѣхалъ. Тамъ онъ какъ будто запереся въ монастырь, какъ будто отрѣшился отъ свѣта. Черезъ два года онъ одичалъ совершенно» («Хозяйка»).

«Жизнь моя была угрюмая и до одичалости одинокая. Моя квартира была моя скорлупа, мой футляръ, въ который я прятался отъ всего человѣчества» («Записки изъ подполья»).

И такъ почти въ каждомъ разсказѣ... Большіе романы, съ героями, наиболѣе близкими душѣ Достоевскаго. «Замѣчательно, что Раскольниковъ, бывъ въ университетѣ, почти не имѣлъ товарищей, всѣхъ чуждался, ни къ кому не ходилъ и у себя принималъ тяжело. Впрочемъ, и отъ него скоро всѣ отвернулись... Онъ рѣшительно ушелъ отъ всѣхъ, какъ черепаха въ свою скорлупу».—«Я—человѣкъ мрачный, скучный,—говоритъ Свидригайловъ.—Сижу въ углу. Иной разъ три дня не разговорятъ».

Подростокъ пишетъ: «Нѣтъ, мнѣ нельзя жить съ людьми! На сорокъ лѣтъ впередъ говорю. Моя идея—уголъ... Вся цѣль моей «идеи»—уединеніе...» Версиловъ говоритъ ему: «Я тоже, какъ и ты, никогда не любилъ товарищей».

Кирилловъ въ «Бѣсахъ» «не склоненъ встрѣчаться съ людьми и мало съ людьми говоритъ». Въ убогомъ своемъ флигелькѣ всѣ ночи до разсвѣта онъ ходитъ, пьетъ чай и думаетъ. Одиноко и загадочно проходитъ сквозь жизнь никому непонятный Николай Ставрогинъ. Одиноко сидитъ и думаетъ въ отцовскомъ домѣ Иванъ Карамазовъ.

Связи съ широкою и таинственною жизнью міра въ душѣ

человѣка нѣтъ. Нѣтъ также въ его душѣ и естественной связи съ другими людьми, съ человѣчествомъ. Труднѣе всего для этого человѣка-одиночки вообразить себя и представить, какъ можно *изъ себя* любить людей или даже просто «быть благороднымъ».

«— Да чортъ мнѣ до будущаго,—восклицаетъ Подростокъ,—когда я одинъ только разъ на свѣтѣ живу! Что̀ мнѣ за дѣло о томъ, что̀ будетъ черезъ тысячу лѣтъ съ этимъ вашимъ человѣчествомъ, *если мнѣ за это—ни любви, ни будущей жизни, ни признанія за мной подвига?*»

Человѣкъ органически не способенъ любить людей,—это на всѣ лады повторяютъ разнообразнѣйшіе герои Достоевскаго.

«— По-моему,—говоритъ Версиловъ,—человѣкъ созданъ съ физическою невозможностью любить своего ближняго. «Любовь къ человѣчеству» надо понимать лишь къ тому человѣчеству, которое ты же самъ и создалъ въ душѣ своей».

Такъ же высказываются Иванъ Карамазовъ, Настасья Филипповна, многіе другіе. И уже прямо отъ себя Достоевскій въ «Дневникѣ писателя» пишетъ: «Я объявляю, что любовь къ человѣчеству—даже совсѣмъ немыслима, непонятна *и совсѣмъ невозможна безъ совмѣстной вѣры въ безсмертіе души человѣческой*» (курсивъ Достоевскаго).

Разъ же нѣтъ толкающей силы, разъ человѣку предоставлено свободно проявлять самого себя, — то какая ужъ тутъ любовь къ человѣчеству! Нѣтъ злодѣйства и нѣтъ пакости, къ которой бы не потянуло человѣка. Мало того: только къ злодѣйству или къ пакости онъ и потянется.

Иванъ Карамазовъ утверждаетъ, что «для каждаго лица, не вѣрующаго ни въ Бога ни въ безсмертіе свое, нравственный законъ природы долженъ немедленно измѣниться въ полную противоположность прежнему религіозному: эгоизмъ даже до злодѣйства не только долженъ быть дозволенъ человѣку, но даже признанъ необходимымъ, самымъ разумнымъ и чуть ли не благороднѣйшимъ исходомъ въ его положеніи».

Сдерживать такого человѣка могутъ соображенія только чисто-внѣшняго свойства,—боязнь, напр., общественнаго мнѣнія и т. п. Достоевскаго чрезвычайно интересуетъ такой вопросъ:

«— Положимъ, вы жили на лунѣ, вы тамъ, положимъ, сдѣлали злодѣйство, или, главное, стыдъ, т.-е. позоръ, только очень подлый и... смѣшной... Но теперь вы здѣсь и смотрите на луну отсюда: какое вамъ дѣло здѣсь до всего того, что̀ вы тамъ надѣлали, и что тамошніе будутъ плевать на васъ тысячу лѣтъ, не правда ли?»

Этотъ вопросъ задастъ Ставрогинъ Кириллову. Совсѣмъ такой же вопросъ задастъ себѣ герой «Сна смѣшного человѣка». Въ жизни приходится скрывать свою тайную сущность, непрерывно носить маску. Но сладко человѣку вдругъ сбросить душную маску, сбросить покровы и раскрыться во-всю.

Кладбище. Въ могилахъ зеленая вода. Доносятся изъ-подъ земли глухіе разговоры, «какъ будто рты закрыты подушками». Это подъ землею бесѣдуютъ мертвецы.

«— Господа! Я предлагаю ничего не стыдиться!

«— Ахъ, давайте, давайте ничего не стыдиться! — послышались многіе голоса. Съ особенною готовностью прогремѣлъ басомъ свое согласіе инженеръ. Дѣвочка Катинь радостно захихикала.

«— Ахъ, какъ я хочу ничего не стыдиться! — съ восторгомъ воскликнула Авдотья Игнатьевна.

«— На землѣ жить и не лгать невозможно, — сказалъ баронъ.—Ну, а здѣсь мы для смѣху будемъ не лгать. Мы всѣ будемъ вслухъ разсказывать наши исторіи и уже ничего не стыдиться. Все это тамъ, вверху, было связано гнилыми веревками. Долой веревки и проживемъ въ самой безстыдной правдѣ! Заголимся и обнажимся!

«— Обнажимся, обнажимся! — закричали во всѣ голоса» («Бобокъ»).

Но и ношеніе маски даетъ своеобразное наслажденіе. Выбрать только маску съ выраженіемъ поблагороднѣе и повозвышеннѣе. Люди съ уваженіемъ смотрятъ и не подозрѣваютъ, что подъ маскою смѣется надъ ними и дергается безстыдное, дьявольское лицо.

Князь-отецъ въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» разсказываетъ про одну красавицу-графиню. Она была примѣрно-добродѣтельна, пользовалась глубокимъ уваженіемъ за свою безупречную чистоту, къ падшимъ относилась съ жестокостью безпощадной. «И что же? Не было развратницы развратнѣе этой женщины, и я имѣлъ счастіе заслужить вполнѣ ея довѣренность. Барыня моя была сладострастна до того, что самъ маркизъ де-Садъ могъ бы у ней поучиться. Но самое сильное, самое пронзительное и потрясающее въ этомъ наслажденіи — была его таинственность и наглость обмана. Эта насмѣшка надъ всѣмъ, о чемъ графиня проповѣдывала въ обществѣ, какъ о высокомъ и непарушимомъ, и наконецъ этотъ внутренній дьявольскій хохотъ и сознательное попираніе всего, чего нельзя попирать, — вотъ въ этомъ-то, главное, и заключалась самая яркая черта этого наслажденія. Да, это былъ самъ дьяволъ во плоти, но онъ былъ непобѣдимо-очарователенъ».

Когда съ ближнимъ случается несчастіе, то въ душѣ человѣка закипаетъ хищная радость,—это уже прямо отъ своего лица Достоевскій настойчиво повторяетъ чуть не въ каждомъ романѣ.

«Странное внутреннее ощущеніе довольства всегда замѣчается даже въ самыхъ близкихъ людяхъ при внезапномъ несчастіи съ ихъ ближнимъ; отъ него не избавленъ ни одинъ человѣкъ безъ исключенія, несмотря даже на самое искреннее чувство сожалѣнія и участія» («Преступленіе и наказаніе»). «Вообще въ каждомъ несчастіи ближняго есть всегда нѣчто веселящее посторонній глазъ, — и даже кто бы вы ни были» («Бѣсы»).—«Я былъ потрясенъ даже до того, что обыкновенное человѣческое чувство нѣкотораго удовольствія при чужомъ несчастіи, т.-е. когда кто сломаетъ ногу, потеряетъ честь, лишится любимаго существа и пр. — даже обыкновенное это чувство подлаго удовлетворенія безслѣдно уступило во мнѣ горю» («Подростокъ»).

Поистинѣ, человѣкъ — это прирожденный дьяволъ. «Сатана sum et nihil humanum a me alienum puto»,—заявляетъ чортъ Ивану Карамазову. Я—сатана, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо. Говоритъ онъ это по поводу полученнаго имъ ревматизма. Но не только подверженность ревматизму,—въ человѣкѣ вообще нѣтъ ничего, что было бы чуждо дьяволу. «Я думаю,—говоритъ Иванъ,—что, если дьяволъ не существуетъ, и, стало-быть, создалъ его человѣкъ, то создалъ онъ его по своему образу и подобію».

Въ человѣкѣ живетъ инстинктивная, непреодолимая ненависть и отвращеніе къ гармоніи, его тянетъ къ разрушенію, къ хаосу.

«— Какъ я донесъ букетъ, не понимаю, — сказалъ Верховскій.—Мнѣ раза три дорогой хотѣлось бросить его на снѣгъ и растоптать ногой... Ужасно хотѣлось. Пожалѣй меня, Соня, и мою бѣдную голову. А хотѣлось потому, что слишкомъ красивъ. Что красивѣе цвѣтка на свѣтѣ изъ предметовъ? Я его несу, а тутъ снѣгъ и морозъ. Я, впрочемъ, не про то: просто хотѣлось измять его, потому что хорошъ».

Въ душѣ человѣческой лежитъ дьяволъ. Великое счастье для жизни, что его удерживаетъ въ душевныхъ глубинахъ тяжелая крышка, которой названіе — Богъ.

Оедоръ Павловичъ Карамазовъ либеральничаетъ:

«— Взять бы всю эту мистику (монастыри), да разомъ по всей русской землѣ и упразднить... Чтобъ истина скорѣе возсіяла».

Иванъ возражаетъ:

«— Да вѣдь коль эта истина возсіяетъ, такъ васъ же перваго сначала ограбятъ, а потомъ... упразднятъ».

Если сбросить крышку, то въ жизни произойдетъ нѣчто ужасающее. Настанетъ всеобщее глубокое разъединеніе, вражда и ненависть другъ къ другу, безцѣльное стремленіе все разрушать и уничтожать. Случится то, что̀ грезится Раскольникову на каторгѣ:

«Люди убивали другъ друга въ какой-то безсмысленной злобѣ. Собирались другъ на друга цѣлыми арміями, но арміи, уже въ походѣ, вдругъ начинали сами терзать себя, разстраивались, воины бросались другъ на друга, кололись и рѣзались, кусали и ѣли другъ друга. Оставили самыя обыкновенныя ремесла, потому что всякій предлагалъ свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледѣліе. Кое-гдѣ люди сбѣгались въ кучи, соглашались вмѣстѣ на что-нибудь, клялись не разставаться,— но тотчасъ же начинали что-нибудь совершенно другое, чѣмъ сейчасъ же сами предполагали, начинали обвинять другъ друга, дрались и рѣзались. Начались пожары, начался голодъ. Всѣ и все погибало. Спастись во всемъ мірѣ могли только нѣсколько человѣкъ, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигдѣ не видалъ этихъ людей, никто не слыхалъ ихъ слова и голоса».

III.

Не забывающіе про смерть.

Въ «Дневникѣ писателя» Достоевскій приводитъ сочиненное имъ письмо одного самоубійцы, — «разумѣется, матеріалиста» («Приговоръ»).

«Я не могу быть счастливъ,—пишетъ самоубійца,—даже и при самомъ высшемъ и непосредственномъ счастьѣ любви къ ближнему и любви ко мнѣ человѣчества, ибо знаю, что завтра же все это будетъ уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человѣчество—обратимся въ ничто, въ прежній хаосъ. *А подъ такимъ условіемъ я ни за что не могу принять никакого счастья*, просто потому, что не буду *и не могу быть счастливъ подъ условіемъ грозящаго завтра пуля.* Это— чувство, это непосредственное чувство, и я не могу побороть его».

Какіе логическіе доводы можно привести противъ этого разсужденія? Никакихъ. Разсужденіе вполнѣ правильно. Человѣкъ не можетъ не знать, что онъ умретъ,—не завтра, такъ черезъ двадцать, черезъ сорокъ лѣтъ. Что̀ же это за безсмыслица,

что же это за странная душевная тупость—думать о какомъ-то счастьѣ, суетливо устраивать мимолетную жизнь, стремиться, бороться, чего-то желать и ждать. Для чего?.. Два только есть логически-разумныхъ выхода, — либо убить себя, либо послѣдовать примѣру пирующихъ во время чумы: отдаться мгновеннымъ наслажденіямъ, затуманить мысль о неотвратимомъ будущемъ и самозабвенно упиваться

ужасомъ той мертвой пустоты,
Которую въ моемъ дому встрѣчаю,
И новостью сихъ бѣшеныхъ веселій,
И благодатнымъ ядомъ этой чаши.

Однако люди живутъ, творятъ жизнь. И проповѣдникамъ тлѣна стоитъ большихъ усилій заставить ихъ очнуться на мигъ и вспомнить, что существуетъ смерть, все дѣлающая ничтожнымъ и ненужнымъ. Въ этой странной слѣпотѣ всего живущаго по отношенію къ смерти заключается величайшее чудо жизни.

Прометей у Эсхила говоритъ:

Я смертнымъ далъ забвенье смерти.

И хоръ безсмертныхъ Океанидъ въ изумленіи спрашиваетъ:

Но какъ могли про смерть они забыть?

Этого безсмертнымъ не понять. Не понять, что великая сила жизни дѣлаетъ живое существо *неспособнымъ* внутренно чуять смерть. Только теоретически оно способно представить себѣ неизбѣжность смерти, чуетъ же ее душою развѣ только въ рѣдкія, отдѣльныя мгновенія. «Никто,—говоритъ Шопенгауэръ,— не имѣетъ дѣйствительнаго, живого убѣжденія въ неизбѣжности своей смерти, ибо иначе не было бы большого различія между его настроеніемъ и настроеніемъ человѣка, приговореннаго къ смертной казни. Напротивъ, каждый, хотя познаетъ такую необходимость абстрактно и теоретически, но отлагаетъ ее въ сторону, какъ другія теоретическія истины, которыя однако на практикѣ неприложимы, — нисколько не воспринимая ихъ въ свое живое сознаніе».

Но какъ могли про смерть они забыть?

Безсмертнымъ этого не понять. Не понять этого и *слишкомъ* смертнымъ,—тѣмъ, кто носитъ въ духѣ своемъ смерть и разложеніе. Не понимаютъ и герои Достоевскаго.

Всѣ они полны смутнаго, мятущагося ужаса передъ уничтоженіемъ. Одно напоминаніе о смерти заставляетъ ихъ содрогаться.

«Въ сознаніи о смерти и въ ощущеніи присутствія смерти всегда для Раскольникова было что-то тяжелое и мистически-

ужасное, съ самаго дѣтства». — «Боюсь смерти и не люблю, когда говорятъ о ней», — сознаётся Свидригайловъ. — «Ахъ, какъ это страшно! Думаешь ли ты когда-нибудь объ этомъ мракѣ? Ахъ, какъ я боюсь смерти!» (Лиза, сестра Подростка). — «Я жизнь люблю, я за жизнь мою ужасно боюсь, я ужасно въ этомъ малодушна!» (Катерина Николаевна въ «Подросткѣ»). «Я тамъ все храбрилась, а здѣсь смерти боюсь. Я умру, очень скоро умру, но я боюсь, боюсь умирать!» (Лиза въ «Бѣсахъ»).

Страхъ смерти—это червь, непрерывно точащій душу человѣка. Кирилловъ, идя противъ Бога, «хочетъ лишить себя жизни, потому что *не хочетъ страха смерти*». «Вся свобода,— учитъ онъ,—будетъ тогда, когда будетъ все равно, жить или не жить... Богъ есть боль страха смерти. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ станетъ богъ».

Но какъ при такомъ душевномъ состояніи возможна жизнь? Достоевскій рѣшительно и отвѣчаетъ: невозможна. Какъ нѣтъ *внутри* человѣка силъ, способныхъ поднять его хоть немного выше дьявола,—такъ нѣтъ внутри его и силъ, дающихъ возможность смотрѣть безъ непрерывнаго ужаса въ лицо неизбѣжной смерти. Единственная возможность жизни — это полное уничтоженіе смерти, т.-е. личное безсмертіе. Если же нѣтъ людямъ безсмертія, то жизнь ихъ превращается въ одно сплошное, сосредоточенное ожиданіе смертной казни. «Это—чувство, это непосредственное чувство, и я не могу побороть его», — пишетъ самоубійца въ «Приговорѣ».

«— *Я* представляю себѣ, мой милый, — началъ Версиловъ съ задумчивою улыбкою, — что бой уже кончился и борьба улеглась. Настало затишье, и люди остались *одни*, какъ желали: великая прежняя идея оставила ихъ, люди разомъ почувствовали великое сиротство... Осиротѣвшіе люди тотчасъ же стали бы прижиматься другъ къ другу тѣснѣе и любовнѣе. Исчезла бы великая идея безсмертія, и приходилось бы замѣнить ее; и весь великій избытокъ прежней любви къ Тому, Который и былъ безсмертіе, обратился бы у всѣхъ на природу, на міръ, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и въ той мѣрѣ, въ какой постепенно сознавали бы свою преходимость и конечность, и уже особенною, уже не прежнею любовью. «Пусть завтра послѣдній день мой,—думалъ бы каждый, смотря на заходящее солнце,—но все равно, я умру, но останутся всѣ они, а послѣ нихъ дѣти ихъ»... О, они торопились бы любить, чтобъ затушить великую грусть въ своихъ сердцахъ. Встрѣчаясь, смотрѣли бы другъ на друга глубокимъ и осмысленнымъ взглядомъ, и во взглядахъ ихъ была бы любовь и грусть...»

IV.

«Если Бога нѣтъ, то какой же я послѣ того капитанъ?»

«— А что, какъ Бога нѣтъ? — говоритъ Дмитрій Карамазовъ.—Тогда, если Его нѣтъ, то человѣкъ—шефъ земли, мірозданія. Великолѣпно! Только какъ онъ будетъ добродѣтеленъ безъ Бога-то? Вопросъ! Я все про это... Ракитинъ смѣется. Ракитинъ говоритъ, что можно любить человѣчество и безъ Бога. Ну, это сморчокъ сопливый можетъ только такъ утверждать, а я понять не могу».

Мы видѣли: безъ Бога не только невозможно любить человѣчество, — безъ Бога жизнь вообще совершенно невозможна. Въ записныхъ книжкахъ Достоевскаго, среди матеріаловъ къ роману «Бѣсы», есть разсужденіе, которое Достоевскій собирался вложить въ уста Ставрогину:

«Прежде всего нужно предрѣшить, чтобы успокоиться, вопросъ о томъ: возможно ли серьезно и вправду вѣровать? Если же невозможно, то вовсе не такъ неизвинительно, если кто потребуетъ, что *лучше всего все сжечь. Оба требованія совершенно одинаково человѣколюбивы (медленное страданіе и смерть и скорое страданіе и смерть)*».

Человѣкъ бѣденъ безмѣрно. Это одинокій, безпомощный калѣка съ перебитыми ногами, и Богъ ему необходимъ, какъ костыль. Иначе онъ сейчасъ же свалится. Человѣкъ лишенъ всякаго живого чувства, свободно идущаго изнутри. И не только лишенъ,—онъ даже не въ состояніи представить себѣ возможности такого чувства. Ну, а мать, напримѣръ, — способна ли хоть она-то любить своего ребенка «безъ санкціи»? Право, кажется, не удивишься, если гдѣ-нибудь найдешь у Достоевскаго недоумѣніе: «Какъ это мать можетъ любить ребенка своего безъ Бога? Это сморчокъ сопливый можетъ такъ утверждать, а я понять не могу».

> Се—человѣки могучіе, слава сыновъ земнородныхъ.
> Были могучи они, съ могучими въ битвы вступали.

Эти Гекторы, Діомеды и Ахиллесы боролись и умирали за то, что считали благомъ цѣлаго, при идеѣ такого убогаго безсмертія, которое было хуже всякой смерти. И позднѣйшіе греки, создавшіе величайшую въ мірѣ культуру, были не то, чтобы «добродѣтельны безъ Бога», а гораздо больше: они были *добродѣтельны* своихъ боговъ,—это отмѣчаютъ всѣ изслѣдователи греческой культуры. Еще въ большей мѣрѣ приложимо это къ древнимъ римлянамъ. Юпитеръ ли вдохновлялъ Гракховъ въ ихъ борьбѣ за народъ? Что ужъ говорить о подвигахъ и

жертвахъ, которыми полна жизнь за послѣдніе вѣка! Безъ санкціи люди боролись и гибли, борются и гибнуть.

Все это какъ будто творится въ какомъ-то совсѣмъ другомъ мірѣ,— не въ томъ, въ которомъ Достоевскій. Въ его же мірѣ, если нѣтъ человѣку безсмертія, то есть только взаимная ненависть, злоба, одиночество и мракъ. «Самоубійство,—говоритъ Достоевскій,—при потерѣ идеи о безсмертіи становится совершенною и неизбѣжною даже необходимостью для всякаго человѣка, чуть-чуть поднявшагося въ своемъ развитіи надъ скотами» (такъ и сказано!).

Эта слѣпота Достоевскаго на все живое слишкомъ ужасна и трагична, чтобы можно было смѣяться. И, однако, комично-послѣдовательной иллюстраціей къ его мысли о невозможности для человѣка жить безъ санкціи является событіе, о которомъ разсказываетъ Петръ Верховенскій въ «Бѣсахъ».

«— Въ пятницу вечеромъ я съ офицерами пилъ. Объ атеизмѣ говорили и ужъ, разумѣется, Бога раскассировали. Рады, визжатъ. Одинъ сѣдой бурбонъ-капитанъ сидѣлъ-сидѣлъ, все молчалъ, вдругъ становится среди комнаты и, знаете, громко такъ, какъ бы самъ съ собой: «Если Бога нѣтъ, то какой же я послѣ того капитанъ?» Взялъ фуражку, развелъ руки и вышелъ.

«— Довольно цѣльную мысль выразилъ,—зѣвнулъ Ставрогинъ.

«— Да? Я не понялъ; васъ хотѣлъ спросить».

Мы, можетъ-быть, тоже бы не поняли. Но, подготовленные Достоевскимъ, мы понимаемъ,—и понимаемъ, что это, дѣйствительно, весьма даже цѣльная мысль.

V.

«Смѣлѣй, человѣкъ, и будъ гордъ!»

Въ сумеречной глубинѣ души человѣческой лежитъ дьяволъ. Ему нѣтъ воли. Его держитъ заключеннымъ въ низахъ души тяжелая крышка — Богъ. Дьяволъ задыхается въ глубинѣ, рвется на волю, проситъ жизни. И все очевиднѣе становится для человѣка, что ето душа его проситъ воли, что рвущійся изъ-подъ крышки дьяволъ — это и есть онъ самъ.

Что же дѣлать? «Смѣлѣй, человѣкъ, и будь гордъ! Не ты виноватъ!» Нужно только дерзнуть, нужно только сбросить крышку,—и будетъ свобода. Встанетъ придавленный дьяволъ, разомнется и поведетъ человѣка. Наступитъ цѣльная жизнь и яркое счастье, — пускай страшная жизнь, дьявольское счастье,—но жизнь и счастье.

Человѣкъ изъ подполья пишетъ: «Съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то

добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непремѣнно вообразили они, что человѣку надо непремѣнно благоразумно-выгоднаго хотѣнія? Человѣку надо одного только *самостоятельнаго* хотѣнія, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела».

«— Если нѣтъ Бога,—говоритъ Кирилловъ,—то вся воля—моя. Человѣкъ потому и былъ до сихъ поръ такъ несчастенъ и бѣденъ, что своевольничалъ съ краю, какъ школьникъ. Неужели никто, кончивъ Бога, не осмѣлится заявить своеволіе въ самомъ полномъ пунктѣ? Это такъ, какъ бѣдный получилъ наслѣдство и испугался, и не смѣетъ подойти къ мѣшку, почитая себя малосильнымъ владѣть».

И вотъ люди начинаютъ заявлять своеволіе, начинаютъ проявлять свое самостоятельное хотѣніе.

Самостоятельное хотѣніе, разъ сброшена съ души упомянутая крышка,—это, конечно, что-то глубоко отъединенное отъ всего въ мірѣ, идущее исключительно въ собственное *я* человѣка. Раскольниковъ говоритъ: «Трудолюбивый народъ соціалисты и торговый; «общимъ счастьемъ» занимаются. Нѣтъ, мнѣ жизнь однажды дается и никогда ея больше не будетъ; я не хочу дожидаться «всеобщаго счастья». Я и самъ хочу жить, а то лучше ужъ и не жить». Въ чемъ же жизнь?—«Свобода и власть, главное — власть! Надъ всею дрожащею тварью и надъ всѣмъ муравейникомъ!.. Вотъ цѣль!.. Кто крѣпокъ и силенъ умомъ и духомъ, тотъ надъ людьми и властелинъ. Власть дается только тому, кто посмѣетъ наклониться и взять ее. Тутъ одно только, одно: стоитъ только посмѣть!»

Чтобы доказать себѣ, что онъ «смѣетъ», Раскольниковъ убиваетъ старуху-процентщицу. «Я не человѣка убилъ, я принципъ убилъ... Не для того я убилъ, чтобы, получивъ средства и власть, сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества. Вздоръ! Я просто убилъ; *для себя убилъ, для себя одного*... Мнѣ надо было узнать тогда, и поскорѣй узнать, вошь ли я, какъ всѣ, или человѣкъ? Смогу ли я переступить или не смогу? Осмѣлюсь ли нагнуться и взять или нѣтъ? Тварь ли я дрожащая, или право имѣю?»

Оказалось—тварь дрожащая. Проявить «самостоятельное хотѣніе» до конца Раскольниковъ не посмѣлъ. Самъ идетъ на раскрытіе своего преступленія, по-ребячески задираетъ Замётова и Порфирія, раскидываетъ на себя сѣти и безпомощно запутывается въ нихъ. Съ презрѣніемъ, съ отвращеніемъ къ себѣ за свою слабость онъ идетъ каяться, доноситъ на себя, отправляется на каторгу.

Раскаянія никакого Раскольниковъ не испытываетъ, и вовсе

не мученія совѣсти заставляютъ его сознаться въ преступленіи,—это великолѣпно показалъ Мережковскій. Перечитывая «Преступленіе и наказаніе» — и недоумѣваешь, какъ могли раньше, читая одно, понимать совсѣмъ другое, какъ могли видѣть въ романѣ истасканную «идею», что преступленіе будитъ въ человѣкѣ совѣсть и въ мукахъ совѣсти несетъ преступнику высшее наказаніе.

«— Я сейчасъ иду предавать себя. *Но я не знаю, для чего я иду предавать себя*,—говоритъ Раскольниковъ.—Преступленіе? Какое преступленіе?—вскричалъ онъ въ какомъ-то внезапномъ бѣшенствѣ.—Не думаю я о немъ, и смывать не думаю! Только теперь вижу ясно всю нелѣпость моего малодушія, теперь, какъ ужъ рѣшился итти на этотъ ненужный стыдъ! Просто отъ низости и бездарности моей рѣшаюсь!»

И съ усмѣшкою дьявола онъ думаетъ: «А любопытно, неужели въ эти будущія пятнадцать-двадцать лѣтъ такъ уже смирится душа моя, что я съ благоговѣніемъ буду хныкать предъ людьми, называя себя ко всякому слову разбойникомъ?.. Какимъ же процессомъ можетъ это произойти? И зачѣмъ, зачѣмъ же жить послѣ этого?»

Уже будучи на каторгѣ, «онъ строго судилъ себя, и ожесточенная совѣсть его не нашла никакой особенно ужасной вины въ его прошедшемъ, кромѣ развѣ простого *промаху*... И хотя бы судьба послала ему раскаяніе,—жгучее раскаяніе, разбивающее сердце, отъ ужасныхъ мукъ котораго мерещится петля и омутъ. О, онъ бы обрадовался ему! Муки и слезы—вѣдь это тоже жизнь. *Но онъ не раскаивался въ своемъ преступленіи*... Всталъ въ чемъ одномъ признавалъ онъ свое преступленіе: *только въ томъ, что не вынесъ его и сдѣлалъ явку съ повинной*».

Въ концѣ романа Достоевскій сообщаетъ, что въ Раскольниковѣ произошелъ какой-то переворотъ, что онъ возродился къ добру. «Это могло бы составить тему новаго разсказа,—но теперешній разсказъ нашъ оконченъ».

Съ «самостоятельнымъ хотѣніемъ» вступаетъ въ жизнь и Подростокъ. На груди у него документъ, дающій ему шантажную власть надъ гордою красавицею, а въ головѣ—«идея». Идея эта—уединеніе и могущество. «Мнѣ нужно то, что пріобрѣтается могуществомъ и чего никакъ нельзя пріобрѣсти безъ могущества; это—уединенное и спокойное сознаніе силы! Вотъ самое полное опредѣленіе свободы, надъ которымъ такъ бьется міръ! Свобода. Я начерталъ наконецъ это великое слово... Да, уединенное сознаніе силы—обаятельно и прекрасно»...

«— Зачѣмъ лѣзть къ людямъ, которые васъ не хотятъ? Не

лучше ли все порвать и уйти къ себѣ? Къ себѣ, одному себѣ! Вотъ въ чемъ вся моя «идея».

Дѣйствительность оказывается болѣе сложною и менѣе гнусною, чѣмъ предрѣшилъ Подростокъ. Въ паденіяхъ своихъ и униженіяхъ онъ незамѣтно теряетъ идею. Для умудреннаго опытомъ юноши наступаетъ «новая жизнь». Но опять — «въ записки мои все это войти не можетъ, потому что это — ужъ совсѣмъ другое».

Ставрогинъ, — у него «идеи» нѣтъ. Его даже раздражаетъ, когда всѣ вокругъ навязываютъ ему какія-то идеи. Онъ «не знаетъ различія въ красотѣ между какою-нибудь сладострастною, звѣрскою шуткой и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы даже жертвой жизнью для человѣчества». Онъ «въ обоихъ полюсахъ нашелъ одинаковость наслажденія», стеръ всѣ «черты» и какъ будто живетъ во-всю. Но одинаково во всемъ передъ нимъ открывается темная, мертвая пустота, и онъ убиваетъ себя. Въ предсмертномъ письмѣ Ставрогинъ пишетъ: «Я могу пожелать сдѣлать доброе дѣло и ощущаю отъ того удовольствіе; рядомъ желаю и злого, и тоже чувствую удовольствіе. Но и то и другое чувство всегда слишкомъ мелко, а очень никогда не бываетъ. Мои желанія слишкомъ несильны; руководить не могутъ».

Иванъ Карамазовъ учитъ: «Такъ какъ Бога и безсмертія нѣтъ, то новому человѣку позволительно стать человѣкобогомъ, даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ, и съ легкимъ сердцемъ перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба-человѣка, если оно понадобится... Все дозволено». Мысли свои Иванъ сообщаетъ лакею Смердякову. Смердяковъ убиваетъ отца-Карамазова при молчаливомъ невмѣшательствѣ Ивана. Иванъ идетъ въ судъ доносить на себя. И чортъ спрашиваетъ его:

«— Для чего же ты туда потащишься, если жертва твоя ни къ чему не послужитъ? *А потому, что ты самъ не знаешь, для чего идешь! О, ты много бы далъ, чтобы узнать самому, для чего идешь!..* Ты всю ночь будешь сидѣть и рѣшать: итти или нѣтъ? Но ты все-таки пойдешь, и знаешь, что пойдешь, самъ знаешь, что какъ бы ты ни рѣшался, а рѣшеніе уже не отъ тебя зависитъ. Пойдешь, потому что не смѣешь не пойти. Почему не смѣешь,—это ужъ самъ угадай, вотъ тебѣ загадка!»

Какое-то глубокое, неслучайное безсиліе разъѣдаетъ у Достоевскаго всѣхъ людей, дерзающихъ проявить самостоятельное свое хотѣніе. Какъ въ отчимѣ Неточки Незвановой, въ нихъ все время происходитъ «отчаянная, лихорадочная борьба судорожно-напряженной воли и внутренняго безсилія».

«Нянька будетъ моя!» — думаетъ Раскольниковъ про Соню Мармеладову. Ставрогинъ говоритъ Дарьѣ Павловнѣ: — «Мнѣ кажется, что вы интересуетесь мною, какъ иныя богомольныя старушонки, шатающіяся по похоронамъ, предпочитаютъ иные трупики поприглядніе передъ другими». Лиза говоритъ ему же: «Не хочу я быть вашею сердобольною сестрой, хотя вы всякаго безногаго и безрукаго стóите». Версиловъ — женѣ:— «Соня, я хоть и исчезну теперь опять, но я очень скоро возвращусь, потому что, кажется, забоюсь. Забоюсь, — такъ кто же будетъ лѣчить меня отъ испуга, гдѣ же взять ангела, какъ Соню?» Подростокъ шепчетъ про себя: «Валялась на постели какая-то соломинка, а не человѣкъ,—и не по болѣзни только!» Иванъ Карамазовъ жалуется Алешѣ на чорта: — «Онъ меня трусомъ назвалъ! «Не такимъ орламъ воспарять надъ землей!» Это онъ прибавилъ!»

Одинъ только изъ всѣхъ героевъ Достоевскаго находитъ въ себѣ достаточно силы, чтобы безповоротно переступить черту и заявить своеволіе до конца. Это—Кирилловъ въ «Бѣсахъ». И какъ же чудовищно-жалко это торжество человѣческаго своеволія, какимъ ужаснымъ пораженіемъ выглядитъ побѣда!

«Вся свобода,—учитъ Кирилловъ,—будетъ тогда, когда будетъ все равно, жить или не жить. *Вотъ всему цѣль.*

«— Цѣль? Да тогда никто, можетъ, и не захочетъ жить?

«— Никто,—произнесъ онъ рѣшительно.

«Жизнь есть боль, жизнь есть страхъ, и человѣкъ несчастенъ. Жизнь дается теперь за боль и страхъ, и тутъ весь обманъ. Всякій, кто хочетъ главной свободы, тотъ долженъ смѣть убить себя. Кто смѣетъ убить себя, тотъ тайну обмана узналъ. Тотъ—богъ. Сознать, что нѣтъ Бога, и не сознать въ тотъ же разъ, что самъ богомъ сталъ, — есть нелѣпость. Будетъ новый человѣкъ, счастливый и гордый. Кому будетъ все равно, жить или не жить, тотъ будетъ новый человѣкъ. Имя ему будетъ человѣкобогъ... Кто убьетъ себя только для того, чтобы страхъ убить, тотъ тотчасъ богъ станетъ.

«— Не успѣетъ, можетъ-быть,—замѣтилъ я.

«— Это все равно,—отвѣтилъ Кирилловъ тихо, съ покойною гордостью, чуть не презрѣніемъ».

Какъ «все равно»? Дѣло вотъ въ чемъ: «Есть минуты, вы доходите до минутъ, и время вдругъ останавливается, и будетъ вѣчно. Когда весь человѣкъ счастья достигнетъ, то времени больше не будетъ, потому что не надо».—«Въ этой идеѣ для Кириллова какъ будто заключалась чуть не побѣда».

И вотъ происходитъ торжественное вступленіе человѣка въ царство свободы, свѣтлое преображеніе человѣка въ бога:

«Въ углу, образованномъ стѣною и шкапомъ, стоялъ Кирилловъ и стоялъ ужасно странно,—неподвижно, вытянувшись, протянувъ руки по швамъ, плотно прижавшись затылкомъ къ стѣнѣ, въ самомъ углу, казалось, желая весь стушеваться и спрятаться. Петръ Степановичъ остановился, пораженный ужасомъ. Его, главное, поразило то, что фигура, несмотря на крикъ и на бѣшеный наскокъ его, даже не шевельнулась ни однимъ своимъ членомъ,—точно восковая. Блѣдность лица ея была неестественная, черные глаза совсѣмъ неподвижны и глядѣли въ какую-то точку въ пространствѣ. Петръ Степановичъ провелъ свѣчой сверху внизъ и опять вверхъ, освѣщая со всѣхъ точекъ и разглядывая это лицо. Онъ вдругъ замѣтилъ, что Кирилловъ хоть и смотритъ куда-то передъ собой, но искоса его видитъ и даже, можетъ-быть, наблюдаетъ. Тутъ пришла ему мысль поднести огонь прямо къ лицу «этого мерзавца», поджечь и посмотрѣть, что тотъ сдѣлаетъ. Вдругъ ему почудилось, что подбородокъ Кириллова шевельнулся и на губахъ какъ бы скользнула насмѣшливая улыбка,—точно тотъ угадалъ его мысль. Онъ задрожалъ и, не помня себя, крѣпко схватилъ Кириллова за плечо.

«Затѣмъ произошло нѣчто безобразное и быстрое. Едва онъ дотронулся до Кириллова, какъ тотъ быстро нагнулъ голову и головой же выбилъ изъ руки его свѣчку; подсвѣчникъ полетѣлъ со звономъ на полъ, и свѣча потухла. Въ то же мгновеніе онъ почувствовалъ ужасную боль въ мизинцѣ своей лѣвой руки. Онъ закричалъ и внѣ себя три раза изо всей силы ударилъ револьверомъ по головѣ припавшаго къ нему и укусившаго ему палецъ Кириллова. Наконецъ палецъ онъ вырвалъ и, сломя голову, бросился бѣжать изъ дому, отыскивая въ темнотѣ дорогу. Вослѣдъ ему изъ комнаты летѣли страшные крики:

«— Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ!..

«Разъ десять. Но онъ все бѣжалъ и уже выбѣжалъ-было въ сѣни, какъ вдругъ послышался громкій выстрѣлъ».

Кирилловъ сталъ «богомъ»... Чудовищные призраки пляшутъ вокругъ и хохочутъ, и привѣтствуютъ возвращеніе человѣка въ нѣдра первозданнаго хаоса.

VI.

Извлеченіе квадратнаго корня.

Въ чемъ же дѣло? Почему неизбѣжно подкашиваются безсиліемъ попытки любимѣйшихъ героевъ Достоевскаго зажить свободною, цѣльною жизнью? Почему никому не удается испытать свѣтлое торжество «самостоятельнаго хотѣнія»?

Да потому, что на живое самостоятельное хотѣніе ни у кого изъ нихъ мы не видимъ даже намека. Кто изъ упомянутыхъ героевъ дѣйствительно цѣльно, широко и свободно проявляетъ себя? Никто. Никто не живетъ. Каждый превратилъ свою живую душу въ какую-то лабораторію, сосредоточенно ощупываетъ свои хотѣнія, вымѣриваетъ ихъ, сортируетъ, уродуетъ, непрерывно ставитъ надъ ними самые замысловатые опыты,—и понятно, что непосредственная жизнь отлетаетъ отъ истерзанныхъ хотѣній.

Чуткій, благородный, самоотверженный Раскольниковъ совершаетъ безсмысленнѣйшее, никому ненужное убійство единственно для опыта надъ собою: посмѣетъ ли онъ «переступить черту».

«— Неужели ты думаешь, — говоритъ онъ Сонѣ, — что я, какъ дуракъ, пошелъ, очертя голову? *Я пошелъ, какъ умникъ, и это-то меня и сгубило!* И неужели ты думаешь, что я не зналъ, напримѣръ, хоть того, что если ужъ началъ я себя спрашивать и допрашивать: вошь ли человѣкъ? — то, стало-быть, ужъ не вошь человѣкъ для меня, а вошь для того, кому этого и въ голову не заходитъ и кто прямо безъ вопросовъ идетъ... Развѣ такъ идутъ убивать, какъ я тогда шелъ? Развѣ я старушонку убилъ? Я себя убилъ, а не старушонку! Тутъ таки-таки разомъ и ухлопалъ себя навѣки!»

Иванъ Карамазовъ, послѣ послѣдняго своего свиданія со Смердяковымъ, рѣшаетъ итти въ судъ заявить на себя,—т.-е. возвратиться по сю сторону «черты». На улицѣ онъ спотыкается на замерзающаго въ снѣгу мужичонку, — часъ-другой назадъ самъ же Иванъ ни за что ни про что свалилъ его толчкомъ въ снѣгъ. Иванъ тащитъ мужичонку, вызываетъ людей, щедрою рукою сыплетъ деньги, чтобы спасти его. «Иванъ Федоровичъ остался очень доволенъ. — «Если бы не было взято такъ твердо рѣшеніе мое на завтра, — подумалъ онъ вдругъ съ наслажденіемъ,—то *не остановился бы я на цѣлый часъ пристраивать мужичонку, а прошелъ бы мимо его и только плюнулъ бы на то, что онъ замерзнетъ...*»

Всего замѣчательнѣе, что вѣдь и дѣйствительно въ такомъ случаѣ не остановился бы! И не потому не остановился бы, что ему не было бы жалко мужичонку, — нѣтъ! Въ качествѣ «переступившаго черту» онъ прямо счелъ бы себя *не въ правѣ* остановиться!

Ставрогинъ — это еще болѣе форменный экспериментаторъ, вѣрнѣе—фанатическій фетишистъ «черты». Онъ только и дѣлаетъ, что упражняется въ переступаніи черты и ищетъ для себя «бремени». Для этого онъ женится на слабоумной дѣ-

вицѣ Лебядкиной, публично сноситъ пощечину Шатова, объявляетъ о своемъ бракѣ съ Лебядкиной, не мѣшаетъ ея убійству. Никакой цѣли у Ставрогина нѣтъ, которая бы освящала его упорное шаганіе черезъ черту. Черта сама по себѣ становится для него какою-то противоестественною, самодовлѣющею цѣлью. «Я пробовалъ вездѣ мою силу,—пишетъ онъ въ предсмертномъ письмѣ.—*На пробахъ для себя и для показу*, какъ и прежде во всю мою жизнь, она оказывалась безпредѣльною. Но къ чему приложить эту силу,—вотъ чего никогда не видалъ, не вижу и теперь... Я пробовалъ большой развратъ и истощилъ въ немъ силы: *но я не люблю и не хотѣлъ разврата*»...

Кириловъ—дѣтски-прекрасная, благородная душа, ясно и чисто звучащая на все свѣтлое въ жизни. Но его, какъ и всѣхъ другихъ, «съѣла идея». Человѣкъ обязанъ заявить своеволіе, все на свѣтѣ—«все равно» и «все хорошо». «Кто съ голоду умретъ, кто обидитъ и обезчеститъ дѣвочку,—хорошо. И кто размозжитъ голову за ребенка, и то хорошо, и кто не размозжитъ, и то хорошо. Все хорошо».

И Кириловъ заставляетъ себя спокойно смотрѣть на всякую гнусность, пишетъ подъ диктовку Верховенскаго предсмертное письмо, въ которомъ беретъ на себя подлое убійство Шатова. Въ восторгѣ вопитъ:

«— Кому объявляю? Всему міру? Браво! *И чтобы не надо раскаянія. Не хочу, чтобы раскаиваться!*»

Можно ли больше коверкать, ломать свою душу, чѣмъ дѣлаютъ эти люди и всѣ имъ подобные! Вѣдь здѣсь такой надрывъ, такой надсадъ, что страшнѣе становится за человѣка, чѣмъ отъ самаго звѣрскаго злодѣйства!

Происходитъ что-то совершенно непостижимое. Человѣкъ стоитъ передъ «чертою». Кто-то запретилъ ему переступать черту. Человѣкъ свергнулъ того, кто запрещаетъ, и стеръ черту. Казалось бы, передъ человѣкомъ свободно открылся міръ во всемъ разнообразіи его возможностей. Человѣкъ можетъ итти, *куда хочетъ*. Но не такъ для героевъ Достоевскаго. Переступили черту и стоятъ. Имъ за чертою-то, можетъ-быть, и дѣлать нечего. Однако они стоятъ, смотрятъ назадъ и не отрываютъ глазъ отъ линіи бывшей черты.

Дьяволъ толкнулъ ихъ на «самостоятельное хотѣніе», на желаніе переступить черту. Но свободное хотѣніе это они спѣшатъ немедленно превратить въ «идею», болѣе того—въ своеобразный *долгъ*. И начинается какое-то неслыханное, противоестественное, безпѣльное подвижничество,—подвижничество во имя дьявола. Сознательно закрываются глаза на жи-

вую жизнь вокругъ, истязуется и кастрируется душа. Огонь самыхъ пламенныхъ стремленій, трепетъ глубочайшихъ думъ, нечеловѣческое напряженіе воли,—все самоотверженно несутъ эти подвижники на свою «черту». Весь міръ, вся жизнь для нихъ—въ этой узенькой чертѣ.

Подвижничество всегда нравственно-красиво. Вотъ почему такимъ глубокимъ благородствомъ дышатъ и эти дьяволовы подвижники. Но зло, какъ цѣль, совершенно несовмѣстимо съ подвижничествомъ. Вотъ почему подвижники эти такъ вопіюще-неестественны и фантастичны. Въ жизни они совершенно невѣроятны, въ дѣйствительности никогда не было и не могло быть ни Раскольникова, ни Кириллова, ни Ивана Карамазова. Былъ только одинъ единственный такой подвижникъ—самъ Достоевскій, и то онъ могъ быть имъ только потому, что подвижничество свое продѣлывалъ въ духѣ, а не въ жизни.

«Разсудокъ, господа,—пишетъ подпольный человѣкъ,—есть вещь хорошая, это безспорно, но разсудокъ есть только разсудокъ, а хотѣніе есть проявленіе всей жизни, т.-е. всей человѣческой жизни, и съ разсудкомъ и со всѣми почесываніями. И хоть жизнь наша, въ этомъ проявленіи, выходитъ зачастую дрянцо, *но все-таки жизнь, а не одно только извлеченіе квадратнаго корня*... Разсудокъ—только какая-нибудь одна двадцатая доля всей моей способности жить. А натура человѣческая дѣйствуетъ вся цѣликомъ, всѣмъ, что въ ней есть, сознательно и безсознательно, и хоть вретъ, да живетъ... Мы—мертворожденные, да и рождаемся-то, давно ужъ, не отъ живыхъ отцовъ, и это намъ все болѣе нравится. Скоро выдумаемъ рождаться какъ-нибудь отъ идеи!»

Есть у Льва Толстого одинъ образъ человѣка, «переступившаго черту». Это—Долоховъ въ «Войнѣ и мирѣ». Никакихъ надъ нимъ нѣтъ «нормъ», кромѣ «самостоятельнаго хотѣнія». «Отъ него самого происходитъ судъ его и власть его»,—какъ говоритъ пророкъ Аввакумъ про народъ халдеевъ. Долоховъ звѣрски-жестокъ и женственно-нѣженъ, лихой смѣльчакъ и подлый шулеръ. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ неизмѣримо ниже Раскольниковв или Ивана Карамазова. Но въ немъ одно есть, чего нѣтъ въ нихъ,—живая жизнь. И прямо эстетически отдыхаешь душою, глядя, какъ, съ наглою улыбкою въ выпуклыхъ глазахъ, онъ шагаетъ черезъ «черту», даже не видя ея, мимо всѣхъ этихъ скорбныхъ, немощныхъ жизнью подвижниковъ, застывшихъ надъ чертою въ сосредоточенномъ извлеченіи изъ нея квадратнаго корня.

VII.

Бифштексъ на жестяномъ блюдцѣ.

Есть у Достоевскаго другіе герои: въ извлеченіи квадратнаго корня они неповинны, теоріей «черты» нисколько не интересуются, хотѣній «нормальныхъ» и «добродѣтельныхъ» не признаютъ, а просто живутъ, проявляя себя и свое «самостоятельное хотѣніе». Характеренъ среди нихъ Свидригайловъ. И чрезвычайно знаменательно загадочное, очень трудно понимаемое отношеніе къ нему Раскольникова.

Никакихъ «нормъ» Свидригайловъ надъ собою не знаетъ. Съ вызывающимъ и почти простодушнымъ цинизмомъ онъ слѣдуетъ только своему «самостоятельному хотѣнію». Нѣтъ мерзости и злодѣйства, передъ которыми бы онъ остановился. Онъ изнасиловалъ малолѣтнюю дѣвочку, довелъ до самоубійства своего дворового человѣка. Конечно, не смигнувъ, подслушиваетъ за дверями, конечно, развратникъ и сладострастникъ. И рѣшительно ничего не стыдится.

«— Вы, кажется, игрокъ?

«— Ну, какой я игрокъ. Шулеръ—не игрокъ.

«— А вы были шулеромъ?

«— Да, былъ и шулеромъ.

«— Что же, васъ бивали?

«— Случалось...»

Но этотъ же Свидригайловъ беретъ на себя устройство дѣтей умершей Мармеладовой, хлопочетъ за нихъ, помѣщаетъ въ сиротскія заведенія, собирается вытащить изъ омута проститутку Соню Мармеладову.

«— Съ какими же цѣлями вы такъ разблаготворились? — спросилъ Раскольниковъ.

«— Э-эхъ! Человѣкъ недовѣрчивый! — засмѣялся Свидригайловъ. — Вѣдь я сказалъ, что эти деньги у меня лишнія. Ну, а просто, по человѣчеству, не допускаете, что ль?»

Послѣ этого-то поступка Свидригайлова въ отношеніи къ нему Раскольникова и появляется та загадочность, о которой я говорилъ.

Дѣла Раскольникова уже очень плохи, онъ близокъ къ тому, чтобъ итти и донести на себя.

«Въ послѣднее время Раскольниковъ, хоть и всегда почти былъ одинъ, никакъ не могъ почувствовать, что онъ одинъ. Онъ сознавалъ какъ будто чье-то близкое и тревожное присутствіе, не то, чтобы страшное, а какъ-то ужъ очень досаждающее... Было что-то, требующее немедленнаго разрѣшенія,

но чего ни осмыслить, ни словами нельзя было передать. Все въ какой-то клубокъ сматывалось».

Раскольниковъ мечется въ своей каморкѣ. Морщась отъ стыда, онъ вспоминаетъ о послѣдней встрѣчѣ съ Соней, о своемъ ощущеніи, что въ ней теперь вся его надежда и весь исходъ. «Ослабѣлъ, значитъ, — мгновенно и радикально! Разомъ! И вѣдь согласился же онъ тогда съ Соней, сердцемъ согласился, что такъ ему одному съ этакимъ дѣломъ на душѣ не прожить! *А Свидригайловъ?..* Свидригайловъ — загадка... *Свидригайловъ, можетъ-быть, тоже цѣлый исходъ*».

Самъ Свидригайловъ держится такъ, какъ будто онъ дѣйствительно знаетъ какой-то исходъ. Случайно встрѣтившись съ Раскольниковымъ на лѣстницѣ, онъ говоритъ:

«— Да что вы, Родіонъ Романычъ, такой самъ не свой? Вы ободритесь. Вотъ дайте поговоримъ... Эхъ, Родіонъ Романычъ, — прибавилъ онъ вдругъ: — *всѣмъ человѣкамъ надобно воздуху, воздуху, воздуху-съ... Прежде всего!*»

Непонятныя слова эти глубоко западаютъ въ душу Раскольникова. Онъ говоритъ Разумихину: «Вчера мнѣ одинъ человѣкъ сказалъ, что надо воздуху человѣку, воздуху, воздуху! Я хочу къ нему сходить сейчасъ и узнать, что онъ подъ этимъ разумѣетъ».

Происходитъ послѣдняя бесѣда Раскольникова съ Порфиріемъ. Порфирій даетъ ему сроку денекъ-другой и совѣтуетъ добровольно пойти и заявить на себя.

Разставшись съ Порфиріемъ, Раскольниковъ спѣшитъ къ Свидригайлову. «Чего онъ могъ надѣяться отъ этого человѣка, онъ и самъ не зналъ. Но въ этомъ человѣкѣ таилась какая-то власть надъ нимъ... Странное дѣло, никто бы, можетъ-быть, не повѣрилъ этому, но о своей теперешней, немедленной судьбѣ онъ какъ-то слабо, разсѣянно заботился. *Его мучило что-то другое, гораздо болѣе важное, чрезвычайное,—о немъ же самомъ и ни о комъ другомъ, но что-то другое, что-то главное...*»

«И онъ спѣшилъ къ Свидригайлову; *ужъ не ожидалъ ли онъ чего-нибудь отъ него новаго, указаній, выхода?* И за соломинку вѣдь хватаются!.. Можетъ-быть, это была только усталость, отчаяніе; можетъ-быть, надо было не Свидригайлова, а кого-то другого, а Свидригайловъ такъ тутъ подвернулся. Соня? Но Соня была ему страшна. Соня представляла собою неумолимый приговоръ, рѣшеніе безъ перемѣны. *Тутъ — или ея дорога, или его.* Нѣтъ, не лучше ли испытать Свидригайлова: что онъ такое? И онъ не могъ не сознаться внутри, что и дѣйствительно тотъ на что-то ему давно уже какъ бы нуженъ.

«Ну, однакожъ, что̀ можетъ быть между ними общаго? Даже и злодѣйство не могло бы быть у нихъ одинаково. Этотъ человѣкъ очень къ тому же былъ непріятенъ, очевидно, чрезвычайно развратенъ, хитеръ, можетъ-быть, очень золъ. *Правда, онъ хлопоталъ за дѣтей Катерины Ивановны;* но кто знаетъ, для чего, и что̀ это означаетъ?»

Встрѣча происходитъ—и почему-то совершенно разочаровываетъ Раскольникова. «Ему сдѣлалось и тяжело, и душно, и какъ-то неловко, что онъ пришелъ сюда. *Въ Свидригайловѣ онъ убѣдился, какъ въ самомъ пустѣйшемъ и ничтожнѣйшемъ злодѣѣ въ мірѣ...*» «И я могъ хоть мгновеніе ожидать чего-нибудь отъ этого грубаго злодѣя, отъ этого сладострастнаго развратника и подлеца!»

А чего же онъ ждалъ отъ Свидригайлова?

Отъ Сони Раскольниковъ ушелъ потому, что тамъ была «или ея дорога, или его». Ея дорога—возвращеніе по сю сторону черты, къ добру. Его дорога — пребываніе за чертою, скорбное подвижничество во имя дьявола. Какой же дороги онъ ждалъ отъ Свидригайлова?

Во время этой послѣдней ихъ бесѣды, когда Свидригайловъ, хохоча надъ Раскольниковымъ, съ заигрывающимъ цинизмомъ выкладываетъ передъ нимъ всю свою душевную грязь,— Раскольниковъ снова вспоминаетъ о дѣтяхъ Мармеладовой.

«— *Вы однакожъ присмотрите дѣтей Катерины Ивановны.* Впрочемъ... впрочемъ, вы имѣли на это свои причины... я теперь все понимаю».

Неужели хлопоты Свидригайлова о дѣтяхъ Катерины Ивановны внушили-было Раскольникову предположеніе, что Свидригайловъ какимъ-то образомъ сумѣлъ не переступить только, а дѣйствительно стереть «черту»? Что онъ въ себѣ — *одинъ*, что вокругъ него тотъ вольный *воздухъ*, *воздухъ*, *воздухъ*, котораго нѣтъ въ душной психологической лабораторіи Раскольникова?

Однажды, много раньше, въ жизни самого Раскольникова было мгновеніе, когда ему вдругъ почудился вокругъ этотъ вольный воздухъ. Онъ доставилъ раздавленнаго каретою Мармеладова на квартиру и отдалъ его женѣ свои послѣдніе двадцать рублей.

«Раскольниковъ сходилъ по лѣстницѣ тихо, не торопясь, весь въ лихорадкѣ, полный одного *новаго, необъятнаго ощущенія вдругъ прихлынувшей полной и могучей жизни*. Это ощущеніе могло походить на ощущеніе приговореннаго къ смертной казни, которому вдругъ и неожиданно объявляютъ прощеніе».

На лѣстницѣ онъ бесѣдуетъ съ полицейскимъ приставомъ, который одно время подозрѣвалъ его въ убійствѣ старухи.

«— А какъ вы однакожъ кровью замочились, — замѣтилъ приставъ, разглядѣвъ при свѣтѣ фонаря нѣсколько свѣжихъ пятенъ на жилетѣ Раскольникова.

«— Да, замочился... *Я весь въ крови!*—проговорилъ съ какимъ-то особеннымъ видомъ Раскольниковъ, затѣмъ улыбнулся, кивнулъ головой и пошелъ внизъ по лѣстницѣ».

Онъ «весь въ крови». Въ крови старухи, которую убилъ, и въ крови Мармеладова, котораго спасалъ.

Раскольниковъ останавливается на мосту,—нѣсколько часовъ назадъ онъ съ этого моста хотѣлъ броситься въ воду.

«— Довольно!—произнесъ онъ рѣшительно и торжественно.— Прочь миражи, прочь напускные страхи! Есть жизнь! Развѣ я сейчасъ не жилъ?»

Но вполнѣ очевидно, что жизнь онъ видитъ вовсе не въ простомъ возвращеніи къ «добру». Отъ убитой старухи онъ не думаетъ отрекаться.

«— Царство ей небесное, и — довольно, матушка, пора на покой! Царство разсудка и свѣта теперь! И... и воли, и силы... *И посмотримъ теперь! Помѣряемся теперь!*—прибавилъ онъ заносчиво, какъ бы обращаясь къ какой-то темной силѣ и вызывая ее».

«Что же однако случилось такого особеннаго, что такъ перевернуло его? — спрашиваетъ Достоевскій. — Да онъ и самъ не зналъ; ему, какъ хватавшемуся за соломинку, вдругъ показалось, что и ему «можно жить, что есть еще жизнь». Можетъ-быть, онъ слишкомъ поспѣшилъ съ заключеніемъ, но онъ объ этомъ не думалъ».

Такъ вотъ: не ожидалъ ли онъ теперь найти въ Свидригайловѣ эту «полную жизнь», это умѣніе нести на себѣ двѣ крови, умѣніе вмѣстить въ своей душѣ благодарный лепетъ Полечки Мармеладовой и вопль насилуемой племянницы г-жи Ресслихъ? Можетъ-быть, въ глубинѣ души самого Достоевскаго и жила безумная мысль, что вообще это какимъ-то образомъ возможно совмѣстить. Но только полною растерянностью и отчаяніемъ Раскольникова можно объяснить, что онъ такого рода ожиданія питалъ по отношенію къ Свидригайлову.

Свидригайловъ, конечно, разочаровываетъ Раскольникова.

Однако Раскольниковъ не замѣчаетъ, что на его безмолвный вопросъ Свидригайловъ дастъ ему ужасающій, но совершенно точный отвѣтъ.

«— Вѣдь вы пришли ко мнѣ теперь за чѣмъ-нибудь новенькимъ? Вѣдь такъ? Вѣдь такъ?—настаивалъ Свидригайловъ съ

плутовскою улыбкою. — Ну, представьте же себѣ послѣ этого, *что я самъ-то, еще пріѣхавъ сюда, на васъ же разсчитывалъ, что вы мнѣ тоже скажете чего-нибудь новенькаго*, и что отъ васъ же удастся мнѣ чѣмъ-нибудь позаимствоваться! *Вотъ какіе мы богачи!*

«— Чѣмъ это позаимствоваться?

«— Да что̀ вамъ сказать? Развѣ я знаю, чѣмъ? Видите, въ какомъ трактиришкѣ все время просиживаю, и это мнѣ всласть, т.-е. не то чтобы всласть, а такъ, надо же гдѣ-нибудь сѣсть... Ну, былъ бы я хоть обжора, клубный гастрономъ, а то вѣдь вотъ что̀ могу ѣсть! (Онъ ткнулъ пальцемъ въ уголъ, гдѣ на маленькомъ столикѣ, на жестяномъ блюдцѣ, стояли объѣдки ужаснаго бифштекса съ картофелемъ)».

Свидригайловъ видитъ Раскольникова насквозь. Видитъ, что въ свое дьяволово подвижничество онъ только спасается отъ невыносимости душевныхъ противорѣчій, что подвижничество Раскольникова—не болѣе, какъ «ужасный бифштексъ съ картофелемъ». Но такой у него самого въ душѣ хаосъ, что ему не до гастрономіи. Онъ радъ бы удовольствоваться хотя бы даже раскольниковскимъ «бифштексомъ», и бифштексъ этотъ былъ бы ему «всласть,—т.-е. не то чтобы всласть, а такъ»,— надо же что-нибудь ѣсть, чтобъ не умереть... «Вотъ какіе мы богачи!» «Идея» Раскольникова, мученически-упорное извлеченіе имъ квадратнаго корня — это все-таки даетъ хоть призракъ жизни, даетъ силу не чувствовать смертной боли разрывающейся на куски души.

И, злобно смѣясь, Свидригайловъ вскрываетъ передъ Раскольниковымъ всю чепуху противорѣчій, которой Раскольниковъ старается не замѣчать.

«— Но, однако, что̀ же это такое? Объясните, ради Бога, голубчикъ! Вы вотъ все охаете да охаете! Шиллеръ-то въ васъ смущается поминутно. А теперь вотъ и у дверей не подслушивай... Если вы убѣждены, что у дверей нельзя подслушивать, а старушонокъ можно лущить, чѣмъ попало, въ свое удовольствіе, такъ уѣзжайте куда-нибудь поскорѣе въ Америку... Понимаю, какіе у васъ вопросы въ ходу: нравственные, что ли? Вопросы гражданина и человѣка? А вы ихъ по боку; зачѣмъ они вамъ теперь-то? Хе-хе! Затѣмъ, что все еще и гражданинъ и человѣкъ? А коли такъ, такъ и соваться не надо было; нечего не за свое дѣло браться».

VIII.

«Вотъ какіе мы богачи!»

Въ послѣднюю ночь передъ самоубійствомъ Свидригайловъ въ полубреду вспоминаетъ про Раскольникова.

«— А шельма однакожъ этотъ Раскольниковъ! Много на себѣ перетащилъ. Большою шельмой можетъ быть со временемъ, когда вздоръ повыскочитъ, а теперь слишкомъ ужъ жить ему хочется. Насчетъ этого пункта этотъ народъ — подлецы».

Самому Свидригайлову *слишкомъ* жить не хочется. Отдавъ душу свою на растерзаніе «самостоятельнымъ хотѣніямъ», онъ съ наружнымъ спокойствіемъ и съ холоднымъ отчаяніемъ въ душѣ идетъ къ самоубійству.

Раскольниковъ убѣдился въ немъ, какъ въ грубомъ злодѣѣ, сладострастномъ развратникѣ и подлецѣ. Но Достоевскій замѣчаетъ, что заключеніе Раскольникова было неправильно. И дѣйствительно, Свидригайловъ гораздо «оригинальнѣе», чѣмъ думаетъ Раскольниковъ. «Оригинальность» эта ярко вскрывается въ чудовищной сценѣ послѣдняго его свиданія съ Дунею.

Свидригайловъ заманилъ Дуню въ свою пустую квартиру. Пытается заставить отдаться ему угрозою, что донесетъ на ея брата. Когда это не дѣйствуетъ, прямо идетъ на насиліе. Дуня выхватываетъ револьверъ.

«— Ага! Такъ вотъ какъ! — вскричалъ онъ въ удивленіи, но злобно усмѣхаясь. — Ну, это совершенно измѣняетъ ходъ дѣла! *Вы мнѣ чрезвычайно облегчаете дѣло сами*, Авдотья Романовна!»

Онъ идетъ на нее. Циничными, намѣренно пошлыми словами напоминаетъ про то, что было между ними.

«— Видно, забыли, какъ въ жару пропаганды уже склонялись и млѣли... Я по глазкамъ видѣлъ; помните, вечеромъ-то, при лунѣ-то, соловей-то еще свисталъ?

«Онъ усмѣхнулся.

«— Знаю, что выстрѣлишь, звѣрокъ хорошенькій. Ну, и стрѣляй!»

Дуня стрѣляетъ. Пуля слегка задѣваетъ голову Свидригайлова. Но онъ, — этотъ «грубый злодѣй, сладострастный развратникъ и подлецъ»,—онъ не бросается на Дуню.

«— Ну что жъ, промахъ! *Стрѣляйте еще, я жду*,—тихо проговорилъ Свидригайловъ, все еще усмѣхаясь, но какъ-то

мрачно. — Этакъ я васъ схватить успѣю прежде, чѣмъ вы взведете курокъ!»

Дуня стрѣляетъ вторично. Осѣчка.

«— Зарядили неаккуратно. Ничего! У васъ тамъ еще есть капсюль. Поправьте, я подожду.

«Онъ стоялъ передъ нею въ двухъ шагахъ, ждалъ и смотрѣлъ на нее съ дикою рѣшимостью, воспаленно-страстнымъ, тяжелымъ взглядомъ. Дуня поняла, что онъ скорѣе умретъ, чѣмъ отпуститъ ее».

Что это происходитъ? Словно въ бредовомъ кошмарѣ, мы видимъ, какъ человѣкъ раздваивается на нашихъ глазахъ, мучительно распадается на два существа; существа эти схватываются, душатъ другъ друга, и одно изъ нихъ покупаетъ у другого право на злодѣйство цѣною почти неминуемой смертной опасности.

Дуня бросаетъ револьверъ.

«— Такъ не любишь?—тихо спросилъ Свидригайловъ.—И... не можешь? Никогда?—съ отчаяніемъ прошепталъ онъ».

Мгновеніе «ужасной, нѣмой борьбы». Свидригайловъ отходитъ къ окну, не глядя, кладетъ на столъ ключъ отъ выхода.

«— Берите, уходите скорѣй!.. Скорѣй!

«Въ этомъ «скорѣй» прозвучала страшная нота. Дуня бросилась къ дверямъ.

«Странная улыбка искривила лицо Свидригайлова, жалкая, печальная, слабая улыбка, улыбка отчаянія».

Да, Свидригайловъ въ правѣ былъ смѣяться надъ Раскольниковымъ, видѣвшимъ въ немъ какой-то «исходъ». Это онъ-то исходъ! Въ душѣ корчатся и бьются два живыхъ равновластныхъ хозяина, ничѣмъ между собою не связанныхъ. Каждому изъ нихъ тѣсно, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ развернуться потому, что другой мѣшаетъ. Самъ не въ силахъ жить и не даетъ жить другому.

«— Знаете, мнѣ кажется, что я весь точно раздваиваюсь,— въ ужасѣ говоритъ Версиловъ. — Точно подлѣ васъ стоитъ вашъ двойникъ: вы сами умны и разумны, а тотъ непремѣнно хочетъ сдѣлать подлѣ васъ какую-нибудь безсмыслицу, и иногда превеселую вещь; и вдругъ вы замѣчаете, что это вы сами хотите сдѣлать эту веселую вещь. Богъ знаетъ, зачѣмъ, т.-е. какъ-то нехотя хотите, сопротивляясь, изъ всѣхъ силъ хотите».

«— Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ, — говоритъ Дмитрій Карамазовъ. — Перенести я не могу, что иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ и съ умомъ высокимъ, начинаетъ съ идеала Мадонны, а кончаетъ идеа-

ломъ содомскимъ. Еще страшнѣе, кто уже съ идеаломъ содомскимъ въ душѣ не отрицаетъ и идеала Мадонны, и горитъ отъ него сердце его, и воистину, воистину горитъ! Нѣтъ, широкъ человѣкъ, слишкомъ даже широкъ! Что̀ уму представляется позоромъ, то сердцу сплошь красотой. Въ Содомѣ ли красота? Вѣрь, что въ Содомѣ-то она и сидитъ для огромнаго большинства людей».

Дѣло, оказывается, много сложнѣе, чѣмъ казалось раньше. Суть не въ томъ, что какая-то воображаемая черта мѣшаетъ «самостоятельному хотѣнію» единой человѣческой души. Суть въ томъ, что черта эта вовсе не воображаемая. Она глубокимъ разрѣзомъ разсѣкаетъ надвое саму душу человѣка, а съ нею вмѣстѣ и «самостоятельное хотѣніе».

Старецъ Зосима говоритъ Ивану Карамазову:

«— Если вопросъ для васъ не можетъ рѣшиться въ положительную сторону, то никогда не рѣшится и въ отрицательную, сами знаете это свойство вашего сердца».

То же говоритъ и Раскольниковъ Дунѣ, приравнивая ее себѣ:

«— И дойдешь до такой черты, что не перешагнешь ее— несчастна будешь, а перешагнешь—можетъ, еще несчастнѣе будешь».

Быть самимъ собою, свободно проявлять самостоятельное свое хотѣніе — это для Достоевскаго самая желанная, но и самая невозможная, самая неосуществимая мечта. Горитъ костеръ, на кострѣ глыба льда. Скажи этой смѣси: «будь сама собою!». Огонь растопитъ ледъ, растаявшій ледъ потушитъ огонь, не будетъ ни огня ни льда, а будетъ зловонная, чадящая слякоть. Будетъ Свидригайловъ, Версиловъ, Дмитрій Карамазовъ.

«Ну, попробуйте,—пишетъ подпольный человѣкъ:—ну, дайте намъ, напр., побольше самостоятельности, развяжите любому изъ насъ руки, расширьте кругъ дѣятельности, ослабьте опеку, и мы... Да увѣряю же васъ: мы тотчасъ же попросимся обратно въ опеку!»

Въ опеку ли зла, какъ дьяволовы подвижники, въ опеку ли добра, какъ Алеша Карамазовъ,—это безразлично. Только бы прочь отъ свободы, только бы поскорѣе связать разваливающуюся душу какимъ бы то ни было долгомъ...

«— Ничего и никогда не было для человѣка невыносимѣе свободы!—говоритъ Великій Инквизиторъ.—Они—бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственнаго бунта своего не выдерживающіе... Чѣмъ виноваты слабые люди, что не могли вытерпѣть того, что̀ могучіе? Чѣмъ виновата слабая душа, что не въ силахъ вмѣстить столь страшныхъ даровъ?»

«Смѣлѣй, человѣкъ, и будь гордъ! Не ты виноватъ!..» Какъ жалко, какъ надсадно звучитъ теперь этотъ буйный призывъ! Онъ превращается въ скорбный вопль Кириллова:

«Я только богъ поневолѣ и я несчастенъ, ибо я *обязанъ* заявить своеволіе. Всѣ несчастны, потому что всѣ боятся заявлять своеволіе... Я ужасно несчастенъ, ибо ужасно боюсь. Страхъ есть проклятіе человѣка... Но я заявлю своеволіе. Только это одно спасетъ всѣхъ людей».

Но ужъ нѣтъ вѣры ни въ осуществимость своеволія ни въ его спасительность. Боецъ бьется не за побѣду, а только за то, чтобы погибнуть со знаменемъ въ рукѣ.

Какъ будто гигантскій молотъ непрерывно бьетъ передъ нами по жизни и дробитъ ее на все болѣе мелкіе куски. Не только люди одиноки въ мірѣ. Не только человѣкъ одинокъ среди людей. Сама душа человѣка разбита въ куски, и каждый кусокъ одинокъ. Жизнь—это хаотическая груда разъединенныхъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ обломковъ.

IX.

Любовь-страданіе.

Изъ темныхъ угловъ, «изъ смрадныхъ переулковъ» приходятъ женщины, — грозныя и несчастныя, съ издерганными душами, — обольстительныя, какъ горячія сновидѣнія юноши. Страстно, какъ въ сновидѣніи, тянутся къ нимъ издерганные мужчины. И начинаются болѣзненныя, кошмарныя конвульсіи, которыя у Достоевскаго называются любовью.

Глубокое отъединеніе, глубокая вражда лежитъ между мужчиною и женщиною. Въ душахъ—любовь къ мучительству и къ мученичеству, жажда власти и жажда униженія,—все, кромѣ способности къ сліянному общенію съ жизнью. Душа какъ будто заклята злымъ колдуномъ. Горячо и нѣжно загораются въ ней свѣтлые огоньки любви,—но наружу они вырываются лишь темными взрывами изступленной ненависти. Высшее счастье любви — это мучить и терзать любимое существо.

«Любовь,—пишетъ подпольный человѣкъ,—любовь-то и заключается въ добровольно дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать».

Въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» Наташа «инстинктивно чувствовала, что будетъ госпожой князя, владычицей, что онъ будетъ даже жертвой ея. Она предвкушала наслажденіе любить безъ памяти и мучить до боли того, кого любишь, именно

за то, что любишь, и потому-то, можетъ-быть, и поспѣшила отдаться ему въ жертву первая».

Если у Достоевскаго мужчина ненавидитъ женщину или женщина мужчину, то читатель долженъ заключить, что они любятъ. И чѣмъ жесточе ненависть, тѣмъ это несомнѣннѣе.

«— Но какая же ненависть! Какая ненависть!—восклицаетъ Подростокъ про Версилова.—И за что, за что? Къ женщинѣ! Что она ему такое сдѣлала?

«— Не-на-висть!—съ яростной насмѣшкой передразнила меня Татьяна Павловна».

Ненависть—любовь, любовь—ненависть...

«Неужели онъ до такой степени ее любитъ?—думаетъ Подростокъ.—Или до такой степени ее ненавидитъ? Я не знаю, а знаетъ ли онъ самъ-то?».

Князь Мышкинъ говоритъ Рогожину: «Твою любовь отъ злости не отличишь». И Маврикій Николаевичъ говоритъ Ставрогину про Лизу: «Изъ-подъ безпрерывной къ вамъ ненависти, искренней и самой полной, каждое мгновеніе сверкаетъ самая искренняя и безмѣрная любовь и—безуміе! Напротивъ, изъ-за любви, которую она ко мнѣ чувствуетъ, тоже искренно, каждое мгновеніе сверкаетъ ненависть—самая великая!»

Въ «Египетскихъ ночахъ» Пушкина Клеопатра вызываетъ желающихъ купить ея любовь цѣною казни на слѣдующее утро. Достоевскій по этому поводу вспоминаетъ о «сладострастіи насѣкомыхъ, сладострастіи пауковой самки, съѣдающей своего самца». О «сладострастіи насѣкомыхъ» нерѣдко вспоминаетъ онъ и по поводу любви собственныхъ своихъ героевъ.

Если пропустить къ куриной семьѣ новую курицу, пѣтухъ немедленно беретъ ее подъ свое покровительство. Онъ заботливо подзываетъ ее къ пищѣ, не даетъ обижать другимъ курамъ. Если она убѣжитъ, то онъ отыскиваетъ ее и ведетъ назадъ, и нѣжно что-то говоритъ ей на ихъ языкѣ: «ко-о!.. ко-о!..». Удивительно и трогательно, до чего доходитъ эта заботливость. На ночь пѣтухъ сажаетъ новую свою подругу на самый край нашести, самъ садится рядомъ и такимъ образомъ заслоняетъ ее отъ клевковъ старыхъ куръ. Когда курицѣ приходитъ время нестись, пѣтухъ ведетъ ее къ кошолкѣ, гдѣ несутся куры, впрыгиваетъ въ кошолку, садится, опять выходитъ, обхаживаетъ курицу, все время— «ко-о! ко-о!», и водворяетъ ее въ кошолку.

Но въ низахъ животной жизни любовь часто уродлива и страшна. У жабъ и лягушекъ самка вываливается изъ жестоко-

страстныхъ объятій самца съ продырявленною грудною клѣткою, съ поврежденными внутренностями, нерѣдко мертвою. Паукъ подползаетъ къ самкѣ съ ласками, а она бросается на него и пожираетъ; или подпуститъ къ себѣ, отдастся его объятіямъ, а потомъ схватитъ и сожретъ.

Жабы и паучихи наврядъ ли, конечно, испытываютъ при этомъ какое-нибудь особенное сладострастіе. Тутъ просто тупость жизнеощущенія, неспособность выйти за предѣлы собственнаго существа. Но если инстинкты этихъ уродовъ животной жизни сидятъ въ человѣкѣ, если чудовищныя противорѣчія этой любви освѣщены сознаніемъ, то получается то ѣдкое, опьяняющее сладострастіе, которымъ живетъ любовь Достоевскаго.

Страсть сливается уже не съ тупымъ равнодушіемъ къ мукамъ и гибели любимаго существа, а съ ненавистью къ любимому, съ *желаніемъ* его мукъ и гибели.

«Я васъ истреблю!» — говоритъ Верзиловъ Катеринѣ Николаевнѣ. Князь Мышкинъ, только-что познакомившись съ Рогожинымъ, изъ одного лишь общаго впечатлѣнія отъ него выноситъ увѣренность, что если онъ женится на любимой женщинѣ, то черезъ недѣлю зарѣжетъ ее.

Чѣмъ несоединимѣе люди, чѣмъ глубже разъединеніе, чѣмъ чудовищнѣе противорѣчія, — тѣмъ какъ разъ страсть ярче и острѣе. Свидригайловъ разсказываетъ Раскольникову про свою невѣсту:

«— Мнѣ пятьдесятъ, а ей и шестнадцати нѣтъ... Вѣдь заманчиво, а? Вѣдь заманчиво, ха-ха!.. Посадилъ я ее вчера на колѣни, да, должно-быть, ужъ очень безцеремонно, — вся вспыхнула, и слезинки брызнули, сама вся горитъ. Вдругъ бросается мнѣ на шею, цѣлуетъ и клянется, что она будетъ мнѣ вѣрною и доброю женою, что всѣмъ, всѣмъ пожертвуетъ, а за все это желаетъ имѣть отъ меня только «одно мое уваженіе»... Согласитесь сами, что выслушать подобное признаніе наединѣ отъ такого шестнадцатилѣтняго ангельчика, въ тюлевомъ платьицѣ, съ краскою дѣвичьяго стыда и со слезинками энтузіазма въ глазахъ,—согласитесь сами, оно довольно заманчиво! Вѣдь заманчиво? Вѣдь стоитъ чего-нибудь, а? Ну, вѣдь стоитъ? Ну... ну... слушайте... ну, поѣдемте къ моей невѣстѣ...

«— Однимъ словомъ, въ васъ эта чудовищная разница лѣтъ и развитій и возбуждаетъ сладострастіе? И неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ женитесь?

«— А что жъ? Непремѣнно».

Шатовъ въ изступленіи кричитъ Ставрогину:

«— Знаете ли, почему вы женились тогда такъ позорно и подло? Именно потому, что тутъ позоръ и безсмыслица доходили до геніальности. Вы женились по страсти къ мучительству, по *сладострастію нравственному*. Вызовъ здравому смыслу былъ ужъ слишкомъ прельстителенъ: Ставрогинъ — и плюгавая, скудоумная, нищая хромоножка!».

Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ умѣетъ находить прелесть въ любой «мовешкѣ и вьельфилькѣ». Нашелъ онъ прелесть и въ нищей-идіоткѣ Лизаветѣ Смердящей.

Любовь упомянутыхъ низшихъ животныхъ, при всей ихъ дисгармоничности, все-таки даетъ впечатлѣніе силы и какой-то дикой мощи. Глядя на кипящую любовь героевъ Достоевскаго, невольно тоже ждешь: вотъ палящимъ огнемъ вспыхнетъ ихъ сладострастіе, — звѣрино-жестокое, страшное, но цѣльное и самозабвенное, гдѣ отпадаютъ всѣ нравственныя мѣрки, гдѣ страсть освящаетъ само звѣрство. Но нѣтъ этого. Духъ какъ будто совсѣмъ оторванъ отъ тѣла. Тѣло холодно, немощно и равнодушно, а горитъ одинъ духъ. Въ духѣ происходитъ кипѣніе страсти, въ духѣ переживаются острѣйшіе моменты сладострастія.

Подростокъ «терпѣть не можетъ женщинъ». Осуществляя въ фантазіи свою идею о власти надъ людьми посредствомъ денегъ, онъ мечтаетъ:

«Не я буду гоняться за женщинами, а онѣ набѣгутъ, какъ вода, предлагая мнѣ все, что можетъ предложить женщина. Я буду ласковъ съ ними и, можетъ-быть, дамъ имъ денегъ, *но самъ отъ нихъ ничего не возьму*. Онѣ уйдутъ ни съ чѣмъ, увѣряю васъ,—только развѣ съ подарками. Я только вдвое стану для нихъ любопытнѣе.

... съ меня довольно
Сего сознанья".

Дмитрій Карамазовъ предлагаетъ Катеринѣ Ивановнѣ нужныя ей деньги подъ условіемъ, чтобы она «секретно» пришла къ нему на квартиру. Для нея это единственное средство спасти отца, и надменная красавица приходитъ.

«— Вдругъ за сердце, слышу, укусила фаланга, злое-то насѣкомое, понимаешь? Обмѣрилъ я ее глазомъ. Отъ меня, клопа и подлеца, она вся зависитъ, вся, вся кругомъ, и съ душой и съ тѣломъ. Очерчена. Эта мысль, мысль фаланги, до такой степени захватила мнѣ сердце, что оно чуть не истекло отъ одного томленія... Взглянулъ я на дѣвицу, и захотѣлось мнѣ подлѣйшую, поросячью, купеческую штучку выкинуть: поглядѣть это на нее съ насмѣшкой и тутъ же и ого-

рошить ее съ интонаціей, съ какою только купчикъ умѣетъ сказать:

«— Это четыре-то тысячи на такое легкомысліе кидать! Да я пошутилъ-съ, что̀ вы это? Сотенки двѣ я, пожалуй, съ моимъ даже удовольствіемъ».

Конечно, Катерина Ивановна въ такомъ случаѣ ушла бы. Но какой же бы зато сладострастный мигъ былъ пережить *въ духѣ!* Что̀ въ сравненіи съ нимъ сладость насильственнаго тѣлеснаго обладанія красавицею!

Усиліемъ воли Дмитрій побѣждаетъ порывъ своего «нравственнаго сладострастія» и благородно отдаетъ Катеринѣ Ивановнѣ деньги, ничего отъ нея не требуя. Пораженная Катерина Ивановна кланяется въ ноги и уходитъ.

Самъ Дмитрій въ восторгѣ отъ своего поступка. Но что̀ вызвало этотъ поступокъ? Только ли «искра Божія», вспыхнувшая въ разнузданномъ хамѣ? Или, рядомъ съ нею, тутъ было все то же утонченное нравственное сладострастіе, котораго здоровой крови даже и не понять? «Вся отъ меня зависитъ, вся, вся кругомъ, и съ душой и съ тѣломъ. Очерчена». А онъ, какъ Подростокъ въ своихъ сладострастныхъ мечтахъ: «Онѣ набѣгутъ, какъ вода, предлагая мнѣ все, что̀ можетъ предложить женщина. Но я отъ нихъ ничего не возьму. Съ меня довольно сего сознанья».

И Катерина Ивановна, повидимому, поняла, какія тайныя наслажденія дала она пережить Дмитрію своимъ посѣщеніемъ. «И самая первая встрѣча ихъ осталась у ней на сердцѣ, *какъ оскорбленіе*», — сообщаетъ Иванъ. И самъ Дмитрій впослѣдствіи говоритъ про Катерину Ивановну:

«— Благороднѣйшая душа, но меня ненавидѣвшая давно уже, о, давно, давно... и заслуженно, заслуженно ненавидѣвшая!.. Давно, съ самаго перваго раза, съ самаго того у меня на квартирѣ еще тамъ...»

Конечно, ненависть эта нисколько не мѣшаетъ Катеринѣ Ивановнѣ любить Дмитрія. Но иначе она и не была бы женщиною Достоевскаго. Даже если бы Дмитрій опозорилъ ее на своей квартирѣ, и это бы не помѣшало ей любить его. Другая Катерина, въ повѣсти «Хозяйка», говоритъ:

«— То мнѣ горько и рветъ мнѣ сердце, что я рабыня его опозоренная, что позоръ и стыдъ мой самой, безстыдной, мнѣ любъ, что любо жадному сердцу и вспоминать свое горе, словно радость и счастье,—въ томъ мое горе, что нѣтъ силы въ немъ и нѣтъ гнѣва за обиду свою».

Раздражающая отъединенность духа отъ тѣла, хилость связи между ними дѣлаетъ героевъ Достоевскаго совершенно неспо-

собными къ яркой, цѣльной страсти. Что произошло между Ставрогинымъ и Лизою въ Скворешникахъ въ ночь пожара? У нея утромъ—«неплотно застегнутая грудь», видно, что она раздѣвалась. Но случилось что-то загадочное, Ставрогинъ сконфуженъ, и страненъ ихъ разговоръ. Шутъ-Верховенскій говоритъ:

«— Представьте, я вѣдь тотчасъ же, какъ вы вышли ко мнѣ, по лицу догадался, что у васъ «несчастіе»! Даже, можетъ-быть, полная неудача, а? Ну, бьюсь же объ закладъ, что вы всю ночь просидѣли въ залѣ рядышкомъ на стульяхъ и о какомъ-нибудь высочайшемъ благородствѣ проспорили все драгоцѣнное время!»

И однако, если что, то лишь «нравственное сладострастіе» и мучительство способно «горячимъ угольком» зажечь кровь. А нѣтъ этого горячаго уголька, — кровь холодна, тѣло спитъ, какъ мертвое. Любовь возможна, но любовь безтѣлесная, та, которую наши хлысты-богомолы называютъ «сухою любовью». Либо жестокое сладострастіе, либо сухая любовь.

Раскольниковъ любитъ Соню Мармеладову. Но какъ-то странно даже представить себѣ, что это любовь мужчины къ женщинѣ. Становишься какъ будто двѣнадцатилѣтнею дѣвочкою и начинаешь думать, что вся суть любви только въ томъ, что мужчина и женщина *скажутъ* другъ другу: «я люблю тебя». Даже подозрѣнія нѣтъ о той свѣтлой силѣ, которая ведетъ любящихъ къ тѣлесному сліянію другъ съ другомъ и черезъ это тѣлесное сліяніе таинственно углубляетъ и уярчаетъ сліяніе душевное.

Князь Мышкинъ любитъ Настасью Филипповну, любитъ Аглаю, собираетъ жениться то на той, то на другой. И однако...

«— Я вѣдь... Вы, можетъ-быть, не знаете, я вѣдь, по прирожденной болѣзни моей, даже совсѣмъ женщинъ не знаю».

И онъ бросается отъ одной къ другой.

«— Я такъ только, просто женюсь; да и что въ томъ, что я женюсь... Аглая Ивановна пойметъ.

«— Нѣтъ, князь, не пойметъ,—возражаетъ Евгеній Павловичъ. — Аглая Ивановна любила, какъ женщина, какъ человѣкъ, а не какъ... отвлеченный духъ».

Но вотъ Рогожинъ. Казалось бы, ужъ его-то страсть къ Настасьѣ Филипповнѣ — чисто-звѣриная. Тяжелая, плотская, безудержная. Даже отвѣтной любви ему не надо, онъ готовъ купить ее за деньги. Страсть стихійно-грозная и страшная. Съ самаго начала всѣ чувствуютъ, что она пахнетъ кровью. Однако пахнетъ она — только кровью. Каждую минуту Рогожинъ можетъ забыться *духомъ* и зарѣзать Настасью Филип-

повну; но никогда онъ не забудется *тѣломъ* и не овладѣетъ ею. Въ этомъ отношеніи и сама Настасья Филипповна нисколько не боится его, спокойно оставляетъ у себя ночевать. На видъ плотски-звѣриная, страсть Рогожина въ дѣйствительности упадочно-безплотна. И въ страшную послѣднюю ночь, когда Настасья Филипповна осталась ночевать у Рогожина, удары ножа въ теплое полуобнаженное тѣло, повидимому, съ избыткомъ замѣнили ему объятія и ласки.

Да и сама вакханка Настасья Филипповна, другая вакханка, Грушенька, — полно, вправду ли онѣ женщины? Не обольстительные ли это призраки, лишенные плоти и крови? Опьяненно крутясь въ вихрѣ поднятыхъ ими страстей, изступленно упиваясь своими и чужими муками, онѣ испуганно ускользаютъ изъ устремленныхъ объятій, и жадныя руки хватаютъ только воздухъ. Способны ли онѣ опьяниться страстью, хоть на мигъ забыться въ цѣльномъ, самозабвенномъ экстазѣ? Въ горячихъ объятіяхъ Дмитрія, сама какъ будто опьяненная, Грушенька все же шепчетъ ему: «подожди, потомъ...». И если бы въ эту ночь Дмитрія не арестовали, — конечно, на завтра призракъ-Грушенька опять начала бы съ нимъ свою дразнящую, мучительскую игру. И иначе не могло бы быть. Тутъ мы подходимъ къ самому страшному и темному, что̀ есть въ страшной и темной любви людей Достоевскаго.

Что̀ бы дѣйствительно было, если бы на Дмитрія не пало подозрѣнія въ отцеубійствѣ и онъ соединился бы съ Грушенькой? Что̀ бы было?.. Не надо и отвѣта. Отъ одного лишь вопроса оргійно-мятущееся, грозное море превращается въ плоское, отвратительное болото.

Подпольный человѣкъ пишетъ: «Въ мечтахъ своихъ подпольныхъ я иначе и не представлялъ себѣ любви, какъ борьбою, начиналъ ее всегда съ ненавистью и кончалъ нравственнымъ покореніемъ, *а потомъ ужъ и представить себѣ не могъ, что̀ дѣлать съ покореннымъ предметомъ*».

И правда. Ну, что̀, напр., дѣлать потомъ Дмитрію Карамазову съ Грушенькой, Ставрогину — съ Лизой, Рогожину — съ Настасьей Филипповной? Если не откроется выхода въ безуміе, въ самоубійство или убійство, то остается только одинъ выходъ — пошлость. Рогожинъ зарѣзалъ Настасью Филипповну. А если бы они соединились? Черезъ пять лѣтъ она — противная истеричная баба, безъ красоты, освѣщавшей ея изломанность. Онъ.... Да нѣтъ, онъ все равно бы раньше ее зарѣзалъ, а женился бы на другой. Женился бы и, — какъ предсказываетъ князь Мышкинъ, — «засѣлъ бы молча одинъ въ этомъ домѣ съ женой, послушною и безсловесною, съ рѣдкимъ и

строгимъ словомъ, только деньги молча и сумрачно наживая... да на мѣшкахъ своихъ съ голоду бы и померъ».

«— Другъ мой,—сказалъ Версиловъ грустно:—я часто говорилъ Софьѣ Андреевнѣ въ началѣ соединенія нашего, впрочемъ, и въ началѣ, и въ серединѣ, и въ концѣ: «Милая, я тебя мучаю и замучаю, и мнѣ не жалко, пока ты передо мною; а вѣдь умри ты, и я знаю, что уморю себя казнью».

Лиза говоритъ Ставрогину: «Мнѣ всегда казалось, что вы заведете меня въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ живетъ огромный злой паукъ въ человѣческій ростъ, и мы тамъ всю жизнь будемъ на него глядѣть и его бояться. Въ томъ и пройдетъ наша взаимная любовь».

И, съ обычною своею безбоязненностью передъ настоящимъ словомъ, рисуетъ Дмитрій Карамазовъ будущую свою жизнь съ Грушенькою:

«— Драться будемъ!»

Нѣтъ, лучше назадъ, къ прежнимъ страданіямъ и мукамъ! Можетъ-быть, ихъ было слишкомъ мало. Еще увеличить ихъ, еще углубить,—не явится ли хоть тогда возможность жизни?

«— Надо какъ-нибудь выстрадать вновь наше будущее счастье,—говоритъ Наташа Ихменева: — *купить его какими-нибудь новыми муками. Страданіемъ все очищается*».

X.

Недостойные жизни.

Задавленный безумнымъ страхомъ смерти, Кирилловъ учитъ: «Кому будетъ все равно жить или не жить, тотъ будетъ новый человѣкъ».

Герои Достоевскаго—не «новые люди». Мы видѣли,—мысль о смерти пробуждаетъ въ нихъ тяжелый, мистическій ужасъ; они не могутъ безъ содроганія думать «объ этомъ мракѣ». Если нѣтъ личнаго безсмертія, то жизнь человѣка превращается въ непрерывное, сосредоточенное ожиданіе смертной казни.

У осужденнаго на смерть своя психологія. Въ душѣ его судорожно горитъ жадная, все принимающая любовь къ жизни. Обычныя оцѣнки чужды его настроенію. Муха, бьющаяся о пыльное стекло тюремной камеры, заплѣсневѣлыя стѣны, клочокъ дождливаго неба,—все вдругъ начинаетъ свѣтиться незамѣчавшеюся раньше красотою и значительностью. Замѣна смерти вѣчною, самою ужасною каторгою представляется неоцѣнимымъ блаженствомъ.

«Гдѣ это, — подумалъ Раскольниковъ: — гдѣ это я читалъ,

какъ одинъ приговоренный къ смерти, за часъ до смерти, говоритъ или думаетъ, что если бы пришлось ему жить гдѣ-нибудь на высотѣ, на скалѣ, и на такой узенькой площадкѣ, чтобы только двѣ ноги можно было поставить, а кругомъ будутъ пропасти, океанъ, вѣчный мракъ, вѣчное уединеніе и вѣчная буря,—и оставаться такъ, стоя на аршинѣ пространства, всю жизнь, тысячу лѣтъ, вѣчность,—то лучше такъ жить, чѣмъ сейчасъ умирать! Только бы жить, жить и жить! Какъ бы ни жить, — только жить!.. Экая правда! Господи, какая правда! Подлецъ-человѣкъ!.. И подлецъ тотъ, кто его за это подлецомъ называетъ!—прибавилъ онъ черезъ минуту».

«— Кажется, столько во мнѣ этой силы теперь,—говоритъ Дмитрій Карамазовъ:—что я все поборю, всѣ страданія, только чтобы сказать и говорить себѣ поминутно: я есмь! Въ тысячѣ мукъ—я есмь, въ пыткѣ корчусь—но есмь! Въ столпѣ сижу, но и я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю, что оно есть».

Это судорожное цѣпляніе за жизнь жизненно-безсильныхъ душъ очень легко смѣшать со здоровою силою несокрушимаго жизненнаго инстинкта. Въ такую ошибку впадаетъ Алеша Карамазовъ въ бесѣдѣ своей съ братомъ Иваномъ.

«— Не вѣрую я въ жизнь,—говоритъ Иванъ:—разувѣрься я въ порядкѣ вещей, убѣдись даже, что все, напротивъ, безпорядочный, проклятый и, можетъ-быть, бѣсовскій хаосъ, порази меня хоть всѣ ужасы человѣческаго разочарованія,—а я все-таки захочу жить и ужъ какъ припалъ къ этому кубку, то не оторвусь отъ него, пока его весь не осилю! *Впрочемъ, къ тридцати годамъ навѣрно брошу кубокъ, хоть и не допью его всего, и отойду... не знаю куда.* Но до тридцати моихъ лѣтъ, знаю это твердо, все побѣдитъ моя молодость, — всякое разочарованіе, всякое отвращеніе къ жизни... Клейкіе весенніе листочки, голубое небо люблю я, вотъ что! Тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь.

«— Нутромъ и чревомъ хочется любить,—прекрасно ты это сказалъ, и радъ я ужасно за то, что тебѣ такъ жить хочется! — воскликнулъ Алеша. — Я думаю, что всѣ должны прежде всего на свѣтѣ жизнь полюбить.

«— Жизнь полюбить больше, чѣмъ смыслъ ея?

«— Непремѣнно такъ, полюбить прежде логики, какъ ты говоришь, непремѣнно, чтобы прежде логики, и тогда только я и смыслъ пойму. Вотъ что мнѣ давно уже мерещится».

Алеша заключаетъ, что для Ивана половина дѣла его уже сдѣлана. Но онъ глубоко заблуждается: дѣло жизни для Ивана и не начиналось,—вѣрнѣе, давно уже кончилось. Свою «жажду

жизни, несмотря ни на что», Иванъ самъ готовъ признать *«неприличною»*. Жить дольше тридцати лѣтъ онъ не хочетъ: «до семидесяти *подло*, лучше до тридцати: *можно сохранить «оттѣнокъ благородства», себя надувая»*.

Цѣльный, самимъ собою сильный инстинктъ жизни говорить такъ не можетъ. Ему нѣтъ нужды «надувать себя», онъ вѣритъ въ свои силы, не разсчитываетъ ихъ на опредѣленный срокъ. Прежде же и главнѣе всего—для него вполнѣ несомнѣнна святая законность своего существованія. Жизненный же инстинктъ, который *самъ стыдится себя*, который самъ спѣшитъ признать себя «подлымъ» и «неприличнымъ»,— это не жизненный инстинктъ, а только жалкій его обрывокъ. Онъ не способенъ осіять душу жизнью, — способенъ только ярко освѣтить ея умираніе.

Отношеніе къ жизни Ивана Карамазова характерно вообще для героевъ Достоевскаго. Подпольный человѣкъ пишетъ: «Дольше сорока лѣтъ жить неприлично, пошло, безнравственно. Только дураки и негодяи живутъ дольше сорока лѣтъ».

Жадно цѣпляясь за жизнь, человѣкъ все время чувствуетъ въ глубинѣ души, что жить онъ не только неспособенъ, а просто *недостоинъ*.

«— Я живучъ, какъ дворовая собака, — говоритъ Версиловъ.—Я дожилъ почти до пятидесяти лѣтъ и до сихъ поръ не вѣдаю: хорошо это, что я дожилъ, или дурно. Конечно, я люблю жить, и это прямо выходитъ изъ дѣла; *но любить жизнь такому, какъ я,—подло...* И неужели земля только для такихъ, какъ мы, стоитъ? Всего вѣрнѣе, что да; но идея эта ужъ слишкомъ безотрадна...»

«— Жизнь люблю, слишкомъ ужъ жизнь полюбилъ, такъ слишкомъ, что и мерзко, — сознаётся Дмитрій Карамазовъ.— Червь, ненужный червь проползетъ по землѣ, и его не будетъ...—Смотритъ онъ на дерево.—Вотъ ракита. Веревку сейчасъ можно свить и—не бременить уже болѣе землю, не безчестить низкимъ своимъ присутствіемъ».

И Ставрогинъ въ предсмертномъ своемъ письмѣ пишетъ: «Я знаю, что мнѣ надо бы убить себя, смести себя съ земли, какъ подлое насѣкомое».

Какъ змѣи, сплетаются въ клубокъ самыя несогласимыя, самыя чуждыя другъ другу настроенія: страхъ смерти и чувство неспособности къ жизни, неистовая любовь къ жизни и сознаніе себя недостойнымъ ея. Ко всему этому еще одно: странный какой-то инстинктъ неудержимо влечетъ человѣка къ самоуничтоженію. Страшная смерть полна властнаго оча-

рованія, человѣкъ безвольно тянется къ ней, какъ кроликъ, говорятъ, тянется въ разверстую пасть удава.

«Я думаю,—пишетъ Достоевскій,—что много самоубійствъ совершилось потому только, что револьверъ уже былъ взятъ въ руки».

«— Если бы у меня былъ револьверъ, — говоритъ Подростокъ:—я бы пряталъ его куда-нибудь подъ замокъ. Знаете, ей-Богу, соблазнительно! Если торчитъ вотъ это передъ глазами,—право, есть минуты, что и соблазнитъ».

И вотъ,—то и дѣло приходятъ неожиданныя вѣсти: «Свидригайловъ застрѣлился!», «Ставрогинъ повѣсился!», «Крафтъ застрѣлился!», «Смердяковъ повѣсился!». Духъ безпощаднаго самоистязанія носится надъ этимъ міромъ неудержимо разваливающейся жизни. Романы Достоевскаго кишатъ самоубійствами, словно самоубійство — это нѣчто самое обыденное, естественное и необходимое въ жизни людей.

Какъ будто передъ нами—чуть только начинающій организоваться темный хаосъ. Робко вспыхиваютъ въ немъ свѣтящіеся огоньки жизни. Но они настолько безсильны, настолько неувѣрены въ себѣ, что маленькаго дуновенія довольно,—и свѣтъ гаснетъ, и жизнь распадается.

Есть въ семействѣ иглокожихъ странныя существа, называемыя голотуріями. Если тронуть голотурію, схватить ее рукою, — она судорожно сокращается и распадается на куски. Вслѣдствіе этого до сихъ поръ никто никогда не видѣлъ цѣлаго экземпляра голотуріи.

Наблюдая человѣка, какъ его рисуетъ Достоевскій, то и дѣло приходится вспоминать самыя уродливыя, самыя дисгармоническія явленія въ мірѣ животныхъ,—тѣ уклоненія, ошибки и неудачныя «пробы», которыя дѣлаетъ природа въ трудной своей работѣ по гармонизаціи жизни.

Человѣкъ—вмѣстилище всѣхъ самыхъ болѣзненныхъ уклоненій жизненнаго инстинкта. Ближе, чѣмъ всякому другому существу, ему знакомъ, какъ выражается Достоевскій, «роковой круговоротъ судорожнаго и моментальнаго самоотрицанія и саморазрушенія». Какъ въ біологической, такъ и въ моральной области человѣкъ неудержимо тянется ко всему, что уродуетъ, ломаетъ и разрушаетъ его жизнь. Это явленіе Ницше справедливо считаетъ характернѣйшимъ признакомъ упадочничества. Съ ужасомъ человѣкъ чувствуетъ надъ собою власть страшной силы, но противиться ей нѣтъ ни воли ни даже желанія. Такъ тянется къ сжигающему огню ночная бабочка. Мелькнулъ огонекъ,—и бабочка устремляется къ нему, бьется о раскаленное стекло лампы, обжигается, падаетъ, и опять взлетаетъ, и бьется опять.

«У Раскольникова засверкали глаза; онъ ужасно поблѣднѣлъ, верхняя губа его дрогнула и запрыгала. Онъ склонился къ Заметову какъ можно ближе и сталъ шевелить губами, ничего не произнося; такъ длилось съ полминуты; *онъ зналъ, что дѣлалъ, но не могъ сдержать себя.* Страшное слово такъ и прыгало на его губахъ: вотъ-вотъ сорвется; вотъ-вотъ только спустить его, вотъ-вотъ только выговорить!

«— А что, если это я старуху и Лизавету убилъ?—проговорилъ онъ вдругъ и—опомнился...

«Онъ вышелъ, весь дрожа отъ какого-то дикаго, истерическаго ощущенія, въ которомъ между тѣмъ *была часть нестерпимаго наслажденія*».

Съ тѣмъ же наслажденіемъ Раскольниковъ дергаетъ звонокъ въ квартирѣ, гдѣ убилъ старуху, жадно прислушивается къ жестянымъ звукамъ, возбуждая подозрѣніе столяровъ. Съ тѣмъ же наслажденіемъ тянется въ цѣпкія лапы сладострастно хихикающаго Порфирія.

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь дикихъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы.
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья...

Но для разныхъ людей наслажденія эти очень различны.

Въ «Войнѣ и мирѣ» Долоховъ съ Петею Ростовымъ, переодѣтые французскими офицерами, проникаютъ во французскій лагерь. Они сидятъ съ французами у костра, разспрашиваютъ ихъ. У французовъ рождается подозрѣніе.

Офицеръ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Долохова и переспросилъ его еще разъ, какого онъ былъ полка. Долоховъ не отвѣчалъ, какъ будто не слыхалъ вопроса, и, закуривая трубку, спрашивалъ офицеровъ о томъ, въ какой степени безопасна дорога отъ казаковъ.

Ну, теперь онъ уѣдетъ»,—всякую минуту думалъ Петя, стоя передъ костромъ и слушая его разговоръ.

«Но Долоховъ началъ опять прекратившійся разговоръ и прямо сталъ разспрашивать, сколько у нихъ людей въ батальонѣ, сколько батальоновъ.

«Французскій офицеръ, котораго не видно было (онъ лежалъ, укутавшись шинелью), приподнялся и прошепталъ что-то товарищу. Долоховъ всталъ и кликнулъ солдата съ лошадьми.

«— Bonjour, messieurs,—сказалъ Долоховъ.

«Офицеры что-то шопотомъ говорили между собой. Долоховъ долго садился на лошадь, которая не стояла; потомъ шагомъ поѣхалъ изъ воротъ».

Несомнѣнно, глядя въ лицо грозящей гибели, Долоховъ испытываетъ огромное наслажденіе.

Но представимъ себѣ, что, вмѣсто Пети, рядомъ съ Долоховымъ сидитъ у костра... Раскольниковъ. Онъ блѣднѣетъ, губы его дергаются; страшное слово такъ и прыгаетъ на губахъ. «Онъ знаетъ, что̀ дѣлаетъ, но не можетъ сдержать себя». Его охватываетъ дрожь отъ какого-то дикаго, истерическаго ощущенія, и страшное слово срывается съ губъ:

— А что̀, messieurs, если мы не французскіе офицеры, а русскіе лазутчики?

Конечно, и Раскольниковъ испыталъ бы при этомъ неизъяснимое наслажденіе. Сумѣлъ ли бы однако Толстой выразить всю силу презрѣнія и гадливаго отвращенія, которое охватило бы Долохова при видѣ наслажденія Раскольникова! Обоимъ имъ, и Долохову и Раскольникову, понятна привлекательность ужаса и «грозящей гибели». Но для Долохова наслажденіемъ является преодолѣніе ужаса, *торжество воли*, для Раскольникова же—безоглядное раствореніе себя въ ужасѣ, *исчезновеніе воли*. «Грозящая гибель» для Долохова—могучій врагъ, съ которымъ весело схватиться, для Раскольникова—любовница-вампиръ; въ ея объятія безвольно тянется человѣкъ, замирая отъ ужаса.

Характерно вообще для героевъ Достоевскаго это полное исчезновеніе воли передъ лицомъ саморазрушительныхъ инстинктовъ души.

«Странно,—пишетъ Подростокъ:—во мнѣ всегда была такая черта: коли ужъ мнѣ сдѣлали зло, восполнили его окончательно, оскорбили до послѣднихъ предѣловъ, то всегда тутъ же являлось у меня *неутолимое желаніе подчиниться оскорбленію и даже пойти впередъ желаніямъ обидчика:*

«—Нате, вы унизили меня, такъ я еще пуще самъ унижусь, вотъ смотрите, любуйтесь!»

Подпольный человѣкъ навязывается на обѣдъ къ компаніи, провожающей своего товарища Звѣркова. Ему весьма ясно даютъ понять, что онъ никому на обѣдѣ не желателенъ. «Я бѣсился, потому что навѣрное зналъ, что поѣду, что нарочно поѣду; и чѣмъ безтактнѣе, чѣмъ неприличнѣе мнѣ будетъ ѣхать, тѣмъ скорѣе и поѣду». Ѣдетъ. На обѣдѣ его третируютъ, онъ глупо и нагло всѣхъ задираетъ. Отъ него отворачиваются, усаживаются веселой компаніей въ уголкѣ, а онъ

въ теченіе трехъ часовъ съ вызывающимъ видомъ гуляетъ вдоль стѣны кабинета. «Порой съ глубочайшей, съ ядовитой болью вонзалась въ мое сердце мысль, что пройдетъ двадцать лѣтъ, сорокъ лѣтъ, а я все-таки, хоть и черезъ сорокъ лѣтъ, съ отвращеніемъ и униженіемъ вспомню объ этихъ грязнѣйшихъ, смѣшнѣйшихъ и ужаснѣйшихъ минутахъ изъ всей моей жизни. Безсовѣстнѣе и добровольнѣе унижать себя самому было уже невозможно». Но онъ еще и еще унижаетъ себя. Всѣ ѣдутъ «туда». Онъ выклянчиваетъ у нихъ же денегъ и увязывается слѣдомъ. У него созрѣваетъ рѣшеніе дать Звѣркову пощечину. «*Съ ужасомъ* я ощущалъ, что это вѣдь уже непремѣнно сейчасъ, теперь случится, и ужъ никакими силами остановить нельзя».

Раскольникову, до убійства еще, снится кроваво-кошмарный сонъ.

«— Да что же это я!—воскликнулъ онъ въ глубокомъ изумленіи. — Вѣдь я зналъ же, что я этого не вынесу, такъ чего же я до сихъ поръ себя мучилъ?.. Вѣдь вчера же, сходя съ лѣстницы, я самъ сказалъ, что это подло, гадко, низко... Вѣдь меня отъ одной мысли наяву стошнило и въ ужасъ бросило.

«Точно нарывъ на сердцѣ его, нарывавшій весь мѣсяцъ, вдругъ прорвался. Свобода, свобода! Онъ свободенъ теперь отъ этихъ чаръ, отъ колдовства, обаянія, отъ навожденія!».

Но на улицѣ онъ случайно слышитъ, что завтра, въ семь часовъ вечера, старуха будетъ въ квартирѣ одна. Раскольникова охватываетъ *ужасъ*.

«Онъ вошелъ къ себѣ, какъ приговоренный къ смерти. Ни о чемъ онъ не могъ разсуждать, но всѣмъ существомъ своимъ вдругъ почувствовалъ, что нѣтъ у него ни свободы разсудка ни воли, и что все вдругъ рѣшено окончательно».

И когда убійство было совершено, у Раскольникова осталось впечатлѣніе, «какъ будто его кто-то взялъ за руку и потянулъ за собой, неотразимо, слѣпо, съ неестественною силой, безъ возраженій. Точно онъ попалъ клочкомъ одежды въ колесо машины, и его начало въ нее втягивать».

XI.

«Жить, чтобъ только проходить мимо».

«Раскольниковъ бродилъ безъ цѣли. Солнце заходило. Какая-то особенная тоска начала сказываться ему въ послѣднее время. Въ ней не было чего-нибудь особенно ѣдкаго, жгучаго; но отъ нея вѣяло чѣмъ-то постояннымъ, вѣчнымъ, предчув-

ствовались безысходные годы этой холодной, мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то вѣчность «на аршинѣ пространства».

«— Спасите меня!—истерически кричитъ подростокъ Лиза Алешѣ Карамазову.—Я убью себя, потому что мнѣ все гадко, все гадко!..»

Версиловъ спрашиваетъ Катерину Николаевну:

«— Вы, говорятъ, опять полюбили общество, свѣтъ?

«— Не общество. Я знаю, что въ нашемъ обществѣ такой же безпорядокъ, какъ и вездѣ; но снаружи формы еще красивы, такъ что, *если жить, чтобъ только проходить мимо*, то ужъ лучше тутъ, чѣмъ гдѣ-нибудь».

Нѣтъ жизни кругомъ, нѣтъ жизни внутри. Все окрашено въ жутко-тусклый, мертвенный цвѣтъ. И страшно не только то, что это такъ. Еще страшнѣе, что человѣкъ даже представить себѣ не въ силахъ, — какъ же можетъ быть иначе? Чѣмъ способенъ человѣкъ жить на землѣ? Какая мыслима жизнь? Какое возможно счастье?

Всѣ герои Достоевскаго могли бы повторить про себя то, что говоритъ скрипачъ Ефимовъ, отчимъ Неточки Незвановой:

«— Я самъ не знаю, чего хочу. Вотъ, спросите, сударь: «Егорка! Чего ты хочешь? Все могу тебѣ дать», — а я, сударь, вѣдь ни слова вамъ въ отвѣтъ не скажу, затѣмъ, что самъ не знаю, чего хочу».

Остается жить, чтобъ «только проходить мимо». Одинъ мигъ радости, одинъ просто красивый мигъ, — и за него можно отдать всю эту нудную, темную и безсмысленную жизнь.

«— Я за двѣ секунды радости отдалъ бы квадрилліонъ квадрилліоновъ»,—заявляетъ на судѣ Иванъ Карамазовъ.

Послѣ ночи со Ставрогинымъ Лизавета Николаевна съ насмѣшкой говоритъ ему:

«— Куда намъ ѣхать вмѣстѣ сегодня же? Куда-нибудь опять «воскресать»? Нѣтъ, ужъ довольно пробъ... Да и неспособна я. Если ѣхать, то въ Москву, и тамъ дѣлать визиты и самимъ принимать,—вотъ мой идеалъ, вы знаете... Началось съ краснаго мгновенія, котораго я не вынесла... А такъ какъ я и безъ того давно знала, что *меня всего на одинъ мигъ только и хватитъ*, то взяла и рѣшилась... *Я разочла мою жизнь на одинъ только часъ и спокойна*».

Надѣяться въ будущемъ тоже не на что: нѣтъ въ жизни такихъ силъ, которыя могли бы воскресить человѣка.

«Тогда еще я надѣялся на воскресеніе, — говоритъ писатель, отъ лица котораго ведется разсказъ въ «Униженныхъ

и оскорбленныхъ». — Хоть бы въ сумасшедшій домъ поступить, что ли,—рѣшилъ я наконецъ:—чтобы повернулся какъ-нибудь мозгъ въ головѣ и расположился по-новому, а потомъ опять вылѣчиться. Была же жажда жизни и вѣра въ нее!»

Но если бы и были силы, способныя возродить человѣка, если бы могъ онъ передѣлать себя, то и туть вопросъ: во что возродиться, во что себя передѣлать?

Подпольный человѣкъ пишетъ: «Наслажденіе было тутъ именно отъ слишкомъ яркаго сознанія своего униженія; оттого, что уже нѣтъ тебѣ выхода, что ужъ никогда не сдѣлаешься другимъ человѣкомъ; что если бы даже и оставалось еще время и вѣра, чтобы передѣлаться во что-нибудь другое, то навѣрно самъ не захотѣлъ бы передѣлываться; а захотѣлъ бы, такъ и тутъ бы ничего не сдѣлалъ, *потому что, на самомъ-то дѣлѣ, и передѣлываться-то, можетъ-быть, не со что*».

Кириловъ,—тотъ нашелъ, во что нужно передѣлаться: переродиться физически и стать человѣкобогомъ. Но, когда мы вглядимся ближе въ его человѣкобога, мы увидимъ, что это уже полный мертвецъ, въ которомъ не осталось ни капли жизни.

«Будетъ новый человѣкъ, счастливый и гордый. *Кому будетъ все равно, жить или не жить, тотъ будетъ новый человѣкъ*». Можетъ-быть, въ такомъ случаѣ всѣ убьютъ себя, но—«это все равно. Обманъ убьютъ». Придетъ этотъ новый человѣкъ и научитъ, что всѣ хороши и все хорошо. Кто съ голоду умретъ, кто обезчеститъ дѣвочку, кто размозжитъ голову за ребенка, и кто не размозжитъ,—все хорошо.

Побѣда надъ смертью путемъ полнаго отсѣченія воли къ жизни; побѣда надъ ужасами жизни путемъ мертвенно-безразличнаго отношенія къ ней; презрѣніе къ жизни, презрѣніе къ смерти,—вотъ этотъ чудовищный идеалъ, выросшій на почвѣ безнадежнаго отчаянія и глубочайшаго невѣрія въ природу человѣка. Сквозь гордо-вызывающія мечты о его вѣнцѣ человѣчества у Кириллова вдругъ прорывается отчаянное признаніе: «Богъ необходимъ, а потому долженъ быть. Но я знаю, что Его нѣтъ и не можетъ быть. Неужели ты не понимаешь, что человѣку съ такими двумя мыслями нельзя оставаться въ живыхъ?»

Кирилловскаго человѣкобога очень часто и охотно приравниваютъ къ сверхчеловѣку Ницше. Ужъ общимъ мѣстомъ стало указаніе, что въ Кирилловѣ Достоевскій какъ бы предвосхитилъ ученіе Ницше о сверхчеловѣкѣ. Это большое недоразумѣніе. Оно основано на чисто-внѣшнемъ сходствѣ понятій

«человѣкобогъ» и «сверхчеловѣкъ». Содержаніе же понятій совершенно различно. Солнечно-свѣтлый сверхчеловѣкъ горитъ волею къ жизни, полонъ великой творческой жажды; самую смерть онъ побѣждаетъ силою неодолимой своей жизненности. Что у него общаго съ тѣмъ могильнымъ камнемъ надъ жизнью, холоднымъ и неподвижнымъ, имя которому — человѣкобогъ?

Тускла, мертвенна и пуста земная жизнь. Трудно даже представить себѣ, чѣмъ ее можно заполнить. Но есть зато жизнь *тамъ*, есть безсмертіе.

Однако—что же такое безсмертіе *само по себѣ*? Вѣдь, въ сущности, это не болѣе, какъ форма. Для формы нужно еще содержаніе.

«Свидригайловъ сидѣлъ въ задумчивости.

«— А что, если въ будущей жизни одни пауки или что-нибудь въ этомъ родѣ?—сказалъ онъ вдругъ.—Намъ вотъ все представляется вѣчность, какъ что-то огромное-огромное! Да почему же непремѣнно огромное? И вдругъ, вмѣсто всего этого, представьте себѣ, будетъ тамъ одна комнатка, этакъ въ родѣ деревенской бани, закоптѣлая, а по всѣмъ угламъ пауки, и вотъ и вся вѣчность... Мнѣ, знаете, въ этомъ родѣ иногда мерещится.

«— И неужели, неужели вамъ ничего не представляется утѣшительнѣе и справедливѣе этого? — съ болѣзненнымъ чувствомъ вскрикнулъ Раскольниковъ.

«— Справедливѣе? А почемъ знать, можетъ-быть, это и есть справедливое, и, знаете, я бы такъ непремѣнно нарочно сдѣлалъ,—отвѣтилъ Свидригайловъ, неопредѣленно улыбаясь.

«Какимъ-то холодомъ охватило вдругъ Раскольникова при этомъ безобразномъ отвѣтѣ».

Мысль неожиданная и чудовищная. Только въ душѣ Достоевскаго могла родиться такая мысль. И однако, по существу своему, мысль эта до странности проста и естественна.

Одинъ древній христіанскій пустынникъ сподобился видѣть «райскую жизнь блаженныхъ»: они живутъ безъ грѣха, не употребляя одежды, не вкушая ни вина ни хлѣба печенаго, храня чистоту, питаясь одною водою и плодомъ, который ежедневно исходитъ изъ дерева въ шестой часъ дня. Это, конечно, очень скучно, очень притомъ голодно, но понятно. Мусульманинъ будетъ ласкать въ раю вѣчно-дѣвственныхъ гурій, краснокожій вѣчно будетъ охотиться въ лугахъ, богатыхъ дичью, новозеландецъ-маорисъ вѣчно будетъ сражаться и выходить изъ боя побѣдителемъ. Это все тоже понятно. Люди эти знаютъ, чего хотѣть.

Но пустая форма безсмертія въ философскомъ смыслѣ,— какое содержаніе она гарантируетъ? Что-то огромное? «Да

почему же непремѣнно огромное?» Въ душѣ человѣка только мракъ и пауки. Почему имъ не быть и *тамъ*? Можетъ-быть, безсмертіе—это такой тусклый, мертвый, безнадежный ужасъ, передъ которымъ страдальческая земная жизнь—рай?

XII.

Вѣчная гармонія.

Въ душѣ человѣка — угрюмый, непроглядный хаосъ. Безсильно крутятся во мракѣ разъединенные обрывки чувствъ и настроеній. Въ темныхъ вихряхъ вспыхиваютъ слабые огоньки жизни, отъ которыхъ мракъ вокругъ еще ужаснѣе.

Но бываютъ миги, когда раздѣльные огоньки эти сбиваются вихремъ въ одно мѣсто. Тогда темнота вдругъ прорѣзывается ослѣпительно-яркимъ свѣтомъ. Разрозненные элементы жизни, сжатые въ одно, даютъ впечатлѣніе неслыханнаго напряженія, близкаго къ взрыву. И какъ раньше невозможно было жить отъ угрюмаго мрака, отъ скудости жизненныхъ силъ, такъ теперь жизнь становится невозможною вслѣдствіе чудовищнаго избытка силъ и свѣта.

«Для Ордынова (повѣсть «Хозяйка») началась какая-то странная жизнь. Онъ чувствовалъ ясно, какъ бездонная темень разверзается передъ нимъ, и онъ бросается въ нее съ воплемъ тоски и отчаянія. Порой мелькали мгновенія *невыносимаго, уничтожающаго счастья*, когда жизненность судорожно усиливается во всемъ составѣ человѣческомъ, яснѣетъ прошедшее, звучитъ торжествомъ настоящій свѣтлый мигъ, и снится наяву невѣдомое грядущее; когда чувствуешь, что *немощна плоть предъ такимъ гнетомъ впечатлѣній, что разрывается вся нить бытія*, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, поздравляешь всю жизнь свою съ обновленіемъ и воскресеніемъ».

Въ «Бѣсахъ» Кирилловъ говоритъ Шатову:

«— Да... Постойте, бываютъ съ вами, Шатовъ, минуты вѣчной гармоніи? Есть секунды, ихъ всего заразъ приходитъ пять или шесть, и вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что *человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо перемѣниться физически или умереть.* Это чувство ясное и неоспоримое. Какъ будто вдругъ ощущаете всю природу и вдругъ говорите: да, это правда! Это... это не умиленіе, а только такъ, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то, что любите,—тутъ выше любви. Всего страшнѣе, что такъ ужасно ясно и такая радость. *Если болѣе пяти секундъ, то душа*

не выдержитъ и должна исчезнуть. Чтобы выдержать десять секундъ, надо перемѣниться физически».

То же переживаетъ и князь Мышкинъ.

«Онъ задумался о томъ, что въ эпилептическомъ состояніи его была одна степень почти предъ самымъ припадкомъ, когда вдругъ среди грусти, душевнаго мрака, давленія, мгновеніями какъ бы воспламенялся его мозгъ и съ необыкновеннымъ порывомъ напрягались разомъ всѣ жизненныя силы его. Ощущеніе жизни, самосознанія почти удесятерялось въ эти мгновенія, продолжавшіяся, какъ молнія. Умъ, сердце озарялись необыкновеннымъ свѣтомъ; всѣ волненія, всѣ сомнѣнія его, всѣ безпокойства какъ бы умиротворялись разомъ, разрѣшались въ какое-то высшее спокойствіе, полное ясной, гармоничной радости и надежды...»

Все существо человѣка вдругъ говоритъ жизни:

— *Да, это правда!*

Душа какъ будто становится совсѣмъ другою, она преисполняется неодолимой силы жизни, — той силы, черезъ которую единственно познаётся глубочайшая первооснова жизни.

Но это лишь обманъ самочувствія. За силу жизни принимаются судорожно обострившіеся, глубоко болѣзненные процессы души, за вѣчную гармонію — величайшая дисгармонія. Ордыновъ переживаетъ свои ощущенія въ бреду горячки. Мышкинъ—неизлѣчимый эпилептикъ. Кириллову говоритъ Шатовъ: «Берегитесь, Кирилловъ, я слышалъ, что именно такъ падучая начинается!»

Поэтому вполнѣ естественно и понятно, что, почувствовавъ гармонію міра, сказавъ жизни: «Да, это правда!» — люди эти приходятъ не къ утвержденію жизни, а какъ разъ къ обратному,—къ полнѣйшему ея отрицанію.

«— Въ эти пять секундъ,—говоритъ Кирилловъ:—я переживаю жизнь и *за нихъ отдамъ всю мою жизнь*, потому что стоитъ. Я думаю, *человѣкъ долженъ перестать родить. Къ чему дѣти, къ чему развитіе, коли цѣль достигнута?»*

То же и съ Мышкинымъ:

«Раздумывая объ этомъ мгновеніи впослѣдствіи, уже въ здоровомъ состояніи, онъ часто говорилъ самъ себѣ: что вѣдь всѣ эти молніи и проблески высшаго самоощущенія и самосознанія, а стало-быть, и «высшаго бытія», не что иное, какъ болѣзнь, а если такъ, то это вовсе не высшее бытіе, а, напротивъ, должно быть причислено къ самому низшему. Но что же въ томъ, что это болѣзнь? Если въ самый послѣдній сознательный моментъ передъ припадкомъ ему случалось успѣвать ясно и сознательно сказать себѣ: «*Да, за этотъ моментъ*

можно отдать всю жизнь!»—то, конечно, этотъ моментъ самъ по себѣ и стоилъ всей жизни. Впрочемъ, за діалектическую часть своего вывода онъ не стоялъ: *отупніе, душевный мракъ, идіотизмъ стояли передъ нимъ яркимъ послѣдствіемъ этихъ «высочайшихъ минутъ»*.

Во время минутъ этихъ Мышкину становится понятно необычайное слово о томъ, что «времени больше не будетъ». То же самое говоритъ и Кирилловъ: «Времени больше не будетъ, потому что не надо. Время не предметъ, а идея. Погаснетъ въ умѣ».

Если бы жизнь кругомъ они дѣйствительно почувствовали, какъ *правду*, то, какъ *правду* же, они почувствовали бы и самое время. Отрицаніемъ же времени, признаніемъ ненужности его они только еще ярче подчеркиваютъ свою полную неспособность къ жизни и къ ея правдѣ.

«Высочайшая минута» проходитъ. Возвращается ненавистное время,—призрачная, но неотрывно-цѣпкая форма нашего сознанія. Вѣчность превращается въ жалкія пять секундъ, высшая гармонія жизни исчезаетъ, міръ снова темнѣетъ и разваливается на хаотическія, разъединенныя частички. Наступаетъ другая вѣчность, — холодная и унылая «вѣчность на аршинѣ пространства». И угрюмое время сосредоточенно отмѣриваетъ секунды, часы, дни и годы этой летаргической вѣчности.

«— Да, невесело вы проводите ваши ночи за чаемъ!»—говоритъ Кириллову лицо, ведущее разсказъ въ «Бѣсахъ». И попрежнему терзается въ отъединеніи своемъ отъ живого міра князь Мышкинъ, «всему чужой и выкидышъ».

XIII.

Тарантулъ.

Самоубійца въ «Приговорѣ» пишетъ:

«Какъ бы разумно, праведно и свято ни устроилось на землѣ человѣчество,—все это приравняется завтра къ нулю. И хоть это почему-то тамъ и необходимо, но какимъ-то тамъ всесильнымъ, вѣчнымъ и мертвымъ законамъ природы, но повѣрьте, что въ этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуваженіе къ человѣчеству, глубоко мнѣ оскорбительное и тѣмъ болѣе невыносимое, что тутъ нѣтъ никого виноватаго... Невольно приходитъ въ голову одна чрезвычайно забавная, но невыносимо-грустная мысль: «*ну что, если человѣкъ былъ пущенъ на землю въ видѣ какой-то наглой пробы, чтобъ только*

посмотрѣть: уживется ли подобное существо на землѣ или нѣтъ?».

Страшный вопросъ этотъ все время шевелится въ душѣ Достоевскаго. Великій Инквизиторъ смотритъ на людей, какъ на «недодѣланныя, пробныя существа, созданныя въ насмѣшку». Герой «Подполья» пишетъ: «Неужели же я для того только и устроенъ, чтобы дойти до заключенія, что все мое устройство одно надуваніе?.. Тутъ подмѣнъ, подтасовка, шулерство, тутъ просто бурда,—неизвѣстно что̀ и неизвѣстно кто. Но у васъ все-таки болитъ, и чѣмъ больше вамъ неизвѣстно, тѣмъ больше болитъ».

«— Кто же это такъ смѣется надъ человѣкомъ, Иванъ?»— спрашиваетъ сына Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ.

Надъ человѣкомъ стоитъ «темная, наглая и безсмысленновѣчная сила». Человѣкъ глубоко униженъ ею. «Смѣшному человѣку» снится, что онъ убиваетъ себя и воскресаетъ послѣ смерти. «А стало-быть, есть и за гробомъ жизнь! И если надо быть снова и жить опять по чьей-то неустранимой волѣ, то не хочу, чтобъ меня побѣдили и унизили!»

«Природа,—пишетъ Инполитъ въ своей исповѣди, — мерещится бъ видѣ какого-то огромнаго, неумолимаго и нѣмого звѣря, или, вѣрнѣе, въ видѣ какой-нибудь громадной машины новѣйшаго устройства... Мнѣ какъ будто казалось временами, что я вижу, въ какой-то странной и невозможной формѣ, эту безконечную силу, это глухое, темное и нѣмое существо. Я помню, что кто то будто бы повелъ меня за руку, со свѣчкой въ рукахъ, показалъ мнѣ какого-то огромнаго и отвратительнаго тарантула и сталъ увѣрять меня, что это—то самое темное, глухое и всесильное существо, и смѣялся надъ моимъ негодованіемъ... Нельзя оставаться въ жизни, которая принимаетъ такія страшныя, обижающія меня формы. Это привидѣніе меня унизило. Я не въ силахъ подчиняться темной силѣ, принимающей видъ тарантула».

Подчиняться ей нѣтъ силъ. Поднимается въ душѣ буйная злоба, хочется винить и проклинать ее, эту темную силу. Но и винить безсмысленно, потому что сила эта безлична, безвольна и мертва.

«Положеніе мое тѣмъ болѣе невыносимо, что *тутъ нѣтъ никого виноватаго*», — пишетъ самоубійца въ «Приговорѣ». Герой подполья видитъ для себя лишь одинъ выходъ,—«молча и безсильно скрежеща зубами, сладострастно замереть въ инерціи, мечтая о томъ, *что даже и злиться, выходить, тебѣ не на кого, что предмета не находится*».

Ну, а если *есть* виноватый, если есть, на кого злиться?

Если надъ темною и мертвою силою стоитъ направляющая живая Воля?

«Религія!—пишетъ Ипполитъ.—Вѣчную жизнь я допускаю и, можетъ-быть, всегда допускалъ. Пусть зажжено сознаніе волею высшей силы, пусть оно оглянулось на міръ и сказало: «я есмь!», и пусть ему вдругъ предписано этою высшею силою уничтожиться, потому что тамъ такъ для чего-то, — и даже безъ объясненія, для чего,—это надо, пусть, я все это допускаю, но опять-таки вѣчный вопросъ: для чего при этомъ понадобилось смиреніе мое? *Неужели нельзя меня просто съѣсть, не требуя отъ меня похвалъ тому, что меня съѣло?..* Если понять его невозможно, то, повторяю, трудно и отвѣчать за то, что̀ не дано человѣку понять... Нѣтъ, ужъ лучше оставимъ религію»...

Но и для такого отношенія къ высшей волѣ требуется все-таки немалое смиреніе. А человѣкъ гордъ.

«Смѣшной человѣкъ» оживаетъ въ могилѣ. «И я вдругъ воззвалъ, — не голосомъ, ибо былъ недвижимъ, но всѣмъ существомъ моимъ, къ властителю всего того, что̀ совершалось со мною:

«— Кто бы ты ни былъ, но если ты есть, и если существуетъ что-нибудь разумнѣе того, что̀ теперь совершается, то дозволь ему быть и здѣсь. Если же ты мстишь мнѣ за неразумное самоубійство мое—безобразіемъ и нелѣпостью дальнѣйшаго бытія, то знай, что никогда и никакому мученію, какое бы ни постигло меня, не сравниться съ тѣмъ презрѣніемъ, которое я буду молча ощущать, хотя бы въ продолженіе милліоновъ лѣтъ мученичества».

Властитель этотъ неотступно стоитъ передъ всѣми «безбожниками» Достоевскаго. Достоевскій любитъ выводить безбожниковъ, но безбожники его очень странные. Для нихъ Богъ— не пустота, не слово безъ содержанія. Всѣ они видятъ Бога, только не смотрятъ на Него. Сквозь заявленія ихъ о своемъ невѣріи у каждаго неожиданно прорывается слово или дѣйствіе, выдающее тайное ихъ настроеніе.

Атеистъ Раскольниковъ вдругъ объявляетъ Порфирію, что онъ вѣруетъ въ Бога, даже буквально вѣруетъ въ воскресеніе Лазаря. Нигилистъ Ипполитъ говоритъ, что вѣчную жизнь онъ допускаетъ. Иванъ Карамазовъ «не Бога не принимаетъ, а только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаетъ». Безбожникъ Кирилловъ постоянно зажигаетъ лампадку передъ образомъ, Петръ Верховенскій говоритъ про него: «онъ въ Бога вѣруетъ пуще, чѣмъ попъ».

Всѣ они вовсе не безбожники. У нихъ глубокая тоска по

Богѣ, и Богъ для нихъ есть, Онъ передъ ними. Но они не могутъ Ему покориться,—слишкомъ много они имѣютъ къ Нему вопросовъ, на которые нѣтъ отвѣта.

Измученный жестокостями жизни, библейскій Іовъ «ко Вседержителю хотѣлъ бы говорить и желалъ бы состязаться съ Богомъ». Новый Іовъ,—Достоевскій выступаетъ на это состязаніе. И не было со временъ Іова такихъ разрушительныхъ, колеблющихъ небо вопросовъ, съ какими идетъ на «Стража человѣковъ» Достоевскій. Всѣ его произведенія—такіе буйные вопросы, и увѣнчаніе ихъ—знаменитый «бунтъ» Ивана Карамазова.

«— О, по моему, по жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страданіе есть, что виновныхъ нѣтъ, что все одно изъ другого выходитъ прямо и просто, — но вѣдь жить по этой эвклидовской дичи я не могу же согласиться! Не для того же я страдалъ, чтобы собой, злодѣйствами и страданіями моими унавозить кому-то будущую гармонію... Пока еще время, спѣшу оградить себя, а потому отъ высшей гармоніи совершенно отказываюсь. Не стоитъ она слезинки хотя бы одного только замученнаго ребенка. Не стоитъ, потому что слезки его остались неискупленными. И чѣмъ, чѣмъ ты искупишь ихъ? Неужели тѣмъ, что онѣ будутъ отомщены? Но зачѣмъ мнѣ ихъ отмщеніе, зачѣмъ мнѣ адъ для мучителей, когда тѣ уже замучены? И какая же гармонія, если адъ?.. Не хочу я наконецъ, чтобы мать обнималась съ мучителемъ, растерзавшимъ ея сына псами! Не смѣетъ она прощать ему. Если хочетъ, пусть проститъ за себя, пусть проститъ мучителю материнское безмѣрное страданіе свое, но страданія своего растерзаннаго ребенка она не имѣетъ права простить, хотя бы самъ ребенокъ простилъ! А если такъ,—гдѣ же гармонія? Не хочу гармоніи. Лучше ужъ я останусь при неотомщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, *хотя бы я былъ и неправъ*» (курсивъ Достоевскаго).

Въ безсознательныхъ глубинахъ души человѣческой кипитъ и бушуетъ это «неутоленное негодованіе». И человѣкъ вдругъ прорывается страннымъ, какъ будто непостижимымъ по своей неожиданности словомъ или поступкомъ.

Скорбно и страстно тоскующій о Богѣ, Верениовъ вдругъ яростно раскалываетъ о печку икону старца Макара Ивановича.

«— Не прими за аллегорію, Соня, я не наслѣдство Макара разбилъ, а только такъ, чтобъ разбить... *А, впрочемъ, прими хоть и за аллегорію: вѣдь это непремѣнно было такъ!..*»

Въ неутоленномъ негодованіи своемъ «безбожники» Достоев-

скаго упорно и сосредоточенно борются противъ Бога. Этимъ, можетъ-быть, и объясняется ихъ настойчивое извлеченіе квадратнаго корня именно изъ зла, непрестанное желаніе «преступить» и «заявить своеволіе».

Возражая противъ соціализма, подпольный человѣкъ пишетъ: «Вѣдь все дѣло-то человѣческое, кажется, и дѣйствительно въ томъ только и состоитъ, чтобы человѣкъ поминутно доказывалъ себѣ, что онъ человѣкъ, а не штифтикъ! Хоть своими боками, да доказывалъ; хоть троглодитствомъ, да доказывалъ!»

Для безбожниковъ Достоевскаго все дѣло человѣческое также какъ будто въ томъ только и состоитъ, чтобы поминутно доказывать себѣ свою независимость отъ Бога, — хоть своими боками, хоть троглодитствомъ, а доказывать.

При томъ жизнеощущеніи, которымъ полонъ Достоевскій, это упорное богоборчество его вполнѣ естественно. Міръ ужасенъ, человѣкъ безнадежно-слабъ и безмѣрно-несчастенъ, жизнь безъ Бога,—это «медленное страданіе и смерть» (Ставрогинъ). Какая же въ такомъ случаѣ *свобода* обращенія къ Богу, какая любовь къ Нему? Нищій, иззябшій калѣка стоитъ во мракѣ передъ чертогомъ Властителя. Если онъ запоетъ Властителю хвалу, то потому ли, что возлюбилъ Его,—или только потому, что въ чертогѣ тепло и свѣтло?

Босая женщина бродила по улицамъ Александріи съ факеломъ въ одной рукѣ, съ кувшиномъ въ другой, и восклицала:

«— Я сожгу небо этимъ факеломъ и затушу адскій огонь этой водой, чтобъ человѣкъ могъ любить Бога только ради Его самого».

Для Достоевскаго же—нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ безсмертія; только убить себя остается, если нѣтъ безсмертія; невозможно жить и дышать, если нѣтъ безсмертія. На что нуженъ былъ бы Достоевскому Богъ, если бы предпріятіе александрійской женщины удалось?.. Знаменательная черточка: для Достоевскаго понятія «Богъ» и «личное безсмертіе человѣка» неразрывно связаны между собою, для него это простые синонимы. Между тѣмъ связь эта вовсе вѣдь не обязательна.

Любить Бога только ради Его самого, безъ гарантированнаго человѣку безсмертія... За что? За этотъ міръ, полный ужаса, разъединенія и скорби? За мрачную душу свою, въ которой копошатся пауки и фаланги? Нѣтъ, любви тутъ быть не можетъ. Тутъ возможенъ только горькій и буйный вопросъ Ипполита:

— Неужели нельзя меня просто съѣсть, не требуя отъ меня похвалъ тому, что меня съѣло?

Тутъ возможно только мятежное рѣшеніе Ивана Карамазова:

— Лучше ужъ я останусь при неотомщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, хотя бы я былъ и неправъ.

XIV.

Арканъ.

Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ жить?

«— Можно ли жить бунтомъ? А я хочу жить», — говоритъ Иванъ Карамазовъ.

«— Обливаясь глупыми слезами своими,—говоритъ Великій Инквизиторъ:—люди сознаются наконецъ, что создавшій ихъ бунтовщиками, безъ сомнѣнія, хотѣлъ посмѣяться надъ ними. Скажутъ это они въ отчаяніи, и сказанное ими будетъ богохульствомъ, отъ котораго они станутъ еще несчастнѣе, ибо природа человѣческая не выноситъ богохульства и въ концѣ концовъ сама же себѣ всегда и отмститъ за него».

И вотъ, на дальнѣйшемъ пути исканій Достоевскаго, мы наталкиваемся на странную психологическую загадку,—совсѣмъ ту же, которая поражаетъ въ исканіяхъ библейскаго Іова. Обрывъ на пути. Непереходимая пропасть. На днѣ пропасти — не разрѣшенные, а только задушенные вопросы. По ту же сторону пропасти—гимнъ и осанна.

Міръ тамъ совсѣмъ другой. Люди не извиваются, какъ перерѣзанные заступомъ земляные черви. Не слышно воплей и проклятій. Медленно и благообразно движутся безжизненные силуэты святыхъ старцевъ Макара Ивановича и Зосимы, сидитъ на террасѣ своей дачи святой эпилептикъ Мышкинъ. Трепетныя, нѣжнѣйшія мечты Достоевскаго о невозможномъ и недостижимомъ носятся надъ этими образами. Нездѣшніе отсвѣты падаютъ на нихъ и озаряютъ весь міръ вокругъ. И отъ нездѣшняго этого свѣта слабо начинаетъ оживать мертвая здѣшняя жизнь.

«— Красота вездѣ неизреченная,—умиленно говоритъ старецъ Макаръ Ивановичъ. — Травка растетъ, — расти, травка Божія, птичка поетъ,—пой, птичка Божія, ребеночекъ у женщины на рукахъ пискнулъ, — Господь съ тобой, маленькій человѣчекъ, расти на счастье, младенчикъ!.. Хорошо на свѣтѣ, милый!»

И учитъ отецъ Зосима:

«— Все созданіе и вся тварь, каждый листикъ устремляется къ Слову, Богу славу поетъ. Христу плачетъ... Все—какъ океанъ, все течетъ и соприкасается, въ одномъ мѣстѣ тронешь, въ другомъ концѣ міра отдается... Ты для цѣлаго работаешь,

для грядущаго дѣлаешь. Награды же никогда не ищи, ибо и безъ того ужъ велика тебѣ награда на сей землѣ: духовная радость твоя... *Знай міру, знай сроки, научись сему...* Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю цѣлуй и неустанно, ненасытимо люби, всѣхъ люби, все люби...»

Чуждо стоятъ по другую сторону пропасти Раскольниковъ, Иванъ Карамазовъ и прочіе дьяволовы подвижники. Усмѣхаются Свидригайловъ и Версиловъ. Недоумѣнно простираетъ руки Дмитрій Карамазовъ...

Почему это вдругъ такъ стало «хорошо на свѣтѣ»? Что это за соприкосновеніе всего другъ съ другомъ—среди всеобщаго «безгласія косности»? Какая это такая духовная радость отъ работы для грядущаго? «Да чортъ мнѣ до будущаго, если мнѣ за это—ни любви, ни будущей жизни, ни признанія за мной подвига!» (Подростокъ). «Какъ я вступлю въ союзъ съ землею навѣкъ? Что жъ мнѣ, мужикомъ сдѣлаться, аль пастушкомъ?» (Дмитрій Карамазовъ). Гдѣ пути къ этой желанной жизни? Вѣдь звучащіе съ того края отвѣты — это тѣ же вопросы, только употребленные въ повелительномъ наклоненіи. Какъ мнѣ любить землю?—Люби землю...

И однако путь есть въ эту завѣтную страну благообразія и сердечнаго «веселія». Какой же? Да все тотъ же. Человѣкъ еще недостаточно несчастенъ, нужно навалить на него новыя страданія, забить его этими страданіями на самое дно пропасти, и вотъ тогда...

«— Тогда, въ великомъ горѣ нашемъ, мы вновь воскреснемъ въ радость, безъ которой жить человѣку невозможно, а Богу быть, ибо Богъ даетъ радость. *Какъ я буду тамъ подъ землей безъ Бога?* Если Бога съ земли изгонятъ, мы подъ землей Его срѣтимъ. И тогда мы, подземные человѣки, запоемъ изъ нѣдръ земли трагическій гимнъ Богу, у Котораго радость! Да здравствуетъ Богъ и Его радость!» (Дмитрій Карамазовъ).

Отвернемся отъ негодующе усмѣхающагося Ипполита, забудемъ про «неутоленное негодованіе» Ивана Карамазова. Напомнить о нихъ теперь — это значитъ выбить изъ-подъ человѣка послѣднюю опору, за которую онъ цѣпляется. Къ другому нужно прислушиваться:

«— Горе узришь великое,—учитъ отецъ Зосима:—и въ горѣ семъ счастливъ будешь. Вотъ тебѣ завѣтъ: въ горѣ счастья ищи. Много несчастій принесетъ тебѣ жизнь, но ими-то ты и счастливъ будешь и жизнь благословишь».

Если же мы все еще не понимаемъ спасительности и, главное, возвышенности указуемаго пути, то послушаемъ Дмитрія Карамазова. Онъ понялъ и объяснитъ намъ это съ тою нелѣпо-

голою, невыразимо-милою откровенностью, которая для него такъ характерна.

«—Понимаю теперь, что на такихъ, какъ я, нуженъ ударъ, ударъ судьбы, *чтобъ захватить его, какъ на арканъ, и скрутить внѣшней силой.* Никогда, никогда не поднялся бы я самъ собой. Но громъ грянулъ. Принимаю муку обвиненія и всенароднаго позора моего, пострадать хочу и страданіемъ очищусь!»

Тамъ, высоко надъ пропастью, благообразно расхаживаютъ и радуются спасенные... Да полно, не вытащены ли они на свою высоту изъ пропасти какъ разъ на этомъ *арканѣ?* Слишкомъ ужъ они забыли тѣ вопросы, которые остались на днѣ пропасти, слишкомъ устали отъ труднаго подъема, слишкомъ безмятежны. Противъ буйныхъ и неистовыхъ вопрошателей слишкомъ «знаютъ мѣру и сроки».

«Осанна, прошедшая черезъ горнило сомнѣній»... Какимъ бы яснымъ, твердымъ блескомъ должна сверкать такая осанна, какъ страстно должна бы устремляться навстрѣчу сомнѣніямъ, какъ бурно рваться къ покоренію человѣческихъ душъ! Но одна лишь усталость и задушенное отчаяніе слышны въ спокойной осаннѣ благообразныхъ праведниковъ Достоевскаго.

И какъ въ жизни они мягки, какъ покладисты! «Знай мѣру», учитъ Зосима. О, самъ онъ ее знаетъ!

— Учитель, что мнѣ дѣлать, чтобъ наслѣдовать жизнь вѣчную?—спрашиваетъ шутъ Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ.

— Не предавайтесь пьянству и сладострастію, а особенно обожанію денегъ, да закройте ваши питейные дома, *если не можете всѣхъ, то хоть два или три...*

Ужъ не смѣется ли втайнѣ Достоевскій надъ своимъ Зосимой, заставляя его такъ ядовито пародировать евангельскій отвѣтъ на тотъ же вопросъ?

— Мечтаю видѣть и какъ бы уже вижу ясно наше грядущее,—говоритъ все тотъ же святой старецъ.—Ибо будетъ такъ, что даже самый развращенный богачъ нашъ кончитъ тѣмъ, что устыдится богатства своего передъ бѣднымъ, *а бѣдный, видя смиреніе его, пойметъ* (что пойметъ?!) *и уступитъ ему*, съ радостью и лаской отвѣтитъ на благолѣпный стыдъ его. Вѣрьте, что кончится симъ: на то идетъ.

Вотъ она, желанная будущая гармонія,—та гармонія, о которой такъ безнадежно тоскуетъ Иванъ Карамазовъ! Бѣдный что-то такое пойметъ, уступитъ богатому, предоставитъ своимъ ребятамъ попрежнему чахнуть съ голоду, а дочь свою пошлетъ дорогою Сонечки Мармеладовой. Богатый же останется при своемъ богатствѣ, да получитъ въ придачу «благолѣпный

стыдъ»... Хорошо, что святой старецъ говоритъ хоть проникновенно, но тихо. А то бы съ другого берега пропасти его услышалъ Иванъ Карамазовъ и расхохотался бы такъ, что святой старецъ покраснѣлъ бы отъ стыда, весьма мало благолѣпнаго.

Нѣтъ, не неистовы они, эти праведники. Зато очень неистовъ самъ Достоевскій, когда рѣчь заходитъ о его вѣрѣ въ Бога. Онъ сейчасъ же начинаетъ раздражаться, съ негодованіемъ говорить о «мерзавцахъ» и «олухахъ», нападавшихъ на него за его вѣру въ Бога. «Да ихъ глупой природѣ и не снилось такой силы отрицанія, которое перешелъ я... И въ Европѣ такой силы атеистическихъ выраженій нѣтъ и не было. Стало-быть, не какъ мальчикъ же я вѣрую во Христа и Его исповѣдую, а черезъ большое горнило сомнѣній моя осанна прошла, какъ говоритъ у меня же чортъ».

Но, чѣмъ раздраженнѣе отстаиваетъ Достоевскій свое право на вѣру, чѣмъ изступленнѣе анаѳематствуетъ и смѣется надъ безбожниками, тѣмъ настойчивѣе припоминается замѣчаніе, однажды имъ же самимъ оброненное:

«Кто знаетъ, вѣдь, можетъ, и правда, что иные всю жизнь горячатся даже съ пѣной у рта, убѣждая другихъ, единственно, чтобы самимъ убѣдиться, да такъ и умираютъ неубѣжденные».

И, можетъ-быть, какъ разъ самого Достоевскаго имѣетъ въ виду старецъ Макаръ Ивановичъ, противопоставляя подлиннымъ безбожникамъ голыхъ отрицателей: «тѣ много пострашнѣе этихъ будутъ, потому что *съ именемъ Божіимъ на устахъ приходятъ*».

Но тотъ же Макаръ Ивановичъ въ «Подросткѣ» говоритъ:

«Невозможно быть человѣку, чтобъ не преклониться; не снесетъ себя такой человѣкъ, да и никакой человѣкъ».

И преклоняется человѣкъ, потому что нѣтъ силъ нести себя и нечѣмъ жить. Надѣваетъ на лицо маску, страстно старается убѣдить себя, что это и есть его лицо. Но вдругъ нечаянно спадаетъ маска, открывается на мигъ подлинное лицо, — и слышны странныя, загадочныя рѣчи:

«— Монахъ я, Lise? — спрашиваетъ Алеша. — Вы какъ-то сказали сію минуту, что я монахъ?

«— Да, сказала.

«— *А я въ Бога-то вотъ, можетъ-быть, и не вѣрую.*

«Было тутъ, въ этихъ слишкомъ внезапныхъ словахъ его, нѣчто слишкомъ таинственное и слишкомъ субъективное, можетъ-быть, и ему самому неясное, но уже несомнѣнно его мучившее.

Это изъ «Братьевъ Карамазовыхъ». А вотъ изъ «Бѣсовъ»:

«— Я хотѣлъ лишь узнать: вѣруете вы сами въ Бога или нѣтъ?

«— Я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ ея православіе... Я вѣрую въ тѣло Христово... Я вѣрую, что новое пришествіе совершится въ Россіи... Я вѣрую...—залепеталъ въ изступленіи Шатовъ.

«— А въ Бога? Въ Бога?

«— Я... *я буду вѣровать въ Бога*».

Нужно при этомъ помнить, что Шатовъ проповѣдуетъ *совсѣмъ то же самое*, что̀, отъ себя уже, проповѣдуетъ и Достоевскій въ «Дневникѣ писателя». Съ такою, казалось бы, огненною убѣжденностью и самъ Достоевскій все время твердитъ: «я вѣрую въ православіе, вѣрую, что новое пришествіе Христа совершится въ Россіи»... Но публицистъ не смѣетъ произнести послѣдняго слова, онъ старается скрыть его даже отъ себя. И съ страшною, нечеловѣческою правдивостью это слово договариваетъ художникъ: а въ Бога,—въ Бога я *буду* вѣровать...

Геффдингъ говоритъ въ своей «Философіи религіи»: «Нѣкогда религія была тѣмъ огненнымъ столпомъ, который шествовалъ впереди человѣческаго рода, указывалъ ему путь въ его великомъ историческомъ шествіи. Теперь она все болѣе и болѣе превращается въ лазаретъ, слѣдующій за походомъ, подбирающій усталыхъ и раненыхъ».

Религія Достоевскаго, во всякомъ случаѣ, — именно такой лазаретъ. Лазаретъ для усталыхъ, богадѣльня для немощныхъ. Богъ этой религіи — только костыль, за который хватается безнадежно-увѣчный человѣкъ. Хватается, пытается подняться и опереться, — но костыль то и дѣло ломается. А кругомъ — мрачная, унылая пустыня, и царитъ надъ нею холодное «безгласіе косности».

XV.

Въ страданіи есть идея.

«Страданіемъ все очищается»,—говоритъ Наташа въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ».

Да,—страданіе, страданіе, страданіе! Вотъ истинное бродило, очищающее и просвѣтляющее жизнь. Вотъ что̀ дѣлаетъ человѣка прекраснымъ и высокимъ, вотъ что̀ даетъ ему счастье.

Въ «Бѣсахъ» монастырская одна старица говоритъ:

«— Всякая тоска земная и всякая слезъ земная—радость намъ есть; а какъ напоишь слезами своими подъ собой землю

на полъ-аршина въ глубину, то тотчасъ же о всемъ и возрадуешься».

«— Въ горѣ счастья ищи!»—поучаетъ Алешу старецъ Зосима. И Порфирій Петровичъ поучаетъ Раскольникова:

«— Страданіе, Родіонъ Романовичъ, великая вещь; вы не глядите на то, что я отолстѣлъ, нужды нѣтъ, зато знаю; не смѣйтесь надъ этимъ, *въ страданіи есть идея*».

Какая же идея?

Мы видимъ: перестрадавъ сверхъ мѣры, люди только сходятъ у Достоевскаго съ ума, убиваютъ себя, умираютъ, захлебываясь проклятіями. Тамъ, гдѣ идея эта должна проявиться, Достоевскій какъ разъ замолкаетъ. Раскольниковъ на каторгѣ очистился страданіемъ, для него началась новая жизнь, «обновленіе» и «перерожденіе», но... Но «это могло бы составить тему новаго разсказа, теперешній же разсказъ нашъ оконченъ». То же и относительно Подростка.

Но все это неважно. «Идею» страданія не къ чему вскрывать, не къ чему доказывать. Она для Достоевскаго несомнѣннѣе всѣхъ идей,—можетъ-быть, единственная вполнѣ несомнѣнная идея. И, покоренные силою его вѣры въ страданіе, завороженные мрачнымъ его геніемъ, мы принимаемъ душою недоказанную идею и безъ всякаго недоумѣнія слушаемъ такія, напр., рѣчи Дмитрія Карамазова:

«— Я не убилъ отца, но мнѣ надо пойти. Принимаю!..»— Иванъ хочетъ устроить брату побѣгъ въ Америку. Дмитрій возражаетъ: «—*А совѣсть-то? Отъ страданія впдь убѣжалъ!* Было указаніе—отвергъ указаніе, былъ путь очищенія—поворотилъ налѣво кругомъ... *Отъ распятья убѣжалъ!*» — Въ концѣ концовъ онъ соглашается на Америку,—и вотъ почему:— «Если я и убѣгу въ Америку, то меня еще ободряетъ та мысль, что не на радость убѣгу, не на счастье, а воистину на другую каторгу, не хуже, можетъ-быть, этой! Не хуже, Алексѣй, воистину говорю, что не хуже!»

Надъ этимъ можно бы только въ изумленіи развести руками: что его гонитъ? Преступленіе, которое надо «искупить» страданіемъ? Но вѣдь Дмитрій въ немъ неповиненъ, не онъ убилъ отца. Почему же его ободряетъ мысль, что онъ бѣжитъ на такую же каторгу, а не на радость и счастье?.. Но не изумляешься. Смотришь кругомъ на безсильно корчащуюся, немощную и безвольную жизнь, и во всей нелѣпицѣ этой начинаешь чувствовать какую-то чудовищную необходимость, почти правду, рожденную... Изъ чего?

Въ «Запискахъ изъ мертваго дома» Достоевскій разсказываетъ про одного арестанта. Ни съ того ни съ сего онъ бро-

сился съ кирпичомъ на начальника тюрьмы и за это былъ засѣченъ на-смерть. «Вѣроятно,—говоритъ Достоевскій:—онъ былъ изъ отчаявшихся, изъ тѣхъ, кого покинула послѣдняя надежда, а *такъ какъ совершенно безъ надежды жить невозможно, то онъ и выдумалъ себѣ исходъ въ добровольномъ, почти искусственномъ мученичествѣ*».

Когда жизни нѣтъ и надѣяться не на что, когда душа безсильна на счастье, когда вѣчный мракъ кругомъ,—тогда призракъ яркой, полной жизни дается страданіемъ.

«Страданіе-то и есть жизнь»,—говоритъ чортъ Ивану Карамазову. Важно не то, *ведетъ* ли къ чему страданіе, есть ли въ немъ какая «идея»,—важно то, что страданіе само по себѣ только и даетъ своеобразную жизнь въ мірѣ тьмы, ужаса и отчаянія. Все призрачно, все мертво. Прочно, твердо и несомнѣнно одно лишь страданіе. Отнять у человѣка страданіе,—чѣмъ же онъ станетъ жить? Въ мукахъ безсильно стремящейся воли, въ ѣдкихъ переживаніяхъ отчаянія, ужаса и позора, въ безуміяхъ страдальческой или мучительской страсти,—такъ еще возможно жить. Но только такъ и возможно.

Аглая говоритъ Настасьѣ Филипповнѣ: «Вы любите одинъ только свой позоръ и безпрерывную мысль о томъ, что вы опозорены и что васъ оскорбили. Будь у васъ меньше позора или не будь его вовсе, вы были бы несчастнѣе».

Подростокъ называетъ сестру свою Лизу «добровольною искательницею мученій». Такъ можно назвать всѣхъ безъ исключенія героевъ Достоевскаго. Всѣ они ищутъ мученій, всѣ рвутся къ страданіямъ. «Страданіе-то и есть жизнь». Отнять страданіе,—исчезнетъ жизнь, и останется такая пустота, что страшно подумать.

И вотъ человѣкъ гаситъ въ своей душѣ послѣдніе проблески надежды на счастье и уходитъ въ темное подполье жизни. Пусть даже случайный лучъ не напоминаетъ о мірѣ, гдѣ солнце и радость. Не нуженъ ему этотъ міръ, вѣчно дразнящій и обманывающій. У человѣка свое богатство,—страданіе.

«Законы природы постоянно и болѣе всего всю жизнь меня обижали,—пишетъ подпольный человѣкъ.—Ну-съ, вотъ отъ этихъ-то кровавыхъ обидъ, вотъ отъ этихъ-то насмѣшекъ, неизвѣстно чьихъ, и начинается наконецъ наслажденіе, доходящее иногда до высшаго сладострастія... Именно вотъ въ этомъ холодномъ, омерзительномъ полуотчаяніи, полувѣрѣ, въ этомъ сознательномъ погребеніи самого себя заживо съ горя въ подпольѣ, въ этой усиленно созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положенія, во всемъ этомъ ядѣ неудовлетворенныхъ желаній, вошедшихъ внутрь, и за-

ключается сокъ того страннаго наслажденія, о которомъ я говорилъ».

Все то, съ чѣмъ борются и отъ чего бѣгутъ на землѣ,—для подпольнаго человѣка желанно, сладостно и цѣлительно, какъ морфій для морфиниста.

«Такое горе и утѣшенія не желаетъ, чувствомъ своей неутолимости питается», — говоритъ Достоевскій по поводу одной несчастной бабы-богомолки.

Нелли въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» «точно наслаждалась сама своею болью, этимъ «эгоизмомъ страданія», если можно такъ выразиться. Это растравленіе боли и это наслажденіе ею было мнѣ понятно: это — наслажденіе многихъ обиженныхъ и оскорбленныхъ, пригнетенныхъ судьбою».

Существа наземныя даже и представить себѣ не могутъ, какія сокровища находитъ подпольный человѣкъ, разрабатывая странное свое богатство. Цѣлыя розсыпи яркихъ, острыхъ, сладострастныхъ наслажденій открываются въ темныхъ глубинахъ этого богатства,

«Въ отчаяніи-то и бываютъ самыя жгучія наслажденія, — пишетъ подпольный человѣкъ: — особенно, когда ужъ очень сильно сознаешь безвыходность своего положенія».

Герой повѣсти «Игрокъ» говоритъ: «Есть, есть наслажденіе въ послѣдней степени приниженности и ничтожества! Чортъ знаетъ, можетъ-быть, оно есть и въ кнутѣ, когда кнутъ ложится на спину и рветъ въ клочки мясо».

XVI.

Живая жизнь.

«Конецъ концовъ, господа: лучше ничего не дѣлать! — заявляетъ подпольный человѣкъ.—Лучше созерцательная инерція! Итакъ, да здравствуетъ подполье! Я хоть и сказалъ, что завидую нормальному человѣку до послѣдней желчи; но на такихъ условіяхъ, въ какихъ я вижу его, не хочу имъ быть... Нѣтъ, нѣтъ, подполье во всякомъ случаѣ выгоднѣе. Тамъ, по крайней мѣрѣ, можно... Эхъ, да вѣдь я и тутъ вру! Вру, потому что самъ знаю, какъ дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсѣмъ другое, котораго я жажду, но котораго никакъ не найду! Къ чорту подполье!»

И онъ же въ концѣ своей исповѣди пишетъ:

«Мы всѣ отвыкли отъ жизни, всѣ хромаемъ, всякій болѣе или менѣе. Даже до того отвыкли, что чувствуемъ подчасъ къ настоящей «живой жизни» какое-то омерзѣніе, а потому и тер-

нѣть не можемъ, когда намъ напоминаютъ про нее... Да взгляните пристальнѣе! Вѣдь мы даже не знаемъ, гдѣ и живое-то живетъ теперь, и что̀ оно такое, какъ называется».

Но рядомъ съ этимъ глубоко въ душѣ все время горитъ «зовущая тоска», все время шевелится смутное знаніе, что есть она въ мірѣ, эта «живая жизнь», — радостная, свѣтлая, знающая свои пути. И отъ одного намека на нее сладко вздрагиваетъ сердце.

«— Видали вы листъ, съ дерева листъ?—спрашиваетъ Кирилловъ. — Я видѣлъ недавно желтый, немного зеленаго, съ краевъ подгнилъ. Вѣтромъ носило. Когда мнѣ было десять лѣтъ, я зимой закрывалъ глаза нарочно и представлялъ листъ зеленый, яркій, съ жилками, и солнце блеститъ. Я открывалъ глаза и не вѣрилъ, потому что очень хорошо, и опять закрывалъ».

«— Что̀ же это за миръ,—думаетъ Мышкинъ:—что̀ же это за всегдашній великій праздникъ, которому нѣтъ конца? У всего свой путь, и все знаетъ свой путь, съ пѣснью приходитъ и съ пѣснью отходитъ; одинъ онъ ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ, всему чужой и выкидышъ».

Гдѣ живетъ живое, какъ оно называется?

«— Что̀ же такое эта живая жизнь, по-вашему?—спросилъ князь.

«— Не знаю, князь,—отвѣтилъ Версиловъ.—Знаю только, что это должно быть нѣчто ужасно простое, самое обыденное и въ глаза бросающееся, ежедневное и ежеминутное, и до того простое, что мы никакъ не можемъ повѣрить, чтобы оно было такъ просто, и естественно проходимъ мимо вотъ уже многія тысячи лѣтъ, не замѣчая и не узнавая».

Малымъ своимъ разумомъ Достоевскій знаетъ, въ чемъ эта живая жизнь. Все въ томъ же личномъ безсмертіи. Въ комментаріяхъ къ своему письму самоубійцы-матеріалиста онъ пишетъ: «Вѣра въ безсмертіе души человѣческой есть единственный источникъ живой жизни на землѣ, — жизни, здоровья, здоровыхъ идей и здоровыхъ выводовъ и заключеній».

Но, очевидно, не эту живую жизнь имѣетъ въ виду великій разумъ художника, говорящій устами Версилова. Вѣдь идея безсмертія души существуетъ «многія тысячи лѣтъ», человѣчество не проходитъ мимо этой идеи, а, напротивъ, все время упирается въ нее. А мы все ищемъ. Не въ этомъ живая жизнь, которую чуетъ Достоевскій. Но не отъ него мы узнаемъ, въ чемъ же она. Онъ самъ не знаетъ.

Тѣмъ не менѣе онъ знаетъ все-таки что-то очень важное.

Онъ знаетъ, что «*эта живая жизнь есть нѣчто до того прямое и простое, до того прямо на васъ смотрящее, что именно изъ-за этой-то прямоты и ясности и невозможно повѣрить, чтобы это было именно то самое, что мы всю жизнь съ такимъ трудомъ ищемъ*».

II.

Да здравствуетъ весь міръ!

(О Львѣ Толстомъ).

Нѣмецъ засмѣялся, вышелъ совсѣмъ изъ дверей коровника, сдернулъ колпакъ и, взмахнувъ имъ надъ головой, закричалъ:

— Und die ganze Welt hoch!

Ростовъ самъ такъ же, какъ нѣмецъ, взмахнулъ фуражкой надъ головой и, смѣясь, закричалъ: «Und vivat die ganze Welt!». Хотя не было никакой причины къ особенной радости ни для нѣмца, вычищавшаго свой коровникъ, ни для Ростова, ѣздившаго со взводомъ за сѣномъ, оба человѣка эти съ счастливымъ восторгомъ и братскою любовью посмотрѣли другъ на друга, потрясли головами въ знакъ взаимной любви и, улыбаясь, разошлись, нѣмецъ—въ коровникъ, а Ростовъ—въ избу.

«*Война и миръ*».

I.

Единство.

Солнце,—яркое, горячее солнце надъ прекрасною землею. Куда ни взглянешь, всюду неожиданная, таинственно-значительная жизнь, всюду блескъ, счастье, бодрость и вѣчная, нетускнѣющая красота. Какъ будто изъ мрачнаго подземелья вдругъ вышелъ на весенній просторъ, грудь дышитъ глубоко и свободно. Вспоминается далекое, изжитое дѣтство: тогда вотъ міръ воспринимался въ такомъ свѣтѣ и чистотѣ, тогда ощущалась эта таинственная значительность всего, что̀ кругомъ.

Среди прекраснаго міра—человѣкъ. Изъ души его тянутся живые корни въ окружающую жизнь, раскидываются въ ней и тѣсно сплетаются въ ощущеніи непрерывнаго, цѣлостнаго единства.

«И все я былъ одинъ, — разсказываетъ Николенька въ «Юности»: — и все казалось, что таинственно-величавая природа, притягивающая къ себѣ свѣтлый кругъ мѣсяца, стоящій вездѣ и какъ будто наполняющій собою все необъятное пространство, и я, ничтожный червякъ,—мнѣ все казалось въ эти минуты, что какъ будто природа, и луна, и я, мы были одно и то же».

Оленинъ лежитъ въ первобытномъ лѣсу, въ логовищѣ оленя. «Около меня, пролетая между листьями, которые кажутся имъ огромными островами, стоятъ въ воздухѣ и жужжатъ комары; и всѣ они что-нибудь и зачѣмъ-нибудь жужжатъ около меня, и каждый изъ нихъ такой же особенный отъ всѣхъ Дмитрій Олениннъ, какъ и я самъ». Ему ясно представилось, что̀ думаютъ и жужжатъ комары: «Сюда, сюда, ребята! Вотъ кого можно ѣсть!»—жужжатъ они и облѣпляютъ его. И ему ясно стало, что онъ нисколько не русскій дворянинъ, членъ московскаго общества, а просто такой же комаръ или такой же фазанъ или олень, какъ и тѣ, которые живутъ теперь вокругъ него».

Князю Мышкину Достоевскаго мучительно чуждъ и недоступенъ «вѣчный праздникъ природы». Какъ незваный гость, «всему чужой и выкидышъ», тоскливо стоитъ онъ въ сторонѣ и не въ силахъ отозваться душою на ликованіе жизни. Для Толстого же этотъ праздникъ — свой, родной. Онъ рвется въ самую его гущу, какъ ласточка въ воздухъ.

«Я люблю природу,—пишетъ Толстой:—когда она со всѣхъ сторонъ окружаетъ меня и потомъ развивается безконечно вдаль, но когда я нахожусь въ ней. Я люблю, когда со всѣхъ сторонъ окружаетъ меня жаркій воздухъ, и этотъ же воздухъ, клубясь, уходитъ въ безконечную даль, когда вы не одни ликуете и радуетесь природой, когда около васъ жужжатъ и вьются миріады насѣкомыхъ, сцѣпившись, ползаютъ коровки, вездѣ кругомъ заливаются птицы. А это (альпійская вершина)—голая, холодная, сѣрая площадка, и гдѣ-то тамъ красивое что-то подернуто дымкой дали. Но это что-то такъ далеко, что *я не чувствую главнаго наслажденія природы, не чувствую себя частью этого всего безконечнаго и прекраснаго далека. Мнѣ онъ нѣтъ до этой дали*» (изъ черновыхъ путевыхъ замѣтокъ Толстого о Швейцаріи).

Вокругъ человѣка—огромное море жизни: животныя, растенія. У нихъ нѣтъ разсудка, они не умѣютъ говорить. Но въ нихъ есть самое важное, — что̀ и въ человѣкѣ важнѣе разсудка и словъ.

— Нынче весной, — разсказываетъ дядя Ерошка:—такъ-то

подошелъ табунъ важный, зачернѣлся. «Отцу и Сыну...» ужъ хотѣлъ стрѣлить. Какъ она фыркнетъ на своихъ на поросятъ: «бѣда, молъ, дѣтки: человѣкъ сидитъ!» — и затрещали всѣ прочь по кустамъ.

«— Какъ же это свинья поросятамъ сказала, что человѣкъ сидитъ?—спросилъ Оленинъ.

«— А ты какъ думалъ? Ты думалъ, онъ дуракъ, звѣрь-то? *Нѣтъ, онъ умный человѣка, даромъ, что свинья называется. Онъ все знаетъ.* Хоть то въ примѣръ возьми: человѣкъ по слѣду пройдетъ, не замѣтитъ, а свинья какъ наткнется на твой слѣдъ, такъ сейчасъ отдуетъ и прочь; значитъ, умъ въ ней есть, что ты свою вонь не чувствуешь, а она слышитъ... Она свинья, а все она не хуже тебя; такая же тварь Божія. Эхма! Глупъ человѣкъ, глупъ, глупъ человѣкъ!»

Толстой говоритъ про лошадь Вронскаго Фру-Фру: «она была одно изъ тѣхъ животныхъ, которыя, кажется, *не говорятъ только потому, что механическое устройство ихъ рта не позволяетъ имъ этого*».

И повсюду у Толстого только какъ будто эта механическая причина отдѣляетъ животныхъ отъ людей.

«Старая Ласка, еще не совсѣмъ переварившая радость пріѣзда Левина, вернулась со двора, махая хвостомъ, подошла къ нему, подсунула голову подъ его руку, жалобно подвизгивая и требуя, чтобы онъ поласкалъ ее.

«— *Только не говоритъ*,—сказала Агаѳья Михайловна.—А песъ... Вѣдь понимаетъ же, что хозяинъ пріѣхалъ, и что ему скучно».

Мухортый ищетъ среди мятели дорогу домой. «Никита только дергалъ вожжи, стараясь не шевелить ими, радуясь на умъ своего любимца.

«— *Только не говоритъ*,—приговаривалъ Никита. — Вишь, что̀ дѣлаетъ! Иди, иди знай! Такъ, такъ... И уменъ же!.. Гляди, что̀ ушами дѣлаетъ. Никакого телеграфа не надо, за версту чуетъ».

Собаки упустили волка. «Когда мы прибѣжали къ канавѣ, волка уже не было, и обѣ собаки вернулись къ намъ съ поднятыми хвостами и *разсерженными лицами*. Булька рычалъ и тыкалъ меня головой,—*онъ, видно, хотѣлъ что-то разсказать, но не умѣлъ*» («Булька и волкъ)».

Однако въ концѣ концовъ — слова не такъ ужъ необходимы. Тѣсное, непрерывное общеніе происходитъ между душами и помимо словъ,—путемъ взглядовъ, интонаціи, какой-то своеобразной интуиціи.

«Левинъ пустилъ собаку. Сытый, бурый третьякъ, увидавъ

собаку, шарахнулся. Остальныя лошади тоже испугались. Ласка остановилась, насмѣшливо посмотрѣвъ на лошадей и вопросительно на Левина. Левинъ посвисталъ въ знакъ того, что можно начинать». Ласка почуяла дичь. «Чтобъ найти, она начала уже кругъ, какъ вдругъ голосъ хозяина развлекъ ее.

«— Ласка! Тутъ! — сказалъ онъ, указывая ей въ другую сторону.

«*Она постояла, спрашивая его, не лучше ли дѣлать, какъ она начала.* Но онъ повторилъ приказаніе сердитымъ голосомъ».

Фру-Фру на скачкахъ. «Въ то самое мгновеніе, какъ Вронскій подумалъ о томъ, что надо теперь обходить Махотина, сама Фру-Фру, *понявъ ужъ то, что онъ подумалъ*, безъ всякаго поощренія значительно наддала и стала приближаться къ Махотину съ самой выгодной стороны, со стороны веревки. Махотинъ не далъ веревки. *Вронскій только подумалъ о томъ, что можно обойти и извнѣ, какъ Фру-Фру перемѣнила ногу и стала обходить именно такимъ образомъ...* Онъ подскакивалъ къ ирландской банкеткѣ. *Вмѣстѣ съ Фру-Фру* онъ еще издалека видѣлъ эту банкетку, и *вмѣстѣ имъ обоимъ, ему и лошади, пришло мгновенное сомнѣніе.* Онъ *замѣтилъ нерѣшимость въ ушахъ лошади* и поднялъ хлыстъ, но тотчасъ же почувствовалъ, что сомнѣніе было неосновательно: лошадь знала, что̀ нужно».

Мнѣ разсказывала одна моя знакомая: до семнадцати лѣтъ она безвыѣздно жила въ городѣ, животныхъ, какъ всѣ горожане, видѣла мало и знала еще меньше. Когда она въ первый разъ стала читать Толстого и черезъ него почувствовала животныхъ, ее охватилъ непередаваемый, странный, почти мистическій ужасъ. Этотъ ужасъ она сравниваетъ съ ощущеніемъ человѣка, который бы увидѣлъ, что всѣ неодушевленные предметы вокругъ него вдругъ зашевелились, зашептались и зажили неожиданною, тайною жизнью.

И не только въ животныхъ есть для Толстого эта тайная, но близкая человѣку жизнь. Есть она и въ растеніяхъ.

Толстой сталъ вырубать въ саду молодые тополькы, шедшіе отъ корней большого тополя. «Мнѣ иногда жалко становилось смотрѣть, какъ разрубали подъ землей ихъ сочные коренья, какъ потомъ вчетверомъ мы тянули и не могли вырвать надрубленный тополекъ. Онъ изо всѣхъ силъ держался и не хотѣлъ умирать. Я подумалъ: видно, нужно имъ жить, если они такъ крѣпко держатся за жизнь... Потомъ уже, когда было поздно, я узналъ, что не надо было уничтожать ихъ. Я думалъ, что отростки вытягиваютъ сокъ изъ стараго тополя, а

вышло наоборотъ: когда я рубилъ ихъ, старый тополь уже умиралъ... *Онъ давно уже умиралъ и зналъ это, и передалъ свою жизнь въ отростки*».

Деревья умѣютъ ходить. Черемуха выросла близко отъ липы, липа затѣнила ее. «Черемуха, чтобъ ее не глушила липа, перешла изъ-подъ липы на дорожку. *Она почуяла, видно*, что ей не жить подъ липой, вытянулась, вцѣпилась сучкомъ за землю, сдѣлала изъ сучка корень, а тотъ корень бросила» (Разсказы для дѣтей изъ ботаники: «Какъ ходятъ деревья»).

«Тополь *зналъ*, что умираетъ», «черемуха *почуяла*, что ей не жить». У Толстого это не поэтическіе образы, не вкладываніе въ неодушевленные предметы человѣческихъ чувствъ, какъ дѣлаютъ баснописцы. Пусть не въ тѣхъ формахъ, какъ человѣкъ, — но все же тополь и черемуха *дѣйствительно* знаютъ что-то и чувствуютъ. Эту тайную ихъ жизнь Толстой живо ощущаетъ душою, и жизнь эта роднитъ дерево съ человѣкомъ.

Толстой рубитъ черемуху. «Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топоръ и потомъ напрямикъ подсѣчь подкошенное и дальше, и дальше врубаться въ дерево. Я совсѣмъ забылъ о черемухѣ и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе свалить ее... Когда я запыхался, я положилъ топоръ, уперся съ мужиками въ дерево и попытался свалить его. Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на насъ посыпались бѣлые душистые лепестки цвѣтовъ. Въ то же время точно вскрикнуло что-то,—хрустнуло въ серединѣ дерева; мы налегли, — и какъ будто заплакало, затрещало въ серединѣ, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цвѣтами на траву. Подрожали вѣтки и цвѣты послѣ паденія и остановились.

«— Эхъ, штука-то важная!—сказалъ мужикъ.—Живо жалко!

«А мнѣ такъ было жалко, что я поскорѣе отошелъ къ другимъ рабочимъ...»

Еще крѣпче эта таинственная, живая связь у людей другъ съ другомъ. Наружно они сообщаются словами, но души ихъ помимо словъ все время соприкасаются въ какомъ-то другомъ общеніи, неизмѣримо болѣе глубокомъ, тѣсномъ и правдивомъ.

«— А что, Марьянка, слышь, начальника у васъ поставили? — спросилъ Лукашка, подвигаясь къ ней.

«Марьянка, какъ всегда, не сразу отвѣчала и медленно подняла глаза на казаковъ. Лукашка смѣялся глазами, *какъ будто что-то особенное, независимое отъ разговора происходило въ это время между нимъ и дѣвкой*».

Николай Ростовъ возвратился съ войны домой и встрѣчается

съ Соней. «Онъ поцѣловалъ ея руку и назвалъ ее *вы—Соня*. Но глаза ихъ, встрѣтившись, сказали другъ другу *ты* и нѣжно поцѣловались. Она просила своимъ взглядомъ у него прощенія за то, что въ посольствѣ Наташи она смѣла напомнить ему о его обѣщаніи. Онъ своимъ взглядомъ благодарилъ ее за предложеніе свободы».

Князь Нехлюдовъ встрѣчается съ сестрою. «Они поцѣловались и, улыбаясь, посмотрѣли другъ на друга. Совершился тотъ таинственный, невыразимый словами, многозначительный обмѣнъ взглядовъ, въ которомъ все была правда,—и начался обмѣнъ словъ, въ которомъ уже не было той правды».

Но часто даже и взгляды излишни. Люди просто *чувствуютъ* другъ друга.

Николай Ростовъ стоитъ въ церкви на молебнѣ. «Онъ тотчасъ же узналъ княжну Марью не столько по профилю ея, сколько по тому чувству осторожности, страха и жалости, которое тотчасъ же охватило его».

Андрей Болконскій. «Онъ былъ въ легкомъ лихорадочномъ состояніи, и мысли его были чрезвычайно ясны. Соня сидѣла у стола. Онъ задремалъ. Вдругъ ощущеніе счастья охватило его.

«— А, это она вошла!—подумалъ онъ.

«Дѣйствительно, на мѣстѣ Сони сидѣла только-что неслышными шагами вошедшая Наташа. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала ходить за нимъ, онъ всегда испытывалъ это физическое ощущеніе ея близости».

Грубое, по самой сути своей схематическое слово только уродуетъ то сложное, тонкое общеніе, которое происходитъ между душами.

Князь Андрей объясняется Наташѣ въ любви. «Онъ взглянулъ на нее, и серьезная страстность выраженія ея лица поразила его. Лицо ея говорило: «Зачѣмъ спрашивать? Зачѣмъ сомнѣваться въ томъ, чего нельзя не знать? Зачѣмъ говорить, когда нельзя словами выразить того, что̀ чувствуешь?»

Княжна Марья Болконская пріѣзжаетъ къ умирающему брату. «Она отерла глаза и обратилась къ Наташѣ. Она чувствовала, что отъ нея она все пойметъ и узнаетъ.

«— Что̀...—начала она вопросъ, но вдругъ остановилась. «Она почувствовала, что словами нельзя ни спросить ни отвѣтить. Лицо и глаза Наташи должны были сказать все яснѣе и глубже».

Міръ свѣтелъ. Онъ весь полонъ единымъ, непрерывнымъ трепетомъ жизни. Счастливымъ отвѣтнымъ трепетомъ полна и душа человѣка.

«Чего хотѣть, чего желать?—пишетъ Толстой въ «Люцернѣ».— Вотъ она, со всѣхъ сторонъ обступаетъ тебя красота и поэзія. Вдыхай ее въ себя широкими, полными глотками, насколько у тебя есть силы, наслаждайся, чего тебѣ еще надо! Все твое, все благо!»

Чѣмъ сильнѣе въ человѣкѣ трепетъ жизни, чѣмъ больше у него *счастья*,—тѣмъ выше и прекраснѣе становится человѣкъ, тѣмъ глубже и полнѣе понимаетъ онъ «все, что стоитъ понимать въ жизни».

«Наташа была такъ счастлива, какъ никогда еще въ жизни. Она была *на той высшей ступени счастья, когда человѣкъ дѣлается вполнѣ добръ и хорошъ* и не вѣритъ въ возможность зла, несчастья и горя».

То же и съ Пьеромъ.

«Пьеръ часто потомъ вспоминалъ это время счастливаго безумія. Всѣ сужденія, которыя онъ составилъ себѣ о людяхъ и обстоятельствахъ за этотъ періодъ времени, остались для него навсегда вѣрными. Онъ не только не отрекался впослѣдствіи отъ этихъ взглядовъ на людей и вещи, но, напротивъ, во внутреннихъ сомнѣніяхъ и противорѣчіяхъ прибѣгалъ къ тому взгляду, который онъ имѣлъ въ это время безумія, и взглядъ этотъ всегда оказывался вѣренъ.

«Я былъ тогда, — думалъ онъ: — умнѣе и проницательнѣе, чѣмъ когда-либо, и *понималъ все, что стоитъ понимать въ жизни, потому что... я былъ счастливъ*».

«Безуміе Пьера состояло въ томъ, что онъ не дожидался, какъ прежде, личныхъ причинъ, которыя онъ называлъ достоинствами людей, для того, чтобы любить ихъ, а *любовь переполняла его сердце, и онъ, безпричинно любя людей, находилъ несомнѣнныя причины, за которыя стоило любить ихъ*».

Счастье и радость обличаютъ зло жизни, дѣлаютъ его наглядно-ужаснымъ и чудовищнымъ.

«— Го-го-го! Ха-ха-ха! Ухъ! Ухъ!—раздался между солдатами грохотъ такого здороваго и веселаго хохота, невольно черезъ цѣпь сообщившагося и французамъ, что послѣ этого нужно было, казалось, разрядить ружья, взорвать заряды и разойтись поскорѣе всѣмъ по домамъ.

«Но ружья остались заряжены, бойницы такъ же грозно смотрѣли впередъ, и такъ же, какъ прежде, остались другъ противъ друга обращенныя, снятыя съ передковъ пушки».

Яснымъ своимъ свѣтомъ счастье ярко освѣщаетъ вялость, убогость и искусственность людской жизни.

Ужинъ у князя Василія Курагина. Влюбленные Пьеръ и Элень сидятъ рядомъ. «Старая княгиня, предлагая съ груст-

нымъ вздохомъ вина своей сосѣдкѣ и сердито взглянувъ на дочь, этимъ вздохомъ какъ будто говорила: «да, теперь намъ съ вами ничего больше не осталось, какъ пить сладкое вино, моя милая; теперь время этой молодежи быть такъ дерзко, вызывающе-счастливой». — «И что за глупость все то, что я разсказываю, какъ будто это меня интересуетъ, — думалъ дипломатъ, взглядывая на счастливыя лица любовниковъ,—вотъ это счастье!»

«Среди тѣхъ ничтожно-мелкихъ, искусственныхъ интересовъ, которые связывали это общество, попало простое чувство стремленія красивыхъ и здоровыхъ молодыхъ мужчины и женщины другъ къ другу. И это человѣческое чувство подавило все и парило надъ всѣмъ ихъ искусственнымъ лепетомъ. Шутки были невеселы, новости неинтересны, оживленіе, очевидно, поддѣльно. Казалось, и огни свѣчей сосредоточены были только на этихъ двухъ счастливыхъ лицахъ».

Бёрне говоритъ: «быть счастливымъ—это тоже добродѣтель». Для Толстого это великая добродѣтель и великая заслуга. Пьяница-музыкантъ Альбертъ замерзаетъ на улицѣ. Ему чудится голосъ друга-художника, защищающаго его передъ толпой:—«Вы могли презирать его, мучить, унижать, а онъ былъ, есть и будетъ неизмѣримо выше всѣхъ васъ. *Онъ счастливъ*, онъ добръ. Ницъ падайте всѣ передъ нимъ! На колѣни!» — «Да, *онъ лучшій и счастливѣйшій!*» — невольно повторялось въ воображеніи Альберта... Въ ближайшей церкви слышался благовѣстъ, и благовѣстъ этотъ говорилъ: «да, онъ лучшій и счастливѣйшій!» Далеко и высоко гудя гдѣ-то, колоколъ говорилъ: «онъ вамъ жалокъ кажется, вы его презираете, а онъ лучшій и счастливѣйшій!»

У Достоевскаго было бы: «онъ лучшій и *несчастнѣйшій!..*»

Толстой разсказываетъ про Нехлюдова: «Въ это лѣто у тетушекъ онъ переживалъ то восторженное состояніе, когда въ первый разъ юноша самъ по себѣ познаётъ всю красоту и важность жизни и всю значительность дѣла, предоставленнаго въ ней человѣку... Міръ Божій представлялся ему тайной, которую онъ радостно и восторженно старался разгадать».

Свѣтлою тайною стоитъ міръ Божій и передъ самимъ Толстымъ; радостно и восторженно онъ старается познать и разгадать эту тайну. Въ чемъ цѣлность жизни? Въ чемъ счастье? Для чего живетъ человѣкъ?

II.

Способъ познанія.

Къ важнѣйшимъ вопросамъ жизни Достоевскій подходитъ съ мѣркою разума и логики. Какое можетъ быть для человѣка разумное основаніе любить людей, быть нравственнымъ и благороднымъ? Какая логика можетъ заставить его жить и цѣнить жизнь, разъ его ждетъ неизбѣжная смерть? Какой вообще можетъ быть смыслъ въ этой жизни, которая полна ужасовъ и скорбей? Ни на одинъ изъ вопросовъ разумъ не можетъ дать логическаго отвѣта. Больше, чѣмъ кто-либо другой, Достоевскій знаетъ, что разуму и не дано собственными силами разрѣшать подобные вопросы; разумъ можетъ только передать сознанію отвѣты другого голоса, лежащаго глубже и сокровеннѣе. Но другой этотъ голосъ въ Достоевскомъ молчитъ, какъ трупъ. Молчитъ и разумъ. Отвѣтовъ нѣтъ. И вотъ — жизнь пуста, ужасающе-безсмысленна, лишена всякой внутренней цѣнности; только санкція со стороны способна дать ей цѣнность.

Толстой вообще относится къ разуму съ глубочайшимъ недовѣріемъ. Сложная жизнь не укладывается для него въ ограниченныя рамки словъ, мыслей и убѣжденій. Твердость и опредѣленность убѣжденій вѣрнѣе всего свидѣтельствуетъ объ оторванности отъ жизни.

«Въ области политики, философіи, богословія Каренинъ сомнѣвался или отыскивалъ; но въ вопросахъ искусства и поэзіи, въ особенности музыки, пониманія которой онъ былъ совершенно лишенъ, у него были самыя опредѣленныя, твердыя мнѣнія».

Старшій братъ Левина, ученый теоретикъ Кознышевъ, «никогда не измѣнялъ своего мнѣнія о народѣ и сочувственнаго къ нему отношенія». Въ спорахъ съ Левинымъ, гораздо ближе знавшимъ народъ, «Кознышевъ всегда побѣждалъ брата именно тѣмъ, что у Кознышева были опредѣленныя понятія о народѣ, его характерѣ, свойствахъ и вкусахъ; у Константина же Левина никакого опредѣленнаго и неизмѣннаго понятія не было, такъ что въ этихъ спорахъ Константинъ былъ уличаемъ въ противорѣчіи самому себѣ».

Тѣмъ болѣе ненадеженъ разумъ, когда онъ берется рѣшать основные вопросы жизни. Все, чѣмъ жива жизнь, для Толстого лежитъ на какомъ-то совсѣмъ другомъ уровнѣ, а не на томъ, гдѣ люди оперируютъ словами и оформленными мыслями.

«Главная черта ума Сперанскаго, поразившая князя Андрея, была несомнѣнная, непоколебимая вѣра въ силу и законность ума. Видно было, что никогда Сперанскому не могла прійти въ голову та обыкновенная для князя Андрея мысль, что нельзя все-таки выразить всего того, что̀ думаешь, и никогда не приходило сомнѣніе въ томъ, что *не вздоръ ли все то, что я думаю, и все то, во что я вѣрю?*»

Человѣкъ жалокъ и безпомощенъ, когда подходитъ къ жизни съ однимъ только умомъ, съ кодексомъ его понятій, сужденій и умозаключеній. Такъ былъ бы безпомощенъ скрипачъ, который вышелъ бы играть хотя бы и съ самымъ прекраснымъ смычкомъ, но безъ скрипки. Сущность жизни познаётся какимъ-то особеннымъ путемъ, внѣразумнымъ. Есть способность къ этому познанію, — и умъ, какъ смычокъ, извлечетъ изъ него полныя, живыя, могущественныя мелодіи.

«И Наташа уходила въ дѣтскую кормить своего единственнаго мальчика Петю. Никто ничего не могъ ей сказать столько успокоительнаго, *разумнаго*, сколько это трехмѣсячное маленькое существо, когда оно лежало у ея груди, и она чувствовала его движеніе и сопѣніе носикомъ. Существо это говорило: «Ты сердишься, ты ревнуешь, ты хотѣла бы ему отмстить, ты боишься, а я вотъ онъ. А я вотъ онъ...» И отвѣчать нечего было. *Это было больше, чѣмъ правда*».

То же и съ Кити. «Кити сердцемъ знала, что не только ребенокъ ея узнаётъ няню, но что *онъ все знаетъ и понимаетъ, и знаетъ и понимаетъ еще много такого, чего никто не знаетъ*, и что̀ она, мать, сама узнала и стала понимать только благодаря ему».

Умный Каренинъ или Козлышевъ съ снисходительною улыбкою спросятъ Наташу или Кити: «Что̀ же это *знаетъ и понимаетъ* вашъ ребенокъ, чего никто не знаетъ? Что̀ онъ такого *разумнаго* говоритъ?» Конечно, ни Наташа ни Кити не сумѣютъ отвѣтить, и умные люди пожмутъ плечами.

Умираетъ Николай Левинъ. За нимъ ухаживаютъ Константинъ Левинъ, Кити и няня Агаѳья Михайловна.

«Скрылъ отъ премудрыхъ и открылъ дѣтямъ и неразумнымъ», — такъ думалъ Левинъ про свою жену, разговаривая съ ней въ этотъ вечеръ.

«Левинъ думалъ объ евангельскомъ изреченіи не потому, чтобъ онъ считалъ себя премудрымъ. Онъ не считалъ себя премудрымъ, но не могъ не знать, что *онъ былъ умнѣе жены и Агаѳьи Михайловны*, и не могъ не знать того, что, когда онъ думалъ о смерти, онъ думалъ всѣми силами души. Онъ

зналъ тоже, что многіе мужскіе большіе умы, мысли которыхъ объ этомъ онъ читалъ, думали объ этомъ и *не знали одной сотой того, что знали объ этомъ его жена и Агаѳья Михайловна.* Какъ ни различны были эти двѣ женщины, Агаѳья Михайловна и Кити, онѣ въ этомъ были совершенно похожи. *Обѣ несомнѣнно знали, что такое была жизнь и что такое была смерть,* и хотя никакъ не могли отвѣтить и не поняли бы даже тѣхъ вопросовъ, которые представлялись Левину, обѣ онѣ не сомнѣвались въ значеніи этого явленія и совершенно одинаково не только между собою, но раздѣляя этотъ взглядъ съ милліонами людей, смотрѣли на это».

Что-то знаетъ въ этой таинственной области и дядя Ерошка. «Онъ удивлялся, почему русскіе всѣ просты *и отчего они ничего не знаютъ, а всѣ ученые*». Русскіе господа не знаютъ, а звѣрь знаетъ. «Ты думалъ, онъ дуракъ, звѣрь-то? Нѣтъ, онъ умнѣй человѣка. *Онъ все знаетъ*... Глупъ человѣкъ, глупъ, глупъ человѣкъ!..»

Смерть брата производитъ на Левина очень сильное впечатлѣніе. «Онъ ужаснулся не столько смерти, сколько жизни безъ малѣйшаго знанія о томъ, откуда, для чего, зачѣмъ и что онъ такое». Левинъ пересматриваетъ свои убѣжденія, читаетъ философовъ, — не только нѣтъ никакихъ отвѣтовъ, но ничего похожаго на отвѣтъ. «Онъ былъ въ положеніи человѣка, отыскивающаго пищу въ игрушечныхъ и оружейныхъ лавкахъ... Нарочно вдаваясь въ ту ловушку словъ, которую ставили ему философы или онъ самъ себѣ, онъ начиналъ какъ будто что-то понимать. Но стоило забыть искусственный ходъ мысли и изъ жизни вернуться къ тому, что удовлетворяло, — и вдругъ вся эта искусственная постройка заваливалась, какъ карточный домъ, и ясно было, что постройка была сдѣлана изъ тѣхъ же переставленныхъ словъ, *независимо отъ чего-то болѣе важнаго въ жизни, чѣмъ разумъ*».

Жизнь теряетъ для Левина всякій смыслъ. Его тянетъ къ самоубійству. Но рядомъ съ этимъ наблюдается одно чрезвычайно странное явленіе. «Когда Левинъ думалъ о томъ, что онъ такое и для чего онъ живетъ, онъ не находилъ отвѣта и приходилъ въ отчаяніе; но когда онъ переставалъ спрашивать себя объ этомъ, *онъ какъ будто зналъ, и что онъ такое, и для чего онъ живетъ, потому что твердо и опредѣленно дѣйствовалъ и жилъ;* даже въ это послѣднее время онъ гораздо тверже и опредѣленнѣе жилъ, чѣмъ прежде».

Левинъ какъ будто подходитъ къ чему-то очень большому и важному. Еще одно усиліе, — и смычокъ коснется струнъ таинственной скрипки, и Левину откроется то, что знаютъ

Агаѳья Михайловна и сопящій носикомъ Петя, дядя Ерошка и звѣрь.

И вдругъ...

III.

«Смыслъ добра».

Вдругъ Левинъ услышалъ слова мужика:

— Ѳоканычъ для души живетъ, Бога помнитъ. По правдѣ живетъ, по-божью.

Эти слова производятъ въ душѣ Левина полный переворотъ. «Не для нуждъ своихъ жить, а для Бога». Невѣрующему Левину становится вдругъ ясно, что онъ могъ жить только благодаря тѣмъ христіанскимъ вѣрованіямъ, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ. «Что бы я былъ такое, если бы не имѣлъ этихъ вѣрованій, не зналъ, что надо жить для Бога, а не для своихъ нуждъ? Я бы грабилъ, лгалъ, убивалъ». То несознаваемое, чѣмъ крѣпокъ Левинъ, оказывается христіанскимъ Богомъ, съ «законами добра, явленными міру откровеніемъ». Это же, по объясненію Левина, даетъ Агаѳьѣ Михайловнѣ и Кити внутреннее знаніе того, что такое жизнь и смерть. Лишь благодаря христіанскимъ вѣрованіямъ, милліоны людей живутъ, находя въ жизни смыслъ.

Но передъ Левинымъ встаетъ, какъ онъ самъ чувствуетъ, «опасный» вопросъ: «Ну, а евреи, магометане, конфуціанцы, буддисты, — что же они такое?» Левинъ отвѣчаетъ: «Вопроса о другихъ вѣрованіяхъ и ихъ отношеніяхъ къ Божеству я не имѣю права и возможности рѣшить». Кто же тогда далъ ему право рѣшать вопросъ о христіанскихъ вѣрованіяхъ,—рѣшать, что именно моральное содержаніе христіанства единственно даетъ людямъ силу жить?

Тщетно ждемъ мы отъ художника-Толстого, чтобъ онъ въ живыхъ образахъ показалъ намъ раскрывшійся Левину смыслъ жизни. «Съ Кити никогда не будетъ ссоръ, съ гостемъ, кто бы онъ ни былъ, буду ласковъ». Но съ Кити Левинъ опять поссорился—и приходитъ къ окончательному выводу: «Такъ же буду сердиться на Ивана-кучера, такъ же буду спорить... Но жизнь моя теперь не только не безсмысленна, какъ было прежде, но имѣетъ несомнѣнный смыслъ добра, который я *властенъ* вложить въ нее».

Не «вложилъ», даже не «вложу», а только *«властенъ* вложить»! И что вложить-то? «Съ Кити не будетъ ссоръ, съ гостемъ буду ласковъ»... И безсмысленная прежде жизнь вдругъ освѣщается смысломъ! Вотъ тотъ живящій хлѣбъ, который наконецъ нашелъ Левинъ. Но вѣдь это же хлѣбъ изъ папье-

маше! Левинъ искалъ пищу въ игрушечныхъ и оружейныхъ лавкахъ. Очевидно, въ одной изъ игрушечныхъ лавокъ ему и подсунули этотъ хлѣбъ.

Но какъ же Левинъ не замѣтилъ, что хлѣбъ его — изъ папье-маше? Очевидное дѣло: Левинъ искалъ пищу, не будучи голоденъ. Вотъ почему грубо сдѣланное подобіе хлѣба онъ такъ легко и принялъ за хлѣбъ. Вопросъ о смыслѣ жизни былъ для него чисто-умственнымъ вопросомъ; въ безсознательной своей глубинѣ онъ твердо зналъ, «и что̀ онъ такое и для чего живетъ». Вотъ почему онъ такъ легко удовлетворился своимъ поспѣшнымъ, скомканнымъ, ни на что не отвѣчающимъ отвѣтомъ.

Но не одинъ только Левинъ находитъ у Толстого смыслъ жизни въ добрѣ. Большинство его героевъ приходитъ къ тому же. Поищемъ у нихъ,—что̀ же это за смыслъ, который дается жизни добромъ?

Оленинъ лежитъ въ лѣсу. Его охватываетъ чувство счастья, ощущеніе единства со всѣмъ окружающимъ; въ сердцѣ вскипаетъ любовь ко всему міру. Это сложное чувство онъ разлагаетъ умомъ и анализируетъ, старается уложить въ форму, въ которую оно совершенно неспособно уложиться.

«Какъ надо жить, чтобы быть счастливымъ, и отчего я не былъ счастливъ прежде?—И онъ сталъ вспоминать свою прошедшую жизнь, и ему стало гадко на самого себя. Онъ самъ представился себѣ *такимъ требовательнымъ эгоистомъ*, тогда какъ въ сущности ему для себя ничего не было нужно... И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. «Счастье вотъ что̀,—сказалъ онъ самъ себѣ,—счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно... Какія желанія всегда могутъ быть удовлетворены? Какія? Любовь, самоотверженіе!» Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскочилъ и въ нетерпѣніи сталъ искать, для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой».

Онъ рѣшаетъ «раскидывать на всѣ стороны паутину любви: кто попадется, того и брать». Но—увы!—никто не попадается. Насѣкомыя кругомъ слишкомъ крупны. Они вольно носятся въ воздухѣ, пролетаютъ сквозь жиденькую паутину Оленина, рвутъ ее и даже не замѣчаютъ. И самъ паукъ любви начинаетъ чувствовать, что куда радостнѣе летать въ воздухѣ, чѣмъ сидѣть въ уголкѣ на своей паутинѣ. «Иногда Оленинъ забывалъ вновь открытый имъ рецептъ счастья и считалъ себя способнымъ слиться съ жизнью дяди Ерошки; но потомъ вдругъ опоминался и тотчасъ же хватался за мысль сознательнаго самоотверженія».

А кругомъ—люди, не нуждающіеся въ его рецептѣ. «Люди здѣсь живутъ, какъ живетъ природа: умираютъ, родятся, совокупляются, опять родятся, дерутся, пьютъ, ѣдятъ, радуются и опять умираютъ, и никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву. Другихъ законовъ у нихъ нѣтъ... И оттого люди эти, въ сравненіи съ нимъ самимъ, казались ему прекрасны, сильны, свободны, и, глядя на нихъ, ему становилось стыдно и грустно за себя».

Оленина тянетъ къ ихъ жизни. Сильнѣе разгорается любовь къ красавицѣ Марьянкѣ. Онъ съ силою схватываетъ ее наединѣ, крѣпко цѣлуетъ. «Все пустяки, что̀ я прежде думалъ: и любовь и самоотверженіе. Одно есть счастье: кто счастливъ, тотъ и правъ, — мелькнуло въ его головѣ».

Однако счастье ему не дается. Оленинъ опять обращается за объясненіемъ къ своему прошедшему, но теперь причину находитъ совсѣмъ уже не въ томъ, въ чемъ видѣлъ прежде,— не въ томъ, что былъ «такимъ требовательнымъ эгоистомъ». «Я пробовалъ,—пишетъ онъ,—отдаваться этой жизни и чувствовалъ *свою слабость, свою изломанность. Я не могъ забыть себя и своего сложнаго, негармоническаго, уродливаго прошедшаго*... Самое ужасное и самое сладкое въ моемъ положеніи то, что я чувствую, что я понимаю Марьяну, а она никогда не пойметъ меня. Она не пойметъ не потому, что она ниже меня, напротивъ, она не должна понимать меня. Она счастлива; она, какъ природа, ровна, спокойна и *сама въ себѣ. А я, исковерканное, слабое существо, хочу, чтобъ она поняла мое уродство и мои мученія*... Любя ее, я испытываю не желаніе наслажденія, это что-то другое. *Любя ее, я чувствую себя нераздѣльною частью всего счастливаго Божьяго міра.* Я писалъ прежде о своихъ новыхъ убѣжденіяхъ, которыя вынесъ изъ своей одинокой жизни. Дороже этихъ убѣжденій ничего во мнѣ не было... Ну... Пришла любовь, и ихъ нѣтъ теперь, нѣтъ и сожалѣнія о нихъ! *Даже понять, что я могъ дорожить такимъ односторонним, холоднымъ умственнымъ настроеніемъ, для меня трудно.* Пришла красота и въ прахъ разсѣяла всю египетскую жизненную внутреннюю работу. И сожалѣнія нѣтъ объ исчезнувшемъ! *Самоотверженіе—все это вздоръ, дичь.* Это все гордость, *убѣжище отъ заслуженнаго несчастія, спасеніе отъ зависти къ чужому счастью.* Жить для другихъ, дѣлать добро! Зачѣмъ? Я не люблю теперь этихъ другихъ. Я живу не самъ по себѣ, но есть что-то сильнѣе меня, руководящее мною. Я мучусь, но прежде я былъ мертвъ, а теперь только я живу».

Кончается романъ Оленина тускло и нудно. Марьяна соблазнилась-было бракомъ съ богатымъ «юнкеремъ», но послѣ смерти Лукашки отворачивается отъ Оленина.

«— Уйди, постылый! — крикнула дѣвка, топнула ногой и угрожающе подвинулась къ нему. И такое отвращеніе, презрѣніе и злоба выразились на лицѣ ея, что Оленинъ вдругъ понялъ, что ему нечего надѣяться».

Онъ навсегда уѣзжаетъ изъ станицы. Жалокъ его отъѣздъ. Съ глубокимъ равнодушіемъ всѣ смотрятъ на уѣзжающаго, какъ будто онъ и не жилъ среди нихъ. И ясно: Олениннъ сталъ всѣмъ чуждъ не потому, что не сумѣлъ удержаться на высотѣ своего самоотверженія, а потому, что въ немъ не оказалось *жизни*,—той жизни, которая ключомъ бьетъ въ окружающихъ людяхъ,—въ Лукашкѣ, Марьянѣ, дядѣ Ерошкѣ.

Въ «Утрѣ помѣщика» князь Нехлюдовъ открываетъ ту же— «ему казалось, — совершенно новую истину» о счастьѣ въ добрѣ и самоотверженіи. Но такъ же, какъ Олениннъ, онъ убѣждается въ мертвенной безжизненности этой истины. «Иногда я чувствую, что могу быть довольнымъ собою; но это какое-то сухое, разумное довольство. Да и нѣтъ, я просто недоволенъ собой! Я недоволенъ, потому что я здѣсь не знаю счастья, а желаю, страстно желаю счастья».

Брошенная Вронскимъ Кити знакомится за границею съ самоотверженною Варенькою. Ей становится понятнымъ счастье самоотверженія и любви къ людямъ. Она начинаетъ ухаживать за больными, пытается вся уйти въ любовь и самоотреченіе. Но очень уже скоро въ величайшемъ волненіи она говоритъ Варенькѣ:

«— Все это было притворство, потому что это все выдуманное, а не отъ сердца. Какое мнѣ дѣло до чужого человѣка? Ахъ, какъ глупо, какъ гадко!.. Нѣтъ, теперь я уже не поддамся на это! Быть дурною, но по крайней мѣрѣ не лживою, не обманщицей!.. Пускай они живутъ, какъ хотятъ, и я, какъ хочу. Я не могу быть другою!»

Съ Варенькою она помирилась. «Но для Кити измѣнился весь тотъ міръ, въ которомъ она жила. Она не отреклась отъ всего того, что̀ узнала, но поняла, что она себя обманывала, думая, что можетъ быть тѣмъ, чѣмъ хотѣла быть. Она какъ будто очнулась... и ей поскорѣе захотѣлось на свѣжій воздухъ».

«Смыслъ добра» открывается и Пьеру Безухову въ ученіи масоновъ. «Онъ былъ, какъ ему казалось, порочнымъ только потому, что онъ какъ-то случайно запамятовалъ, какъ хорошо быть добродѣтельнымъ». Мы увидимъ,—пребываніе въ плѣну

дало Пьеру новое, широкое пониманіе жизни, и онъ съ чуждымъ, отказывающимся чувствомъ вспоминаетъ объ откровеніяхъ масонства.

И такъ у всѣхъ художественно-выписанныхъ искателей смысла жизни. «Смыслъ добра», который они вкладываютъ въ жизнь, такъ наглядно-мертвенъ, такъ уродливъ, что вызываетъ только раздраженіе, почти отвращеніе. Князь Нехлюдовъ въ «Воскресеніи» пожертвовалъ собою для Катюши Масловой. Послѣ хорошаго обѣда у сибирскаго губернатора сидитъ онъ въ мягкомъ креслѣ, слушаетъ симфонію Бетховена. «Рояль былъ прекрасный, исполненіе симфоніи хорошее. Слушая прекрасное анданте, онъ почувствовалъ щипанье въ носу отъ умиленія надъ самимъ собою и всѣми своими добродѣтелями». И горячо сочувствуешь озлобленію Масловой, съ какимъ она думаетъ объ этомъ подвижникѣ: «она знаетъ его и не поддастся ему, не позволитъ ему духовно воспользоваться ею, какъ онъ воспользовался ею тѣлесно, не позволитъ ему сдѣлать ее предметомъ своего великодушія».

Иногда положительно начинаетъ казаться, что Толстой сознательно рисуетъ «смыслъ добра» въ такихъ уродливыхъ формахъ, что онъ какъ будто прямо хочетъ сказать читателю: нѣтъ, смыслъ жизни—въ чемъ угодно, только не въ добрѣ!

Но, конечно, это не такъ. Напротивъ, Толстой горячо сочувствуетъ своимъ искателямъ смысла жизни въ области добра. Онъ упорно рисуетъ ихъ почти въ каждомъ своемъ произведеніи, начиная съ «Юности» и кончая «Воскресеніемъ». Онъ несомнѣнно всѣми силами старается заразить читателя мыслью, что смыслъ жизни лежитъ именно въ любви и самоотверженіи. Тѣмъ знаменательнѣе неудача, которая при этомъ постигаетъ Толстого. Какъ будто какая-то непреодолимая преграда стоитъ передъ художникомъ, онъ снова и снова разбѣгается, чтобъ перепрыгнуть ее,—и каждый разъ напрасно.

Внутренняя сущность его героевъ совершенно не соотвѣтствуетъ тому «смыслу добра», который они признаютъ за жизнью. Еще болѣе знаменательно, что несоотвѣтствіе это не создаетъ въ ихъ душахъ рѣшительно никакой *трагедіи*. Кириловъ Достоевскаго говоритъ: «Богъ необходимъ, а потому долженъ быть. Но я знаю, что Его нѣтъ и не можетъ быть. Неужели ты не понимаешь, что человѣку съ такими двумя мыслями нельзя оставаться въ живыхъ?» Тутъ безысходный ужасъ самой подлинной трагедіи. Не менѣе трагично должно быть положеніе и героевъ Толстого. Всѣ они должны бы говорить: «Смыслъ жизни—только въ любви и самоотверженіи. Но во мнѣ нѣтъ ни любви ни самоотверженія. Неужели ты не

понимаешь, что человѣку съ такими двумя мыслями нельзя оставаться въ живыхъ?» Но ни тѣни трагизма у Толстого нѣтъ. Какъ будто въ безсознательной глубинѣ своей онъ носитъ что-то, обо что всякій трагизмъ разбивается и разсыпается пылью.

Въ августѣ 1903 года у меня была въ Ясной Полянѣ одна бесѣда съ Толстымъ, и тогда она меня очень поразила. Разговоръ зашелъ объ этомъ самомъ трагизмѣ,—когда человѣкъ сознаётъ, что, скажемъ, счастье любви есть высшее счастье, но онъ неспособенъ отдаться ему, нѣтъ въ немъ этой любви, которая единственно даетъ счастье.

Толстой въ недоумѣніи пожалъ плечами.

— Не понимаю васъ. Если человѣкъ понялъ, что счастье—въ любви, то онъ и будетъ жить въ любви. Если я стою въ темной комнатѣ и вижу въ сосѣдней комнатѣ свѣтъ, и мнѣ нуженъ свѣтъ,—то какъ же я не пойду туда, гдѣ свѣтъ?

— Левъ Николаевичъ, вѣдь на вашихъ же всѣхъ герояхъ видно, что это не такъ просто. Оленинъ, Левинъ, Нехлюдовъ очень ясно видятъ, гдѣ свѣтъ, однако не въ силахъ пойти къ нему.

Но Толстой только разводилъ руками. Видно было, что онъ искренно хочетъ понять этотъ самый «трагизмъ», выспрашивалъ, слушалъ внимательно и серьезно.

— Простите меня, не понимаю!

Самое же слово «трагизмъ», видимо, рѣзало его ухо, какъ визгъ стекла подъ желѣзомъ. По губамъ пронеслась насмѣшка.

— Трагизмъ!.. Бывало, Тургеневъ пріѣдетъ, и тоже все: *траги-измъ*, *траги-измъ*...

И такъ онъ это слово сказалъ, что гдѣ-то въ душѣ стало совѣстно за себя, и шевельнулся странный, нелѣпый вопросъ: да полно, существуетъ ли вправду какой-нибудь въ жизни трагизмъ?

Только въ настоящее время, мнѣ кажется, я начинаю понимать этотъ странный разговоръ и начинаю понимать въ Толстомъ послѣднихъ десятилѣтій то, что̀ раньше мнѣ было совершенно непонятно.

Жить въ добрѣ и самоотверженіи большинство героевъ Толстого совершенно неспособно. Но есть и такіе, которые непрерывно живутъ въ добрѣ и самоотверженіи. Отношеніе къ нимъ художника-Толстого не менѣе знаменательно.

Прежде всего, такихъ образовъ у него до странности мало. Въ княжнѣ Марьѣ Болконской характерна религіозная созерцательность, а не дѣятельная любовь. Въ дѣятельной любви

она ни горяча ни холодна. Наташа, напр., горячо поддерживаетъ своего мужа Пьера въ его замыслахъ дѣятельности на благо людей. Марья отрицательно относится къ такой дѣятельности, и вотъ почему: «Пьеръ говоритъ, что всѣ страдаютъ, мучатся, развращаются, и что нашъ долгъ помочь ближнимъ. Разумѣется, онъ правъ, но онъ забываетъ, что у насъ есть другія обязанности ближе, которыя *самъ Богъ указалъ намъ*, и что *мы можемъ рисковать собой, но не дѣтьми*» (это Богъ-то указалъ, говорящій такъ ясно и опредѣленно: «враги человѣку домашніе его»?).

Есть, далѣе, въ «Воскресеніи» революціонерка Марія Павловна, красавица съ бараньими глазами. «Весь интересъ ея жизни состоялъ, какъ для охотника найти дичь, въ томъ, чтобы найти случай служенія другимъ. И этотъ спортъ сдѣлался привычкой, сдѣлался дѣломъ ея жизни». Но обрисована она блѣдно и схематично, это—тусклый силуэтъ, теряющійся въ глубинѣ сложной и большой картины.

Остаются Варенька въ «Аннѣ Карениной» и Соня въ «Войнѣ и мирѣ».

Варенька—образецъ самоотверженія. Она никогда не думаетъ о себѣ, спѣшитъ всюду, гдѣ нужна помощь, ухаживаетъ за больными,—всегда ровная, спокойно-веселая. Кити, брошенная Вронскимъ, знакомится съ нею за границей. «На Варенькѣ Кити поняла, что стоило только забыть себя и любить другихъ, и будешь спокойна, счастлива и прекрасна. И такою хотѣла быть Кити. Понявъ теперь ясно, что было самое важное, Кити тотчасъ же всею душою отдалась этой новой, открывшейся ей жизни».

Но тускла, сѣра и безжизненна душа Вареньки. Когда-то Варенька любила. Мать любимаго человѣка была противъ ихъ брака, онъ женился на другой. Варенька разсказываетъ про это Кити, — «и въ красивомъ лицѣ ея чуть брезжилъ тотъ огонекъ, который, Кити чувствовала, когда-то освѣщалъ ее всю». Теперь же она—«одинокая, съ грустнымъ разочарованіемъ, *ничего не желающая, ничего не жалѣющая*. Она была похожа на *прекрасный, хотя еще и полный лепестковъ, но уже отцвѣтшій, безъ запаха, цвѣтокъ*... Ей недоставало того, чего слишкомъ много было въ Кити,—*сдержаннаго огня жизни*».

Обидное, унизительное отсутствіе этого огня жизни сказывается и въ короткомъ, трагикомическомъ романѣ Вареньки съ Козлышевымъ. Во время прогулки за грибами они пытаются объясниться другъ другу въ любви, но у нихъ, какъ выражается Кити, «не беретъ».

«Козлышевъ повторялъ себѣ слова, которыми онъ хотѣлъ

выразить свое предложеніе; но вмѣсто этихъ словъ, по какому-то неожиданно пришедшему ему соображенію, онъ спросилъ:

«— Какая же разница между бѣлымъ грибомъ и березовымъ?

«Губы Вареньки дрожали отъ волненія, когда она отвѣтила:

«— Въ шляпкѣ почти нѣтъ разницы, но въ корнѣ.

«И какъ только эти слова были сказаны, и онъ и она поняли, что дѣло кончено, что то, что̀ должно было быть сказано, не будетъ сказано...» Они возвращаются съ прогулки съ пристыженными лицами, оба испытываютъ одинаковое чувство, подобное тому, какое испытываетъ ученикъ послѣ неудавшагося экзамена... «Левинъ и Кити чувствовали себя особенно счастливыми и любовными въ нынѣшній вечеръ. Что они были счастливы своею любовью, это заключало въ себѣ непріятный намекъ на тѣхъ, *которые того же хотѣли и не могли*, и имъ было совѣстно».

«Хотѣли того же и не могли»... И вотъ въ результатѣ — самоотверженіе, *забыть себя* и любить другихъ. Это даетъ «завидное спокойствіе и достоинство»... Но какая цѣна этому самоотверженію? Художникъ какъ будто всѣми словами готовъ повторить то, что̀ разъ уже сказалъ устами Оленина: «самоотверженіе—это убѣжище отъ заслуженнаго несчастія, спасеніе отъ зависти къ чужому счастью».

Соня, кузина Наташи Ростовой, тоже полна самоотверженія. Она покорно отказывается отъ правъ своихъ на Николая Ростова, живетъ въ семьѣ бывшаго жениха, ухаживаетъ за его дѣтьми, за старой графиней. «Но все это принималось невольно съ слишкомъ слабою благодарностью». Наташа, въ разговорѣ съ женою брата, вотъ какъ отзывается о Сонѣ:

«— Знаешь, что̀: вотъ ты много читала Евангеліе; тамъ есть одно мѣсто прямо о Сонѣ: «имущему дастся, а у неимущаго отнимется», помнишь? Она неимущій; за что? Не знаю. *Въ ней нѣтъ, можетъ-быть, эгоизма*,—я не знаю; но у ней отнимется, и все отнялось... Она пустоцвѣтъ; знаешь, какъ на клубникѣ? Иногда мнѣ ее жалко, а иногда я думаю, что она не чувствуетъ этого, какъ чувствовали бы мы».

Есть еще въ «Аннѣ Карениной» благородный дѣятель «для общаго блага». Это Кознышевъ, старшій братъ Левина.

«Константинъ Левинъ смотрѣлъ на брата, какъ на человѣка, благороднаго въ самомъ высокомъ значеніи этого слова и одареннаго способностью дѣятельности для общаго блага. Но въ глубинѣ своей души, чѣмъ ближе онъ узналъ своего брата, тѣмъ чаще и чаще ему приходило въ голову, что эта способность дѣятельности для общаго блага, *можетъ-быть, и не есть качество, а, напротивъ, недостатокъ чего-то*, не не-

достатокъ добрыхъ, честныхъ, благородныхъ желаній и вкусовъ, но *недостатокъ силы жизни*,—того стремленія, которое заставляетъ человѣка изъ всѣхъ безчисленныхъ представляющихся путей жизни выбрать одинъ и желать этого одного. Чѣмъ больше онъ узналъ брата, тѣмъ болѣе замѣчалъ, что и Сергѣй Ивановичъ и многіе другіе дѣятели для общаго блага не сердцемъ были приведены къ этой любви къ общему благу, но умомъ разсудили, что заниматься этимъ хорошо; и только потому занимались этимъ».

Мы перебрали, кажется, рѣшительно всѣхъ героевъ Толстого, вкладывающихъ или пытающихся вложить въ жизнь «смыслъ добра». Результатъ пересмотра настолько поразителенъ, что спрашиваешь себя: да какъ же возможно такое уничтожающе-отрицательное отношеніе къ добру и любви со стороны человѣка, такъ упорно проповѣдующаго, что смыслъ жизни заключается именно въ любви и самоотреченіи? Люди, по мѣрѣ силъ, вкладываютъ въ жизнь «смыслъ добра», «забываютъ себя» для другихъ,—а художникъ говоритъ: «это умираніе, это смерть души!». Варенькѣ недостаетъ «сдержаннаго огня жизни». У Кознышева—«недостатокъ силы жизни». У Сони «нѣтъ эгоизма». Сбросивъ съ себя иго «смысла добра», Олениинъ восклицаетъ: «я былъ мертвъ, а теперь только я живу».

— Добро! Любовь! Самоотверженіе!—твердятъ герои Толстого и Толстой-проповѣдникъ.

— Жизнь! Жизнь! Жизнь!—возражаетъ Толстой-художникъ.

Что же такое эта жизнь?

IV.

Живая жизнь.

Толстой пишетъ: «Если бы мнѣ дали выбирать: населить землю такими святыми, какихъ я только могу вообразить себѣ, но только, чтобы не было дѣтей, или такими людьми, какъ теперь, но съ постоянно прибывающими, свѣжими отъ Бога дѣтьми,—я бы выбралъ послѣднее».

Это писано въ 1902 году, когда Толстой давно уже и окончательно утвердился въ своемъ ученіи о смыслѣ жизни въ добрѣ. «Святые, какихъ можно себѣ только вообразить»,—разумѣется, всего полнѣе осуществили бы на землѣ тотъ «смыслъ добра», о которомъ мечтаетъ Толстой. Тѣмъ не менѣе онъ предпочитаетъ грѣшное современное человѣчество, лишь бы существовали дѣти. Очевидно, въ дѣтяхъ есть для Толстого что-то такое, что выше самой невообразимой святости взрослаго. Что же это?

Николенька Иртеньевъ уходитъ по утрамъ къ рѣкѣ. «Тамъ я ложился въ тѣни на травѣ и глядѣлъ на лиловатую въ тѣни поверхность рѣки, на поле желтѣющей ржи на томъ берегу, на свѣтло-красный утренній свѣтъ лучей, и наслаждался сознаніемъ въ себѣ *точно такой же свѣжей, молодой силы жизни, какою вездѣ кругомъ меня дышала природа*».

Князь Андрей на перевязочномъ пунктѣ—«послѣ перенесеннаго страданія чувствовалъ блаженство, давно не испытанное имъ. Всѣ лучшія, счастливѣйшія минуты въ его жизни, въ особенности самое дальнее дѣтство, когда, зарывшись головой въ подушки, *онъ чувствовалъ себя счастливымъ однимъ сознаніемъ жизни*,—представлялось его воображенію даже не какъ прошедшее, а какъ дѣйствительность». Также и Левинъ жадно вспоминаетъ свое дѣтство, его «*черезъ край бьющее и пѣнящееся сознаніе счастья жизни*». И умирающій Иванъ Ильичъ обращается мыслями все къ тому же дѣтству: «тамъ, въ дѣтствѣ, было что-то такое, *съ чѣмъ можно было бы жить, если бы оно вернулось*».

Въ книгѣ «О жизни» Толстой пишетъ: «Радостная дѣятельность жизни со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ, и мы всѣ знаемъ ее въ себѣ съ самыхъ первыхъ воспоминаній дѣтства... Кто изъ живыхъ людей не знаетъ того блаженнаго чувства, хоть разъ испытаннаго чаще всего въ самомъ раннемъ дѣтствѣ,—того блаженнаго чувства умиленія, при которомъ хочется любить всѣхъ: и близкихъ, и злыхъ людей, и враговъ, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного,—чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы всѣ были счастливы».

Не случайно Толстой такъ упорно возвращается къ жизнеощущенію, которымъ отличаются дѣти. Въ этомъ жизнеощущеніи для него лежитъ какая-то великая правда, утерянная взрослыми. Въ «Люцернѣ» онъ пишетъ:

«Жалкій твой умъ, жалкое то счастье, котораго ты желаешь, и несчастное ты созданіе, само не знающее, чего тебѣ надобно... Да дѣти-то здраво смотрятъ на жизнь: *они любятъ и знаютъ то, что долженъ любить человѣкъ, и то, что даетъ счастье*, а васъ жизнь до того запутала и развратила, что вы смѣетесь надъ тѣмъ, что одно любите, и ищете одного того, что ненавидите и что дѣлаетъ ваше несчастіе».

Эту правду, таящуюся въ дѣтской душѣ, Толстой чуетъ не только въ дѣтяхъ, уже способныхъ *сознавать* счастье жизни. Вотъ грудной ребенокъ Наташи или Кити. Младенецъ безъ искры «сознанія»,—всякій скажетъ: кусокъ мяса. И съ поразительною убѣжденностью Толстой утверждаетъ, что этотъ кусокъ мяса «все знаетъ и понимаетъ, *и знаетъ и понимаетъ*

еще много такого, чего никто не знаетъ». Съ тою же убѣжденностью онъ отмѣчаетъ это знаніе въ звѣрѣ и даже въ старомъ тополѣ.

Въ послѣдніе годы всеобщее вниманіе обратилъ на себя французскій мыслитель Анри Бергсонъ. Много у него спорнаго, со многимъ трудно согласиться. Но рядъ основныхъ его положеній имѣетъ значеніе огромной важности. Всякій думающій, вслушивающійся въ себя человѣкъ давно уже смутно чувствовалъ то, что говоритъ Бергсонъ. Ярко, ясно и глубоко чувствовалъ это Левъ Толстой.

Бергсонъ говоритъ: «Мы не только разумныя существа. Возлѣ нашей умозрительной и логической мысли находится неопредѣленная туманность изъ той самой сущности, за счетъ которой образовалось блестящее ядро, нашъ разумъ. Въ этой туманности еще находятся силы, дополняющія разумъ; мы только смутно чувствуемъ ихъ, сосредоточившись въ себѣ».

Одна изъ такихъ силъ—инстинктъ. Большая ошибка видѣть въ немъ ступень, предшествующую разуму. Различіе между этими двумя силами лежитъ не въ интенсивности, вообще не въ степени, а въ самой сущности ихъ. Способы познанія жизни совершенно у нихъ различны. Какой-нибудь лошадиный оводъ или навозный жукъ совершенно лишены интеллекта; между тѣмъ мудрость ихъ инстинкта поразительна. Связать эту мудрость съ интеллектомъ невозможно, невозможно и интеллектъ вывести изъ нея. Это совсѣмъ другой родъ познанія жизни,—интуитивный. «То, что есть въ инстинктѣ существеннаго, не можетъ выразиться въ интеллектуальныхъ терминахъ и слѣдовательно не можетъ быть анализировано». Развиваясь въ направленіи къ интеллекту, человѣкъ оставилъ по дорогѣ много другихъ способностей,—эти способности сильны въ животныхъ, развившихся въ иномъ направленіи. Разумъ, который далъ человѣку власть и силу надъ міромъ, въ то же время сузилъ человѣка, сдѣлалъ его однобокимъ, задержалъ его развитіе въ другихъ направленіяхъ. «Въ общемъ, эволюція старается итти, насколько возможно, въ прямомъ направленіи, но каждое спеціальное развитіе представляетъ круговой процессъ. Какъ вихри пыли, поднятые пролетѣвшимъ вѣтромъ, живыя существа вращаются вокругъ самихъ себя, отставая отъ великаго потока жизни». Такъ вращается человѣкъ вокругъ своего разума, и великій потокъ жизни проносится мимо него.

Замѣтимъ отъ себя, что изрѣдка въ человѣкѣ еще просыпаются остатки тѣхъ утерянныхъ способностей, о которыхъ

говоритъ Бергсонъ. Разумъ вдругъ отступаетъ, выдвигается другая сила. Своеобразнымъ, не поддающимся сознанію путемъ она охватываетъ окружающую жизнь такъ глубоко и полно, дѣйствуетъ въ ней такъ увѣренно и точно, какъ разумъ не смѣлъ бы и мечтать. Лунатикъ, съ глубоко-спящимъ интеллектомъ, карабкается по карнизу дома, каждое движеніе его цѣлесообразно и точно; и горе ему, если вдругъ проснется интеллектъ и вмѣшается въ чудесную, безсознательную работу инстинкта: то, что до тѣхъ поръ было легко исполнимо, становится невозможнымъ. Въ минуту большой опасности бываетъ, что въ человѣкѣ вдругъ просыпается та же увѣренная, хладнокровная и зоркая сила инстинкта; она пренебрежительно отстраняетъ растерявшійся разумъ, схватываетъ положеніе во всей его сложности и выводитъ человѣка изъ опасности. Всякій изъ насъ хоть разъ-другой испыталъ блаженное изумленіе отъ пробужденія въ себѣ этой мощной, таинственной силы, дѣйствующей внѣ сознанія, — во время ли той же опасности, во время ли работы или игры.

Левинъ учится косить. «Въ серединѣ работы на Левина находили минуты, во время которыхъ онъ забывалъ то, что дѣлалъ, ему становилось легко, и въ эти же самыя минуты рядъ его выходилъ почти такъ же ровенъ и хорошъ, какъ и у Тита. Но только-что онъ вспоминалъ о томъ, что онъ дѣлаетъ, и начиналъ стараться сдѣлать лучше, тотчасъ же онъ испытывалъ всю тяжесть труда, и рядъ выходилъ дуренъ... И чаще и чаще приходили минуты безсознательнаго состоянія... Уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой все сознающее себя, полное жизни тѣло, и, какъ бы по волшебству, безъ мысли о ней, работа правильная и отчетливая дѣлалась сама собой. Это были самыя блаженныя минуты».

Возвращаемся къ Бергсону. Инстинктомъ,—говоритъ онъ,—живое существо глубже входитъ въ жизнь, глубже познаётъ ее, но это познаніе у животнаго не переходитъ въ сознаніе и направлено исключительно на ближайшія, практическія полезности. Интеллектъ же, способный разсматривать жизнь только съ внѣшнихъ точекъ зрѣнія, способенъ ставить вопросы о всѣхъ глубинахъ жизни. «*Существуютъ вещи, которыя только интеллектъ способенъ искать, но которыхъ онъ самъ по себѣ никогда не найдетъ. Только инстинктъ могъ бы найти ихъ, но онъ никогда не станетъ ихъ искать*».

«Интеллектъ характеризуется *природнымъ непониманіемъ жизни*. Наоборотъ, инстинктъ отливается по формѣ жизни. Въ то время, какъ интеллектъ трактуетъ всѣ вещи механически, инстинктъ дѣйствуетъ, если можно такъ выразиться,

органически. Если бы пробудилось спящее въ немъ сознаніе, если бы онъ обратился во внутрь на познаніе, вмѣсто того, чтобы переходить во внѣшнія дѣйствія, *если бы мы умѣли спрашивать его, а онъ умѣлъ бы отвѣчать, онъ выдалъ бы намъ самыя глубокія тайны жизни*... Интуиція, т.-е. инстинктъ, который не имѣлъ бы практическаго интереса, который былъ бы сознательнымъ по отношенію къ себѣ, способнымъ размышлять о своемъ объектѣ и безконечно расширять его, такой инстинктъ ввелъ бы насъ въ самыя нѣдра жизни».

Но этого нѣтъ. Инстинктъ,—это мы дѣлаемъ уже выводы изъ Бергсона,—инстинктъ нѣмо вбуравливается всѣми своими корнями въ глубь жизни, цѣлостно сливается съ нею, охраняетъ насъ, заставляетъ насъ жить, не помнить о смерти, бороться за жизнь и ея продолженіе,—но при этомъ молчитъ и невыявленнымъ хранитъ въ себѣ смыслъ того, что дѣлаетъ. А мы такъ слабо связаны съ нимъ, что, только имъ живя, совершенно не *чувствуемъ* ни его ни самой жизни. Мы разумомъ ставимъ жизни вопросы, даемъ себѣ на нихъ разнообразнѣйшіе, шаткіе, противорѣчивые отвѣты,—и воображаемъ, что живемъ этими отвѣтами. Если же мы отрекаемся отъ жизни, клеймимъ ее осужденіемъ и проклятіемъ, то и тутъ думаемъ: это оттого, что жизнь неспособна отвѣтить на наши вопросы. А причина совсѣмъ другая. Причина та, что мы окончательно оторвались отъ жизни, что въ насъ замеръ послѣдній остатокъ инстинкта жизни.

Только въ дѣтяхъ силенъ еще этотъ инстинктъ жизни, эта «свѣжая, молодая сила жизни, какою вездѣ кругомъ дышитъ природа». Она-то и даетъ ребенку способность «знать и понимать много такого, чего никто не знаетъ», — не умомъ понимать, а всѣмъ существомъ своимъ чувствовать глубокую, неисчерпаемую *самоцѣнность* жизни. Жизнью переполнена душа, жизнью пронизанъ весь міръ вокругъ,—и непонятенъ страшный вопросъ: «для чего жизнь?». Только ужасающее разложеніе въ человѣкѣ инстинкта жизни дѣлаетъ возможнымъ этотъ вопросъ,—безсмысленный и смѣшной при наличности инстинкта жизни, неразрѣшимый при его отсутствіи никакими силами разума. Столь же непонятенъ и вопросъ о грозящей смерти. Какъ солнце неспособно видѣть тѣни, такъ жизнь неспособна внутренно сознавать свою обреченность на уничтоженіе. «Въ смерть, про которую ему такъ часто говорили, Сережа (сынъ Анны Карениной) не вѣрилъ совершенно. Онъ не вѣрилъ въ то, что любимые имъ люди могутъ умереть, и въ особенности въ то, что онъ самъ умретъ. Это было для него совершенно невозможно и непонятно».

У насъ же какъ разъ обратное. Въ смерть мы вѣримъ твердо, мы понимаемъ ее и вѣчно чувствуемъ. Жизни же не понимаемъ, не чувствуемъ, и даже представить себѣ неспособны, какъ можно въ нее вѣрить. А что вѣрятъ въ нее дѣти, мы объясняемъ тѣмъ, что они *неразумны*. И труднѣе всего намъ понять, что слѣпота наша къ жизни обусловлена не разумомъ самимъ по себѣ, а тѣмъ, что силы жизни въ человѣкѣ хватаетъ обычно лишь на первый-второй десятокъ лѣтъ; дальше же эта сила замираетъ.

Живы дѣти, только дѣти,
Мы жъ мертвы, давно мертвы.

Эту мертвенную слѣпоту къ жизни мы видѣли у Достоевскаго. Жизненный инстинктъ спитъ въ немъ глубокимъ, летаргическимъ сномъ. Какое можетъ быть разумное основаніе для человѣка жить, любить, дѣйствовать, переносить ужасы міра? *Разумнаго* основанія нѣтъ, — и жизнь теряетъ внутреннюю, изъ себя идущую цѣнность.

Въ рѣдкія только мгновенія жизненный инстинктъ просыпается изъ летаргіи и тихо шепчетъ Достоевскому свои, не разумомъ постигаемыя откровенія.

— Клейкіе весенніе листочки, голубое небо люблю я, вотъ что.—говоритъ Иванъ Карамазовъ.—Тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь... Понимаешь ли ты что-нибудь въ моей ахинеѣ, Алешка, аль нѣтъ?

— Слишкомъ понимаю, Иванъ: нутромъ и чревомъ *хочется* любить,—прекрасно ты это сказалъ... Я думаю, что всѣ *должны* прежде всего на свѣтѣ жизнь полюбить.

— Жизнь полюбить больше, чѣмъ смыслъ ея?

— Непремѣнно такъ, полюбить прежде логики, и тогда только я и смыслъ пойму.

Алеша полагаетъ, что Иванъ къ этому близокъ. Но мы уже видѣли,—Алеша глубоко ошибается. Умирающую подъ холоднымъ пепломъ послѣднюю искорку жизни онъ принимаетъ за огонь, способный ярко освѣтить и жарко согрѣть душу.

Для самого Алеши вѣковѣчная тайна жизни столь же чужда и далека, какъ и для Ивана. Есть въ романѣ потрясающая сцена, когда Алеша въ изступленіи цѣлуетъ чуждую ему землю. Изступленіе это еще болѣе страшно, чѣмъ отъединенная отъ земли тоска по ней Ипполита или князя Мышкина.

«Алеша быстро сошелъ съ крылечка внизъ. Полная восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты. Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ, сіяющихъ звѣздъ... Тишина земная какъ бы слива-

лась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною... Алеша стоялъ, смотрѣлъ, и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю.

«Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее, плача, рыдая и обливая своими слезами, и *изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ*. «Облей землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои...»—прозвенѣло въ душѣ его. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны, и «не стыдился изступленія сего»...

Въ изумленіи поглядѣли бы на плачущаго Алешу Наташа Ростова или дядя Ерошка. Какъ чужды, непонятны были бы имъ его *клятвы* любить во вѣки вѣковъ землю и жизнь! Душа цѣлостно и радостно сливается съ жизнью міра,—какія же тутъ возможны клятвы, для чего онѣ? Не станетъ ребенокъ клясться передъ собою въ любви къ матери. Но съ изступленіемъ Алеши будетъ клясться пасынокъ въ любви къ прекрасной мачехѣ, съ ужасомъ чувствуя, что нѣтъ у него въ душѣ этой любви.

Какъ молнія—бурную тьму ночи, постиженіе «тайны земной» только въ рѣдкія мгновенія пронизываетъ душу Достоевскаго. Сверкнувъ, тайна исчезаетъ, мракъ кругомъ еще чернѣе, ни отсвѣта нигдѣ, и только горитъ въ душѣ безконечная тоска по исчезнувшему свѣту.

Алеша говоритъ: «нутромъ и чревомъ *хочется* любить», «всѣ *должны* полюбить жизнь больше, чѣмъ смыслъ ея». Толстой не скажетъ: «хочется» и «должны». Онъ и безъ того жадно любитъ жизнь именно нутромъ и чревомъ, любитъ жизнь больше, чѣмъ смыслъ ея. Есть жизнь,—есть все. Вопросы о смыслѣ, о цѣли осыпаются съ блистающаго существа живой жизни, какъ чуждая шелуха.

Сѣнокосъ. «Все потонуло въ морѣ веселаго, общаго труда. Богъ далъ день, Богъ далъ силы. И день и силы посвящены труду, *и въ немъ самомъ награда*. А для кого трудъ? Какіе будутъ плоды труда? Это—соображенія постороннія и ничтожныя».

Музыкантъ Альбертъ играетъ на скрипкѣ. «Лицо сіяло непрерывною, восторженною радостью: глаза горѣли свѣтлымъ, сухимъ блескомъ, ноздри раздувались, вся фигура выражала восторженную жадность наслажденія. Встряхнувъ волосами,

онъ опустилъ скрипку и съ улыбкой гордаго величія и счастья оглянулъ присутствующихъ...

«— Много нужно для искусства, но главное—огонь!—сказалъ онъ, блистая глазами и поднимая обѣ руки кверху.

«И дѣйствительно, страшный внутренній огонь горѣлъ во всей его фигурѣ».

Альбертъ замерзаетъ, пьяный, у подъѣзда дома терпимости. Ему снится, что надъ нимъ идетъ судъ. Люди говорятъ:

«— Чѣмъ же онъ великъ? И зачѣмъ намъ кланяться передъ нимъ? *Развѣ онъ велъ себя честно и справедливо? Развѣ онъ принесъ пользу обществу?* Развы мы не знаемъ, какъ онъ бралъ взаймы деньги и не отдавалъ ихъ?

«— Перестаньте, стыдитесь!—заговорилъ голосъ художника Петрова. — Какое право имѣете вы обвинять его? *Развѣ вы жили его жизнью? Испытывали его восторги?* Искусство есть высочайшее проявленіе могущества въ человѣкѣ. Оно поднимаетъ избранника на такую высоту, на которой голова кружится, и трудно удержаться здравымъ... Да, унижайте, презирайте его,—а изъ всѣхъ насъ онъ лучшій и счастливѣйшій!»

Вотъ исторія «Двухъ гусаровъ»,—отца и сына. Графъ Турбинъ-старшій—кутила, мотъ, скандалистъ и дуэлянтъ. Но все, что онъ дѣлаетъ, горитъ жизнью. Кутитъ ли онъ съ цыганками, расправляется ли съ шулеромъ, обыгравшимъ его товарища,—во всемъ онъ живетъ безудержно и самозабвенно. На балу въ провинціальномъ городкѣ графъ знакомится съ хорошенькой вдовушкой и влюбляется въ нее. «Графъ не спускалъ глазъ съ вдовушки. Онъ не притворялся, говоря, что для нея готовъ былъ броситься въ прорубь. Прихоть ли, любовь ли, упорство ли, но въ этотъ вечеръ всѣ его душевныя силы были сосредоточены на одномъ желаніи—видѣть и любить ее». Во время разъѣзда онъ, безъ шубы, по колѣно въ снѣгу, пробирается къ ея каретѣ, прячется въ ней и объятьями встрѣчаетъ испуганную вдовушку. Въ эту же ночь онъ овладѣваетъ ею и навсегда уѣзжаетъ изъ города.

Черезъ двадцать лѣтъ сынъ его случайно попадаетъ во время похода къ этой же вдовушкѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ. Графъ Турбинъ-младшій — благоразумный, расчетливый и предусмотрительный молодой человѣкъ; изъ всего онъ умѣетъ аккуратно и старательно извлекать пріятное для себя удовольствіе. У Анны Ѳедоровны—красавица-дочка Лиза. Графъ старается завязать съ нею «интрижку», трогаетъ подъ столомъ ногою ея ногу. Лиза сообщаетъ, что любитъ сидѣть по ночамъ у открытаго окна. Графъ принимаетъ это за намекъ, пробирается ночью къ ея окну, дѣвушка пугается, и онъ убѣгаетъ. Въ

своей комнатѣ графъ съ улыбкой разсказываетъ о приключившейся неудачѣ ночующему съ нимъ товарищу.

«Корнетъ Полозовъ повернулся спиной къ двери и молча полежалъ минутъ десять. Когда онъ повернулся снова, лицо его выражало страданіе и рѣшительность.

«— Графъ Турбинъ!—сказалъ онъ прерывистымъ голосомъ.

«— Что̀ ты, бредишь или нѣтъ? — спокойно отозвался графъ.—Что̀, корнетъ Полозовъ?

«— Графъ Турбинъ! Вы подлецъ! — крикнулъ Полозовъ и вскочилъ съ постели».

Подлецъ?.. Почему же не подлецъ и графъ Турбинъ-старшій? У обоихъ одинаково—мгновенно вспыхнувшее увлеченіе хорошенькими женщинами, оба съ одинаковою дерзостью стремятся къ цѣли. Но Турбинъ-старшій *живетъ* своею страстью,— и происходитъ что-то единственное, особенное, чего нельзя назвать опредѣленнымъ словомъ и къ чему нельзя подойти съ опредѣленною мѣркою. У Турбина же младшаго — холодный, спокойный расчетъ на «удовольствіе», пошлое слово «интрижка» совершенно покрываетъ пошлую цѣль его стремленій,—и получается мертвая гадость.

Мы видимъ, не содержаніемъ опредѣляется живая жизнь. Одно и то же содержаніе у Турбина-старшаго есть жизнь, у Турбина-младшаго—пошлость и мертвечина.

Оленинъ и Нехлюдовъ дѣлаютъ открытіе, что жизнь заключается въ добрѣ; Варенька непрерывно и самоотверженно живетъ въ добрѣ. Толстой показываетъ, что эта жизнь въ добрѣ — не жизнь, а смерть. Значитъ ли это, что само добро отрицается живою жизнью?

Ростовы уѣзжаютъ изъ покидаемой войсками Москвы. Въ гостиной сидитъ ихъ зять, полковникъ Бергъ, прямой предокъ нынѣшнихъ истинно-русскихъ инородцевъ. Онъ восхищается «истинно-древнимъ мужествомъ россійскихъ войскъ» и почтительнѣйше проситъ стараго графа уступить ему одну подводу, чтобъ увезти купленную по случаю очень прекрасную шифоньерку съ аглицкимъ секретомъ. На дворѣ нагружаются добромъ подводы, и отовсюду на нихъ съ завистью глядятъ покидаемые въ городѣ раненые. Тутъ же стоятъ Наташа съ братомъ Петей.

«— По-моему,—вдругъ закричала почти Наташа, обращая свое озлобленное лицо къ Петѣ,—по-моему, это такая гадость, такая мерзость, такая... Я не знаю. Развѣ мы нѣмцы какіе-нибудь?

«Горло ея задрожало отъ судорожныхъ рыданій, и она, боясь ослабить и выпустить даромъ зарядъ своей злобы, повернулась и стремительно бросилась по лѣстницѣ.

«Бергъ сидѣлъ подлѣ графини и родственно-почтительно утѣшалъ ее. Графъ съ трубкой въ рукахъ ходилъ по комнатѣ, когда Наташа, съ изуродованнымъ злобой лицомъ, какъ буря, ворвалась въ комнату и быстрыми шагами подошла къ матери.

«— Это гадость! Это мерзость! — закричала она. — Это не можетъ быть, чтобы вы приказали!

«Бергъ и графиня недоумѣвающе и испуганно смотрѣли на нее. Графъ остановился у окна, прислушиваясь.

«— Маменька, это нельзя: посмотрите, что на дворѣ!—закричала она.—Они остаются!

«— Что съ тобой? Кто они? Что тебѣ надо?

«— Раненые, вотъ кто! Это нельзя, маменька; это ни на что не похоже... Нѣтъ, маменька, голубушка, это не то, простите, пожалуйста, голубушка... Маменька, ну, что намъ то, что мы увеземъ; вы посмотрите только, что на дворѣ... Маменька! Это не можетъ быть!..

«Графъ стоялъ у окна и, не поворачивая лица, слушалъ слова Наташи. Вдругъ онъ засопѣлъ носомъ и приблизилъ свое лицо къ окну.

«Графиня взглянула на дочь, увидала ея пристыженное за мать лицо, увидала ея волненіе, поняла, отчего мужъ теперь не оглядывался на нее, и съ растерянным видомъ оглянулась вокругъ себя.

«— Ахъ, да дѣлайте, какъ хотите! Развѣ я мѣшаю кому-нибудь!—сказала она, еще не вдругъ сдаваясь.

«— Маменька, голубушка, простите меня...

«Но графиня оттолкнула дочь и подошла къ графу.

«— Mon cher, ты распорядись, какъ надо... Я вѣдь не знаю этого,—сказала она, виновато опуская глаза.

«— Яйца... яйца курицу учатъ...—сквозь счастливыя слезы проговорилъ графъ и обнялъ жену, которая рада была скрыть на его груди свое пристыженное лицо».

«Добро», которое тутъ проявляетъ Наташа, ужъ, конечно, не отрицается живой жизнью. Напротивъ, оно есть именно сама живая жизнь. И именно поэтому дико даже подумать, что душа Наташи живетъ — добромъ. Какимъ добромъ?! Наташа *жизнью* живетъ, а не добромъ; добро такъ же свободно и необходимо родится у нея изъ жизни, какъ родятся ея пѣсни и радость. И вотъ то самое, что у Вареньки является вялымъ, безъ запаха цвѣткомъ, превращается въ цвѣтокъ свѣжій и душистый, какъ только-что сорванный въ лѣсу ландышъ.

Ясно становится, какое уродливое, противоестественное дѣло творятъ съ добромъ Оленины, Левины и Нехлюдовы. Они бе-

рутъ нѣжнѣйшій, прекраснѣйшій цвѣтокъ жизни, зарываютъ его въ землю и говорятъ: вотъ что̀ должно быть корнемъ растенія. Художникъ-Толстой откапываетъ изуродованный, смятый цвѣтокъ, отряхиваетъ съ него землю и говоритъ: смотрите, что̀ вы сдѣлали съ нимъ! Это вовсе не корень растенія,— растеніе живетъ другимъ и *этимъ* жить не можетъ; но это— высшее проявленіе и увѣнчаніе растенія; пышно же развиться оно можетъ только при наличности подлинныхъ подземныхъ корней. Корни эти—сила жизни.

Въ «Воскресеніи» ярко противопоставлены другъ другу два «цвѣтка добра». Одинъ, въ качествѣ корня растенія, уродливо зарытъ въ землю; это—Нехлюдовъ. Другой вольно растетъ на воздухѣ; это—Катюша Маслова.

Катюша окончательно отказывается отъ брака съ Нехлюдовымъ и рѣшаетъ выйти замужъ за ссыльнаго Симонсона. Извѣстіе огорчаетъ Нехлюдова. «Ему было что-то не только непріятно, но и больно. Въ чувствѣ этомъ было и то, что предложеніе Симонсона разрушало исключительность его поступка, уменьшало въ глазахъ своихъ и чужихъ людей цѣну жертвы, которую онъ приносилъ: если человѣкъ, и такой хорошій, ничѣмъ не связанный съ ней, желалъ соединить съ ней судьбу, то его жертва ужъ не была такъ значительна».

Катюшѣ,—той рѣшительно все равно, значительна или не значительна ея жертва.

«— Нѣтъ, вы меня, Дмитрій Ивановичъ, простите, если я не то дѣлаю, что̀ вы хотите, —сказала она, глядя ему въ глаза своимъ косымъ, таинственнымъ взглядомъ. — Да, видно, ужъ такъ выходитъ. И вамъ жить надо... Вы ужъ и такъ сколько для меня сдѣлали; если бы не вы...—Она хотѣла что-то сказать, и голосъ ея задрожалъ.

«— Вамъ-то ужъ меня нельзя благодарить, — сказалъ Нехлюдовъ.

«— Что̀ считаться? Наши счеты Богъ сведетъ, — проговорила она, и черные глаза ея заблестѣли отъ выступившихъ въ нихъ слезъ.

«— Какая вы хорошая женщина,—сказалъ онъ.

«— Я-то хорошая? — сказала она сквозь слезы, и жалостная улыбка освѣтила ея лицо».

Нехлюдовъ прощается съ нею.

«— Простите,—сказала она чуть слышно. Глаза ихъ встрѣтились, и въ страномъ косомъ взглядѣ и жалостной улыбкѣ, съ которой она сказала это не «прощайте», а «простите», Нехлюдовъ понялъ, что она любила его и думала, что, связавъ себя съ нимъ, она испортитъ его жизнь, а уходя съ

Симонсономъ, освобождала его и теперь радовалась тому, что исполнила то, что хотѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ страдала, разставаясь съ нимъ».

И опять-таки тотъ же вопросъ: развѣ основою жизни служитъ для Катюши это творимое ею «добро»? Оно—проявленіе жизни, а не основа.

Живая жизнь не можетъ быть опредѣлена никакимъ конкретнымъ содержаніемъ. Въ чемъ жизнь? Въ чемъ ея смыслъ? Въ чемъ цѣль? Отвѣтъ только одинъ: въ самой жизни. Жизнь сама по себѣ представляетъ высочайшую цѣнность, полную таинственной глубины. Всякое проявленіе живого существа можетъ быть полно жизни, — и тогда оно будетъ прекрасно, свѣтло и самоцѣнно; а нѣтъ жизни,—и то же явленіе становится темнымъ, мертвымъ, и, какъ могильные черви, въ немъ начинаютъ копошиться вопросы: Зачѣмъ? Для чего? Какой смыслъ?

Мы живемъ не для того, чтобы творить добро, какъ живемъ не для того, чтобы бороться, любить, ѣсть или спать. Мы творимъ добро, боремся, ѣдимъ, любимъ, *потому что живемъ*. И поскольку мы въ этомъ живемъ, поскольку это есть проявленіе жизни, постольку не можетъ быть и самаго вопроса: «зачѣмъ?».

Толстой разсказываетъ: «Заяцъ сказалъ разъ гончей собакѣ: «Для чего ты лаешь, когда гоняешься за нами? Ты бы скорѣе поймала насъ, если бы бѣжала молча. А съ лаемъ ты только нагоняешь насъ на охотника: ему слышно, гдѣ мы бѣжимъ, и онъ забѣгаетъ съ ружьемъ намъ навстрѣчу, убиваетъ насъ и ничего не даетъ тебѣ».

«Собака сказала: «Я не для этого лаю, а лаю *только потому, что, когда слышу твой запахъ, то и сержусь и радуюсь, что я вотъ сейчасъ поймаю тебя; и сама не знаю зачѣмъ, но не могу удержаться отъ лая*».

Лисица или волкъ никакъ не смогли бы понять этого,— не смогли бы потому, что въ нихъ нѣтъ жизненной потребности лаять во время охоты. И они, какъ заяцъ, могли бы спросить: «зачѣмъ это?». Но для гончей собаки вопросъ безсмысленъ.

То же и относительно людей. Жизнь безконечно-разнообразна, безконечно-разнообразны и люди. Общее у нихъ, всѣмъ дающее смыслъ,—только жизнь. Проявленія же жизни у разныхъ людей могутъ быть совершенно различны.

Вотъ Долли изъ «Анны Карениной». Что она такое, глядя съ высшей точки? Не человѣкъ даже, а такъ, что-то въ родѣ

родильной машины или насѣдки. Никакихъ высшихъ интересовъ, вся жизнь—въ пеленкахъ и кашкахъ. Для чего все?

На постояломъ дворѣ Долли спрашиваетъ молодайку, есть ли у нея дѣти. «Красивая молодайка весело отвѣчала:

«— Была одна дѣвочка, да развязалъ Богъ, постомъ похоронила.

«— Что жъ тебѣ очень жалко ее? — спросила Дарья Александровна.

«— Чего жалѣть? Только забота. Ни тебѣ работать ни что. Только связа одна.

«Отвѣтъ этотъ показался Дарьѣ Александровнѣ отвратителенъ, несмотря на добродушную миловидность молодайки; но теперь она невольно вспомнила эти слова. Въ этихъ циническихъ словахъ была и доля правды.

«Да и вообще,—думала Дарья Александровна, оглянувшись на всю свою жизнь за эти пятнадцать лѣтъ замужества,— беременность, тошнота, тупость ума, равнодушіе ко всему и главное—безобразіе... Роды, страданія, безобразныя страданія, эта послѣдняя минута... Потомъ кормленіе, эти безсонныя ночи, эти боли страшныя отъ треснувшихъ сосковъ... И все это зачѣмъ? Что жъ будетъ изъ всего этого? То, что я, не имѣя ни минуты покоя, то беременная, то кормящая, вѣчно сердитая, ворчливая, сама измученная и другихъ мучащая, противная мужу, проживу мою жизнь, и вырастутъ несчастныя, дурно воспитанныя дѣти... Въ самомъ лучшемъ случаѣ они только не будутъ негодяи. Вотъ все, чего я могу желать. Изъ-за всего этого сколько мученій, трудовъ... Загублена вся жизнь!» Ей опять вспомнилось то, что сказала молодайка, и опять ей гадко было вспомнить про это; но она не могла не согласиться, что въ этихъ словахъ была и доля грубой правды».

Долли наблюдаетъ деревенскую жизнь Анны и Вронскаго, чувствуетъ безнадежно-мертвую сердцевину ихъ наружно блестящей жизни; съ ужасомъ выслушиваетъ признаніе Анны о ея рѣшеніи не имѣть больше дѣтей, о способахъ къ этому. «Воспоминанія о домѣ и дѣтяхъ съ особенною, новою для нея прелестью, въ какомъ-то новомъ сіяніи возникали въ ея воображеніи. Этотъ ея міръ показался ей теперь такъ дорогъ и милъ, что она ни за что не хотѣла вить его провести лишній день». Долли вдругъ начинаетъ ощущать жизненность своего міра, ту трепещущую въ немъ жизнь, которая дѣлаетъ сумасшедше-нелѣпыми рядъ самыхъ логическихъ, разсудительныхъ доводовъ.

«— Зачѣмъ же мнѣ данъ разумъ,—говоритъ Анна, — если

я не употреблю его на то, чтобы не производить на свѣтъ несчастныхъ? Я бы всегда чувствовала себя виноватою передъ этими несчастными дѣтьми. Если ихъ нѣтъ, то они не несчастны, по крайней мѣрѣ.

«Это были тѣ самые доводы, которые Дарья Александровна приводила самой себѣ; но теперь она слушала и не понимала ихъ. «Какъ быть виноватою передъ существами несуществующими?» — думала она. И вдругъ ей пришла мысль: могло ли быть въ какомъ-нибудь случаѣ лучше для ея любимца Гриши, если бъ онъ никогда не существовалъ? И это ей показалось такъ дико, такъ странно, что она помотала головой, чтобы разсѣять эту путаницу кружащихся сумасшедшихъ мыслей».

«Для чего?» — это безсмысленнѣйшій вопросъ, самъ собою отпадающій отъ всего, что полно жизнью. Въ минуту уныніи Долли могла задавать себѣ вопросы о безсмысленности своей жизни, о безцѣльности своихъ страданій и суетни съ дѣтьми. Но жизнь эта полна и прекрасна, несмотря на всѣ ея страданія, — прекрасна потому, что *для Долли* жизнь именно въ этомъ.

«Дарья Александровна ничѣмъ такъ не наслаждалась, какъ этимъ купаніемъ со всѣми дѣтьми. Перебирать всѣ эти пухленькія ножки, натягивать на нихъ чулочки, брать въ руки и окунать эти голенькія тѣльца и слышать то радостные, то испуганные визги, видѣть эти задыхающіяся, съ открытыми, испуганными и веселыми глазами, лица, этихъ брызгающихся своихъ херувимчиковъ было для нея большое наслажденіе».

Къ купальнѣ подходятъ бабы.

«— Ишь ты, красавица, бѣленькая, какъ сахаръ. А худая...

«— Да, больна была...

«— А у тебя есть дѣти?

«И разговоръ сталъ самый интересный для Дарьи Александровны: какъ рожала? Чѣмъ была больна? Гдѣ мужъ? Часто ли бываетъ? Дарьѣ Александровнѣ не хотѣлось уходить отъ бабъ: такъ интересенъ ей былъ разговоръ съ ними, такъ совершенно одни и тѣ же были ихъ интересы. Пріятнѣе всего Дарьѣ Александровнѣ было то, что она ясно видѣла, какъ всѣ эти женщины любовались болѣе всего тѣмъ, какъ много было у нея дѣтей, и какъ они хороши».

Одна и та же сила жизни сказывается въ насѣдкѣ, радостно и хлопотливо водящей по двору цыплятъ, и въ ястребѣ, вольно летающемъ подъ облаками. И если для насѣдки жизнь прекрасна и значительна именно въ курятникѣ и нигдѣ больше

прекрасной быть не можетъ, то для ястреба тотъ же курятникъ былъ бы сплошнымъ ужасомъ и тоской.

«— Да, онъ очень красивъ,—думалъ Пьеръ, глядя на Долохова, — я знаю его. Для него была бы особенная прелесть въ томъ, чтобъ осрамить мое имя и посмѣяться надо мной, и именно потому, что я хлопоталъ за него и призрѣлъ его, помогъ ему.

«Онъ вспоминалъ то выраженіе, которое принимало лицо Долохова, когда на него находили минуты жестокости, какъ тѣ, въ которыя онъ связывалъ квартальнаго съ медвѣдемъ и пускалъ его на воду, или когда онъ вызывалъ безъ всякой причины на дуэль человѣка, или убивалъ изъ пистолета лошадь ямщика...»

Въ мирной, повседневной жизни Долоховъ задыхается, какъ ястребъ задыхался бы въ курятникѣ. Онъ обыгрываетъ въ карты Николая Ростова. «Изъ-за улыбки Долохова Ростовъ увидалъ въ немъ то настроеніе духа, которое было у него въ тѣ времена, когда, какъ бы соскучившись ежедневною жизнью, Долоховъ чувствовалъ необходимость какимъ-нибудь страннымъ, большею частью жестокимъ поступкомъ выходить изъ нея».

Хищный и сильный, онъ ярко живетъ только среди борьбы и опасностей. И нѣтъ положенія, въ которомъ бы онъ упалъ духомъ, въ которомъ ему была бы нужна ласка, участіе или поддержка. Онъ разжалованъ въ солдаты. Его полкъ идетъ по дорогѣ, въ буйно-веселомъ вихрѣ пѣсни: «Ахъ, вы, сѣни». Кутузовъ со свитою нагоняетъ полкъ. «Во второмъ ряду, съ праваго фланга, невольно бросался въ глаза голубоглазый солдатъ Долоховъ, который особенно бойко и граціозно шелъ въ тактъ пѣсни и глядѣлъ на лица проѣзжающихъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ жалѣлъ всѣхъ, кто не шелъ въ это время съ ротой». Къ нему подъѣзжаетъ свитскій офицеръ Жерковъ: раньше онъ не узналъ разжалованнаго пріятеля и вдругъ радостно узналъ послѣ того, какъ съ Долоховымъ поговорилъ Кутузовъ.

«— Ты заходи, коли что нужно, все въ штабѣ помогутъ...— сказалъ Жерковъ.

«Долоховъ усмѣхнулся.

« Ты лучше не безпокойся. Мнѣ что нужно, я просить не стану, самъ возьму».

Въ двѣнадцатомъ году Долоховъ, ужъ опять разжалованный въ солдаты, стоитъ передъ Кутузовымъ.

«— Если вашей свѣтлости понадобится человѣкъ, который бы не жалѣлъ своей шкуры, то извольте вспомнить обо мнѣ... Можетъ-быть, я пригожусь вашей свѣтлости».

При отступленіи французовъ онъ—начальникъ партизанскаго отряда. Съ холодною отвагою онъ, переодѣвшись, пробирается въ самый центръ французскаго лагеря—и съ холоднымъ равнодушіемъ разстрѣливаетъ плѣнныхъ, смѣясь надъ сантиментальностью Денисова.

«— Кто же имъ не велѣлъ меня двадцать разъ поймать? А вѣдь поймаютъ,—меня и тебя съ твоимъ рыцарствомъ, все равно, на осинку».

И, конечно, подъ самою осинкою онъ стоялъ бы съ тѣми же гордыми, грозными глазами, какими смотритъ пойманный ястребъ.

Образцами для Долохова Толстому послужили партизанъ Фигнеръ и извѣстный «американецъ» Ѳедоръ Толстой. Это тотъ самый Ѳедоръ Толстой, про котораго Грибоѣдовъ писалъ:

Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ.

Это про него писалъ и Пушкинъ:

Въ жизни мрачной и презрѣнной
Былъ онъ долго погруженъ,
Долго всѣ концы вселенной
Осквернялъ развратомъ онъ—и т. д.

Толстой этотъ былъ дальній родственникъ Льва Толстого, въ раннемъ дѣтствѣ Льву Николаевичу случалось его видѣть. И въ старости, когда такъ сильна въ Львѣ Толстомъ исключительно-моральная оцѣнка жизни, вотъ какъ вспоминаетъ онъ о человѣкѣ, только презрѣніе вызывавшемъ въ Грибоѣдовѣ и Пушкинѣ: «Много бы хотѣлось разсказать про этого *необыкновеннаго, преступнаго и привлекательнаго человѣка...*»

Борьба и связанныя съ нею опасности высоко поднимаютъ для Толстого темпъ жизни, дѣлаютъ жизнь еще болѣе яркой, глубокой и радостной. Начинается бой. «Началось! Вотъ оно! Страшно и весело!—говорило лицо каждаго солдата и офицера».

Гусары стоятъ у моста, на горѣ показываются французы. «Ясно чувствовалась та строгая, грозная и неуловимая черта, которая раздѣляетъ два непріятельскихъ войска. Одинъ шагъ за эту черту и—неизвѣстность страданія и смерть. И что тамъ? Кто тамъ? Никто не знаетъ, и хочется знать, и страшно перейти эту черту, и хочется перейти ее... А самъ силенъ, здоровъ, веселъ и раздраженъ, и окруженъ такими же здоровыми и раздраженно-оживленными людьми. Чувство это придаетъ особенный блескъ и радостную рѣзкость впечатлѣній всему, происходящему въ эти минуты».

Въ «Севастопольскихъ разсказахъ» Толстой описываетъ солдатъ на знаменитомъ четвертомъ бастіонѣ. «Вглядитесь въ лица, въ осанки и въ движенія этихъ людей... Здѣсь на каждомъ лицѣ кажется вамъ, что опасность, злоба и страданія войны приложили слѣды сознанія своего достоинства и высокой мысли и чувства».

Какъ видимъ, даже злоба, и та,—вопреки Толстому-проповѣднику, — способна преисполнить человѣка достоинствомъ, высокою мыслью и чувствомъ. Къ сожалѣнію, подъемъ жизни, вызываемый борьбою, опасностью и «злобою», Толстой рисуетъ преимущественно лишь въ традиціонной области войны. Онъ рѣдко и неувѣренно касается другой области, гдѣ въ настоящее время какъ разъ съ огромною, упорно-длительною силою проявляется неизсякающая жизнь, рождаемая борьбою, злобою и опасностью.

Левинъ вполнѣ правъ, когда въ стремленіи своего брата Кознышева къ общественной дѣятельности видитъ недостатокъ силы жизни,—«того стремленія, которое заставляетъ человѣка изъ всѣхъ безчисленныхъ представляющихся путей жизни выбрать одинъ и желать этого одного». Но какъ разъ въ семидесятыхъ годахъ,—а эту именно эпоху и рисуетъ «Анна Каренина», — русская жизнь дала рѣдкіе по чистотѣ и яркости типы людей, которыхъ къ общественной дѣятельности и борьбѣ вела поразительная по своей огромности сила жизни.

И все-таки, когда Толстому приходится касаться этой области, то и здѣсь первоисточникъ подвижнической дѣятельности онъ усматриваетъ не въ императивахъ долга, не въ стремленіи къ добру, а въ той же силѣ жизни. «Узнавъ революціонеровъ ближе, Нехлюдовъ убѣдился, что это не были сплошные злодѣи, какъ ихъ представляли себѣ одни, и не были сплошные герои, какими считали ихъ другіе, а были обыкновенные люди, между которыми были, какъ и вездѣ, хорошіе, и дурные, и средніе люди... Большинство было привлечено къ революціи знакомымъ Нехлюдову по военному времени желаніемъ опасности, риска, наслажденіемъ игры своею жизнью,—чувствами, свойственными самой обыкновенной энергической молодежи».

Во время московской переписи Толстой наблюдаетъ студентовъ-счетчиковъ. «Какъ дѣтямъ въ веселомъ духѣ хочется хохотать, они не умѣютъ придумать, чему бы хохотать, и хохочутъ безъ всякаго предлога, потому что имъ весело, такъ эта милая молодежь жертвуетъ собой. Она еще не успѣла придумать, за что бы имъ жертвовать собой, а жертвуетъ своимъ вниманіемъ, трудомъ, жизнью затѣмъ, чтобы записать карточку.

изъ которой еще выйдетъ или не выйдетъ что-нибудь». И странное впечатлѣніе производитъ то, что Толстой пишетъ дальше. «Что же бы было,—спрашиваетъ онъ,—если бы было такое дѣло, которое того стоило? Есть, и было, и всегда будетъ это дѣло. Дѣло это есть любовное общеніе людей съ людьми и разрушеніе тѣхъ преградъ, которыя воздвигли люди между собой, для того, чтобы веселье богача не нарушалось дикими воплями оскотинившихся людей и стонами безпомощнаго голода, холода и болѣзней».

Но вѣдь эта «милая молодежь» занимается не только записываніемъ карточекъ. Она въ дѣйствительности дѣлала и дѣлаетъ то дѣло, о которомъ говоритъ Толстой,—и дѣлаетъ именно такъ, «какъ дѣтямъ въ веселомъ духѣ хочется хохотать». И не только «милая молодежь».

V.

Мертвецы.

Въ произведеніяхъ своихъ Толстой выводитъ немало людей, къ которымъ онъ относится съ рѣшительнымъ, нескрываемымъ отрицаніемъ. Но опять-таки и здѣсь—меньше всего отрицаніе это опредѣляется спеціально-моральнымъ содержаніемъ данныхъ лицъ. Ужъ, конечно, самоотверженная Варенька вкладываетъ въ жизнь больше «смысла добра», чѣмъ пьяница, воръ и убійца дядя Ерошка; и, конечно, смѣшно въ нравственномъ отношеніи даже сравнивать благороднаго общественнаго дѣятеля Кознышева съ забубеннымъ Стивою Облонскимъ. И однако ясно, что не къ этимъ дѣятелямъ «добра» лежитъ душа художника. Съ отсутствіемъ «добра» Толстой еще можетъ помириться. Но чего онъ совершенно не выноситъ, что вызываетъ въ немъ тоску, отвращеніе, почти ужасъ, это—отсутствіе все той же *жизни*, все той же *силы жизни*. Ему душно, мертвая тяжесть наваливается на его душу, когда онъ чувствуетъ въ людяхъ отсутствіе этого трепета жизни. Надутые, замороженные англичане за люцернскимъ табльдотомъ. «Мнѣ все кажется, что я виноватъ въ чемъ-нибудь, что я наказанъ, какъ въ дѣтствѣ, когда за шалость меня сажали на стулъ и иронически говорили: «отдохни, мой любезный!», въ то время, какъ въ жилкахъ бьется молодая кровь и въ другой комнатѣ слышны веселые крики братьевъ. Я прежде старался взбунтоваться противъ этого чувства задавленности, но тщетно: всѣ эти мертвыя лица имѣютъ на меня неотразимое вліяніе, и я становлюсь такимъ же мертвымъ».

Передъ человѣкомъ открыто такъ много радостей, такъ много

счастья, — а онъ не видитъ этого, не слушаетъ поющихъ въ душѣ голосовъ жизни и превращаетъ душу свою въ мерзлый, мертвый комокъ. «Вѣдь всѣ эти люди — не глупые же и не безчувственные, — пишетъ Толстой, — а навѣрное у многихъ изъ этихъ замерзшихъ людей происходитъ такая же внутренняя жизнь, какъ и во мнѣ, у многихъ и гораздо сложнѣе и интереснѣе. Такъ зачѣмъ же они лишаютъ себя одного изъ лучшихъ удовольствій жизни,—наслажденія другъ другомъ, наслажденія человѣкомъ?.. Странно подумать, сколько здѣсь друзей и любовниковъ, самыхъ счастливыхъ друзей и любовниковъ, сидятъ рядомъ, можетъ-быть, не зная этого. И, Богъ знаетъ отчего, никогда не узнаютъ этого и никогда не дадутъ другъ другу того счастья, которое такъ легко могутъ дать и котораго имъ такъ хочется».

Вотъ и Борисъ Друбецкой въ «Войнѣ и мирѣ». Яркая, радостная жизнь широко раскрыта передъ нимъ. Но онъ отворачивается отъ нея. Всѣ живыя движенія души у него на уздѣ. Никогда онъ не забудется, никогда вольно не отдастся жизни. Холодно и расчетливо онъ пользуется ею исключительно для устройства карьеры. Для карьеры вступаетъ въ связь съ красавицею Эленъ, порываетъ съ Наташей, женится на богачкѣ Жюли.

Въ атмосферѣ буйно-радостной и напряженно-страдающей жизни, которою трепещетъ «Война и миръ», Борисъ вызываетъ прямо недоумѣніе: для чего это замораживаніе бьющихъ въ душѣ ключей жизни, для чего эта мертвая карьера? Какимъ-то недоразумѣніемъ кажется это, какимъ-то непонятнымъ безуміемъ. Какъ въ восьмидесятыхъ годахъ Толстой писалъ въ дневникѣ: «Всѣ устраиваются, — когда же начнутъ жить? Все не для того, чтобы жить, а для того, что такъ люди. Несчастные. И нѣтъ жизни».

Въ Борисѣ все же хоть изрѣдка, напримѣръ, при встрѣчахъ съ Наташей, вспыхиваетъ слабая искорка жизни. Совсѣмъ мертвъ и неподвиженъ въ «Войнѣ и мирѣ» великолѣпнѣйшій Бергъ. Это даже не мертвецъ, а аккуратно сработанный автоматъ,—безъ крови, безъ жизни, съ единственной двигательной пружиной внутри, — жить, какъ всѣ. Подлинный ницшевскій «послѣдній человѣкъ»: «онъ имѣетъ свое маленькое удовольствіе для дня и свое маленькое удовольствіе для ночи. Мы изобрѣли счастье,— говорятъ послѣдніе люди и моргаютъ».

«— Вотъ видите ли, — говорилъ Бергъ своему товарищу, котораго онъ называлъ другомъ только потому, что онъ зналъ, что у всѣхъ людей бываютъ друзья.—Вотъ видите ли, я все это сообразилъ, и я бы не женился, ежели бы не обдумалъ

всего, и это почему-нибудь было неудобно... И я люблю ее, потому что у нея характеръ разсудительный,—очень хорошій. Вотъ будете приходить къ намъ... — Бергъ хотѣлъ сказать «обѣдать», но раздумалъ и сказалъ: — «чай пить», — и, проткнувъ его быстро языкомъ, выпустилъ круглое, маленькое колечко табачнаго дыма, олицетворявшее вполнѣ его мечты о счастьѣ».

И счастье, разумѣется, тутъ какъ тутъ.

«Бергъ всталъ и, обнявъ свою жену осторожно, чтобы не измять кружевную пелеринку, за которую онъ дорого заплатилъ, поцѣловалъ ее въ середину губъ.

«— Одно только, чтобы у насъ не было такъ скоро дѣтей,— сказалъ онъ по безсознательной для себя филіаціи идей.

«— Да,—отвѣчала Вѣра,—я совсѣмъ этого не желаю. Надо жить для общества.

«— Точно такая была на княгинѣ Юсуповой, — сказалъ Бергъ, съ счастливой и доброй улыбкой указывая на пелерину».

Вотъ въ «Аннѣ Карениной» зловѣщій, мертвый призракъ,— «министерская машина» Каренинъ. Самое для него чуждое, самое непереносимое и непонятное—это живая жизнь. «Онъ стоялъ теперь лицомъ къ лицу передъ жизнью, и это-то казалось ему очень безтолковымъ и непонятнымъ, потому что это была сама жизнь. Всю жизнь свою Алексѣй Александровичъ прожилъ и проработалъ въ сферахъ служебныхъ, имѣющихъ дѣло съ отраженіями жизни. И каждый разъ, когда онъ сталкивался съ самою жизнью, онъ отстранялся отъ нея».

Страшно смотрѣть, какъ все блекнетъ, вянетъ и ссыхается вокругъ этого ходячаго трупа, какъ трепетно-нѣжная, радостная жизнь превращается въ сухой консервъ.

«— Вамъ дали звѣзду новую. Вы рады, папа? — спросилъ Сережа.

«— Во-первыхъ, не качайся, пожалуйста. А во-вторыхъ, дорога не награда, а трудъ. И я желалъ бы, чтобъ ты понималъ это. Вотъ если ты будешь трудиться, учиться для того, чтобы получить награду, то трудъ тебѣ покажется тяжелъ; но когда ты трудишься, любя трудъ, ты въ немъ найдешь для себя награду.

«Блестящіе нѣжностью и весельемъ глаза Сережи потухли и опустились подъ взглядомъ отца. Это былъ тотъ самый, давно знакомый тонъ, съ которымъ отецъ всегда относился къ нему и къ которому Сережа научился уже поддѣлываться. Отецъ всегда говорилъ съ нимъ,—такъ чувствовалъ Сережа,— какъ будто онъ обращался къ какому-то воображаемому имъ

мальчику, одному изъ такихъ, какіе бываютъ въ книжкахъ, но совсѣмъ не похожему на Сережу. И Сережа всегда съ отцомъ старался притворяться этимъ самымъ книжнымъ мальчикомъ.

«— Ты понимаешь это, я надѣюсь!—сказалъ отецъ.

«— Да, папа,—отвѣчалъ Сережа, притворяясь воображаемымъ мальчикомъ».

И все больше встаетъ передъ нами ходячихъ труповъ: Иванъ Ильичъ въ «Смерти Ивана Ильича», супруги Позднышевы... Мы о нихъ еще будемъ говорить. Въ «Воскресеніи» мертвецы эти, какъ въ кошмарѣ, заполняютъ все поле нашего зрѣнія. Длинною вереницею тянутся высшіе сановники, свѣтскія дамы, судьи, тюремщики. Всѣ они разговариваютъ, дѣйствуютъ, живутъ, но это какая-то особенная, безжизненная жизнь: какъ будто не кровь горячая бѣжитъ въ упругихъ сосудахъ, а мутная жидкость медленно струится и переливается въ разлагающихся тѣлахъ. Скорби, страданія, безсмысленноразбитыя жизни усѣиваютъ дорогу этихъ живьемъ гніющихъ людей, но почти нѣтъ мѣста для нравственнаго возмущенія. Глядя на нихъ въ волшебномъ освѣщеніи толстовскаго жизнепониманія, испытываешь не негодованіе, не злобу, а недоумѣвающій ужасъ: да какъ же люди могутъ жить такъ? Какая же это жизнь? Какъ позже, по поводу высылки своего секретаря Н. Н. Гусева, Толстой писалъ: «Жалко всѣхъ тѣхъ погибшихъ и погибающихъ и озлобляемыхъ людей въ ссылкахъ, въ тюрьмахъ, со злобою и ненавистью умирающихъ на висѣлицахъ, но нельзя не жалѣть и тѣхъ несчастныхъ, которые совершаютъ такія дѣла, а главное—предписываютъ ихъ... Вѣдь дѣлая такія дѣла, они захлопываютъ на себя дверь отъ всѣхъ истинныхъ и лучшихъ радостей жизни. И вотъ этимъ-то людямъ мнѣ хотѣлось сказать: *подумайте о себѣ*, о своей жизни, о томъ, на что вы тратите данныя вамъ Богомъ духовныя силы. Загляните себѣ въ душу, *пожалѣйте себя*».

И еще есть у Толстого разрядъ мертвецовъ. Это — люди, смыслъ жизни видящіе спеціально въ любви и самоотреченіи. Какъ это странно звучитъ въ примѣненіи къ Толстому, такъ упорно и настойчиво проповѣдующему именно любовь и самоотреченіе! И однако это такъ.

Толстой-художникъ прямо не въ состояніи понять, какъ можетъ самоотреченіе совмѣщаться съ живою жизнью. Только полно и широко живущій человѣкъ способенъ у него къ дѣйствительной, ненадсадной любви и самопожертвованію. Если же нѣтъ въ душѣ широкой жизни, если человѣкъ, чтобъ лю-

бить другихъ, старается «забыть себя», — то и сама любовь становится раздражающе-вялой, скучной и малоцѣнной. Наташа Ростова говоритъ про Соню: «Имущему дастся, а у неимущаго отнимется. *Она—неимущій. Въ ней нѣтъ, можетъ-быть, эгоизма*, — и у нея все отнялось. Она пустоцвѣтъ». Героиня «Семейнаго счастья» пишетъ: «Я не поняла бы теперь того, что̀ прежде мнѣ казалось такъ ясно и справедливо: счастье жить для другого. *Зачѣмъ для другого, когда и для себя жить не хочется?*»

Въ томъ же разговорѣ съ Толстымъ, о которомъ я упоминалъ, въ томъ же спорѣ о «счастьѣ въ любви», я разсказалъ Льву Николаевичу случай съ одной моей знакомой: медленно, вѣрно и безповоротно она губила себя, сама валила себя въ могилу, чтобъ удержать отъ паденія въ могилу другого человѣка,—все равно обреченнаго жизнью. Хрупкое свое здоровье, любимое дѣло, самыя дорогія свои привязанности, — все она отдала безоглядно, далекая даже отъ мысли спросить себя, сто̀итъ ли дѣло такихъ жертвъ. Разсказалъ я этотъ случай въ наивномъ предположеніи, что онъ особенно будетъ близокъ душѣ Толстого: вѣдь онъ такъ настойчиво учитъ, что истинная любовь не знаетъ и не хочетъ знать о результатахъ своей дѣятельности; вѣдь онъ съ такимъ умиленіемъ пересказываетъ легенду, какъ Будда своимъ тѣломъ накормилъ голодную тигрицу съ дѣтенышами.

И вдругъ—вдругъ я увидѣлъ: лицо Толстого нетерпѣливо и почти страдальчески сморщилось, какъ будто ему нечѣмъ стало дышать. Онъ повелъ плечами и тихо воскликнулъ:

— Богъ знаетъ, что̀ такое!

Я былъ въ полномъ недоумѣніи. Но теперь я понимаю. Это Наташа возмутилась въ его душѣ и сказала про самоотверженную дѣвушку: «она — неимущій; въ ней нѣтъ эгоизма, — и любовь ея пустоцвѣтна». И теперь для меня совершенно несомнѣнно: если бы въ жизни Толстой увидѣлъ упадочника-индуса, отдающаго себя на кормъ голодной тигрицѣ, — онъ почувствовалъ бы въ этомъ только величайшее поруганіе жизни, и ему стало бы душно, какъ въ гробу подъ землей.

Мы уже видѣли: кто у Толстого живетъ въ любви и самоотреченіи, у того художникъ выразительно подчеркиваетъ недостатокъ силы жизни, недостатокъ огня. Правда, мы немало также встрѣчаемъ у Толстого благочестивыхъ старцевъ и добродѣтельныхъ юношей, въ нихъ любовь и самоотреченіе какъ будто горятъ прочнымъ, изъ глубины идущимъ огнемъ,— но образы эти обитаютъ лишь въ одной рѣзко-обособленной

области толстовскаго творчества,—въ его «народныхъ разсказахъ». Вступая въ эту область, Толстой сурово обсѣкаетъ всѣ связи съ безсознательною своею сущностью,—единственнымъ источникомъ истиннаго художества; онъ творитъ только отъ головы, творитъ для поученія, — и вмѣсто живыхъ образовъ получаются безжизненныя восковыя фигуры.

Есть у Толстого одна большая повѣсть такого рода: «Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ». Въ ней дѣйствуетъ одинъ чрезвычайно добродѣтельный юноша Памфилій, познавшій истину жизни. Юноша этотъ поистинѣ ужасенъ,—ужасенъ по своей мертвенности, отсутствію жизни и спокойно-уравновѣшенному моральному самодовольствію. Восковая фигура съ благочестивымъ лицомъ, а вмѣсто глазъ — холодныя, мертвыя стекляшки. Самаго слабаго біенія жизни нѣтъ въ его душѣ, только зѣвоту и тяжкую скуку вызываютъ его мертвыя христіанскія добродѣтели. И странно сказать: разсказъ относится къ эпохѣ первыхъ вѣковъ христіанства, — къ той кипучей, напряженной эпохѣ, гдѣ было столько огня, вдохновенія, восторженно-радостнаго страдальчества и самоотреченія, — столько *жизни*.

На казнь итти и гимны пѣть,
И въ пасть некормленому звѣрю
Безъ содроганія смотрѣть...

И въ ней-то, въ этой-то эпохѣ, — эта неподвижно-самодовольная, успокоившаяся добродѣтель!.. Насколько живѣе, насколько выше добродѣтельнаго мертвеца Памфилія хотя бы даже Левинъ. Онъ мѣщанинъ, онъ хозяйственный пріобрѣтатель, онъ живетъ въ себя, — да. Но все-таки въ немъ есть частица того «страшнаго внутренняго огня», которымъ горитъ музыкантъ Альбертъ, въ немъ есть исканіе и честность исканія, есть живая динамика. И, можетъ-быть, недалеко уже время, когда динамика эта поведетъ Левина въ такія дебри «безхозяйственности», что домовитая Кити въ ужасѣ всплеснетъ руками. А юноша Памфилій никуда не пойдетъ, какъ никуда не пойдетъ могильная плита, хотя бы вся она была исписана самыми благочестивыми надписями.

Какой-то есть въ Толстомъ органическій дефектъ, дѣлающій его неспособнымъ рисовать образы людей, жизненно живущихъ въ любви и самоотреченіи. Пробуетъ, и вотъ — либо живые образы мертвыхъ людей, либо мертвые образы людей будто бы живыхъ. И, конечно, Толстой самъ это чувствуетъ. Какъ бы отчаявшись въ пригодности могучаго орудія — художественнаго своего генія,—онъ отбрасываетъ его въ сторону и настойчиво

начинаетъ *доказывать*, какъ выгодно должно быть для человѣка жить въ любви и самоотреченіи.

«Христосъ говоритъ, что есть *вѣрный мірской расчетъ* не заботиться о жизни міра... Онъ учитъ тому, какъ намъ избавиться отъ нашихъ несчастій и жить счастливо... Христосъ учитъ людей не дѣлать глупостей... Христосъ и не думаетъ призывать насъ къ жертвѣ; Онъ, напротивъ, учитъ насъ не дѣлать того, что̀ хуже, а дѣлать то, что̀ лучше для насъ здѣсь въ этой жизни».

Вотъ истинная бентамовская «моральная ариѳметика»!.. И всюду она въ статьяхъ Толстого; всюду призывъ къ уму, къ логикѣ. Это удручающее «сто̀итъ только понять», эти безконечныя доказательства счастья въ любви, безконечныя разсужденія о любви. И хочется напомнить Толстому то, что̀ сказалъ еще Николенька Иртеньевъ: «жалкая, ничтожная пружина моральной дѣятельности—умъ человѣка!». И хочется спросить: неужели Евангеліе выиграло бы въ силѣ, если бы было написано не въ четырехъ «брошюрахъ», а въ сотнѣ?

И вотъ нѣжное, воздушно-трепетное, свѣтлое чувство, не укладывающееся ни въ слово ни въ мысль, превращается въ засушенный препаратъ—черствый, сѣрый, легко ощупываемый и безнадежно-мертвый. И во имя той именно любви, которую Толстой проповѣдуетъ, хочется протестовать противъ него и къ нему же приложить его же слова:

«Любовь не есть выводъ разума, а есть сама радостная дѣятельность жизни, которая со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ... Люди грубыми руками ухватываютъ ростокъ любви и кричатъ: «Вотъ онъ, мы нашли его, мы теперь знаемъ его, возрастимъ его. Любовь, любовь! Высшее чувство, вотъ оно!». И люди начинаютъ пересаживать его, исправлять его и захватываютъ, заминаютъ его такъ, что ростокъ умираетъ, не расцвѣтши, и тѣ же или другіе люди говорятъ: «все это вздоръ, пустяки, сентиментальность».

VI.

Прекрасный звѣрь

Смыслъ жизни заключается для Толстого не въ добрѣ, а въ самой жизни. Точнѣе—жизнь, живая жизнь лежитъ для него вообще въ другой плоскости,—не въ той, гдѣ возможенъ самый вопросъ о «смыслѣ».

Но въ такомъ случаѣ — чѣмъ же отличается человѣкъ отъ звѣря? Только звѣрь свободно живетъ изъ себя, только звѣрь не вѣдаетъ никакого долга, никакихъ думъ о добрѣ и смыслѣ

жизни. Не является ли для Толстого идеаломъ именно звѣрь— прекрасный, свободный, цѣльно живущій древній звѣрь?

Дядя Ерошка предлагаетъ Оленину добыть ему красавицу. Олениnъ стыдитъ его, говоритъ, что это грѣхъ.

«— Грѣхъ? Гдѣ грѣхъ?—рѣшительно спросилъ старикъ.— На хорошую дѣвку поглядѣть грѣхъ? Погулять съ ней грѣхъ? Али любить ее грѣхъ? Это у васъ такъ? Нѣтъ, отецъ мой, это не грѣхъ, а спасенье. Богъ тебя сдѣлалъ, Богъ и дѣвку сдѣлалъ. На то она сдѣлана, чтобы ее любить да на нее радоваться. По-моему, все одно. Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку. *Ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Хоть съ звѣря примѣръ возьми*».

«Ни въ чемъ нѣтъ грѣха, возьми примѣръ съ звѣря». Этотъ призывъ теперь часто повторяется, и повторяется многими. Люди все сильнѣе сознаютъ, что самое главное въ жизни — жизнь. Въ себѣ и въ людяхъ кругомъ они ощущаютъ ужасающее отсутствіе жизни, чувствуютъ сухую принудительность и вялую мертвенность добра. И они отвергаютъ добро и обращаютъ жадные взгляды къ прекрасному, хищному, древнему звѣрю. Возносится на высоту «бѣлокурая бестія», Цезарь Борджіа, желѣзный кондотьеръ, англичанинъ-завоеватель, хищная женщина-паучиха. Воля къ жизни отожествляется съ волею къ господству, съ волею къ мощи. По мощи тоскуютъ упадочные герои Достоевскаго, по ней же тоскуетъ рядъ очень яркихъ новыхъ писателей. Лишенные своего собственнаго, человѣческаго ощущенія жизни, они способны видѣть жизнь только въ жестокихъ и торжествующихъ проявленіяхъ прекраснаго хищнаго звѣря.

Только по большому недоразумѣнію можно относить Толстого къ приверженцамъ этого «прекраснаго звѣря». Звѣрь одинокъ. Онъ полонъ силы жизни, но познавательною интуиціей своего инстинкта соприкасается съ міромъ только для ближайшихъ, практическихъ своихъ цѣлей. Высшее, до чего онъ способенъ подняться, это—до сознанія единства со своими дѣтенышами или—у роевыхъ и стадныхъ животныхъ—до сознанія единства со своей общиной. Живой міръ въ цѣломъ для животнаго чуждъ и нѣмъ, онъ для него — только среда, добыча или опасность.

Совсѣмъ не такъ у Толстого.

«Очнувшись, Ерошка поднялъ голову и началъ пристально всматриваться въ ночныхъ бабочекъ, которыя вились надъ колыхавшимся отнемъ свѣчи и попадали въ него.

«— Дура, дура! — заговорилъ онъ. — Куда летишь? Дура! Дура!—Онъ приподнялся и своими толстыми пальцами сталъ

отгонять бабочекъ.—Сгоришь, дурочка. Вотъ сюда лети, мѣста много,—проговорилъ онъ нѣжнымъ голосомъ, стараясь своими толстыми пальцами учтиво поймать ее за крылышки и выпустить.—Сама себя губишь, а я тебя жалѣю».

Ерошка говоритъ: «ни въ чемъ грѣха нѣтъ, хоть съ звѣря примѣръ возьми». Но говоритъ онъ это спеціально объ отношеніяхъ къ женщинѣ. А въ этой области понятіе грѣха, дѣйствительно, очень смутно, расплывчато и спорно. Общее же отношеніе дяди Ерошки къ жизни не имѣетъ ничего схожаго съ отъединенною, увѣренною въ себѣ безгрѣшностью звѣря.

«— Сидишь на зорькѣ въ лѣсу, дожидаешься, — разсказываетъ старикъ.—Ружье гдѣ далече ударитъ, мысли придутъ. Подумаешь: кто это стрѣлилъ? Казакъ такъ же, какъ я, звѣря выждалъ, и попалъ ли онъ въ его, или такъ только испортилъ, и пойдетъ, сердечный, по камышу кровь мазать, такъ, даромъ! Не люблю, ахъ, не люблю! Зачѣмъ звѣря испортилъ? Дуракъ, дуракъ!.. А то разъ сидѣлъ на водѣ, смотрю, зыбка сверху плыветъ. То-то мысли пришли. Чья такая зыбка? Должно, думаю, ваши черти-солдаты въ аулъ пришли, чеченокъ побрали, ребеночка убилъ какой чортъ, взялъ за ножки да объ уголъ. Развѣ не дѣлаютъ такъ-то? Эхъ, души нѣтъ въ людяхъ!»

А между тѣмъ—«не одно убійство и чеченцевъ и русскихъ было на душѣ дяди Ерошки». Но не съ гордо-спокойнымъ равнодушіемъ вспоминаетъ онъ объ этихъ убійствахъ.

«— Это знаешь, кто поетъ?—сказалъ старикъ, очнувшись.— Это Лукашка-джигитъ. Онъ чеченца убилъ, то-то и радуется. И чему радуется, дуракъ, дуракъ!

«— А ты убивалъ людей?—спросилъ Оленинъ.

«Старикъ вдругъ поднялся на оба локтя и близко придвинулъ свое лицо къ лицу Оленина.

«— Чортъ! — закричалъ онъ на него. — Что спрашиваешь? Говорить не надо. Душу загубить мудрено, охъ, мудрено!»

И поспѣшно обрываетъ разговоръ.

Звѣрь не таковъ. При видѣ крови глаза его загораются зеленоватымъ огнемъ, онъ радостно разрываетъ прекрасное тѣло своей жертвы, превращаетъ его въ кровавое мясо и, грозно мурлыча, пачкаетъ морду кровью. Мы знаемъ художниковъ, въ душѣ которыхъ живетъ этотъ стихійно-жестокій звѣрь, радующійся на кровь и смерть. Характернѣйшій среди такихъ художниковъ—Редіардъ Киплингъ. Но безконечно чуждъ имъ Левъ Толстой.

«Надъ всѣмъ Бородинскимъ полемъ стояла теперь мгла сырости и дыма, и пахло странной кислотой селитры и крови.

Собрались тучки, и сталъ накрапывать дождикъ на убитыхъ, на раненыхъ, на испуганныхъ и на изнуренныхъ, и на сомнѣвающихся людей. Какъ будто онъ говорилъ: «Довольно, довольно, люди! Перестаньте... Опомнитесь. Что вы дѣлаете?»

«Измученнымъ людямъ той и другой стороны начинало одинаково приходить сомнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли имъ еще истреблять другъ друга, и на всѣхъ лицахъ было замѣтно колебаніе, и въ каждой душѣ одинаково поднимался вопросъ: «Зачѣмъ, для кого мнѣ убивать и быть убитому? Убивайте, кого хотите, дѣлайте, что хотите, а я не хочу больше!». Мысль эта къ вечеру одинаково созрѣла въ душѣ каждаго. Всякую минуту могли всѣ эти люди ужаснуться того, что они дѣлали, бросить все и побѣжать, куда попало».

Можетъ-быть, какъ разъ одинъ изъ недостатковъ «Войны и мира», — что въ дѣйствительности въ человѣкѣ гораздо больше звѣриной любви къ крови, гораздо меньше священнаго трепета передъ нею, чѣмъ мы видимъ въ романѣ.

Душа звѣря близка и родна Толстому. Онъ любитъ ее за переполняющую ее силу жизни. Но глубокая пропасть отдѣляетъ для него душу звѣря отъ души человѣка. Та самая форма силы жизни, которая въ звѣрѣ законна, прекрасна и ведетъ къ усиленію жизни,—въ человѣкѣ становится низменною, отвратительною и, какъ гнилостное бродило, разрушаетъ и умерщвляетъ жизнь.

Въ «Холстомѣрѣ» передъ нами исторія двухъ прекрасныхъ звѣрей, четвероногаго и двуногаго,—пѣгаго мерина Холстомѣра и красавца-гусара князя Серпуховского. Меринъ разсказываетъ про своего хозяина-князя: «Хотя онъ былъ причиной моей погибели, хотя онъ никого и ничего никогда не любилъ, я люблю и любилъ его именно за это. Мнѣ нравилось въ немъ именно то, что онъ былъ красивъ, счастливъ, богатъ и потому никого не любилъ... Онъ ничего не боялся и никого не любилъ, кромѣ себя, и за это всѣ любили его».

Оба они красиво и ярко прожили молодость. И вотъ прошло двадцать лѣтъ. Послѣ долгихъ мытарствъ меринъ — старый, надорванный — попадаетъ на конный дворъ. Другія лошади мучаютъ его и обижаютъ. «Онъ былъ старъ, онѣ были молоды: онъ былъ скученъ, онѣ были веселы. Стало-быть, онъ былъ совсѣмъ чужой, постороній, совсѣмъ другое существо, и нельзя было жалѣть его. Лошади жалѣютъ только самихъ себя и изрѣдка только тѣхъ, въ шкурѣ кого онѣ себя легко могутъ представить. Но вѣдь не виноватъ же былъ пѣгій меринъ въ томъ, что онъ былъ старъ и тощъ и уродливъ?.. Казалось бы,

что нѣтъ, но *по-лошадиному онъ былъ виноватъ, и правы были всегда только тѣ, которые были сильны, молоды и счастливы*».

Мерину горько и обидно, что молодыя лошади обижаютъ его, но онъ понимаетъ, что виноватъ,—«виноватъ тѣмъ, что прожилъ уже жизнь, что ему надо платить за эту жизнь». Все жизнепониманіе его стройно и послѣдовательно-жестоко,—какъ по отношенію къ другимъ, такъ и по отношенію къ самому себѣ. Эта звѣриная правда составляетъ природную сущность души звѣря. И вотъ, живя по этой присущей ему правдѣ, меринъ до послѣдняго своего часа остается полезнымъ для жизни. Умираетъ,—и самая смерть его служитъ «созиданію и обновленію лица земли». Кожу мерина унесъ драчъ, надъ мясомъ его хлопотливо возятся собаки и вороны, въ лѣсномъ оврагѣ радостно воютъ головастые волченята, передъ которыми худая волчица выхаркиваетъ куски Холстомѣрова мяса. Даже кости мерина уноситъ мужикъ, собирающій кости, и пускаетъ ихъ въ дѣло.

Меринъ никого не любилъ и любилъ тѣхъ, кто никого не любилъ,—и однако до послѣднихъ своихъ дней и даже послѣ смерти остается среди жизни. Хозяинъ его, красавецъ князь Серпуховской, тоже никого не любилъ — и уже при жизни оказывается внѣ жизни. Вотъ онъ, — плѣшивый, обрюзгшій, отвратительный, съ бѣгающими глазами, пахнущій табакомъ, виномъ и грязною старостью. Никому оно не нужно, всѣмъ оно въ тягость, — это «ходящее по свѣту, ѣдящее и пьющее мертвое тѣло». И смерть его никому не доставляетъ ничего, кромѣ затрудненій и хлопотъ.

А между тѣмъ, несомнѣнно, князь Серпуховской—двойникъ того же графа Турбина-старшаго, къ которому Толстой относится такъ сочувственно. Оцѣнка жизни двоится, художникъ какъ будто противорѣчитъ себѣ. Но противорѣчіе это объяснить не трудно. Толстой жадно любитъ жизнь «нутромъ и чревомъ», поэтому не можетъ не любить «прекраснаго звѣря» даже и въ человѣкѣ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе Толстой начинаетъ чувствовать, что отъединенная звѣриная сила жизни въ человѣкѣ обусловливаетъ какъ разъ *непрочность жизни*. На плохо перепрѣвшемъ навозѣ пышно и здорово растетъ грубый бурьянъ, но загниваетъ благородная лилія. То самое начало, которое могуче питаетъ «прекраснаго звѣря», уродуетъ и разрушаетъ человѣка. Потому что сущность человѣка неизмѣримо тоньше, глубже и свѣтлѣе, чѣмъ сущность звѣря.

VII.

«Не ниже ангеловъ».

Въ одной изъ своихъ педагогическихъ статей Толстой пишетъ:

«Здоровый ребенокъ родится на свѣтъ, вполнѣ удовлетворяя тѣмъ требованіямъ безусловной гармоніи въ отношеніи правды, красоты и добра, которыя мы носимъ въ себѣ... Во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ людей ребенокъ представляется образцомъ невинности, безгрѣшности, добра, правды и красоты. *Человѣкъ родится совершеннымъ*—есть великое слово, сказанное Руссо, *и слово это, какъ камень, останется твердымъ и истиннымъ*».

Наше воспитаніе, уродливая наша жизнь, уродливая оцѣнка добра и зла калѣчатъ изначально-прекрасную человѣческую душу. Но все время ясно и призывно звучитъ въ ней «непогрѣшимый, блаженный голосъ» и зоветъ человѣка къ великимъ радостямъ, такимъ близкимъ и доступнымъ.

«Сдѣлали себѣ подраздѣленія въ этомъ вѣчно-движущемся, безконечномъ, безконечно-перемѣшанномъ хаосѣ добра и зла, провели воображаемыя черты по этому морю и ждутъ, что море такъ и раздѣлится... Вотъ это-то воображаемое знаніе уничтожаетъ *инстинктивныя, блаженнѣйшія, первобытныя потребности добра въ человѣческой натурѣ*... Одинъ, только одинъ есть у насъ непогрѣшимый руководитель, Всемірный Духъ, проникающій насъ всѣхъ вмѣстѣ и каждаго, какъ единицу, влагающій въ каждаго стремленіе къ тому, что должно; тотъ самый Духъ, который въ деревѣ велитъ ему расти къ солнцу, въ цвѣткѣ велитъ ему бросить сѣмя къ осени и въ насъ велитъ намъ безсознательно жаться другъ къ другу»

Въ самыхъ холодныхъ, свирѣпыхъ душахъ живетъ несознаваемо этотъ Всемірный Духъ единенія. Наступаетъ мигъ,—и, какъ сонъ, отходитъ отъ человѣка дурманящая власть обыденной жизни, и звучитъ въ душѣ напоминающій голосъ великаго Духа. Плѣннаго Пьера Безухова приводятъ къ маршалу Даву, извѣстному своею жестокостью.

«— Кто мнѣ докажетъ, что вы не лжете?

«— Ваше высочество!—вскрикнулъ Пьеръ не обиженнымъ, но умоляющимъ голосомъ.

«Даву поднялъ глаза и пристально посмотрѣлъ на Пьера. Нѣсколько секундъ они смотрѣли другъ на друга, и этотъ взглядъ спасъ Пьера. Въ этомъ взглядѣ, помимо всѣхъ условій войны и суда, между этими двумя людьми установились человѣческія отношенія. Оба они въ эту одну минуту смутно

перечувствовали безчисленное количество вещей и поняли, что они оба дѣти человѣчества, что они братья».

Въ душѣ человѣка живетъ Всемірный Духъ единенія? Онъ заставляетъ насъ безсознательно жаться другъ къ другу?.. Мрачно и недоумѣвающе усмѣхнулась бы на это душа Достоевскаго. Какъ? Просто такъ, безсознательно жаться другъ къ другу, «какъ дерево растетъ къ солнцу»? И никакого за это безсмертія? Развѣ же способны на это люди,—«недодѣланныя, пробныя существа, созданныя въ насмѣшку»? Нѣтъ, человѣкъ—это дьяволъ. «Дьяволу ничто человѣческое не чуждо». «Если дьяволъ не существуетъ и, стало-быть, создалъ его человѣкъ, то создалъ онъ его по своему образу и подобію».

Молодежь Ростовыхъ сидитъ на диванѣ въ темной комнатѣ, въ окна падаетъ на полъ серебряный свѣтъ мѣсяца. Всѣ разговариваютъ шопотомъ, охваченные свѣтлымъ, таинственнымъ настроеніемъ. Вспоминаютъ впечатлѣнія самаго дальняго прошедшаго, гдѣ сновидѣнія сливаются съ дѣйствительностью,— и тихо смѣются, радуясь чему-то.

«— Знаешь, я думаю,—сказала Наташа шопотомъ, придвигаясь къ Николаю и Сонѣ, — что, когда такъ вспоминаешь, вспоминаешь, все вспоминаешь, до того довспоминаешься, что помнишь то, что̀ было еще прежде, чѣмъ я была на свѣтѣ...

«— Это метампсихоза, — сказала Соня, которая всегда хорошо училась и все помнила. — Египтяне вѣрили, что наши души были въ животныхъ и опять пойдутъ въ животныхъ.

«— Нѣтъ, знаешь, я не вѣрю этому, чтобы мы были въ животныхъ,—сказала Наташа тѣмъ же шопотомъ, хотя и музыка кончилась,—а я знаю навѣрное, что *мы были ангелами тамъ гдѣ-то и здѣсь были*, и отъ этого все помнимъ...

«— Ежели бы мы были ангелами, такъ за что же мы попали ниже? — сказалъ Николай.—Нѣтъ, это не можетъ быть.

«— *Не ниже, кто тебѣ сказалъ, что ниже?*.. Почему я знаю, чѣмъ я была прежде? — съ убѣжденіемъ возразила Наташа».

«Не ниже ангеловъ»... Это не дѣвушка сболтнула, не зная, что̀ говоритъ. Это душа Толстого сказала. Потому что именно Наташа-то и есть подлинная душа Толстого.

Ничѣмъ несокрушимая вѣра въ свѣтлое существо человѣческой души — это одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей Толстого. «Человѣкъ — это то, чему не можетъ быть оцѣнки, выше чего ничего нѣтъ»,—говоритъ онъ. Эта-то вѣра лежитъ въ основѣ и его позднѣйшаго ученія о непротивленіи злу. Только ею можно объяснить то упорство, ту странную слѣпоту, съ которою Толстой возражаетъ противъ очевидности.

Ею только можно объяснить знаменитое письмо, которое въ 1881 году пишетъ пятидесятитрехлѣтній старикъ, по-дѣтски вѣрящій въ силу добра. И ею же только можно объяснить, напр., недавнее письмо по поводу ареста его секретаря Гусева. Естественное негодованіе противъ безсмысленнаго насилія нашихъ Даву у Толстого, мы видѣли, выливается вотъ во что: «Подумайте о себѣ, о своей жизни... Загляните себѣ въ душу, *пожалѣйте себя*».

Вотъ именно такія настроенія переживалъ каждый изъ насъ очень, очень давно, въ раннемъ дѣтствѣ. Тогда было это непониманіе и недоумѣніе, — какъ люди могутъ не ужасаться сами передъ собою тѣхъ жестокостей, которыя они дѣлаютъ? Тогда было въ сердцѣ то непосредственное, изъ глубины души идущее знаніе, которое мы видимъ въ длинношеемъ мальчикѣ, смотрящемъ въ «Воскресеніи» на арестантовъ. «Не смигивая и не спуская глазъ, смотрѣлъ мальчикъ на шествіе арестантовъ. Онъ зналъ еще твердо и несомнѣнно, узнавъ это прямо отъ Бога, что люди эти были точно такіе же, какъ и онъ самъ, какъ и всѣ люди, и что поэтому надъ этими людьми было кѣмъ-то сдѣлано что-то дурное, такое, чего не должно дѣлать, и ему было жалко ихъ, и онъ испытывалъ ужасъ и передъ тѣми людьми, которые были закованы и обриты, и передъ тѣми, которые ихъ заковали и обрили».

Давно замѣчено, что каждый художникъ въ творчествѣ своемъ какъ бы отражаетъ одинъ опредѣленный человѣческій возрастъ. Гончаровъ и въ самыхъ юношескихъ своихъ произведеніяхъ былъ старикомъ. Юноша Лермонтовъ все время былъ взрослымъ человѣкомъ. Взрослый Пушкинъ до конца жизни оставался юношей. Во Львѣ Толстомъ мы имѣемъ рѣдкій примѣръ, гдѣ художникъ все время остается *ребенкомъ*. Ребенкомъ не только въ отношеніи своемъ къ «добру», а во всѣхъ характернѣйшихъ особенностяхъ ребенка,—въ радостной свѣжести чувства, въ пѣнящемся сознаніи жизни, въ чистотѣ отношенія къ жизни, въ ощущеніи таинственной ея значительности, даже... даже въ самомъ слогѣ.

Описаніе оперы въ «Войнѣ и Мирѣ»: «Во второмъ актѣ были картины, изображающія монументы, и была дыра въ полотнѣ, изображающая луну, и абажуры на рампѣ подняли, и справа и слѣва вышло много людей въ черныхъ мантіяхъ. Люди стали махать руками, и въ рукахъ у нихъ было что-то въ родѣ кинжаловъ; потомъ прибѣжали еще какіе-то люди и стали тащить прочь дѣвицу... Они не утащили ее сразу, а долго съ ней пѣли, а потомъ уже ее утащили, и за кулисами

ударили три раза во что-то металлическое, и всѣ стали на колѣна и запѣли молитву».

Кто это написалъ,—большой художникъ? Да. Но возможно также, что написалъ это въ своемъ дневникѣ восьмилѣтній мальчикъ. И тотъ же мальчикъ, описывая священника въ ризѣ, скажетъ: «старикъ въ парчевомъ мѣшкѣ», и про городового напишетъ: «человѣкъ съ саблей и пистолетомъ на красномъ шнуркѣ» (и именно пистолетомъ, а не револьверомъ).

Глубоко-серьезными глазами ребенка смотритъ Толстой на жизнь. И, какъ въ ребенкѣ, въ немъ также совершенно нѣтъ юмора. Рисуемое имъ часто убійственно-смѣшно, но чувство смѣшного достигается чрезвычайно своеобразнымъ пріемомъ: какъ будто внимательный, все подмѣчающій ребенокъ смотритъ на явленіе, описываетъ его, не вѣдаясь съ условностями, *просто такъ, какъ оно есть*,—и съ явленія сваливаются эти привычныя, гипнотизировавшія насъ условности, и оно предстаетъ во всей своей голой, смѣшной нелѣпицѣ.

VIII.

Любовь-радость.

Глубокая и таинственная серьезность «живой жизни», форма проявленія ея въ томъ свѣтломъ существѣ, которое называется человѣкомъ, *счастье* въ его отличіи отъ *удовольствія*, уплощеніе и омертвѣніе жизни, когда дѣло ея берется творить живой мертвецъ,—всѣ эти стороны художественнаго жизнепониманія Толстого особенно ярко и наглядно проявляются въ отношеніи его къ любви между мужчиной и женщиной.

Человѣкъ полюбилъ. И въ смятеніи онъ ощущаетъ, какъ на него надвигается какая-то огромная, грозно-радостная тайна. И радостный ужасъ встаетъ ей навстрѣчу изъ души человѣка.

«У Кити шелъ свой разговоръ съ Левинымъ, и не разговоръ, а какое-то таинственное общеніе, которое съ каждой минутой все больше связывало ихъ и производило въ обоихъ чувство радостнаго страха передъ тѣмъ неизвѣстнымъ, въ которое они вступали».

Левинъ пріѣзжаетъ къ Щербацкимъ дѣлать предложеніе.

«Вдругъ за дверью послышался шорохъ платья, и радостный ужасъ близости своего счастья сообщился ему... Быстрые-быстрые, легкіе шаги зазвучали по паркету. Онъ видѣлъ только ея ясные, правдивые глаза, испуганные тою же радостью любви, которая наполняла и его сердце».

Полюбившій Наташу князь Андрей весь день провелъ у Ростовыхъ. Вечеромъ Наташа лежитъ въ постели матери.

«Графиня подошла къ Наташѣ и шопотомъ спросила:

«— Ну, что?

«— Мама, ради Бога, ничего не спрашивайте у меня теперь. Это нельзя говорить,—сказала Наташа.

«Но, несмотря на то, въ этотъ вечеръ Наташа, то взволнованная, то испуганная, съ останавливающимися глазами, лежала долго въ постели матери.

«— Такого, такого... со мной никогда не бывало!—говорила она. — Только мнѣ страшно при немъ, мнѣ всегда страшно при немъ; что это значитъ? Значитъ, что это настоящее, да? Мама, вы спите?

«— Нѣтъ, душа моя, мнѣ самой страшно,—отвѣчала мать.

«— Мамаша, мамаша, такого со мной никогда не бывало,— говорила она съ удивленіемъ и испугомъ передъ тѣмъ чувствомъ, которое она сознавала въ себѣ».

Еще глубоко-глубоко въ безсознательномъ лежитъ то спеціальное, тѣлесное чувство, которымъ въ конечномъ счетѣ обусловливается влеченіе любящихъ другъ къ другу. Человѣкъ совсѣмъ еще какъ будто не думаетъ о тѣлѣ, даже самая мысль о немъ оскорбительна. Въ таинственномъ, воздушно-безплотномъ общеніи зрѣетъ подготовка души къ тому, что кажется со стороны такимъ простымъ и что въ человѣкѣ такъ сложно и глубоко. И только, когда въ тѣсномъ, радостномъ единеніи сольются уже души, когда онѣ наладятся на новый, свѣтлый, дотолѣ невѣдомый строй, — тогда неожиданно и само собой пробудится тѣло.

Если же не свершилось этой подготовки, если человѣкъ грубо, съ звѣриною мѣркою, подойдетъ къ медленно зрѣющему таинству,—то грязнымъ, пошлымъ и мелкимъ становится вдругъ то, что могло бы и должно бы быть солнечно-чистымъ и солнечно-высокимъ.

Князь Нехлюдовъ полюбилъ Катюшу. У заутрени они христосуются. «Она невинно снизу вверхъ смотрѣла на него своими влюбленными, смѣющимися отъ радости и полноты жизни глазами. Черная, гладкая, блестящая головка, бѣлое платье со складками, дѣвственно охватывающее ея стройный станъ и невысокую грудь, и этотъ румянецъ, и эти нѣжные глаза, и во всемъ ея существѣ двѣ главныя черты: чистота дѣвственности любви, не только къ нему,—онъ зналъ это,—но любви ко всѣмъ и ко всему, не только хорошему, что есть въ мірѣ, но и къ тому нищему, съ которымъ она поцѣловалась.

«Онъ зналъ, что въ ней была эта любовь, потому что онъ

въ себѣ въ эту ночь сознавалъ ее, и сознавалъ, что въ этой любви онъ сливался съ нею въ одно».

Назавтра въ Нехлюдовѣ просыпается древній звѣрь,—«животный человѣкъ».

— «Катюша, постой,—сказалъ онъ.

«Она оглянулась.

«— Что вы?—сказала она, пріостанавливаясь.

«—Ничего, только...

«И, сдѣлавъ усиліе надъ собой, онъ обнялъ Катюшу за талію.

«Она остановилась и посмотрѣла ему въ глаза.

«— Не надо, Дмитрій Ивановичъ, не надо,—покраснѣвъ до слезъ, проговорила она и своей жесткой, сильной рукой отвела обнимавшую ее руку.

«Нехлюдовъ пустилъ ее, и ему стало на мгновеніе не только неловко и стыдно, но гадко на себя. Но ему показалось, что это говоритъ въ немъ его глупость. Онъ догналъ ее еще разъ, опять обнялъ и поцѣловалъ въ шею. Этотъ поцѣлуй былъ страшенъ, и она почувствовала это.

«— Что же это вы дѣлаете?—такимъ голосомъ, *какъ будто онъ безвозвратно разбилъ что-то безконечно драгоцѣнное*, вскрикнула она и побѣжала отъ него».

Въ послѣднее время, какъ вообще сила жизни отожествляется у насъ съ силою жизни «прекраснаго хищнаго звѣря», такъ и въ области любви возносится на высоту тотъ же «древній, прекрасный и свободный звѣрь, громкимъ кличемъ призывающій къ себѣ самку». У Толстого только очень рѣдко чувствуется несомнѣнная подчасъ красота этого звѣря, — напр., въ молніеносномъ романѣ гусара Турбина-старшаго съ вдовушкою Анной Ѳедоровной. Ярко чувствуется эта красота у подлинныхъ звѣрей.

«Бурая кобылка остановилась гордо, нѣсколько набокъ, подняла голову, встряхнулась и заржала сладкимъ, нѣжнымъ и протяжнымъ голосомъ. Въ немъ было и желаніе, и обѣщаніе любви, и грусть по ней.

«Вонъ дергачъ, въ густомъ тростникѣ перебѣгая съ мѣста на мѣсто, страстно зоветъ къ себѣ свою подругу; вонъ и кукушка и перепелъ поютъ любовь, и цвѣты по вѣтру пересылаютъ свою душистую пыль другъ другу.

«И я и молода, и хороша, и сильна,—говорило ржанье шалуньи,—а мнѣ не дано было до сихъ поръ испытать сладость этого чувства, не только не дано испытать, но ни одинъ любовникъ, ни одинъ еще не видѣлъ меня.

«И многозначащее ржанье грустно и молодо отозвалось ни-

зомъ и полемъ и издалека донеслось до чалой лошадки. Она подняла уши и остановилась. Она была очарована серебрянымъ звукомъ далекаго ржанья и заржала тоже. Пахавшій мужикъ разсердился, дернулъ ее вожжами и такъ ударилъ лаптемъ по брюху, что она не успѣла докончить своего ржанья и пошла дальше. Но чалой лошадкѣ стало сладко и грустно, и изъ далекихъ ржей долго еще долетали до табуна звуки начатаго страстнаго ржанья и сердитаго голоса мужика.

«Ежели отъ одного звука этого голоса чалая лашадка могла такъ ошалѣть, что̀ бы было съ ней, если бы она видѣла всю красавицу-шалунью, какъ она, настороживъ уши, растопыривъ ноздри и куда-то порываясь и дрожа всѣмъ своимъ молодымъ и красивымъ тѣломъ, звала ее».

Такъ именно, «куда-то порываясь и дрожа молодыми, красивыми тѣлами», зовутъ къ себѣ другъ друга люди-жеребцы и люди-кобылы въ звѣриномъ воображеніи нынѣшнихъ жизнеписателей. Но для Толстого любовь человѣка—нѣчто неизмѣримо высшее, чѣмъ такая кобылиная любовь. И при напоминающемъ свѣтѣ этой высшей любви «прекрасный и свободный звѣрь» въ человѣкѣ, какъ мы это видѣли на Нехлюдовѣ, принимаетъ у Толстого формы грязнаго, поганаго гада.

Отлетаетъ отъ любви очарованіе, исчезаетъ живая глубина; радостная, таинственная жизнь оголяется, становится мелкой, поверхностной и странно-упрощенной.

«Бюстъ Элень, казавшійся всегда мраморнымъ Пьеру, находился въ такомъ близкомъ разстояніи отъ его глазъ, что онъ своими близорукими глазами невольно различалъ живую прелесть ея плечъ и шеи, и такъ близко отъ его губъ, что ему стоило немного нагнуться, чтобы прикоснуться до нея. Онъ слышалъ тепло ея тѣла, запахъ духовъ и скрипъ ея корсета при движеніи. Онъ видѣлъ не ея мраморную красоту, составлявшую одно цѣлое съ ея платьемъ, онъ видѣлъ и чувствовалъ всю прелесть ея тѣла, которое было закрыто только одеждой. И, разъ увидавъ это, онъ не могъ видѣть иначе, какъ мы не можемъ возвратиться къ разъ объясненному обману.

«— Такъ вы до сихъ поръ не замѣчали, какъ я прекрасна? — какъ будто сказала Элень. — Вы не замѣчали, что я женщина? Да, я женщина, которая можетъ принадлежать каждому и вамъ тоже», — сказалъ ея взглядъ. И въ ту же минуту Пьеръ почувствовалъ, что Элень не только могла, но должна была быть его женою, что это не можетъ быть иначе. И онъ опять видѣлъ ее не какою-то дочерью князя Василія, а видѣлъ все ея тѣло, только прикрытое сѣрымъ платьемъ».

Пьеръ начинаетъ видѣть подъ платьемъ голую Элень. Глаза ея, подобно ржанію бурой кобылки, говорятъ: «да, я могу принадлежать каждому и вамъ тоже». Чудовищно даже подумать, чтобъ князь Андрей или тотъ же Пьеръ начали видѣть подъ платьемъ голую Наташу, или чтобъ глаза полюбившей Кити говорили Левину: «я женщина, которая можетъ принадлежать каждому и вамъ тоже». Глаза ея только одно могутъ говорить: «случилось что-то невѣдомое и таинственное,— и вотъ я могу принадлежать только вамъ, и нельзя себѣ даже представить, чтобъ я могла принадлежать другому».

Еще голѣе, проще и ужаснѣе въ своей простотѣ отношенія Анатоля Курагина къ Наташѣ.

«Онъ не спускалъ улыбающихся глазъ съ лица, съ шеи, съ оголенныхъ рукъ Наташи. Наташѣ было пріятно, что онъ восхищается ею, но почему-то ей тѣсно и тяжело становилось отъ его присутствія. Когда она не смотрѣла на него, она чувствовала, что онъ смотрѣлъ на ея плечи, и она невольно перехватывала его взглядъ, чтобъ онъ ужъ лучше смотрѣлъ на ея глаза. Но, глядя ему въ глаза, она со страхомъ чувствовала, что между нимъ и ею совсѣмъ нѣтъ той преграды стыдливости, которую она всегда чувствовала между собой и другими мужчинами. Она, сама не зная какъ, черезъ пять минутъ чувствовала себя страшно близкой къ этому человѣку. Когда она отворачивалась, она боялась, какъ бы онъ сзади не взялъ ее за голую руку, не поцѣловалъ бы ее въ шею».

Оголеніе и уплощеніе таинственной, глубокой «живой жизни» потрясаетъ здѣсь душу почти мистическимъ ужасомъ. Подошелъ къ жизни поганый «древній звѣрь», — и вотъ жизнь стала такъ проста, такъ анатомически-осязаема. Съ дѣвушки воздушно-свѣтлой, какъ утренняя греза, на нашихъ глазахъ какъ будто спадаютъ одежды; она—ужъ просто тѣло, просто женское мясо. Взглядъ звѣря говоритъ ей: «да, ты женщина, которая можетъ принадлежать каждому и мнѣ тоже», — и тянетъ ее къ себѣ, и радостную утреннюю грезу превращаетъ— въ бурую кобылку.

Теменъ и низменъ въ любви становится для Толстого человѣкъ, когда въ немъ пробуждается «древній, прекрасный и свободный звѣрь, громкимъ кличемъ призывающій къ себѣ самку». Но, съ другой стороны, для Толстого совершенно чужда и непостижима серафическая «сухая любовь» Достоевскаго. Прежде и послѣ всего любовь для Толстого есть таинство жизни, служащее «обновленію и созиданію лица земли». Какъ живая жизнь вообще, такъ и любовь скрыто несетъ въ

себѣ у Толстого безсознательно направляющую ее *цѣль*. И величайшимъ поруганіемъ жизни является любовь самодовлѣющая, любовь, вырывающая изъ нѣдръ своихъ животворящую ее цѣль.

Понятно поэтому, что поэзія любви не кончается у Толстого на томъ, на чемъ обычно кончаютъ ее пѣвцы любви. Гдѣ для большинства умираетъ красота и начинается скука, проза, суровый и темный трудъ жизни,—какъ разъ тамъ у Толстого растетъ и усиливается свѣтлый трепетъ жизни и счастья, сіяніе своеобразной, мало кому доступной красоты.

Что, напр., можетъ быть безобразнѣе и достойнѣе сожалѣнія, чѣмъ беременная женщина? Беременность, это—уродство, болѣзнь, это — проклятіе, наложенное на женщину Богомъ. «Умножая умножу скорбь твою въ беременности твоей, въ болѣзни будешь рождать дѣтей». Только и остается женщинѣ — покорно и терпѣливо нести тяжелую свою «скорбь» и замирать отъ ужаса въ ожиданіи грядущихъ мукъ и опасностей. Но не такъ для Толстого.

Маленькая княгиня Болконская, жена Андрея, беременна. И въ глазахъ ея — «то особенное выраженіе внутренняго и счастливо-спокойнаго взгляда, свойственнаго только беременнымъ женщинамъ». Въ «Холстомѣрѣ» Толстой разсказываетъ: «Хозяйка дома была беременна, что *очень замѣтно было въ особенности по глазамъ*, внутрь кротко и важно смотрѣвшимъ большимъ глазамъ». Беременность женщины «особенно замѣтна» для Толстого не по обезображенному тѣлу, не по огромному, оскорбительно-уродливому животу, а по глазамъ, пріобрѣтающимъ какую-то совсѣмъ новую красоту, важную и торжественную.

Беременность служитъ для женщины источникомъ высочайшей радости, полной свѣтлаго трепета жизни.

«Кити теперь ясно сознавала зарожденіе въ себѣ новаго чувства любви къ будущему, отчасти для нея уже настоящему ребенку и съ наслажденіемъ прислушивалась къ этому чувству. Онъ теперь ужъ не былъ вполнѣ частью ея, а иногда жилъ и своею, независимою отъ нея жизнью. Часто ей бывало больно отъ этого, но вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось смѣяться отъ странной новой радости».

Ужасы и скорби жизни теряютъ свою безнадежную черноту подъ свѣтомъ таинственной радости, переполняющей творчески работающее тѣло беременной женщины. Въ темную осеннюю ночь брошенная Катюша смотритъ съ платформы станціи на Нехлюдова, сидящаго въ вагонѣ перваго класса. Поѣздъ уходитъ.

«— Пройдетъ поѣздъ, — подъ вагонъ, и кончено», — думала Катюша.

«Она рѣшила, что сдѣлаетъ такъ. Но тутъ же, какъ это и всегда бываетъ въ первую минуту затишья послѣ волненія, онъ, ребенокъ, — его ребенокъ, который былъ въ ней, вдругъ вздрогнулъ, стукнулся и плавно потянулся и опять застучалъ чѣмъ-то тонкимъ, нѣжнымъ и острымъ. И вдругъ все то, что за минуту такъ мучило ее, что, казалось, нельзя было жить, вся злоба на него и желаніе отомстить ему хоть своей смертью, все это вдругъ отдалилось. Она успокоилась, встала, надѣла на голову платокъ и пошла домой».

Наступаютъ роды, — еще болѣе страшное, страдальческое бремя, возложенное на женщину разгнѣваннымъ Богомъ.

Родитъ Кити.

«Зарумянившееся лицо Кити, окруженное выбившимися изъ-подъ ночного чепчика мягкими волосами, *сіяло радостью и рѣшимостью*. Она, улыбаясь, смотрѣла на Левина; но вдругъ брови ея дрогнули, она подняла голову и, быстро подойдя къ нему, взяла его за руку и вся прижалась къ нему, обдавая его своимъ горячимъ дыханіемъ. Она страдала и какъ будто жаловалась ему на свои страданія. Но во взглядѣ ея была нѣжность, которая говорила, что она не только не упрекаетъ его, но *любитъ за эти страданія*. «Если не я, то кто же виноватъ въ этомъ?»—невольно подумалъ онъ, отыскивая виновника этихъ страданій, чтобы наказать его; но виновника не было. *Она страдала, жаловалась и торжествовала этими страданіями, и радовалась ими, и любила ихъ*. Онъ видѣлъ, что въ душѣ ея совершалось что-то прекрасное, но что—онъ не могъ понять. Это было выше его пониманія».

Вотъ что такое истинная «живая жизнь» и что такое счастье, даваемое ею. Оно—не въ «легкой пріятности», не въ отсутствіи страданій. Чудесная, могучая сила жизни не боится никакихъ страданій, она съ радостью и рѣшимостью идетъ навстрѣчу имъ, торжествуетъ этими страданіями, и радуется ими, и любитъ ихъ, и само страданіе преображаетъ въ свѣтлую, ликующую радость.

Роды продолжаются.

«Не помня себя, Левинъ вбѣжалъ въ спальню. Лица Кити не было. На томъ мѣстѣ, гдѣ оно было прежде, было что-то страшное и по виду напряженія, и по звуку, выходившему оттуда. Онъ припалъ головой къ дереву кровати, чувствуя, что сердце его разрывается. Ужасный крикъ не умолкалъ, онъ сдѣлался еще ужаснѣе и, какъ бы дойдя до послѣдняго предѣла ужаса, вдругъ затихъ. Нельзя было сомнѣваться: крикъ

затихъ, и слышалась тихая суетня, шелестъ и торопливыя дыханія, и ея прерывающійся, живой и нѣжный, счастливый голосъ тихо произнесъ: «кончено».

«Онъ поднялъ голову. Безсильно опустивъ руки на одѣяло, необычайно прекрасная и тихая, она безмолвно смотрѣла на него и хотѣла и не могла улыбнуться.

«Упавъ на колѣни передъ постелью, онъ держалъ передъ губами руку жены и цѣловалъ ее, и рука эта слабымъ движеніемъ пальцевъ отвѣчала на его поцѣлуи. А между тѣмъ тамъ, въ ногахъ постели, въ ловкихъ рукахъ Лизаветы Прокофьевны, какъ огонекъ надъ свѣтильникомъ, колебалась жизнь человѣческаго существа, котораго никогда прежде не было и которое такъ же, съ тѣмъ же правомъ, съ тою же значительностью для себя, будетъ жить и плодить себѣ подобныхъ.

«И средь молчанія послышался голосъ совсѣмъ другой, чѣмъ всѣ сдержанно говорившіе голоса въ комнатѣ. Это былъ смѣлый, дерзкій, ничего не хотѣвшій соображать крикъ непонятно откуда явившагося новаго человѣческаго существа».

Что это? Какое чудо случилось на нашихъ глазахъ? Вѣдь мы присутствовали сейчасъ всего только при родахъ женщины, — при чемъ-то самомъ низменномъ, обыденномъ и голо-безобразномъ. Это — неприличіе, это — стыдъ. Отъ чистыхъ дѣтей это нужно скрывать за аистами и капустными листами. Но коснулась темной обыденности живая жизнь,—и вся она затрепетала отъ избытка свѣта; и грубый, кровавый, оскорбительно-животный актъ преобразился въ потрясающее душу міровое таинство.

Къ такому неприличію, какъ роды, художникъ не побоялся подойти прямо и открыто. И какъ обидно, какъ горько-обидно, что онъ стыдливо остановился передъ другимъ «неприличіемъ»,—тѣмъ, послѣдствіемъ чего являются роды. А Толстой сумѣлъ бы подойти и къ нему, сумѣлъ бы ярко показать его глубокую, свѣтлую и цѣломудренную красоту. И можно было бы дѣвочекъ знакомить по Толстому съ серьезною и строгою тайною любви. И ясно бы также стало еще разъ, какъ внутренне-противоположно можетъ быть внѣшне-тожественное, какая глубокая пропасть лежитъ между похотливымъ сладострастіемъ темной плоти и чистою страстью плоти жизненно-просвѣтленной.

IX.

Любовь-единеніе.

Наташа Ростова—замужемъ.

«Она пополнѣла и поширѣла, такъ что трудно быть узнать въ этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. Черты лица ея опредѣлились и имѣли выраженіе спокойной мягкости и ясности. Въ ея лицѣ не было, какъ прежде, этого непрестанно горѣвшаго огня оживленія, составлявшаго ея прелесть. Теперь часто видно было одно ея лицо и тѣло, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка. Очень рѣдко зажигался въ ней теперь прежній огонь... И въ тѣ рѣдкія минуты, когда прежній огонь зажигался въ ея развившемся, красивомъ тѣлѣ, она бывала еще болѣе привлекательна, чѣмъ прежде... Наташа до такой степени опустилась, что ея костюмы, ея прически, ея невпопадъ сказанныя слова, ея ревность были обычнымъ предметомъ шутокъ всѣхъ ея близкихъ... Предметъ, въ который погрузилась вполнѣ Наташа, была семья, т.-е. мужъ и дѣти».

Всею семейною, домашнею жизнью полновластно правитъ Наташа. «Всему же, что̀ было умственнымъ, отвлеченнымъ дѣломъ мужа, она приписывала, *не понимая его*, огромную важность и постоянно находилась въ страхѣ быть помѣхой въ этой дѣятельности ея мужа».

«— Наташа уморительна, — говоритъ про сестру Николай Ростовъ.—Вѣдь какъ она Пьера подъ башмакомъ держитъ, а чуть дѣло до разсужденій, — у ней своихъ словъ нѣтъ, — она такъ его словами и говоритъ».

Такъ вотъ во что превратилась полная огня и жизни Наташа! Вотъ къ чему ведетъ хваленая «живая жизнь»! Вмѣсто живого человѣка—сильная, плодовитая самка, родящее и кормящее тѣло съ тупою головою, подруга мужу только по постели и по обѣденному столу. Самое цѣнное—духовная жизнь мужа ей чужда, она не понимаетъ ея и только, какъ попугай, повторяетъ за мужемъ его слова...

Но не будемъ торопиться. Не виновата въ этомъ живая жизнь, и ни въ чемъ не измѣнила себѣ Наташа. Виноватъ самъ художникъ, и это только онъ себѣ измѣнилъ: сбросилъ сосредоточенную, глубоко въ себя ушедшую правдивость художника, вызывающе сталъ оглядываться по сторонамъ, превратился въ публициста и полемиста.

«Толки и разсужденія о правахъ женщинъ,—пишетъ Тол-

стой, — хотя и не назывались еще, какъ теперь, *вопросами*, были тогда точно такіе же, какъ и теперь; но эти вопросы не только не интересовали Наташу, но она рѣшительно не понимала ихъ. Вопросы эти и тогда, какъ и теперь, существовали только для тѣхъ людей, которые въ бракѣ видятъ одно удовольствіе, получаемое супругами другъ отъ друга, т.-е. одно начало брака, а не все его значеніе, состоящее въ семьѣ. Если цѣль обѣда—питаніе тѣла, то тотъ, кто съѣстъ вдругъ два обѣда, достигнетъ, можетъ-быть, большаго удовольствія, но не достигнетъ цѣли, ибо оба обѣда не переварятся желудкомъ. Если цѣль брака есть семья, то тотъ, кто захочетъ имѣть много женъ и мужей...» и т. д.

Bilde, Künstler! Rede nicht! *)

Толстой же *говоритъ*, споритъ и доказываетъ. И, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, художественная перспектива вдругъ искажается, свѣтъ и тѣни распредѣляются неправильно, однѣ детали непропорціонально выдвигаются впередъ въ ущербъ другимъ. И не со спокойнымъ самообладаніемъ художника, а съ задоромъ увлекшагося полемиста Толстой на первомъ планѣ семейной жизни Наташи водружаетъ знаменитую пеленку съ желтымъ пятномъ вмѣсто зеленаго.

«Наташа не любила общества вообще, но она тѣмъ болѣе дорожила обществомъ родныхъ. Она дорожила обществомъ тѣхъ людей, къ которымъ она, растрепанная, въ халатѣ, могла выйти большими шагами изъ дѣтской, съ радостнымъ лицомъ, и показать пеленку съ желтымъ вмѣсто зеленаго пятномъ, и выслушать утѣшенія о томъ, что теперь ребенку гораздо лучше».

Но вѣдь это совсѣмъ то же самое, какъ если бы Толстой, вмѣсто просвѣтляющей душу картины родовъ Кити, развѣсилъ передъ нами окровавленную простыню роженицы, сталъ бы передъ этой простыней и началъ говорить: «если цѣль любви— удовольствіе, то, конечно, роды ненужны, безобразны и ужасны; но если цѣль любви — продолженіе жизни на землѣ, то...» и т. д. И сколько бы онъ ни говорилъ, сколько ни доказывалъ,— мы видѣли бы только окровавленную простыню, и простыня эта говорила бы какъ разъ противоположное,—что восхваляемое явленіе есть именно ненужный ужасъ и безобразіе.

То же и съ Наташиной пеленкой. Дѣло не въ самой пеленкѣ,—она ничему бы не помѣшала, какъ ничему не помѣшала бы окровавленная простыня въ родахъ Кити. Дѣло въ томъ, что за этою пеленкою мы у Толстого не чувствуемъ ду-

*) „Изображай, художникъ! Не говори!“

шою той глубины и напряженности жизни, которая дѣлаетъ пріемлемою и саму пеленку.

А жизнью этой, глубокой и напряженной, Наташа полна совсѣмъ попрежнему. Въ томъ, что она съ головою ушла въ семью, не только нѣтъ ничего удивительнаго, но рѣшительно нельзя себѣ представить, какъ же бы это могло быть иначе. Старая графиня говоритъ про Наташу: «она до крайности доводитъ свою любовь къ мужу и дѣтямъ, такъ что это даже глупо». Такая ужъ судьба Наташи — все доводить до крайности, ничего не умѣть дѣлать вполовину; въ этомъ сама ея природа. Въ одномъ мѣстѣ Толстой говоритъ про нее: «Наташа не могла и не умѣла дѣлать что-нибудь не отъ всей души, не изо всѣхъ своихъ силъ».

И понятно, что ее цѣликомъ захватило новое, близкое и важное дѣло, вставшее передъ нею.

«Чѣмъ больше Наташа вникала не умомъ, а всей душой, всѣмъ существомъ своимъ въ занимавшій ее предметъ—семью,—тѣмъ болѣе предметъ этотъ разрастался подъ ея вниманіемъ, такъ что она всѣ силы сосредоточивала на одно и то же, и все-таки не успѣвала дѣлать всего того, что̀ ей казалось нужно».

Но это неумѣніе дѣлать что-нибудь не изо всѣхъ своихъ силъ, эта потребность «всю себя класть въ жизнь»—плохой залогъ для стояче-тихаго, «статическаго» счастья. Недаромъ материнское чутье говоритъ старой графинѣ, что «чего-то слишкомъ много въ Наташѣ, и что отъ этого она не будетъ счастлива».

Въ отрывкѣ изъ ненаписаннаго романа «Декабристы» мы знакомимся съ дальнѣйшею судьбою Наташи. Въ Москву возвращается отбывшій каторгу декабристъ Пьеръ Лабазовъ. Въ добродушномъ, восторженномъ чудакѣ Пьерѣ Лабазовѣ и его женѣ Наталіи Николаевнѣ нетрудно узнать Пьера и Наташу Безуховыхъ.

«Наталья Николаевна, казалось, отдыхала не отъ одной дороги, не отъ однихъ тяжелыхъ годовъ,—она отдыхала, казалось, отъ цѣлой жизни. Былъ ли это подвигъ любви, который она совершила для своего мужа, та ли любовь, которую она пережила къ дѣтямъ, когда они были малы, была ли это тяжелая потеря, или это была особенность ея характера,—только всякій, взглянувъ на эту женщину, долженъ былъ понять, что отъ нея ждать нечего, что она уже давно когда-то положила всю себя въ жизнь, и что ничего отъ нея не осталось. Осталось достойное уваженія что-то прекрасное и грустное, какъ воспоминаніе, какъ лунный свѣтъ.

Sie pflegen und weben
Himmlische Rosen ins irdische Leben.

«Она знала этотъ стихъ и любила его, но не руководилась имъ. Вся натура ея была выраженіемъ этой мысли, вся жизнь ея была однимъ этимъ безсознательнымъ вплетеніемъ невидимыхъ розъ въ жизнь всѣхъ людей, съ которыми она встрѣчалась...»

Какъ мы уже видѣли, Николай Ростовъ отзывается о сестрѣ: «Наташа уморительна. Чуть дѣло до разсужденій, — у ней своихъ словъ нѣтъ, — она такъ словами Пьера и говоритъ». Самъ Толстой отмѣчаетъ, что умственнымъ, отвлеченнымъ дѣламъ мужа Наташа приписывала огромную важность, не понимая ихъ. Значитъ ли это, что связь между Наташей и Пьеромъ — исключительно лишь животная, что, при тѣлесной близости, между ними — полная духовная разъединенность и непониманіе?

Освобожденный изъ плѣна Пьеръ разсказываетъ Наташѣ Ростовой про свою жизнь въ плѣну.

«Видно было, что Наташа *понимала не только то, что онъ разсказывалъ, но и то, что онъ хотѣлъ бы, но не могъ выразить словами*... Пьеръ разсказывалъ свои похожденія такъ, какъ онъ никогда еще не вспоминалъ ихъ. *Онъ видѣлъ теперь какъ будто новое значеніе во всемъ томъ, что онъ пережилъ.* Теперь, когда онъ разсказывалъ все это Наташѣ, онъ испытывалъ то рѣдкое наслажденіе, которое даютъ женщины, слушая мужчину,—не умныя женщины, которыя, слушая, стараются или запомнить, что имъ говорятъ, для того, чтобы обогатить свой умъ, или сообщить поскорѣе свои умныя рѣчи, выработанныя въ своемъ маленькомъ умственномъ хозяйствѣ; а то наслажденіе, которое даютъ настоящія женщины, одаренныя способностью выбиранія и всасыванія въ себя всего лучшаго, что только есть въ проявленіяхъ мужчины».

Кое-что, значитъ, Наташа способна понимать въ Пьерѣ,— и притомъ такъ понимать, что и ему самому она даетъ этимъ нѣчто новое. И непониманіе это не только не исчезаетъ въ брачной ихъ жизни, а напротивъ—растетъ и углубляется.

Наташа наединѣ разговариваетъ съ Пьеромъ. «Она разговаривала такъ, какъ только разговариваютъ жена съ мужемъ, т.-е. *съ необыкновенной ясностью и быстротой понимая и сообщая мысли другъ другу*, путемъ, противнымъ всѣмъ правиламъ логики, безъ посредства сужденій, умозаключеній и выводовъ, а совершенно особеннымъ способомъ. Наташа до такой степени привыкла говорить съ мужемъ этимъ способомъ, что вѣрнѣйшимъ признакомъ того, что что-нибудь было неладно между ней и мужемъ, для ея служилъ логическій ходъ

мыслей Пьера... Этотъ разговоръ былъ противенъ всѣмъ законамъ логики, противенъ ужъ потому, что въ одно и то же время говорилось о совершенно различныхъ предметахъ. Это одновременное обсужденіе многаго не только не мѣшало ясности пониманія, но, напротивъ, было вѣрнѣйшимъ признакомъ того, что они вполнѣ понимаютъ другъ друга».

Умственныхъ, отвлеченныхъ дѣлъ мужа Наташа «не понимаетъ». Но, кажется, ясно теперь: не понимаетъ она не потому, что неспособна понять, а потому, что такъ это мелко и несущественно въ сравненіи съ тѣмъ важнымъ и основнымъ, что̀ она понимаетъ!..

Воротившись изъ поѣздки въ Петербургъ, Пьеръ разсказываетъ о положеніи дѣлъ въ столицѣ, о тайномъ обществѣ, котораго Пьеръ одинъ изъ главныхъ основателей. «Наташа, въ серединѣ разговора вошедшая въ комнату, радостно смотрѣла на мужа. Она не радовалась тому, что̀ онъ говорилъ. Это даже не интересовало ее, потому что ей казалось, что все это было чрезвычайно просто, и что она все это давно знала *(ей казалось это потому, что она знала все то, изъ чего это выходило, — всю душу Пьера)*; но она радовалась, глядя на его оживленную, восторженную фигуру».

Умственныя, отвлеченныя дѣла человѣка—это и для самого Толстого самое послѣднее, это—только производное, выходящее изъ чего-то гораздо болѣе глубокаго, — изъ души человѣка. Общность умственнаго, отвлеченнаго дѣла сама по себѣ, даже «единство идеаловъ»—для Толстого рѣшительно ничего не говоритъ; и прямо нелѣпостью, пошлостью представляется ему эта общность, какъ основа того глубокаго, таинственнаго единенія, которое сливаетъ въ одно мужской и женскій міръ двухъ любящихъ. Какъ будто и самъ Толстой готовъ при этомъ усмѣхнуться ѣдкою усмѣшкою Позднышева и сдѣлать его циничное возраженіе: «Но въ такомъ случаѣ незачѣмъ спать вмѣстѣ (простите за грубость). А то вслѣдствіе единства идеаловъ люди ложатся спать вмѣстѣ!»

И вѣдь дѣйствительно: если оба человѣка занимаются медициной или музыкой, или объединены стремленіемъ къ соціалистическому идеалу, — то какое же это основаніе для того, чтобы спать вмѣстѣ?

Совсѣмъ другое у Наташи съ Пьеромъ. Соприкасаются они не въ умственныхъ своихъ проявленіяхъ, не во внѣшнихъ склонностяхъ и стремленіяхъ, а въ глубочайшихъ основахъ самыхъ своихъ сущностей. Для взаимнаго общенія имъ не нуженъ громоздкій аппаратъ «сужденій, умозаключеній и выводовъ», — аппаратъ, которымъ пользуются люди для общенія

другъ съ другомъ; они разговариваютъ совсѣмъ «особеннымъ способомъ»,—тѣмъ, которымъ только сама съ собою разговариваетъ душа. Они ужъ не два, а одно. Души слились. И чуждо, дико-нелѣпо можетъ тутъ только прозвучать вопросъ Поздышева: «зачѣмъ же спать вмѣстѣ?». Все въ одномъ открыто для другого, нѣтъ запретныхъ границъ, сліяніе душевное властно требуетъ сліянія тѣлеснаго. Тайны тѣла открываются любимому, какъ и тайны души. Единъ духъ и едина плоть.

И въ тѣсномъ этомъ единеніи непрерывно происходитъ чрезвычайно тонкое и сложное взаимодѣйствіе,—характернѣйшее, такъ мало отмѣченное взаимодѣйствіе духовныхъ міровъ мужчины и женщины. Къ сожалѣнію, и у Толстого оно отмѣчено хотя и твердо, но слишкомъ бѣгло.

«Весьма часто, въ минуты раздраженія, случалось, что мужъ съ женой спорили, но долго потомъ послѣ спора Пьеръ къ радости и удивленію своему находилъ не только въ словахъ, но и въ дѣйствіяхъ жены свою ту самую мысль, противъ которой она спорила. И не только онъ находилъ ту же мысль, но онъ находилъ ее очищенною отъ всего того, что было лишняго, вызваннаго увлеченіемъ и споромъ, въ выраженіи мысли Пьера.

«Послѣ семи лѣтъ супружества Пьеръ чувствовалъ радостное, твердое сознаніе того, что онъ не дурной человѣкъ, и чувствовалъ онъ это потому, что онъ видѣлъ себя отраженнымъ въ своей женѣ. Въ себѣ онъ чувствовалъ все хорошее и дурное смѣшаннымъ и затемнявшимъ одно другое. Но на женѣ его отражалось только то, что было истинно-хорошо; все не совсѣмъ хорошее было откинуто. И отраженіе это произошло не путемъ логической мысли, а другимъ, таинственнымъ, непосредственнымъ отраженіемъ».

Духовные міры мужчины и женщины очень различны. Въ мірѣ мужскомъ—умъ, мысль, творчество. Въ мірѣ женскомъ—что-то совсѣмъ другое.

Княжна Марья спрашиваетъ Пьера про Наташу, невѣсту князя Андрея:

«— Умна она?

«Пьеръ задумался.

«— Я думаю, нѣтъ, — сказалъ онъ,—а впрочемъ, да. *Она не удостоиваетъ быть умной...* Да нѣтъ, она обворожительна, и больше ничего».

Міръ женщины, міръ «настоящей женщины» настолько лежитъ для Толстого внѣ ума, что его просто трудно даже опредѣлить въ отношеніи къ уму. «Я думаю, нѣтъ... А впрочемъ, да... Да нѣтъ...» «Настоящая женщина» не удостоиваетъ быть

умной. И малость ея «умственнаго хозяйства» для Толстого ничего не говоритъ противъ нея. Въ ней слишкомъ много есть того, чего подчасъ такъ не хватаетъ большому «умственному хозяйству» мужчины. Способность къ уму, къ мысли, къ непосредственному творчеству въ женщинѣ далеко не первостепенна. Зато громадна и неисчерпаема чуткость къ тому ирраціональному, на что въ конечномъ счетѣ опирается и мысль, и творчество. Можетъ-быть, именно эта чрезмѣрная чуткость, эта перегруженность ирраціональнымъ и дѣлаетъ женщину неспособною къ непосредственному творчеству, къ воплощенію чего-то тонкаго и неуловимаго во всегда грубыя, всегда ограниченныя формы жизни. Наташа, напр., совершенно не умѣетъ даже писать писемъ. «Она не умѣла писать, потому что не могла постигнуть возможности выразить въ письмѣ правдиво хоть одну тысячную долю того, что̀ она привыкла выражать голосомъ, улыбкой и взглядомъ».

И вотъ соприкасаются другъ съ другомъ два совершенно различныхъ духовныхъ міра. Соединяются не двѣ одинаковыя силы, а происходитъ взаимодѣйствіе двухъ силъ качественно различныхъ. Мысль мужская погружается въ золотистую, неразличимую тьму женскаго и въ таинственномъ отраженіи возвращается оттуда просвѣтленною, углубленною и очищенною. И кто опредѣлитъ,—гдѣ тутъ и какова доля работы каждой изъ силъ?

Николай Ростовъ смѣется: «У нея своихъ словъ нѣтъ, она такъ его словами и говоритъ». Но онъ ничего не знаетъ о той таинственной лабораторіи, изъ которой вышли эти слова. Пусть они формулированы Пьеромъ, это не значитъ, что они—только его, а не Наташины также.

Ну, а все-таки: вѣдь сами слова эти были бы у Наташи совсѣмъ иныя, если бы она была женою другого. Другого? Чьей? Бориса Друбецкого или Анатоля Курагина? Ихъ слова и мысли мертвой шелухой свалились бы съ живой души Наташи. Но если бы она была женой князя Андрея,—да, слова ея были бы иныя, совсѣмъ такъ же, какъ и дѣти бы были иныя. И намъ незачѣмъ даже гадать, какая доля въ творчествѣ этихъ иныхъ «словъ» *могла бы* принадлежать Наташѣ. При разборѣ «Войны и мира» мы увидимъ, что̀ она творитъ съ душою Андрея, увидимъ, какъ она вверхъ ногами ставитъ все его міросозерцаніе. И когда бы онъ это новое міросозерцаніе свое формулировалъ въ слова, и Наташа бы повторяла ихъ,—странно бы намъ было смѣяться надъ нею. Мы могли бы только сказать: да, дѣти Наташи отъ князя Андрея не были бы похожи на Пьера. Но и въ дѣтяхъ отъ Андрея, какъ

въ дѣтяхъ отъ Пьера, одинакова была бы та же Наташа. То же и со «словами».

X.

Любовь мертвецовъ.

Позднышевъ въ «Крейцеровой сонатѣ» говоритъ: «Любовь—это не шутка, а великое дѣло». И мы видѣли: для Толстого это, дѣйствительно,—великое, серьезное и таинственное дѣло, дѣло творческой радости и единенія, дѣло свѣтлаго «добыванія жизни». Но въ холодную пустоту и черный ужасъ превращается это великое дѣло, когда подходитъ къ нему мертвецъ и живое, глубокое таинство превращаетъ въ легкое удовольствіе жизни.

Вотъ какъ полюбилъ и какъ любилъ Иванъ Ильичъ въ «Смерти Ивана Ильича»: «Прасковья Ѳедоровна была самая привлекательная, умная, блестящая дѣвушка того кружка, въ которомъ вращался Иванъ Ильичъ. *Въ числѣ другихъ забавъ и отдохновеній отъ трудовъ слѣдователя* Иванъ Ильичъ установилъ *игривыя, легкія отношенія съ Прасковьей Ѳедоровной*... Она влюбилась въ него. Иванъ Ильичъ не имѣлъ яснаго, опредѣленнаго намѣренія жениться, но, когда дѣвушка влюбилась въ него, онъ задалъ себѣ этотъ вопросъ. «Въ самомъ дѣлѣ, отчего же и не жениться»,—сказалъ онъ себѣ».

Женился. Этимъ «онъ дѣлалъ *пріятное для себя*, пріобрѣтая такую жену, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ то, что̀ наивысше поставленные люди считали правильнымъ». Но «очень скоро, не далѣе, какъ черезъ годъ послѣ женитьбы, Иванъ Ильичъ понялъ, что супружеская жизнь, представляя нѣкоторыя удобства жизни, въ сущности есть очень сложное и тяжелое дѣло, по отношенію котораго, для того, чтобы вести приличную, одобряемую обществомъ жизнь, нужно выработать опредѣленное отношеніе. И такое отношеніе выработалъ себѣ Иванъ Ильичъ. Онъ требовалъ отъ семейной жизни только тѣхъ удобствъ домашняго обѣда, хозяйки, постели, которыя она могла дать ему, и, главное, того приличія внѣшнихъ формъ, которыя опредѣлялись общественнымъ мнѣніемъ. Въ остальномъ же онъ искалъ *веселой пріятности* и, если находилъ ее, былъ очень благодаренъ; если же встрѣчалъ отпоръ и ворчливость, то тотчасъ же уходилъ въ свой отдѣльный, выгороженный имъ міръ службы и въ немъ находилъ пріятность».

Въ такомъ же родѣ любовь и Позднышева въ «Крейцеровой сонатѣ». Впервые позналъ онъ любовь еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ,—позналъ голо, грубо, въ объятіяхъ проститутки. Женщина превратилась въ «сладкое нѣчто»—во вкусное жен-

ское мясо. «Мнѣ хотѣлось плакать о навѣки погубленномъ отношеніи къ женщинѣ... Я сталъ тѣмъ, что̀ называется блудникомъ. А быть блудникомъ есть физическое состояніе, подобное состоянію морфиниста, пьяницы, курильщика... Какъ пьяницу и морфиниста можно узнать тотчасъ же по лицу, по пріемамъ, точно такъ же и блудника. Простого, яснаго, чистаго отношенія къ женщинѣ у него уже никогда не будетъ. По тому, какъ онъ взглянетъ, оглядитъ молодую женщину, сейчасъ можно узнать блудника. И я сталъ блудникомъ и остался такимъ, и *это-то и погубило меня*».

Въ свое время Позднышевъ влюбляется, женится. Все, конечно, происходитъ очень просто, безъ всякихъ этихъ «радостныхъ ужасовъ», которые испытываются Наташами и Левиными. «Джерси было ей особенно къ лицу, также и локоны. Послѣ проведеннаго въ близости съ ней дня захотѣлось еще большей близости». И вотъ—бракъ. Съ одной стороны—мужчина-блудникъ, у котораго горятъ глаза на женское мясо, съ другой—женщина, «или раба на базарѣ, или привада на капканъ».

Ясно заранѣе, что̀ такое будетъ между ними любовь.

«Влюбленность истощилась удовлетвореніемъ чувственности, и остались мы другъ противъ друга въ нашемъ дѣйствительномъ отношеніи другъ къ другу, т.-е. два совершенно чуждыхъ другъ другу эгоиста, *желающіе получить себѣ какъ можно больше удовольствія одинъ черезъ другого*».

Пріятно вкусное женское мясо, когда человѣкъ голоденъ. Но онъ насытился, а оно все передъ глазами, это мясо,—назойливое, доступное и ненужное, противное въ своей доступности и ненужности. «Съ братомъ, съ пріятелями, съ отцомъ, я помню, я ссорился, но никогда между нами не было той особенной, ядовитой злобы, которая была тутъ. Разсудокъ не успѣвалъ поддѣлать подъ постоянно существующую враждебность другъ къ другу достаточныхъ поводовъ. Но еще поразительнѣе была недостаточность предлоговъ примиренія. Иногда бывали слова, объясненія, даже слезы, но иногда... Охъ! Гадко и теперь вспомнить,—послѣ самыхъ жестокихъ словъ другъ другу вдругъ молча взгляды, улыбки, поцѣлуи, объятія... Фу, мерзость! Какъ я могъ не видѣть всей гадости этого тогда...»

Тогда онъ этого не видѣлъ. И только великое несчастіе—кровь и убійство—раскрыло глаза живому мертвецу, и онъ увидѣлъ, что онъ не женскимъ мясомъ тѣшился, а все время безумно топталъ и убивалъ безцѣнную живую жизнь.

«Я удивлялся нашей ненависти другъ къ другу. А вѣдь это и не могло быть иначе. Эта ненависть была не что̀ иное, какъ

ненависть взаимная сообщниковъ преступленія... Какъ же не преступленіе, когда она, бѣдная, забеременѣла въ первый же мѣсяцъ, а наша свиная связь продолжалась. Вы думаете, что я отступаю отъ разсказа? Нисколько! Это я все разсказываю вамъ, какъ я убилъ жену... Дурачье! Думаютъ, что я убилъ ее тогда, ножомъ, 5 октября. Я не тогда убилъ ее, а гораздо раньше. Такъ точно, какъ они всѣ теперь убиваютъ, всѣ, всѣ...»

И разбита жизнь Позднышева. И въ мертвомъ одиночествѣ умираетъ въ своей семьѣ Иванъ Ильичъ. И не случайно это такъ. Сурова и огромно-серьезна живая жизнь въ своихъ строгорадостныхъ тайнахъ. Горе безумцамъ, которые, гуляючи, входятъ въ ея таинственное святилище, которые ждутъ отъ нея «удовольствія» и «легкой пріятности». Къ святотатцамъ жизни живая жизнь безпощадна. «Виноградъ ихъ отъ лозы Содомской и съ полей Гоморрскихъ; ягоды ихъ — ягоды ядовитыя, грозды ихъ горькіе; вино ихъ ядъ драконовъ и гибельная отрава аспидовъ. *Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ* (Второзак. XXXII, 32—35)».

XI.

«Мнѣ отмщеніе».

«Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ».

Таковъ эпиграфъ надъ «Анной Карениной». Кому—«мнѣ»? Главное,—за что «отмщеніе»?

Обыкновенно «идея» романа, закрѣпленная этимъ эпиграфомъ, понимается такъ, какъ высказываетъ ее, напр., біографъ Толстого, П. И. Бирюковъ: «Общая идея романа выражаетъ мысль о непреложности высшаго нравственнаго закона, преступленіе противъ котораго неминуемо ведетъ къ гибели, но судьей этого преступленія и преступника не можетъ быть человѣкъ».

Но прежде всего, — въ чемъ же преступленіе Анны? Безъ любви выданная за человѣка, много старше ея, она полюбила другого. Это не легкомысленная свѣтская интрижка, а любовь глубокая, серьезная. Послѣ долгой и тяжелой борьбы съ собою Анна порываетъ съ мужемъ и соединяется съ любимымъ человѣкомъ.

«— Какъ изъ-за меня ты могла пожертвовать всѣмъ? Я не могу простить себѣ то, что ты несчастлива.

«— Я несчастлива?—сказала Анна, съ восторженною улыбкою любви глядя на Вронскаго.—Я, какъ голодный человѣкъ, которому дали ѣсть. Можетъ-быть, ему холодно, и платье у

него разорвано, и стыдно ему, но онъ не несчастливъ. Я несчастлива? Нѣтъ, вотъ мое счастье...»

За это-то преступленіе «высшій нравственный законъ» караетъ Анну—смертью! Въ нынѣшнее время мы ко всему привыкли. Но если бы человѣческій судъ за такое преступленіе приговорилъ женщину къ смертной казни, то и наши отупѣвшія души содрогнулись бы отъ ужаса и негодованія.

«Преступленіе противъ высшаго нравственнаго закона неминуемо ведетъ къ гибели...» Вѣдь это же—истина изъ прописей, фальшивая, какъ всѣ прописныя истины. Вотъ, напр., подруга Анны, развратная княгиня Бетси Тверская. Она живетъ въ связи съ Тушкевичемъ, заигрываетъ съ Облонскимъ, пытается заманить его къ себѣ, чтобъ отдаться ему,—и никакой изъ этого гибели для нея не получается. «Анна думала, почему для другихъ, для Бетси, напримѣръ, все это было легко, а для нея такъ мучительно». Не всегда, значитъ, дѣйствіе «высшаго нравственнаго закона» такъ ужъ *неминуемо*.

Для читателя съ живою душою совершенно очевидно, что никакого преступленія Анна не совершила. Вина не въ ней, а въ людскомъ лицемѣріи, въ жестокости закона, налагающаго грубую свою руку на внѣзаконную жизнь чувства. Если бы въ обществѣ было больше уваженія къ свободной человѣческой душѣ, если бы разводъ не былъ у насъ обставленъ такими трудностями, то Анна не погибла бы... Такой читатель просто пропускаетъ эпиграфъ романа мимо сознанія: слишкомъ ясно,—никакого тутъ не можетъ быть мѣста для «отмщенія».

И однако это не такъ. Надъ Анною стоитъ великій, грозный мститель, неумолимо ведетъ ее къ погибели и говоритъ: «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ».

Прослѣдимъ исторію Анны.

«Во время губернаторства Каренина тетка Анны, богатая губернская барыня, свела его со своею племянницей и поставила его въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ или высказаться, или уѣхать изъ города. Алексѣй Александровичъ долго колебался. Но тетка Анны внушила ему черезъ знакомаго, что онъ уже компрометировалъ дѣвушку, и что долгъ чести обязываетъ его сдѣлать предложеніе. Онъ сдѣлалъ предложеніе и отдалъ невѣстѣ и женѣ все то чувство, на которое былъ способенъ». Бракъ былъ заключенъ. Молодая дѣвушка «вышла замужъ за человѣка, который былъ на двадцать лѣтъ старше ея,—вышла замужъ безъ любви или не зная любви».

Безъ любви протекли и всѣ восемь лѣтъ ихъ брачной жизни. «Любить?—съ насмѣшкою думаетъ Анна.—Развѣ онъ можетъ

любить? Если бы онъ не слыхалъ, что бываетъ любовь, онъ никогда бы и не употреблялъ этого слова. Онъ и не знаетъ, что̀ такое любовь... Они не видятъ, что я видѣла. Они не знаютъ, какъ онъ восемь лѣтъ душилъ мою жизнь, душилъ все, что̀ во мнѣ было живого,—что онъ ни разу и не подумалъ о томъ, что я живая женщина, которой нужна любовь. Не знаютъ, какъ на каждомъ шагу онъ оскорблялъ меня и оставался доволенъ собой».

Такъ живутъ они, и лгутъ другъ передъ другомъ, лгутъ передъ собою, и притворяются, будто между ними есть то, что̀ единственно освящаетъ соединеніе женщины съ мужчиною, что̀ претворяетъ въ свѣтлое таинство грубую и низменную видимость. Каренинъ говоритъ женѣ нѣжныя, любовныя слова—«тѣмъ тономъ, который онъ всегда почти употреблялъ съ ней,—тономъ насмѣшки надъ тѣмъ, кто бы въ самомъ дѣлѣ такъ говорилъ». Когда Анна, возвращаясь изъ Москвы, увидѣла на вокзалѣ мужа, «ее поразило чувство недовольства собой, которое она испытала при встрѣчѣ съ нимъ. Чувство то было домашнее, знакомое чувство, похожее на состояніе притворства, которое она испытывала въ отношеніяхъ къ мужу; но прежде она не замѣчала этого чувства, теперь она ясно и больно сознала его». Чуткая въ подобныхъ дѣлахъ Долли при первомъ же взглядѣ на жизнь Карениныхъ ощущаетъ «что-то фальшивое во всемъ складѣ ихъ семейнаго быта».

У Анны есть сынъ Сережа. Въ него она пытается вложить весь запасъ женской силы, которымъ ее надѣлила природа. Она пытается стать только матерью, — единственное, что̀ для нея осталось. Но мать и жена неразъединимо слиты въ женщинѣ. Жажда любви не можетъ быть возмѣщена материнствомъ. Анна только обманываетъ себя. «*Роль* матери, живущей для сына, — замѣчаетъ Толстой, — роль, которую она взяла на себя въ послѣдніе годы, была *отчасти* искренняя, хотя и много преувеличена».

Подавляемая сознаніемъ, неудовлетворенная потребность любви переполняетъ все существо Анны и помимо ея воли прорывается наружу. Вронскій въ первый разъ видитъ ее въ вагонѣ. «Въ ея короткомъ взглядѣ онъ успѣлъ замѣтить сдержанную оживленность, которая играла въ ея лицѣ и порхала между блестящими глазами и чуть замѣтною улыбкой, изгибавшею ея румяныя губы. *Какъ будто избытокъ чего-то такъ переполнялъ ея существо*, что помимо ея воли выражался то въ блескѣ взгляда, то въ улыбкѣ. Она потушила умышленно свѣтъ въ глазахъ, но онъ свѣтился противъ ея воли въ чуть замѣтной улыбкѣ».

Избытокъ «чего-то». Пресловутый діонисовскій «оргійный избытокъ» силъ. Онъ чуждъ широко и свободно живущему существу, но типиченъ для существа искалѣченнаго, — тамъ, гдѣ сдавлена вольная игра силъ. Эти силы бушуютъ въ Аннѣ, рвутся изъ тѣсноты, и уже чувствуется въ нихъ зловѣщее напряженіе, грозящее гибелью и носителю этихъ силъ, и всему, что̀ съ ними соприкоснется.

На московскомъ балу, гдѣ зарождается любовь Анны къ Вронскому, покинутая Кити приглядывается къ Аннѣ: «Анна была прелестна въ своемъ черномъ платьѣ, прелестны были ея полныя руки съ браслетами, прелестна твердая шея съ ниткой жемчуга, прелестно это красивое лицо въ своемъ оживленіи, *но было что-то ужасное и жестокое въ ея прелести*...

«— Да, *что-то чуждое, бѣсовское и прелестное* есть въ ней,—сказала себѣ Кити».

Анна сама ужасается на себя, борется, душитъ бушующія въ ней силы. Но какъ будто высшая воля подхватила ее и несетъ,—воля того, кто позднѣе заговоритъ объ «отмщеніи».

«Неужели они не простятъ меня, *не поймутъ, какъ все это не могло быть иначе?* — думала Анна, съ внутреннимъ ужасомъ глядя на сына.—Пришло время, я поняла, что я не могу больше себя обманывать, что я живая, что я не виновата, что Богъ меня сдѣлалъ такою, что мнѣ нужно любить и жить... Я не могу раскаиваться въ томъ, что я дышу, что я люблю»...

Въ душѣ Анны ужасъ. Но это не свѣтлый, радостный ужасъ любви, которымъ полны, напр., полюбившіе Левинъ и Кити. Мрачныя страшилища людской жестокости и лицемѣрія стоятъ надъ любовью Анны, давятъ эту любовь и уродуютъ. «Я живая, мнѣ нужно любить и жить, все это не могло быть иначе». Анна чувствуетъ это, но полна только презрѣніемъ къ себѣ и къ постыдной своей любви. Встающая передъ нею живая жизнь глядитъ на нее темно и зловѣще. «Лицо Анны блестѣло яркимъ блескомъ; но блескъ этотъ былъ невеселый,—онъ напоминалъ страшный блескъ пожара среди темной ночи».

И когда свершилось, что̀ неизбѣжно должно было свершиться,—то было это не радостнымъ счастьемъ, а сугубымъ ужасомъ, мукою и позоромъ.

«Блѣдный, съ дрожащею нижнею челюстью, Вронскій стоялъ надъ нею и умолялъ успокоиться, самъ не зная въ чемъ и чѣмъ. Но чѣмъ громче онъ говорилъ, тѣмъ все ниже она опускала свою, когда-то гордую, веселую, теперь же постыдную голову, и она все сгибалась и падала съ дивана на полъ, къ его ногамъ.

«— Боже мой! Прости меня! — всхлипывая, говорила она, прижимая къ груди его руки.

«Она чувствовала себя столь преступною и виноватою, что ей оставалось только унижаться и просить прощенія; а въ жизни теперь, кромѣ него, у нея никого не было, такъ что она и къ нему обращала свою мольбу о прощеніи... Она держала его руку и не шевелилась. Да, эти поцѣлуи — то, что̀ куплено этимъ стыдомъ. Да, и эта рука—рука моего сообщника. Она подняла эту руку и поцѣловала ее».

Какъ будто сама передъ собою Анна хочетъ подчеркнуть свое униженіе и свой позоръ, первая бросить въ себя камнемъ презрѣнія.

«Съ страннымъ для него выраженіемъ холоднаго отчаянія на лицѣ она разсталась съ нимъ. Она чувствовала, что въ эту минуту не могла выразить словами того чувства стыда, радости и ужаса передъ этимъ вступленіемъ въ новую жизнь».

Анна стала «любовницей». Съ вызывающимъ цинизмомъ отчаянія она впослѣдствіи сама называетъ себя такъ въ объясненіи съ мужемъ, называетъ себя такъ и въ разговорѣ съ Вронскимъ. Тайно, скрываясь отъ мужа, она видается съ Вронскимъ. Притворяется передъ свѣтомъ, лжетъ. Изъ объятій Вронскаго переходитъ въ объятія мужа.

Вронскій думаетъ про нее:

«— Да. она прежде была несчастлива, но горда и спокойна; а теперь она не можетъ быть спокойна и *достойна*, хотя она и не показываетъ этого. Да, это нужно кончить!»

Онъ предлагаетъ ей разорвать съ мужемъ. Но Анна, съ удивляющею его «поверхностностью и легкостью сужденій», упорно отказывается. Вскорѣ выясняется ея беременность. Вронскій снова указываетъ ей на невозможность «такъ оставаться». «И ей, которая такъ боялась, чтобъ онъ не принялъ легко ея беременность, теперь было *досадно за то, что онъ изъ этого выводилъ необходимость предпринять что-то*».

Толстой объясняетъ: «главная причина этого было то слово *сынъ*, котораго она не могла выговорить. Когда она думала о сынѣ и его будущихъ отношеніяхъ къ бросившей его отца матери, ей такъ становилось страшно, что она старалась только успокоить себя лживыми разсужденіями и словами, съ тѣмъ, чтобы все оставалось по-старому, и чтобы можно было забыть про страшный вопросъ, что̀ будетъ съ сыномъ».

Ложь продолжаетъ тянуться. Все больше любовь какъ будто покрывается грязными, сальными пятнами. Вронскаго временами охватываетъ «странное чувство безпричиннаго омерзѣнія».

Анна вздрагиваетъ отъ отвращенія, чувствуя мѣсто на рукѣ, къ которому прикоснулись губы мужа. И все-таки она, «со своею сильною, честною натурой», продолжаетъ жить, отдавая на величайшее поруганіе женскую свою природу.

«Но во снѣ, когда Анна не имѣла власти надъ своими мыслями, ея положеніе представлялось ей во всей безобразной наготѣ своей. Одно сновидѣніе почти каждую ночь посѣщало ее. Ей снилось, что оба вмѣстѣ были ея мужья, что оба расточали ей свои ласки. Алексѣй Александровичъ плакалъ, цѣлуя ея руки, и говорилъ: «какъ хорошо теперь!». И Алексѣй Вронскій былъ тутъ же, и онъ былъ также ея мужъ. И она удивлялась тому, что прежде ей казалось это невозможнымъ, объясняла имъ смѣясь, что это гораздо проще, и что они оба теперь довольны и счастливы. Но это сновидѣніе, какъ кошмаръ, давило ее, и она просыпалась съ ужасомъ».

Въ снахъ этихъ, съ мукою и отчаяніемъ, женщина старалась соединить въ одно любовника и отца своего ребенка,— то, что должно быть и не можетъ не быть однимъ, но что у нея было два.

Катастрофа разразилась. На скачкахъ подъ Вронскимъ упала лошадь. Испугъ Анны выдалъ ее. И въ объясненіи съ мужемъ она заявила, что не можетъ переносить, ненавидитъ его, что она—«любовница» Вронскаго.

Сначала Анна обрадовалась, что теперь наконецъ ея положеніе выяснится, опредѣлится. Но на слѣдующее утро «ей стало страшно за позоръ, о которомъ она прежде не думала... Она спрашивала себя, куда она пойдетъ, когда ее выгонятъ изъ дома, и не находила отвѣта. Ей представлялось, что Вронскій уже не любитъ ея, что она не можетъ предложить ему себя, и она чувствовала враждебность къ нему за это».

Приходитъ письмо отъ мужа съ его рѣшеніемъ: свѣтъ не долженъ ничего знать, они продолжаютъ попрежнему жить вмѣстѣ, и съ Вронскимъ она должна порвать.

«Анна сѣла къ письменному столу и заплакала, всхлипывая и колеблясь всею грудью, какъ плачутъ дѣти. Она плакала о томъ, что мечта ея объ уясненіи, опредѣленіи своего положенія разрушена навсегда. Она знала впередъ, что все останется по-старому и даже гораздо хуже, чѣмъ по-старому. *Она чувствовала, что то положеніе въ свѣтѣ, которымъ она пользовалась,—что это положеніе дорого ей*, что она не будетъ въ силахъ промѣнять его на позорное положеніе женщины, бросившей мужа и сына и соединившейся съ любовникомъ, что, сколько бы она ни старалась, она не будетъ сильнѣе самой

себя. *Она никогда не испытаетъ свободы любви, а навсегда останется преступною женой*, подъ угрозой ежеминутнаго обличенія, *обманывающею мужа для позорной связи съ человѣкомъ чужимъ, съ которымъ она не можетъ жить одною жизнью.* Она знала, что это такъ и будетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это было такъ ужасно, что она не могла представить себѣ даже, чѣмъ это кончится. И она плакала, не удерживаясь, какъ плачутъ наказанныя дѣти».

Вотъ что̀, оказывается, главнымъ образомъ удерживаетъ Анну отъ разрыва съ мужемъ! «Положеніе въ свѣтѣ», а не сынъ!.. Съ другой стороны, и для Вронскаго разрывъ этотъ оказывается вовсе не такимъ ужъ желаннымъ. «Онъ былъ взятъ врасплохъ, и въ первую минуту, когда она объявила о своемъ положеніи (беременности), сердце его подсказало ему требованіе оставить мужа. Онъ сказалъ это, но теперь, обдумывая, онъ видѣлъ ясно, что *лучше было бы обойтись безъ этого*, и вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря это себѣ, боялся, не дурно ли это».

Одной дорого ея положеніе въ свѣтѣ, другому — его свобода... Что̀ же такое для нихъ ихъ любовь? Серьезное, важное и радостное дѣло жизни,—или только запретное *наслажденіе?* Помѣшали наслажденію—и остается только плакать, «какъ плачутъ наказанныя дѣти»?.. А вѣдь когда зарождалась любовь, Анна проникновенно говорила Вронскому:—«Любовь... Это слово для меня слишкомъ много значитъ, больше гораздо, чѣмъ вы можете понять...»

Анна идетъ на свиданіе съ Вронскимъ.

«Получивъ письмо мужа, она знала уже въ глубинѣ души, что все останется по-старому, что она не въ силахъ будетъ пренебречь своимъ положеніемъ, бросить сына и соединиться съ любовникомъ. Но свиданіе это все-таки было для нея чрезвычайно важно. Она надѣялась, что это свиданіе измѣнитъ ихъ положеніе и спасетъ ее. *Если онъ при этомъ извѣстіи рѣшительно, страстно, безъ минуты колебанія скажетъ ей: брось все и будь со мной, она броситъ сына и уйдетъ съ нимъ».*

Но у него во время объясненія съ Анной мелькаетъ мысль: «лучше не связывать себя».

«Прочтя письмо, онъ поднялъ на нее глаза, и во взглядѣ его не было твердости. Она поняла тотчасъ же, что онъ уже самъ съ собой прежде думалъ объ этомъ. И она поняла, что послѣдняя надежда ея была обманута».

Словами Вронскій продолжаетъ говорить о необходимости разрыва.

«— Я надѣюсь, — онъ смутился, и покраснѣлъ, — что ты позволишь мнѣ устроить и обдумать нашу жизнь. Завтра...

«Она не дала договорить ему.

«— *А сынъ?*—воскликнула она.—Ты видишь, что онъ пишетъ: надо оставить его, а я не могу и не хочу сдѣлать это».

Вотъ только когда она вспомнила о сынѣ! Неужели же не ясно, что сынъ не представлялъ такой уже неодолимой преграды для ихъ соединенія?

Во время этого же свиданія Анна говоритъ:

«— Для меня одно и одно — это твоя любовь. Если она моя, то я чувствую себя такъ высоко, такъ твердо, что ничто не можетъ быть для меня унизительнымъ. Я горда своимъ положеніемъ, потому что... горда тѣмъ... горда...—Она не договорила, чѣмъ она была горда. Слезы стыда и отчаянія задушили ея голосъ».

О, если бы Анна, дѣйствительно, была горда!.. Будь она горда, уважай она свою любовь,—и она чувствовала бы себя «высоко и твердо», и поняла бы, что нельзя эту любовь волочить по грязи. Нѣтъ, она не горда. А гордости понадобится еще много, очень много.

Анна продолжаетъ жить съ мужемъ. Видается съ Вронскимъ внѣ дома, и мужъ знаетъ про это. И Анна ждетъ, — придетъ «что-то», отъ чего все измѣнится. Вронскій, невольно подчиняясь ей, тоже ожидаетъ «чего-то независимаго отъ него, долженствующаго разъяснить всѣ затрудненія». Съ негодованіемъ Анна говоритъ Вронскому о мужѣ:

«— Это не человѣкъ, это министерская машина. Онъ не понимаетъ, что я твоя жена, что онъ чужой, что онъ лишній...»

Но какъ же сама-то Анна не понимаетъ, что она не жена Каренина? Какъ не понимаетъ своей обязанности не ждать, а дѣйствовать?

Карениnъ говоритъ ей: «— Вы называете жестокостью то, что мужъ предоставляетъ женѣ свободу, давши ей честный кровъ имени только подъ условіемъ соблюденія приличій. Это жестокость?

«— Это хуже жестокости, это подлость, если вы уже хотите знать! — со взрывомъ злобы вскрикнула Анна.

«— Нѣтъ!—закричалъ онъ.—Подлость? Если вы хотите употребить это слово, то подлость—бросить мужа, сына для любовника и ѣсть хлѣбъ мужа.

«Она нагнула голову. Она чувствовала всю справедливость его словъ».

И все-таки остается жить у него! Живетъ, сама себя пре-

зирая, перенося скотскія оскорбленія отъ потерявшей регуляторъ министерской машины. И все менѣе способной становится она нести свою любовь «достойно», все больше грязнится и отрепывается любовь. Что-то въ Аннѣ мѣняется. Широко и цѣльно полюбившая женщина вянетъ, ссыхается. «Анна была совсѣмъ не та, какою Вронскій видѣлъ ее первое время. И нравственно и физически она измѣнилась къ худшему. Она вся расширѣла, и въ лицѣ ея, въ то время, какъ она говорила объ актрисѣ, было злое, искажавшее его выраженіе. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ смотритъ человѣкъ на сорванный имъ и завядшій цвѣтокъ, въ которомъ онъ съ трудомъ узнаётъ красоту, за которую онъ сорвалъ и погубилъ его».

Ужъ ему и ей одновременно является во снѣ зловѣщій мужикъ съ взъерошенною бородою, маленькій и страшный; онъ копошится руками въ мѣшкѣ съ желѣзомъ и говоритъ какія-то непонятныя французскія слова. Въ ужасѣ оба смотрятъ другъ на друга.

«— Какой вздоръ! Какой вздоръ! — говорилъ Вронскій, но онъ самъ чувствовалъ, что не было никакой убѣдительности въ его голосѣ.

«— Но не будемъ говорить. Позвони, я велю подать чаю...

«Но вдругъ Анна остановилась. Выраженіе ея лица мгновенно измѣнилось. Ужасъ и волненіе вдругъ замѣнились выраженіемъ тихаго, серьезнаго и блаженнаго вниманія. Онъ не могъ понять значенія этой перемѣны. *Она слышала въ себѣ движеніе новой жизни*».

Какъ будто лучъ яснаго свѣта вдругъ озаряетъ тьму, въ которой бьется Анна. Зловѣщія предчувствія, презрѣніе къ себѣ и ужасъ отступаютъ передъ этимъ пробужденіемъ цѣльной женщины, передъ любовью, вдругъ углубившеюся, вдругъ ставшею свѣтлой и серьезной, какъ жизнь.

Тотъ, въ чьихъ рукахъ воздаяніе, смотритъ на Анну, колеблетъ вѣсы и жметъ...

Анна родила. Произошла знаменитая встрѣча мужа и Вронскаго у ея постели. Анна порываетъ съ мужемъ и рѣшаетъ уѣхать съ Вронскимъ за границу.

«— Неужели это возможно, чтобы мы были, какъ мужъ съ женой, одни, своей семьей съ тобой?—сказала Анна, близко вглядываясь въ его глаза».

Можетъ-быть, это еще возможно. Но во всякомъ случаѣ, послѣ всего, чѣмъ они такъ унизили и загадили свою любовь, для этого теперь требуется много, очень много силы и «гордости».

Они живутъ въ Италіи. Анна чувствуетъ себя «непростительно-счастливою и полною радости жизни». «Разлука съ сыномъ, котораго она любила, и та не мучила ее первое время. Дѣвочка, его ребенокъ, была такъ мила и такъ привязала къ себѣ Анну, что Анна рѣдко вспоминала о сынѣ». Но глубоко въ душѣ воспоминаніе это непрерывно живетъ у нея. Они возвращаются въ Петербургъ. «И чѣмъ ближе она подъѣзжала къ Петербургу, тѣмъ радость и значительность свиданія съ сыномъ представлялась ей больше и больше. Ей казалось натурально и просто видѣть сына, когда она будетъ въ одномъ съ нимъ городѣ». Но оказалось не такъ. Та «грубая, властная и таинственная сила», которая мѣшала Каренину проявить пробудившіяся въ немъ человѣческія чувства, — сила окоченѣлыхъ понятій людскихъ о добрѣ и злѣ,—загораживаетъ Аннѣ дорогу къ сыну. Незабываемо-мучительна сцена свиданія Анны съ Сережей, когда раннимъ утромъ, подкупивъ швейцаровъ и лакеевъ, Анна, какъ воровка, пробирается въ спальню сына. Она по-дѣтски рыдаетъ и цѣлуетъ мальчика, впивая «милый сонный запахъ и теплоту, которые бываютъ только у дѣтей», и твердитъ: «милый, милый Кутикъ!»—и бѣжитъ, заслышавъ шаги Каренина.

Нужна была великая сила и гордость, чтобъ выдержать это надругательство надъ материнскимъ своимъ чувствомъ и не сломиться. У Анны этой силы не хватило. И вотъ происходитъ окончательный переломъ на томъ мѣстѣ, которое давно уже было надломлено: люди считаютъ ее «потерянной женщиной», заставляютъ стыдиться передъ собственнымъ сыномъ,—хорошо! Ну да, она—«потерянная женщина». Пусть всѣ смотрятъ!

Встаетъ Достоевскій, упивающійся муками и позоромъ. Встаетъ безвольный Діонисъ. Пропадаетъ воля къ борьбѣ съ ужасами и тьмою жизни, тьма эта неудержимо тянетъ къ себѣ, какъ огонь тянетъ ночную бабочку.

Анна рѣшаетъ ѣхать въ оперу, гдѣ будетъ «весь свѣтъ». Вронскій тщетно пытается отговорить ее. Она какъ будто ничего не понимаетъ и удивленно спрашиваетъ:

— Отчего же мнѣ не ѣхать?

«Въ блестящихъ глазахъ было напряженное вниманіе, и въ рѣчи и въ движеніяхъ была та нервная быстрота и грація, которыя въ первое время ихъ сближенія такъ прельщали его, а теперь тревожили и пугали». Анна одѣта въ свѣтлое парижское платье, съ открытою грудью и съ дорогимъ кружевомъ на головѣ, особенно выгодно выставляющимъ ея яркую красоту. Вронскій думаетъ:

— Въ этомъ нарядѣ появиться въ театрѣ—значитъ не только признать свое положеніе погибшей женщины, но и бросить вызовъ свѣту, т.-е. навсегда отречься отъ него.

«Какъ можетъ она не понимать этого, и что съ ней дѣлается?—говорилъ онъ себѣ. Онъ чувствовалъ, какъ въ одно и то же время *уваженіе его къ ней уменьшалось, и увеличивалось сознаніе ея красоты*».

Анна появляется въ театрѣ. Сидитъ, гордая и улыбающаяся, подъ перекрестнымъ огнемъ насмѣшливыхъ взглядовъ и шопотовъ. Наконецъ дама въ сосѣдней ложѣ громко заявляетъ, что позорно сидѣть рядомъ съ Анной, и уходитъ изъ ложи.

«Анна собрала свои послѣднія силы, чтобы выдерживать взятую на себя роль». Кто не зналъ, что происходитъ, «тѣ любовались спокойствіемъ и красотою этой женщины и не подозрѣвали, что она испытывала чувства человѣка, выставляемаго у позорнаго столба».

Объясненіе съ Вронскимъ послѣ театра. Слезы, жадное впиваніе въ себя увѣреній въ любви, «которыя ему казались такъ пошлы, что ему совѣстно было выговаривать ихъ». И, совершенно примиренные, они уѣхали въ деревню.

Но уже свершилось. Огненная рука пишетъ надъ Анною: «текелъ,—ты взвѣшена на вѣсахъ и найдена очень легкою». Начинается «отмщеніе».

Вронскіе живутъ въ деревнѣ. Долли пріѣзжаетъ провѣдать ихъ. Она поражена «тою временною красотой, которая только въ минуты любви бываетъ въ женщинахъ и которую она застала теперь на лицѣ Анны. Все въ ней было особенно привлекательно; и, казалось, она сама знала это и радовалась этому».

Анна сообщаетъ Долли, что она непростительно-счастлива, еще разъ повторяетъ, что она счастлива, и при этомъ съ робкою улыбкою вопроса глядитъ на Долли. У Анны появилась новая привычка—щуриться, и Долли замѣтила, что щурится она, какъ только разговоръ касается задушевныхъ сторонъ ея жизни.

«— Точно она на свою жизнь щурится, чтобъ не все видѣть,—подумала Долли».

Они заходятъ въ дѣтскую. Общій духъ дѣтской очень не понравился Дарьѣ Александровнѣ. Видно было, что Анна, кормилица, нянька и ребенокъ не сжились вмѣстѣ, и что посѣщеніе матерью было дѣло необычное.

«— Мнѣ иногда тяжело, что я какъ лишняя здѣсь,—сказала Анна, выходя изъ дѣтской.—Не то было съ первымъ.

«— Я думала, напротивъ,—робко сказала Долли.

«— О, нѣтъ!»

Анна щурится и обрываетъ разговоръ.

За столомъ Долли замѣчаетъ, что всѣ хозяйственныя заботы по дому лежатъ на самомъ Вронскомъ, Анна же, какъ и всѣ другіе присутствующіе,—одинаково гости, весело пользующіеся тѣмъ, что для нихъ приготовлено. Дарью Александровну непріятно поражаетъ въ Аннѣ «какая-то новая черта молодого кокетства». Между Анною и молодыми мужчинами чувствуется въ разговорѣ «тонъ какой-то игривости». «Это щекотитъ Алексѣя»,—позднѣе объясняетъ Анна. Дни усиленно заполняются всевозможными удовольствіями, но чувствуется страшная пустота и скука. И ложь. «Долли все казалось, что она играетъ на театрѣ съ лучшими, чѣмъ она, актерами, и что ея плохая игра портитъ все дѣло».

Оставшись наединѣ съ Долли, Вронскій обращается къ ней съ чрезвычайно странною и неожиданною просьбою: онъ проситъ ее помочь ему уговорить Анну... потребовать отъ мужа развода! «Я пробовалъ говорить про это Аннѣ. *Это раздражаетъ ее*». А между тѣмъ Каренинъ и раньше былъ не противъ развода, и теперь, можно надѣяться, не откажетъ, — стоитъ только Аннѣ написать ему.

Анна не хочетъ развода!.. Почему? Вѣдь, казалось бы, какъ все хорошо устраивается: они поженятся, Анна возстановитъ свое положеніе въ свѣтѣ,—и будетъ прекрасный бракъ, основанный на любви.

Долли заводитъ съ Анною разговоръ и пытается убѣдить ее въ необходимости развода. Анна возражаетъ «умышленно-поверхностнымъ и легкомысленнымъ тономъ», приводитъ странныя возраженія, указывающія какъ разъ на ложность и тяжесть ея теперешняго положенія. Долли говоритъ:

«— Ну, и самое законное: онъ хочетъ, чтобъ дѣти ваши имѣли имя.

«— Какія же дѣти? — не глядя на Долли и щурясь, сказала Анна.

«— Ани и будущія...

«— Это онъ можетъ быть спокоенъ: у меня не будетъ больше дѣтей».

Причину этого рѣшенія Анна объясняетъ такъ:

«— Подумай, у меня выборъ изъ двухъ: или быть беременною, т.-е. больною, или быть другомъ, товарищемъ своего мужа, все равно мужа... Ты пойми, я не жена; онъ любитъ меня до тѣхъ поръ, пока любитъ. *И что жъ, чѣмъ же я поддержу его любовь? Вотъ этимъ?*

«*Она вытянула бѣлыя руки передъ животомъ*».

Долли все время съ удивленіемъ возражаетъ:

— Но вѣдь для этого-то и нуженъ разводъ.

Но Анна не слушаетъ и продолжаетъ приводить свои ничего не опровергающія возраженія. Наконецъ ссылается на сына.

«— Вѣдь они мнѣ не отдадутъ его. Только эти два существа (Вронскаго и сына) я люблю, и одно исключаетъ другое. Я не могу ихъ соединить, а это мнѣ одно нужно. А если этого нѣтъ, то все равно. Все, все равно».

Какъ все равно? Ложностью ихъ положенія одинаково мучаются и она сама и Вронскій. Если ей вправду все равно, то отчего же не согласиться на просьбу Вронскаго *для него?* А вѣдь если развода она не попроситъ, то сына ей тѣмъ болѣе не отдадутъ.

Рана въ душѣ Анны отъ потери сына, конечно, очень тяжела, — но не смертельна, какъ она утверждаетъ. Въ Аннѣ слишкомъ много силы жизни, чтобъ погибнуть отъ такой раны. Настоящей причины своего отказа Анна такъ и не высказываетъ.

«— Ты не можешь понимать. *Это слишкомъ ужасно.* Я стараюсь вовсе не смотрѣть... Ты говоришь,—выйти замужъ за Алексѣя, и что я не думаю объ этомъ... Я не думаю? Нѣтъ дня и часа, когда бы я не думала и *не упрекала себя за то, что думаю*... потому что мысли объ этомъ могутъ съ ума свести. Когда я думаю объ этомъ, то я уже не засыпаю безъ морфина...»

Что же она думаетъ такого, что способно свести съ ума? За какія мысли она упрекаетъ себя?

Повидимому, Анна ужъ совершенно ясно понимаетъ то, чего не понимаетъ ни Долли ни самъ Вронскій, и что сама Анна вскорѣ выскажетъ всѣми словами: что теперь ни разводомъ и бракомъ, ни даже отдачею ей сына *ничему не поможешь.* И въ наизаконнѣйшемъ бракѣ они съ Вронскимъ будутъ тѣми же любовниками, та же между ними будетъ *внѣшняя* любовь, гдѣ самымъ важнымъ остается чувственное наслажденіе, красота, «круглыя колѣни» и «выпуклыя бедра»,—та темная арцыбашевщина, которая въ самой себѣ несетъ гибель, взаимную ненависть и разъединеніе. Анна чувствуетъ это и безсознательно противится браку: тогда ужъ нельзя будетъ себя обманывать, банкротство ихъ любви станетъ очевиднымъ.

Толстой пишетъ: «Жизнь, казалось, была такая, какой лучше желать нельзя: былъ полный достатокъ, было здоровье, былъ ребенокъ, и у обоихъ были занятія». Анна много читаетъ по вопросамъ, занимающимъ Вронскаго, является незамѣнимымъ

помощникомъ въ его дѣлахъ. Все между ними есть. Чего же нѣтъ? Вотъ чего:

«Кити крѣпче оперлась на руку Левина и прижала ее къ себѣ. Онъ наединѣ съ нею испытывалъ теперь, когда мысль о ея беременности ни на минуту не покидала его, то, еще новое для него и радостное, совершенно чистое отъ чувственности наслажденіе близости къ любимой женщинѣ. Ему хотѣлось слышать звукъ ея голоса, измѣнившагося теперь при беременности. Въ голосѣ, какъ и во взглядѣ, была мягкость и серьезность, подобная той, которая бываетъ у людей, постоянно сосредоточенныхъ надъ однимъ любимымъ дѣломъ».

Только этого нѣтъ между Анною и Вронскимъ. Но въ томъ глубоко-серьезномъ и важномъ дѣлѣ жизни, какимъ для Толстого является любовь, это—все. Мрачною погребальною пѣснью надъ умершею женщиною звучитъ безобразный отвѣтъ Анны: «Чѣмъ я поддержу его любовь? Вотъ этимъ?» И кощунственнымъ поруганіемъ свѣтлаго таинства кажется ея циничный жестъ.

Все быстрѣе и быстрѣе Анна катится по откосу внизъ. «Какъ Анна ни старалась, она не могла любить свою дѣвочку, а притворяться въ любви она не могла». Всѣмъ существомъ, всею душою Анна уходитъ въ свою хищную, противоестественно-самодовлѣющую любовь. Она спрашиваетъ:

«— Для чего ты желаешь развода?

«Боже мой, опять о любви!»—подумалъ онъ, морщась.

«— Вѣдь ты знаешь, для чего: для тебя и для дѣтей, которыя будутъ,—сказалъ онъ.

«— Дѣтей не будетъ.

«— Это очень жалко,—сказалъ онъ.

«Вопросъ о возможности имѣть дѣтей былъ давно спорный и раздражавшій ее. Его желаніе имѣть дѣтей она объясняла тѣмъ, что онъ не дорожилъ ея красотой».

Передъ нами совсѣмъ другая женщина, чѣмъ въ началѣ романа. Не узнаёшь прежней Анны,—какъ будто кто-то подмѣнилъ ее. Когда-то съ вызовомъ отчаянія Анна называла себя «любовницей», шла на признаніе себя «погибшей женщиной». Теперь она, дѣйствительно, становится такою.

«Безсознательно въ это послѣднее время въ отношеніи ко всѣмъ молодымъ мужчинамъ Анна дѣлала все возможное, чтобъ возбудить въ нихъ чувство любви къ себѣ». Она старается вскружить голову Левину. Прощаясь, удерживаетъ его за руку и глядитъ ему въ глаза притягивающимъ взглядомъ. Сообщаетъ Кити, «очевидно, съ дурнымъ намѣреніемъ», что Левинъ былъ у нея и очень ей понравился.

Какъ два прикованныхъ къ одной цѣпи врага, стоятъ теперь

другъ противъ друга Анна и Вронскій. Между ними—«мрачная, тяжелая любовь», ужасающая обоихъ. «Рядомъ съ любовью, которая связывала ихъ, установился между ними злой духъ какой-то борьбы, котораго она не могла изгнать ни изъ его, ни, еще менѣе, изъ своего сердца... Она не хотѣла борьбы, упрекала его за то, что онъ хотѣлъ бороться, но невольно сама становилась въ положеніе борьбы... Какая-то странная сила зла не позволяла ей отдаться своему влеченію, какъ будто условія борьбы не позволяли ей покориться».

Анна рѣшаетъ покончить съ собою.

«Смерть, какъ единственное средство возстановить въ его сердцѣ любовь къ ней, наказать его и одержать побѣду въ той борьбѣ, которую поселившійся въ ея сердцѣ злой духъ велъ съ нимъ, ясно и живо представилась ей. Съ наслажденіемъ стала она думать о томъ, какъ онъ будетъ мучиться, раскаиваться и любить ея память».

Анна ѣдетъ на вокзалъ, въ поѣздку, которая кончится ея смертью. Новыми глазами смотритъ на все кругомъ, думаетъ, думаетъ... И вдругъ—

«она открыла ротъ и перемѣстилась въ колескѣ отъ волненія, возбужденнаго въ ней пришедшею ей вдругъ мыслью: «Если бы я могла быть чѣмъ-нибудь, кромѣ любовницы, страстно любящей однѣ его ласки; *но я не могу и не хочу быть ничѣмъ другимъ*. И я этимъ желаніемъ возбуждаю въ немъ отвращеніе, а онъ во мнѣ злобу, и это не можетъ быть иначе. Развѣ я не знаю, что онъ не сталъ бы обманывать меня, что онъ не измѣнитъ мнѣ? Я все это знаю, но мнѣ отъ этого не легче... Ну, пусть я придумаю себѣ то, чего я хочу, чтобы быть счастливой. *Ну, я получу разводъ и буду женою Вронскаго. Какое же я придумаю между нами новое чувство?* Возможно ли какое-нибудь,—не счастье уже, а только не мученіе? Нѣтъ и нѣтъ! Невозможно! Мы жизнью расходимся, и я дѣлаю его несчастіе, и передѣлать ни его ни меня нельзя. Всѣ попытки были сдѣланы, винтъ свинтился»...

И Анна бросается подъ колеса вагона,—«жестоко-мстительная, торжествующая, совершившая угрозу никому не нужнаго, но неизгладимаго раскаянія»...

«Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ»...

Для Толстого, живая жизнь не знаетъ ошибокъ. Она благостна и велика. Ею глубоко заложена въ человѣкѣ могучая, инстинктивная сила, ведущая его къ благу. И горе тому, кто идетъ противъ этой силы, кто не повинуется душѣ своей, какъ

бы это ни было тяжело и трудно. На него неотвратимо падаетъ «отмщеніе», и онъ гибнетъ.

Въ бракѣ съ Карениннымъ Анна была только матерью, а не женою. Безъ любви она отдавала Каренину то, что̀ свѣтлымъ и радостно-чистымъ можетъ быть только при любви, безъ любви же превращается въ грязь, ложь и позоръ. Живая жизнь этого не терпитъ. Какъ будто независимая отъ Анны сила, — она сама это чувствуетъ, — вырываетъ ее изъ уродливой ея жизни и ведетъ навстрѣчу новой любви. Если бы Анна чисто и честно отдалась этой силѣ, передъ нею раскрылась бы новая, цѣльная жизнь. Но Анна испугалась,—испугалась мелкимъ страхомъ передъ человѣческимъ осужденіемъ, передъ потерею своего положенія въ свѣтѣ. И глубокое, ясное чувство загрязнилось ложью, превратилось въ запретное *наслажденіе*, стало мелкимъ и мутнымъ. Анна ушла только въ любовь, стала духовно-бездѣтною «любовницею», какъ раньше была только матерью. И тщетно пытается она жить своею противоестественною, пустоцвѣтною любовью. Этого живая жизнь также не можетъ терпѣть. Поруганная, разорванная на-двое, она безпощадно убиваетъ душу Анны.

И здѣсь нельзя возмущаться, нельзя никого обвинять въ жестокости. Здѣсь можно только молча преклонить голову передъ праведностью высшаго суда. Если человѣкъ не слѣдуетъ таинственно-радостному зову, звучащему въ душѣ, если онъ робко проходитъ мимо величайшихъ радостей, уготовленныхъ ему жизнью,—то кто же виноватъ, что онъ гибнетъ въ мракѣ и мукахъ? Человѣкъ легкомысленно пошелъ противъ собственнаго своего существа,—и великій законъ, свѣтлый въ самой своей жестокости, говоритъ:

«Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ».

Самъ Толстой, разумѣется, не такъ смотритъ на свой романъ. Григоровичъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ: однажды, на обѣдѣ въ редакціи «Современника», присутствующіе съ похвалою отозвались о новомъ романѣ Жоржъ-Зандъ; молодой Толстой рѣзко объявилъ себя ея ненавистникомъ и прибавилъ, что героинь ея романовъ, если бы онѣ существовали въ дѣйствительности, слѣдовало бы, ради назиданія, привязывать къ позорной колесницѣ и возить по петербургскимъ улицамъ.

Такую позорную колесницу Толстой, повидимому, хотѣлъ сдѣлать изъ своего романа и для Анны. Анна измѣнила мужу, бросила сына—и сдѣлалась «потерянной женщиной». Никакая новая любовь, никакіе разводы не въ состояніи снять съ нея

грязнаго клейма. Левинъ, поѣхавшій въ гости къ Аннѣ, долго раздумываетъ, хорошо это или дурно. Наконецъ «сомнѣнія его были окончательно разрушены. Онъ зналъ теперь,—говоритъ Толстой,—*что этого не надо было дѣлать*». Облонскій заговариваетъ съ Карениннымъ о разводѣ, при этомъ теряется и чувствуетъ робость. Толстой отъ себя объясняетъ: «это былъ *голосъ совѣсти, говорившій ему, что дурно то, что онъ былъ намѣренъ дѣлать*». Достойный выходъ для Анны былъ только одинъ: принять прощеніе мужа, задавить отвращеніе къ нему и возвратиться въ прежнюю ложь, мракъ и узаконенный позоръ. Анна этого не сдѣлала—и гибнетъ. Но люди не должны бросать въ нее камнями. «Высшій нравственный законъ» и безъ того караетъ ее жестоко.

Для самого Толстого смыслъ романа какъ будто сводится къ слѣдующему разговору свѣтской старухи, матери Вронскаго, съ Кознышевымъ:

«— Да, она кончила, какъ и должна была кончить такая женщина. Даже смерть она выбрала подлую, низкую.

«— Не намъ судить, графиня,—со вздохомъ сказалъ Сергѣй Ивановичъ».

Въ отношеніи Толстого къ своему роману замѣчается та же разсудочная узость и мертвенность, какъ въ его отношеніи, напр., къ «Крейцеровой сонатѣ». Каждая строка «Сонаты» кричитъ о грубомъ и легкомысленномъ поруганіи человѣкомъ серьезнаго и свѣтлаго таинства любви. Самъ же Толстой увѣренъ, что показалъ въ «Сонатѣ» какъ разъ противоположное: что сама любовь есть «унизительное для человѣка животное состояніе», есть его «паденіе».

Нѣтъ, правъ, сто разъ правъ былъ Сократъ, когда говорилъ: «Ходилъ я къ поэтамъ и спрашивалъ у нихъ, что именно они хотѣли сказать. И чуть ли не всѣ присутствовавшіе лучше могли бы объяснить то, что сдѣлано этими поэтами, чѣмъ они сами. Не мудростью могутъ они творить то, что они творятъ, а какою-то прирожденною способностью и въ изступленіи, подобно гадателямъ и прорицателямъ».

Чрезвычайно характерно толкованіе, которое дастъ «Аннѣ Карениной» Достоевскій.

«Во взглядѣ Толстого на виновность и преступность людей ясно усматривается, что никакой муравейникъ, никакое торжество «четвертаго сословія», никакое уничтоженіе бѣдности не спасутъ человѣчество отъ ненормальности, а слѣдственно и отъ виновности и преступности. Ясно и понятно до очевидности, что зло таится въ человѣчествѣ глубже, чѣмъ предполагаютъ

лѣкаря-соціалисты, что ни въ какомъ устройствѣ общества не избѣгнете зла, что душа человѣческая останется та же, что *ненормальность и грѣхъ исходятъ изъ нея самой*, и что, наконецъ, законы духа человѣческаго столь еще неизвѣстны и таинственны, что нѣтъ и не можетъ быть еще судей окончательныхъ, а есть Тотъ, который говоритъ: «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ». Ему одному лишь извѣстна вся тайна міра сего... Самъ судья человѣческій долженъ знать о себѣ, что вѣсы и мѣра въ рукахъ его будутъ нелѣпостью, если самъ онъ не преклонится передъ закономъ неразрѣшимой еще тайны и не прибѣгнетъ къ единственному выходу,—къ милосердію и любви. А чтобъ не погибнуть въ отчаяніи отъ непониманія путей и судебъ своихъ, отъ убѣжденія *въ таинственной и роковой неизбѣжности зла*, человѣку именно указанъ исходъ. Онъ геніально намѣченъ поэтомъ въ сценѣ смертельной болѣзни героини, когда преступники и враги вдругъ преображаются въ существа высшія, въ братьевъ, все простившихъ другъ другу... Но потомъ, въ концѣ романа, въ мрачной и страшной картинѣ паденія человѣческаго духа, когда зло, овладѣвъ существомъ человѣка, парализуетъ всякую силу сопротивленія, всякую охоту борьбы съ мракомъ, падающимъ на душу и сознательно, излюбленно, со страстью отмщенія принимаемымъ душой вмѣсто свѣта,—въ этой картинѣ—столько назиданія для судьи человѣческаго, что, конечно, онъ воскликнетъ въ страхѣ и недоумѣніи: «нѣтъ, не всегда мнѣ отмщеніе и не всегда азъ воздамъ», и не поставитъ безчеловѣчно въ вину мрачно павшему преступнику того, что онъ пренебрегъ указаннымъ вѣковѣчно свѣтомъ исхода и уже сознательно отвергъ его».

Удивительно, какъ въ отзывѣ этомъ отразился самъ Достоевскій. Въ мірѣ царитъ «таинственная и роковая неизбѣжность зла», «ненормальность и грѣхъ исходятъ изъ самой души человѣческой»... Но вѣдь у Толстого какъ разъ обратное! Весь романъ свѣтится несокрушимою вѣрою въ то, что душа человѣческая нормальна, свята, что «грѣхъ» приходитъ къ ней *снаружи*. Какъ разъ ярко опровергается «убѣжденіе въ таинственной и роковой неизбѣжности зла». Передъ «отмщеніемъ» Толстой преклоняется не «въ страхѣ и недоумѣніи», не какъ передъ высшею тайною, о которой человѣкъ не смѣетъ разсуждать. «Отмщеніе» для него вполнѣ понятно, законно и неотвратимо: если человѣкъ накинетъ себѣ на шею петлю и затянетъ ее, то задохнется онъ неизбѣжно.

XII.

Смерть.

Левинъ, отвергнутый любимою дѣвушкою, встрѣчается со своимъ неизлѣчимо-больнымъ братомъ Николаемъ.

«Смерть, неизбѣжный конецъ всего, въ первый разъ съ неотразимою силой представилась ему... Не нынче, такъ завтра, не завтра, такъ черезъ тридцать лѣтъ, развѣ не все равно?.. Все яснѣе ему становилось, что онъ забылъ, просмотрѣлъ въ жизни одно маленькое обстоятельство,—то, что придетъ смерть и все кончится, что ничего не стоило начинать, и что помочь этому никакъ нельзя».

— Мнѣ умирать пора! — мрачно говоритъ онъ знакомымъ. Мрачно продолжаетъ заниматься хозяйствомъ: «надо же было какъ-нибудь доживать жизнь, пока не пришла смерть». И мрачно говоритъ Стивѣ: «Въ сущности ты подумай объ этомъ, вѣдь этотъ міръ нашъ — это маленькая плѣсень, которая наросла на крошечной планетѣ. Когда это поймешь ясно, то какъ-то все дѣлается ничтожно».

Конечно, Левинъ переживаетъ это вполнѣ искренно. Но какъ все это неглубоко, какъ нестрашно! Какъ мало разъѣдаютъ его душу эти чисто-умственные вопросы!.. Кити снова полюбила его. И со снисходительною улыбкою взрослаго надъ ребенкомъ мы готовы спросить Левина, какъ спрашиваетъ Стива Облонскій:

— Что жъ, не пора умирать?

— Н-н-ѣ-ѣтъ!—сказалъ Левинъ.

Женившись, Левинъ послѣ смерти брата опять начинаетъ мучиться вопросомъ о ничтожности жизни и неизбѣжности смерти.

«Всю эту весну онъ былъ не свой человѣкъ и *пережилъ ужасныя минуты*.

«Безъ знанія того, что я такое и зачѣмъ я здѣсь, нельзя жить. А знать я этого не могу, слѣдовательно нельзя жить»,— говорилъ себѣ Левинъ.

«И, счастливый семьянинъ, здоровый человѣкъ, Левинъ былъ нѣсколько разъ такъ близокъ къ самоубійству, что *прятался шнурокъ, чтобы не повѣситься на немъ, и боялся ходить съ ружьемъ, чтобы не застрѣлиться*».

Не правда ли, какъ ужасно? Не правда ли, какъ глубоко запустила смерть свои когти въ душу Левина? Ему приходится прятать отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься! Но какъ же возможно спрятать что-нибудь самому отъ себя? Воз-

можно это только тогда, когда спрятавшій не хочетъ найти; а тогда незачѣмъ и прятать. Курильщикъ, когда ему захочется курить, безъ малѣйшаго труда найдетъ табакъ, который онъ отъ себя спряталъ. А если не найдетъ, то это не курильщикъ.

Толстой *увѣряетъ*: «Левинъ пережилъ ужасныя минуты», «Левинъ былъ близокъ къ самоубійству»... Художникъ требуетъ, чтобъ мы повѣрили ему на-слово. Но такая ужъ странная вещь искусство: когда оно требуетъ отъ насъ, чтобъ мы ему вѣрили,—мы именно поэтому и не можемъ вѣрить.

Десятки страницъ Толстой посвящаетъ описанію того, какъ охотится Левинъ. Мы тамъ живо чувствуемъ съ Левинымъ и тайное общеніе его съ собакою, и утренніе запахи травъ, и проснувшагося на копнѣ ястреба, недовольно глядящаго на болото. Здѣсь же—одна страничка сухихъ и неубѣдительныхъ увѣреній. Мы ничего не чувствуемъ и безучастно смотримъ на «ужасныя» мученія Левина.

Достоевскій не говоритъ, что Свидригайловъ или Ставрогинъ были «близки къ самоубійству». Духъ смерти ощутимо носится надъ ними, и, когда они вдругъ убиваютъ себя, намъ кажется: мы давно уже ждали этого. И не нужно Достоевскому говорить, что Ипполитъ въ «Идіотѣ» переживалъ «ужасныя минуты»: обезсмысленный міръ въявь превращается передъ нами въ огромнаго и отвратительнаго тарантула, и мы вмѣстѣ съ Ипполитомъ задыхаемся въ кошмарномъ ужасѣ. Левинъ случайно услышалъ слово «по-Божьи» — и воскресъ. Смѣшно даже представить себѣ, чтобы голое *слово* способно было воскресить въ жизнь Свидригайлова, Ставрогина или Ипполита.

Отчего же это такъ у Толстого?

Графиня С. А. Толстая разсказываетъ въ своихъ запискахъ: «Тургеневъ наивно сознаётся, что боится страшно холеры. Потомъ насъ было тринадцать за столомъ, мы шутили о томъ, на кого падетъ жребій смерти, и кто ея боится. Тургеневъ, смѣясь, поднялъ руку и говоритъ:

«— Que celui qui craint la mort lève la main!

«Никто не поднялъ, и только изъ учтивости Левъ Николаевичъ поднялъ и сказалъ:

«— Eh bien, moi aussi je ne veux pas mourir».

Толстой съ очевидною намѣренностью совершенно измѣняетъ смыслъ вопроса. Тургеневъ говоритъ: «кто *боится смерти*, пусть подниметь руку!». Смерти боится все падающее, больное, лишенное силы жизни. Толстой же отвѣчаетъ: «да, *и я не хочу умирать*». Умирать не хочетъ все живое, здоровое и сильное.

Загадка смерти, несомнѣнно, остро интересуетъ Толстого. «Какой въ жизни смыслъ, если существуетъ смерть?» Въ процессѣ своихъ исканій почти всѣ герои Толстого проходятъ черезъ этотъ этапный пунктъ. Но никогда самъ художникъ не застреваетъ на этомъ пунктѣ, какъ застряли Тургеневъ или Достоевскій.

Для Достоевскаго живая жизнь сама по себѣ совершенно чужда и непонятна, фактъ смерти уничтожаетъ ее всю цѣликомъ. Если нѣтъ безсмертія, то жизнь—величайшая безсмыслица; это для него аксіома, противъ нея нечего даже и спорить. Для старѣющаго Тургенева весь міръ полонъ вѣянія неизбѣжной смерти, душа его непрерывно мечется въ безмѣрномъ мистическомъ ужасѣ передъ призракомъ смерти.

Никогда этотъ мистическій ужасъ смерти не ложится прочнымъ гнетомъ на душу Толстого. Только на мгновеніе смерть способна смять его душу тѣмъ же животнымъ испугомъ, съ какимъ лошадь шарахается отъ трупа. Вспомнимъ для примѣра сцену въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ», гдѣ Николенька съ воплемъ ужаса бросается прочь отъ трупа матери.

Но есть въ глубинѣ души художника какое-то прочное безсознательное знаніе, оно высоко поднимаетъ его надъ этимъ минутнымъ ужасомъ. И изъ мрачной тайны смерти онъ выноситъ лишь одно,—торжествующую, свѣтлую тайну жизни.

Смерть, въ глазахъ Толстого, хранитъ въ себѣ какую-то глубокую тайну. Смерть серьезна и величава. Все, чего она коснется, становится тихо-строгимъ, прекраснымъ и значительнымъ,—странно-значительнымъ въ сравненіи съ жизнью. Въ одной изъ своихъ статей Толстой пишетъ: «всѣ покойники хороши». И въ «Смерти Ивана Ильича» онъ разсказываетъ: «Какъ у всѣхъ мертвецовъ, лицо Ивана Ильича было красивѣе, главное,—значительнѣе, чѣмъ оно было у живого».

Стоитъ смерть въ своей величавой, таинственной серьезности; а передъ нею въ мелкомъ испугѣ мечется цѣпляющійся за жизнь человѣкъ. Умираетъ въ разсказѣ «Три смерти» барыня. Вся она полна ужаса передъ надвигающеюся смертью, вся полна одною собою и своею тяжбою со смертью. Ее возмущаетъ, что мужъ, зная о ея состояніи, способенъ ѣсть. Даже дѣтей своихъ она не хочетъ видѣть передъ смертью: «это разстроитъ ее». Всѣ вокругъ чувствуютъ себя подъ ея взглядами какъ бы виноватыми въ томъ, что живутъ. Умираетъ она, *она*, — вѣдь этимъ опровергается вся жизнь, разрушается весь міръ. Какъ же у людей хватаетъ совѣсти жить

и думать о жизни передъ лицомъ совершающейся величайшей міровой катастрофы?

Барыня въ гробу. Дьячокъ читаетъ надъ нею Псалтирь:

«Сокроешь лицо Твое, — смущаются. Возьмешь отъ нихъ духъ,—умираютъ и въ прахъ свой возвращаются. Пошлешь духъ Твой,—созидаются и обновляютъ лицо земли. Да будетъ Господу слава вовѣки».

«Лицо усопшей было строго и величаво. Ни въ чистомъ, холодномъ лбѣ, ни въ твердо сложенныхъ устахъ ничто не двигалось. Она вся была вниманіе. *Но понимала ли она хоть теперь великія слова эти?*»

Въ ямской избѣ въ это время умираетъ больной ямщикъ дядя Ѳедоръ. Умираетъ спокойно и какъ будто просто, — до того просто, что ужасомъ трогаетъ душу эта необычайная простота. Ямщикъ Серега проситъ больного отдать ему свои сапоги и просьбою этою ясно обнаруживаетъ увѣренность, что самому Ѳедору ихъ ужъ не носить. Кухарка подхватываетъ:

«— Гдѣ ему сапоги надобны? Въ новыхъ сапогахъ хоронить не станутъ».

И больной не пугается, какъ барыня, упоминанія о смерти, умоляюще и вопросительно не смотритъ кругомъ. Какъ будто совсѣмъ не о его смерти идетъ рѣчь. Онъ спокойно отдаетъ сапоги, подъ условіемъ, чтобъ Серега поставилъ на его могилѣ камень. Спокойно говоритъ кухаркѣ:

«— Ты на меня не серчай, Настасья: скоро опростаю уголъ-то твой».

Умираетъ покорно, тихо и неслышно. Въ народѣ про такую смерть говорятъ: «умеръ, какъ трава отцвѣла».

Но барыня про эту смерть сказала бы: «мужицкая тупость и грубость духа, отсутствіе тонкихъ чувствъ».

Черезъ мѣсяцъ ямщикъ Серега идетъ на зарѣ въ рощу срубить ясень на крестъ умершему дядѣ Ѳедору.

«Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше. Дерево погнулось, послышался трескъ въ его стволѣ, и, ломая сучья, оно рухнулось макушей на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли... Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями. Первые лучи солнца пробѣжали по землѣ и небу. Роса, блестя, заиграла на зелени. Сочные листья радостно и спокойно шептались на верхушкахъ, и вѣтви живыхъ деревъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ поникшимъ деревомъ».

Дерево умерло. Но передъ нами не ужасъ, не опроверженіе жизни, а свѣтлое таинство «созиданія и обновленія лица земли». Живыя деревья еще радостнѣе красуются на новомъ

просторѣ, сочные листья радостно шепчутся, вѣтви шевелятся величаво... «Возьмешь отъ нихъ духъ,—умираютъ и въ прахъ свой возвращаются. Пошлешь духъ Твой,—созидаются и обновляютъ лицо земли». Понялъ ли бы дядя Ѳедоръ, умирая, великія слова эти? *Словъ*, конечно, не понялъ бы и текста растолковать не сумѣлъ бы. Но весь онъ былъ полонъ тѣмъ же настроеніемъ, которое создало и эти слова. Тайными, неуловимыми для сознанія путями душа его слита съ общею жизнью, жизнь свою онъ ощущаетъ, какъ частицу этой единой жизни. И съ высоты ощущаемаго единства далеко внизу кажется собственная смерть, она теряетъ свои огромныя, заслоняющія жизнь очертанія, перестаетъ быть міровой катастрофой. И не тупость въ этомъ, не грубость духа, а такая тонкость и глубина жизнеощущенія, которой барынѣ даже не понять.

Въ «Воскресеніи» Толстой разсказываетъ про революціонера Набатова, крестьянина по происхожденію: «Въ религіозномъ отношеніи онъ былъ типичнымъ крестьяниномъ; никогда не думалъ о метафизическихъ вопросахъ, о началѣ всѣхъ началъ. О будущей жизни онъ тоже никогда не думалъ, въ глубинѣ души неся то унаслѣдованное имъ отъ предковъ твердое, спокойное убѣжденіе, общее всѣмъ земледѣльцамъ, что, какъ въ мірѣ животныхъ и растеній ничто не кончается, а постоянно передѣлывается отъ одной формы въ другую, — навозъ въ зерно, зерно въ курицу, головастикъ въ лягушку, желудь въ дубъ,—такъ и человѣкъ не уничтожается, но только измѣняется. Онъ вѣрилъ въ это, и потому бодро и даже весело всегда смотрѣлъ въ глаза смерти и твердо переносилъ страданія, которыя ведутъ къ ней».

Что это? Утѣшительная увѣренность въ незыблемости законовъ сохраненія матеріи или энергіи? Я умру, а законъ сохраненія энергіи будетъ существовать вѣчно. Я умру, но не уничтожусь, а превращусь... въ навозъ, на навозѣ же пышно распустится базаровскій «лопухъ». Какое же это утѣшеніе? Какъ съ такою «вѣрою» возможно «бодро и даже весело всегда смотрѣть въ глаза смерти»?

Такъ возражаютъ сыны Достоевскаго. У самого Достоевскаго «смѣшной человѣкъ», собираясь застрѣлиться, пишетъ: «Жизнь и міръ теперь какъ бы отъ меня зависятъ. Можно сказать даже такъ, что міръ теперь какъ бы для меня одного и сдѣланъ: застрѣлюсь я, и міра не будетъ, по крайней мѣрѣ, для меня. Не говоря ужъ о томъ, что, можетъ-быть, весь этотъ міръ и всѣ эти люди—я-то самъ одинъ и есть». Людямъ съ подобнымъ жизнеощущеніемъ никогда не понять Толстого. Нѣтъ въ отъединенной душѣ ихъ живого чувствованія міра,

связи съ жизнью оборваны. Только издалека міръ отражается въ душѣ, какъ въ холодномъ зеркалѣ. Разбилось зеркало,—и гдѣ міръ? Его нѣтъ. Совершилась міровая катастрофа. Какое тамъ еще «созиданіе и обновленіе лица земли»! Просто, школьные законы физики. Вздоръ все это. Однимъ только можно предотвратить міровую катастрофу,—сохраненіемъ навѣки моего личнаго «я». И однимъ только можно уничтожить идущій отъ смерти ужасъ—уничтоженіемъ самой смерти.

Г. Тенеромо вспоминаетъ, какъ, раннею весною, онъ работалъ съ Толстымъ въ его саду. Они присѣли отдохнуть на межу у дороги.

«— Нѣтъ, вы прислушайтесь, — сказалъ Левъ Николаевичъ,—прислушайтесь къ этой немолчной работѣ жизни, какая здѣсь идетъ во всѣхъ углахъ и впадинахъ... Мнѣ кажется, будто я сижу и чувствую движеніе соковъ, какъ они тянутся тонкими струйками по мочкамъ и корнямъ къ стволу, вѣтвямъ и почкамъ. Я чувствую, какъ земля внизу, оттаивая, шлетъ свои пары кверху, и дышитъ, и вздыхаетъ, какъ вздыхаетъ человѣкъ послѣ долгаго, тяжелаго сна. Это не метафора, не уподобленіе, а такъ оно и есть. Земля живетъ несомнѣнною, живою, теплою жизнью, какъ и всѣ мы, взятые отъ земли».

Если мы поймемъ, если душою почувствуемъ это жизнеощущеніе, то мы поймемъ также, почему Набатовъ способенъ «бодро и даже весело всегда смотрѣть въ глаза смерти». Ужъ, конечно, дѣло тутъ не въ законѣ сохраненія энергіи и не въ умственныхъ какихъ-либо убѣжденіяхъ. Тѣсно со всѣхъ сторонъ душа охвачена жизнью, жизнь какъ будто непрерывно переливается изъ души въ міръ и изъ міра въ душу. Ушла жизнь изъ души, — и какъ будто сама душа вмѣстѣ съ нею растворилась въ жизни міра. «И ты,—какъ выражается Маркъ Аврелій, — ты легко оторвешься отъ жизни, какъ созрѣвшій плодъ съ дерева, благословляя вѣтвь, на которой висѣлъ».

Толстой разсказываетъ про Платона Каратаева:

«Жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ». Больной и слабый, Каратаевъ сидитъ въ своей шинелькѣ, прислонившись къ березѣ. Итти онъ не можетъ. И онъ знаетъ, что французы сейчасъ его пристрѣлятъ. «Въ лицѣ Каратаева, кромѣ выраженія вчерашняго радостнаго умиленія, свѣтилось еще выраженіе тихой торжественности».

Если есть въ душѣ жизнь, если есть въ ней, въ той или другой формѣ, живое ощущеніе связи съ общею жизнью, то

странная перемѣна происходитъ въ смерти, и разсѣивается окутывающій ее ужасъ.

Въ Севастополѣ умираетъ раненый поручикъ Козельцовъ.

«—Что, я умру?—спросилъ Козельцовъ у священника, когда онъ подошелъ къ нему.

«Священникъ, не отвѣчая, прочелъ молитву и подалъ крестъ раненому.

«Смерть не испугала Козельцова. Онъ взялъ слабыми руками крестъ, прижалъ его къ губамъ и заплакалъ.

«— Что, выбиты французы?

«— Вездѣ побѣда за нами осталась,—отвѣчалъ священникъ.

«— Слава Богу,—проговорилъ раненый, не чувствуя, какъ слезы текли по его щекамъ. Мысль о братѣ мелькнула на мгновеніе въ его головѣ.—«Дай Богъ ему такое же счастье»,—подумалъ онъ».

Однажды Конфуція спросили: «Какъ надо служить духамъ, и что такое смерть?»—Мудрецъ отвѣтилъ:—«Когда не умѣютъ служить людямъ, то гдѣ же умѣть служить духамъ. *Когда еще не знаютъ, что такое жизнь то гдѣ же знать, что такое смерть*». Удивительная мысль эта близка и родна душѣ Толстого. Разрѣшенія загадки смерти онъ все время ищетъ въ разрѣшеніи загадки жизни.

Подъ вліяніемъ смерти брата «Левинъ ужаснулся не столько смерти, сколько жизни безъ малѣйшаго знанія о томъ, откуда, для чего, зачѣмъ и что онъ такое». Устрашающе-властно ставитъ передъ нами смерть загадку жизни въ «Смерти Ивана Ильича».

XIII.

Memento vivere!

Иванъ Ильичъ умеръ. «Прошедшая исторія жизни Ивана Ильича,—говоритъ Толстой,—была самая простая и обыкновенная и самая ужасная».

Въ продолженіе всей своей жизни онъ былъ умнымъ, живымъ, пріятнымъ и приличнымъ человѣкомъ. Всегда строго исполнялъ свой долгъ, долгомъ же считалъ все то, что считалось таковымъ наивысше поставленными людьми. Вездѣ онъ умѣлъ устраивать себѣ «легкое и пріятное положеніе»; не уставая, «пріятно и прилично веселился»; строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ у него все было, «какъ у другихъ». Легко и пріятно онъ женится на пріятной дѣвицѣ.

Страшною своею кистью Толстой ярко рисуетъ жизнь этого

двигающагося трупа. Самаго слабаго біенія жизни нѣтъ ни въ самомъ Иванѣ Ильичѣ, ни вокругъ него. Все, чего онъ коснется, омертвѣваетъ, все превращается въ ложь, пошлость и самодовольную обыденщину.

И вдругъ передъ нимъ встаетъ смерть. «Нельзя было обманывать себя: что-то страшное, новое и такое значительное, чего значительнѣе никогда въ жизни не было съ Иваномъ Ильичомъ, совершалось въ немъ». Что бы онъ теперь ни дѣлалъ, — «вдругъ боль въ боку начинала свое сосущее дѣло. Иванъ Ильичъ прислушивался, отгонялъ мысль о ней, но она продолжала свое, и она приходила и становилась прямо передъ нимъ и смотрѣла на него, и онъ столбенѣлъ, огонь тухъ въ глазахъ, и онъ начиналъ опять спрашивать себя: *неужели только она правда?*»

А кругомъ—прежняя ложь и пошлость. Чуждая жена. Она уговариваетъ Ивана Ильича съѣздить къ знаменитому доктору, принять новое лѣкарство, проситъ сдѣлать это *для нея,* давая понять, что это дѣлается для него, тогда какъ въ дѣйствительности она это дѣлаетъ для себя. Красавица-дочь. Она спѣшитъ въ театръ и съ усиліемъ присаживается на стулъ, чтобы послушать «эту скуку», — мнѣніе доктора о болѣзни отца. Важные и приличные сослуживцы. «Ивану Ильичу хотѣлось, чтобы его приласкали, поцѣловали, поплакали бы надъ нимъ, какъ ласкаютъ и утѣшаютъ дѣтей... Вмѣсто этого Иванъ Ильичъ дѣлаетъ серьезное, строгое, глубокомысленное лицо и по инерціи говоритъ свое мнѣніе о значеніи кассаціоннаго рѣшенія и упорно настаиваетъ на немъ».

«Главное мученіе Ивана Ильича была ложь, — та, всѣми почему-то признанная ложь, что онъ только боленъ, а не умираетъ, и что ему надо только быть спокойнымъ и лѣчиться, и тогда что-то выйдетъ очень хорошее... И его мучила эта ложь, мучило то, что не хотѣли признаться въ томъ, что всѣ знали и онъ зналъ, и хотѣли лгать надъ нимъ по случаю ужаснаго его положенія. *Ложь, ложь, эта совершаемая надъ нимъ наканунѣ его смерти ложь, долженствующая низвести этотъ страшный, торжественный актъ его смерти до уровня всѣхъ ихъ визитовъ, гардинъ, осетрины къ обѣду... была ужасно мучительна для Ивана Ильича...* Онъ видѣлъ, что никто не пожалѣетъ его, потому что никто не хочетъ даже понимать его положенія».

А смерть наваливается все плотнѣе. Ивану Ильичу кажется, что его съ болью суютъ куда-то въ узкій и глубокій черный мѣшокъ, и все дальше просовываютъ и не могутъ просунуть. Онъ плачетъ дѣтскими слезами о безпомощности своей, о сво-

емъ ужасномъ одиночествѣ, о жестокости людей, о жестокости Бога, объ отсутствіи Бога.

«Можетъ-быть, я жилъ не такъ, какъ должно?—приходило ему вдругъ въ голову. Но онъ тотчасъ же отгонялъ отъ себя *это единственное разрѣшеніе всей загадки жизни и смерти*, какъ что-то совершенно невозможное.

«Чего же ты хочешь теперь? Жить? Какъ жить? Жить, какъ ты живешь въ судѣ, когда судебный приставъ провозглашаетъ: «судъ идетъ». Судъ идетъ, идетъ судъ. Вотъ онъ—судъ. Да я же не виноватъ!—воскликнулъ онъ со злобой.—За что? И онъ пересталъ плакать и, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, сталъ думать все объ одномъ и томъ же: *зачѣмъ, за что весь этотъ ужасъ?*

«Но сколько онъ ни думалъ, онъ не нашелъ отвѣта. И когда ему приходила мысль о томъ, что все это происходитъ отъ того, что онъ жилъ не такъ, онъ тотчасъ вспоминалъ всю правильность своей жизни и отгонялъ эту странную мысль».

Но однажды ночью ему вдругъ приходитъ въ голову: «а что, какъ и въ самомъ дѣлѣ вся моя жизнь, сознательная жизнь, была не то?»

«Ему пришло въ голову, что тѣ его чуть замѣтныя поползновенія борьбы противъ того, что наивысше поставленными людьми считалось хорошимъ, поползновенія чуть замѣтныя, которыя онъ тотчасъ же отгонялъ отъ себя, — что они-то и могли быть настоящія, а остальное все могло быть не то.

«Онъ легъ навзничь и сталъ совсѣмъ по-новому перебирать всю свою жизнь, все то, чѣмъ онъ жилъ, и ясно увидѣлъ, что все это было не то, все это былъ *ужасный, огромный обманъ, закрывающій и жизнь, и смерть.* Это сознаніе увеличило, удесятерило его физическія страданія».

Умирающій живой мертвецъ мечется въ мукахъ и вопитъ: «Судъ идетъ! Вотъ онъ — судъ... Зачѣмъ, за что весь этотъ ужасъ?»

И ясенъ отвѣтъ того, кто разъ уже сказалъ: «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ».

Ивана Ильича ужасаетъ совершаемая надъ нимъ ложь. Ложь эта низводитъ страшный, торжественный актъ его смерти до уровня всѣхъ ихъ визитовъ, гардинъ, осетрины къ обѣду. Но что же такое была вся его жизнь? — Эти же самые визиты, гардины и осетрина къ обѣду. Къ нимъ онъ свелъ великій и торжественный *актъ жизни.*

Передъ нами раскрывается загадка смерти. «Неужели только она правда?» — спрашиваетъ Иванъ Ильичъ. Да, передъ *сею* жизнью правда — одна смерть, всегда величавая, глубокая и

серьезная. Но въ обманный призракъ превращается смерть, когда передъ нею встанетъ подлинная жизнь, достойная помѣряться съ нею въ глубинѣ и величавой своей серьезности.

И такъ огромна, такъ всепобѣждающа для Толстого сила этой подлинной жизни, что стоитъ только почувствовать ее хоть на мигъ, только прикоснуться къ ней просвѣтленнымъ своимъ сознаніемъ,—и смерть исчезаетъ.

Три дня Иванъ Ильичъ кричитъ на разныя интонаціи: «у! уу! у!». Онъ началъ кричать: «не хочу!», и такъ продолжалъ кричать на букву «у». Крикъ этотъ былъ такъ ужасенъ, что нельзя было за двумя дверями безъ ужаса слышать его.

«Онъ барахтался въ томъ черномъ мѣшкѣ, въ который просовывала его невидимая, непреодолимая сила. Онъ бился, какъ бьется въ рукахъ палача приговоренный къ смерти, зная, что онъ не можетъ спастись... Вдругъ какая-то сила толкнула его въ грудь, въ бокъ, еще сильнѣе сдавило ему дыханіе, онъ провалился въ дыру, и тамъ въ концѣ дыры засвѣтилось что-то... И ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, *но что это можно еще поправить*. Онъ спросилъ себя: что же «то»?—и затихъ, прислушиваясь.

«— Смерть?.. Гдѣ она?

«Онъ искалъ своего прежняго привычнаго страха смерти и не находилъ его. Гдѣ она? Какая смерть? Страха никакого не было, потому что и смерти не было.

«Вмѣсто смерти былъ свѣтъ.

«— Такъ вотъ что!—вдругъ вслухъ проговорилъ онъ.—Какая радость!

«Для него все это произошло въ одно мгновеніе, и значеніе этого мгновенія уже не измѣнялось. Для присутствующихъ же агонія его продолжалась еще два часа. Въ груди его клокотало что-то; изможденное тѣло его вздрагивало. Потомъ рѣже и рѣже стали клокотанье и хрипѣнье.

«— Кончено!—сказалъ кто-то надъ нимъ.

«Онъ услыхалъ эти слова и повторилъ ихъ въ своей душѣ. «*Кончена смерть*,—сказалъ онъ себѣ.—*Ея нѣтъ больше*».

«Онъ втянулъ въ себя воздухъ, остановился на половинѣ вздоха, потянулся и умеръ».

Такъ кончается этотъ удивительный разсказъ,—торжественный гимнъ во славу великой, все просвѣтляющей Жизни.

И замѣчательно вотъ что. «Смерть Ивана Ильича» написана въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда написано было большинство народныхъ разсказовъ и повѣсть изъ временъ древнихъ христіанъ «Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ». Въ этотъ періодъ Толстой-проповѣдникъ съ пуритански-суровымъ

и холоднымъ осужденіемъ относился къ живой жизни съ ея блескомъ и радостью, съ наибольшею настойчивостью втискивалъ ее въ узкія рамки «добра». Но «Смерть Ивана Ильича» писалась не для поученія, какъ упомянутые разсказы, а свободно вылилась изъ свободной души художника. Для Толстого же художника жизнь есть нѣчто гораздо болѣе широкое, чѣмъ добро, и есть единственное прочное основаніе самого добра.

«Чѣмъ дальше назадъ,—думаетъ Иванъ Ильичъ,—*то больше было жизни. Больше было и добра въ жизни, и больше было и самой жизни. И то, и другое сливалось вмѣстѣ*». Когда онъ вспоминаетъ то, «съ чѣмъ можно было бы жить, если бы оно вернулось».—передъ нимъ встаетъ не спеціально «добро», а именно жизнь во всемъ ея глубокомъ и живомъ разнообразіи. «Поползновенія борьбы противъ того, что̀ наивысше поставленными людьми считалось хорошимъ», рядомъ же съ этимъ,—конечно, прежде всего дѣтство, такъ высоко стоящее для Толстого за бьющее черезъ край, пѣнящееся сознаніе жизни. Въ училищѣ у Ивана Ильича тоже было «кое-что истинно-хорошее: *веселье, дружба, надежды*». Въ дальнѣйшей жизни — «*любовь къ женщинѣ*»... Даже любовь къ пріятной дѣвицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, — и въ ней, оказывается, было зерно чего-то истинно-хорошаго!

Также и напоминаніемъ Ивану Ильичу объ «истинно-хорошей жизни» является не благочестивый какой-нибудь старецъ изъ народнаго разсказа, не добродѣтельный юноша Памфилій,—ходячій трупъ, набальзамированный ароматами всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. Живымъ напоминаніемъ о жизни передъ Иваномъ Ильичомъ стоитъ обыкновеннѣйшій буфетный мужикъ Герасимъ. У него ловкія, сильныя руки, улыбка оскаливаетъ бѣлые, сплошные мужицкіе зубы. На лицѣ сіяетъ «радость жизни», и онъ старается сдерживать ее, чтобы не оскорбить ею умирающаго. Вся сила Герасима—въ этой радости жизни, въ живомъ соприкосновеніи со всѣмъ окружающимъ, въ отсутствіи лжи, въ глубоко-серьезной и простой значительности жизни передъ такою же серьезною и простою значительностью смерти. Въ немъ есть то же безсознательное знаніе, что̀ въ Аграфенѣ Михайловнѣ и Кити, ухаживающихъ за Николаемъ Левинымъ,—знаніе, которое Константинъ Левинъ такъ неудачно объясняетъ откровеніемъ христіанства. Какъ тѣ двѣ женщины, Герасимъ тоже «несомнѣнно знаетъ, что̀ такое жизнь и что̀ такое смерть».

— Божья воля. Всѣ тамъ будемъ,—улыбаясь, говоритъ онъ.

Легко, охотно и просто онъ ухаживаетъ за Иваномъ Ильи-

чомъ, выноситъ судно, сидитъ цѣлыми ночами, держа на плечахъ ноги Ивана Ильича. «И Ивану Ильичу хорошо было только съ Герасимомъ. Одинъ Герасимъ не лгалъ; по всему видно было, что онъ одинъ понималъ, въ чемъ дѣло, и не считалъ нужнымъ скрывать это, и просто жалѣлъ исчахшаго, слабаго барина. Онъ даже разъ прямо сказалъ, когда Иванъ Ильичъ отсылалъ его:

«— Всѣ умирать будемъ. Отчего же не потрудиться?»

Свѣтлое, неуловимое и неопредѣлимое «что-то», чѣмъ пронизана живая жизнь, мягкимъ своимъ свѣтомъ озаряетъ темную смерть, смерть свѣтлѣетъ, и исчезаетъ ея извѣчная противоположность жизни. «Здоровье, сила, бодрость жизни во всѣхъ другихъ людяхъ оскорбляли Ивана Ильича; сила и бодрость жизни Герасима не огорчали, а успокаивали его».

Въ предисловіи къ отрывкамъ изъ дневника Аміеля Толстой, горячо восхваляя этотъ дневникъ, пишетъ: «Въ продолженіе всѣхъ тридцати лѣтъ своего дневника Аміель чувствуетъ то, что̀ мы всѣ такъ старательно забываемъ,—то, что *мы всѣ приговорены къ смерти, и казнь наша только отсрочена*».

Толстой-проповѣдникъ все время весьма озабоченъ тѣмъ, чтобы побольше напугать насъ смертью, чтобы мы ходили въ жизни, какъ приговоренные къ смертной казни. Помни о смерти! Помни о смерти! Если ты всегда будешь помнить о ней, тебѣ будетъ легко и радостно «жить по-Божьи». А жить по-Божьи значитъ—«*отрекаться отъ всѣхъ утѣхъ жизни, трудиться, смиряться, терпѣть и быть милостивымъ*» («Исповѣдь»). Отсѣкай отъ себя жизнь, умерщвляй ее, и смерть перестанетъ быть страшной. Смерть попирается смертью.

Но, слава Богу, кромѣ Аміеля и проповѣдника-Толстого, мы имѣемъ еще Толстого-художника. И одно слово этого художника тяжелѣе и полноцѣннѣе, чѣмъ многіе томы тѣхъ двухъ писателей. Художникъ же этотъ говоритъ:

Не смертью попирается смерть, а жизнью. Не то помни, что нужно умирать, а помни, что нужно жить. Если есть жизнь,—то «кончена смерть, ея нѣтъ больше».

XIV.

«Будь всякъ самъ себѣ».

Подпольный человѣкъ Достоевскаго пишетъ: «Съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непремѣнно вообразили они, что человѣку надо непремѣнно благо-

разумно-выгоднаго хотѣнія? Человѣку надо — одного только самостоятельнаго хотѣнія, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела».

Мы достаточно видѣли, что къ *добродѣтельному хотѣнію* рѣзко-отрицательно относится и художникъ-Толстой. Добродѣтельное хотѣніе — это смерть для души. Выбившись изъ-подъ власти добродѣтельнаго хотѣнія, Оленинъ пишетъ: «Я былъ мертвъ, а теперь только я живу!». И Кити въ волненіи восклицаетъ: «Ахъ, какъ глупо, какъ гадко!.. Нѣтъ, теперь уже я не поддамся на это! Быть дурною, но по крайней мѣрѣ не лживою, не обманщицею! Пускай они живутъ, какъ хотятъ, и я, какъ хочу. Я не могу быть другою!» И такъ всѣ.

Будь свободенъ, будь самимъ собою,—одинаково говорятъ и Достоевскій, и Толстой. Но мы уже знаемъ, къ чему ведетъ свобода у Достоевскаго. Дать душѣ проявляться свободно — это значитъ выпустить на просторъ чудовищныя, хаотическія силы, клокочущія въ нѣдрахъ души. Онѣ вырвутся вулканическими взрывами, сшибутся, завьются вихрями и въ клочья разнесутъ безсильную душу, посмѣвшую вызвать ихъ изъ глубинъ. И съ ужасомъ, съ отчаяніемъ убѣдится человѣкъ, что свобода, которой онъ такъ страстно желаетъ, — не для него, что «не въ силахъ слабая человѣческая душа вмѣстить столь страшнаго дара». «Никогда,—говоритъ Великій Инквизиторъ,— ничего и никогда не было для человѣка невыносимѣе свободы!»

То самое, что̀ передъ Достоевскимъ стоитъ мрачною, неразрѣшимою, безысходно-трагическою задачею, для Толстого есть свѣтлая, радостная заповѣдь. И это потому, что душа человѣка—не клокочущій вулканъ, полный безплодными взрывами огня, пепла и грязи, а благородная, плодородная цѣлина, только сверху засоренная мусоромъ жизни. Дѣйствительно изъ нѣдръ идущее, дѣйствительно *самостоятельное* хотѣніе человѣка только и можетъ заключаться въ стремленіи сбросить со своей души этотъ чуждый ей, наносный мусоръ.

«Тогда Нехлюдовъ былъ честный, самоотверженный юноша, готовый отдать себя на всякое доброе дѣло; теперь онъ былъ развращенный, утонченный эгоистъ, любящій только свое наслажденіе. Тогда міръ Божій представлялся ему тайной, которую онъ радостно и восторженно старался разгадывать; теперь въ этой жизни все было просто и ясно и опредѣлялось тѣми условіями жизни, въ которыхъ онъ находился... И вся эта страшная перемѣна совершилась съ нимъ *только оттого, что онъ пересталъ вѣрить себѣ, а сталъ вѣрить другимъ*».

Въ Сибири, при переѣздѣ на паромѣ черезъ рѣку, князь Нехлюдовъ знакомится со старикомъ-бродягой.

«— Никакой вѣры у меня нѣтъ. Потому никому я, никому не вѣрю, окромѣ себѣ,—быстро и рѣшительно сказалъ старикъ.

«— Да какъ же себѣ вѣрить?—сказалъ Нехлюдовъ.—Можно ошибиться.

«— Ни въ жизнь,—тряхнувъ головой, рѣшительно отвѣчалъ старикъ.

«— Такъ отчего же разныя вѣры есть?—спросилъ Нехлюдовъ.

«— Оттого и разныя вѣры, что *людямъ вѣрятъ, а себѣ не вѣрятъ*. И я людямъ вѣрилъ и блудилъ, какъ въ тайгѣ; такъ заплутался, что не чаялъ выбраться... Значитъ, вѣрь всякъ своему духу, и вотъ будутъ всѣ соединены. *Будь всякъ самъ себѣ, и всѣ будутъ за едино*».

Быть самимъ собою, отыскать въ глубинѣ своей самого себя,—въ этомъ вся жизненная задача человѣка. Но, конечно, для Толстого смыслъ этой задачи совсѣмъ не тотъ, что̀, напр., для Макса Штирнера. Штирнеръ пишетъ: «Во всякій моментъ мы бываемъ всѣмъ, чѣмъ мы быть можемъ, и не должны быть чѣмъ-то бо̀льшимъ». Для Толстого мы очень рѣдко бываемъ «всѣмъ, чѣмъ мы быть можемъ», а можемъ мы быть чѣмъ-то гораздо бо̀льшимъ, чѣмъ мы есть. Жизнь — это нѣчто болѣе трудное, чѣмъ думаетъ человѣкъ. Болѣе трудное, — но также болѣе глубокое и болѣе цѣнное. Добрые геніи свѣтлымъ сонмомъ окружаютъ человѣка и шепчутъ ему внятные, радостные призывы. Чутко вслушиваться въ нихъ, смѣло слѣдовать имъ,— и жизнь засіяетъ чудеснымъ, неслыханно-яркимъ свѣтомъ. «Иго Мое благо, и бремя Мое легко».

Но опять и опять слѣдуетъ подчеркнуть: голоса эти призываютъ *не къ добру*. Къ живой жизни они зовутъ, къ полному, цѣлостному обнаруженію жизни; и обнаруженіе это довлѣетъ само себѣ, въ самомъ себѣ несетъ свою цѣль,—оно *безцѣльно*. Изъ живой же жизни, — именно потому, что она — живая жизнь,—само собою родится благо, сама собою встаетъ цѣль. «Каждая личность,—говоритъ Толстой въ «Войнѣ и мирѣ»,— носитъ въ самой себѣ свои цѣли и между тѣмъ носитъ ихъ для того, чтобы служить недоступнымъ человѣку цѣлямъ общимъ».

Цѣли эти настолько недоступны человѣку, что даже само добро, истинное добро, бываетъ результатомъ его дѣятельности только тогда, когда человѣкъ не ставитъ себѣ добро цѣлью.

Николай Ростовъ хозяйничаетъ въ деревнѣ. «Когда жена говорила ему о заслугѣ, состоящей въ томъ, что онъ дѣлаетъ добро своимъ подданнымъ, онъ сердился и отвѣчалъ: «Вотъ ужъ нисколько; для ихъ блага вотъ чего не сдѣлаю. Все это

поэзія и бабьи сказки—все это благо ближняго». *И, должно-быть, потому, что Николай не позволялъ себѣ мысли о томъ, что онъ дѣлаетъ что-нибудь для другихъ, для добродѣтели, все, что онъ дѣлалъ, было плодотворно».*

То же и съ Левинымъ. «Прежде, когда онъ старался сдѣлать что-нибудь такое, что сдѣлало бы добро для всѣхъ, для человѣчества, онъ замѣчалъ, что мысли объ этомъ были пріятны, но самая дѣятельность всегда бывала нескладная; теперь же, *когда онъ сталъ болѣе и болѣе ограничиваться жизнью для себя, онъ чувствовалъ увѣренность, что дѣло его необходимо, и что оно все становится больше и больше».*

Живи для себя, не думай о другихъ и о добродѣтели, — и дѣло твое будетъ плодотворно, будетъ необходимо для жизни... Это значитъ: не нужно, чтобъ тебя механически вело узкое, намѣренное добро,—оно только сушитъ, обезцвѣчиваетъ душу, и потому ничего не даетъ для жизни. Задача твоя: органически развивать себя изъ самого себя, проявлять ту радостную, широкую, безнамѣренную жизнь, которую заложила природа въ тебѣ, какъ и во всѣхъ живыхъ существахъ. Только живи подлинною своею сущностью, и само собою придетъ единеніе съ міромъ, придетъ добро. Объ этомъ ужъ безъ насъ позаботится природа, благая и мудрая, которую не намъ учить и не намъ направлять.

XV.

Природа.

Во время той же бесѣды, о которой я разсказывалъ, Толстой заговорилъ о присланной ему Мечниковымъ книгѣ его «Essai de la philosophie optimiste». Съ негодованіемъ и насмѣшкой онъ говорилъ о книгѣ, о «невѣжествѣ», проявляемомъ въ ней Мечниковымъ.

— Онъ, профессоръ Мечниковъ, хочетъ... исправлять природу! Онъ лучше природы знаетъ, что намъ нужно и что ненужно!.. У китайцевъ есть слово — «шу». Это значитъ — *уваженіе.* Уваженіе не къ кому-нибудь, не за что-нибудь, а *просто* уваженіе, уваженіе ко всему за все. Уваженіе вотъ къ этому лопуху у частокола за то, что онъ растетъ, къ облачку на небѣ, къ этой грязной, съ водою въ колеяхъ, дорогѣ... Когда мы, наконецъ, научимся этому уваженію къ жизни?

Природы съ ея колебаніемъ и противоборствомъ разнорѣчивыхъ устремленій, съ дисгармоническою несогласованностью и болѣзненными уклоненіями ея инстинктовъ, — такой природы для Толстого не существуетъ. Она всегда блага, всегда боже-

ственно-мудра,—тою глубокою мудростью, которой умъ человѣческій не долженъ дерзать даже касаться. Исправлять природу, пытаться направить ее по своему человѣческому разумѣнію—это для Толстого такое же смѣшное безуміе, какъ если бы человѣкъ, желая улучшить форму цвѣтка, сталъ вывертывать его изъ бутона и по своему вкусу обрѣзывать лепестки.

Отсюда—рѣзкое и рѣшительное отрицаніе, напр., медицины. Доктора запретили женѣ Позднышева кормить ея ребенка. Для нихъ это легко, просто и понятно: кормленіе истощаетъ женщину,—не нужно кормить. Но они не видятъ, что этимъ они разрушаютъ цѣлый сложный, чудесный міръ, въ которомъ жизненно-неразрывно все связано одно съ другимъ. «Въ это самое время ея свободы отъ беременности и кормленія въ ней съ особенною силой проявилось прежде заснувшее это женское кокетство... Я особенно ревновалъ въ это время, во-первыхъ, потому, что жена испытывала то свойственное матери безпокойство, которое должно вызывать безпричинное нарушеніе правильнаго хода жизни; во-вторыхъ, потому, что, увидавъ, какъ она легко отбросила нравственную обязанность матери, я справедливо, хотя и безсознательно, заключилъ, что ей такъ же легко будетъ отбросить и супружескую».

Смѣшны и нелѣпы старанія врачей устанавливать правила, какъ жить человѣку, какъ ѣсть, спать, какъ выхаживать дѣтей. Глубоко и прочно всѣ нужныя правила заложены въ человѣкѣ самою природою; только къ ней нужно прислушиваться, къ ея блаженному, непогрѣшимому голосу, а не къ выведеннымъ изъ ума, безконечно-разнообразнымъ и постоянно смѣняющимся правиламъ докторовъ. «Кормить такъ, тѣмъ; нѣтъ, не такъ, не тѣмъ, а вотъ этакъ; одѣвать, поить, купать, класть спать, гулять, воздухъ,—на все это мы съ женой узнавали всякую недѣлю новыя правила. Точно со вчерашняго дня начали рожать дѣтей».

Подобное же отношеніе вызываетъ къ себѣ со стороны Толстого и наше обычное воспитаніе. Оно до глубины души возмущаетъ его «недостаткомъ уваженія къ человѣческой природѣ».

«Воспитаніе, какъ умышленное формированіе людей по извѣстнымъ образцамъ, *не плодотворно, не законно, не возможно*,—говоритъ Толстой.—Воспитаніе портитъ, а не исправляетъ людей. Чѣмъ больше испорченъ ребенокъ, тѣмъ меньше нужно его воспитывать, тѣмъ больше нужно ему свободы».

«Но вѣдь дѣти не всегда знаютъ, что имъ нужно, дѣти ошибаются и т. д., слышу я. Я не вхожу въ такой споръ. Этотъ споръ привелъ бы насъ къ вопросу: права ли предъ

судомъ человѣка природа человѣка? и проч. Я этого не знаю и на это поприще не становлюсь».

Толстой это знаетъ, и знаетъ совершенно опредѣленно. Для него тутъ даже вопроса не можетъ быть. Конечно и конечно, природа права!

«Не бойтесь: человѣку ничто человѣческое не вредно,—пишетъ онъ.—Вы сомнѣваетесь? Отдайтесь чувству, и оно не обманетъ васъ. Повѣрьте его природѣ».

Мудро, любовно и нѣжно ведетъ человѣка природа по его жизненной стезѣ. И даже въ самыхъ, казалось бы, ужасныхъ, въ самыхъ жестокихъ своихъ проявленіяхъ она все та же,—по-всегдашнему мудрая, благая и великодушная.

Старая графиня Ростова, при вѣсти о смерти сына Пети, сходитъ съ ума. «Въ безсильной борьбѣ съ дѣйствительностью, мать, отказываясь вѣрить въ то, что она могла жить, когда былъ убитъ цвѣтущій жизнью ея любимый мальчикъ, *спасалась отъ дѣйствительности въ міръ безумія*».

Умираетъ Николай Левинъ. Онъ страстно и жадно цѣпляется за уходящую жизнь, въ безмѣрномъ ужасѣ косится на надвигающуюся смерть. Дикими, испуганными глазами смотритъ на брата: «Охъ, не люблю я тотъ свѣтъ! Не люблю». На лицѣ его—«строгое, укоризненное выраженіе зависти умирающаго къ живому». Умирать съ такимъ чувствомъ — ужаснѣе всякихъ страданій. И благая природа приходитъ на помощь.

«*Страданія, равномѣрно увеличиваясь, дѣлали свое дѣло и приготовляли его къ смерти...* Вся жизнь его сливалась въ одно чувство страданія и желанія избавиться отъ него. Въ немъ, очевидно, совершался *тотъ переворотъ, который долженъ былъ заставить его смотрѣть на смерть, какъ на удовлетвореніе его желаній, какъ на счастіе*».

Замѣчательно,—и навряд ли это случайность: страданія предсмертныя выпадаютъ у Толстого какъ разъ на долю людей, боящихся смерти, не могущихъ оторваться отъ жизни. Мы видѣли это и на Иванѣ Ильичѣ, какъ въ концѣ его мукъ вдругъ исчезаетъ страхъ смерти, и вмѣсто смерти является свѣтъ. Видимъ мы это и на Андреѣ Болконскомъ. Холоднымъ, укоризненнымъ взглядомъ онъ встрѣчаетъ пріѣхавшую сестру, и взглядъ этотъ говоритъ: «Ты виновата въ томъ, что живешь и думаешь о живомъ, а я!..» И вотъ съ нимъ случается то, о чемъ Наташа говоритъ: «два дня назадъ вдругъ это сдѣлалось съ нимъ». Сдѣлалось *это*,—и все для князя Андрея измѣнилось: «Онъ чувствовалъ, что онъ умираетъ, что онъ уже

умеръ наполовину. Онъ испытывалъ сознаніе отчужденности отъ всего земного и радостной, и странной легкости бытія».

XVI.

Исторія двухъ безконечностей.

1) Безконечность и князь Андрей.

Въ аустерлицкомъ бою князь Андрей бѣжитъ со знаменемъ впереди батальона на выручку русской батареи и падаетъ, раненый въ голову.

«Онъ раскрылъ глаза, надѣясь увидать, чѣмъ кончилась борьба французовъ съ артиллеристами, и желая знать, взяты или спасены пушки. Но онъ ничего не видалъ. Надъ нимъ не было ничего, кромѣ неба, — высокаго неба, неяснаго, но все-таки неизмѣримо-высокаго, съ тихо ползущими по немъ сѣрыми облаками. «Какъ тихо, спокойно и торжественно, совсѣмъ не такъ, какъ я бѣжалъ,—подумалъ князь Андрей,— не такъ, какъ мы бѣжали, кричали и дрались; совсѣмъ не такъ ползутъ облака по этому высокому, безконечному небу. Какъ же я не видалъ прежде этого высокаго неба? И какъ я счастливъ, что узналъ его наконецъ. *Да! Все пустое, все обманъ, кромѣ этого безконечнаго неба.* Ничего, ничего нѣтъ, кромѣ его. *Но и того даже нѣтъ, ничего нѣтъ, кромѣ тишины, успокоенія. И слава Богу!..*»

Ѣдетъ мимо Наполеонъ, смотритъ на него,—и любимый герой кажется князю Андрею ничтожнымъ и мелкимъ «въ сравненіи съ тѣмъ строгимъ и величественнымъ строемъ мысли, который вызывали въ немъ *ослабленіе силъ отъ истекшей крови, страданіе и близкое ожиданіе смерти.* Глядя въ глаза Наполеону, князь Андрей думалъ о ничтожности величія, *о ничтожности жизни, которой никто не могъ понять значенія, и о еще большемъ ничтожествѣ смерти, смыслъ которой никто не могъ понять и объяснить изъ живущихъ...* Ничего, ничего нѣтъ вѣрнаго, кромѣ ничтожества всего того, что̀ мнѣ понятно, и величія чего-то непонятнаго, но важнѣйшаго».

Рядомъ и какъ будто въ противорѣчіе съ этимъ Андрей радуется тому, что надъ нимъ остановились люди. «Онъ желалъ только, чтобъ эти люди помогли ему и возвратили бы его къ жизни, которая казалась ему столь прекрасною, потому что онъ такъ иначе понималъ ее теперь».

Его возвратили къ жизни. Онъ пріѣзжаетъ домой къ отцу,— «блѣдный и худой, съ измѣненнымъ, *странно-смягченнымъ, но*

тревожнымъ выраженіемъ лица». Какъ разъ въ это время родитъ его жена, маленькая княгиня Lise. Отъ родовъ она умираетъ, и на лицѣ ея застываетъ жалкое, испуганное выраженіе: «ахъ, что и за что вы это со мной сдѣлали?»

Князь Андрей живетъ въ деревнѣ. На аустерлицкомъ полѣ жизнь ему «показалась прекрасною»; подъ вліяніемъ вѣчнаго неба онъ «такъ иначе понималъ ее теперь». Но пріѣхавшій къ Андрею въ деревню Пьеръ удивленно смотритъ на своего друга: «Слова были ласковы, улыбка была на губахъ, *но взглядъ былъ потухшій, мертвый, которому, несмотря на видимое желаніе, князь Андрей не могъ придать радостнаго и веселаго блеска*».

Въ бесѣдѣ съ нимъ Пьеръ начинаетъ чувствовать, что «передъ княземъ Андреемъ восторженность, мечты, надежды на счастіе и добро — неприличны». Андрей желчно высмѣиваетъ мечты Пьера о жизни для другихъ, о самопожертвованіи.

«— Я знаю въ жизни только два настоящихъ несчастія: это—угрызеніе совѣсти и болѣзнь. И единственное благо есть отсутствіе этихъ золъ. Жить для себя, избѣгая только этихъ двухъ золъ: вотъ вся моя мудрость теперь».

Они ѣдутъ въ имѣніе старика Болконскаго, переѣзжаютъ на паромѣ рѣку. Пьеръ восторженно говоритъ о необходимости любви, вѣры, о вѣчной жизни.

«Князь Андрей вздохнулъ и лучистымъ, дѣтскимъ, нѣжнымъ взглядомъ взглянулъ на раскраснѣвшееся, восторженное лицо Пьера.

«— Да, коли бы это такъ было!—сказалъ онъ. Выходя изъ парома, онъ поглядѣлъ на небо, на которое указывалъ ему Пьеръ, и въ первый разъ послѣ Аустерлица онъ увидалъ то высокое, вѣчное небо, которое онъ видѣлъ, лежа на аустерлицкомъ полѣ, и что-то давно заснувшее, что-то лучшее, что было въ немъ, вдругъ радостно и молодо проснулось въ его душѣ».

Толстой прибавляетъ:

«Чувство это исчезло, какъ скоро князь Андрей вступилъ опять въ привычныя условія жизни, но онъ зналъ, что это чувство, которое онъ не умѣлъ развить, жило въ немъ. *Свиданіе съ Пьеромъ было для князя Андрея эпохой, съ которой началась хотя по внѣшности и та же самая, но во внутреннемъ мірѣ его новая жизнь*».

Такъ увѣряетъ Толстой. Но въ дальнѣйшемъ мы нигдѣ не видимъ ничего, что говорило бы объ этомъ обновленіи Андрея. Приходится вѣрить Толстому на слово. А мы уже знаемъ: когда художникъ требуетъ, чтобъ ему вѣрили на слово, — это вѣрный знакъ, что вѣрить ему не слѣдуетъ.

И послѣ встрѣчи съ Пьеромъ князь Андрей остается такимъ же мертвецомъ, какимъ былъ до встрѣчи. Проходитъ два года. Раннею весною онъ ѣдетъ по опекунскимъ дѣламъ въ рязанскія имѣнія своего сына. Все вокругъ зеленѣетъ, и трава, и деревья. Но на краю дороги высится огромный дубъ. «Старымъ, сердитымъ и презрительнымъ уродомъ стоялъ онъ между улыбающимися березами».

«Весна, и любовь, и счастіе! — какъ будто говорилъ этотъ дубъ,—и какъ не надоѣстъ вамъ все одинъ и тотъ же глупый и безсмысленный обманъ. Все одно и то же, и все обманъ! Нѣтъ ни весны, ни солнца, ни счастія... Стою, и не вѣрю вашимъ надеждамъ и обманамъ».

«Да, онъ правъ, тысячу разъ правъ этотъ дубъ, — думалъ князь Андрей.—Пускай другіе, молодые, вновь поддаются на этотъ обманъ, а мы знаемъ жизнь,—наша жизнь кончена!» Во время этого путешествія князь Андрей какъ будто вновь обдумалъ всю свою жизнь и *пришелъ къ тому же прежнему успокоительному и безнадежному заключенію, что ему начинать ничего было не надо, что онъ долженъ доживать свою жизнь, не дѣлая зла, не тревожась и ничего не желая*».

Вотъ онъ, двухгодовой итогъ той новой внутренней жизни, которая началась для князя Андрея послѣ свиданія съ Пьеромъ! Вотъ только къ чему привело Андрея «высокое, вѣчное небо»!

И вдругъ въ эту тусклую, унылую и холодную пустоту, какъ горячій потокъ солнечнаго свѣта, врывается богиня жизни и счастья,—Наташа Ростова.

«Князю Андрею вдругъ стало отчего-то больно. День былъ такъ хорошъ, солнце такъ ярко, кругомъ все такъ весело; а эта тоненькая и хорошенькая дѣвушка не знала и не хочетъ знать про его существованіе и была довольна и счастлива какой-то своей отдѣльной,—вѣрно, глупой,—но веселой и счастливой жизнью. «Чему она рада? О чемъ она думаетъ? Не объ уставѣ военномъ, не объ устройствѣ рязанскихъ оброчныхъ. О чемъ она думаетъ? И чѣмъ она счастлива?»—невольно съ любопытствомъ спрашивалъ себя князь Андрей».

Ночью Андрею не спится, онъ сидитъ у открытаго окна, смотритъ въ садъ, залитый луннымъ свѣтомъ. И надъ нимъ, изъ окна верхняго этажа, слышится тоскующій отъ избытка счастья голосъ Наташи.

«— Я не буду, я не могу спать, что же мнѣ дѣлать!.. Соня, Соня! Ну, какъ можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть!.. Да проснись же, Соня!—сказала она почти со слезами

въ голосѣ.—Вѣдь этакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало!

«Соня неохотно что-то отвѣчала.

«— Нѣтъ, ты посмотри, что̀ за луна!.. Ахъ, какая прелесть! Ты поди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда! Ну, видишь? Такъ бы вотъ сѣла на корточки, вотъ такъ, подхватила бы себя подъ колѣнки,—туже, какъ можно туже,—натужиться надо, и полетѣла бы. Вотъ такъ!

«— Полно, ты упадешь...

«Послышалась борьба и недовольный голосъ Сони: «Вѣдь второй часъ».

«— Ахъ, ты только все портишь мнѣ. Ну, иди, иди.

«Опять все замолкло, но князь Андрей зналъ, что она все еще сидитъ тутъ, онъ слышалъ иногда тихое шевеленіе, иногда вздохи.

«— Ахъ, Боже мой! Боже мой! Что̀ жъ это такое!—вдругъ вскрикнула она.—Спать, такъ спать!—и захлопнула окно».

Совсѣмъ другой міръ, чѣмъ въ душѣ князя Андрея. «Высокое, вѣчное небо»,—презирающее землю, говорящее о ничтожествѣ жизни,—вдругъ спускается на землю, вѣчнымъ своимъ свѣтомъ зажигаетъ всю жизнь вокругъ. И тоска въ душѣ не отъ пустоты жизни, а отъ переполненія ея красотою и счастьемъ.

Князь Андрей ѣдетъ обратно. Передъ нимъ прежній лѣсъ.

«Да, здѣсь, въ этомъ лѣсу былъ этотъ дубъ, съ которымъ мы были согласны!—подумалъ князь Андрей.—Да гдѣ онъ?—подумалъ опять князь Андрей, глядя на лѣвую сторону дороги и, самъ того не зная, не узнавая его, любовался тѣмъ дубомъ, котораго онъ искалъ. Старый дубъ, весь преображенный, раскинувшись шатромъ сочной, темной зелени, млѣлъ, чуть колыхаясь, въ лучахъ вечерняго солнца. Ни корявыхъ пальцевъ, ни болячекъ, ни стараго недовѣрія и горя,—ничего не было видно. Сквозь жесткую, столѣтнюю кору пробились безъ сучковъ сочные, молодые листья, такъ что вѣрить нельзя было, что этотъ старикъ произвелъ ихъ. «Да, это тотъ самый дубъ»,—подумалъ князь Андрей, и на него вдругъ нашло безпричинное весеннее чувство радости и обновленія. Всѣ лучшія минуты его жизни вдругъ въ одно и то же время вспомнились ему.

«— Нѣтъ, жизнь не кончена въ тридцать одинъ годъ,—вдругъ окончательно, безповоротно рѣшилъ князь Андрей.—Мало того, что я знаю все то, что̀ есть во мнѣ, надо, чтобы всѣ знали меня, чтобъ не для одного меня шла моя жизнь, чтобъ не

жили они такъ независимо отъ моей жизни, чтобъ на всѣхъ она отражалась, и чтобы всѣ они жили со мною вмѣстѣ!»

«Высокое, вѣчное небо» научило его только одному, — что въ мірѣ все ничтожно, что нужно доживать свою жизнь, «не тревожась и ничего не желая». Чего не могло сдѣлать высокое небо, сдѣлала тоненькая дѣвушка съ черными глазами: отравленнаго смертью князя Андрея она снова вдвинула въ жизнь и чарами кипучей своей жизненности открыла ему, что жизнь эта значительна, прекрасна и свѣтла.

Князь Андрей входитъ въ жизнь. Портретъ покойной жены, въ которомъ онъ раньше читалъ горькое обвиненіе жизни, теперь измѣнился. «Она уже не говорила мужу прежнихъ страшныхъ словъ, она просто и весело съ любопытствомъ смотрѣла на него. И князь Андрей, заложивъ назадъ руки, долго ходилъ по комнатѣ, то хмурясь, то улыбаясь, передумывая тѣ неразумныя, невыразимыя словомъ, тайныя, какъ преступленіе, мысли, которыя измѣнили всю его жизнь».

«Оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ, а пока живъ, надо жить и быть счастливымъ»,—рѣшаетъ онъ.

Любовь къ Наташѣ. Увлеченіе Наташи Анатолемъ. Разрывъ Андрея съ Наташей. И Андрей снова сваливается въ темную яму. «Прежде были все тѣ же условія жизни, но прежде они всѣ вязались между собою, а теперь все разсыпалось. Одни безсмысленныя явленія, безъ всякой связи, одно за другимъ представлялись князю Андрею».

Наканунѣ бородинскаго сраженія онъ лежитъ въ сараѣ. «Мысли самыя простыя, ясныя и потому странныя мысли, не оставляли его въ покоѣ». Всѣ время живущая въ его душѣ смерть поднимаетъ голову. «И съ высоты представленія о смерти все, что прежде мучило и занимало его, вдругъ освѣтилось холоднымъ, бѣлымъ свѣтомъ, безъ тѣней, безъ перспективы, безъ различія очертаній. Вся жизнь представилась ему волшебнымъ фонаремъ, въ который онъ долго смотрѣлъ сквозь стекло и при искусственномъ освѣщеніи. Теперь онъ увидалъ вдругъ безъ стекла, при яркомъ дневномъ свѣтѣ, эти дурно намалеванныя картины. «Да, да, вотъ они, тѣ волновавшіе и восхищавшіе и мучившіе меня ложные образы»,—говорилъ онъ себѣ, перебирая въ своемъ воображеніи главныя картины своего волшебнаго фонаря жизни, глядя теперь на нихъ при этомъ холодномъ, бѣломъ свѣтѣ дня,—ясной мысли о смерти. «Вотъ онѣ, эти грубо намалеванныя фигуры, которыя представлялись чѣмъ-то прекраснымъ и таинственнымъ. И все это такъ просто, блѣдно и грубо при холодномъ бѣломъ свѣтѣ того утра, кото-

рое, я чувствую, поднимается для меня... Отечество, погибель Москвы! А завтра меня убьютъ, и придутъ французы, возьмутъ меня за ноги и за голову и швырнутъ въ яму, чтобъ я не вонялъ имъ подъ носомъ».

И повторяется то же, что мы видѣли у Достоевскаго. Смерть разрушаетъ жизнь, дѣлаетъ ее мертвенно-тусклой, безсмысленной. — и тутъ-то какъ разъ человѣкъ жадно начинаетъ цѣпляться за эту обезцѣненную жизнь.

«Умереть, — думалъ князь Андрей. — Чтобы меня убили... завтра... Чтобы меня не было... Чтобы все это было, а меня бы не было...»

Тяжело раненаго, его приносятъ на перевязочный пунктъ. Очнувшись послѣ мучительной перевязки, князь Андрей видитъ плачущаго, какъ женщина, красиваго человѣка, у котораго отрѣзали ногу, узнаётъ въ немъ своего врага Анатоля.

«Князь Андрей не могъ удерживаться болѣе и заплакалъ нѣжными, любовными слезами надъ людьми, надъ собой и надъ ихъ и своими заблужденіями.

«— Состраданіе, любовь къ братьямъ, къ любящимъ; любовь къ ненавидящимъ насъ, къ врагамъ; да, та любовь, которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ,—вотъ отчего мнѣ было жалко жизни, *вотъ оно то, что еще оставалось мнѣ*, ежели бы я былъ живъ».

Безчувственнаго, умирающаго князя Андрея везутъ изъ покидаемой Москвы. Въ первый разъ онъ очнулся въ Мытищахъ, въ избѣ. Онъ вспомнилъ, что у него было теперь новое счастье. «Да, мнѣ открылось новое счастье, неотъемлемое отъ человѣка, — думалъ онъ. — Счастье, находящееся внѣ матеріальныхъ силъ, счастье одной души, счастье любви. Да, любовь. Я испыталъ то чувство любви, которое есть самая сущность души и *для которой не надо предмета*. Я и теперь испытываю это блаженное чувство. Любить ближнихъ, любить враговъ своихъ. Все любить, — любить Бога во всѣхъ проявленіяхъ...»

«Чѣмъ больше онъ вдумывался въ новое, открытое ему начало вѣчной любви, *тѣмъ болѣе онъ, самъ не чувствуя того, отрекался отъ земной жизни*. Все, всѣхъ любить, всегда жертвовать собой для любви, *значило—никого не любить, значило — не жить этою земною жизнью*. И чѣмъ больше онъ проникался этимъ началомъ любви, тѣмъ больше онъ отрекался отъ жизни».

Несомнѣнно, это есть та самая любовь, «которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ». Но не тотъ Богъ, который воплотился въ Христа, а тотъ, который воплотился въ Будду. Сила этой

любви—именно въ ея безсиліи, въ отсѣченіи отъ себя живыхъ движеній души, въ глубокомъ безразличіи одинаково ко всѣмъ явленіямъ жизни. Чѣмъ дальше отъ жизни, тѣмъ эта любовь сильнѣе. Соприкоснувшись съ жизнью, она умираетъ.

И вотъ въ царство этой мертвенно-безжизненной любви,—холодной, какъ заоблачныя пространства, — опять врывается носительница живой, горячей жизни,—Наташа.

Андрей хотѣлъ воротиться къ «прежнему міру чистой мысли», но не могъ. «Когда онъ, прижавъ къ своимъ губамъ ея руку, заплакалъ тихими, радостными слезами, любовь къ одной женщинѣ незамѣтно закралась въ его сердце и опять привязала его къ жизни. И радостныя, и тревожныя мысли стали приходить ему». Начало вѣчной любви, жившее лишь въ мірѣ чистой мысли, не коренившееся въ жизни, исчезаетъ подъ дыханіемъ дѣйствительности. «Вспоминая ту минуту на перевязочномъ пунктѣ, когда онъ увидалъ Курагина, *онъ теперь не могъ возвратиться къ тому чувству*; его мучилъ вопросъ о томъ, живъ ли Курагинъ. И онъ не смѣлъ спросить этого».

Живая жизнь борется въ немъ съ холодною вѣчностью, брезгливо отрицающею жизнь. Андрей смотритъ на сидящую у его постели Наташу. «Неужели только затѣмъ такъ странно свела меня съ нею судьба, чтобы мнѣ умереть?» И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ думаетъ: «*Неужели мнѣ открылась истина жизни только для того, чтобы я жилъ во лжи?* Я люблю ее (Наташу) больше всего въ мірѣ. *Но что же дѣлать мнѣ, ежели я люблю ее?*»

Грозная, высокомѣрная вѣчность не въ силахъ терпѣть рядомъ съ собою такого ничтожнаго пустяка, какъ жизнь. И князь Андрей говоритъ Наташѣ:

«—Никто, какъ вы, не даетъ мнѣ той мягкой тишины... того свѣта. Мнѣ такъ и хочется плакать отъ радости... Наташа, *я слишкомъ люблю васъ.*

«— А я?..—Она отвернулась на мгновеніе».

И живая жизнь, которою полна Наташа, съ непонимающимъ недоумѣніемъ спрашиваетъ:

«— Отчего же слишкомъ?

«— Отчего слишкомъ?.. *Ну, какъ вы думаете, какъ вы чувствуете по душѣ, по всей душѣ, буду я жить?*»

Князь Андрей засыпаетъ и все время думаетъ о жизни и смерти, и больше о смерти. «Онъ чувствовалъ себя ближе къ ней». И опять созидается безжизненный «міръ чистой мысли».

«Что такое любовь? Любовь мѣшаетъ смерти. Любовь есть

жизнь. Любовь есть Богъ, и умереть — значитъ мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику». Мысли эти показались ему утѣшительны. *Но это были только мысли.* Чего-то недоставало въ нихъ, что-то было односторонне-личное, умственное, — не было очевидности. И было то же безпокойство и неясность. Онъ заснулъ».

Ему снится, что въ дверь ломится *оно;* онъ изо всѣхъ силъ держитъ дверь, но усилія напрасны, дверь отворилась. *Оно* вошло, и оно есть *смерть.* Андрей умеръ—и въ то же мгновеніе проснулся.

Но проснулся другимъ, чѣмъ былъ раньше. «Онъ испытывалъ сознаніе отчужденности отъ всего земного и радостной и странной легкости бытія. То грозное, вѣчное, невѣдомое и далекое, присутствіе котораго онъ не переставалъ ощущать въ продолженіе всей своей жизни, теперь для него было близкое и—по той странной легкости бытія, которую онъ испытывалъ,—почти понятное и ощущаемое».

Для князя Андрея началось «*пробужденіе отъ жизни*». Пріѣзжаетъ княжна Марья съ его сыномъ. Она поспѣшно подходитъ къ брату, давя рыданія, — и вдругъ замедляетъ шагъ, и рыданія замираютъ. «Уловивъ выраженіе его лица и взгляда, она вдругъ оробѣла и почувствовала себя виноватою.

«— Да въ чемъ же я виновата?—спросила она себя.—«Въ томъ, что живешь и думаешь о живомъ, а я!..»—отвѣчалъ его холодный, строгій взглядъ.

«Въ глубокомъ, не изъ себя, а въ себя смотрѣвшемъ взглядѣ была почти враждебность, когда онъ медленно оглянулъ сестру и Наташу.

«—Здравствуй, Мари, какъ это ты добралась? — сказалъ онъ голосомъ такимъ же ровнымъ и чуждымъ, какимъ былъ его взглядъ.

«Ежели бы онъ завизжалъ отчаяннымъ крикомъ, то этотъ крикъ менѣе бы ужаснулъ княжну Марью, чѣмъ звукъ этого голоса.

«Въ словахъ, въ тонѣ его, во взглядѣ чувствовалась страшная для живого человѣка отчужденность отъ всего мірского. Онъ, видимо, съ трудомъ понималъ все живое; но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что онъ не понималъ живого не потому, что онъ былъ лишенъ силы пониманія, но потому, что онъ понималъ что-то другое, такое, чего не понимали и не могли понимать живые, и что поглощало его всего».

Просто и равнодушно, съ поразительнымъ отсутствіемъ чуткости, онъ говоритъ о Наташѣ, о зарождающейся любви между

сестрою и Николаемъ Ростовымъ. Совсѣмъ такъ говорила всегда графиня Вѣра, старшая сестра Наташи: все правильно, вѣрно, неоспоримо, а у всѣхъ мысль: къ чему это было говорить? «Одно объясненіе только могло быть этому,—это то, что князю Андрею было все равно, и все равно оттого, что что-то другое, важнѣйшее, было открыто ему».

Ему сообщаютъ, что Москва сгорѣла. Онъ разсѣянно отвѣчаетъ:—«Да, сгорѣла, говорятъ... Это очень жалко». Подводятъ сына проститься. Андрей чуть замѣтно улыбается, съ тихой и кроткой насмѣшкой надъ тѣмъ, что княжна Марья употребляла, по ея мнѣнію, послѣднее средство для приведенія его въ чувство. Безъ радости и нѣжности цѣлуетъ онъ сына, смотритъ на плачущую сестру и съ усиліемъ соображаетъ, что плачетъ она о томъ, что Николушка останется безъ отца.

«Да, имъ это должно казаться жалко!—подумалъ онъ. — А какъ это просто! «Птицы небесныя ни сѣютъ, ни жнутъ, но Отецъ вашъ питаетъ ихъ», — сказалъ онъ самъ себѣ и хотѣлъ то же сказать княжнѣ: но нѣтъ, онѣ поймутъ это по-своему, онѣ не поймутъ! *Этого онѣ не могутъ понимать: что всѣ эти чувства, которыми онѣ дорожатъ, всѣ наши, всѣ эти мысли, которыя кажутся намъ такъ важны, что онѣ— не нужны.* Мы не можемъ понимать другъ друга!»

Всю свою жизнь князь Андрей ощущалъ надъ собою что-то «грозное, вѣчное, невѣдомое и далекое». Теперь оно стало ему близко, — но не тѣмъ, что спустилось къ нему, а тѣмъ, что унесло его къ себѣ, въ ледяное свое царство, куда не достигнуть ни одному звуку жизни.

Вѣчность, безконечность... При самомъ большомъ усиліи воображенія, способны ли мы во всемъ объемѣ охватить жуткій для жизни смыслъ этихъ понятій?

Вотъ міровое пространство. Въ немъ міріады пылинокъ-солнцъ. Вокругъ каждаго солнца свои міры. Ихъ больше, чѣмъ песчинокъ въ пустынѣ. Вѣка, какъ миги. То на той, то на другой песчинкѣ жизнь вспыхнетъ, подержится мигъ-вѣчность и безслѣдно замретъ. На одной крохотной такой песчинкѣ движеніе. Что это тамъ? Какая-то кипитъ борьба. Изъ-за чего? Вѣчность-мигъ, — и движеніе прекратилось, и планета-песчинка замерзла. Не все ли равно, за что шла борьба!

Все въ жизни одинаково ничтожно, жалко и ненужно съ точки зрѣнія вѣчности. Трагедія Прометея, трагедія Гракха, трагедія земляного червя, окруженнаго муравьями, — все равноцѣнно въ своемъ ничтожествѣ. Скорбнымъ клочкомъ

мутнаго тумана колеблется надъ могилою тѣнь похороненнаго бойца.

Помню я толпу безъ счета,
Рядъ ступеней, столбъ, топоръ...
Умиратъ я шелъ за что-то,
Но за что,—забылъ съ тѣхъ поръ.

И понятно, что всегдашній кличъ всѣхъ ненавистниковъ жизни, всѣхъ больныхъ и падающихъ,—одинъ и тотъ же: «Sub specie aeterni!»

Князь Андрей умеръ. Смерть его распахнула передъ Наташею двери въ вѣчность. Вмѣстѣ съ княжной Марьей «онѣ, нравственно согнувшись и зажмурившись отъ грознаго, нависшаго надъ ними облака смерти, не смѣли взглянуть въ лицо жизни». Все, что шло изъ жизни,—«все казалось оскорбленіемъ и нарушало ту необходимую тишину, въ которой онѣ обѣ старались прислушиваться къ незамолкшему еще въ ихъ воображеніи страшному, строгому хору, и мѣшало вглядываться въ тѣ таинственныя, безконечныя дали, которыя на мгновеніе открылись передъ ними».

«Наташѣ все казалось, что она вотъ-вотъ сейчасъ пойметъ, проникнетъ то, на что съ страшнымъ, непосильнымъ ей вопросомъ устремленъ былъ ея душевный взглядъ. Она смотрѣла туда, куда ушелъ онъ, на ту сторону жизни. И та сторона жизни, о которой она прежде никогда не думала, которая прежде казалась ей такою далекою, невѣроятною, теперь была ей ближе и роднѣе, понятнѣе, чѣмъ эта сторона жизни, въ которой все было или пустота и разрушеніе, или страданіе и оскорбленіе».

Всѣ близкіе становятся для Наташи чужими. «Она не только была равнодушна, но враждебно смотрѣла на нихъ». Безвыходно она сидитъ въ своей комнатѣ.

«Гдѣ онъ, и кто онъ теперь? И опять все застилалось сухимъ, жесткимъ недоумѣніемъ. И вотъ-вотъ, ей казалось, она проникаетъ тайну...»

Но вдругъ въ комнату вбѣгаетъ испуганная Дуняша, зоветъ ее поскорѣе къ отцу: «несчастье... О Петръ Ильичѣ... Письмо...»

Совсѣмъ какъ умирающій князь Андрей, Наташа брезгливо думаетъ: «Какое тамъ у нихъ несчастіе, какое можетъ быть несчастіе!»

Въ залѣ она встрѣчаетъ рыдающаго отца, узнаётъ, что Петя убитъ.

«Вдругъ, какъ электрическій токъ пробѣжалъ по всему су-

ществу Наташи. Что-то страшно больно ударило ее въ сердце. Но вслѣдъ за болью она почувствовала мгновенно освобожденіе отъ запрета жизни, лежавшаго на ней. Увидавъ отца и услышавъ изъ-за двери страшный, грубый крикъ матери, она мгновенно забыла себя и свое горе».

Наташа бросается къ обезумѣвшей матери, ласкаетъ ее, твердитъ безсмысленныя ласкательныя слова и черезъ слова эти льетъ въ душу матери любовь и жизнь.

Два дня Наташа не отходила отъ нея. «Любовь Наташи, упорная, терпѣливая, *не какъ объясненіе, не какъ утѣшеніе, а какъ призывъ къ жизни,* всякую секунду какъ будто со всѣхъ сторонъ обнимала графиню... Три недѣли Наташа безвыходно жила при матери, и никто не могъ ее замѣнить: она одна могла удерживать мать отъ безумнаго отчаянія.

«Эта новая рана вызвала Наташу къ жизни. Она думала, что жизнь ея кончена. Но вдругъ любовь къ матери показала ей, что сущность ея жизни—любовь—еще жива въ ней. Проснулась любовь, и проснулась жизнь».

Но эта любовь — не та любовь, которая открылась князю Андрею,—«любовь вѣчная, свободная, не зависящая отъ этой жизни». Когда проснулась *та* любовь, — жизнь умерла. Проснулась *эта* любовь,—проснулась и жизнь.

2) Безконечность и Пьеръ.

Параллельно съ исторіей исканій князя Андрея, въ романѣ идетъ исторія исканій Пьера Безухова. Параллелизмъ этотъ не случаенъ. Именно въ немъ скрыта глубочайшая идея самаго великаго изъ твореній Толстого.

Начинаетъ Пьеръ съ тѣхъ же вопросовъ, которыми мучается князь Андрей. «Что дурно? Что хорошо?.. Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляетъ всѣмъ?—спрашивалъ онъ себя. И не было отвѣта ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ, кромѣ одного, не логическаго отвѣта, вовсе не на эти вопросы. Отвѣтъ этотъ былъ: «умрешь,—все кончится». Смерть все кончитъ и должна прійти нынче или завтра, — все равно черезъ мгновеніе, въ сравненіи съ вѣчностью».

Временное удовлетвореніе Пьеръ находитъ въ масонствѣ, но вскорѣ и въ немъ разочаровывается. Жизнь стоитъ передъ нимъ въ ужасѣ своей пустоты и безцѣльности. Всѣ люди чувствуютъ безсознательно этотъ ужасъ, и жизнь ихъ заключается въ одномъ, — въ «*спасеніи отъ жизни*»: «всѣ спасаются отъ жизни, кто честолюбіемъ, кто картами, кто пи-

саніемъ законовъ, кто женщинами, кто политикой, кто виномъ. «Нѣтъ ни ничтожнаго, ни важнаго, все — равно: только бы спастись отъ нея, какъ умѣю! — думалъ Пьеръ. — Только бы не видѣть ее, эту страшную ее (смерть)».

Наканунѣ бородинскаго сраженія Пьеръ, выѣхавъ изъ Можайска, спускается пѣшкомъ съ крутой горы. Навстрѣчу ему поднимается обозъ съ ранеными, сзади съ пѣснями его нагоняетъ кавалерійскій полкъ. «Всѣ почти съ наивнымъ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣли на бѣлую шляпу и зеленый фракъ Пьера».

Кругомъ, какъ вода въ огромномъ котлѣ, кипитъ жизнь съ ея весельемъ, готовностью къ борьбѣ, ужасами. А среди этой жизни — человѣкъ въ бѣлой шляпѣ, съ вѣчнымъ вопросомъ: «изъ-за чего хлопочутъ люди, когда все такъ кратко и неизвѣстно?»

«Пьеръ смотрѣлъ то на кавалерійскій полкъ, то на телѣгу, на которой сидѣли двое раненыхъ и лежалъ одинъ, и ему казалось, что тутъ, въ нихъ, заключается разрѣшеніе занимавшаго его вопроса... Кавалеристы-пѣсенники проходили надъ самой телѣгой.

«— Ахъ, запропала... да ежова голова... Да на чужой сторонѣ живучи...—выдѣлывали они плясовую пѣсню.

«Какъ бы вторя имъ, но въ другомъ родѣ веселья, перебивались въ вышинѣ металлическіе звуки трезвона. И, еще въ другомъ родѣ веселья, обливали вершину откоса жаркіе лучи солнца. Но подъ откосомъ, у телѣги съ ранеными, было сыро, пасмурно и грустно».

За Можайскомъ Пьеръ узнаётъ отъ знакомаго доктора, что завтра нужно ждать тысячъ двадцать раненыхъ.

«Та странная мысль, что изъ числа тѣхъ тысячъ людей, живыхъ, здоровыхъ, молодыхъ и старыхъ, которые съ веселымъ удивленіемъ смотрѣли на его шляпу, было навѣрное двадцать тысячъ обреченныхъ на раны и смерть (можетъ-быть, тѣ самые, которыхъ онъ видѣлъ),—поразила Пьера.

«*Они, можетъ-быть, умрутъ завтра: зачѣмъ они думаютъ о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ смерти?* И ему вдругъ, по какой-то тайной связи мыслей, живо представился спускъ съ можайской горы, телѣги съ ранеными, трезвонъ, косые лучи солнца и пѣсня кавалеристовъ.

«Кавалеристы идутъ на сраженіе и встрѣчаютъ раненыхъ, и ни на минуту не задумываются надъ тѣмъ, что ихъ ждетъ, а идутъ мимо и подмигиваютъ раненымъ. А изъ этихъ всѣхъ двадцать тысячъ обречены на смерть, а они удивляются на мою шляпу. Странно!—думалъ Пьеръ».

Еще бы не странно. Гдѣ тутъ, дѣйствительно, логика? Что это за непонятное уму «забвеніе смерти»?

Какъ могли про смерть они забыть?

Про смерть не помнятъ. Передъ лицомъ ужаса и смерти только ярче и торжественнѣе горитъ въ нихъ жизнь, только тѣснѣе всѣ сливаются въ одно. На лицѣ раненаго вспыхиваетъ выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты, онъ говоритъ Пьеру: «всѣмъ народомъ навалиться хотятъ; одно слово—Москва». О томъ же говорятъ Пьеру лица мужиковъ-ополченцевъ, съ громкимъ говоромъ и хохотомъ копающихъ траншеи. И съ тѣмъ же выраженіемъ, давя другъ друга, топчась, пыхтя и толкаясь, съ взволнованными лицами лѣзутъ солдаты прикладываться къ чудотворной иконѣ. Всѣ живутъ одною общею, объединенною, торжественною жизнью. И непонятнымъ становится не «забвеніе смерти», а какъ разъ обратное,—чудовищная «логика» Пьера и le dernier jour d'un condamné, тускло-унылыя мысли князя Андрея въ сараѣ: «Умереть... Чтобы меня убили... завтра... Чтобы все это было, а меня бы не было...»

Начинается бой. Передъ глазами Пьера растетъ и развертывается та могучая сила жизни, передъ которою въ безсильномъ недоумѣніи стоитъ сухая логика. На батареѣ рвутся ядра, падаютъ раненые.

«Пьеръ замѣчалъ, какъ послѣ каждаго попавшаго ядра, послѣ каждой потери, все болѣе и болѣе разгоралось общее оживленіе... Какъ изъ придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, свѣтлѣе и свѣтлѣе вспыхивали на лицахъ всѣхъ этихъ людей, какъ бы въ отпоръ совершающагося, молніи скрытаго, разгорающагося огня».

Бой въ разгарѣ. «Грозовая туча надвинулась, и ярко на всѣхъ лицахъ горѣлъ тотъ огонь, за разгораніемъ котораго слѣдилъ Пьеръ».

Послѣ боя Пьеръ спитъ на постояломъ дворѣ; въ ушахъ все еще звучатъ выстрѣлы, стоны, крики.

«Слава Богу, что этого нѣтъ больше,—подумалъ Пьеръ.—О, какъ ужасенъ страхъ, и какъ позорно я отдался ему! А они... они все время до конца были тверды, спокойны... Они,—эти странные, невѣдомые ему доселѣ... Войти въ эту общую жизнь всѣмъ существомъ, проникнуться тѣмъ, что дѣлаетъ ихъ такими. Ничѣмъ не можетъ владѣть человѣкъ, пока онъ боится смерти. А кто не боится ея, тому принадлежитъ все. *Самое трудное состоитъ въ томъ, чтобы умѣть соединять въ душѣ своей значеніе всего...* Нѣтъ, не соединить. Нельзя

соединять мысли, а сопрягать всѣ эти мысли, вотъ что̀ нужно. Сопрягать,—*но какъ сопрягать все?*»

Какъ все сопрягать? Какъ можно стремиться къ жизни и въ то же время не бояться смерти? Какъ можно вообще любить эту жизнь, которая полна такихъ мукъ и ужасовъ?

Пьеръ въ плѣну. На его глазахъ французы разстрѣляли русскихъ поджигателей. Въ глазахъ французовъ, совершавшихъ казнь, Пьеръ прочелъ тотъ же испугъ, ужасъ и борьбу, какіе были въ его сердцѣ. «Да кто же это дѣлаетъ наконецъ?»— спрашиваетъ себя Пьеръ.

«Съ той минуты, какъ Пьеръ увидалъ это страшное убійство, совершенное людьми, не хотѣвшими этого дѣлать, въ душѣ его какъ будто вдругъ выдернута была пружина, на которой все держалось и представлялось живымъ, и все завалилось въ кучу безсмысленнаго сора. Въ немъ, хотя онъ и не отдавалъ себѣ отчета, уничтожилась вѣра и въ благоустроство міра, и въ человѣческую, и въ свою душу, и въ Бога... И онъ чувствовалъ, что не его вина была причиной того, что міръ завалился въ его глазахъ, и остались однѣ безсмысленныя развалины. Онъ чувствовалъ, что возвратиться къ вѣрѣ въ жизнь—не въ его власти».

Пьера помѣщаютъ въ балаганъ военноплѣнныхъ. Онъ знакомится съ Платономъ Каратаевымъ. Отъ маленькаго старика-солдата непрерывно лучится радостно-любовная жизнь, и жизнь эта освѣщаетъ и согрѣваетъ все вокругъ, — отъ лиловой собачонки, спящей на ногахъ Каратаева, до самого Пьера, котораго онъ кормитъ печеными картошками.

«— Нѣтъ, мнѣ все ничего, — сказалъ Пьеръ, — но за что они разстрѣляли этихъ несчастныхъ!.. Послѣдній лѣтъ двадцати.

«— Тц, тц... — сказалъ маленькій человѣкъ. — Грѣха-то, грѣха-то...»

И поспѣшно переходитъ разговоромъ на другое. И во всѣхъ разговорахъ его свѣтится вѣра въ таинственное благообразіе жизни, въ конечную цѣлесообразность даже ея скорбей.

«— Да теперь все равно,—невольно сказалъ Пьеръ.

«— Охъ, милый человѣкъ ты. — возразилъ Платонъ.—Отъ сумы да отъ тюрьмы никогда не отказывайся... Рокъ головы ищетъ. А мы все судимъ: то не хорошо, то не ладно...

«Наружи слышались гдѣ-то вдалекѣ плачъ и крики. Пьеръ долго не спалъ и съ открытыми глазами лежалъ въ темнотѣ на своемъ мѣстѣ. Онъ чувствовалъ, что прежде разрушенный міръ теперь съ новой красотой, на какихъ-то новыхъ и незыблемыхъ основахъ, двигался въ его душѣ».

Четыре недѣли Пьеръ въ плѣну. Онъ испытываетъ съ то-

варищами-солдатами «почти крайніе предѣлы лишеній, которыя можетъ переносить человѣкъ. *И именно въ это самое время онъ получилъ то спокойствіе и довольство собой, къ которымъ онъ тщетно стремился прежде.* Онъ долго въ своей жизни искалъ съ разныхъ сторонъ этого успокоенія, согласія съ самимъ собою, того, что такъ поразило его въ солдатахъ въ бородинскомъ сраженіи: онъ искалъ этого въ филантропіи, въ масонствѣ, въ разсѣяніи свѣтской жизни, въ винѣ, въ геройскомъ подвигѣ самопожертвованія, въ романтической любви къ Наташѣ; онъ искалъ этого путемъ мысли,—и всѣ эти исканія и попытки, всѣ обманули его. И онъ, самъ не думая о томъ, получилъ это успокоеніе и это согласіе съ самимъ собою только черезъ ужасъ смерти, черезъ лишенія и черезъ то, что онъ понялъ въ Каратаевѣ».

На утренней зарѣ Пьеръ выходитъ изъ балагана, смотритъ на далекую Москву, на летящихъ черезъ поле галокъ. «Когда онъ ощутилъ прикосновеніе свѣжаго воздуха, и когда потомъ вдругъ брызнуло свѣтомъ съ востока—и купола, и кресты, и роса, и даль, и рѣка,—все заиграло въ радостномъ свѣтѣ,—*Пьеръ почувствовалъ новое, неиспытанное имъ чувство радости и крѣпости жизни.* И чувство это — *готовности на все, нравственной подобранности* — чувство это не только не покидало его во время плѣна, но, напротивъ, возрастало въ немъ по мѣрѣ того, какъ увеличивались трудности его положенія».

Французы отступаютъ изъ сожженной Москвы и гонятъ съ собою плѣнныхъ. Новые ужасы развертываются передъ Пьеромъ. Отстающихъ плѣнныхъ пристрѣливаютъ. «Пьеръ чувствовалъ, что та роковая сила, которая смяла его во время казни, и которая была незамѣтна во время плѣна, теперь опять овладѣла его существованіемъ. *Ему было страшно; но онъ чувствовалъ, какъ по мѣрѣ усилій, которыя дѣлала роковая сила, чтобы раздавить его, въ душѣ его вырастала и крѣпла независимая отъ нея сила жизни.*

«Въ плѣну, въ балаганѣ, Пьеръ узналъ не умомъ, а всѣмъ существомъ своимъ, жизнью, что *человѣкъ сотворенъ для счастья, что счастье въ немъ самомъ*, въ удовлетвореніи естественныхъ человѣческихъ потребностей... Но теперь, въ эти послѣднія три недѣли похода, *онъ узналъ еще новую, утѣшительную истину, — онъ узналъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго.*

«Теперь только Пьеръ понялъ всю силу жизненности человѣка и спасительную силу перемѣщенія вниманія, вложенную въ человѣка, подобно тому спасательному клапану въ паро-

викахъ, который выпускаетъ лишній паръ, какъ только плотность его превышаетъ извѣстную норму.

«Онъ не видалъ и не слыхалъ, какъ пристрѣливали отсталыхъ плѣнныхъ, хотя болѣе сотни изъ нихъ уже погибли такимъ образомъ. Онъ не думалъ о Каратаевѣ, который слабѣлъ съ каждымъ днемъ и, очевидно, скоро долженъ былъ подвергнуться той же участи. Еще менѣе Пьеръ думалъ о себѣ. Чѣмъ труднѣе становилось его положеніе, чѣмъ страшнѣе была будущность, тѣмъ независимѣе отъ того положенія, въ которомъ онъ находился, приходили ему радостныя и успокоительныя мысли, воспоминанія и представленія».

Онъ идетъ въ толпѣ плѣнныхъ подъ дождемъ. «Ему казалось, что онъ ни о чемъ не думаетъ; но далеко и глубоко гдѣ-то что-то важное и утѣшительное думала его душа. Это что-то было тончайшее духовное извлеченіе изъ вчерашняго его разговора съ Каратаевымъ». Каратаевъ разсказалъ ему про одного старика-купца, безвинно сосланнаго на каторгу и тамъ умершаго. «Не самый разсказъ этотъ, но таинственный смыслъ его, та восторженная радость, которая сіяла въ лицѣ Каратаева при этомъ разсказѣ, таинственное значеніе этой радости, это-то смутно и радостно наполняло теперь душу Пьера».

А Каратаевъ, больной и ослабѣвшій, ужъ не въ силахъ итти. Онъ знаетъ, что его сейчасъ пристрѣлятъ. «Въ своей шинелькѣ онъ сидѣлъ, прислонившись къ березѣ. Въ лицѣ его, кромѣ выраженія вчерашняго радостнаго умиленія при разсказѣ о безвинномъ страданіи купца, свѣтилось еще выраженіе тихой торжественности».

На ночномъ привалѣ Пьеръ засыпаетъ у костра. Но и во снѣ душа его думаетъ и подводитъ итоги пережитому:

«*Жизнь есть все. Жизнь есть Богъ.* Все перемѣщается, движется, и *это движеніе есть Богъ.* И пока есть жизнь, есть наслажденіе самосознанія Божества. *Любить жизнь—любить Бога.* Труднѣе и блаженнѣе всего — любить эту жизнь въ своихъ страданіяхъ, въ безвинности страданій».

Любить жизнь—любить Бога... А какъ разъ въ это время,—можетъ-быть, въ эту же ночь,—за нѣсколько сотъ верстъ отъ Пьера лежитъ въ Ярославлѣ князь Андрей, брезгливыми къ жизни глазами смотритъ на невѣсту, сына, сестру и, толкуя слова Бога о птицахъ небесныхъ, думаетъ: «Этого они не могутъ понимать: что всѣ эти чувства, которыми они дорожатъ, всѣ мысли, которыя намъ кажутся такъ важны, — что онѣ ненужны».

Во снѣ Пьеру является давно забытый старичокъ-учитель,

который въ Швейцаріи преподавалъ ему географію. Старичокъ показываетъ Пьеру глобусъ.

«Глобусъ этотъ былъ живой, колеблющійся шаръ, не имѣющій размѣровъ. Вся поверхность шара состояла изъ капель, плотно сжатыхъ между собой. И капли эти всѣ двигались, перемѣщались и то сливались изъ нѣсколькихъ въ одну, то изъ одной раздѣлялись на многія.

«— Вотъ жизнь, — сказалъ старичокъ-учитель. — Въ серединѣ Богъ, и каждая капля стремится расшириться, чтобы въ наибольшихъ размѣрахъ отражать Его. И растетъ, и сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходитъ въ глубину и опять всплываетъ. Вотъ онъ Каратаевъ, вотъ разлился и исчезъ...»

Намъ уже знакомо это высшее единство жизни, просвѣтляющее и страданія, и смерть отдѣльныхъ существъ. Объ этомъ высшемъ единствѣ говорили слова, звучавшія въ «Трехъ смертяхъ» надъ умершею барыней:

«Сокроешь лицо Твое, — смущаются. Возьмешь отъ нихъ духъ, — умираютъ и въ прахъ свой возвращаются. Пошлешь духъ Твой, — созидаются и обновляютъ лицо земли».

Партизаны отбиваютъ у французовъ партію плѣнныхъ, въ которой находился Пьеръ. Пьеръ на свободѣ.

«— Ахъ, какъ хорошо, какъ славно!—говорилъ онъ себѣ.— Какъ хорошо, какъ славно!»

«И по старой привычкѣ онъ дѣлалъ себѣ вопросъ: «Ну, а потомъ что? Что я буду дѣлать?» И тотчасъ же онъ отвѣчалъ себѣ: «Ничего. *Буду жить.* Ахъ, какъ славно!»

«То самое, чѣмъ онъ прежде мучился, чего онъ искалъ постоянно, цѣли жизни — теперь для него не существовало. *Эта искомая цѣль жизни теперь не случайно не существовала для него только въ настоящую минуту, но онъ чувствовалъ, что ея нѣтъ и не можетъ быть.* Онъ не могъ имѣть цѣли, потому что онъ теперь имѣлъ вѣру,—*не вѣру въ какія-нибудь правила, или слова, или мысли,* но вѣру въ живого, всегда ощущаемаго Бога».

А мы знаемъ, что такое теперь для Пьера Богъ. *Жизнь есть Богъ.* Не будемъ спорить о словахъ.

Erfüll' davon dein Herz, so gross es ist,
Und wenn du ganz in dem Gefühle selig bist,
Nenn'es dann, wie du willst,
Nenn's Glück! Herz! Liebe! Gott!
Ich habe keinen Namen
Dafür! Gefühl ist alles;

Name ist Schall und Rauch,
Umnebelnd Himmelsgluth *).

Будемъ же вмѣстѣ съ Пьеромъ жизнь называть Богомъ.

«Прежде Пьеръ искалъ Бога въ цѣляхъ, которыя онъ ставилъ себѣ. Это исканіе цѣли было только исканіе Бога. И вдругъ онъ узналъ въ своемъ плѣну не словами, не разсужденіями, но непосредственнымъ чувствомъ то, что̀ ему давно уже говорила нянюшка: что Богъ — вотъ Онъ, тутъ, вездѣ. Онъ въ плѣну узналъ, что Богъ въ Каратаевѣ болѣе великъ, безконеченъ и непостижимъ, чѣмъ въ признаваемомъ масонами Архитектонѣ вселенной. *Онъ испытывалъ чувство человѣка, нашедшаго искомое у себя подъ ногами, тогда какъ онъ напрягалъ зрѣніе, глядя далеко отъ себя. Онъ всю жизнь свою смотрѣлъ туда куда-то, поверхъ головъ окружающихъ людей, а надо было не напрягать глазъ, а только смотрѣть передъ собой*».

Вспомнимъ, что̀ говоритъ у Достоевскаго Версиловъ про «живую жизнь»: «Я знаю только, что это должно быть нѣчто ужасно простое, самое обыденное и въ глаза бросающееся, ежедневное и ежеминутное, и до того простое, что мы никакъ не можемъ повѣрить, чтобъ оно было такъ просто, и естественно проходимъ мимо вотъ уже многія тысячи лѣтъ, не замѣчая и не узнавая».

«Пьеръ, — продолжаетъ Толстой, — не умѣлъ видѣть прежде великаго, непостижимаго и безконечнаго ни въ чемъ. Онъ только чувствовалъ, что оно должно быть гдѣ-то, и искалъ его. *Во всемъ близкомъ, понятномъ онъ видѣлъ одно ограниченное, мелкое, житейское, безсмысленное.* Онъ вооружался умственной зрительной трубой и смотрѣлъ въ даль, туда, гдѣ это мелкое, житейское, скрываясь въ туманной дали, казалось ему великимъ и безконечнымъ оттого только, что оно было не ясно видимо... Но и тогда, въ тѣ минуты, которыя онъ считалъ своею слабостью, умъ его проникалъ и въ эту даль, и тамъ онъ видѣлъ то же мелкое, житейское, безсмысленное».

Князь Андрей, лежа на аустерлицкомъ полѣ, думаетъ: «Да! Все пустое, все обманъ, кромѣ этого безконечнаго неба. Ничего, ничего нѣтъ, кромѣ его». И когда онъ умираетъ, безконечное небо это дѣлаетъ всю жизнь вокругъ мелкою, ничтожною и безсмысленною. Безконечность, говоря философскимъ язы-

---

*) До краевъ наполни этимъ сердце, и когда ты весь уйдешь въ блаженство этого чувства, то называй его тогда, какъ хочешь, — называй счастьемъ, сердцемъ, любовью, Богомъ! У меня для этого нѣтъ имени! Чувство — все; имя — звукъ и дымъ, заволакивающій сіяніе неба. — „Гаустъ“.

комъ, — трансцендентна; она — гдѣ-то тамъ далеко отъ живой жизни, въ холодныхъ и пустыхъ высотахъ.

Пьеръ же теперь «*выучился видѣть великое, вѣчное и безконечное во всемъ*», и потому естественно, чтобы видѣть его, чтобы наслаждаться его созерцаніемъ, онъ бросилъ трубу, въ которую смотрѣлъ до сихъ поръ черезъ головы людей, и *радостно созерцалъ вокругъ себя вѣчно измѣняющуюся, вѣчно великую, непостижимую и безконечную жизнь*. И чѣмъ ближе онъ смотрѣлъ, тѣмъ больше онъ былъ спокоенъ и счастливъ».

XVII.

Богъ.

Въ 1871 году Толстой писалъ женѣ изъ самарскихъ степей, гдѣ онъ лѣчился кумысомъ: «Больнѣе мнѣ всего за себя то, что я отъ нездоровья своего чувствую себя одной десятой того, что̀ есть... На все смотрю, какъ мертвый, — то самое, за что я не любилъ многихъ людей. А теперь самъ *только вижу, что есть, понимаю, соображаю, но не вижу насквозь съ любовью, какъ прежде*».

Вотъ въ чемъ для Толстого основное отличіе мертваго отъ живого. Мертвый видитъ, что есть, понимаетъ, соображаетъ— и только. Жизнь для него анатомически-проста, разрознена, глазъ всю ее видитъ въ одной плоскости, какъ фотографію; душа равнодушна и безразлична.

Смотритъ на ту же жизнь живой, — и взглядъ его проникаетъ *насквозь*, и все существо горитъ любовью. На живой душѣ Толстого мы видимъ, какъ чудесно и неузнаваемо преображается при этомъ міръ. Простое и понятное становится таинственнымъ, въ разрозненномъ и мелкомъ начинаетъ чуяться что-то единое и огромное; плоская жизнь вдругъ бездонно углубляется, уходитъ своими далями въ безконечность. И стоитъ душа передъ жизнью, охваченная ощущеніемъ глубокой, таинственной и священной ея значительности.

Дальше въ жизнь, дальше, еще дальше! И передъ изумленнымъ взоромъ раскрываются все новыя дали, и все ярче онѣ освѣщены, и ужъ начинаетъ ощущать человѣкъ, что яркій свѣтъ этихъ далей — не отъ земного солнца, а отъ какого-то другого, ему невѣдомаго. И подъ свѣтомъ этого таинственнаго солнца равно преображаются и печали людскія, и радости.

Старый князь Болконскій сообщаетъ дочери извѣстіе о гибели Андрея въ аустерлицкой битвѣ. «Княжна не упала, съ ней не сдѣлалось дурноты. Она была уже блѣдна, но когда она услышала эти слова, лицо ея измѣнилось, и что-то про-

сіяло въ ея лучистыхъ, прекрасныхъ глазахъ. Какъ будто радость, высшая радость, независимая отъ печалей и радостей этого міра, разлилась сверхъ той сильной печали, которая была въ ней».

Кити рожаетъ. «Левинъ чувствовалъ, что то, что совершалось, было подобно тому, что совершалось годъ тому назадъ на одрѣ смерти брата Николая. Но то было горе, это была радость. Но и то горе, и эта радость одинаково были внѣ всѣхъ обычныхъ условій жизни, были въ этой обычной жизни какъ будто отверстія, сквозь которыя показывалось что-то высшее. И одинаково тяжело, мучительно наступало совершающееся, и одинаково непостижимо, при созерцаніи этого высшаго, поднималась душа на такую высоту, которой она никогда и не понимала прежде, и куда разсудокъ уже не поспѣвалъ за нею».

Родившая Кити лежитъ въ постели. «Встрѣтивъ Левина взглядомъ, она взглядомъ притягивала его къ себѣ. Взглядъ ея, и такъ свѣтлый, еще болѣе свѣтлѣлъ, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ ней. На ея лицѣ была та самая перемѣна отъ земного къ неземному, которая бываетъ на лицѣ покойниковъ; но тамъ прощаніе, здѣсь встрѣча».

До глубочайшихъ своихъ глубинъ преобразился міръ,—чудесно оживотворенный, весь насквозь пронизанный свѣтомъ. Свѣтъ земной сливается съ свѣтомъ небеснымъ, «тайна земная соприкасается съ тайною звѣздной»,—та земная тайна, которая всегда такъ мучительно-чужда была душѣ Достоевскаго.

Когда скрытое существо жизни раскрывается передъ душою въ *такомъ* видѣ, то понятно, что и душа отзывается на него соотвѣтственнымъ образомъ. Николенька Иртеньевъ разсказываетъ про себя: «Чѣмъ больше я смотрѣлъ на высокій, полный мѣсяцъ, тѣмъ истинная красота и благо казались мнѣ выше и выше, чище и чище, и ближе и ближе къ Нему, къ источнику всего прекраснаго и благого, и слезы какой-то неудовлетворенной, но волнующей радости навертывались мнѣ на глаза».

Оленинъ лежитъ въ первобытномъ лѣсу, въ логовѣ оленя. «И вдругъ на него нашло такое странное чувство безпричиннаго счастія и любви ко всему, что онъ по старой дѣтской привычкѣ сталъ креститься и благодарить кого-то».

Кого? Бога?.. Какъ тутъ неважно слово въ сравненіи съ ощущеніемъ той жизни, всеединства и счастья, которыя слово это старается охватить.

Erfüll' davon dein Herz, so gross es ist,
Und wenn du ganz in dem Gefühle selig bist,
Nenn'es dann, wie du willst...

Одно только можно сказать: къ такому Богу и къ такой религіи совершенно неприложимы слова Геффдинга о лазаретѣ, подбирающемъ въ походѣ усталыхъ и раненыхъ,—слова, которыя такъ подходили къ религіи Достоевскаго. Скорѣе вспоминается Ницше: «Кто богатъ, тотъ хочетъ отдавать; гордому народу нуженъ богъ, чтобы приносить жертвы. Религія, при такихъ предусловіяхъ, есть форма благодарности. Люди благодарны за самихъ себя; для этого имъ нуженъ богъ».

Призывать человѣка къ такому Богу, напоминать ему о Немъ — безумно, какъ безумно говорить горящему факелу: свѣти! Разъ факелъ горитъ, онъ тѣмъ самымъ и свѣтитъ. И художникъ-Толстой не зоветъ къ Богу, — не зоветъ такъ же, какъ не зоветъ и къ добру. Одно, одно и одно онъ только говоритъ: *живи!* Будетъ жизнь,—будетъ добро, будетъ и Богъ:

«Жизнь есть все. Жизнь есть Богъ. И пока есть жизнь, есть наслажденіе самосознанія Божества. Любить жизнь—любить Бога».

Можно ли представить себѣ двѣ религіи болѣе противоположныя, чѣмъ религія эта и религія Достоевскаго?

Жизнь сама по себѣ, жизнь непосредственная, для Достоевскаго темна, уродлива и безмѣрно-ужасна. Чѣмъ глубже человѣкъ идетъ въ нее, тѣмъ гуще мракъ; и шевелится въ этомъ мракѣ глухой, темный и нѣмой властитель жизни,—огромный, отвратительный тарантулъ. Прочь отъ жизни, кверху взоры, простри руки къ небу,—и небо разверзется, и небесный свѣтъ осіяетъ темную землю, и понесется по ней изступленная «осанна», — «громовый вопль восторга серафимовъ». И злой тарантулъ исчезнетъ. Но вправду ли исчезнетъ? Нѣтъ. Онъ только глубже спрячется въ темноту и неподвижно будетъ смотрѣть на человѣка слѣпымъ, безпощаднымъ своимъ взглядомъ. Снова и снова оборвется подъ этимъ взглядомъ осанна, и снова съ содроганіемъ, въ неутоленномъ негодованіи своемъ, спроситъ человѣкъ: «неужели нельзя меня просто съѣсть, не требуя отъ меня похвалъ тому, что меня съѣло?»

Для Толстого въ нѣдрахъ жизни нѣтъ никакого мрака, никакихъ чудищъ и тарантуловъ. Есть только свѣтлая тайна, которую человѣкъ радостно и восторженно старается разгадывать. Не прочь отъ жизни, а въ жизнь,—въ самую глубь ея, въ самыя нѣдра! Не съ далекаго неба спускается Богъ на темную жизнь. Сама жизнь разверзается, и изъ ея свѣтлыхъ, таинственныхъ глубинъ выходитъ Богъ. И Онъ неотрывенъ отъ жизни, потому что жизнь и Богъ—это одно и то же. Богъ есть жизнь, и жизнь есть Богъ.

Достоевскій говоритъ: найди Бога,—и сама собою придетъ

жизнь. Толстой говоритъ: найди жизнь,—и самъ собою придетъ Богъ. Достоевскій говоритъ: отсутствіе жизни—отъ безбожія. Толстой говоритъ: безбожіе—отъ отсутствія жизни.

Что̀ такое, на самомъ дѣлѣ, жизнь, можно ли, видя ее „насквозь", испытывать любовь или, напротивъ, отвращеніе и ужасъ,—каждый рѣшитъ самъ въ зависимости отъ степени своей жизненности. Мы же только отмѣтимъ здѣсь одинъ очень характерный эпизодъ въ художественной жизни Достоевскаго.

Есть у него произведеніе, которое странно и рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ другихъ. Какъ будто ясный лучъ солнца свѣтится средь грозовой тьмы, сверкающей молніями. Произведеніе это—„Записки изъ мертваго дома". Существеннѣйшая особенность ихъ заключается въ совершенно необычномъ для Достоевскаго тонусѣ отношенія къ жизни.

Достоевскій вообще „любитъ" людей. Онъ все имъ готовъ простить, въ самыхъ глубокихъ „безднахъ паденія" способенъ находить „искру Божію". Но что-то шаткое и непрочное ощущается въ его порывистой, истерической любви. Лицо пламеннаго человѣколюбца то и дѣло вспыхиваетъ брезгливою ненавистью, губы злобно подергиваются, глаза начинаютъ подмигивать съ нехорошею улыбкою. Еще законнѣе можно приложить къ Достоевскому отзывъ Толстого о Тургеневѣ: „нѣтъ человѣчности и участія къ лицамъ, а представляются уроды, которыхъ онъ бранитъ, а не жалѣетъ".

Таковъ у Достоевскаго злобно-пасквильный образъ великаго писателя Кармазинова, съ намѣренно-прозрачными намеками на Тургенева. Таковы у него повсюду нигилисты и революціонеры,—невѣроятно-глупая и презрѣнно-пошлая сволочь. Таковы, наконецъ,—*всѣ инородцы*. И это особенно странно видѣть именно у Достоевскаго: онъ такъ много говоритъ о „всечеловѣчности" русскаго человѣка, о его способности и призваніи „вмѣстить въ свою душу съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ". Инородцы Достоевскаго всѣ сплошь — непроходимо-тупы, пошлы, вообще представляютъ какую-то низшую расу. Прямо перлами среди нихъ кажутся два старичка-доктора изъ нѣмцевъ (въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ" и „Братьяхъ Карамазовыхъ"),—очень глупые, карикатурно-педантическіе, но, по крайней мѣрѣ, съ добрыми душами. Дальше же нескончаемою вереницею тянутся „пейсенькіе жидки", „гаденькіе полячки", злобныя чухонки и нѣмки, поганыя француженки Альфонсинки. Доходитъ положительно до курьезовъ. Въ „Подросткѣ" фигурируетъ умный, глубокій и интересный Крафтъ, — и Достоевскій отмѣчаетъ, что онъ не нѣмецъ, а русскій. Гаденькій же и наглый мерзавецъ Ферфичкинъ въ „Запискахъ изъ подполья" оказывается — „изъ русскихъ нѣмцевъ".

Если мы теперь возьмемся за „Записки изъ мертваго дома", то получимъ впечатлѣніе, какъ будто писалъ ихъ совсѣмъ другой человѣкъ. Ровнымъ, мягкимъ и любовнымъ свѣтомъ освѣщены здѣсь одинаково всѣ люди: здѣсь, дѣйствительно, „вмѣщены въ душу съ братскою любовью всѣ наши братья". Нѣтъ эллина, нѣтъ іудея. Не только кавказцевъ, не только поляковъ,—даже „жида" сумѣлъ здѣсь Достоевскій съ любовью вмѣстить въ свою душу. И какого еще жида! Нахальнаго, хвастливаго и трусливаго ростовщика Исая Фомича. „Блаженнѣйшій и незлобивый Исай Фомичъ", — отзывается о немъ Достоевскій, съ мягкою улыбкою вспоминая его незлобивое добродушіе и комично-самодовольную хвастливость.

И всюду здѣсь жизнь, всюду ощущеніе этой жизни и уваженіе къ

ней,—то *просто* уваженіе, которое такъ высоко ставитъ Толстой. Мы видѣли, напр., что въ чисто-художественныхъ произведеніяхъ Достоевскаго совсѣмъ нѣтъ животныхъ. Если изрѣдка животное и промелькнетъ, то непремѣнно „противное“, „паршивое“, „скверное“,—безконечно униженное, съ мертвою и мрачною душою. А вотъ какъ въ „Запискахъ изъ мертваго дома“:

„— Ишь, въ самомъ дѣлѣ: скотина, а понимаетъ!

„— Молодецъ, Гнѣдко!

„Гнѣдко мотаетъ головой и фыркаетъ, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ понимаетъ. И кто-нибудь непремѣнно тутъ же вынесетъ ему хлѣба съ солью. Гнѣдко ѣстъ и опять закиваетъ головою, точно приговариваетъ: „Знаю я тебя, знаю! И я милая лошадка, и ты хорошій человѣкъ!“

И много здѣсь животныхъ,—собака Шарикъ, гордый орелъ съ подбитымъ крыломъ. Гуси выстраиваются на правомъ флангѣ арестантовъ и торжественно шествуютъ вмѣстѣ съ ними на работы. Милый козелъ Васька бодается съ лезгиномъ Бабаемъ и ловкимъ ударомъ сшибаетъ его съ крыльца.

Какъ объяснить, что „Записки изъ мертваго дома“ такъ странно и необычно выдѣляются изъ остальныхъ произведеній Достоевскаго? Я могу объяснить только однимъ. Здѣсь задачею художника было описать дѣйствительно видѣнное и пережитое, эта задача все время держала его близко къ жизни, не давала ему уйти въ мрачныя глубины его духа, чтобъ тамъ соотвѣтственно претворить жизнь. И вотъ — подошла вплотную къ живой жизни даже такая угрюмо-отъединенная душа, — и ясная, строгая правда этой жизни осіяла душу. Недаромъ выше всѣхъ произведеній Достоевскаго Толстой ставилъ именно „Записки изъ мертваго дома“. Онѣ, естественно, должны быть всего ближе живой душѣ Толстого.

XVIII.

«Не я, но вы увидите уже лучшую землю».

Знакомство съ Каратаевымъ научило Пьера Безухова, что человѣкъ сотворенъ для счастья, что счастье въ немъ самомъ, и что на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго.

Самъ Каратаевъ, дѣйствительно, глубоко счастливъ—тихимъ, крѣпкимъ счастьемъ, несмотря на всѣ ужасы и скорби жизни. «Жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только, какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ». Это-то ощущеніе единства съ цѣлымъ и дѣлаетъ Каратаева способнымъ любить жизнь въ самой «безвинности ея страданій», смотрѣть въ лицо смерти съ «радостнымъ умиленіемъ и тихою торжественностью». Жизнь для него полна таинственной гармоніи. «Въ его рѣчи событія самыя простыя, иногда тѣ самыя, которыя, не замѣчая ихъ, видѣлъ Пьеръ, получали характеръ торжественнаго благообразія... Больше всего онъ любилъ слушать разсказы о настоящей жизни. Онъ радостно улыбался, вставляя слова и дѣлая вопросы, клонившіеся къ

тому, чтобы уяснить себѣ благообразіе того, что ему разсказывали».

Во всемъ онъ находитъ это благообразіе, подчеркиваетъ его для себя; а на то, гдѣ благообразія нѣтъ, безсознательно закрываетъ глаза. Французъ заказалъ Каратаеву сшить ему рубаху и требуетъ оставшихся обрѣзковъ, но потомъ, устыдившись, возвращаетъ обрѣзки Каратаеву.

«— Вотъ поди ты, — сказалъ Каратаевъ, покачивая головой. — Говорятъ, — нехристи, а тоже душа есть. Самъ голый, а вотъ отдалъ же».

Когда же Пьеръ разсказываетъ ему о разстрѣлѣ поджигателей, Каратаевъ качаетъ головою, говоритъ: «грѣха-то, грѣхато!»—и поскорѣе переводитъ разговоръ на другое.

Есть въ Платонѣ Каратаевѣ одинъ изъ элементовъ жизни, составляющихъ необходимѣйшую ея часть. Кто готовъ принять жизнь лишь подъ условіемъ устраненія изъ нея ужасовъ и страданій,—тотъ никогда не сможетъ принять жизни. Всегда въ жизни будутъ и ужасы, и страданія, никогда жизнь не скажетъ человѣку: «вотъ, страданіе устранено изъ міра,—теперь живи!». Живъ только тотъ, кто силою своей жизненности стоитъ выше ужасовъ и страданій, для кого «на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго», для кого міръ прекрасенъ, несмотря на его ужасы, страданія и противорѣчія. И, какъ бы будущее ни было свѣтло, принять его сумѣетъ только тотъ, кто умѣетъ принимать настоящее.

Но въ такомъ жизнепріятіи есть одинъ чрезвычайно опасный уклонъ; попасть на него очень легко. Если жизнь прекрасна и благообразна, если прекрасна она даже въ «безвинности ея страданій», — то зачѣмъ добывать лучшую жизнь? Отчего съ тихою радостностью не принимать ее такою, какая она есть?

На этомъ уклонѣ Каратаевъ и стоитъ. Дѣятельное вмѣшательство въ жизнь, борьба за ея улучшеніе глубоко чужды его душевному строю.

Пьеръ разговариваетъ съ женою объ основанномъ имъ тайномъ обществѣ, о необходимости «тѣмъ, которые любятъ добро, взяться рука съ рукою, и пусть будетъ одно знамя: *дѣятельная добродѣтель*».

«— Ты знаешь, о чемъ я думаю? — сказала Наташа: — о Платонѣ Каратаевѣ. Какъ онъ? Одобрилъ бы тебя теперь?

«— Платонъ Каратаевъ?.. Онъ—не понялъ бы; а впрочемъ, можетъ-быть, что да... Нѣтъ, не одобрилъ бы! — сказалъ Пьеръ, подумавъ.—Что онъ одобрилъ бы, это нашу семейную жизнь. *Онъ такъ желалъ видѣть во всемъ благообразіе, счастье, спокойствіе...*»

На этомъ же уклонѣ немалое время стоялъ и самъ Толстой. Онъ тоже слишкомъ желалъ видѣть во всемъ благообразіе и счастье. Чтобъ удержать это благообразіе, онъ безсознательно старался обманывать себя и закрывалъ глаза на многія темныя стороны жизни. Въ «Первой ступени» Толстой дѣлаетъ характерное признаніе: «Когда я писалъ романы, то тогда для меня необъяснимое затрудненіе, въ которомъ я находился, заключалось въ томъ, чтобы изобразить типъ свѣтскаго человѣка идеально-хорошій, добрый и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, который бы былъ вѣренъ дѣйствительности».

Еще характернѣе одинъ полемическій эпизодъ по поводу «Войны и мира». Толстого упрекали, что въ его романѣ «не достаточно опредѣленъ характеръ времени», не чувствуется, напр., ужасовъ крѣпостного права. Толстой рѣшительно возражаетъ, что всѣ эти ужасы, — закладываніе женъ въ стѣны, сѣченіе взрослыхъ сыновей, Салтычиха и т. п. — лишь единичные случаи. Объ этихъ выступающихъ случаяхъ мы узнаёмъ изъ преданій, записокъ, повѣстей, и рѣшаемъ, что таковъ былъ преобладающій характеръ того времени. Но это совсѣмъ не вѣрно. Въ общемъ, ужасовъ тогда было ничуть не больше, чѣмъ теперь или когда-либо.

Но вотъ самый обычный для того времени, повседневный эпизодъ. Мы узнаёмъ о немъ изъ черновыхъ автобіографическихъ замѣтокъ самого же Толстого.

«Отецъ мой въ двадцать лѣтъ уже былъ не невиннымъ юношей, а еще до поступленія на военную службу, лѣтъ шестнадцати, былъ соединенъ родителями, какъ думали тогда, для его здоровья, съ дворовой дѣвушкой. Отъ этой связи былъ сынъ Мишенька, котораго опредѣлили въ почтальоны, и который при жизни отца жилъ хорошо, но потомъ сбился съ пути и часто уже къ намъ, взрослымъ братьямъ, обращался за помощью. Помню то странное чувство недоумѣнія, которое я испытывалъ, когда этотъ, впавшій въ ничтожество, братъ мой, очень похожій (болѣе всѣхъ насъ) на отца, прислалъ насъ о помощи и былъ благодаренъ за 10 — 15 рублей, которые давали ему».

Извѣстно, что въ «Войнѣ и мирѣ» подъ именемъ графа Николая Ильича Ростова выведенъ отецъ Толстого, графъ Николай Ильичъ Толстой. Въ началѣ романа мы знакомимся съ Ростовыми какъ разъ въ то время, когда Николаю около шестнадцати лѣтъ, и онъ только собирается поступить на военную службу. Въ гостиной сидятъ «большіе» и чопорно разговариваютъ. Вдругъ съ бурною волною смѣха и веселья врывается молодежь, — Наташа и Соня, Борисъ и Николай.

Мила и трогательна ихъ дѣтская, чистая влюбленность другъ въ друга.

«Послѣ того, какъ лучъ солнца, проникнувшій въ гостиную вмѣстѣ съ этимъ молодымъ поколѣніемъ, исчезъ», — графиня-мать, между прочимъ, говоритъ со вздохомъ:

«— Все боишься, все боишься! Именно тотъ возрастъ, въ которомъ такъ много опасностей... Но я знаю, что Николенька, по своему пылкому характеру, ежели будетъ шалить *(мальчику нельзя безъ этого)*, то все не такъ, какъ эти петербургскіе господа».

И щекотливой этой темы Толстой больше не касается. Николай объясняется съ огорченною, ревнующею кошечкою-Сонею, цѣлуетъ ее. Все такъ чисто, такъ свѣтло, трогательно и «благообразно». Но мы знаемъ теперь: вечеромъ заботливая мать приведетъ въ спальню сына крѣпостную дѣвушку съ испуганными, неподвижными глазами и строго-настрого прикажетъ ей не противиться ласкамъ барчука. «Мальчику нельзя безъ этого». И гдѣ тогда весь тотъ свѣтлый, радостно-чистый міръ, въ которомъ живетъ молодежь Ростовыхъ?

Вотъ Стива Облонскій. Человѣкъ онъ грѣшный, думаетъ только о плотскихъ удовольствіяхъ: но чувствуется, что для художника онъ гораздо ближе и пріемлемѣе, чѣмъ, напримѣръ, самоотверженная Варенька или умный, корректный Кознышевъ. Ближе потому, что въ Стивѣ есть жизнь, которой нѣтъ въ тѣхъ, что весь онъ переполненъ весельемъ и радостью жизни. Всѣхъ, съ кѣмъ онъ встрѣчается, онъ заражаетъ неодолимою своею жизнерадостностью. «Степана Аркадьевича не только любили всѣ за его добрый, веселый нравъ и несомнѣнную честность, но въ немъ, въ его красивой, свѣтлой наружности, было что-то физически дѣйствовавшее дружелюбно и весело на людей, встрѣчавшихся съ нимъ».

У Стивы — «чрезвычайная снисходительность къ людямъ, основанная на сознаніи своихъ недостатковъ». «Онъ совершенно ровно и одинаково относился ко всѣмъ людямъ, какого бы состоянія и званія они ни были». «Море добродушнаго веселья всегда волновалось въ душѣ Степана Аркадьевича». Непріятности и недоразумѣнія скатываются съ его души, не проникая вглубь, какъ вода съ куска сливочнаго масла. «Всѣ люди, всѣ человѣки, какъ и мы грѣшные: изъ чего злиться и ссориться?» — думаетъ онъ.

Каренинъ пріѣхалъ въ Москву. Стива зоветъ его къ себѣ обѣдать; онъ ничего еще не знаетъ о семейной драмѣ Карениныхъ.

«— Я не могу быть, — холодно, стоя и не сажая гостя, сказалъ Алексѣй Александровичъ.

«Алексѣй Александровичъ думалъ тотчасъ стать въ тѣ холодныя отношенія, въ которыхъ онъ долженъ былъ быть съ братомъ жены, противъ которой онъ начиналъ дѣло развода; но онъ не разсчитывалъ на то море добродушія, которое выливалось изъ береговъ въ душѣ Степана Аркадьевича... И Алексѣй Александровичъ почувствовалъ, что слова его не имѣли того дѣйствія, которое онъ ожидалъ, и что, какія бы ни были его объясненія, отношенія его къ шурину останутся тѣ же».

Объясненіе происходитъ,—и Карениnъ ѣдетъ-таки обѣдать къ тому, съ кѣмъ «долженъ бы быть» въ холодныхъ отношеніяхъ.

Въ томъ разнообразіи, которымъ именно и прекрасна живая жизнь, имѣлъ бы свое мѣсто и Стива Облонскій. Но уже чувствуется въ окружающей его атмосферѣ что-то такое, что̀ мѣшаетъ намъ принять его. Въ «Войнѣ и мирѣ» воздухъ вокругъ героевъ кажется чистымъ и яснымъ; лишь собственными побочными изысканіями мы можемъ установить, что авторъ, подобно Платону Каратаеву, не хочетъ смотрѣть на то, что̀ нарушаетъ благообразіе жизни. Въ «Аннѣ Карениной» ужъ не то. Художникъ все еще старается удержаться на своей позиціи, старается видѣть гармонію въ наличномъ мірѣ. Но въ глубинѣ его души, пока еще несознаваемо для него самого,—безпокойство и смятеніе. Взявшись неизвѣстно откуда, по свѣтлому міру скользятъ темныя, оскорбляющія глазъ тѣни. Помимо воли художника, въ миломъ ему Левинѣ проступаетъ отталкивающій кулакъ-мѣщанинъ, поэзія его жизни съ Кити, какъ сальными пятнами, загаживается мѣщанствомъ. Левинъ старается оправдать себя, подыскать благородныя основанія для своей жизни; онъ говоритъ Стивѣ: «Нѣтъ, если бы это было несправедливо, я бы не могъ пользоваться этими благами. Мнѣ, главное, надо чувствовать, что я не виноватъ». Но, глядя со стороны, мы видимъ, что онъ уже *чувствуетъ себя виноватымъ*, и что правъ его умирающій братъ, жестко говорящій ему: «Просто, тебѣ хочется показать, что ты не просто эксплоатируешь мужиковъ, а съ идеей».

То же и относительно Стивы. Ничего не дѣлающій начальникъ какого-то ненужнаго присутствія, законный членъ бездѣльнаго міра, на который сыплются земныя блага въ видѣ мѣстъ, арендъ и концессій,—онъ сидитъ на жизни, какъ красивый чужеядный грибъ. И мы видимъ, мы все время ощущаемъ эту его чужеядность, и изъ-за нея совершенно неспособны почувствовать, какъ прекрасенъ, какъ *толстовски*-прекрасенъ онъ самъ по себѣ. А между тѣмъ онъ прекрасенъ,—

стоитъ его только представить себѣ *въ другихъ условіяхъ жизни*. Будь это не князь Степанъ Аркадьевичъ Облонскій, а, напр., фабричный Степка Облонскій — и что это былъ бы за милый, покоряющій образъ! Пилъ бы онъ не шампанское, а казенку, путался бы не съ балеринами и француженками, а съ слободскими дѣвицами, — грѣшный и забубенный носитель неодолимой радости жизни, всѣхъ кругомъ захлестывающій бушующимъ въ немъ моремъ добродушнаго, всепрощающаго веселья.

Художественнымъ своимъ аппаратомъ Толстой и раньше захватывалъ зло жизни, попадавшееся ему на глаза. Поликушка вѣшается на переметѣ. Скорбная, неподступная мужицкая жизнь проходитъ передъ глазами помѣщика-благодѣтеля. Богачи-туристы наслаждаются пѣніемъ нищаго-пѣвца, а потомъ, не заплативъ ему, надъ нимъ же смѣются. Но все это, подобно «ужасамъ крѣпостного права», было для Толстого чѣмъ-то отдѣльнымъ, случайнымъ, исключительнымъ. Настолько исключительнымъ, что, напр., поступокъ богачей-туристовъ заслуживалъ опубликованія на весь міръ. Читатель помнитъ эту публикацію. «*7 іюля 1857 года въ Люцернѣ передъ отелемъ Швейцергофомъ странствующій нищій-пѣвецъ въ продолженіе получаса пѣлъ пѣсни. Около ста человѣкъ слушали его*» и т. д. Негодующимъ курсивомъ Толстой излагаетъ происшедшее и предлагаетъ желающимъ «изслѣдовать» фактъ, справиться по газетамъ, кто были иностранцы, занимавшіе Швейцергофъ 7 іюля... Ястребъ задралъ на глазахъ ребенка воробья. И ребенокъ цѣлую недѣлю всѣмъ готовъ разсказывать объ этомъ ужасномъ, небываломъ въ мірѣ событіи и удивляться равнодушію слушателей.

Но слишкомъ велика въ Толстомъ и слишкомъ въ то же время честна жажда гармоніи, чтобы долго видѣть въ злѣ міра рядъ отдѣльныхъ случайностей. Постепенно все больше раскрываются дѣтски-серьезные, вглядывающіеся глаза художника. Жизнь можетъ быть безмѣрно-прекрасна, люди могутъ быть захватывающе-счастливы,—это онъ знаетъ и чувствуетъ крѣпко, «всѣмъ существомъ своимъ, жизнью». А вотъ — жизнь искеверкана до самаго основанія, люди жалки и несчастны. И тотъ, кто раньше обличалъ случайную кучку богачей-туристовъ, примостившихся на балконѣ уродливаго зданія жизни,—теперь всею силою своею бьетъ въ самый фундаментъ зданія, пишетъ «Воскресеніе», «не можетъ молчать» и на весь міръ кричитъ, что въ уродство и грязь превращена

священная жизнь, что нельзя людямъ мириться съ такимъ кощунствомъ.

Онъ видитъ, какъ люди устраиваютъ себѣ внѣшне-красивую, легкую, безтрудовую жизнь, и видитъ, какъ милліоны другихъ людей принуждаются работать за нихъ и на нихъ, отрывая себя отъ всѣхъ радостей жизни. И люди, ослѣпленные привычкою, не замѣчаютъ этой преступной нелѣпицы, думаютъ, что иначе не можетъ быть.

«Какъ они всѣ увѣрены,—и тѣ, которые работаютъ, такъ же какъ и тѣ, которые заставляютъ ихъ работать, что это такъ и должно быть, что въ то время, какъ дома ихъ брюхатыя бабы работаютъ непосильную работу, и дѣти ихъ, въ скуфеечкахъ, передъ скорой голодной смертью, старчески улыбаются, суча ножками, имъ должно строить этотъ глупый, ненужный домъ какому-то глупому и ненужному человѣку, одному изъ тѣхъ самыхъ, которые разоряютъ и грабятъ ихъ».

Нужный для жизни, благородный, возвышающій душу трудъ замѣняется безсмысленной работой на доставленіе всяческихъ удобствъ и радостей ненужнымъ, оторвавшимся отъ жизни людямъ. «Собрались и пируютъ. Народу больше нечего дѣлать, какъ, пользуясь страстями этихъ людей, выманивать у нихъ назадъ награбленное. Бабы дома, мужики трутъ полы и тѣла въ баняхъ и ѣздятъ извозчиками».

И теперь, съ широко раскрывшимися глазами, Толстой уже не сможетъ такъ легко, какъ прежде, видѣть во всемъ благообразіе. Тотъ же жизнерадостный, неистощимо-добродушный Стива Облонскій вызоветъ въ немъ только гадливый трепетъ. «Какъ ихъ много, какъ ужасно ихъ много, и какіе они сытые, какія у нихъ чистыя рубашки, руки, какъ хорошо начищены у всѣхъ сапоги, и кто это все дѣлаетъ?»

Тяжелыя желѣзныя цѣпи наложены на свободную жизнь. Разнообразнѣйшія, сложныя учрежденія плотно опутываютъ ее, въѣдаются въ ея нѣжное, свѣтлое существо. Учрежденія эти отдаютъ однихъ людей во власть другимъ, охраняютъ счастливыхъ отъ несчастныхъ, вносятъ въ жизнь разъединеніе, страданія и неправду. Но они присвоили себѣ звучныя, священныя имена и требуютъ, чтобы люди служили имъ, видѣли въ нихъ цѣль и смыслъ жизни. И въ непонятномъ ослѣпленіи люди вѣрятъ обману, старательно работаютъ надъ тѣмъ, что уродуетъ и разрушаетъ ихъ жизнь, и не видятъ, какъ ничтожно и внутренне-смѣшно ихъ дѣло, снаружи такое важное и серьезное.

«Веселы были и растенія, и птицы, и насѣкомыя, и дѣти. Но люди,—большіе, взрослые люди,—не переставали обманы-

вать и мучить себя и другъ друга. Люди считали, что священно и важно не это весеннее утро, не эта красота міра Божія, данная для блага всѣхъ существъ,—красота, располагающая къ миру, согласію и любви,—а священно и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать другъ надъ другомъ. Такъ въ конторѣ губернской тюрьмы считалось священнымъ и важнымъ не то, что всѣмъ животнымъ и людямъ даны умиленіе и радость весны, а считалось священнымъ и важнымъ то, что наканунѣ получена была за номеромъ бумага».

Жизнь изуродована, исковеркана, загрязнена. А она, въ свою очередь, уродуетъ и грязнитъ людей. Судятъ молодого парня за кражу со взломомъ. Толстой разсказываетъ его жизнь. «Вѣдь очевидно, что мальчикъ этотъ не какой-то особенный злодѣй, а самый обыкновенный (это видятъ всѣ) человѣкъ, и что сталъ онъ тѣмъ, что есть, только потому, что находился въ такихъ условіяхъ, которыя порождаютъ такихъ людей. И потому, кажется, ясно, что для того, чтобы не было такихъ мальчиковъ, нужно постараться уничтожить тѣ условія, при которыхъ образуются такія несчастныя существа».

Но врагамъ жизни невыгодно такое пониманіе зла. И, святотатственно облыгая жизнь, они утверждаютъ, что развращенность людей истекаетъ изъ самой ихъ природы. «Узнавъ ближе тюрьмы и этапы, Нехлюдовъ увидѣлъ, что всѣ тѣ пороки, которые развиваются между арестантами: пьянство, игра, жестокость и всѣ тѣ страшныя преступленія, совершаемыя острожниками, и самое людоѣдство—не суть случайности или явленія вырожденія, преступнаго типа, уродства, какъ это, на руку правительствамъ, толкуютъ тупые ученые, а есть неизбѣжное послѣдствіе непонятнаго заблужденія о томъ, что люди могутъ наказывать другихъ. Нехлюдовъ видѣлъ, что людоѣдство начинается не въ тайгѣ, а въ министерствахъ, комитетахъ и департаментахъ, и заключается только въ тайгѣ».

И безъ конца гибнутъ всюду люди, — люди, созданные для счастья, полные такихъ прекрасныхъ, свѣтлыхъ возможностей.

Въ статьѣ «Жизнь въ городѣ» Толстой разсказываетъ исторію одной больной прачки. Она заплатила въ почтенной квартирѣ шестьдесятъ копеекъ; по жалобѣ хозяйки, городовой «съ саблей и пистолетомъ на красномъ шнурѣ» выслалъ ее изъ квартиры. Весь день прачка проходила около церкви, а вечеромъ возвратилась къ дому, упала и умерла. Толстой пошелъ на ея квартиру.

«Деревья Нескучнаго сада синѣли черезъ рѣку; порыжѣвшіе воробьи такъ и бросались въ глаза своимъ весельемъ; люди какъ будто тоже хотѣли быть веселы, но у нихъ у всѣхъ было слишкомъ много работы». Покойница уже лежала въ гробу. «Я взглянулъ на нее. Всѣ покойники хороши, но эта была особенно хороша и трогательна въ своемъ гробу: чистое, блѣдное лицо съ закрытыми выпуклыми глазами, съ ввалившимися щеками и русыми мягкими волосами надъ высокимъ лбомъ; лицо усталое, доброе и не грустное, но удивленное. И въ самомъ дѣлѣ, если живые не видятъ, то мертвые удивляются».

Но есть и живые, которые видятъ. Это—тѣ, въ комъ Достоевскій усматривалъ «бѣсовъ» жизни, на кого неистово сыпалъ изступленныя свои клеветы и ядовитыя насмѣшки.

Нехлюдовъ знакомится въ тюрьмѣ съ революціонеромъ Крыльцовымъ. Крыльцовъ разсказываетъ ему, какъ за случайныя сношенія съ революціонерами онъ попалъ въ тюрьму, и какъ тамъ, почти на его глазахъ, повѣсили двухъ людей; люди эти попались съ польскими прокламаціями и были присуждены къ висѣлицѣ за попытку освободиться отъ конвоя, когда ихъ вели на вокзалъ. «Розовскій, очевидно, не въ силахъ былъ понять того, что̀ его ожидало, и, какъ будто торопясь, пошелъ, почти побѣжалъ, впереди всѣхъ по коридору. Но потомъ онъ уперся,—я слышалъ его пронзительный голосъ и плачъ. Началась возня, топотъ ногъ. Онъ пронзительно визжалъ и плакалъ. Потомъ дальше и дальше,—зазвенѣла дверь коридора, и все затихло... Да. Такъ и повѣсили. Веревками задушили обоихъ. Сторожъ видѣлъ и разсказывалъ мнѣ, что Лозинскій не противился, но Розовскій долго бился, такъ что его втащили на эшафотъ и силой вложили ему голову въ петлю. Да. Сторожъ этотъ былъ глуповатый малый. «Мнѣ говорили, баринъ, что страшно. А ничего не страшно. Какъ повисли они,—только два раза такъ плечами, — онъ показалъ, какъ судорожно поднялись и опустились плечи.—Потомъ палачъ подернулъ, чтобы, значитъ, петли затянулись получше, и шабашъ: и не дрогнули больше. Ничего не страшно»,—повторилъ Крыльцовъ слова сторожа и хотѣлъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки разрыдался.

«Долго послѣ этого онъ молчалъ, тяжело дыша и глотая подступавшія къ его горлу рыданія.

«— Съ тѣхъ поръ я и сдѣлался революціонеромъ. Да».

Теперь у Крыльцова чахотка. «Въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился, ему, очевидно, осталось едва нѣсколько мѣсяцевъ жизни, и онъ зналъ это и не раскаивался въ томъ,

что онъ дѣлалъ, а говорилъ, что, если бъ у него была другая жизнь, онъ ее употребилъ бы на то же самое, на разрушеніе того порядка вещей, при которыхъ возможно было то, что онъ видѣлъ».

Въ практическихъ путяхъ къ разрушенію этого порядка вещей Толстой рѣзко расходится съ Крыльцовыми. И это понятно. У Крыльцовыхъ нѣтъ дѣтской вѣры Толстого въ изначальную святость человѣческой души. Тамъ, гдѣ Толстой считаетъ нужнымъ напоминать о жалости къ себѣ и о добрѣ, Крыльцовы считаютъ нужнымъ бороться. Толстого отталкиваетъ отъ Крыльцовыхъ ненависть, которою они полны; въ Крыльцовыхъ раздраженіе и насмѣшку вызываетъ вѣра Толстого въ силу непротивящагося добра и любви. Но объединяетъ ихъ и его главное,—глубокое, неистовое отрицаніе «лика міра сего», неспособность примириться съ нимъ, свѣтлая вѣра въ то, что гармонія жизни доступна человѣку, и что она можетъ быть, должна быть добыта.

Г. Тенеромо приводитъ разсказъ одного студента, какъ онъ съ товарищами встрѣчалъ на харьковскомъ вокзалѣ больного Льва Николаевича, когда его везли въ Крымъ. Софья Андреевна поручила разсказчику принести для Льва Николаевича изъ буфета чашку кофе.

«Толстой лежалъ на диванѣ головой къ окну и подпиралъ рукой свою свѣтившуюся, какъ мнѣ казалось, лучистую, большую голову. Онъ улыбнулся глазами и приподнялся. И, принимая лѣвой рукой у меня чашку, онъ правую подалъ мнѣ и поздоровался. Меня охватило никогда не испытанное волненіе. Я почувствовалъ спазмы въ горлѣ, нагнулся къ его рукѣ и приложился губами. И чувствую, какъ онъ притягиваетъ къ себѣ мою голову и тоже цѣлуетъ ее.

«— Вы передайте своимъ друзьямъ,—произнесъ онъ,—что хотѣлъ бы теперь многое сказать имъ. Но не могу сейчасъ. Время гоненій скоро минетъ. Страна вздохнетъ... Не я, но вы увидите уже лучшую землю...

«Я выбѣжалъ изъ вагона.

«— Онъ привѣтствуетъ васъ!—крикнулъ я товарищамъ.

«И сотни голосовъ загремѣли:

«— Ура!

«Многіе чувствовали, что «ура»—неподходящій возгласъ, и слышно было, какъ кое-гдѣ этотъ возгласъ замѣнялся другимъ:

«— Слава духу!»

Въ отношеніи Толстого къ злу жизни есть одна поразительная особенность, которая рѣзко выдѣляетъ его изъ сонма обыч-

ныхъ обличителей жизни. Для большинства изъ нихъ жизнь—это черная, глубокая пропасть; въ ней изъ вѣка въ вѣкъ бьется и мучается страдалецъ-человѣчество; зло давитъ его мрачною, непроглядною тучею, кругомъ бури, отвѣсныя скалы, мракъ, и только гдѣ-то

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна.

Въ этой блаженной странѣ далекаго будущаго, тамъ будетъ свѣтъ, радость, жизнь. Слабый отблескъ золотого свѣта чуть мрѣетъ въ высотѣ, сквозь разрывъ черныхъ тумановъ. Рвись изъ пропасти, пробивай въ скалахъ трудную дорогу вверхъ, вѣрь въ блаженную страну; мрѣющій золотой отблескъ ея будетъ свѣтить тебѣ сквозь мракъ и бурю, дастъ тебѣ силы къ жизни и къ борьбѣ.

Еще плотнѣе и несвержимѣе лежитъ надъ жизнью зло для Достоевскаго. Мечты объ устроеніи жизни вызываютъ въ немъ только ядовитыя насмѣшки. «Тогда выстроится хрустальный дворецъ,—иронизируетъ подпольный человѣкъ. — Тогда... Ну, однимъ словомъ, тогда прилетитъ птица Каганъ. Конечно, никакъ нельзя гарантировать, что тогда не будетъ, напримѣръ, ужасно скучно, зато все будетъ чрезвычайно благоразумно. Конечно, отъ скуки чего ни выдумаешь! Скверно то, что, чего добраго, и золотымъ булавкамъ тогда обрадуешься», — булавкамъ, которыя царица Клеопатра для развлеченія втыкала въ груди невольницъ. «Не потому ли человѣкъ такъ любитъ разрушеніе и хаосъ, что *самъ инстинктивно боится достигнуть цѣли и довершить созидаемое зданіе?* Можетъ-быть, онъ зданіе-то любитъ только издали, а отнюдь не вблизи; можетъ-быть, онъ только любитъ созидать его, а не жить въ немъ, предоставляя его потомъ aux animaux domestiques, какъ-то: муравьямъ, баранамъ и проч., и проч.». Какъ ни устраивай жизнь, этимъ, для Достоевскаго, ничего не измѣнишь: основное зло лежитъ не въ внѣшней жизни, а въ самомъ человѣкѣ. Надъ нимъ царитъ «таинственная и роковая неизбѣжность зла». «Никакое уничтоженіе бѣдности, никакая организація труда не спасутъ человѣчество отъ ненормальности, а слѣдственно и отъ виновности и преступности. Зло таится въ человѣчествѣ глубже, чѣмъ предполагаютъ лѣкаря-соціалисты, ни въ какомъ устройствѣ общества не избѣгнете зла; ненормальность и грѣхъ исходятъ изъ самой души человѣческой». Это Достоевскій пишетъ въ своей статьѣ объ «Аннѣ Карениной», и это, по его мнѣнію, ясно и понятно до очевидности показываетъ... странно даже выговорить: Толстой!

Зло для Толстого, конечно, не таково. Оно для него — не

гнилая проказа, насквозь разъѣвшая неисцѣлимо-больного, и не черная также туча, на долгіе вѣка закрывшая свѣтъ жизни отъ страдальца. На прекрасной землѣ—прекрасное, созданное для счастья человѣчество. Вокругъ него—непреходящій свѣтъ и трепетъ радостной жизни. Жизнь эта со всѣхъ сторонъ окружаетъ человѣка, надвигается на него, зоветъ къ себѣ, хлещетъ въ душу бурными потоками кипучей радости и счастья. А человѣкъ, въ безумномъ какомъ-то помраченіи, отворачиваетъ глаза отъ свѣта, строитъ вокругъ себя какія-то стѣны и перестѣнки, опутываетъ себя веревками. Сбросить веревки, разметать преступныя, разъединяющія стѣны,—и жизнь широко распахнется передъ человѣкомъ въ вѣчной, неисчерпаемой радости своего бытія.

«Не я, но вы увидите уже лучшую землю...»

Одинъ изъ современныхъ сыновъ Достоевскаго, помѣстившійся подъ знакомъ «вѣчности», пишетъ: «Надъ бездной всеобщаго и окончательнаго небытія хотятъ позитивисты устроить жизнь, облегчить существованіе, ослабить страданія этого малаго, короткаго, узкаго, призрачнаго въ своей безсмысленности бытія. Веселые позитивисты, поющіе хвалу жизни, должны понимать жизнь, какъ «пиръ во время чумы»... Только опустошенныя, плоскія, лакейски-самодовольныя души не чувствуютъ ужаса этой «чумы» и невозможности этого «пира».

Но вотъ другой современный писатель. По настроенію, по темпераменту, по «вѣрности землѣ» онъ—прямая противоположность первому. И вотъ что мы отъ него слышимъ въ его гимнѣ человѣку:

«Иду, чтобы сгорѣть какъ можно ярче и глубже освѣтить тьму жизни. *И гибель для меня—моя награда. Иныхъ наградъ не нужно для меня.* Я вижу: власть—постылна и скучна, богатство—тяжело и глупо, а слава—предразсудокъ, возникшій изъ неумѣнія людей цѣнить самихъ себя и рабской ихъ привычки унижаться».

Награда въ борьбѣ—гибель?! Гибель, а не побѣда? Гибель, и иныхъ наградъ ему не нужно? Очевидно, процессъ борьбы обратился для него въ цѣль, а обратился потому, что полнимая цѣль самого его ужасаетъ своею пустотою и безсодержательностью.

Одинъ брезгливо ругается и пренебрежительно пожимаетъ плечами: устроить жизнь, облегчить существованіе, ослабить страданія этого малаго, безсмысленнаго бытія... Другой, пряча отъ себя пустоту цѣли, говоритъ: гибель для меня—моя награда, иныхъ наградъ не нужно для меня.

Какъ и то, и другое чуждо духу Толстого! Подобно Пьеру, онъ крѣпко знаетъ—не умомъ, а всѣмъ существомъ своимъ, жизнью,—что человѣкъ сотворенъ для счастья, что счастье въ немъ самомъ, и что на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго, никакой «чумы». «Пьеръ чувствовалъ, какъ по мѣрѣ усилій, которыя дѣлала роковая сила, чтобы раздавить его, къ душѣ его вырастала и крѣпла независимая отъ нея сила жизни». И если раньше эта сила жизни, лукавя передъ собою, отодвигала для Толстого въ тѣнь уродства и ужасы жизни, то теперь та же сила, *попрежнему не давая раздавить себя*, съ естественною послѣдовательностью направляется именно на эти самыя уродства и ужасы. И цѣль ея,—конечно, не «облегчить существованіе и ослабить страданія», цѣль—дать волю неизсякаемымъ источникамъ жизни и счастья, скрытно таящимся въ человѣческой душѣ. И награда этой силѣ—ужъ, конечно, не собственная ея гибель, а побѣда,—побѣда широкая, окончательная, не боящаяся своего торжества, потому что сила эта хорошо знаетъ, за что борется.

Настоящее сливается съ будущимъ. Жизнь человѣчества—это не темная яма, изъ которой оно выберется въ отдаленномъ будущемъ. Это—свѣтлая, солнечная дорога, поднимающаяся все выше и выше къ источнику жизни, свѣта и цѣлостнаго общенія съ міромъ.

III.

ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ.

Трудно во всемірной литературѣ найти двухъ художниковъ, у которыхъ отношеніе къ жизни было бы до такой степени противоположно, какъ у Толстого и Достоевскаго; можетъ-быть, столь же еще противоположны другъ другу Гомеръ и греческіе трагики. Но они были отдѣлены другъ отъ друга вѣками. Гомеровскій грекъ въ негодующемъ недоумѣніи пожалъ бы плечами, слушая степанія трагическаго хора, — такого безудержнаго въ отчаяніи и такого пассивнаго, такого умѣреннаго въ жизненной своей философіи. Для грека трагической поры Гомеръ былъ уже не болѣе, какъ «литературой». Здѣсь же, по поразительной, почти невѣроятной игрѣ случая,—на одномъ и томъ же поприщѣ, съ равною силою генія, сошлись два сверстника и соплеменника. И видѣть ихъ рядомъ болѣе странно, чѣмъ было бы видѣть рощу пальмъ бокъ-о-бокъ съ

полярнымъ ледникомъ, сверкающее солнце въ черной глубинѣ ночного неба.

Вводитъ насъ въ жизнь Достоевскій. Передъ нами жуткая, безгласная пустота, какъ будто изъ вѣка еще не знавшая свѣта,—та доміровая пустота и тьма, о которой Библія говоритъ: «земля была безвидна и пуста, и тьма надъ бездною». И средь пустоты этой, въ мукахъ недовершенности, дергаются и корчатся странныя, темныя, одинокія существа, которымъ имя—люди. Жизнь каждаго—только въ немъ самомъ, всѣ силы ушли въ глубь души, на стремленіе согласовать и соединить то, что внутри. А соединить невозможно, потому что тамъ—хаотическая замѣсь силъ, лишь механически сплетшихся другъ съ другомъ,—

Non bene junctarum discordia semina rerum.
Связанныхъ плохо вещей враждебные только зачатки.

Силы эти яростно борются, душатъ другъ друга, одна поднимется, другая сейчасъ же ее опрокинетъ; всѣ ползутъ врозь. Добро подѣлается зломъ, зло—добромъ, любовь поѣдается ненавистью, ненависть—любовью; тоска по гармоніи опрокидывается болѣзненно-судорожными порывами къ хаосу; отвращеніе къ жизни давится страхомъ смерти, стремленіе къ смерти—изступленною любовью къ жизни. И умъ растерянно крутится надъ этой мѣшаниной, старается умственнымъ, логическимъ путемъ создать хоть какое-нибудь единство, «идеей» обуздать ползущія врозь силы. Лишенный непосредственнаго ощущенія жизни и счастья, онъ пытается собственными силами создать жизнь, изобрѣсти счастье. Но ничего не удается, и въ безмѣрныхъ мукахъ душа снова и снова распадается на несоединимыя, разрозненныя силы.

И въ неотвратимой неизбѣжности этихъ мукъ человѣкъ находитъ наконецъ своеобразный выходъ: броситься навстрѣчу мукамъ, пѣнякомъ отдаться имъ, растерзать душу смертными противорѣчіями. Въ этомъ — сладко пронзающее душу сладострастіе, грозная радость, темная, какъ кровь. Человѣку открывается красота и счастье страданія, онъ начинаетъ любить скорбь и жаждать мученія. И черезъ скорбь онъ познаётъ основную истину жизни, — истину о высшемъ, трагическомъ призваніи человѣка. Какъ побѣдное знамя, высоко возноситъ свою истину обезумѣвшій отъ страданій человѣкъ и съ дергающеюся улыбкою насмѣшки и презрѣнія смотритъ вдаль: тамъ видится ему что-то сѣренькое, пошленькое и убого-самодовольное, что зовется гармоніей, счастьемъ, и что пригодно только «для слишкомъ филистеровъ».

Не тамъ обѣтованная земля человѣчества, не въ этой сѣрень-

кой дали. «Царство Божіе внутри васъ». Только еще усилить страданія, еще больше раскачать душевный хаосъ,—горячкою, эпилептическою аурою, безмѣрностью мукъ,—и темная пустота вдругъ вспыхнетъ ослѣпляющимъ свѣтомъ. Человѣкъ отвержется себя, расторгнетъ давящія грани своей личности и въ вихрѣ экстаза опрокинется въ радостно сверкающій молніями хаосъ, принимая его за сіяющій космосъ, за «высшую гармонію». И вотъ свершается чудо. Міръ преобразился. Нѣтъ разъединенія, нѣтъ мрака, нѣтъ ужасовъ, нѣтъ неподвижности. Все живетъ кипуче и радостно, все едино,—огромнымъ, стихійнымъ, божественнымъ единствомъ, котораго не постичь сознанію, замкнутому въ своихъ граняхъ. Всей жизни можно сказать: «да, это правда!». Нечего прощать, нечѣмъ возмущаться, не къ чему стремиться. Все оправдано однимъ этимъ мигомъ, «длящимся, какъ вѣчность». И въ нечеловѣческомъ восторгѣ сливается душа съ единою Первосущностью міра и изъ глубочайшихъ глубинъ своихъ запѣваетъ «трагическій гимнъ Богу, у котораго радость». А для жизни,—для жалкой, темной жизни,—что можно для нея сдѣлать? «Закройте ваши питейные дома, если не можете всѣхъ, то хоть два или три». Это для настоящаго. А для будущаго: «бѣдный, видя смиреніе богатаго, пойметъ и уступитъ ему».

И противъ Достоевскаго—Толстой. Свѣтлый и ясный, какъ дитя, идетъ онъ черезъ жизнь и знать не хочетъ никакого трагизма. Душа тѣсно сливается съ радостною жизнью міра. Всюду вокругъ эта близкая, родная душѣ, единая жизнь,—въ людяхъ, въ животныхъ, даже въ растеніяхъ, — «веселы были растенія»,—даже въ самой землѣ: «земля живетъ несомнѣнною, живою, теплою жизнью, какъ и всѣ мы, взятые отъ земли». Не разумомъ, не умственнымъ путемъ познаётъ Толстой это единство, а проникновеніемъ другого рода, несравненно болѣе полнымъ и глубокимъ, чѣмъ проникновенія разума. И въ чудесномъ этомъ единеніи блѣднѣетъ, какъ-то странно теряетъ свою жгучую важность рядъ вопросовъ, тяжко мучающихъ душу Достоевскаго, — вопросовъ о безсмертіи, о Богѣ. Сохранится ли въ вѣкахъ личное сознаніе человѣка послѣ смерти,—или единая жизнь сознала себя на мигъ въ его жизни, а дальше будетъ сознавать себя въ жизни другихъ? Важно ли это, когда сознано само единство жизни? Важны ли храмы, когда вся жизнь есть одинъ огромный, священный храмъ? Важно ли понятіе «Богъ», когда въ насущномъ, живомъ и безпрерывномъ единеніи душа молитвенно сливается съ Цѣлымъ вселенной?

И не нужно человѣку для этого единенія отказываться отъ

своего «я». Это «я» не давитъ его, не ужасаетъ, не заставляетъ обращаться къ небу съ отчаяннымъ воплемъ Бодлэра:

Ah, Seigneur! Donnez moi la force et le courage
De contempler mon coeur et mon corps sans degout!
Боже! Дай мнѣ силу и мужество
Безъ отвращенія смотрѣть на мое сердце и мое тѣло!

Только сбросивъ съ себя проклятую свою оболочку, въ экстазѣ «изступивъ изъ себя», обезличившись, человѣкъ Достоевскаго способенъ слиться съ міромъ, какъ капля, растворяясь, сливается съ водою океана. Но зачѣмъ отрекаться отъ своего «я» толстовскому человѣку, когда это «я» такъ нѣвуче, свѣтло и радостно? Зачѣмъ «изступать изъ себя», когда, и оставаясь собою, человѣкъ непрерывно чувствуетъ себя частью Единаго? Живой клѣткѣ организма нѣтъ нужды распадаться и растворяться, чтобъ стать частицею единаго организма,—напротивъ, она тогда только и будетъ живою его частью, когда останется въ то же время особою отъ него, останется сама собою.

И крѣпко, всею душою, всѣмъ существомъ своимъ Толстой знаетъ, что человѣкъ сотворенъ для *счастья*, что человѣкъ можетъ и долженъ быть прекраснъ и счастливъ на землѣ. Достоевскій этого не знаетъ. Не знаетъ, кажется, и никто изъ насъ. «Счастье»... Всѣмъ намъ чуется въ немъ что-то, приличествующее только «aux animaux domestiques». Тотъ самый «вѣрный землѣ» современный писатель, который высшею наградою въ борьбѣ считаетъ собственную гибель, пишетъ: «одно я знаю,—не къ счастью нужно стремиться, зачѣмъ счастье? Не въ счастьѣ смыслъ жизни, и довольствомъ собою не будетъ удовлетворенъ человѣкъ,—онъ все-таки выше этого».

Можетъ-быть, наибольшая уплочность человѣческаго рода сказывается именно въ этой поразительной неспособности его даже представить себѣ какое-нибудь счастье. «Лучше быть несчастнымъ человѣкомъ, чѣмъ счастливой свиньей». Мы такъ усвоили этотъ миллевскій афоризмъ, что не можемъ мыслить счастья иначе, какъ въ качествѣ предиката къ свиньѣ, и, выговаривая слова афоризма, понимаемъ подъ ними другое: «лучше быть несчастнымъ человѣкомъ, чѣмъ счастливымъ... *человѣкомъ*».

Вся красота, вся жизнь для насъ, все достоинство—въ страданіи. Безсмертныя пѣсни сплело человѣчество во славу страданія, возвело его на такую высоту, что духъ радостно бьется и тянется ему навстрѣчу. Къ счастью же человѣкъ недовѣрчивъ и стыдливъ. Онъ тайно беретъ его маленькими порціями для своего личнаго, домашняго обихода, и стыдится счастья, какъ секретной болѣзни, и, дѣйствительно, превратилъ его въ

секретную болѣзнь, потерялъ способность *достойно* нести счастье.

Благословлять губительныя стрѣлы
И проклинать живящіе лучи,—
Вотъ страшные и тѣсные предѣлы.
Къ инымъ путямъ затеряны ключи...
Отравленной стрѣлы вонзилось жало,—
Лобзай ея пернатые края...

Да что̀ это — безуміе больного человѣчества? Кошмарный бредъ, отъ котораго нужно очнуться и расхохотаться? Вѣдь даже борясь за будущее, мы въ душѣ все какъ будто боимся чего-то. Сами неспособные на радость, столь далекіе отъ нея, опасливо задаемъ уже себѣ вопросы: не окажется ли счастье и радость синонимомъ *статики*? Не тѣмъ ли такъ и прекрасно будущее, что оно... никогда не придетъ?.. Какъ правъ Моррисъ! «Старый, жалкій міръ съ его изношенными радостями и съ надеждами, похожими на опасенія!..»

Высшее, до чего способна подняться наша фантазія, лишенная жизненнаго инстинкта и чаянія гармоніи, это — трагическій человѣкъ. Но если не суждено человѣчеству окончательно выродиться, то оно поймет̀ когда-нибудь, что смыслъ его существованія—не въ трагическомъ преодолѣніи жизни, а въ безтрагичномъ, гармоническомъ сліяніи съ нею. Основою же этой безтрагичной гармоніи можетъ быть только одно,—*сила жизни*, та сила жизни, которая поборает̀ всякую трагедію, для которой «на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго». Этою силою жизни несокрушимо-крѣпокъ былъ Гомеръ. Ея требовалъ отъ человѣка прекраснѣйшій изъ эллинскихъ боговъ, дѣйственный, солнечно-свѣтлый Аполлонъ, богъ жизни и счастья. Этой-то силы требуетъ отъ человѣка и Левъ Толстой.

Трудно представить себѣ живого человѣка, у котораго могла бы лежать душа одновременно къ Достоевскому и Толстому. Мнѣ кажется, на это способенъ только «любитель литературы», для кого глубочайшія исканія и нахожденія человѣческаго духа—лишь предметъ эстетическихъ эмоцій. Всякій, конечно, «отдастъ должное» генію обоихъ. Но кому дорогъ Толстой, тому чуждъ будетъ Достоевскій; кому близокъ Достоевскій, тотъ равнодушенъ будетъ къ Толстому. Всегда будетъ два враждебныхъ стана, никогда одни не поймутъ другихъ, всегда будутъ упрекать ихъ въ поверхностномъ пониманіи или даже въ намѣренномъ непониманіи учителя. И иначе не можетъ быть: вмѣстить и Достоевскаго, и Толстого невозможно,—такъ

полно и рѣшительно исключаютъ они другъ друга, такъ враждебно для одного все то, что̀ дорого для другого.

Но тѣмъ чудеснѣе и поразительнѣе одно обстоятельство: третьяго ноября смѣшной человѣкъ вдругъ увидѣлъ сонъ.

Сонъ третьяго ноября.

Мало кто изъ читателей знакомъ съ разсказомъ Достоевскаго «Сонъ смѣшного человѣка». Разсказъ помѣщенъ въ «Дневникѣ писателя» и теряется среди нудныхъ разсужденій о томъ, что Константинополь непремѣнно долженъ быть нашъ, и что отличіе Россіи отъ европейскихъ державъ заключается во всегдашнемъ ея безкорыстіи въ политикѣ.

А между тѣмъ разсказъ этотъ поистинѣ поразителенъ. Въ немъ Достоевскій какъ бы подводитъ итогъ самому себѣ, приходитъ въ ужасъ отъ этого страшнаго итога,—и душѣ вдругъ открывается что-то совершенно новое.

Герой разсказа—обычный для Достоевскаго одинокій человѣкъ, обычный дьяволовъ подвижникъ, отчасти даже человѣкобогъ, въ нѣкоторомъ родѣ достигшій кирилловскаго идеала. Онъ рѣшилъ убить себя, и вотъ почему:

«Меня постигло убѣжденіе въ томъ, что на свѣтѣ вездѣ все равно. Я вдругъ почувствовалъ, что мнѣ все равно было бы, существовалъ ли бы міръ, или если бъ нигдѣ ничего не было. Я сталъ слышать и чувствовать всѣмъ существомъ моимъ, что ничего при мнѣ не было. И прежде ничего тоже не было, а только почему-то казалось. Мало-по-малу я убѣдился, что и никогда ничего не будетъ. Тогда я вдругъересталъ сердиться на людей, и почти сталъ не примѣчать ихъ... И добро бы я разрѣшилъ вопросы; о, ни одного не разрѣшилъ, а сколько ихъ было? Но мнѣ стало все равно, и вопросы всѣ удалились».

Въ мрачный и дождливый осенній вечеръ онъ возвращается домой. Въ темнотѣ къ нему подбѣгаетъ испуганная дѣвочка, въ ужасѣ что-то кричитъ, проситъ о помощи, тянетъ его куда-то. Но ему теперь—«все равно». А для героевъ Достоевскаго «все равно» или «все позволено» значитъ лишь одно: «ломай себя, а обязательно будь золъ». Въ душѣ смѣшному человѣку жалко дѣвочку, но онъ, конечно, грозно топаетъ ногами и прогоняетъ ее.

Возвратившись къ себѣ, онъ принимается за обычное извлеченіе квадратнаго корня. «Вѣдь если я убью себя, напр., черезъ два часа, что̀ мнѣ дѣвочка, и какое мнѣ тогда дѣло и до стыда, и до всего на свѣтѣ? Вѣдь я потому-то и затопалъ и закричалъ дикимъ голосомъ на несчастнаго ребенка,

что, дескать, не только вотъ не чувствую жалости, но если и безчеловѣчную подлость сдѣлаю, то теперь могу, потому что черезъ два часа все угаснетъ. Міръ теперь какъ бы для меня одного и сдѣланъ: застрѣлюсь я, и міра не будетъ, по крайней мѣрѣ, для меня». Слѣдуетъ обычный вопросъ: если сдѣлать пакость на Марсѣ или на лунѣ, то, очутившись на землѣ, буду ли я чувствовать, что мнѣ все равно?

Съ револьверомъ въ рукахъ смѣшной человѣкъ засыпаетъ и видитъ сонъ.

«Да, мнѣ приснился тогда этотъ сонъ, мой сонъ третьяго ноября! Они дразнятъ меня теперь тѣмъ, что вѣдь это былъ только сонъ. Но неужели не все равно, сонъ или нѣтъ, если сонъ этотъ возвѣстилъ мнѣ истину? Вѣдь если разъ узналъ истину и увидѣлъ ее, то вѣдь знаешь, что она истина, и другой нѣтъ и не можетъ быть. Ну, и пусть сонъ, и пусть, но эту жизнь, которую вы такъ превозносите, я хотѣлъ погасить самоубійствомъ, а сонъ мой, сонъ мой, — о, онъ возвѣстилъ мнѣ новую, великую, обновленную, сильную жизнь!.. Слушайте».

Ему снится, что онъ убиваетъ себя — и въ могилѣ вдругъ оживаетъ. «А, стало-быть, есть и за гробомъ жизнь!.. И если надо быть снова и жить опять по чьей-то неустранимой волѣ, то не хочу, чтобъ меня побѣдили и унизили!»

«Темное и неизвѣстное существо» поднимаетъ смѣшного человѣка и мчитъ сквозь межзвѣздныя пространства. Передъ нимъ открывается другая солнечная система, совсѣмъ, какъ наша. Онъ узнаётъ на одной изъ звѣздочекъ очертанія Европы.

«Есть ли мученіе на этой новой землѣ? — спрашиваетъ смѣшной человѣкъ. — На нашей землѣ мы истинно можемъ любить лишь съ мученіемъ и только черезъ мученіе! Мы иначе не умѣемъ любить и не знаемъ иной любви. Я хочу мученія, чтобъ любить. Я хочу, я жажду, въ сію минуту, цѣловать, обливаясь слезами, лишь одну ту землю, которую я оставилъ, и не хочу, не принимаю жизни ни на какой иной».

Духъ опускаетъ смѣшного человѣка на эту новую землю, въ мѣстности, соотвѣтствующей у насъ греческому архипелагу.

«И, наконецъ, я увидѣлъ и узналъ людей счастливой земли этой. Дѣти солнца, дѣти своего солнца, — о, какъ они были прекрасны! Никогда я не видывалъ на нашей землѣ такой красоты въ человѣкѣ. Развѣ лишь въ дѣтяхъ нашихъ, въ самые первые годы ихъ возраста, можно бы было найти отдаленный, хотя и слабый отблескъ красоты этой... Я скоро понялъ, что знаніе ихъ восполнялось и питалось иными проникновеніями, чѣмъ у насъ на землѣ. Они не стремились къ

познанію жизни такъ, какъ мы стремимся сознать ее, потому что жизнь ихъ была восполнена... И я не могъ понять ихъ знанія. Они указывали мнѣ на деревья свои, и я не могъ понять той степени любви, съ которою они смотрѣли на нихъ: точно они говорили съ себѣ подобными существами. И знаете, можетъ-быть, я не ошибусь, если скажу, что они говорили съ ними! Да, они нашли ихъ языкъ, и убѣжденъ, что тѣ понимали ихъ. Такъ смотрѣли они и на всю природу, на животныхъ и на звѣзды... У нихъ не было храмовъ, но у нихъ было какое-то насущное, живое и безпрерывное единеніе съ Цѣлымъ вселенной; у нихъ не было вѣры, зато было твердое знаніе, что когда восполнится ихъ земная радость до предѣловъ природы земной, тогда наступитъ для нихъ, и для живущихъ, и для умершихъ, еще большее расширеніе соприкосновенія съ Цѣлымъ вселенной... Иныхъ пѣсенъ ихъ, торжественныхъ и восторженныхъ, я почти не понималъ вовсе. Понимая слова, я никогда не могъ проникнуть во все ихъ значеніе. Оно оставалось какъ бы недоступно моему уму, зато сердце мое какъ бы проникалось имъ безотчетно и все болѣе и болѣе. Я часто говорилъ имъ, что я все это давно уже прежде предчувствовалъ, что вся эта радость и слава сказывалась мнѣ еще на нашей землѣ зовущею тоскою, доходившею подчасъ до нестерпимой скорби; что я предчувствовалъ всѣхъ ихъ и славу ихъ въ снахъ моего сердца и въ мечтахъ ума моего...

«Знаете ли, я скажу вамъ секретъ: все это, быть-можетъ, былъ вовсе не сонъ! Ибо тутъ случилось нѣчто такое, нѣчто до такого ужаса истинное, что это не могло бы пригрезиться во снѣ. Я до сихъ поръ скрывалъ, но теперь доскажу и эту правду. Дѣло въ томъ, что я... *развратилъ ихъ всѣхъ!*.. Какъ это могло совершиться, не знаю, не помню ясно. Какъ скверная трихина, какъ атомъ чумы, я заразилъ собою всю эту счастливую, безгрѣшную до меня землю. Они научились лгать и полюбили ложь. Затѣмъ быстро родилось сладострастіе, сладострастіе породило ревность, ревность—жестокость... Они стали говорить на разныхъ языкахъ. Они познали скорбь и *полюбили скорбь, они жаждали мученія и говорили, что истина достигается лишь мученіемъ*... Они чуть-чуть лишь помнили о томъ, что потеряли, даже не хотѣли вѣрить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смѣялись даже надъ возможностью этого прежняго ихъ счастья и называли его мечтой. Но странное и чудесное дѣло: утративъ всякую вѣру въ бывшее счастье, назвавъ его сказкой, *они до того захотѣли быть невинными и счастливыми вновь, опять, что*

пали передъ желаніями сердца своего, какъ дѣти, обоготворили это желаніе, настроили храмовъ и стали молиться своей же идеѣ, своему же «желанію», *въ то же время вполнѣ вѣруя въ неисполнимость и неосуществимость его, но со слезами обожая и поклоняясь ему* (сердечное «веселіе» и благообразіе старцевъ Макара Ивановича и отца-Зосимы?). И, однако, если бы только могло такъ случиться, чтобъ они возвратились въ то невинное и счастливое состояніе, которое они утратили, и если бы кто вдругъ имъ показалъ его вновь и спросилъ ихъ: хотятъ ли они возвратиться къ нему, *то они навѣрно бы отказались.* Они отвѣчали мнѣ: «пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы знаемъ это и плачемъ объ этомъ, и мучимъ себя за это сами, и истязуемъ себя и наказываемъ. Но у насъ есть наука, и черезъ нее мы отыщемъ вновь истину, но примемъ ее ужъ сознательно. *Знаніе выше чувства, сознаніе жизни—выше жизни. Знаніе законовъ счастья—выше счастья*» (психологическія лабораторіи «извлекателей квадратнаго корня»?). Вотъ что говорили они, и послѣ словъ такихъ каждый возлюбилъ себя больше всѣхъ... Чувство самосохраненія стало быстро ослабѣвать, явились гордецы и сладострастники. Явились религіи съ культомъ небытія и саморазрушенія ради вѣчнаго успокоенія въ ничтожествѣ (Кирилловъ?..). Наконецъ эти люди устали въ безсмысленномъ трудѣ, и на ихъ лицахъ появилось страданіе, и эти люди провозгласили, что *страданіе есть красота, ибо въ страданіи лишь мысль* (Порфирій Раскольникову: «не смѣйтесь надъ этимъ, въ страданіи есть идея!»). Они воспѣли страданіе въ пѣсняхъ своихъ. Я ходилъ между ними, ломая руки, и плакалъ надъ ними... Увы, я всегда любилъ горе и скорбь, но лишь для себя, для себя, а объ нихъ я плакалъ, жалѣя ихъ. Я простиралъ къ нимъ руки, въ отчаяніи обвиняя, проклиная и презирая себя. Я говорилъ имъ, что все это сдѣлалъ я, я одинъ. Но они лишь смѣялись надо мной. Они говорили, что получили лишь то, чего сами желали, и что все то, что есть теперь, не могло не быть».

Вотъ этотъ сонъ. Я изложилъ его очень подробно, потому что съ удивительною яркостью онъ подводитъ итогъ самымъ завѣтнымъ думамъ и настроеніямъ Достоевскаго. Авторъ какъ бы намѣренно собираетъ ихъ здѣсь всѣ воедино,—

Чтобъ произнесть имъ приговоръ
Послѣдній, страшный и безславный.

«О, теперь жизни и жизни! — пишетъ смѣшной человѣкъ, проснувшись.—Я поднялъ руки и воззвалъ къ вѣчной истинѣ; не воззвалъ, а заплакалъ; восторгъ, неизмѣримый восторгъ поднималъ все существо мое. Да, жизнь!.. Я иду проповѣды-

вать, я хочу проповѣдывать,—что? Истину, ибо я видѣлъ ее, видѣлъ своими глазами, видѣлъ всю ея славу».

Въ судорожномъ усиліи человѣкъ на мигъ выкарабкался изъ мрачнаго своего подполья — и увидѣлъ яркое солнце, увидѣлъ истину жизни.

«Потому что я видѣлъ истину, *я видѣлъ и знаю, что люди могутъ быть прекрасны и счастливы, не потерявъ способности жить на землѣ. Я не хочу и не могу вѣрить, чтобы зло было нормальнымъ состояніемъ людей.* И какъ мнѣ не вѣровать: я видѣлъ истину,—не то, что изобрѣлъ умомъ, а видѣлъ, видѣлъ, и живой образъ ея наполнилъ душу мою навѣки. Я видѣлъ ее въ такой восполненной цѣлости, что не могу повѣрить, чтобъ ея не могло быть у людей...»

Но вѣдь въ этомъ — весь Толстой, весь цѣликомъ! У него видѣли мы эту истину, и «живой образъ ея наполнилъ наши души». Разница только та, что прекрасные люди съ земли-двойника куда болѣе *скучно*-счастливы, чѣмъ люди съ нашей земли у Толстого.

Кончается разсказъ тоже совсѣмъ по-толстовски: «И *какъ это просто:* въ одинъ бы день, въ одинъ бы часъ—все бы сразу устроилось! Главное, — люби другихъ, какъ себя, вотъ что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчасъ найдешь, какъ устроиться».

Развѣ же это такъ просто? Для Толстого — да, просто. Но для Достоевскаго... Вѣдь счастливые люди съ земли-двойника, они какъ разъ любили другъ друга, какъ себя. «Была какая-то влюбленность другъ въ друга, всецѣлая, всеобщая». Однако довольно было появиться одной единственной «трихинѣ», — и вся жизнь сразу оказалась отравленной и разрушенной. А защищаться отъ одной вполнѣ заразной трихины легче, чѣмъ уничтожить трихинъ, когда ими кишитъ вся жизнь.

Если въ пониманіи человѣка правъ Толстой, то дѣло, дѣйствительно, просто: нужно только вызвать на свѣтъ ту *силу жизни*, которая безчисленными ключами бьетъ въ нѣдрахъ человѣчества. Но если правъ Достоевскій, — а самый фактъ существованія его показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени правъ онъ, — то дѣло очень и очень не просто. Въ мертвыхъ и безплодныхъ нѣдрахъ человѣчества только чуть сочатся вялыя струйки жизни, ничего изъ этихъ нѣдръ не вызовешь. Силу жизни человѣчеству предстоитъ еще *добывать*. А это—задача огромная и безмѣрно-трудная.

1910.

Авторомъ готовится къ печати „Живая жизнь", часть вторая Аполлонъ и Діонисъ (о Ницше). Прим. Редакціи.

ИЗЪ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

(Стихотворенія и фрагменты).

ИЗЪ ГОМЕРОВЫХЪ ГИМНОВЪ.

Такъ называемые „Гомеровы гимны“ относятся къ значительно болѣе поздней литературной эпохѣ, чѣмъ поэмы Гомера. Древнѣйшіе изъ нихъ сложены, вѣроятно, не раньше VII вѣка до Р. Х. Прежде чѣмъ приступить къ исполненію эпическаго произведенія, рапсодъ, въ видѣ вступленія, пѣлъ такой гимнъ, посвященный тому или другому изъ божествъ. Многіе изъ дошедшихъ до насъ гимновъ обладаютъ крупными поэтическими достоинствами.

КЪ ПАНУ.

Спой мнѣ, о, Муза, про Пана, Гермесова милаго сына.
Съ нимфами свѣтлыми онъ,—козлоногій, двурогій, шумливый,—
Бродитъ по горнымъ дубровамъ, подъ темною сѣнью деревьевъ.
Нимфы съ верхушекъ скалистыхъ обрывовъ его призываютъ,
Пана онѣ призываютъ съ курчавою, грязною шерстью,
Бога веселаго пастбищъ. Въ удѣлъ отданы ему скалы,
Снѣжныя горныя главы, тропинки кремнистыхъ утесовъ.
Бродитъ и здѣсь онъ, и тамъ, продираясь сквозь частый кустарникъ;
То онъ присядетъ надъ краемъ журчащаго нѣжно потока,
То побѣжитъ со скалы на скалу, все выше и выше,
Вплоть до макушки, откуда далеко всѣ пастбища видны.
Часто мелькаетъ онъ тамъ, на блестяще-бѣлыхъ вершинахъ,
Часто, охотясь, по склонамъ проносится, дикаго звѣря
Острымъ глазомъ слѣдя. Когда же вечеръ наступитъ,
Кончивъ охоту, беретъ онъ свирѣль, одиноко садится
И начинаетъ такъ сладко играть, что тягаться и птичка
Съ нимъ не могла бы, когда средь чащи, призывно тоскуя,
Въ пору обильной цвѣтами весны заливается пѣсней.
Звонкоголосыя къ богу сбираются горныя нимфы,

Пляшутъ возлѣ ключа темноводнаго быструю пляску,
И далекò по вершинамъ разносится горное эхо.
Самъ же онъ то въ хороводѣ идетъ, а то въ середину
Выскочитъ, топаетъ часто ногами, раскатистымъ кликомъ
Духъ поднимаетъ. И рысья за нимъ развѣвается шкура.
Такъ они пляшутъ на мягкомъ лугу, гдѣ съ травой вперемежку
Крокусы и гіацинты душистые густо пестрѣютъ.
Пѣсни поютъ про великій Олимпъ, про блаженныхъ безсмертныхъ,
И про Гермеса,—какъ всѣхъ, благодѣтельный, онъ превосходитъ,
Какъ олимпійскимъ богамъ посланникомъ служитъ проворнымъ,
И какъ въ Аркадію онъ, ручьями обильную, прибылъ,
Въ мѣсто, гдѣ высится роща его на Килленѣ священной.
Богъ,—у смертнаго мужа тамъ пасъ онъ овецъ густорунныхъ.
Тамъ, для себя незамѣтно, зажегся онъ нѣжною страстью
Къ дочери Дріопа, нимфѣ прекрасноволосой и стройной.
Скорый бракъ заключенъ. Родила Гермесу въ чертогахъ
Нимфа любезнаго сына,—поистинѣ чудище съ виду!
Былъ онъ съ рогами, съ ногами козлиными, шумный, смѣшливый.
Ахнула мать и вскочила и, бросивъ дитя, убѣжала:
Въ ужасъ пришла отъ его бородатаго, страшнаго лика.
На руки быстро Гермесъ благодѣтельный принялъ ребенка.
Очень душой веселился онъ, глядя на милаго сына.
Съ нимъ понесся отецъ въ жилище блаженныхъ безсмертныхъ.
Сына укутавши шкурой пушистою горнаго зайца.
Сѣлъ передъ Зевсомъ-властителемъ онъ межъ другими богами
И показалъ имъ дитя. Покатилися со смѣху боги.
Больше же прочихъ безсмертныхъ Вакхей-Діонисъ былъ утѣшенъ.
Всѣхъ порадовалъ мальчикъ,—и назвали мальчика Паномъ*).

Радуйся также и самъ ты, владыка! Молюсь тебѣ пѣсней.
Нынѣ жъ, тебя помянувъ, я къ пѣснѣ другой приступаю.

ИЗЪ СИМОНИДА АМОРГОСКАГО.

По волѣ, мальчикъ, Зевса тяжкогромнаго
Конецъ приходитъ къ смертному. Не сами мы
Судьбу рѣшаемъ нашу. Кратковѣчные,
Какъ овцы, мы проводимъ жизнь, не вѣдая.

---

*) По-гречески всѣ — [illegible]. Этимологія фантастическая. Имя пастушескаго бога Пана, всего вѣроятнѣе, происходитъ отъ корня „па“, лат. paseo, — пасу.

Какой конецъ намъ богъ готовитъ каждому.
Безплодно мы мятемся, и однакоже
Все тѣшимся надеждой. Кто въ ближайшій день
Ждетъ радости, а кто—въ далекомъ будущемъ.
Но каждый ждетъ,—пора придетъ желанная,
Получитъ много-много онъ богатствъ и благъ.
Одинъ же между тѣмъ печальной старостью
До времени сраженъ. Болѣзни тяжкія—
Другихъ удѣлъ. Тѣ, Аресомъ повержены,
Низводятся Аидомъ въ землю черную.
Тѣ въ морѣ ураганомъ настигаются
И въ яростныхъ пучинахъ волнъ пурпуровыхъ
Находятъ смерть, хотя могли бъ пожить еще.
А тѣ въ петлѣ кончаютъ жизнь злосчастную
И съ солнцемъ разстаются волей собственной.
Нейдетъ изъ бѣдствій мимо ни единое.
Но тысячи страданій, золъ и горестей
Повсюду стерегутъ людей. По-моему,—
Ни къ бѣдствіямъ стремиться намъ не нужно бы,
Ни духомъ падать, разъ они постигли насъ.

О мертвомъ, если бъ были мы разумнѣе,
Не дольше бъ горевали мы, какъ день одинъ.

ИЗЪ АЛКЕЯ.

Орошай виномъ желудокъ: совершило кругъ созвѣздье,
Время тяжкое настало, все кругомъ отъ зноя жаждетъ.
Мѣрно нѣжная цикада стонетъ въ листьяхъ, изъ-подъ крыльевъ
Пѣснь ея уныло льется, между тѣмъ какъ жаръ жестокій,
Надъ землею разстилаясь, все палитъ и выжигаетъ.
Зацвѣтаютъ артишоки. Въ эту пору жены грязны,
И мужчины слабы: сушитъ имъ и головы, и ноги
Жаркій Сиріусъ...

Пусть же муромъ польютъ
голову мнѣ,
много страдавшую,
И сѣдины груди...

Дожди бушуютъ. Стужей великою
Несетъ отъ неба. Рѣки всѣ скованы.

. . . . . .

. . . . . .

Прогонимъ зиму. Ярко пылающій
Огонь разложимъ. Щедро мнѣ сладкаго
Налей вина, потомъ подъ щёку
Мягкую мнѣ подложи подушку.

(Точками обозначены стихи, утерянные въ подлинникѣ).

Сафо фіалкокудрая, чистая,
Съ улыбкой нѣжной! Очень мнѣ хочется
Сказать тебѣ словцо тихонько,
Только не смѣю: мнѣ стыдъ мѣшаетъ.

ИЗЪ САФО.

(Отвѣтъ Сафо на предыдущее стихотвореніе Алкея).

Когда бы чисты были желанія,
И не позорно было бъ словцо твое,
То стыдъ зрачковъ твоихъ не скрылъ бы,
Прямо сказалъ бы ты все, что̀ хочешь.

Сверху низвергаясь, ручей прохладный
Шлетъ сквозь вѣтви яблонь свое журчанье,
И съ дрожащихъ листьевъ кругомъ глубокій
Сонъ нистекаетъ.

Луна и Плеяды скрылись.
Давно наступила полночь.
Проходитъ, проходитъ время...
А я; се одна въ постели.

Вѣкомъ охватъ,
Дѣва моя,
волны кудрей прекрасныхъ!
Парни для вѣнка
нѣжной рукой
свѣжихъ укропа вѣтокъ.
Гдѣ много цвѣтовъ,
тѣшится тамъ
сердце боговъ блаженныхъ,
Отъ тѣхъ же она,
кто безъ вѣнка,
прочь отвращаетъ взоры.

ИЗЪ АЛКМАНА.

Милыя дѣвы-пѣвицы съ голосомъ сладкимъ! Не держатъ
Ноги больше меня. О, если бъ мнѣ быть зимородкомъ!
Носится съ самками онъ надъ волнами, цвѣтущими пѣной,
Тяжкихъ не зная заботъ, весенняя птица морская.

Златокудрая Мегалострата, въ дѣвахъ
Блаженная, явила намъ
Этотъ даръ сладкогласныхъ Музъ.

Часто на горныхъ вершинахъ, въ то время, какъ
праздникъ блестящій тѣшилъ безсмертныхъ
Въ чашу изъ золота, въ кружку огромную,—
у пастуховъ подобныя кружки, —
Выдоивъ львицу рукою безтрепетной,
сыръ ты готовила острый, великій
Аргоубійцѣ...

(Изображается мэнада. Аргоубійца здѣсь—Вакхъ).

Спятъ вершины высокія горъ и безднъ провалы,
Спятъ утесы и ущелья,
Змѣи, сколько ихъ черная всѣхъ земля ни кормитъ,
Густые рои пчелъ, звѣри горъ высокихъ,
И чудища въ багровой глубинѣ морской.
Сладко спитъ и племя
Быстро-летающихъ птицъ.

ИЗЪ ИВИКА.

Эросъ влажно-мерцающимъ взглядомъ очей своихъ черныхъ
глядитъ изъ-подъ вѣкъ на меня
И чарами разными въ сѣти Киприды
Крѣпкія вновь меня ввергаетъ.
Дрожу и боюсь я прихода его;
Такъ на бѣгахъ отличавшійся конь неохотно подъ старость
Съ колесницами быстрыми на состязанье идетъ.

ИЗЪ СТЕСИХОРА.

...Больше всего
Игры и пѣсни пріятны Аполлону.
Горе и тяжкіе стоны—Аида удѣлъ.

...Вотъ почему Тиндарей,
Богамъ принося свои жертвы, лишь о Кипридѣ не вспомнилъ
Нѣжнодарной. Въ гнѣвѣ, дочерей его
Двубрачными сдѣлала и трибрачными всѣхъ богиня,
И мужебѣжными...

ИЗЪ ПЛАТОНА.

(Къ Праксителевой статуѣ Афродиты Книдской).

Въ Книдскомъ храмѣ Киприду увидѣвъ, сказала Киприда:
«Гдѣ жъ это могъ увидать голой меня Праксителъ?»

ИЗЪ ЭЗОПА.

Жизнь! Какъ уйти отъ тебя безъ смерти? Повсюду ты сѣешь
Тысячи бѣдъ. Избѣжать трудно ихъ, трудно нести.
Что по природѣ прекрасно, лишь то въ тебѣ радуетъ,—солнца,
Мѣсяца круговороть, звѣзды, земля и моря.
Все остальное—страданье и страхи. И если случится
Радость кому испытать,—вслѣдъ Немезида идетъ.

ИЗЪ ѲЕОГНИДА.

Зевсовы дѣвы, Хариты и Музы! На Кадмовой свадьбѣ
Слово прекрасное вы нѣкогда спѣли ему:
«Все, что прекрасно, то мило, а что не прекрасно, - не мило».
Изъ божественныхъ устъ эти слова изошли.

Киринъ! Не самъ человѣкъ—творецъ своей жизненной доли.
Счастье и бѣдствія шлютъ боги-податели намъ.
Знаетъ ли кто изъ людей, стремясь къ задуманной цѣли,
Что достиженіе дастъ,—благо иль тяжкое зло?

Часто мы думаемъ зло сотворить,—и добро совершаемъ;
Думаемъ сдѣлать добро,—зло причиняемъ взамѣнъ.
И никогда не сбывается то, чего смертный желаетъ.
Жалко-безпомощенъ онъ, силы ничтожны его.
Тщетно мы, люди, гадаемъ и ждемъ. Ничего мы не знаемъ.
Все совершается такъ, какъ порѣшитъ божество.

Словъ заносчивыхъ, Кирнъ, избѣгай: не вѣдаетъ смертный,
Что̀ уготовилъ ему день приходящій и ночь.

Нѣтъ никого средь людей, кто былъ бы блаженъ иль несчастливъ,
Былъ бы добръ или золъ безъ изволенья боговъ.

Разное горе у разныхъ людей. Но сколькихъ ни видитъ
Солнце, счастливаго нѣтъ между людей никого.

Кто богами любимъ, того и насмѣшники хвалятъ.
Все же старанье твое не приведетъ ни къ чему.

Милый Зевсъ! Удивляюсь тебѣ: всему ты владыка,
Всѣ почитаютъ тебя, сила твоя велика,
Вѣдаешь ты хорошо и души, и помыслы смертныхъ,
Высшею властью надъ всѣмъ ты обладаешь, о, царь!
Какъ же, Кронидъ, допускаетъ душа твоя, чтобъ нечестивцы
Участь имѣли одну съ тѣми, кто правду блюдетъ,
Чтобы равны тебѣ были разумный душой и надменный,
Въ несправедливыхъ дѣлахъ жизнь проводящій свою?

Въ жизни безсмертными намъ ничего не указано точно,
И неизвѣстенъ намъ путь, какъ божеству угодить.

Лучшая доля для смертныхъ—на свѣтъ никогда не родиться
И никогда не видать яркаго солнца лучей.
Если жъ родился,—войти поскорѣе въ ворота Аида
И глубоко подъ землей въ темной могилѣ лежать.

Царь великій безсмертныхъ! Какъ можно признать справедливымъ,
Что справедливѣйшій мужъ, чуждый неправедныхъ дѣлъ,
Не совершившій грѣха и ложныхъ клятвъ не дававшій,

Терпитъ въ жизни своей незаслужённую скорбь?
Кто же, кто жъ изъ смертныхъ, глядя на все это, сможетъ
Чтить безсмертныхъ боговъ? Что перечувствуетъ онъ,
Видя, какъ злой человѣкъ, человѣкъ, не знающій страха
Ни передъ гнѣвомъ людей, ни передъ гнѣвомъ боговъ,
Гордый, кичится надменно богатствомъ безмѣрнымъ, а честный
Въ бѣдности жалкой влачитъ темные, тяжкіе дни?

1911—1912.

Оглавленіе

III тома.

Звѣзда. Восточная сказка . . . . . .
Мать. Изъ записной книжки . . . . . .
Паутина . . . . . .
Проѣздомъ . . . . . .
Въ путахъ . . . . . .
На высотѣ . . . . . .
Къ жизни. Повѣсть . . . . . .
Живая жизнь. Часть первая. О Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ.
I. „Человѣкъ проклятъ“ (О Достоевскомъ) . . . . . .
II. „Да здравствуетъ весь міръ!“ (О Львѣ Толстомъ). . . .
III. Противоположные . . . . . .

Изъ древне-греческихъ поэтовъ.

Стихотворенія и фрагменты.

Изъ Гомеровыхъ гимновъ. Къ Пану . . . . . .
Изъ Симонида Аморгоскаго . . . . . .
Изъ Алкея . . . . . .
Изъ Сафо. . . . . .
Изъ Алкмана . . . . . .
Изъ Ивика . . . . . .
Изъ Стесихора. . . . . .
Изъ Платона . . . . . .
Изъ Эзопа . . . . . .
Изъ Ѳеогнида . . . . . .

460104
LR Smidovich, Vikenty Vikentievich
S6396 Полное собраніе сочиненій В.В. Вересаева
[pseud.] т.3
[Translit.: Polnoe sobranie sochineny ... v.3.]

DATE | NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED